МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ЭКОНОМИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

ЮРИДИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

ПРАВО И СОВРЕМЕННАЯ ЭКОНОМИКА: НОВЫЕ ВЫЗОВЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ В УСЛОВИЯХ ПАНДЕМИИ

Сборник материалов
IV Международной научно-практической конференции
юридического факультета СПбГЭУ

Санкт-Петербург

8 апреля 2021 года

Под научной редакцией кандидата юридических наук,
доцента Н.А. Крайновой

ИЗДАТЕЛЬСТВО
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ЭКОНОМИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
2021

ББК 67
П68

П68 **Право** и современная экономика: новые вызовы и перспективы в условиях пандемии : сборник материалов IV международной научно-практической конференции юридического факультета СПбГЭУ. Санкт-Петербург 8 апреля 2021 г. / под науч. ред. канд. юрид. наук, доцента Н.А. Крайновой. – СПб. : Изд-во СПбГЭУ, 2021. – 424 с.

ISBN 978-5-7310-5473-7

В сборнике опубликованы научные материалы выступлений участников IVмеждународной научно-практической конференции «Право и современная экономика: новые вызовы и перспективы в условиях пандемии», состоявшейся на юридическом факультете Санкт-Петербургского государственного экономического университета 8 апреля 2021 года.

Доклады участников конференции из России, Италии, Германии, Беларуси, Молдовы и других стран охватывают проблемные вопросы правового регулирования мировой, зарубежной и российской экономики, рассмотренные с теоретической и практической сторон в условиях постпандемийной реальности.

Сборник рассчитан на широкий круг читателей, интересующихся юридической наукой, студентов, аспирантов и профессорско-преподавательского состава университетов, обучающихся по юридическим специальностям, практических работников и всех, интересующихся правовыми проблемами.

ББК 67

Редакционная коллегия: Абрамова Е.Н. – доцент кафедры гражданского и корпоративного права, и.о. зав. кафедрой предпринимательского и энергетического права, канд. юрид. наук, доцент; **Андреева Е.М.** – зав. кафедрой финансового права, д-р юрид. наук, доцент; **Бернацкий Г.Г.** – зав. кафедрой теории и истории государства и права, д-р юрид. наук, профессор; **Крайнова Н.А.** – декан юридического факультета, канд. юрид. наук, доцент; **Новиков А.Б.** – зав. кафедрой конституционного и административного права, д-р. юрид. наук, доцент; **Смирнов В.И.** – зав. кафедрой гражданского и корпоративного права, канд. юрид. наук, доцент; **Хлебушкин А.Г.** – зав. кафедрой уголовного права и уголовного процесса, д-р. юрид. наук, доцент

ISBN 978-5-7310-5473-7

© СПбГЭУ, 2021

ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ

Вильфрид Бергманн,
член ученого совета Европейской академии наук и искусств,
руководитель рабочей группы «Наука и образование»
Форума «Петербургский диалог» с германской стороны

ПРИВЕТСТВЕННОЕ СЛОВО
(стенограмма выступления)

Уважаемые коллеги, добрый день! Приветствую всех участников международной конференции «Право и современная экономика: новые вызовы и перспективы в условиях пандемии», проводимой в Санкт-Петербургском государственном экономическом университете. Я очень рад, что коллеги из Италии также принимают участие в этой конференции, т.к. Италия имеет в Европе очень большой опыт как руководить и как курировать эту пандемию. Два года назад мы не знали, что будем говорить о пандемии. В Германии это сейчас актуальный спор, потому что будут федеральные выборы. Германия имеет очень много способов регулирования по всем вопросам военного конфликта. Но регулирования по вопросам пандемии, по другим вопросам, иным ситуациям в обществе практически на федеральном уровне пока нет, и начинается этот спор: какие у кого компетенции, какие у федеративных субъектов, кто имеет какие полномочия. Это актуальный вопрос сейчас в Германии, и это не только политический и научный вопрос, это и вопрос политической власти.

Вы уже знаете, что Ангела Меркель не будет выставлять кандидатуру на следующий срок в Бундестаг в сентябре. И поэтому данная дискуссия – это не только научная дискуссия. Эта дискуссия на тему того, кто какую власть будет иметь после сентября в Германии. Пандемия – самая главная тематика по всей этой проблеме. Поэтому здесь надо каждый день принимать новые решения. Одна из самых больших проблем в Германии – это спор: должно быть единое регулирование для всей страны или для Баварии, северной Германии и других регионов нужно разное регулирование, так как количество заболевших разное по всей Германии. Северная Германия практически имеет немного проблем с заболевшими, в отличие от Южной. В середине ситуация складывается по-разному. Поэтому, для университетов, работа которых в Германии организована на основе законодательства федеративных субъектов, но не на основе законодательства федерации, есть очень много открытых вопросов, как реагировать на эту ситуацию. Я вчера был в ученом совете Боннского университета и там поднимался один из таких вопросов. Как мы можем принимать студентов, новых студентов, как проводить их сертификацию, как будут проходить

университетские экзамены. Практически все наше научное сотрудничество в университете осуществляется только по видеосвязи. Это порождает очень много проблем для людей, которые должны работать с университетом, которые должны писать дипломные работы или другие научные работы. И никто до сегодняшнего момента не смог для всей Германии назвать способ регулирования таких вопросов.

На следующей неделе должен решиться принципиальный вопрос: нужен нам новый федеральный закон для этого или можно это сделать через общее регулирование. Федеральное правительство и несколько федеративных субъектов стоят на позиции: «Да, надо принять федеральный закон». Многие другие говорят: «Нет, возможно среагировать на ситуацию на региональном уровне и поэтому не надо принимать федеральный закон. То, что хорошо для Баварии, не обязательно будет хорошо в Гамбурге».

Этот спор должен будет решиться на следующей неделе. Думаю, будут найдены компромиссы, как например федеральный рамочный закон, который будет определять границы для конкретных шагов на уровне федеративных субъектов и на уровне университета. С другой стороны, университеты самостоятельно могут решить многие вопросов, но не в их компетенции вопросы о том, как реагировать на пандемию. Это тоже открытый вопрос. Поэтому я благодарю СПбГЭУ за организацию этой научной конференции, на которой рассматриваются такие вопросы. Это очень актуально, поскольку есть много открытых вопросов. И, к сожалению, после каждого вопроса появляется десять новых вопросов. У меня есть большая надежда, что у нашей конференции будут хорошие результаты, интересные дискуссии и очень много новых идей. Я вам желаю крепкого здоровья и интересных докладов! Спасибо большое!

Аверченко Н.Н., *старший вице-президент*
по правовым и административным
вопросам Фонда «Сколково», к.ю.н.
Хорин И.С*., студент 2 курса*
факультета мировой политики,
Московский государственный университет
имени М.В. Ломоносова

РОБОТЫ: НА ПУТИ ОТ ПРАВООБЪЕКТНОСТИ К ПРАВОСУБЪЕКТНОСТИ

В докладе рассматривается тема правосубъектности роботизированной автономной техники, оцениваются перспективы развития направления и обсуждается проблематика синхронизации статуса потенциально новых субъектов права и законодательной базы.

Современный мир и человек все больше пытается автоматизировать процессы межличностной коммуникации, производства и распределения товаров и услуг, используя антропоморфную разумность как средство достижения поставленной цели. Пандемия оказала существенное влияние на работу всего мира, нашей страны, инновационного центра «Сколково». Стремительно развиваются новые технологии, внедрение которых влечет за собой формирование соответствующих подходов и норм в законодательстве.

В 2020 г. на территории инновационного центра «Сколково» компанией «Яндекс» было запущено беспилотное средство доставки почты, продуктов питания, медикаментов. Данное беспилотное устройство – роботизированная система, самостоятельно передвигающаяся по специально выделенным траекториям и оценивающая дорожную обстановку. В ходе реализации проекта по разработке и внедрению в эксплуатацию беспилотного средства накоплен определенный технологический и правовой опыт.

В соответствии с действующим ГОСТом понятие «робот» определятся через термин «устройство», исполнительный механизм, программируемый по двум или более степеням подвижности, обладающий определенной степенью автономности и способный перемещаться во внешней среде с целью выполнения задач по назначению.

Мы относим термин «робот» к понятию вещей, основываясь на классических признаках вещи и универсальности определения «вещи» как материального предмета. При этом это вещи особого рода, их режим характеризуется промежуточным положением между правообъектностью и правосубъектностью. Все явления правового материального мира претерпевают переход от правосубъектности к правообъектности и наоборот; на примере роботов это особенно заметно.

Условиями признания любого материального внешнего объекта субъектом права являются автономность воли, способность нести юридическую ответственность и политико-правовая целесообразность.

Приводя примеры признания природных явлений, отдельных явлений материального мира субъектами права, автор отмечает, что тенденция признания субъектами права новых явлений и предметов усматривается сегодня в сфере цифровой экономики. Так, ряд стран признают ограниченную правосубъектность за животными; в Саудовской Аравии присвоено подданство роботу; многими обсуждается вопрос о признании робота субъектом права.

В контексте обсуждения темы придания роботам свойств субъекта права поднимаются вопросы о том, что такое критерии воли и каким образом будет обеспечена кибербезопасность. Рассматриваются термины «искусственный интеллект» и «антропоморфная разумность».

Определяются перспективы переосмысления понятия человеческого тела и спорность правовой квалификации нового термина «улучшенный человек», определяются основные вопросы, связанные с появлением этого термина.

В 2020 г. был принят Федеральный закон «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации». Этот закон позволяет в осторожном тестовом режиме «регуляторной песочницы» внедрять правовое регулирование, законодательно оформлять отношения, отражающие качественно новый технологический уровень развития исходя из трех ограничений: по кругу лиц, пространству и времени. В случае признания результатов эксперимента удачным регулирование из экспериментального, специального станет общим. Одними из приоритетных направлений экспериментального правового регулирования являются как раз искусственный интеллект и робототехника.

В нашей истории уже имеются прецеденты необходимости быстрой трансформации законодательной базы под новые реалии. Сейчас Россия наряду со всем миром стоит на пороге аналогичного преобразования, успешная реализация и дальнейшее развитие которого откроет дверь в общество будущего.

Белов С.А.*, к.ю.н., доцент, декан*
Юридического факультета СПбГУ,
заведующий кафедрой конституционного права СПбГУ

ЧЕМ ПРАВО МОЖЕТ ПОМОЧЬ ЭКОНОМИКЕ В НОВОЙ ПОСТ-КОВИДНОЙ РЕАЛЬНОСТИ?

Основной предмет обсуждения сегодня – вопросы на стыке права и экономики, связанные с экономическими последствиями пандемии COVID-19. Оценки экономистов – как отечественных, так и зарубежных, в отношении изменений в экономике, тем более радикальных изменений, очень разные. Они варьируются от утверждений, что ничего не поменялось, все экономические отношения сохраняются, только старые институты требуют некоторой адаптации к небольшим изменениям, которые произошли и которые скоро почти сойдут на нет, до совершенно радикальных – что экономика никогда не будет прежней, наступила новая реальность и эта новая реальность будет совершенно не похожа на прежнюю, доковидную.

Наибольшие обсуждения и наибольшее опасение вызывает переосмысление баланса между свободой и безопасностью. Сама по себе проблема такого баланса, конечно, – проблема вечная для любого общества и для права в любом обществе. Но именно в ковидные времена случилось

так, что государство позволило себе во многих случаях устанавливать такие ограничения, которые раньше казались немыслимыми. Например, введение выездных виз в Канаде, Австралии и некоторых странах Европы теперь не выглядит чем-то фантастическим и совершенно нереальным, как это выглядело несколько лет назад. Уже один этот факт показывает, что государство может теперь устанавливать очень серьезные ограничения, ссылаясь на необходимость обеспечения безопасности общественного здоровья и стремясь ограничить распространение каких-нибудь заразных заболеваний. Идея о том, что государства могут ограничивать перемещение и закрывать границы во время сезонной эпидемии гриппа ежегодно, тоже перестала выглядеть чем-то нереальным.

Экономисты больше всего обращают внимание на снижение экономического роста, даже не просто снижение роста, а вообще падение производства и рецессию экономической активности. Понятно, что постепенно эта активность будет возобновляться, но сейчас рецессия имеет довольно отчётливые социальные последствия и влияет в том числе на уровень социальной защиты, на уровень безработицы.

Одним из очевидных последствий этой ситуации, как подчеркивается в экономической литературе, становится значительное усугубление социального неравенства, которое может иметь несколько отсроченный, даже долгосрочный эффект. Например, в некоторых школах некачественно организованное в условиях пандемии дистанционное обучение приведет к значительному разрыву в подготовке школьников из обеспеченных и малообеспеченных семей, что неизбежно скажется в дальнейшем на их профессиональной карьере и их экономическом благополучии.

В отношении структурных изменений в экономике высказываются мнения, что будут изменяться модели организации бизнес-процессов и, в частности, распределенная модель будет замещать централизованную модель, сильно уменьшится рынок аренды офисных и производственных помещений. Предполагается, что будет некоторым образом распределена рабочая сила и больше использоваться удаленный и домашний труд. Но здесь социальные риски, может быть, не так велики, это лишь некоторое изменение условий экономической деятельности и характера экономических отношений.

В отношении последствий макроэкономического уровня есть только некоторые предположения, что рынок будет более сегментирован и некоторые единые товарные рынки или рынки услуг будут разделены, а некоторые глобальные экономические связи будут ослаблены.

Почти половина нашей конференции посвящена цифровизации. Конечно, цифровизация в пост-ковидную эпоху перешла на качественно другой уровень. Звучат мнения, что цифровизация не просто меняет стиль наших экономических отношений, но меняет в некотором смысле даже систему ценностей, потому что меняются предпочтения – цифровые блага

становятся более значимыми, чем они были в доковидную эпоху. Соответственно это всё порождает определенные глобальные вызовы для государственной политики и системы правового регулирования.

Во-первых, среди таких вызовов – необходимость переосмысления роли и пределов вмешательства государства в социальные и экономические процессы, в частности, более жесткое регулирование, более серьезный контроль, более жесткие меры ограничения.

Во-вторых, ослабление глобальных связей влечет возврат экономики в национальные границы, а экономическое сотрудничество в мировых масштабах, по крайней мере временно, возвращается на несколько десятилетий назад, заставляя отступать от системы глобального правового регулирования. Меры, которые предпринимаются по борьбе с ковидом, явно носят главным образом национальный характер, и в этом отношении тоже меняют общую архитектуру права и характер правового регулирования. Влияние международного права в части регулирования экономических отношений ослабевает.

С одной стороны, государства будут иметь больше возможностей влиять на ситуацию, а с другой стороны, к государству предъявляются повышенные требования. Если до ковида только в отдельных странах, сохранявших патерналистские и социалистические отношения, граждане ориентировались на возможность получить действительно широкую социальную поддержку и социальную защиту от государства, то в постковидную реальность уже гораздо больше людей смотрят на свои государства с надеждой и ожиданием, что они в рамках своей фискальной, социальной политики будет предпринимать меры по защите разных социальных интересов и восстановление экономики будет осуществляться одновременно с мерами государственного вмешательства и социальной поддержки.

Может ли в этой в этих социальных процессах участвовать право? Для ответа на этот вопрос прежде всего нужно сделать в чем-то методологическую, в чем-то философско-ценностную – оговорку. Если право считать только неким инструментом, который оформляет экономические решения и лишь фиксирует те решения, которые принимают государственные органы, решения политические по своей сути, то, конечно, ожидать от права значительного вклада в решение социальных задач вряд ли возможно. Но если право воспринимать как носитель определенной системы ценностей, определенный инструмент поиска баланса разных социальных интересов, социального равновесия, как механизма защиты разных интересов, которые должны так или иначе быть учтены в социальной политике, то в этом случае, конечно, право становится способом решения многих социальных проблем, в том числе и постковидной экономики.

Как новая реальность должна переосмысливаться с точки зрения тех социальных стандартов и того социального устройства, которое суще-

ствовало раньше? Эта задача должна решаться с участием права, его системы ценностей, живого права, которое будет реагировать на конкретные ситуации и предлагать свои ответы на те вызовы и те проблемы, которые возникли в постковидной реальности.

Поиск баланса между свободой и безопасностью, который переосмысливается – это задача права, изначально для него существовавшая при самом его возникновении в качестве социального регулятора. Сегодня право обладает некоторым инструментарием для поиска такого баланса. Принцип пропорциональности, который активно применяется в административном и в конституционном праве, как раз и обеспечивает решение этой задачи. Конечно, право не может определять государственную политику. Право устанавливает только требования, предписания, ограничения для государственной политики. Но устанавливая ограничения и предъявляя определенные требования к государству и государственным органам, право как раз и обеспечивает решение тех самых социальных задач, разрешения новых экономических проблем в новой социальной реальности.

Право способно регламентировать порядок принятия решений. Тот самый порядок, который позволяет в рамках дискурсивной, аргументативной практики эффективно находить баланс разных интересов и обеспечивать им защиту. В этом отношении, например, парламентский порядок принятия решений о введении тех или иных ограничений – это то, на чем право должно настаивать, потому что именно парламентские процедуры как раз обеспечивают такой баланс.

В реальности можно рассчитывать на право в виде судебных оценок конкретных мер и конкретных ситуаций. В первую очередь живое право в обществе – это та судебная практика, те акты, которые суды выносят применительно к конкретным социальным спорам и конфликтам. Еще в период действия коронавирусных ограничений ряд государств столкнулся с тем, что суды оценивали введенные государственными органами ограничения и разные меры по борьбе с коронавирусом. Можно привести конкретный пример. Постановление, которое Конституционный Суд РФ вынес 25 декабря 2020 г., вызвало очень много споров и обсуждений, потому что Конституционный Суд, с одной стороны, констатировал формальное нарушение закона решениями органов власти Московской области по введению антиковидных ограничений, а с другой стороны посчитал, что с точки зрения конституционного баланса интересов и ценностей это было оправданно и потому правомерно. В конечном счете суд поддержал эти меры, хотя формально у него таких оснований было немного.

Ряд других стран тоже столкнулись с тем, что граждане инициировали разного рода судебные разбирательства. Суды соответственно на них реагировали. В некоторых странах происходили отмены или ограничения тех действий или тех актов, которые принимались государственными орга-

нами. Много обсуждалось намерение граждан США возбудить дела против Китая и против конкретных лиц в Китае, которые «спровоцировали» мировую пандемию. Конечно, это выглядит достаточно странно, особенно с учетом различий в юрисдикциях и пределах национальных юрисдикций.

Уже после или за пределами самих ограничений, которые вводились для предотвращения распространения инфекции, появился ряд судебных актов, которые фактически реагируют на изменение новой реальности. Достаточно характерен пример решения Верховного Суда РФ, который защищал право сотрудников медицинских бригад на специальные выплаты, даже если они непосредственно не сталкивались с больными, но выполняли трудовые функции, связанные с оказанием медицинской помощи в условиях пандемии. С точки зрения суда это требует со стороны государства распространения на них соответствующих мер защиты. В Германии государственные органы пообещали вакцинированным гражданам особые привилегии, возможность ходить по магазинам и путешествовать, что выглядело достаточно странно и даже немного нелепо, если смотреть на это глазами человека из доковидной эпохи. И в то же время вполне естественно и логично, если смотреть в контексте того, как мы живём после ковида.

Очень интересно, чем закончится дело в окружном суде штата Массачусетс: студент Гарвардской школы права обратился с иском к университету, требуя, чтобы ему снизили размер платы за обучение и доказывая, что дистанционное обучение не обеспечивает того качества подготовки, которое обеспечивает обучение реальное. В нашей стране тоже есть попытки инициировать подобные дела, и, конечно, здесь речь не идет только об образовании как таковом. Речь идет об оценке того, насколько новая цифровая реальность может быть приравнена к реальности не цифровой, реальности доковидной, и можем ли мы переносить оценки (в том числе – экономические оценки, ведь речь идет об оплате за обучение, о стоимости определенной услуги) из прошлой реальности в новую реальность.

***Ермоленко А.С**., и.о. зав. кафедрой*
практической Юриспруденции МГЮА,
к.ю.н., партнер ФБК Legal

КОНСТИТУЦИОННЫЕ ПРАВА: COVID, НОВАЯ РЕАЛЬНОСТЬ
(стенограмма выступления)

Я хочу начать с двух благодарностей. Во-первых, действительно, я долго преподавал конституционное право России и конституционное право зарубежных стран, но последние пару лет я этим не занимаюсь. Для меня это очень ценная возможность поговорить про Конституцию и

конституционное право, поэтому я благодарен организаторам, Юридическому факультету Санкт-Петербургского государственного экономического университета, за саму возможность поговорить о Конституции.

Во-вторых, я безмерно благодарен Сергею Александровичу (Белову) за его доклад, потому что, во-первых, много из того, что он сказал, все вот эти приметы времени, которые он перечислил, и проблемы, которые он поставил, я тоже про это все хотел сказать.

И теперь, когда это все уже произнесено и обозначено, я имею возможность, так скажем, стоя на плечах гиганта, порассуждать в продолжение того, о чем Сергей Александрович говорил. Мне кажется, что этот условно «коронавирусный год», и все, что произошло с государством и правом на наших глазах – еще незаконченный процесс. И тем не менее все, что мы можем зафиксировать – говорит о кризисе конституционной идеи как таковой.

Я сейчас не беру естественно поправки в Конституцию Российской Федерации и весь случай со всенародным голосованием, потому что Россия не является, к сожалению, или, к счастью, флагманом конституционного движения и конституционной идеи. Россия в данном случае не на главных ролях, то есть, Россия идет в фарватере более развитых в конституционном плане стран в плане решения конституционных проблем.

Приходится зафиксировать, что именно в этих странах, в этих продвинутых правопорядках можно зафиксировать кризис конституционной идеи как таковой, потому что вот этот баланс между свободой и безопасностью, о которой упоминал Сергей Александрович, переосмысливается.

На мой взгляд, все достаточно осмысленно уже давно, и, я бы сейчас не хотел прибегать к афоризмам Бенджамина Франклина. В какой-то мере, можно сказать, что появление в середине 20 века тоталитарных режимов это тоже был своего рода ответ на ужасы начала 20 века. Выбор между свободой и безопасностью в этом формате привел к проникновению государства в детали частной жизни, но потом мы (как цивилизация) как бы решили, что мы (человечество) решили, что так не годится и после Второй Мировой войны были приняты так называемые современные европейские Конституции, в которых была предпринята попытка установить баланс между частным и публичным.

Мы, с одной стороны, провозглашаем неприкосновенность прав человека, а с другой стороны создаем институты, которые призваны защитить права человека на надгосударственном уровне тоже, например, ЕСПЧ и другие. При этом мы монтируем в Конституцию такие механизмы, которые в случае возникновения чрезвычайных ситуаций, в случае конфликта между опять же свободой и безопасностью (конституционное право же в целом про свободу: как человеку быть свободным в обществе), позволят этот конфликт сбалансировать.

На мой взгляд, следует признать, что конечно же эти механизмы не сработали в случае с коронавирусом. Опять же, я сейчас не говорю про Россию или про Китай, я говорю про Запад, про «Золотой миллиард». Вот это, к сожалению, приходится признать, потому что основное, что было придумано, если это выразить схематично, обобщая опыт нескольких Конституций, то в целом идею ограничения конституционных прав (исходя из имеющихся текстов) возможно реализовать, во-первых, представительной властью (Парламентом), во-вторых, ограничения возможны в определенных целях, при этом заранее декларируемых, и в-третьих, ограничения конституционных прав возможны лишь на время.

Можно сказать, что практически ни в одной стране, во всяком случае может Сергей Александрович меня поправит, но мне неизвестно, чтобы бы в какой-либо стране был задействован парламентский способ введения чрезвычайной ситуации. Получается, что во всех странах государство как бы отступило на шаг назад в сторону увеличения административного регулирования.

Даже там, где это делали президенты в рамках конституционной процедуры, все равно это больше похоже на увеличение административного контроля. Конечно, мы понимаем, что административное регулирование в целом является более простым и исторически идет впереди конституционного, то есть для того, чтобы именно конституционное регулирование ограничения прав задействовать, нужно иметь достаточно сложные государственные механизмы. То есть необходимо понимание процесса, культуры, осознание процедуры – вот это вот все при быстром, жестком столкновении с реальностью не сработало. Поэтому ограничения всегда были решениями исполнительной власти, они всегда были достаточно простыми с точки зрения конституционной решительности.

Опасность такова, что мы вынуждены идти на очень жесткие меры, при этом идем к ним сразу. Можно было сказать более аккуратно, но поскольку Сергей Александрович уже все произнес, то я скажу менее аккуратно. На мой взгляд, здесь совершенно очевидным образом в угоду безопасности были очень сильно ограничены конституционные свободы. Мы также можем сказать, что процесс ограничений был сложным процессом и в нем нужно искать баланс, но также нужно сказать, что этот баланс практически нигде не поискали.

Действительно, сейчас в рамках судебных процедур уже постфактум баланс ищется, и, если будет решено, что где-то государство перешло границы, превысило свои полномочия, то, наверное, какие-то меры будут приняты. Но эти меры не приняты по факту, не приняты в тот момент, когда должны были сработать конституционные механизмы, именно в самый ответственный момент сработали механизмы самые примитивные.

Здесь, естественно, актуализируется вопрос о том, почему так происходит, что все это означает?

Мне кажется, что здесь есть эффект маятника, ведь мы можем сказать, что конец 18 века в конституционном плане или конец 19 века– это два абсолютно разных периода и здесь очевидно есть какое-то колебание из стороны в сторону.

Если мы говорим про середину 20 века, про период между мировыми войнами, то это тоже своего рода маятник. Подобное колебание между свободой и безопасностью происходит постоянно. Но важны вопросы о том, в чем новизна колебания, которое происходит сейчас? Почему люди так легко готовы от этого отказаться?

Во-первых, действительно есть некоторая привычка к конституционным правам, то есть мы перестаем замечать, что для нас естественно то, чем мы легко пользуемся. И действительно в странах Европы, Северной Америки, о чем Сергей Александрович говорил, люди уже органично к этому привыкли, это уже как воздух – то, что просто есть, и они это ценят.

Во-вторых, технологические возможности, когда мы говорим об ограничении прав, надо учитывать, что одно из самых заметных и наиболее возмутительных вмешательств в частную жизнь – сбор информации о частной жизни лица или попросту слежка.

Для слежки, для вмешательства такого рода в личную жизнь, сейчас гораздо больше технологических средств, чем это было 50 лет назад. Это очевидно, и, даже нет смысла еще раз проговаривать. И получается, что государство в ситуации тотального испуга сразу схватилось за эти способы и воспользовались ими. Всякие цифровые пропуска, информация с камер, когда говорят, что человек в Европе каждые 9 секунд попадает в поле зрения одной из уличных камер. Все это было задействовано. Можно сказать, что мы как бы окунулись на какое-то время, надо признать, действительно в интересах безопасности, но тем не менее, в новый цифровой тоталитаризм.

Действительной опасностью на сегодняшний день является то, что мы не сделали выводов, что так делать было нельзя. Возможно, мы еще сделаем эти выводы, но сейчас такая повестка на самом деле нигде не звучит. Самый жесткий вывод с конституционной точки зрения – это, что об этом, в первую очередь, нужно подумать.

Стоит подумать, нужно ли нам это в дальнейшем, ведь с точки зрения классической конституционной идеи так просто нельзя. Я, когда начинал изучать Конституционное право, то читал учебник Страшуна по конституционному праву в 1998-1999, то есть 20 лет назад, меня там поразила сентенция о том, что в Конституции Португалии запрещается присваивать гражданам индивидуальные номера в национальном масштабе, это напрямую запрещается Конституцией, когда всех граждан просто ну-

меруют. Сейчас номера социального страхования, ИНН и другого рода присваивание номеров, причем цифровое, является нормой и никого не удивляет. Когда в Китае говорят, что мы сейчас будем смотреть «хороший» человек ты или «плохой», будем начислять баллы за добрые дела или отнимать баллы за злые и дальше, если человек «добрый» мы будем легко давать кредит, а если «злой», то последуют санкции. Это действительно выглядит как очень удобная модель, ведь вообще цифровой тоталитаризм удобен по многим позициям.

Мне кажется все то, что произошло в прошлом году и все то, что мы обсуждаем, по сути подводит нас к вопросу, о том, пойдем мы в этот цифровой тоталитаризм откажемся от конституционной идеи? Это особенно интересно, потому что на самом деле мы уже примерно знаем, что там будет, потому что там уже были несколько раз.

На данном этапе, к сожалению, для меня, это выглядит так, что в основном в публичном дискурсе присутствует широкое обоснование выбора в сторону цифрового тоталитаризма, а мы как юристы пытаемся обосновать другую сторону выбора. Мне кажется, что об этом нужно говорить и именно в таком ключе. Я хочу сказать еще раз большое спасибо, что можно сегодня об этом поговорить.

Олейник, Д. *научный сотрудник*
Восточного института при университете
г. Висмара, ФРГ

ПРЕДВАРИТЕЛЬНАЯ ПРАВОВАЯ ЗАЩИТА ПРАВ ГРАЖДАН В АДМИНИСТРАТИВНОМ ПРОЦЕССЕ И АДМИНИСТРАТИВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ ФРГ

Согласно ч. 1 § 43 Закона ФРГ об административном производстве[1] (далее: ЗАП) изданный индивидуальный административный акт, по общему правилу, начинает действовать независимо от его правомерности с момента его объявления. Это означает, что даже если административный акт является противоправным, предусмотренное им регулирование является обязательным для гражданина, а административный орган при определенных условиях может исполнить его в принудительном порядке. Для заинтересованного лица в результате этого возникает опасность причинения значительного или даже непоправимого ущерба, с одной стороны, в связи с созданием ситуации свершившегося факта и,

[1] Verwaltungsverfahrensgesetz (VwVfG) vom 25.5.1976, BGBl. I S. 1253.

с другой стороны, в связи с зачастую чрезмерной длительностью рассмотрения дела по существу в суде. Чтобы не допустить этого, § 80 Закона ФРГ об административных судах[1] (далее: ЗАС) предусматривает предварительную правовую защиту. Согласно ч. 1 § 80, поданные против административного акта жалоба и иск об оспаривании по общему правилу имеют отлагательное действие. Это означает, что административный акт не может быть исполнен в принудительном порядке. В дополнение к ч. 1 § 80 для случаев, когда отлагательное действие было исключено в силу закона или отменено решением административного органа, в ч. 4 § 80 предусмотрена возможность приостановления административным органом исполнения административного акта, а в ч. 5 § 80 возможность установления или восстановления судом отлагательного действия жалобы или иска.

Предварительная правовая защита в административном судопроизводстве является результатом реализации конституционно-правовых требований, которые вытекают из предусмотренной в ч. 4 ст. 19 Основного закона ФРГ гарантии правовой защиты в сочетании с принципом правового государства и из материальных основных прав, затрагиваемых в каждом конкретном случае[2].

Хотя согласно правовой позиции Федерального конституционного суда ФРГ отлагательное действие, предусмотренное в ч. 1 § 80 ЗАС, будучи фундаментальным принципом публично-правового судопроизводства[3] является правилом[4], а немедленное исполнение должно оставаться исключением[5], сам Основной закон не требует наличия предусмотренного в ч. 1 § 80 ЗАС регулирования относительно отлагательного действия. Оно является лишь результатом реализации (политической) воли законодателя на подконституционном уровне[6]. Конституция оговаривает только необходимость предварительной защиты и не устанавливает условия ее предоставления. С точки зрения конституционного права, определяющим является не то, каким образом будет предоставлена защита, а результат

---

[1] Verwaltungsgerichtsordnung (VwGO) vom 21.1.1960, BGBl. I 1960 S. 17, Neufassung vom 19.3.1991, BGBl. I 1991 S. 686.

[2] См.: BVerfG, Beschluss v. 19. 6. 1973 – 1 BvL 39/69 und 14/72, BVerfGE 35, 263 (277); BVerfG, Beschluss v. 18. 7. 1973 – 1 BvR 23 u. 155/73, BVerfGE 35, 382 (401).

[3] BVerfG, Beschluss v. 19. 6. 1973, BVerfGE 35, 263 (272).

[4] Schoch F., Vorläufiger Rechtsschutz und Risikoverteilung im Verwaltungsrecht, Heidelberg 1988, 1128 ff.

[5] BVerfG, Beschluss v. 18. 7. 1973, BVerfGE 35, 382 (402).

[6] Для европейского права отлагательное действие (ч. 1 § 80 ЗАС), наступающее в силу закона после подачи жалобы или иска, является "уникальной немецкой особенностью", см.: Verwaltungsgerichtsordnung. Kommentar. Herausgegeben von F. Schoch, J.-P. Schneider, W. Bier. Verfasser: Schoch, 37. EL Juli 2019, VwGO Vorb. § 80 Rn. 40. (в дальнейшем: Schoch/Schneider/Bier/Verfasser, VwGO).

(успех применения мер предварительной защиты)[1]. Важным является только то, чтобы лицо, на которое распространяется действие административного акта, имело достаточно времени для получения правовой защиты. Этому требованию соответствуют как предусмотренная в ч. 1 § 80 ЗАС правовая конструкция отлагательного действия, так и предусмотренные в ч. 4 и 5 § 80 ЗАС возможности приостановления административным органом исполнения, а также установления или восстановления отлагательного действия судом[2]. Однако следует признать, что предусмотренная в ч. 1 § 80 ЗАС правовая конструкция отлагательного действия ставит адресата обременяющего административного акта в особенно комфортное правовое положение.

Ч. 1 § 80 ЗАС уравнивает особое положение публичной администрации, которое является привилегированным по отношению к гражданину в том смысле, что с изданием административного акта она приобретает исполнительный документ, который продолжает действовать независимо от противоправности и который она может исполнить самостоятельно без необходимости обращения в суд. На гражданина, кроме того, возлагается бремя оспаривания акта. В качестве "противовеса" данной привилегии жалоба и иск об оспаривании имеют автоматически (т.е. в силу закона) отлагательное действие и таким образом обеспечивают как минимум временно статус-кво, не устанавливая для этого особых условий. Жалоба или иск должны быть лишь поданы, чтобы приостановить действие оспариваемого административного акта[3].

Ч. 1 § 80 ЗАС подразумевает наличие административного акта, обладающего обременяющим действием, поскольку отлагательное действие может лишь предоставить заинтересованному лицу временную защиту от причинения вреда и не может обеспечить требуемое расширение его прав[4]. Так, например, жалоба или иск против решения об отказе в издании административного акта по общему правилу не имеют отлагательного действия, поскольку такие решения об отказе в издании акта, как правило, не ухудшают (не изменяют) правовое положение заинтересованного лица.

Отлагательное действие обладает обратной силой, наступает с момента издания[5] и продолжается до момента наступления невозможности

---

[1] Grundgesetz. Kommentar. Herausgegeben von T. Maunz, G. Dürig. Verfasser: Schmidt-Aßmann, Beck-Verlag. 91. EL April 2020, GG Art. 19 Abs. 4 Rn 274.

[2] Beck`scher Online-Kommentar. Verwaltungsgerichtsordnung. Herausgegeben von Posser H., Wolff H.A., 52. Ed. 1.10.2019, München, Bearbeiter: Gersdorf, VwGO § 80 Rn. 2 (в дальнейшем: BeckOK VwGO/Bearbeiter).

[3] BeckOK VwGO/Gersdorf, 52. Ed. 1.10.2019, VwGO § 80 Rn. 15.

[4] См.: BVerwG, Urteil vom 13. 11. 1974 – VIII C 102/73, BVerwGE 47, 169 (175).

[5] BVerwG, Urteil vom 6. 7. 1973 – IV C 79/69, DÖV 1973, 785 (787).

обжалования (*Unanfechtbarkeit*) оспариваемого административного акта[1]. Относительно влияния отлагательного действия на действительность административного акта в литературе представлено три теории: строгая теория действительности, согласно которой административный акт начинает действовать *ex nunc* только после разрешения правовой ситуации (после вступления административного акта в формальную и материальную юридическую силу), ограниченная теория действительности, согласно которой административный акт начинает действовать после разрешения правовой ситуации задним числом (*ex tunc*), и теория исполнимости, согласно которой отлагательное действие означает лишь приостановление исполнения административного акта и не затрагивает его действительность[2].

Спор имеет значение в тех случаях, когда жалоба или иск об оспаривании не приводят к отмене административного акта. Так, например, после безуспешного оспаривания решения об увольнении чиновника возникает вопрос о том, должен ли чиновник вернуть денежное вознаграждение, выплаченное ему в период отлагательного действия жалобы (иска), т.е. между изданием административного акта и вступлением его в формальную и материальную юридическую силу. Согласно строгой теории действительности, решение об увольнении начинает действовать только в момент его вступления в силу, что означает, что до этого момента имелось правовое основание для выплаты вознаграждения и административный орган не может требовать возврата этих денег. Теория, однако, противоречит правовой оценке § 43 ЗАП, согласно которому административный акт действует, пока не будет отменен. По общему правилу отлагательное действие направлено лишь на то, чтобы предотвратить ухудшение правового положения заинтересованного лица до окончательного разрешения правового положения, и не направлено на предоставление преимуществ, которые ему не положены в соответствии с материальным правом[3]. Согласно теории исполнимости, которая является преобладающей[4], безуспешно оспоренное решение об увольнении являлось действительным и продолжает действовать с момента его принятия. Согласно этой теории, в приведенном выше примере административный орган в результате приостановления исполнения решения не мог уволить чиновника, обязан был по-прежнему обеспечивать его занятость и выплачивать ему вознаграждение до тех пор, пока решение об увольнении не вступило в юридическую силу. После вступления решения в силу приостановление его исполнения

---

[1] BVerwG, Urteil vom 27.10.1987 – 1 C 19/85, BVerwGE 78, 192 (209).

[2] См.: Hemmer/Wüst/Christensen, Verwaltungsrecht III, Juristisches Repetitorium Hemmer, 8. Aufl. 2005, Rn. 82 ff.

[3] См.: Hemmer/Wüst/Christensen, Verwaltungsrecht III, Rn. 87; BVerwG, Urteil vom 12.05.1966–IIC19762 II C 197.62, BVerwGE 24, 92 (98ff.).

[4] См.: BVerfGE 35, 263 (264).

отменяется задним числом, так что право на вознаграждение также прекращается задним числом и административный орган получает право требовать возврата вознаграждения, выплаченного в период отлагательного действия жалобы или иска, в соответствии с принципами неосновательного обогащения[1]. Ограниченная теория действительности приходит к аналогичному результату.

Предварительная правовая защита всегда является компромиссом между публичным интересом, состоящим в исполнении административного акта, с одной стороны, и частным интересом, состоящим в приостановлении его исполнения, с другой. В то время как ч. 1 § 80 ЗАС устанавливает основное правило отлагательного действия жалобы и иска и, тем самым, отдает приоритет интересам лица, затрагиваемого административным актом, положения ч. 2 § 80 ЗАС отменяют это правило (регулируют исключения из правила). В случаях, предусмотренных № 1-3 ч. 2 § 80 ЗАС (а именно в случаях взыскания налогов и сборов, оспаривания безотлагательных распоряжений сотрудников полиции и в других случаях, предусмотренных законом), отлагательное действие отменяется в силу закона. В этих случаях законодатель в результате унифицирующего подхода признает публичный интерес, состоящий в немедленном исполнении, в качестве приоритетного[2].

Кроме того, отлагательное действие согласно № 4 ч. 2 § 80 ЗАС может быть отменено отдельным распоряжением о немедленном исполнении административного акта, вынесенным административным органом, издавшим этот акт, если немедленное исполнение необходимо в публичных интересах. Для этого необходимо наличие особого публичного интереса, превышающего тот интерес, который оправдывает издание административного акта[3]. В случае равнозначности интересов с обеих сторон, т.е. в патовой ситуации, распоряжение о немедленном исполнении не может быть вынесено[4], поскольку правило относительно приоритета интересов основывается на соотношении "правило-исключение", где отлагательное действие в соответствии с ч. 1 § 80 ЗАС является правилом, а распоряжение о немедленном исполнении в соответствии с № 4 ч. 2 § 80 ЗАС – исключением, которое действует только при наличии приоритетного публичного интереса.

В соответствии с предл. 1 ч. 5 § 80 ЗАС, суд, рассматривающий дело по существу, на основании ходатайства заинтересованного лица, может в случаях отмены отлагательного действия в силу закона (№ 1-3 ч. 2 § 80

---

[1] См.: Hemmer/Wüst/ Christensen, Verwaltungsrecht III, Rn. 86.
[2] BeckOK VwGO/Gersdorf, 52. Ed. 1.10.2019, VwGO § 80 Rn. 42.
[3] BVerfG, Beschluss v. 18. 7. 1973, BVerfGE 35, 382 (402); BeckOK VwGO/Gersdorf, 52. Ed. 1.10.2019, VwGO § 80 Rn. 99 m.w.N.
[4] Puttler in: Verwaltungsgerichtsordnung. Großkommentar. Herausgegeben von H. Sodan, J. Ziekow. NomosKommentar 5. Aufl. 2018, § 80 Rn. 84.

ЗАС) впервые установить, а в случае издания административным органом распоряжения о немедленном исполнении (№ 4 ч. 2 § 80 ЗАС) восстановить отлагательное действие жалобы и иска. Данное положение позволяет в рамках судебного производства восстановить правовое положение, в соответствии с которым административный акт, оспариваемый посредством подачи жалобы или иска, временно не исполняется. В соответствии с ч. 4 ст. 19 Основного закона ФРГ наличие такого производства в законодательстве с точки зрения конституционного права является обязательным.

Согласно правовой позиции большинства судов, которая также широко представлена в литературе[1], решение в рамках этого производства принимается судом путем взвешивания публичного интереса, состоящего в немедленном исполнении административного акта, и интереса заявителя, состоящего в приостановлении исполнения.

В случаях, предусмотренных № 1-3 ч. 2 § 80 ЗАС, ходатайство является обоснованным, если противоправность подлежащего исполнению административного акта вызывает серьезные сомнения[2]. В этом случае не может быть интереса, состоящего в немедленном исполнении, даже в случаях, когда такой интерес презюмируется законом. О наличии серьезных сомнений можно говорить в том случае, если удовлетворение жалобы или иска в рамках предстоящего рассмотрения дела по существу является как минимум таким же вероятным, как и отказ в удовлетворении[3].

В случаях, предусмотренных № 4 ч. 2 § 80 ЗАС, когда отлагательное действие отменяется на основании распоряжения административного органа о немедленном исполнении, суд проверяет, сначала, формальную и материальную правомерность распоряжения, после этого правомерность подлежащего исполнению административного акта, и, в заключение, наличие интереса, состоящего в немедленном исполнении[4]. При этом к каждому следующему пункту суд переходит только при условии установления правомерности в предыдущем пункте. Иначе проверка заканчивается, ходатайство удовлетворяется[5].

Согласно господствующему мнению[6], в рамках производства в соответствии с ч. 5 § 80 ЗАС в отличие от производства, в котором рассматривается дело по существу, суд, как правило, осуществляет лишь суммарную проверку интересов, фактических и правовых обстоятельств. То есть определение суда основывается на уже имеющихся в распоряжении дока-

---

[1] Schoch/Schneider/Bier/Schoch, 37. EL Juli 2019, VwGO § 80 Rn. 372 m.w.N.
[2] Schoch/Schneider/Bier/Schoch, 37. EL Juli 2019, VwGO § 80 Rn. 386.
[3] Kopp/Schenke, Verwaltungsgerichtsordnung, Kommentar von W.-R. Schenke, 25. Aufl., München 2019, VwGO § 80 Rn.116.
[4] См.: Schoch/Schneider/Bier/Schoch, 37. EL Juli 2019, VwGO § 80 Rn. 388.
[5] Kopp/Schenke, VwGO § 80, Rn. 148;
[6] Kopp/Schenke, VwGO § 80, Rn. 125.

зательствах относительно фактов, доказанных не в полной мере, а лишь с преимущественной вероятностью. Речь идет об особом, менее строгом виде доказывания (*Glaubhaftmachung*)[1].

***Андреас Штайнингер**, профессор университета г. Висмара, доктор наук (Висмар, Германия)*

«ПАНДЕМИЯ КАК УСКОРИТЕЛЬ НОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ? ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ, ЮРИДИЧЕСКИЕ КОНСУЛЬТАЦИИ И ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ»

Помимо человеческих трагедий, необходимости терпеть долгое время ограничения и убытки из-за пандемии, нельзя забывать и об экономических последствиях, которые пока еще нельзя просчитать в полной мере. Но почти все события, подобные пандемии, имеют две стороны: деструктивную, и, возможно, позитивную, связанную с появлением чего-то нового. В прошлом, например, многие мероприятия состояли из встреч с одними и теми же людьми, из одних и тех же докладов, обмена одними и теми же аргументами. Был определенный круговорот встреч, событий, которые съедали время и жизнь, не добавляя ничего нового. Из-за огромного количества встреч и обсуждений не было времени подумать. Пандемия прервала этот круговорот. Получили развитие новые технические возможности, изменились действия людей, происходит поиск новых каналов связи.

Мир вынужден был остановиться; но остановка также может означать, что человек снова задумается о том, что действительно важно. Пример тому – юридическая наука. Во время вынужденной паузы появилась возможность задуматься о том, в каком направлении будет двигаться юридическая наука в ближайшие несколько лет.

Пандемия показала, в чем заключаются новые потребности: быстрая, краткая, доступная в цифровом виде информация без длинных научных статей и дискуссий, быстрые и короткие ответы на юридические вопросы без необходимости обращаться к юристам и платить им огромные гонорары. В наши дни никто не хочет читать длинные и подробные юридические заключения; быстрые вопросы, быстрые ответы – это знаки времени. Общества развиваются намного быстрее, чем раньше, с учетом правил и связанных с ними юридических оценок.

Пандемия показала, что это возможно: встречи, которые раньше планировались в течении нескольких дней, стали проходить онлайн в течение 2 часов, юридические библиотеки теперь в значительной степени оцифрованы, лекции проходят в цифровом формате. Цифровизация добралась и до послед-

[1] См.: BGH, Beschluss vom 21. 10. 2010 – V ZB 210/09, NJW-RR 2011, 136 Rn. 7.

него оплота юридической науки, а именно до научной работы. На основе искусственного интеллекта уже возможно создавать автоматизированные структуры или компьютерные программы, которые, по крайней мере, способны прояснить основные юридические вопросы. Вопросы, которые ранее обсуждались предварительно на первой или второй встрече с адвокатом, уже охвачены поисковыми машинами и оцифрованными системами.

Пандемии показала, что важным является не толкование норм, установленных законодательной властью, а, скорее, анализ социальных структур и того, как они могут лучше всего регулироваться – и при чем с помощью научных методов и особенно математики.

Я попытался разработать компьютерные программы и системы, которые могут принимать независимые юридические решения, что можно показать на примере простой схемы заключения договора в российском праве и структурного анализа норм ГК РФ о заключении договоров. Структурирование правил таким образом, чтобы впоследствии их можно было представить в виде компьютерной программы, не является иллюзией. Это означает, что они также могут быть оценены компьютерной программой. Основная проблема, правда, на данный момент по-прежнему заключается в фиксации различных фактических обстоятельств с помощью искусственного интеллекта или фиксации фактов вообще.

На мой взгляд, оцифровку уже нельзя остановить не только относительно обсуждений и библиотек, но и в процессах принятия юридических решений. Это – будущее права. Студентам-юристам рано или поздно придется привыкать к изучению языков программирования и приобретению базовых математических знаний в области линейной алгебры.

Этот процесс наметился давно, но его подстегнула пандемия – и, несмотря на все страдания, которые принесла пандемия, это был положительный аспект.

Eduardo Garcia,
EMEA Managing Director, Soriano Group & Family Office,
professor at Universidad San Pablo CEU, Vatel Business School, CEF
(Мадрид, Испания)

ФИНТЕХ: ТРЕНДЫ В СОВРЕМЕННОЙ ЭКОНОМИКЕ
(стенограмма выступления)

Мы будем говорить о разнообразных технологиях. Сегодня у нас новые тенденции, которые уже создаются и уже приобретают определенное очертания в современном мире, в котором мы все с вами и живём. Безусловно, он действительно очень сильно подвержен влиянию COVID-19 на дан-

ный момент и надо сказать, что экономика и финтех – это безусловно то, что развивается на протяжении 5–8 лет. И на данный момент очень многие проекты на глобальном уровне ускорили своё развитие, имплементацию. В банках, например, в Европейском союзе и также в США вы видите очень много новых абсолютно систем, потому что сегодня они должны конкурировать не только с финансовыми организациями на глобальном уровне, но они также должны конкурировать с другими большими компаниями, техническими компаниями, которые тоже предоставляют финансовые услуги сегодня в плане создания неких экосистем.

То, что касается финтех – это то, что относится к другим глобальным трендам, связанным с глобализацией на самом деле и цифровизацией, потому что здесь предоставляются не только сервисы, но и разнообразные образовательные услуги, медицинские услуги, банковские услуги и финансовые услуги. В Испании, например, у нас сегодня огромная потребность у студентов по всему миру в наборе на разнообразные программы, они хотят поступать на разные учебные программы. Существуют компании, которые запрашивают определенный уровень образования, и они хотят, чтобы всё это проходило при помощи технологии, при помощи онлайн-обучения, при помощи какого-то искусственного интеллекта, робототехники и программного обеспечения. И ничего страшного в этом нет на самом деле. В нашей группе мы владеем компанией по созданию робототехники и у нас самые передовые на данный момент роботы, например, это робот София. И надо сказать, что финтех, в принципе, и банки сегодня стараются улучшить свои финансовые возможности при помощи использования цифровых технологий, разнообразных цифровых устройств и программного обеспечения для того, чтобы, например, оплата проходила гораздо более безопасно и гораздо быстрее для их клиентов. Также используют блокчейн-технологии, на которые вы также можете опираться, если вы хотите проследить транзакцию на более безопасной основе.

Соответственно, это банковская безопасность, основывающаяся опять-таки на всех этих цифровых технологиях, позволяющая защититься от кибератак, которые во многом подрывают ENL. И надо сказать, что есть также и персональная сторона бизнеса. Прежде всего, мы говорим здесь о синергии между разнообразными подразделениями бизнеса, разнообразными ответвлениями бизнеса, когда мы говорим о новых решениях финтеха и инновационных технологиях, которые сегодня предлагаются бизнесу. Это, например, для разнообразных систем миддл-офиса, бэк-офиса, фронт-офиса и так далее. И безусловно это то, что предлагает финтех на персональном уровне для участников бизнеса. И надо сказать, что то, о чем мы с вами говорим – это, прежде всего, очень серьезное давление со стороны пандемии. Но, с другой стороны, у нас развивается рынок цифровых технологий и у нас есть новое поколение – миллениалы.

Это те люди, которые и опираются как раз на цифровые технологии в своей жизни. Я часть этих миллениалов, я представитель этого поколения и нам очень интересно использовать именно смартфоны, мобильные телефоны, абсолютно любое устройство, которое позволит нам ускорить нашу жизнь, ускорить функционирование по сравнению с предыдущим.

И надо сказать, что очень многие банковские офисы были закрыты в последнее время. В Испании по крайней мере у нас до сих пор ещё не всё открыто. У нас 40% офисов вообще закрыто в последние годы не только в связи с пандемией, просто закрываются, потому что в них нет необходимости. Это также комбинируется с основными тенденциями, с трендами. Всё будет в цифровом формате. Всё будет опираться на инновационные технологии. Все эти технологии будут продолжать развиваться и будут влиять очень серьёзно в последующие годы нашей жизни. Финтех-компании сегодня имеют большое количество инвесторов. Много интереса к этой области.

Также у нас есть legal tech. Это юридические технологические компании, которые занимаются тем, что развивают более удобную работу с документами. Например, это электронные подписи. В реальном секторе экономики также есть определённые компании, которые тоже упрощают жизнь современного поколения. Это блокчейн-технологии, например, о которых мы также говорим сегодня, и на них тоже будут опираться определенные банковские структуры и определённая банковская деятельность.

Это всё новые тенденции, которые будут продолжать развиваться, и вы знаете, что они становятся абсолютно неотъемлемой частью экономики мира. Настолько же важными, как и золотой запас в прошлом. Есть определенное количество компаний, которые также запускали криптовалюту. Несмотря на то, что некоторые страны, такие как Китай, например, изучают разнообразные пути, при помощи которых они могут контролировать эту ситуацию, и Центральный банк, например, пытается научиться это делать, но, тем не менее, они думают всё равно о том, как запустить собственную цифровую валюту и сделать её гораздо более контролируемой.

Когда мы говорим о международном трейдинге, мы можем, по большому счёту, переходить от местной валюты в криптовалюту при помощи блокчейн-технологии и сделать определенные транзакции гораздо безопаснее. И это позволит нам быть более успешными в глобальной экономике, которая станет гораздо более цифровой. И люди сами станут гораздо более цифровыми через 5–10 лет. Это фактически то, на что мы направляем нашу деятельность на уровне Европы и в наших офисах за пределами Европы, и у нас большое цифровое влияние на нашу жизнь. Именно поэтому мы думаем и стараемся понять всё гораздо лучше. Мы работаем в концепциях финтех, блокчейн. И с точки зрения образова-

тельной, с точки зрения университетов я считаю, что у университетов огромная возможность сегодня работать именно в этих областях, потому что у вас есть бесценный ресурс – это интеллект молодого поколения. Я видел, как работают итальянцы. И на самом деле это всё влияет на мир в данный момент, и я думаю, что в последующие годы мы станем гораздо более успешны в этой области.

Antinucci Mario, *Associate Professor,*
School for Law Professions,
Sapienza University (Рим, Италия)

ПРАВО И ЭКОНОМИКА В КОНТЕКСТЕ НОВОЙ ЧРЕЗВЫЧАЙНОЙ СИТУАЦИИ ПАНДЕМИИ: ПРИОРИТЕТНАЯ РОЛЬ МЕЖДУНАРОДНОГО НАУЧНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА ДЛЯ СТРАТЕГИЧЕСКОЙ МНОГОСТОРОННОСТИ

(стенограмма выступления)

Я расскажу о законе и экономике в условиях новой ситуации – пандемии и о приоритете международного научного сотрудничества для научной многогранности. Из-за пандемии, пожалуй, первое, что произошло – это ситуация неопределенности и неопределенностей было много. Все они парализовали нашу деятельность и сам процесс принятия решений. Есть, однако, один аспект, одна черта наших личностей. Бывает, что на нас эта неопределенность не действует. На что она не действует? На наши этические устои. По этой причине хотел бы поблагодарить Вас за приглашение. Этические устои остаются несмотря ни на что, ни на пандемию, ни на неопределенность, которую эта пандемия создала. Порой наоборот, этические устои, моральные устои дают людям силы действовать даже в трудных ситуациях. Я очень благодарен Вам за приглашение поучаствовать в этой конференции.

Иногда нужно мужество, чтобы выжить, и чтобы снова начать все с нуля. Наши молодые люди, наши и ваши студенты достойны большего. Мы должны предоставлять им больше возможностей и давать им больше свободы, иначе у них будет недостаточная профессиональная квалификация. Мы сейчас в этих условиях должны дать им лучшее образование по возможности, иначе они не смогут действовать как свободные граждане и достаточно хорошо развивать будущее нашего общества. Серьезная экономика XX века нам напоминает: когда меняются факты – я меняю свои мнения, но все это существенно дестабилизирует ситуацию. Ситуация из-

менилась, соответственно мы должны думать о реформировании стиля нашего существования, при этом не изменив основных этических принципов, которые руководили нашей деятельностью в течение многих лет.

Каковы наши правила в Европе? Это правила ответственности и солидарности. Нам нужна эффективная многогранность и при этом закон и порядок, основанный на принципах ООН. Новая ситуация, как определил господин Марио Драги, позволит создать нам более эффективный мультилатерализм, как сказано было в ООН, это краеугольный камень нашей системы. Но существуют и моральные принципы, которые руководят нашим выбором. И выбор необходимо делать правильно. Экономические долги, которые возникли из-за пандемии, действительно беспрецедентные, такого раньше не было и теперь приходится разбираться с этой ситуацией. Должны мы в основном нашему будущему, нашему молодому поколению, поэтому наш основной долг обеспечить молодежи все необходимые инструменты для того, чтобы в будущем они могли жить в обществе лучше, чем наше нынешнее общество. Наши студенты должны иметь все шансы для строительства лучшего будущего, начиная буквально с завтрашнего дня. Раньше коллективный эгоизм ограничивал человеческие возможности, делал несправедливым распределение ресурсов и, таким образом, сокращал шансы на строительство хорошего будущего для общества. Такого не должно больше быть, мы должны обеспечить право молодёжи на будущее. Угнетение прав молодёжи – это одна из форм неравенства. Подумайте о том, что происходит в Африке, на Ближнем Востоке, в Южной Америке. И я считаю, что университеты и международное научное сотрудничество играют фундаментальную роль в создании комфортных условий для обеспечения хорошего будущего нашего общества. Здесь необходима работа уверенных в себе, знающих профессионалов и необходимо хорошая дружба между людьми науки. В частности, наша дружба с СПбГЭУ. Мы сделаем все, что от нас зависит в этой области.

Габриелла Марчеля, *президент*
SIRIUS GLOBAL – Academic Diplomacy 4.0
и International Medical Community (IMC) (Рим, Италия)

ПАСПОРТА ВАКЦИНАЦИИ В ЕС
(стенограмма выступления)

Наша организация всегда поддерживала разнообразные инициативы, и мы очень счастливы, что мы работаем с СПбГЭУ, что мы работаем и создаем научную сеть взаимодействия, которая позволяет нам работать на международном уровне и заниматься переносом технологий. Сегодняш-

няя тема доклада будет прежде всего о паспорте вакцинации, о том сертификате, который будет влиять на юридическую и экономическую сферу участников Европейского союза. И надо сказать, что паспорт вакцинации сегодня – это некая причина задержки экономического роста. Геополитические проблемы растут и накаляются. Также и эта проблема ведёт к серьезному нарушению прав человека в некоторой степени. Все страны предлагают свое решение и весьма удивительно, что очень много спекуляций, много обсуждений и каждый старается предложить свои инфраструктуры. Компания Google, например, сотрудничала и создавала инфраструктуру для смартфонов. Роль вакцин позволит создавать подобные сертификаты и безусловно это то, что будет задействовать большое количество разнообразных производителей. Сегодня они находятся в конкуренции, пытаясь получить «кусок пирога». И все эти структуры, все эти паспорта сами по себе вызывают большое количество обсуждений, дискуссий в Европейском союзе.

Масса противоречий лежит прежде всего в области экономического развития стран. Например, Греция, Испания, многие страны, чья экономика во многом зависит от туризма, безусловно, не хотят, чтобы продолжалась ситуация с закрытием границ. И они уже хотят сегодня открывать границы, уже готовы открывать границы для тех стран, которые успешно проводят вакцинацию населения. И сегодня мы говорим об отсутствии убедительных медицинских данных о том, что вакцинация действительно прерывает цепочку передачи вируса, и здесь у нас есть медицинские и юридические соображения. Самый большой страх – это то, что паспорт вакцинации ограничит передвижение людей, а также усилит дискриминацию на личном уровне тех людей, которые не делали вакцинацию. То есть, по большому счёту, данная сертификация будет запущена, а как её потом будут отменять, когда у нас будет конец пандемии? Документация по COVID-19, которая предоставлена клиниками и больницами, говорит о том, что очень легко подделать подобные документы. Соответственно, очень важно понимать, что сама по себе концепция вакцинации для того, чтобы въехать в одну или другую страну, не является новой, потому что у нас есть иммунизация, например, от жёлтой лихорадки. Она необходима для того, чтобы отправиться в Гану, например, или в Бразилию, и некоторые говорят, что подобный паспорт вакцинации от COVID-19 будет аналогом такого сертификата от жёлтой лихорадки.

С одной стороны, мы можем с этим согласиться, с другой стороны, когда мы имеем дело с чем-то типа COVID, который сегодня очень распространён и очень высока вероятность его передачи, на самом деле не все так просто. Уже существует большое количество свидетельств о том, что поддельные паспорта продаются всего лишь пару сотен долларов и, надо сказать, есть мошенничество, есть подделки – это самый большой

аргумент сегодня для создания цифровых паспортов. С одной стороны, это то, что можно взломать, но с другой стороны, есть всё-таки некоторые компьютерные системы, и, безусловно, здесь мы уже не говорим о конфиденциальности медицинской и также о некоем соблюдении приватности. Есть также некий проект по зелёному паспорту, по зелёной карте. Здесь мы говорим о некоем зелёном сертификате, который включал бы в себя определённый паспорт вакцинации. Прежде всего, здесь речь идет о сертификации для всех жителей Европейского союза. У нас три типа сертификатов: это сертификат о вакцинации, ПЦР-тестирование и сертификаты для тех, кто выздоровел, переболев COVID-19. Эти сертификаты будут выдаваться в бумажном и цифровом форматах, они будут содержать всю необходимую ключевую информацию и цифровую подпись, которая будет делать этот сертификат валидным.

Мы сейчас пытаемся создать некие «ворота» для того, чтобы поддержать наших участников в создании такого программного обеспечения и с тем, чтобы унифицировать это по всему Европейскому союзу. Скорее всего эти сертифицированные люди смогут проходить через эти «ворота» и также они смогут путешествовать по тем странам, которые поддерживают систему. Система сертификации будет бесплатной и будет доступна на всех официальных языках Европейского союза, плюс на английском, и также это не является дискриминационной системой. Идея заключается в том, что все люди, которые вакцинированы и невакцинированы должны получить преимущество от этих сертификатов, когда они путешествуют по Европейскому союзу. И если люди не вакцинированы, то для того, чтобы не допустить дискриминацию, можно получить сертификаты, пройдя тестирование на антитела или сделать ПЦР-тест и также получить сертификат.

Ещё один момент заключается в том, чтобы давать равные права на путешествия. Например, тестирование – это один из способов, и мы должны понимать, что у нас будет разная цифровая система подтверждения вакцинации, это также система, которая позволит нам избежать дискриминационных моментов. Также и другие вакцины должны приниматься. Например, в Венгрии уже закупили Спутник V. Чехия и Словакия также начали получать дозы Спутника V. Италия тоже собирается закупать Спутник V. EMA поддерживает Спутник V, одобрила эту вакцину. Соответственно я думаю, что эта вакцина будет принята в нашем европейском паспорте.

Тем, у кого будет зелёный сертификат, цифровой сертификат, нужно будет разъяснять все эти дополнительные меры. И также есть определённый элемент, который связан с секретной информацией и безусловно нам нужно будет принять во внимание нераскрытие персональных данных. Соответственно, эти сертификаты будут включать небольшое количество

информации: имя, дата рождения, и релевантная информация по вакцине и по дате вакцинации. У паспорта будет уникальный идентификационный код, который будет приписан конкретному сертификату, и эти данные будут обеспечивать валидность сертификата.

В Норвегии и в Швейцарии мы сейчас ведём переговоры, и говорим обо всех членах семьи, независимо от того, какой национальности человек внутри Европейского союза, безусловно к этой системе все должны относиться с определённым уважением. Комиссия также работала над определённой системой, которая связала в единую команду системы здравоохранения разных стран для того, чтобы мы могли работать над единой системой вакцинации и над единой системой паспортов, это как раз то, что происходило в марте. Такой цифровой зелёный сертификат – это единственная возможность для нас, которую мы разработали, и есть похожие варианты в разных странах. Таких странах, как Израиль, например. В Европе это рассмотрят. И в США вчера заявили, что хотят ввести эти паспорта вакцинации, однако встал вопрос о несправедливом для людей использовании этих паспортов. Так что процесс идёт, идёт обсуждение, и теперь наличие паспорта о вакцинации становится условием разрешения для международных путешествий, поэтому возникнут ограничения для международных перелётов или посещения каких-то туристических достопримечательностей и так далее. И, например, датский паспорт ковидный был введён первый в Европе и теперь ожидается «эффект домино» по всей Европе, будут вводиться такие паспорта о вакцинации. Два руководителя заявили, что интерес высок к этой технологии и ждут развития в этой области.

Я объясню юридические аспекты введения этих паспортов о вакцинации. Предложение Евросоюза и сходные решение в других странах подвергают риску права человека о сохранении личной информации. Есть директива Европейского союза в этой области и наблюдаются некоторые противоречия. Ограничивается право граждан передвигаться между странами Евросоюза – есть статья 42 по этому поводу. Помимо этого, есть международные путешествия, тоже здесь затрагиваются права человека. Но юридически доводы в Евросоюзе – все, наоборот, во время пандемии они пытаются ускорить возможность передвижения граждан между странами Евросоюза и за границу тоже. Но это касается основных прав человека, они действительно затрагиваются введением таких паспортов. В частности, предусмотренных статей 45 Хартии Европейского союза об основных правах. Придётся принимать совместное решение по этому поводу. Это регулирование не должно рассматриваться как стремление усиливать ограничение. Скорее, это усилия по гармонизации ситуации.

Конечно же существуют опасения, и они уже упоминались, о защите персональных данных. Это тоже относится к фундаментальным правам

(в частности, статья 7 и статья 8 о защите персональных данных). И здесь предстоят обсуждения, существует какие-то нормы, которые применяются в этой области. И интересно будет узнать об отдельных странах. Например, в Италии теперь паспорт вакцинации для пересечения границы необходим, и он буквально вступает в противоречие с существующей конституцией Италии (параграф 2 статьи 32).

Теперь про санкции, которые тоже плохо влияют на права. Об этом в марте говорил вице-президент организации по защите персональных данных. Есть масса различных нюансов, но существуют и фундаментальные принципы – это и конституционный порядок, и права человека, которые гарантируются конституцией, и эти нововведения противоречат данным фундаментальным правам. Так что следует ожидать того, что сознательные граждане, способные проанализировать эту ситуацию, будут следить за процессом. Масса обсуждений ведётся, и эти обсуждения нужно продолжать.

СЕКЦИЯ ТЕОРИИ И ИСТОРИИ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

Ответственный – заведующий кафедрой
Теории и истории государства и права,
доктор юридических наук, профессор ***Г.Г. Бернацкий***

Г.Г. Бернацкий, *докт. юрид. наук,*
зав. каф. теории и истории
государства и права СПбГЭУ

КОНКРЕТНОСТЬ И АБСТРАКТНОСТЬ ПРАВА

XVII Международная научно-практическая конференция «Кутафинские чтения» МГЮА на тему «Права и обязанности гражданина и публичной власти: поиск баланса интересов» была, видимо, одной из последних конференций, которая состоялась в «очном» формате. Она показала возросший интересов ученых-юристов к философским вопросам права. Судья Конституционного Суда РФ Бондарь Н.С. посвятил свое выступление анализу понятия «Общее благо». Бондарь Н.С. выделил различные философские подходы к его содержанию и показал использование этого понятия в решениях Конституционного Суда РФ. Проф. Эбзеев Б.С. высказал опасение, что юристы не в состоянии решить проблему баланса частных и публичных интересов без сотрудничества с социологами и философами. На состоявшемся в апреле 2021 г. Международном научно-методологический семинаре «Мифологемы закона: иррациональное в праве» (МГЮА) подробно рассматривались опять-таки философские проблемы права.

В данной статье мы приглашаем читателей к дискуссии о философских свойствах права. Мы полагаем, что с диалектических позиций право, понимаемое в широком смысле, можно рассматривать в виде следующей теоретической модели[1]. Право развивается, т.е. качественно меняется. Оно развивается по диалектических законам[2]. Право развивается в направлении к правовому идеалу, хотя движение к нему идет через противоречия и борьбу. Опираясь на данную гипотезу и диалектические воззрения на развитие мира, можно утверждать, что право обладает такими свойствами как абсолютность и относительность.

Право конкретно и абстрактно. Соотнесение права с реальностью всегда осуществляется при определенных условиях. Поэтому невозможно говорить о праве как справедливом регуляторе общественных отношений абстрактно, т.е. без учета этих условий.

Право конкретно в том смысле, что право выступает регулятором общественных отношений только в определённых, конкретных условиях.

Норма права определяется в теории права через философскую категорию «мера». Норма права – мера определенного поведения, ограниченная рамками конкретных условий. В философии мера понимается как граница бытия объекта. Мера – конкретные количественные границы, в рамках которых существует определённое качество. Например, смелость, как определённое качество поведения имеет свои пределы, свою меру. С одной стороны, она граничит с трусостью, а с другой – с безрассудством. Щедрость имеет свою меру. Щедрость не может возрастать количественно до бесконечности – перейдя определённую точку, она превратится (совершит скачок) в расточительность. Если щедрость будет количественно уменьшаться, то, перейдя некоторую границу, она превратится в скупость. Таким образом диалектика утверждает, что определённая форма поведение имеет свои границы, которые заданы конкретными условиями или обстоятельствами. Когда определённое поведение переходит эти границы. оно превращается в поведение иного качества или в качественно новое поведение.

Например, свобода слова в праве имеет свои границы. Гражданину запрещено разглашать государственную тайну, распространять клеветнические сведения или разжигать межнациональную рознь. Запреты в праве также имеют свои границы. Убийство в праве запрещено. Однако в условиях войны на поле боя убийство врагов считается героическим поступком. Небезграничными выступают и нормы-обязывания. Так, согласно

---

[1] Философский анализ реальности изложен, напр., в: Кармин А.С., Бернацкий Г.Г. Философия. Учебник для вузов. – СПб, 2010.

[2] О диалектике в праве см., напр.: Теория и методология юридической науки: учебник для магистров: в 2-х ч. /отв. ред. М.Н. Марченко. – М. Норма. 2019.

ст.88 Конституции РФ президент Российской Федерации обязан вводить чрезвычайное положение на теории РФ, но только «при обстоятельствах и в порядке, предусмотренных федеральным конституционным законом».

В структуру нормы права входит не только собственно само правило или предписание, распоряжение (диспозиция), но и гипотеза, в которой указываются условия, при которых диспозиция вступает в действие. Без диспозиции норма пуста, а без гипотезы норма слепа (она не знает, где и когда ей вступать в действие). Норма права рассматривается как микрозакон государства. Норма права в некоторой степени подобна физическим законам. Физический закон действует только при определенных условиях. Например, законы механики Ньютона справедливы только для невысоких скоростей. Однако там, где скорости приближаются к скорости света – действуют законы Эйнштейна.

Таким образом право без указания конкретных условий его действия теряет смысл и перестаёт быть правом как справедливым регулятором общественных отношений.

Употребление права за пределами определенных условий может превращаться в *злоупотребление правом*, или право становится неправом. Должностное лицо, которое превышает свои должностные полномочия, совершает должностное преступление. Злоупотребление правом совершает и простой гражданин, когда занимается разжиганием религиозной розни, переходя границы свободы слова. Злоупотребляет правом преподаватель, который, критикуя правительство, призывает к свержению конституционного строя. Основной закон ФРГ указывает, что свобода преподавания не исключает верности конституции. Одновременно с этим статья 18 Основного Закона ФРГ гласит: «Каждый, кто использует свободу выражения мнений, свободу печати, свободу преподавания, свободу собраний, свободу объединений, тайну переписки, почтовых, телеграфных и телефонных сообщений, право собственности или право убежища для борьбы против основ свободного демократического строя, утрачивает эти основные права. Утрата прав и ее пределы определяются решением Федерального конституционного суда».

В повседневной жизни люди часто даже не осознают все те условия, из которых они исходят, когда признают какие-то определенные положения как право, либо как неправо. Нередко споры о праве между обычными гражданами и даже юристами возникают из-за того, что строго не очерчиваются условия, при которых «спорные» положения признаются правом. В юридической практике иногда приходится указывать и строго фиксировать определенные условия, чтобы доказать недобросовестным адвокатам, какая норма должна применяться в данном юридическом деле, а какая нет. Принцип конкретности права как раз и требует того, чтобы судить о праве и его применимости с учетом конкретных условий, при которых оно относится к действительности. Если это не делается, то отношение права к

действительности может оказаться настолько неясным, что вопрос о том, являются ли те или иные положения правом, будет невозможно решить.

Одновременно с этим хорошо известно, что право регулирует далеко не все возможные отношения между субъектами. В обществе человек связан с другими людьми множеством разнообразных социальных связей: моральных, бытовых, политических, религиозных, этнических, культурных, эстетических и т.д. Юридические отношения являются одними из самых значимых, но далеко не единственными. Право регулирует правоотношения, и отвлекается или *абстрагируется* от иных нередко весьма важных для человека отношений. Человек сквозь призму права предстает абстрактным субъектом, вырванным из множества социальных связей, которые право не рассматривает. Таким образом, право упрощает и огрубляет реальность, делает ее абстрактной, не рассматривает реальность во всей ее полноте и многообразии. Право стремится восполнить этот пробел: вводит смягчающие и тяготеющие обстоятельства при рассмотрении уголовных дел, использует судебные или административные прецеденты в качестве юридических источников права, допускает судебное усмотрение и т.д.

Однако праву не удается полностью преодолеть абстрактный взгляд на реальность. И реальность, можно сказать, «мстит» праву за это. Очень часто люди не довольны судебными решениями. Право обвиняют в формализме и «бездушном» отношении к людям. Граждане, не найдя понимания у юристов, часто обращаются к альтернативным способам решения споров: медиации, переговорам, третейскому суду, или идут к священникам, психологам, старым и верным товарищам.

Право абстрактно в том смысле, что оно регулирует только один род отношений между субъектами и отвлекается, абстрагируется от иных весьма разнообразных и значимых отношений между субъектами.

О.К. Кремлёва, *канд. юрид. наук,*
доцент кафедры теории
и истории государства и права СПбГЭУ
С.А. Боряев, *соискатель кафедры теории*
и истории государства и права СПбГЭУ

К ВОПРОСУ О КВАЛИФИКАЦИИ ОТНОШЕНИЙ, ВОЗНИКАЮЩИХ ПРИ ПРИОБРЕТЕНИИ КРУПНЫХ ПАКЕТОВ АКЦИЙ

Процедура приобретения крупного пакета акций (более 30 % общего количества обыкновенных акций и привилегированных акций акционерного общества, предоставляющих право голоса) была введена в акционерное

законодательство Федеральным законом от 05.01.2006 г. № 7-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об акционерных обществах» и некоторые другие законодательные акты Российской Федерации».

Приобретение крупных пакетов акций публичного акционерного общества является основанием для осуществления специальных корпоративных процедур, целью которых является соблюдение баланса прав миноритарных и мажоритарных акционеров[1]. Похожая позиция изложена в определении Конституционного Суда Российской Федерации от 06.07.2010 № 929-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы общества с ограниченной ответственностью «Атлант-Эстейт»[2], из которого следует, что применение норм статьи 84.2 Федерального закона от 26.12.1995 г. № 208-ФЗ «Об акционерных обществах» (далее – ФЗ об АО) призвано обеспечить соблюдение баланса интересов лица, которое приобрело более 30% общего количества акций и интересов миноритарных акционеров при совершении сделок с акциями акционерного общества.

В литературе высказываются различные оценки относительно баланса прав миноритарных и мажоритарных акционеров. Так, сложившееся правовое регулирование (установление процедуры выкупа акций у миноритариев крупными акционерами) оценивается как приоритет интересов большинства над меньшинством[3]. В литературе также высказывалась точка зрения, согласно которой «увлекшись борьбой за права мелких акционеров, законодатель не заметил, что в балансе корпоративных отношений произошел крен в другую сторону. Сегодня от миноритариев необходимо защищать само общество, деятельность которого может быть легко парализована исками мелких акционеров»[4].

---

[1] Пояснительная записка к проекту Федерального закона от 18.04.2005 № 162770-7 «О внесении изменений в Федеральный закон «Об акционерных обществах» и некоторые другие законодательные акты Российской Федерации» [Электронный ресурс] Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 15.03.2021).

[2] «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы общества с ограниченной ответственностью «Атлант-Эстейт» на нарушение конституционных прав и свобод статьей 84.2 Федерального закона «Об акционерных обществах» [Электронный ресурс]: Определение Конституционного Суда РФ от 06.07.2010 № 929-О-О. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 15.03.2021).

Пояснительная записка к проекту Федерального закона от 18.04.2005 № 162770-7 «О внесении изменений в Федеральный закон «Об акционерных обществах» и некоторые другие законодательные акты Российской Федерации» [Электронный ресурс] Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 15.03.2021).

[3] Долинская В.В., Фалеев В.В. Миноритарные акционеры: статус, права и их осуществление // М., 2010. С. 48

[4] Макарова О. А. Реализация принципов корпоративного управления в российском акционерном законодательстве // Актуальные проблемы науки и практики коммерческого права. Вып. 5: Сб. науч. статей / Санкт-Петербургский государственный университет, юридический факультет. М., 2005. С. 212.

Правовая регламентация процедуры, посредством осуществления которой приобретается значительный пакет акций акционерного общества, а также государственный контроль за ее соблюдением, также имеет своей целью недопущение возникновения негативных последствий смены корпоративного контроля в публичных акционерных обществах, а также обеспечение стабильного состава участников при переходе корпоративного контроля, что, в конечном счете, позволит предотвратить возникновение корпоративных конфликтов, а в случае их возникновения – создаст условия для их скорейшего разрешения[1].

Применительно к нормам главы XI.1 ФЗ об АО, концептуальным является правильное определение круга субъектов, на которых распространяется их действие, так как помимо указанных выше неблагоприятных последствий, их несоблюдение может повлечь за собой административную ответственность по статье 15.28 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях.

В соответствии с пунктом 8 статьи 27 Федерального закона от 29.06.2015 № 210-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации» (далее – Федеральный закон № 210-ФЗ), к отношениям, связанным с приобретением акций и ценных бумаг, конвертируемых в акции, акционерных обществ, которые на 01.09.2014 являлись открытыми акционерными обществами, применяются положения главы XI.1 ФЗ об АО в редакции Федерального закона № 210-ФЗ.

При этом согласно пункту 10 статьи 27 Федерального закона № 210-ФЗ непубличное акционерное общество, указанное в части 8 статьи 27 ФЗ об АО, вправе внести в свой устав изменения, содержащие указание на то, что приобретение акций и ценных бумаг, конвертируемых в акции, такого общества осуществляется без соблюдения положений главы XI.1 ФЗ об АО в редакции Федерального закона № 210-ФЗ.

Таким образом, процедуры, установленные главой XI.1 ФЗ об АО (добровольное предложение, обязательное предложение, уведомление о праве требовать выкупа и требование о выкупе ценных бумаг) применяются в отношении ценных бумаг акционерных обществ, которые на 01.09.2014 являлись открытыми, за исключением непубличных акционерных обществ, являвшихся на 01.09.2014 открытыми, в устав которых вне-

---

[1] Кремлева О. К. Проблемы защиты корпоративных прав // Актуальные проблемы современного развития гражданского, арбитражного и административного судопроизводств: сборник статей по материалам Международной научно-практической конференции: в 2-х частях, Санкт-Петербург, 18 октября 2013 года / Санкт-Петербург, 2013. – С. 200-202.

сены изменения, касающиеся приобретения ценных бумаг без соблюдения положений главы XI.1 ФЗ об АО.

Общество «А» по состоянию на 01.09.2014 имело организационно-правовую форму открытого акционерного общества и не обладало признаками публичного акционерного общества. На странице, размещенной на сайте уполномоченного агентства в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», используемой ОАО «А» для раскрытия информации в соответствии с нормами Положения Банка России от 30.12.2014 № 454-П «О раскрытии информации эмитентами эмиссионных ценных бумаг», был размещен текст устава в редакции, утвержденной общим собранием акционеров ОАО «А». Указанная редакция устава ОАО «А» не содержала указания на то, что приобретение акций и ценных бумаг, конвертируемых в акции акционерного общества, осуществляется без соблюдения положений главы XI. 1 Федерального закона № 208-ФЗ.

Таким образом, на приобретателей акций ОАО «А» возлагаются предусмотренные главой XI.1 ФЗ об АО обязанности в том числе по направлению обязательного предложения, а также последствия их неисполнения в виде ограничения права голосования акциями.

В соответствии с пунктами 1, 7 статьи 84.2 ФЗ об АО лицо, которое приобрело более 30, 50, 75 процентов общего количества акций публичного общества, указанных в пункте 1 статьи 84.1 ФЗ об АО, с учетом акций, принадлежащих этому лицу и его аффилированным лицам, в течение 35 дней с момента внесения соответствующей приходной записи по лицевому счету (счету депо) или с момента, когда это лицо узнало или должно было узнать о том, что оно самостоятельно или совместно с его аффилированными лицами владеет указанным количеством таких акций, обязано направить акционерам – владельцам остальных акций соответствующих категорий (типов) и владельцам эмиссионных ценных бумаг, конвертируемых в такие акции, публичную оферту о приобретении у них таких ценных бумаг (далее – обязательное предложение).

Согласно нормам пунктов 6, 7 статьи 84.2 ФЗ об АО с момента приобретения более 30, 50, 75 процентов общего количества акций публичного общества, указанных в пункте 1 статьи 84.2 ФЗ об АО, и до даты направления в публичное общество обязательного предложения, соответствующего требованиям статьи 84.2, лицо, указанное в пункте 1 статьи 84.2, и его аффилированные лица имеют право голоса только по акциям, составляющим 30, 50, 75 процентов таких акций. При этом остальные акции, принадлежащие этому лицу и его аффилированным лицам (вновь приобретенные акции, превышающие соответствующую долю), голосующими акциями не считаются и при определении кворума не учитываются.

Нарушение аффилированными акционерами публичного акционерного общества требований пункта 1 статьи 84.2 главы XI. 1 Федерального

закона «Об акционерных обществах», выразившееся в неисполнении обязанности по направлению обязательного предложениям иным акционерам общества, является основанием для пересчета голосов общего собрания акционеров в соответствии с пунктом 6 статьи 84.2 главы XI. 1 ФЗ об АО.

Таким образом, наступление правовых последствий, предусмотренных для аффилированных акционеров публичного акционерного общества, фактически поставлено в зависимость от правильного исчисления доли владения голосующими акциями публичного акционерного общества указанными лицами.

Один из подходов к оценке доли владения акциями эмитента заключается в том, чтобы исчислять указанную долю исходя из общего количества размещенных акций, скорректированного на количество акций, права по которым учитываются на казначейском счете акционерного общества.

Вместе с тем, установленные главой XI.1 ФЗ об АО особенности правового регулирования процедуры приобретения акций публичного общества в размере, превышающем 30 процентов, применяются в отношении всех размещенных акций эмитента, уменьшенных на количество привилегированных акций, по которым не производилась выплата очередных дивидендов (пункт 1 статьей 84.1, 84.2, 84.7, 84.8 ФЗ об АО; примечания к Приложению 1 Положения Банка России от 05.07.2015 № 477-П). В связи с этим, учитывая, что зачисление акций на казначейский счет эмитента в результате их выкупа не приводит к уменьшению количества размещенных акций, именно количество последних является предметом указанного специального режима приобретения. Следовательно, доля принадлежащих акционерам акций определяется исходя из общего количества размещенных акций, независимо от порядка их учета.

Подводя итог, следует отметить, что правильное определение круга субъектов, на которых распространяется действие главы XI.1 ФЗ об АО, позволяет снизить риск возникновения судебных споров, связанных с обжалованием решений общего собрания акционеров.

Также следует отметить, что при осуществлении приобретения крупных пакетов акций публичного акционерного общества должны обеспечиваться гарантии прав акционеров. При этом, Банк России, осуществляющий регулирование рассматриваемых отношений, высказывался о несовершенстве правового регулирования института принудительного выкупа ценных бумаг публичного общества мажоритарным акционером[1].

В качестве одного из направлений совершенствования правового регулирования процедуры приобретения крупных пакетов акций, на наш взгляд, можно отметить расширение государственного контроля за приоб-

[1] Доклад Банка России о реформировании подходов к осуществлению принудительного выкупа ценных бумаг публичных акционерных обществ. М. 2021. С. 2

ретением акций публичного общества, предусмотренного статьей 84.9 ФЗ об АО, путем установления механизма предварительного судебного контроля за осуществлением процедуры принудительного выкупа ценных бумаг. Преимуществом предлагаемого механизма является его открытость, объективность, законность, что достигается за счет привлечения к контролю за действиями участников рассматриваемой процедуры независимого от них и не заинтересованного в исходе дела судебного органа.

Представляется, что реализация предварительного судебного контроля возможна путем рассмотрения соответствующим Арбитражным судом субъекта Российской Федерации заявления мажоритарного акционера, с учетом особенностей, закрепить которые целесообразно в отдельной главе раздела IV Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации.

О.К. Кремлёва, *канд. юрид. наук,*
доцент кафедры теории
и истории государства и права СПбГЭУ
Ю. А. Калашникова, *соискатель кафедры теории*
и истории государства и права СПбГЭУ

ИЗМЕНЕНИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В СФЕРЕ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ЗАКУПОК КАК ОТВЕТНАЯ МЕРА НА ПАНДЕМИЮ КОРОНАВИРУСА

Пандемия новой коронавирусной инфекции COVID-2019 затронула многие сферы социальной и экономической жизнедеятельности. Не стала исключением и сфера государственных и муниципальных закупок. В условиях кризиса обострились многие проблемы данной сферы, что потребовало ответных оперативных действий со стороны государства. В связи с пандемией возникла острая потребность в некоторых товарах и услугах, поставка и оказание которых требовались в экстренном порядке, в сокращенные сроки (закупка лекарственных препаратов, медицинского оборудования, средств индивидуальной защиты, продуктов питания и др.). Остро встала проблема поиска правовых средств реализации «Общего блага». Полагаем, абсолютно верно то, что необходимо предпринимать меры для реализации категории Общего блага как «достояния, фактически составляющего реализацию права на жизнь»[1] и не допускать выпадения компонентов его функционирования. С этой целью следует проанализировать строго регламентированные процедуры осуществления закупок, которые не позво-

[1] Кремлёва О.К. Конкуренция общего блага и норм о защите правообладателей изобретений и технологий // Теория и практика развития биоэкономики: инновации, цифровизация, трансформация / И.А. Максимцев [и др.]. – СПб. : Изд-во СПбГЭУ, 2019. С. 72.

ляли удовлетворять возникшие потребности в максимально сжатые сроки. Следующая проблема, с которой столкнулись заказчики и поставщики (подрядчики, исполнители) связана с исполнением текущих контрактов. Так, в связи с введением ограничительных мер, с нарушением цепочек поставок, вынужденностью организации работы в удаленном режиме, многие компании не смогли выполнять свои обязательства по контракту. Однако, ограниченные возможности изменения условий контрактов не позволяли адекватно реагировать на изменяющиеся условия, продиктованные пандемией. Ответными мерами на меняющиеся условия стали изменения в законодательство о контрактной системе в сфере закупок товаров, работ и услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд, направленные на упрощение и ускорение процедуры закупок экстренных товаров, работ и услуг, на снижение финансовой нагрузки участников закупок, на возможность изменения условий контрактов. Рассмотрим основные из них.

Федеральным законом от 1 апреля 2020 г. № 98-ФЗ "О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций"[1] (далее – Федеральный закон №98-ФЗ) внесены изменения в п. 9 ч. 1 ст. 93 Федерального закона от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ "О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд"[2] (далее – Федеральный закон №44-ФЗ, Закон о контрактной системе, Закон), которые позволили закупать у единственного контрагента товары, работы, услуги, необходимые заказчику для оказания медицинской помощи в неотложной или экстренной форме либо вследствие аварии, обстоятельств непреодолимой силы, для предупреждения (при введении режима повышенной готовности функционирования органов управления и сил единой государственной системы предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций) и (или) ликвидации ЧС, для оказания гуманитарной помощи и проведение конкурентных процедур, требующих временных затрат, для которых нецелесообразно.

Согласно позиции Минфина России, МЧС России и Федеральной антимонопольной службы, выраженной в совместном письме[3], распро-

---

[1] Федеральный закон № 98-ФЗ от 01 апреля 2020 г. "О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций"// Российская газета. 2020. № 72.

[2] Федеральный закон «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» от 05.04.2013 № 44-ФЗ. В ред. от 04.04.2020 № 107-ФЗ // Российская газета. 2013. № 80; 2020. № 73.

[3] Письмо Минфина России, МЧС России и ФАС России от 3 апреля 2020 г. №№ 24-06-05/26578, 219-АГ-70, МЕ/28039/20 "О позиции Минфина России, МЧС России, ФАС России об осуществлении закупок товара, работы, услуги для обеспечения государственных и муниципальных нужд в связи с распространением новой коронавирусной инфекции, вызванной 2019-nCoV"//Справочная правовая система «ГАРАНТ».

странение коронавирусной инфекции носит чрезвычайный и непредотвратимый характер, т.е. является обстоятельством непреодолимой силы. В связи с этим заказчик вправе осуществить на основании п. 9 ч. 1 ст. 93 Закона № 44-ФЗ закупку любых товаров, работ, услуг у единственного поставщика (подрядчика, исполнителя), требуемых заказчику в связи с возникновением таких обстоятельств, – то есть заказчик вправе осуществить такую закупку при условии наличия причинно-следственной связи между объектом закупки и его использованием для удовлетворения потребностей, возникших вследствие возникновения обстоятельств непреодолимой силы, и (или) его использованием для предупреждения чрезвычайной ситуации (при введении режима повышенной готовности функционирования органов управления и сил единой государственной системы предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций).

Следует отметить, что до внесения указанных изменений в п. 9 ч.1 ст. 93 Федерального закона №44-ФЗ закупать такие товары, работы, услуги у единственного контрагента возможно было только для ликвидации (теперь же и для предупреждения) последствий, возникших вследствие аварии, иных чрезвычайных ситуаций природного или техногенного характера, непреодолимой силы, либо оказания медицинской помощи в экстренной форме или неотложной форме и при условии, что такие товары, работы, услуги не включены в утвержденный Правительством Российской Федерации перечень товаров, работ, услуг, необходимых для оказания гуманитарной помощи либо ликвидации последствий чрезвычайных ситуаций природного или техногенного характера[1].

Закупка товаров, работ, услуг, которые включены в указанный перечень, осуществлялась путем запроса котировок у поставщиков (подрядчиков, исполнителей), включенных в перечень по результатам предварительного отбора участников в соответствии со статьями 80, 81, 82 Закона. Указанные положения отменены Федеральным законом №98-ФЗ – статьи 80, 81, 82 Федерального закона № 44-ФЗ признаны утратившими силу с 01.04.2020 года.

Таким образом, указанные изменения упростили порядок осуществления неотложных, экстренных закупок, необходимых заказчику вследствие обстоятельств непреодолимой силы, а также для предупреждения и (или) ликвидации чрезвычайных ситуаций.

Кроме того, статьей 16 Федерального закона №98-ФЗ[2] установлено право Правительства РФ в период до 31 декабря 2020 г в дополнение к

---

[1] Распоряжение Правительства РФ от 30 сентября 2013 г. № 1765-р «Об утверждении перечня товаров, работ, услуг, необходимых для оказания гуманитарной помощи либо ликвидации последствий чрезвычайных ситуаций природного или техногенного характера»// Собрание законодательства РФ 2013 г. № 41 ст. 5208.

[2] Федеральный закон № 98-ФЗ от 01 апреля 2020 г. "О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций"// Российская газета. 2020. № 72.

случаям, предусмотренным ч.1 ст. 93 Федерального закона № 44-ФЗ, устанавливать иные случаи осуществления закупок у единственного контрагента, а также определять порядок осуществления закупок в таких случаях.

Следующим очень важным изменением является возможность изменения условий контракта в части изменения срока исполнения контракта, цены контракта, цены единицы товара, работы, услуги и размера аванса. По общему правилу изменение условий государственного (муниципального) контракта при его заключении и исполнении не допускается, за исключением случаев, установленных в статьях 34, 95 Федерального закона №44-ФЗ[1]. Статьей 34 Закона установлен единственный случай изменения условия контракта при его заключении. Статья 95 Закона о контрактной системе устанавливает исчерпывающий перечень случаев изменения существенных условий контракта при его исполнении и при условии, если такая возможность была предусмотрена документацией о закупке и проектом контракта. Среди перечисленных в Законе случаев отсутствует возможность изменения существенных условий контракта по соглашению сторон в случае невозможности его исполнения на определенных в контракте условиях в связи с возникновением обстоятельств непреодолимой силы или ЧС.

Как указано в п. 9 Обзора ВС РФ[2] временная невозможность исполнения обязательств исполнителем не предусмотрена п. 1 ст. 95 Закона о контрактной системе в числе случаев, в которых возможно изменение существенных условий контракта. Сохранение условий государственных и муниципальных контрактов в том виде, в котором они были изложены в извещении о проведении открытого аукциона в электронной форме и в документации об аукционе, невозможность ведения переговоров между заказчиками и участниками закупок (ст. 46 Закона) и исполнение контракта на условиях, указанных в документации, направлены на обеспечение равенства участников размещения заказов, создание условий для свободной конкуренции, обеспечение в связи с этим эффективного использования средств бюджетов и внебюджетных источников финансирования, на предотвращение коррупции и других злоупотреблений в сфере размещения заказов с тем, чтобы исключить случаи обхода закона – искусственного ограничения конкуренции при проведении аукциона и последующего

---

[1] Федеральный закон «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» от 05.04.2013 № 44-ФЗ. В ред. от 04.04.2020 № 107-ФЗ // Российская газета. 2013. № 80; 2020. № 73.

[2] Обзор судебной практики применения законодательства Российской Федерации о контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 28 июня 2017 г.)

создания для его победителя более выгодных условий исполнения контракта.

Таким образом, при исполнении государственных (муниципальных) контрактов в условиях пандемии стороны, столкнувшись с невозможностью их исполнения на определенных контрактом условиях, не могли изменить его условия, в связи с чем введенная законодателем норма (ч. 65 ст.112 Федерального закона №44-ФЗ), позволяющая менять срок исполнения контракта, его цену и размер аванса, являлась необходимой и актуальной. Помимо самой возможности изменения условий контракта, введенная ч. 65 ст. 112 Закона определяет случаи и условия, при которых контракт может быть изменен. Так, в соответствии с ч. 65 ст. 112 Закона[1] изменение контракта по соглашению сторон возможно, если при его исполнении в связи с распространением новой коронавирусной инфекции, вызванной 2019-nCoV, а также в иных случаях, установленных Правительством РФ, возникли независящие от сторон контракта обстоятельства, влекущие невозможность его исполнения. При этом такое изменение возможно при наличии в письменной форме обоснования такого изменения на основании решения Правительства РФ, высшего исполнительного органа государственной власти субъекта РФ, местной администрации при закупке для федеральных, региональных и муниципальных нужд соответственно, а также после предоставления поставщиком (подрядчиком, исполнителем) обеспечения исполнения контракта, если изменение контракта влечет возникновение новых обязательств контрагента, не обеспеченных ранее предоставленным обеспечением, и требование обеспечения исполнения контракта было установлено в соответствии со ст. 96 Закона № 44-ФЗ при определении поставщика (подрядчика, исполнителя).

Таким образом, чтобы применить указанную норму права, необходимо не только обосновать влияние пандемии на невозможность исполнения конкретного контракта, но и получить решение Правительства РФ, высшего исполнительного органа государственной власти субъекта РФ, местной администрации. Данное требование направлено на исключение злоупотреблений, но, по мнению автора, является излишним и препятствующим реализации введенной возможности изменения условий контракта. По мнению автора, достаточно обоснования изменения контракта, при этом, в целях исключения злоупотреблений, возможно было на время пандемии ввести обязанность органов контроля в сфере закупок по осуществлению контроля за исполнением контрактов в условиях пандемии. Также следует отметить, что введенная норма являлась временной – изменять условия контракта на ее основании можно было только в течение

[1] Федеральный закон № 44-ФЗ от 05.04.2013 «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» (ред. от 04.04.2020) // Российская газета. 2013. № 80.

2020 года. Однако, на будущее в подобных ситуациях при разработке антикризисных мер, в том числе, связанных с исполнением государственных контрактов, необходимы доработки с учетом извлеченных уроков.

Помимо указанных изменений, среди положительных, направленных на снижение финансовой нагрузки участников закупки, можно отметить следующие: увеличение максимального размера аванса с 30% до 50% цены контракта в государственных контрактах, заключаемых федеральными получателями бюджетных средств, (временная мера – в течение 2020 года); обязанность заказчика по списанию начисленных поставщику (подрядчику, исполнителю) неустоек в связи с неисполнением или ненадлежащим исполнением в 2020 году обязательств, предусмотренных контрактом, в случаях и порядке, установленных Правительством РФ; установление с 01.04.2020года права заказчика в 2020 году при осуществлении закупок у субъектов малого предпринимательства и социально ориентированных некоммерческих организаций не устанавливать требование обеспечения исполнения контракта, обеспечения гарантийных обязательств, если контрактом не предусмотрен аванс, при этом с 01.07.2020 года действует постоянная норма, устанавливающая право заказчика не устанавливать требование обеспечения гарантийных обязательств при осуществлении закупок; снижен минимальный размер обеспечения исполнения контракта с 5% до 0,5% начальной (максимальной) цены контракта. Многие из этих мер ввели с опозданием – с 01.07.2020 года, в связи с чем законодатель распространил их действие на отношения, связанные с исполнением контракта, заключенного до 24.04.2020 года, либо контракта, заключенного по результатам закупки, извещение об осуществлении которой размещено в единой информационной системе в сфере закупок либо приглашения принять участие в закупках, по которым направлены до 24.04.2020 г.

Подводя итоги, можно сказать, что в условиях пандемии принималось большое количество нормативных правовых актов, направленных на ускорение и оптимизацию осуществления закупок, исполнения контрактов, снижение финансовой нагрузки на участников закупок. Однако, как видно не все принимаемые меры являлись реально применяемыми на практике, кроме того принятие некоторых необходимых и ожидаемых мер затянулось.

Учитывая, что данная пандемия является не последней и в будущем возможны подобные кризисные ситуации, представляется необходимым разработать единый порядок осуществления закупок в таких ситуациях с учетом извлеченных уроков. Наличие проработанного единого порядка избавит от необходимости издания множества нормативных правовых актов по внесению изменений в Закон о контрактной системе, порой затянувшихся и не лишенных изъянов, что позволит повысить эффективность антикризисных мер в аналогичных ситуациях в будущем.

О.К. Кремлёва, *канд. юрид. наук,*
доцент кафедры теории
и истории государства и права СПбГЭУ
А.В. Шиляев, *соискатель кафедры теории*
и истории государства и права СПбГЭУ

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ РЕГИСТРАЦИИ ПРАВ НА НЕДВИЖИМОЕ ИМУЩЕСТВО В СИЛУ ЗАКОНА: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

В соответствии со статьей 8 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) права на недвижимое имущество возникают из оснований, предусмотренных законом, а также из действий граждан и юридических лиц. Действия юридических или физических лиц, направленные на установление, изменение или прекращение гражданских прав и обязанностей являются сделками[1]. В соответствии со статьей 14 Федерального закона от 13 июля 2015 г. № 218-ФЗ «О государственной регистрации недвижимости» (далее – Закон о регистрации недвижимости), наряду со сделками к основаниям для государственной регистрации прав относятся акты, изданные органами государственной власти или органами местного самоуправления в рамках их компетенции, акты (свидетельства) о приватизации жилых помещений, свидетельства о праве на наследство, вступившие в законную силу судебные акты и иные документы, подтверждающие наличие, возникновение, переход или прекращение права.

Однако статьей 129 ГК РФ предусмотрены случаи ограничения оборотоспособности объектов гражданских прав, в связи с чем приобретение прав на недвижимое имущество в ряде случае может быть затруднительно. В частности, Земельным кодексом Российской Федерации (далее – ЗК РФ) установлены случаи ограничения оборотоспособности земельных участков (статья 27), в результате чего права и законные интересы собственников объектов недвижимости, расположенных на таких участках, могут быть нарушены.

В то же время Закон о регистрации недвижимости предусматривает возможность регистрации права в силу закона (exlege), то есть гражданские права и обязанности возникают в силу общих начал и смысла гражданского законодательства[2], что нашло отражение в пункте 6 части 4 статьи 14 Закона о регистрации недвижимости.

---

[1] Правовое обеспечение хозяйственной деятельности: учебное пособие / Под ред. О.К. Кремлёвой. – СПб. : Изд-во СПбГЭУ, 2018. С. 5.

[2] Булгаков В. В., Попов М. С., Заражин С. А. Возникновение права собственности на землю в силу закона // Современные тенденции развития науки и технологий. 2016. № 5-5. С. 30-31.

Данная норма, в частности, применяется в случае государственной регистрации перехода права на недвижимое имущество при реорганизации, а также регистрации залога (ипотеки). Для первого случая законом, в силу которого возникает право, является статья 58 ГК РФ «Правопреемство при реорганизации юридических лиц», для второго – статья 20 Федерального закона от 16 июля 1998 г. № 102-ФЗ «Об ипотеке (залоге недвижимости)». В силу закона также возникают права на земельный участок при передаче прав на здание (сооружение), на котором оно расположено (статьи 552, 652 ГК РФ). Таким образом, регистрация прав в силу закона наиболее распространена в случае, когда права на недвижимое имущество уже возникли ранее и зарегистрированы за иным юридическим или физическим лицом.

В науке гражданского права принято подразделять способы приобретения права собственности на первоначальные и производные. Наиболее обоснованным является мнение, согласно которому производное приобретение права собственности происходит в случае, когда имеется зависимость права приобретателя от права предшественника[1]. Так, Суханов Е.А. к первоначальным способам относит случаи, независимые от прав предшествующего собственника или когда его вообще не было, а в качестве производных рассматривает способы, при которых право собственности возникает по воле предшествующего собственника[2].

При первоначальном способе возникновения права применение пункта 6 части 4 статьи 14 Закона о регистрации недвижимости не нашло широкого распространения, что обуславливает правовую неопределенность и отказы в государственной регистрации таких прав. Наиболее острым вопрос первоначального оформления прав является для собственников объектов недвижимости садового, дачного или гаражного назначения. Недостаточная изученность данного вопроса определяет его актуальность.

В настоящей статье рассмотрены аспекты возникновения и регистрации прав на недвижимое имущество при первоначальном способе их приобретения – на примере земельных участков, ограниченных в обороте.

Наиболее распространенным способом первоначального приобретения права на земельный участок является заключение договора купли-продажи или аренды с уполномоченным органом в порядке, предусмотренном главой V.1 ЗК РФ. Таким образом, государственная регистрация прав осуществляется не в силу юридических фактов, перечисленных в законе, а из сделок с уполномоченным органом, которые являются самосто-

---

[1] Себельдина Д. В. Способы и основания приобретения права собственности // Юридическая наука. 2017. № 4. С. 109.

[2] Гражданское право : учеб. : в 4 т. / отв. ред. Е. А. Суханов. 3-е изд., перераб. и доп. М. : ВолтерсКлувер, 2008. Т. 2 : Вещное право. Наследственное право. Исключительные права. Личные неимущественные права. С. 37.

ятельным основанием для государственной регистрации (пункт 2 части 2 статьи 14 Закона о регистрации недвижимости).

В то же время одним из принципов земельного законодательства является единство судьбы земельных участков и прочно связанных с ними объектов. Статьей 39.20 ЗК РФ закреплено исключительное право на приобретение земельных участков для собственников объектов, расположенных на них. Однако, как отмечено ранее, в силу положений ЗК РФ в частную собственность не могут быть переданы участки, ограниченные в обороте.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что в силу закона право на земельный участок для собственника объекта недвижимости возникнуть не может. Соответственно, обращение в уполномоченный орган за государственной регистрацией права или в суд с требованием о признании права собственности на земельный участок является нецелесообразным, поскольку такой способ защиты направлен на обход процедуры предоставления земельных участков, предусмотренной ЗК РФ.

По общему правилу ограниченная оборотоспобность свидетельствует не о невозможности оформления прав на земельный участок, а о невозможности его приватизации. Следовательно, собственники объектов недвижимости имеют исключительное право на приобретение земельных участков в аренду, и принцип платности землепользования, закрепленный в статье 65 ЗК РФ, будет соблюден в виде начисления арендных платежей.

Однако на практике возникает ситуация, при которой собственник объекта недвижимости, желающий в целях оптимизации расходов на плату за землепользование приобрести земельный участок в собственность в порядке ст. 39.20 ЗК РФ, может рассчитывать только на заключение договора аренды ввиду ограниченной оборотоспособности участка, что нарушает права и законные интересы такого лица.

Особенно ярко эта проблема нашла свое отражение в Московской области после издания Постановления Правительства Московской области № 230/8 от 25 марта 2016 г. об утверждении схемы территориального планирования транспортного обслуживания. Указанной схемой предусмотрено расширение использования земель не только для размещения автомобильных дорог общего пользования, железнодорожного, скоростного пассажирского и иных видов транспорта, но и для создания транспортно-пересадочных узлов, логистических комплексов и центров.

В Определении Верховного Суда Российской Федерации от 01 декабря 2016 г. по делу № А41-70884/15 указано, что для отказа в предоставлении в собственность земельного участка по процедуре, предусмотренной главой V.1 ЗК РФ, не требуется доказательств резервирования таких участков для государственных или муниципальных нужд. В связи с этим число участков на территории Московской области, ограниченных в

обороте, возросло. Однако ограниченная оборотоспособность земельных участков не должна ставить собственника земельного участка в худшее положение перед арендатором земельного участка, хотя оба обладают одним и тем же преимущественным правом, закрепленным в статье 39.20 ЗК РФ. В частности, неравенство может быть обусловлено разницей между размером налога на недвижимость и размером арендной платы.

В этой связи представляется перспективным изучение разрешения дилеммы частных и публичных интересов. С одной стороны, диспозитивность (преимущественное право на выкуп или на предоставление участка в аренду) нормы в статье 39.20 ЗК РФ обеспечила возможность для устранения такого неравного положения.

16 июля 2009 г. издано Постановление Правительства Российской Федерации № 582 «Об основных принципах определения арендной платы при аренде земельных участков, находящихся в государственной или муниципальной собственности, и о Правилах определения размера арендной платы, а также порядка, условий и сроков внесения арендной платы за земли, находящиеся в собственности Российской Федерации».

05 мая 2017 г. Постановлением Правительства Российской Федерации № 531 введен принцип учета наличия предусмотренных законодательством Российской Федерации ограничений права на приобретение в собственность земельного участка, занимаемого зданием, сооружением, собственником этого здания, сооружения, в соответствии с которым размер арендной платы не должен превышать размер земельного налога, установленный в отношении предназначенных для использования в сходных целях и занимаемых зданиями, сооружениями земельных участков, для которых указанные ограничения права на приобретение в собственность отсутствуют.

Определением от 25 июня 2020 г. по делу № А40-44728/19 Верховный Суд Российской Федерации указал на то, что данный принцип является дополнительной гарантией при установлении размера арендной платы для лиц, имеющих в собственности объекты недвижимого имущества, расположенные на земельных участках, отнесенных законодательством к землям, ограниченным в обороте.

С другой стороны, указанный механизм ограничивает распоряжение имуществом, в связи с чем обеспечение защиты прав собственников объектов недвижимости должно осуществляться и иными инструментами, к числу которых и относится возникновение прав в силу закона.

В частности, в соответствии с частью 1 статьи 36 Жилищного кодекса Российской Федерации (далее – ЖК РФ) собственникам помещений в многоквартирном доме принадлежит на праве общей долевой собственности общее имущество в многоквартирном доме, в том числе: земельный участок, на котором расположен данный дом, с элементами озеленения и

благоустройства, иные предназначенные для обслуживания, эксплуатации и благоустройства данного дома и расположенные на указанном земельном участке объекты.

В пункте 14 Постановления Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 24 марта 2005 г. № 11 «О некоторых вопросах, связанных с применением земельного законодательства» разъяснено, что с момента регистрации перехода права собственности на здания новый собственник признается фактическим землепользователем участка, несмотря на отсутствие оформления арендных отношений в виде составленного собственником земельного участка и новым собственником объекта недвижимости самостоятельного договора аренды.

Таким образом, если лицо является собственником всех помещений в многоквартирном доме, то к нему в силу закону переходит право собственности на сформированный под многоквартирным домом земельный участок с даты первой регистрации на любое из помещений в указанном доме.

В Определении от 04 марта 2021 г. по делу № А32-17099/19 Верховный Суд Российской Федерации сделал вывод о том, что в таком случае право собственности на земельный участок возникает в силу закона в том числе и в случае ограниченной оборотоспособности земельного участка. Соответственно, в данном случае право собственника всех помещений многоквартирного дома на земельный участок возникло в силу юридических фактов, перечисленных в законе – в ЖК РФ.

Учитывая вышеизложенные рекомендации Верховного Суда Российской Федерации, механизм возникновения прав в силу закона и их дальнейшей регистрации следует признать наиболее перспективным направлением для вовлечения в оборот участков, которые расположены в зонах, поименованных в статье 27 ЗК РФ. Так, еще одним распространенным случаем отказа в приватизации земельных участков является вхождение участков в первый и второй пояс зон санитарной охраны источников питьевого и хозяйственно-бытового водоснабжения (далее – ЗСО).

Например, по сведениям Федеральной службы государственной регистрации, кадастра и картографии (далее – Росреестр), в период 1980-2010-х гг. в границах второго пояса ЗСО в Московской области построены около 7,5 тыс. объектов капитального строительства, включая 33 многоквартирных жилых дома, более 5 тыс. индивидуальных жилых домов, свыше 2 тыс. объектов нежилого назначения, включая промышленные объекты, объекты торговли и логистические комплексы[1].

---

[1] Росреестр предложил разрешить гражданам и предпринимателям приватизировать земли во втором поясе зон санитарной охраны [электронный ресурс] // Сайт Федеральной службы государственной регистрации, кадастра и картографии. Режим доступа: https://rosreestr.gov.ru/site/press/news/rosreestr-predlozhil-razreshit-grazhdanam-i-predprinimatelyam-privatizirovat-zemli-vo-vtorom-poyase-/ Дата обращения: 01.04.2021.

В настоящее время ведется работа по внесению изменений в статью 27 ЗК РФ в части сужения сферы действия данной нормы. Росреестр разработал законопроект об исключении из числа ограниченных в обороте земельных участков, расположенных во втором поясе ЗСО1. Безусловно, принятие указанного законопроекта поспособствует как вовлечению земельных участков в гражданский оборот, так и росту доступности оформления прав на объекты в их границах. Однако действия по сужению сферы действия статьи 27 ЗК РФ носят ограниченный характер, а механизм возникновения прав в силу закона такими ограничениями не обладает.

Ограниченность участков в обороте обусловлена их особо важностью для государства, однако в то же время государством признаются права, возникшие до 21 июля 1997 г. (до даты вступления в законную силу Федерального закона от 21 июля 1997 г. № 122-ФЗ "О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним"), признаются юридически действительными при отсутствии их государственной регистрации в Едином государственном реестре недвижимости (далее – ЕГРН). В силу статьи 69 Закона о регистрации недвижимости, государственная регистрация таких прав в ЕГРН проводится по желанию их обладателей.

Соответственно, имеет место быть коллизия между признанием ранее возникшего права на земельные участки из земель, ограниченных в обороте, и невозможностью регистрации права собственности на них. В целях преодоления данной коллизии представляется возможным не только внесение изменений в статью 27 ЗК РФ, но и определение правового статуса земельных участков в таких зонах путем изданий отдельных нормативных актов. Определенная работа в указанном направлении, безусловно, ведется, и широкое распространение получили законы о дачной, лесной и гаражной амнистиях, содержащие отдельные элементы возникновения права в силу закона. В таком случае применение нормы о регистрации права в силу закона, закрепленной пунктом 6 части 4 статьи 14 Закона о регистрации недвижимости, не только найдет большее применение, но и увеличит число способов защиты прав землепользователей.

---

[1] Проект Федерального закона «О внесении изменения в статью 27 Земельного кодекса Российской Федерации» [электронный ресурс] // Федеральный портал проектов нормативных правовых актов. Режим доступа https://regulation.gov.ru/projects/#npa=114326 Дата обращения: 01.04.2021.

А.А. Гавриш, *ассистент кафедры теории и истории государства и права СПбГЭУ*

О ПРАВЕ ПОМИЛОВАНИЯ ГЛАВЫ ГОСУДАРСТВА В 21 ВЕКЕ

Прежде чем, рассуждать о праве помилования и возможности его сохранения у главы государства в 21 веке, уместно будет напомнить, на каких принципах строится правовое государство:

- приоритет интересов личности в любой деятельности государства,
- верховенство закона,
- разделение властей, сбалансированное системой сдержек и противовесов,
- демократизм,
- гласность и открытость в работе государственного аппарата,
- независимость и беспристрастность суда,
- неотвратимость юридической ответственности[1].

Могут быть названы и другие принципы в разных формулировках, но достаточно и перечисленных.

Право помилования, как возможность освободить от бремени уголовной ответственности виновное в преступлении лицо, неизменно присутствует у главы государства, начиная с самых ранних времен.

Например, Законы Хаммурапи в § 129 предусматривали следующее:

«*Если жена человека была схвачена лежащей с другим мужчиной, то их должно связать и бросить в воду. Если хозяин жены пощадит свою жену, то и* ***царь пощадит своего раба***»[2].

На современном этапе мы можем обнаружить на законодательном уровне множество примеров закрепления за главой государства права помилования. При этом формы правления государств могут быть самыми разными. Приведем несколько примеров.

Согласно ст. 62 Конституции Испании (парламентская монархия) «*В обязанности Короля входит:*

...i) осуществление права помилования в соответствии с законом, который не может предусматривать всеобщих амнистий»[3].

---

[1] Теория государства и права: учебник / В.В. Лазарев, С.В. Липень. М.: Юрайт, 2011. С. 573-584. Теория государства и права: учебник / под ред. д.ю.н., проф. Г.Г. Бернацкого. СПб.: СПбГЭУ, 2020. С. 216-229.

[2] Законы Хаммурапи. [Электронный ресурс] – Режим доступа: URL: http://www.biz-konsalt.ru/sanyu/ist/zhammurapi.htm.

[3] Конституция Испании. [Электронный ресурс] – Режим доступа: URL: https://legalns.com/download/books/cons/spain.pdf.

Согласно п. 2 ст. 60 Основного Закона ФРГ (парламентская республика) в отдельных случаях Федеральный президент осуществляет от имени Федерации право помилования[1]. При этом это полномочие может быть передано другим органам власти (согласно пункту 3 этой статьи).

Согласно разделу 2 статьи II Конституции США (президентская республика) Президенту США «*предоставлено право отсрочки исполнения приговоров и помилования за преступления против Соединенных Штатов, за исключением дел по импичменту*»[2].

В Конституции нашего государства (которое представляет собой смешанную форму республики) тоже закрепляется возможность помилования. Согласно п. «в» ст. 89 Конституции РФ Президент Российской Федерации «*осуществляет помилование*».

Проясним некоторые основные вопросы помилования на примере России.

На чьей стороне должна быть инициатива при осуществлении помилования?

Согласно п. 3 ст. 50 Конституции РФ:

«*Каждый осужденный за преступление имеет право на пересмотр приговора вышестоящим судом в порядке, установленном федеральным законом, а также* ***право просить о помиловании*** *или смягчении наказания*».

Согласно ст. 176 Уголовно-исполнительного кодекса РФ:

«*Осужденный вправе обратиться к Президенту Российской Федерации с ходатайством о помиловании. Ходатайство о помиловании осужденный подает через администрацию учреждения или органа, исполняющего наказание*».

Конкретный порядок установлен в Положении о порядке рассмотрения ходатайств о помиловании в Российской Федерации, которое утверждено Указом Президента Российской Федерации от 14.12.2020 № 787.

В этом Положении в п. 2 указано следующее:

«*Помилование осуществляется путем издания указа Президента Российской Федерации о помиловании* ***на основании соответствующего ходатайства*** *осужденного или лица, отбывшего назначенное судом наказание и имеющего неснятую или непогашенную судимость*».

Таким образом, осужденный по своей инициативе может попросить Президента РФ осуществить помилование, но в то же время такое прошение по смыслу законодательства (п. 3 ст. 50, п. «в» ст. 89 Конституции РФ,

---

[1] Основной закон ФРГ. [Электронный ресурс] – Режим доступа:URL: https://world-constitutions.ru/?p=155.

[2] Конституция США. [Электронный ресурс] – Режим доступа:URL: http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/cnstUS.htm.

ст. 176 Уголовно-исполнительного кодекса РФ) не является обязательным для осуществления помилования. Ходатайство о помиловании является правовым поводом для рассмотрения возможности помилования в отношении конкретного осужденного, но отсутствие такого ходатайства не может быть препятствием для осуществления помилования по инициативе самого Президента РФ.

В чем может заключаться помилование для осужденного?

Если раньше помилование касалось лишь замены смертной казни на другое наказание, то сейчас значение помилования расширилось.

Так, согласно ч. 2 ст. 85 Уголовного кодекса РФ помилование в России может представлять собой:

- освобождение осужденного от дальнейшего отбывания наказания,
- сокращение срока назначенного наказания,
- замену назначенного наказания на более мягкий вид наказания,
- снятие судимости с лица, уже отбывшего наказание.

Завершая предварительные замечания, обратимся к основному вопросу настоящей статьи: должно ли сохраняться право помилования у главы государства в 21 веке?

Прежде всего, почему у нас вообще возникает такой вопрос? Разве помилование является негативным феноменом для человека?

Воздерживаясь от быстрого ответа о возможных негативных аспектах помилования, пока лишь скажем, что помилование представляется нам неуместным в рамках концепции правового государства, даже несмотря на то, что институт помилования соответствует и принципу гуманизма, и принципу признания человека, его прав и свобод высшей ценностью (что декларируется в ст. 2 Конституции РФ).

В чем мы видим противоречие между правом помилования главы государства и устройством правового государства?

Прежде всего, наличие права помилования у главы государства противоречит принципу разделения властей, так как нарушает баланс между различными ветвями власти.

Что предполагает принцип разделения властей?

В классическом виде (а в России принцип разделения властей представлен именно в классическом виде – ст. 10 Конституции РФ) принцип разделения властей представляет собой выделение трех самостоятельных независимых друг от друга ветвей власти: законодательную, исполнительную, судебную.

У каждой из ветвей есть своя сфера деятельности и своя компетенция, и ни одна из ветвей власти не должна посягать на сферу и компетенцию другой ветви власти.

Так, законодательная власть занимается установлением, изменением, отменой основных правил, по которым живет общество. Исполнительная

власть занимается управлением, решением текущих задач, необходимых для обеспечения эффективного взаимодействия между людьми и их комфортного сосуществования друг с другом. Судебная власть занимается правосудием, то есть разрешением социальных конфликтов на основе заранее установленных законодателем правил (и жизни, и судебного процесса).

Но не оказывается ли исполнительная власть (на стороне которой обычно и закрепляется право помилования) на территории судебной власти, когда глава государства решает осуществить помилование того или иного лица?

Конечно, помилование предусмотрено законодательством и, с этой точки зрения, санкционировано законодательной ветвью власти (или даже населением, поскольку помилование закреплено в конституциях государств), но достаточно ли этого, чтобы обосновать вторжение исполнительной власти в деятельность власти судебной?

Представим себе судебное разбирательство по конкретному делу.

Суд первой инстанции исследовал фактические обстоятельства дела, исследовал вопросы права (то есть какие нормы права подлежат применению в данном деле) и вынес мотивированное решение о привлечении лица к уголовной ответственности.

Лицо обжаловало приговор в суде апелляционной инстанции, и суд апелляции снова проверил фактические обстоятельства дела, исследовал вопросы права и вынес свое решение (неважно, согласился он с судом первой инстанции или нет).

Затем лицо снова обжаловало приговор уже в суде кассации.

Кассационный суд снова проверил вопросы права и вынес свое решение (опять же неважно, согласился он с предыдущими судами или нет).

Итак, три судебные инстанции рассмотрели уголовное дело (можно представить себе еще несколько дальнейших ступеней, но ограничимся таким набором).

Далее, представим, что после всего этого судебного разбирательства глава государства осуществляет помилование осужденного лица.

Здесь, на наш взгляд, и обнаруживаются проблемы.

Получается, глава государства оказывается в позиции того, кто знает лучше трех судебных инстанций, должен ли осужденный понести наказание. Но почему глава государства должен знать лучше, почему он должен быть более компетентен, чем несколько судебных инстанций? И как именно глава государства решает, достойно ли конкретное лицо помилования? Он с самого начала изучает факты дела и вопросы примененного законодательства и фактически перепроверяет суд? Тогда получается, глава государства ищет и исправляет судебные ошибки. При этом глава государства, конечно, работает не один, как правило, предварительную работу

осуществляет подчиненный ему государственный аппарат (администрация Президента РФ, например, если говорить о России), могут быть также консультации со специальными правоохранительными службами (например, ФСБ России). Но в таком случае перед нами как раз необоснованное вмешательство в сферу судебной власти. Возможно, уместно даже говорить о подмене судебной власти органами исполнительной власти в случаях, когда осуществляется помилование. Хотя правосудие – это исключительная компетенция судов (ст. 118 Конституции РФ).

В современной Испании, например, судьи и гражданское общество активно борются против применения института помилования. Но их проблема артикулируется более конкретно. Помилование в Испании часто применяется не к тем, кто заслуживает милосердия, а к тем, кто связан с должностными лицами и органами исполнительной власти. Фактически, речь о коррупционном применении института помилования. В качестве лечения этой болезни предлагается внести правки в механизм осуществления помилования, чтобы не только Правительство участвовало в принятии решения о помиловании конкретных лиц[1] [2][9; 10].

Далее, часто говорят, что помилование не предполагает перепроверку судебных актов, а является лишь актом милосердия и гуманизма[3].

Но если глава государства осуществляет помилование как акт милосердия и гуманизма, то и это выглядит странно для правового государства, поскольку есть принцип неотвратимости юридической ответственности. Если лицо совершило правонарушение, оно должно понести ответственность, может быть небольшую, но какая-то ответственность (адекватная совершенному деянию) должна наступать за каждый случай правонарушения.

Здесь мы не можем не процитировать великого итальянского деятеля Чезаре Беккариа, который писал еще в 18 веке следующее:

«Показывать людям, что можно прощать преступления, что наказание не является необходимым их последствием, – значит питать в них надежду на безнаказанность и заставлять думать, что, раз может быть дано прощение, исполнение наказания над теми, кого не простили, является скорее злоупотреблением силы, чем проявлением правосудия. Что могут сказать, если государь дарует прощение, т.е. жертвует общественной безопасностью в пользу отдельного лица и частным постановлением создает общее представление о безнаказанности!»[4].

---

[1] URL: https://ru.globalvoices.org/2016/04/02/47866/

[2] URL: https://civio.es/el-indultometro/2012/12/03/indulta-que-nada-queda/

[3] Авдеева Е. Правовая природа помилования: как ее правильно толковать. URL: https://www.advgazeta.ru/mneniya/pravovaya-priroda-pomilovaniya-kak-ee-pravilno-tolkovat/

[4] Беккариа Ч. О преступлениях и наказаниях. М.: ИНФРА-М, 2011. С. 155.

Кроме того, мы убеждены, что **тот, кто заслуживает акта помилования (как милосердия), не должен был быть осужден вообще**. И тогда это случай ошибки судебной системы. Но должен ли глава государства исправлять ошибки судебной системы? Ошибки судебной системы – дело судебной системы. А если они обусловлены недостатками законодательства, то это еще и дело законодателя, но не главы государства, не правительства и не исполнительной власти в целом.

Как писал Чезаре Беккариа «*нужно помнить, что милосердие – добродетель законодателя, а не исполнителя законов, что она должна блистать в Уложении, а не в отдельных решениях*».

Кроме того, если посмотреть конкретные случаи, когда применялось помилование, можно увидеть, что часто это было решение политических задач, нежели задач по исправлению ошибок правосудия или проявление истинного милосердия.

Например, случай с гражданкой Израиля и США Наамой Иссахар.

В апреле 2019 года ее задержали в московском аэропорту Шереметьево в транзитной зоне, где она совершала пересадку в рамках рейса из Дели в Тель-Авив. Задержание было осуществлено в связи с обнаружением в багаже девушки наркотического средства.

Хотя адвокаты настаивали на невиновности девушки и пытались доказать отсутствие состава преступления, судом был вынесен обвинительный приговор – лишение свободы на 7,5 лет в колонии.

В этом деле примечательно то, что девушку просили освободить (помиловать) и президент, и премьер-министр Израиля.

Президент России в итоге осуществил помилование после того, как ходатайство об этом подала сама девушка. Но политически обусловленным это помилование выглядит в связи с тем, что оно произошло как раз после того, как Израиль инициировал процедуру передачи России археологического и архитектурного комплекса Александровское подворье в Иерусалиме (об этом писали много разных СМИ, в частности, РБК, ТАСС).

На наш взгляд, это тот случай, когда помилования не должно было быть, поскольку самого обвинительного приговора не должно было быть. С учетом известных нам обстоятельств, как минимум, нельзя говорить о том, что деяние Наамы Иссахар обладало общественной опасностью, необходимой для квалификации в качестве преступления. Иными словами, на наш взгляд, судебная система России допустила ошибку, которая еще и была умело использована в политических интересах России ее исполнительной властью.

Есть и много других случаев, когда помилование использовалось в политических целях (к примеру, помилование Надежды Савченко или Олега Сенцова).

Таким образом, хотя помилование – это, очевидно, юридический акт, однако он часто используется в политических целях.

Если помилование – всего лишь способ решить политические задачи, мы, конечно, против его подобного использования. Но может быть помилование можно использовать и как юридический акт в соответствии с его назначением? Или же нам нужно найти какой-то принципиально иной правовой институт?

Если использовать институт помилования (который действительно может отражать принципы и гуманизма, и уважения человека, его прав и свобод), то необходимо предусмотреть иные механизмы реализации этого института, чтобы он не использовался главой государства (одним человеком) исключительно по своему усмотрению, да еще и в решении политических задач.

А какие могут быть иные правовые механизмы, альтернативные помилованию? Рассмотрим один из вариантов.

Предположим, по конкретному судебному делу был вынесен обвинительный приговор, который стал причиной значительного общественного резонанса и даже породил волну возмущения.

Это возмущение может быть выражено в правовой форме – петиции. Если эту петицию подписывает значительное количество людей (о том, сколько это в масштабах России, можно думать в дальнейшем), она направляется главе государства с просьбой обратить внимание на конкретное судебное дело, которое, с точки зрения общественности, было разрешено несправедливо. На основании этой петиции глава государства должен изучить дело и дать публичный обоснованный ответ о возможности его пересмотра.

По результатам рассмотрения петиции глава государства может согласиться с ней и сразу передать дело на новое рассмотрение в Верховный суд государства, либо если он не согласен с петицией, он может обратиться в парламент и поставить вопрос на голосование в парламенте, стоит ли передавать данное судебное дело на новое рассмотрение в суд.

Далее, если парламент соглашается с петицией, дело отправляется на новое рассмотрение в Верховный суд, если парламент не соглашается с петицией, то на этом процедура заканчивается, и дело не подлежит пересмотру.

Важно, что в данном случае глава государства не решает единолично вопрос о судьбе осужденного. Он может только передать в суд дело на новое рассмотрение (если согласен с петицией) либо передать решение вопроса коллективному представительному органу – парламенту государства (если не согласен с петицией).

Важно и то, что население получает новый способ участия в политической жизни и новый рычаг для общественного контроля за деятельностью государственных органов, что соответствует принципам демократизма и в целом устройству правового государства.

Конечно, описанный механизм уже мало похож на помилование. Речь, скорее, идет, наоборот, об исключении института помилования и введении нового правового института, предполагающего возможность пересмотреть результат судебного разбирательства по конкретному делу по инициативе общественности на основании петиции, подписанной множеством людей. На наш взгляд, такой правовой институт будет больше соответствовать концепции современного правового государства, нежели институт помилования.

Ведь, что такое помилование? Если отойти от строгого юридического смысла, то, по существу, это возможность одного лица решить судьбу другого лица. Если я могу помиловать человека, это означает, что он в моей власти. Но тогда это в чистом виде монархический дискурс. Помиловать может только монарх и помиловать можно только *подданого*. Там, где есть *граждане*, не может быть монархической власти и ее проявления в том числе в форме помилования.

Неслучайно современные политические активисты, подвергающиеся уголовным преследованиям со стороны государства, часто отказываются просить о помиловании главу государства (хотя им предлагают это сделать их адвокаты). И наоборот, неслучайно часто можно услышать от представителей государства, что они *ждут* прошения о помиловании от осужденного, и пока они его не получат, они якобы не могут формально осуществить акт помилования. Выше мы уже писали применительно к России, что юридических препятствий для помилования нет и при отсутствии ходатайства о помиловании со стороны осужденного. Но тогда почему государство ждет этого ходатайства? Это совсем не юридический акт, это уже символический акт. Государство ждет признания его власти и могущества в форме обращенного к нему прошения о помиловании, которое свидетельствует о подчинении государству и смирении перед ним. Заявляя ходатайство о помиловании, осужденный фактически сообщает государству: *я признаю, что я в твоей власти, я завишу от твоей воли и прошу тебя о снисхождении*.

В демократическом правовом государстве ни у одного лица не может быть столько власти, чтобы другой самостоятельный и свободный человек оказался в его ведении, в его подчинении, зависимый лишь от его усмотрения, а фактически от его настроения.

Таким образом, сама идея помилования плохо соотносится с концепциями демократического политического режима, гражданского общества и правового государства.

На наш взгляд, применение института помилования, особенно в политических целях, характеризует, скорее, авторитарный политический режим, нежели демократический.

В правовом государстве нет необходимости в институте помилования. Все правовые механизмы и так отлажены и работают эффективно, включая судебную систему.

«*Пусть будут непреклонны законы и их исполнители, но пусть будет кроток, снисходителен и человеколюбив законодатель*» – убеждает нас Чезаре Беккариа[1].

Еще раз обозначим нашу мысль: когда решает один – это произвол.

В этом смысле, если и решать, кто достоин милосердия в форме помилования или в форме иного правового института, пусть это решает народ своим большинством. Это будет больше соответствовать духу демократии.

Само наличие права помилования у главы государства ставит его в позицию господина, которая фактически оборачивается позицией диктатора и тирана на уровне государства. Позиции господина может противостоять только позиция раба, подданного, слуги. Но вряд ли современное правовое государство должно поддерживать между государством и обществом отношения господина и раба.

Для современных правовых государств сохранение института помилования не только избыточно, но и вредно, поскольку отсылает к авторитарному прошлому этих государств.

В то же время, следует понимать, что для современных авторитарных, деспотических государств институт помилования, наоборот, скорее, важная и нужная составляющая, чем вредный излишек, и отказываться от этой составляющей не нужно.

Если в государстве любого человека могут привлечь к уголовной ответственности безосновательно, то совсем не плохо, чтобы в таком государстве сохранялась возможность так же безосновательно этого человека спасти.

Как писал Чезаре Беккариа: «*прощение и милость тем более необходимы, чем нелепее законы и чем жестче осуждения*»[2].

Именно поэтому мы все время делаем акцент на том, что наши размышления о помиловании и его возможном исключении как института касаются только современных правовых государств.

---

[1] Беккариа Ч. О преступлениях и наказаниях. М.: ИНФРА-М, 2011. С. 155.
[2] Там же.

Потёмкина Е.В., *к.и.н., доцент*
кафедры Теории и истории государства и права

СОВЕТСКИЙ ПРАВОВОЙ ОПЫТ БОРЬБЫ С ЭПИДЕМИЧЕСКИМИ ЗАБОЛЕВАНИЯМИ В 1920-Е ГГ.

Санитарные и санитарно-эпидемиологические службы СССР создавались в тяжелых условиях, прошли множество испытаний и наконец стали заслуженно считаться одними из лучших в мире. Нынешняя пандемия заставляет обратиться к опыту XX века, ведь советской медицине в короткие сроки удалось снизить распространенность инфекционными эпидемическими заболеваниями и даже полностью ликвидировать некоторые из них.

Цель исследования – выделить позитивный опыт борьбы с эпидемическими заболеваниями, полученный в советское время и проанализировать возможность его использования на современном этапе.

К заслугам новой власти следует отнести то, профилактика и борьба с эпидемиями в нашей стране сразу же была поставлена в ряд первоочередных государственных задач. Глава государства, Председатель Совнаркома В. И. Ленин, выступая В 1919 г., на VII Всероссийском съезде Советов, выделил три ключевые проблемы власти в текущий момент: война, голод, эпидемии. Его слова: «Товарищи, все внимание этому вопросу. Или вши победят социализм, или социализм победит вшей!»[1], – впоследствии растиражированные агитацией санпросвета, были абсолютно справедливыми. С 1918 по 1922 г. только сыпным тифом переболело около 20 млн. человек[2]. Плохое питание, отсутствие необходимых вакцин и других лекарств, недостаточная сеть лечебных учреждений, бань, чистого белья приводили к высокой смертности.

Социально-экономические или военные катастрофы неизбежно приводят к кризисам в общественном здоровье. Кризисы сопровождаются высокой нервозностью, эмоциональными стрессами, увеличением частоты сердечно-сосудистых болезней, инфекционной заболеваемостью и, соответственно, повышенной смертностью. Одновременно повышается и доля

---

[1] Ленин В.И. ПСС. Т.39. С. 410.

[2] Статистика заболеваемости носит приблизительный характер. Регистрировали меньшую часть заболевших. В 1918 – 1923 гг. зарегистрировано было 7,5 млн. человек, заболевших сыпным тифом, а, по оценке советского иммунолога и эпидемиолога того времени Л. А. Тарасевича, реальное число заболевших тифом только в 1918–1920 гг. составило 25 млн. человек (Тарасевич Л.А. Сборник трудов по сыпному тифу. – Москва, 1922).

насильственных смертей[1] в связи с ростом напряженности, тяжелыми потерями (материальными, статусными), невозможностью компенсировать страх, горе или утраты.

Решение правовых вопросов, возникающих в моменты социально-политических кризисов, является одним из методов восстановления общественного порядка, социального равновесия и, соответственно, общественного здоровья. С другой стороны, непосредственное управление в критической ситуации (создание чрезвычайных органов, наделение их специфическими полномочиями) также требует прочной правовой базы.

К 1918 году эпидемическая ситуация была не менее сложная, чем военнная – помимо пандемии "испанки", уносившей миллионы жизней, в Европе свирепствовали эпидемии брюшного, сыпного, возвратного тифа, паратифов, дизентерии, оспы и др. Массовые скопления людей, антисанитария, голод, отсутствие лекарств и другие проблемы усугубляли и без того сложную обстановку и приводили к массовой гибели людей, сопоставимой с военными потерями.

В октябре 1917 г. для подготовки к вооруженному восстанию был создан чрезвычайный орган Военно-революционный комитет, в составе которого был организован врачебно-санитарный отдел во главе с врачом М. И. Барсуковым, будущим организатором советского здравоохранения. Задачей этого отдела была реорганизация всего медико-санитарного дела в России. Однако, как становится понятным из опубликованных архивных документов[2], столь масштабные преобразования требовали времени, сил, кадров и финансовых вложений, а ВРК и соответствующий отдел прекратили свое существование 19 декабря 1917 года, передав свои функции СНК и ВЦИК. За существования отдела его сотрудники успели приступить к решению вопросов о выделении помещений, привлечению кадров и обеспечения кадров заработной платой. Собственно эпидемические проблемы на этом этапе даже не поднимались.

На основании постановления I Всероссийского съезда медико-санитарных отделов 11 июля 1918 г. был образован Народный комиссариат здравоохранения РСФСР. Главной задачей в организации медицины на местах съезд считал устранение межведомственных перегородок и создание единой общегосударственной системы советской медицины. Съезд провозгласил принципы советской медицины (общедоступное, бесплатное, квалифицированное лечение), подчеркнул ведущую роль Советского государства в осуществлении оздоровительных мероприятий. Было отме-

---

[1] Горшкова В.И., Прохоров Б.Б. Кризис общественного здоровья в России и СССР в XX веке. Мир России.1999. №4 . с. 125

[2] Электронная библиотека исторических документов. Врачебно-санитарный отдел Петроградского ВРК. http://docs.historyrussia.org/ru/indexes/values/515839.

чено значение общественности в работе органов здравоохранения, указано, что одним из основных средств ликвидации санитарной неграмотности населения должно стать санитарное просвещение. 18 июля 1918 г. Совет Народных Комиссаров утвердил "Положение о Народном комиссариате здравоохранения"[1], которым определялся круг стоящих перед ним государственных задач. Съезд медико-санитарных отделов призвал к организации борьбы с эпидемиями[2]. С этой целью в структуре Наркомздрава был создан Санитарно-эпидемиологический отдел (в 1918 – 1919 гг. – секция). Он возглавлялся видным эпидемиологом-гигиенистом А.Н. Сысиным, состоял из пяти подотделов: 1) эпидемиологического, 2) санитарного с жилищно-санитарным отделением и пищевой секцией; 3) санитарно-технического; 4) туберкулезного; 5) венерического[3]. Именно в санэпидотдел Наркомздрава РСФСР стал оперативным штабом борьбы со всеми инфекционными заболеваниями. Именно в этом подразделении собиралась информация о ходе эпидемий, статистические данные из армии и отдельных регионов[4], здесь разрабатывались проекты государственных постановлений и директив по борьбе с эпидемиями. Сам А.Н. Сысин, в соответствии с документальными свидетельствами, принимал участие в подготовке Декрета Совета Народных Комиссаров РСФСР "О мероприятиях по борьбе с сыпным тифом"[5], подписанного В.И. Лениным. Этот декрет, не смотря на узкую направленность, на самом деле планировал целую систему мероприятий, которая должна была не только остановить сыпной тиф. В декрете предполагалось: отобрать профессиональные и руководящие кадры, обеспечить созданные эпидемические подотделы помещениями, транспортом, организовать госпиталя и обеспечить их всем необходимым, провести дезинфекционные мероприятия в местах массового скопления людей (ночлежки, гостинцы, тюрьмы, железнодорожные вокзалы, казармы, театры, чайные, столовые и т. д.). Предполагался целый ряд социально-значимых мероприятий, даже "расселение беднейших групп населения в благоустроенных квартирах и домах, поставить это расселение под тщательный контроль и надзор медико-санитарных отделов"[6].

---

[1] Декреты Советской власти. Т. III. 11 июля – 9 ноября 1918. – М.: Политиздат. 1964. С. 52 – 56.

[2] Нестеренко А. И. Как был образован Народный комиссариат здравоохранения РСФСР, М., 1965; Постановление 1-го Всероссийского съезда медико-санитарных отделов Советов, Известия советской медицины, № 5-6, с. 13, 1918.

[3] Борьба с эпидемиями в СССР в мирное и военное время. https://smolbattle.ru/threads/Борьба-с-эпидемиями-в-СССР-в-мирное-и-военное-время.35033/

[4] Именной список потерь на фронтах в личном составе рабоче-крестьянской Красной армии за время Гражданской войны. М., 1926

[5] Декреты Советской власти. Т. IV. 10 ноября 1918 г. – 31 марта 1919 г. – М.: Политиздат, 1968. С. 329-332.

[6] Там же. С. 331

При санитарно-эпидемическом отделе Наркомздрава РСФСР были организованы комиссии для борьбы с эпидемиями: Центральная комиссия по борьбе с эпидемическими болезнями, Вакцинно-сывороточная комиссия, Комиссия по изучению сыпного тифа и «испанской» болезни. Эти комиссии носили консультативный характер, что обеспечивало профессионализм в принятии решений. Центральная комиссия была создана 18 августа 1918 г. для разработки противоэпидемических мероприятий по борьбе с сыпным тифом, холерой, чумой и др. заболеваниями. В этой же комиссии разрабатывались проекты нормативных актов (постановлений, правил и инструкций мероприятий по борьбе с эпидемиями).

С 1919 по 1921 г. правительством было принято восемнадцати декретов по борьбе с инфекционными болезнями[1]. Однако в условиях слабости только что созданных государственных органов, послевоенной разрухи, массовой миграции населения, отсутствия необходимых ресурсов проводимые организационные мероприятия не могли в короткий срок оказать положительное влияние на санитарно-эпидемиологическое состояние страны. Вот данные, приведенные в исторической справке Роспотребнадзора: "В 1921 г. рождаемость составила 33 на 1 000 населения, смертность – 33,4; заболеваемость малярией 129,5 на 100 000 населения, сыпным тифом – 58,7; возвратным тифом – 67,8; холерой – 17,5; натуральной оспой – 11,5. Эпидемия малярии особенно широкое распространение приобрела на Кавказе, в Поволжье, Туркестане. Наиболее высокие показатели имели место в 1923-1924 гг.

В эти годы широкое распространение получили корь (6,2–23,5 на 100 000 населения) и дифтерия (3,5—5,3 на 100 000 населения).

Особую опасность для республики представляла эпидемия холеры, охватившая в 1921 г. преимущественно Поволжские губернии, Кубанскую и Донскую области (25% от общего числа больных), Заволжье, Урал и Сибирь (до 20% от общего числа больных). В 1921 г. было зарегистрировано 173 885 случаев заболеваний, в 1922 г. – 45 336, в 1923 г. – 123 случая"[2].

Основным методом борьбы с эпидемическими заболеваниями стала вакцинация населения. 10 апреля 1919 года нарком здравоохранения Н.А. Семашко доложил на заседании Совнаркома проект декрета об обязательном прививании против оспы и о снабжении бактериологических институтов необходимым материалом и инвентарём. Проект был принят за основу, и в 1919 г. была организована массовая вакцинация против натуральной оспы в соответствии с положениями декрета. Среди населения и в войсках проводилась массовая вакцинация. За десять лет это привело к ликвидации заболевания.

---

[1] https://www.rospotrebnadzor.ru/region/history/gragdanskaya.php
[2] Там же.

В отчёте IX всероссийскому съезду Советов о деятельности Наркомздрава РСФСР за 1921 год Н.А. Семашко говорил, что "в настоящее время не ощущается недостатка в прививочном материале; это дало возможность в текущем году провести почти поголовно прививки в Красной армии против холеры и брюшного тифа"[1].

Когда уже ощущались первые результаты борьбы с эпидемиями, по инициативе заведующего Московским отделом здравоохранения В.А. Обуха (1870–1934) был выдвинут лозунг "От борьбы с эпидемиями к оздоровлению труда"[2]. Под "оздоровлением труда" понималось тогда не только улучшение условий самого производства, но и изменение быта трудящихся: совершенствование и оздоровление жилищных условий (выселение или "уплотнение" буржуазии), рациональное распределение времени труда и отдыха в соответствии с идеями врачей-гигиенистов и под бдительным надзором профсоюзов, улучшение питания и т. п. Именно в середине 1920-х гг. были разработаны основные принципы диспансеризации работников государственных предприятий; созданы новые виды лечебно-профилактических учреждений – специализированные диспансеры (туберкулезные, психоневрологические, наркологические, венерологические), ночные и дневные стационары, профилактории, диетические столовые; начато диспансерное наблюдение матери и ребенка. Именно массовые профилактические оздоровительные мероприятия легли в основу научных исследований по изучению здоровья трудящихся.

Особое место в методике борьбы с эпидемическими заболеваниями занимала санитарно-просветительская и агитационная работа. Лекции, листовки, наглядная агитация, конкурсы, шарады, игры, выступления специальных коллективов – это далеко не все, что использовалось в этой борьбе. Предпочтение отдавалось наглядной агитации. Плакаты для санпросвета создавали известные художники, а тексты писали поэты. Выпускались плакаты и значки с соответствующими лозунгами: "Долой рукопожатия!", "Без рукопожатий встречайте друга и провожайте!"[3] По инициативе санпросвета был создан "Союз упрощения приветствий", который активно боролся с традиционными русскими формами приветствия и прощания: троекратным целованием, объятиями и пожатием рук. Со временем союз превратился в целое пропагандистское движение[4].

---

[1] Горфин *Д. В.*, Вопросы сельского здравоохранения в трудах и деятельности Н. А. Семашко / Ин-т организации здравоохранения и истории медицины им. Н. А. Семашко. – М.: Медгиз, 1959. С. 26.

[2] Заблудовский П.Е. История медицины. Глава 14. Основные предпосылки для развития советского здравоохранения и медицинской науки. https://med.wikireading.ru/19992.

[3] Коменченко П. Тот плохой коммунист, кто не мыт и не чист. https://lenta.ru/articles/2020/04/02/sanprosvet/

[4] Там же.

В арсенале борцов с санитарной безграмотностью были санитарные агитпоезда, передвижные выставки и агитфургоны на конной, а позже на автомобильной тяге. Специально подготовленные лекторы добирались до самых отдаленных мест, где читали лекции в клубах и избах-читальнях, проводили беседы с населением, снабжали необходимой литературой и наглядными пособиями местных активистов.

Подводя итог развития противоэпидемической деятельности в правовом поле в первые годы Советской власти, следует сказать что работа в этой области была проделана грандиозная. Ценно то, что руководство страны сумело вовремя оценить опасность бесконтрольного развития ситуации с эпидемическими заболеваниями и направить значительные силы на борьбу с ними. Довольно быстро создавалась нормативная база отрасли у истоков которой стояли медицинские специалисты и специалисты в области права. В первых декретах начала 1920-х гг. определялись не только меры противоэпидемической борьбы, но и создавались государственные органы, в том числе и чрезвычайные, на которые возлагалась ответственность за осуществление этих мер. Характерной чертой правового обеспечения противоэпидемической деятельности было использование разнообразных методов агитационно-массовой просветительской и профилактической работы. Все эти меры в комплексе привели к успешным результатам.

СЕКЦИЯ ФИНАНСОВОГО ПРАВА

Ответственный – и.о. заведующего кафедрой
Финансового права, доктор юридических наук, доцент
Е.А Андреева

О.В. Аверьянова, *канд. экон.наук,*
доцент кафедры Финансового права СПбГЭУ
В.А. Язев, *помощник юриста*
ООО «Центр правовой защиты
«СОВЕТНИКЪ»

ПРАВОВОЙ НИГИЛИЗМ В НАЛОГОВЫХ ПРАВООТНОШЕНИЯХ

среда и конвенционные нормы представляют собой такие институты, которые совместно составляют важнейшую роль в поведении конкретной личности. Правовая идеология и психология, которые составляют содержание правового сознания и находятся в тесной взаимосвязи. Правовая идеология является систематизированным научным выражение правовых взглядов, принципов и требований общества, а правовая психология представляет собой совокупность правовых чувств и ценностей, которые характерны для всего общества. Действительно, человек, не знающий правовых основ своего государства и права в целом, чаще всего на своем опыте сталкивается далеко с не позитивными последствиями своих действий. Зная свои права и возможности, человек в состоянии не только настаивать на своих естественных свободах и правах, но и требовать их соблюдения и ограждения от нарушений. В то же время, благодаря правовой психологии человек и общество имеют влияние на государство, законодательство и жизнеобеспечение. Другим важным понятием является правовая культура в том смысле, что она является качественным состоянием правовой жизни общества и способствует поддержанию условий существования государства и общества. Поддержание всеми представителями определённого общества общепринятых норм и рациональное отношение в сфере правового сознания и культуры, должно явиться причиной оптимальных отношений во всех сферах государственной жизнедеятельности[1]. Но не всегда можно встретить исключительно положительное отношение к праву, и одним из каналов распространения такого негативного отношения является правовой нигилизм, который является полной проти-

[1] Зрячкин А. Н. Правовой нигилизм: причины и пути их преодоления. Автореф. дис. канд. юрид. наук. Саратов, 2007; Он же. Правовой нигилизм: причины и пути их преодоления (монография). Саратов, 2009.

воположностью правовой культуры. Прежде чем перейти к понятию правового нигилизма, исследуем понятие нигилизма в целом. Нигилизм в широком представляет собой отрицание общепринятых ценностей и норм, укоренившихся форм общественной жизни. Довольно часто нигилизм предшествует и является частью стихийных социальных протестов.

Проблема правового нигилизма в современной России не является новой. Граждане часто не знают своих прав или не хотят их отстаивать в судах и в органах государственной власти. Бытовые конфликты, возникающие на почве правового регулирования отношений, касающихся непосредственно гражданина, могут быть со службами жилищно-коммунального хозяйства, конфликты внутри товариществ собственников жилья, трудовые споры и конфликты, возникающие на работе.

Для того чтобы охарактеризовать правовой нигилизм в налоговых правоотношениях, для начала нужно разобраться в том, что в целом из себя представляет «нигилизм» и «правовой нигилизм».

Слово «нигилизм» произошло от латинского nihil – означающее «ничто». Из этого следует, что нигилизм представляет собой демонстрируемое явно или скрытно отрицательное отношение к праву в любых его проявлениях. Следовательно, правовой нигилизм также выступает обратной стороной правовой культуры и правосознания

Нигилизм многолик, он может быть нравственным, правовым, политическим, идеологическим, религиозным, т. е. в зависимости от того, какие ценности отрицаются. Правовой нигилизм – это элемент общественного сознания, проявляющийся в безразличном, недоверчивом, пренебрежительном отношении к праву, закону, законности, государству, его символам либо даже полном отрицании их социальной ценности. Он представляет собой отрицательное отношение к праву, закону и правовым формам организации общественных отношений. Например, В. Н. Карташов также предлагает правовой нигилизм понимать как разновидность юридической антикультуры, которая характеризуется негативным, отрицательным и пренебрежительным отношением ее носителей к правовым ценностям и выражается как в правомерной, так и противоправной их деятельности (поведении)[1].

Для раскрытия темы и проведения более детального анализа необходимо подробно ознакомится с нормативными правовыми актами РФ, доктринальными источниками, научными статьями по теме и статистическими данными.

В соответствии со статьей 57 Конституции РФ: «Каждый обязан платить законно установленные налоги и сборы. Законы, устанавливаю-

---

[1] Карташов В. Н. Юридическая деятельность: понятие, структура, ценность / В.Н.Карташов: под ред. Н. И. Матузова. – Саратов: изд-во Сарат. ун-та, 1989. – 218.

щие новые налоги или ухудшающие положение налогоплательщиков, обратной силы не имеют»[1].

С точки зрения влияния на государство последствий правового нигилизма, то оно выражается в безучастности граждан в выполнении своих конституционных обязанностей по уплате обязательных налогов и сборов. Согласно статистике с сайта ФНС количество начисленных денег в бюджет РФ в разрезе с 2018 по 2020го года растёт: в 2018г. Федеральная налоговая служба РФ (далее ФНС РФ) отчиталось о 17 075 746 052 рублей; в 2019 г. отчиталось о 20 979 365 897 рублей; в 2020 г отчиталось о 21 581 512 706 рублей[2].

Приведённая статистика собираемости налогов из года в год растёт, тем самым создавая профицит для бюджета, тем самым мы исключаем влияние правового нигилизма на собираемость налогов, так как даже в 2020г, не смотря на пандемию и режим повышенной готовности, ФНС РФ докладывает о высокой собираемости налогов.

С точки зрения обычных граждан, платящих налоги, ведущих бизнес и участвующих в экономической жизни государства. В Налоговом Кодексе РФ прописана возможность получения налогового вычета по шести категориям социального налогового вычета: траты на обучение, пожертвования в благотворительные организации, оплата медицинских сулаг, а также возврат за ранее уплаченные страховые взносы. Налоговый вычет – это сумма, которая уменьшает размер дохода (так называемую налогооблагаемую базу), с которого уплачивается налог. В некоторых случаях под налоговым вычетом понимается возврат части ранее уплаченного налога на доходы физического лица, например, в связи с покупкой квартиры, расходами на лечение, обучение и т.д.

Исходя из рассмотренных материалов, можно сказать, что граждане стали чаще обращаться за налоговыми вычетами. Согласно статистике, которую приводит ФНС РФ, за налоговым вычетом в 2018 обратилось больше 20 миллионов сограждан, самым популярным налоговым вычетом из имущественных стал налоговый вычет на имущество, самым популярным социальным вычетом – вычет на ребёнка. Если смотреть на динамику, то она вселяет оптимизм, однако, из 146 миллионов человек проживающих в России, только 20 миллионов из них пользуются своим правом на налоговый вычет. Однако, в критику данного утверждения можно сказать, что большинство населения не уплачивает налоги, поэтому теряют право

---

[1] Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.) (с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 года) // Рос. газета. – 1993. – 25 декабря; 2020. – 4 июля.

[2] Сайт Федеральной Налоговой Службы [Электронный ресурс] /// https://www.nalog.ru/rn78/ дата обращения 27.03.2021.

на налоговый вычет, однако исходя из статистики по собираемости налогов, то как-раз-таки граждане ответственно относятся к уплате налогов, а вот к своему праву на возврат средств, относиться безразлично, тут можно говорить о правовом нигилизме.

Для, того что бы сказать о высокой правовой культуре в обществе мало говорить о соблюдении обязанностей и отстаивании прав, важно ещё говорить о соблюдении законности в обществе. Чтобы отследить этот показатель надо обратиться к статистике преступлений в сфере налогообложения. В России это статьи 198, 199, 199.1, 199.2 Уголовного кодекса РФ[1] и глава 15 Кодекса об административных правонарушениях (далее КоАП РФ). Согласно данным с 2016 по 2019, уровень налоговой преступности держится на стабильном уровне, в районе 100 тысяч преступлений в год, за исключением небольшого снижения в 2018 на 4,1 процента. За указный период убытки бюджета составили 58 млрд. рублей. Самой распространённый состав, предусмотренный статьёй 199 УК РФ, предусматривающий уголовную ответственность за уклонение от уплаты налогов, сборов, подлежащих уплате организацией, и (или) страховых взносов, подлежащих уплате организацией – плательщиком страховых взносов. Изучив данные по преступлениям в сфере налогов говорить о положительной динамике не приходиться, в этом можно обвинить жестокое регулирование для бизнесменов и юр лиц, возможно, их нежелание следовать законодательству в сфере налогов и сборов продиктовано высокими налогами для них, поэтому они и идут на преступление. Отрицание и не принятие правового регулирования является ярким проявление правового нигилизма.

Уровень правовой грамотности не будет расти, если люди не будут сами заинтересованы в том, чтобы просвещаться и узнавать новую информацию касаемо их прав и правовых возможностей. Согласно данным аналитического центра «НАФИ» 48 процентов россиян хотят поднять уровень собственных знаний в области права, однако необходимо детально рассмотреть данные приведённые в данном исследовании, сравнить с предыдущими годами и ознакомится с выводами исследования. В ходе исследования каждому респонденту предлагалось ответить на три блока вопросов, касающихся правовых знаний, навыков и установок. В данном исследовании по правовым знаниям понимается: степень соответствия между представлениями людей о правильном в правовом смысле поведении, с одной стороны, и законом – с другой. Под правовыми установками пониматься: представления о до-

---

[1]Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. (с изм. и доп., внес. Федер. законом от 07.04.2020 г. № 112-ФЗ) // Рос. газета. – 1996. – 18,19,20,25 июня; 2020. – 30 июля.

пустимости выхода за пределы правового поля и соответствие действий, избираемых для решения своих проблем, закону. Под правовыми навыками понимается: степень фактического участия людей в ситуациях, регулируемых законодательством. Наиболее высокий результат демонстрирует частный индекс «Правовые установки». Данный показатель основан на восьми вопросах, касающихся обучения правовой грамотности, личной ответственности за соблюдение прав, необходимости защиты прав, возможности нарушения закона, доверия юристам. Авторы исследования делают выводы о том, что граждане занижают собственный уровень грамотности, даже когда давали правильные ответы на вопросы, что может сказать о том, что в ситуации, когда их права будут нарушены они не смогут правильно определить ситуацию и защитить свои права. Что касается налоговых правоотношений, то граждане не очень хотят узнавать новую информацию по налогам. Согласно данным из исследования гражданам более предпочтительно изучать информацию в сфере ЖКХ, медицинские услуги и социальные услуги. Налоговые услуги же находиться в данном рейтинге на 6 месте. Так же можно проследить тенденцию к снижению уровня заинтересованности в правовой грамотности.

Причиной правового нигилизма в обществе могут быть разные причины, от низкой правовой культуры да сложного и репрессивного законодательства. Изучив все данные можно говорить о росте правовой грамотности у населения, однако её уровень до сих пор остаётся очень низким в налоговом законодательстве. В перспективе на несколько лет вперёд, при этом при активном содействии государства и желании общества отстаивать свои права и надлежащим образом исполнять обязанности уровень правовой культуры может измениться. Правовой нигилизм граждан в налоговых правоотношениях представляет собой негативное отношение к законодательству о налогах и сборах, отрицание основных обязанностей налогоплательщиков, непринятие сущности и роли налогообложения для государства. Нигилизм в налоговой сфере проявляется не только в отрицании норм налогового законодательства и связанных с этим ценностей и идеалов поведения, но и в утверждении и возвышении моделей поведения, опирающихся на прямо противоположные указанным ценности и идеалы. Правовой и налоговый нигилизм действительно являются опасными явлениями, с которыми необходимо бороться. Однако наличие элементов нигилизма может подтолкнуть законодателя к принятию более гибких и удобных для обеих сторон норм, повышая, таким образом, не только культуру правосознания, но и уровень доверия к себе.

Е.М. Андреева, *доктор юрид. наук, доцент,*
Зав. кафедрой финансового права СПбГЭУ

«КОРОНАВИРУСНЫЕ» ПОПРАВКИ В БЮДЖЕТНЫЙ КОДЕКС РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В ЧАСТИ ГРАНТОВ И СУБСИДИЙ[1]

Гранты и субсидии в условиях пандемии стали одними из значимых финансовых инструментов восстановления экономики и социальной сферы. Бюджетный кодекс РФ понимает гранты как виды субсидий, соответственно, далее в публикации автор, в основном, будет употреблять термин «субсидии».

За относительно короткий временной отрезок с апреля 2020 г. по апрель 2021 г. в БК РФ были внесены 12 изменений и дополнений, из них 8 были связаны с Covid-19. Отметим, что изучить содержание этих поправок оказалось трудным делом, так как видимо в задачи законодателя не входило сделать их понятными. Тем не менее, все изменений в БК РФ условно можно разделить на две части, первая часть касается вопросов управления публичным долгом, вторая направлена на снятие административных барьеров в предоставлении бюджетных ассигнований, в том числе грантов и субсидий, в данных чрезвычайных условиях.

Проанализируем отдельные поправки о грантах и субсидиях.

В соответствии с ФЗ от 1.04.2020г. № 103-ФЗ в 2020 – 2021 годах решения о предоставлении грантов и субсидий могут приниматься исполнительными органами власти ***без утверждения назначения и объемов бюджетных ассигнований на данные цели в законе (решении) о бюджете***. Это правомочие имеет отношение только к определенным бюджетным средствам.

Федеральным законом № 103-ФЗ дополнительно к случаям, определенным бюджетным законодательством, установлено ***право субъектов РФи муниципальных образований*** предоставлять из соответствующего бюджета субсидии ***любым*** **юридическим лицам**, в том числе бюджетным и (или) автономным учреждениям, **учредителем которых не является соответствующий субъект РФ (муниципальное образование)**, на финансовое обеспечение мероприятий, связанных с предотвращением влияния ухудшения экономической ситуации на развитие отраслей экономики, с профилактикой и устранением последствий распространения коронавирусной инфекции.

---

[1] Публикация выполнена в рамках гранта РФФИ № 18-29-15035 мк «Сравнительно-правовое исследование механизма назначения, выдачи и использования грантов в целях финансирования научно-исследовательских, опытно-конструкторских и технологических работ».

Федеральным законом от 22.04.2020г. № 120-ФЗ на постоянной основе статью БК РФ дополнили п. 4.2. Согласно данному пункту, гранты и субсидии, предусмотренные указанной статьей, могут предоставляться юридическим лицам, являющимся хозяйственными обществами, в том числе для реализации ими функций, установленных федеральными законами и (или) нормативными правовыми актами Правительства Российской Федерации, ***в виде вкладов в имущество таких юридических лиц, не увеличивающих их уставные (складочные) капиталы.*** Замысел законодателя по введению в БК РФ данного положения не совсем понятен. В первой редакции законопроекта, также как и в пояснительной записке к нему, комментируемой поправки не было. Она появилась на этапе второго чтения. Возможно новелла имеет целью снять возникающие на практике вопросы о порядке учете юридическими лицами в своем имуществе поступающих бюджетных грантов и субсидий. Хотя и без новых положений гранты и субсидии очевидным образом поступали в собственность юридического лица и не увеличивали их уставные капиталы, однако имели и имеют целевой характер.

Федеральным законом от 25.05.2020г. № 155-ФЗ п. 1 ст. 78 БК РФ был дополнен новым положением. Эта чисто коронавирусная поправка предусматривает возможность на основании правовых актов Правительства Российской Федерации ***предоставлять субсидии*** юридическим лицам (индивидуальным предпринимателям) – ***производителям подакцизных товаров.*** Новелла будет действовать до 31 декабря 2021 года, а потом ст. 78 БК РФ вернется к прежней редакции. Дело в том, что традиционно финансовое стимулирование деятельности в сфере подакцизных товаров, за небольшим исключением, не осуществляется, поскольку это не является приоритетной задачей государства. Постановлением Правительства РФ от 24.06.2020г. № 915 установлено, что ***если деятельность экономического субъекта попала в перечень наиболее пострадавших отраслей российской экономики и при этом он осуществляет деятельность, связанную с производством (реализацией) подакцизных товаров***, то ему могут быть предоставлены субсидии, но из бюджетов субъектов Российской Федерации и местных бюджетов. В основном субсидии могут быть предоставлены субъектам, ***реализующим*** подакцизные товары. Само производство подакцизных товаров не попало в список пострадавших отраслей.

В-пятых, в течение 2020, 2021 годов исполнительным органам власти была предоставлена возможность ***без внесения изменений в закон (решение) о бюджете*** перераспределять бюджетные ассигнования между статьями расходов. Нововведение также предусмотрено Законом 103-ФЗ (на 2020 год) и Федеральный закон от 15.10.2020г. № 327-ФЗ (на 2021 год). Нужно понимать, что названные законы предоставили право исполнительным органам «снимать» ассигнования с любой статьи расходов утвержден-

ного бюджета и самостоятельно перенаправлять их на указанные ниже цели. Указанные изменения с начала действовали на 2020 год, в дальнейшем были распространены на 2021 год. Конечно право на перераспределение касается определенных видов ассинований. Например, ф***едеральным органам исполнительной власти*** разрешено ***самостоятельно*** изменять направления расходования средств федерального бюджета для их перенаправления на финансовое обеспечение антикризисных мероприятий, ***а также на иные цели, определенные Правительством Российской Федерации***. **Для исполнительных органов субъектов Российской Федерации и муниципальных образований** данным законом предусмотрено право ***вносить изменения в соответствующую сводную бюджетную роспись, минуя представительный орган, в трех случаях***: – также ввиду перераспределения бюджетных ассигнований на финансовое обеспечение антикризисных и антикоронавирусных мероприятий; в случае перераспределения бюджетных ассигнований между видами источников финансирования дефицита бюджета; в случае получения дотаций из других бюджетов.

Сводная бюджетная роспись представляет собой документ, который составляется и ведется финансовым органом … в целях организации исполнения бюджета по расходам бюджета и источникам финансирования дефицита бюджета (ст. 6 БК РФ). Согласно ст. 217 кодекса, утвержденные показатели сводной бюджетной росписи **должны соответствовать закону (решению) о бюджете.** Между тем, как видно из коронавирусных поправок, указанное положение в текущей ситуации подверглось пересмотру. Сводная бюджетная роспись не является секретным документом. Тем не менее, в ст. 36 БК РФ, раскрывающей принцип прозрачности (открытости) бюджетной системы РФ, для бюджетной росписи не предусмотрено обязательное опубликование или обнародование иным способом. Автор произвел безуспешную попытку найти сводную бюджетную роспись (либо акты о внесении изменений в нее) на официальных сайтах Министерства финансов РФ и Федерального казначейства, а также на сайте «Электронный бюджет».

Анализ коронавирусных поправок в БК РФ привел к следующему обобщению их содержания. Большой пакет изменений касается возможности вводить новые субсидии и гранты (либо менять объемы и назначения старых), минуя закон (решение) о бюджете, то есть по решению исполнительных органов власти. Вторая часть поправок касается снятия существовавших законодательных ограничений на предоставление субсидий и грантов отдельным видам юридических лиц либо видам деятельности. Например, разрешено оказывать финансовую помощь автономным и бюджетным учреждениям, учредителем которых не является соответствующее публично-правовое образований, либо выделять субсидии на производство (реализацию) подакцизных товаров.

Авторская оценка изменений законодательства следующая. В качестве положительных сторон можно выделить направленность нововведе-

ний на ускорение и упрощение процесса выделения государственной (муниципальной) финансовой помощи нуждающимся отраслям народного хозяйства, а также более широкий охват мерами государственной поддержки субъектов экономической деятельности. Принятые меры безусловно способствуют эффективному управлению в условиях экономического и социального спада и реагированию на его отрицательные последствия.

Тем не менее, можно выделить и слабые стороны новелл. Ввиду того, что при формировании направлений предоставления грантов и субсидий участвует узкий круг лиц, данная форма государственной поддержки может быть неэффективной. Кроме того, автором неоднократно указывалось[1], что наделение исполнительных органов публичной власти единоличным правом определения направлений расходования бюджетных средств, в частности, грантов и субсидий, повышает риски злоупотреблений и коррупции при принятии данных управленческих решений. Также следует констатировать, что расходы бюджетов в период пандемии стали значительно менее прозрачными. Принятые законы (решения) о бюджете 2020 и 2021 годов потеряли критерий достоверности, поскольку, закрепленные в них объемы бюджетных ассигнований могут быть изменены исполнительными органами власти без внесения изменений в эти законы.

Также обратим внимание на прокомментированный выше порядок изменения сводной бюджетной росписи. Так, комиссии Федерального собрания дается всего 3 рабочих дня на одобрение вносимых в нее поправок. При этом как ультиматум звучит положение п.3 ст. 1 Федерального закона № 103-ФЗ о том, что если депутаты не отреагируют на поправки в данный срок, то они могут быть приняты без их участия. В связи с этим возникают вопросы – о правовом статусе данной комиссии; достаточен ли трехдневный период для изучения свода предложений по изменению сводной бюджетной росписи; а также целесообразна ли такая спешка?

В качестве итогов проведенного исследования можно внести ряд инициатив, которые нацелены на устранение выявленных недостатков. Авторские предложения могут показаться бессмысленными с учетом того, что новеллы введены только на период пандемии и вряд ли законодатель успеет отреагировать на критику до ее конца. Тем не менее, если рассматривать Covid-19 как один из возможных поводов для чрезвычайного по-

---

[1] Андреева Е.М. Анализ мер поддержки, направленных на преодоление социально-экономического спада в РФ в условиях распространения новой коронавирусной инфекции (COVID-19). // Право и экономика. 2020. № 10. С. 38-47, Андреева Е.М. Принципы социально-экономической поддержки экономики ввиду распространения новой коронавирусной инфекции (Covid-19) (статья) // В сборнике: Современный менеджмент: проблемы и перспективы. Сборник статей по итогам XV международной научно-практической конференции. /Под редакцией Е.А. Горбашко, И.В. Федосеева. Санкт-Петербург, 2020. С. 132-138.

ложения и причин экономического кризиса, и спрогнозировать повторение таких ситуаций в будущем, то коронавирусную инфекцию мы можем рассматривать как среду для отработки типовых механизмов реагирования на кризис. В этом ключе позволим себе предложить следующее.

Во-первых, в законодательстве следует закрепить единые подходы (принципы) оказания финансовой помощи частным субъектам, которые должны применяться в условиях чрезвычайных ситуаций. Например, к ним можно отнести принцип целесообразности антикризисной меры, то есть ее соответствие установленным ориентирам государственной политики, закреплённым в документах стратегического планирования или любых других; принцип справедливости распределения имущественной и иной помощи; баланса интересов частных лиц и общества в целом при предоставлении мер поддержки; комплексности и системности принятия решений о внедрении антикризисной меры и др. Данные принципы помогут избежать ошибок в предоставлении помощи за счет бюджетных средств в случае необходимости ее оказания в срочном порядке.

Во-вторых, необходимо внести изменения в ст. 36 Бюджетного кодекса Российской Федерации и предусмотреть обязательное обнародование в любой форме, например, посредством размещения на сайте «Электронный бюджет» всех внесенных изменений в сводные бюджетные росписи бюджетов бюджетной системы Российской Федерации. Указанное предложение будет способствовать широкому обсуждению принимаемых публичных мер и обеспечит обмен мнениями о их эффективности и целесообразности среди широкого круга общественности.

В-третьих, на основании полученного в период пандемии опыта, более детально определить в бюджетном законодательстве правовой режим грантов и субсидий.

***В.Р. Белоусова**, старший государственный налоговый инспектор отдела обеспечения процедур банкротства Управления ФНС России по Санкт-Петербургу, ассистент кафедры финансового права СПбГЭУ*

ПРОБЛЕМАТИКА ПРОЦЕДУРЫ МЕДИАЦИИ С УЧАСТИЕМ НАЛОГОВОГО ОРГАНА

Положениями Федерального закона от 27.07.2010 № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» (далее – Закон о медиации) регламентированы особенности процесса поиска компромисса сторонами спора, от-

носительно заявленной тематики актуальным является определение посредника (медиатора).

Исходя из смысла ст. 15 Закона о медиации, функционирование организации, осуществляющей деятельность по обеспечению проведения процедуры медиации, и медиатора не является предпринимательством, стороны также могут предъявлять дополнительные требования к арбитру.

С учетом наделения определенной законодательством самостоятельности медиаторы имеют право создать профильные саморегулируемые организации в форме ассоциаций (союзов) или некоммерческих партнерств. Следует отметить, что данные образования подразумевают членство на основе оплатности взносов и соблюдения внутреннего регламента. Таким образом, указанные обстоятельства не могут не влиять на размер оплаты услуг специалиста.

Юридически значимым является сохранение вверенной медиатору информации в такой мере конфиденциальной, в какой стороны об этом договорились. Таким образом, принципы добросовестности и компетентности выходят на первый план.

В контексте рассматриваемого вопроса не остается в стороне и Федеральная налоговая служба (далее – ФНС).

Главой 14 Налогового кодекса Российской Федерации (далее – НК РФ) регламентированы меры налогового контроля, относительно заявленной тематики актуальной является выездная налоговая проверка (далее – ВНП).

Исходя из смысла указанной главы, налогоплательщик обязан содействовать в ходе ее проведения налоговому органу, в частности, исполнять запросы ФНС, участвовать в допросах.

В результате соответствующих действий и с учетом справки с известной к доначислению суммой на стадии оформления результата мероприятий налогового контроля налогоплательщику представляется вся суть нарушений, в результате чего уже на ранней стадии он понимает и оценивает риски доначислений: возбуждение уголовного дела, взыскания. В частности, согласно данным статистической отчетности ФНС (отчет по форме № 2-НК «Отчет о результатах контрольной работы налоговых органов») количество проводимых выездных проверок за 4-летний период снизилось в 4 раза: за 2017 год – 19391, за 2018 – 13753, за 2019 – 9045, за 2020 – 5432[1].

---

[1] Данные официального сайта Федеральной налоговой службы по формам статистической налоговой отчетности. Сводные отчеты в целом по Российской Федерации и в разрезе субъектов Российской Федерации. Отчеты о результатах осуществления налогового и иных видов контроля по отчетным периодам (URL: //https://www.nalog.ru/rn78/related_activities/statistics_and_analytics/forms/ (Дата обращения 01.04.2021).

Также следует привести сведения об увеличении поступлений в рамках погашения в разрезе нескольких лет: 279 млрд. рублей (2017 год), 297 млрд. рублей (2018), и 345 млрд. рублей (2019), 293 млрд. рублей (2020)[1]. Снижение последнего года обусловлено, в первую очередь, мерами поддержки экономики, введением моратория на проведение налоговых проверок (с марта по июль было приостановлено назначение и проведение выездных налоговых проверок в соответствии с Постановлением Правительства Российской Федерации от 02.04.2020 № 409). Однако, по результатам аналитической работы, не требующей непосредственного контакта с налогоплательщиком, посредством добровольной уплаты поступило 158 млрд. рублей, что на 22 % больше 2019 года.

Соответствующая тенденция обусловлена и добровольным погашением задолженности, в том числе благодаря внесенному законодателем изменению: так, в главу 11 НК РФ, в частности, изменен п. 2 ст. 73 НК РФ об основаниях возникновения залога имущества налогоплательщика, добавлен п. 4 ст. 72 НК РФ о размещении информации о применении налоговым органом способов обеспечения исполнения обязанности по уплате обязательных платежей, в результате которого с 01.04.2020 ФНС вправе получить имущество в залог и впоследствии установить статус залогового кредитора не только в добровольном порядке в качестве обеспечения, но и вследствие самостоятельных действий налогового органа по установлению данного статуса в связи с противоправным поведением налогоплательщика в соответствии с нормами п. 2.1 ст. 73 НК РФ, а именно неуплаты задолженности по налогам (сборам, страховым взносам) в установленные законодательством порядке.

Как указано ранее, налогоплательщик задействован в процессе проведения проверки, имеет установленные НК РФ права и обязанности.

Действующим законодательством также предусмотрено право на обращение в орган государственной власти предусмотренными способами и получение ответа. Кроме того, в каждом налоговом органе Российской Федерации ведется запись на прием к руководителю в специально отведенное время, информация доступна в частности на Интернет-ресурсах ФНС.

Таким образом, налоговый орган открыт к диалогу с налогоплательщиками в установленных законодателем рамках. Однако, в связи со спецификой функционирования органа государственной власти налоговые споры имеют место быть.

---

[1] Сведения об эффективности работы ФНС России, размещенные на официальном сайте Федеральной налоговой службы. Итоги деятельности по отчетным периодам (URL: //https://www.nalog.ru/rn78/related_activities/statistics_and_analytics/effectiveness/#t31) (Дата обращения 01.04.2021);

С целью избежать риски взыскания по решению налогового органа и учитывая обстоятельства дела, налогоплательщик имеет возможность принять меры по сокрытию имущества до вступления акта ВНП в законную силу.

С учетом предоставленных ст. 101 НК РФ налогоплательщику прав в период проверки, допустимого ст. 100 НК РФ срока готовности акта до двух месяцев, назначения рассмотрения решения, возможности предоставления разногласий стороной и, как следует отметить, не вступившего в законную силу акта, а также возможен интервалом фактического окончания мероприятия до полугода и, в то же время, невозможности применения мер взыскания налоговым органом в отношении организации, налогоплательщиком могут быть осуществлены действия, например, по сокрытию имущества, его уничтожению.

В то же время, НК РФ предоставляет право ФНС на определенных стадиях принять обеспечительные меры, фактически частично препятствующие деятельности организации. Исходя из изложенного, стороны предпринимают указанные по своей природе крайние меры.

Таким образом, тема необходимости принятия законодателем мер для не столкновения сторон в рамках арбитражного дела по налоговым спорам насущна.

С одной стороны, статус ФНС, а для налогоплательщиков установленную законодательством обязанность по уплате обязательных платежей и осуществление самостоятельной на свой риск деятельности – с другой, возлагают дополнительную ответственность на личность медиатора.

Так, особое внимание следует уделить тому, что действующим законодательством с 25.10.2019 определен статус судебных примирителей, позволяющих проводить примирительные процедуры в рамках гражданского, административного и арбитражного судопроизводства.

Список лиц утвержден Верховным Судом Российской Федерации посредством вынесения 28.01.2020 Постановления № 1 с отражением по регионам страны, в общей сложности – 342 человека[1].

Отличительным моментом является то, что таковыми могут быть исключительно судьи в отставке и при условии наличия их согласия на участие в рассматриваемой процедуре.

Деятельность судебного примирителя осуществляется в соответствии с Регламентом проведения судебного примирения.

Стороны вправе выбрать кандидатуру по взаимному согласию.

Оплата услуг осуществляется в соответствии с определением суда об установлении суммы и плательщика – стороны по делу.

---

[1] Постановление Пленума ВС РФ от 28.01.2020 № 1 (URL: //http://www.supcourt.ru/files/28685/ (Дата обращения 01.04.2021).

Положительными аспектами при привлечении судебных примирителей в качестве медиаторов в случаях, где одна из сторон – ФНС, являются, например, следующие характеристики:

- опыт лица в качестве арбитра, в некоторой степени третьего лица при рассмотрении споров;
- компетентность в силу установленных законодательством требований к статусу судьи;
- безусловное понимание границ коммерческой, банковской и налоговой тайн, а также персональной ответственности;
- возможность оперативно на любой стадии процесса оценить перспективы разрешения спора, а также риски и преимущества предлагаемого решения для сторон;
- умение анализировать и применять нормативные правовые акты.

С учетом концепции готовности сторон к примирению приоритетом является процессуально независимое лицо.

Таким образом, выбор в качестве медиатора судебного примирителя перспективен и обоснован.

Нельзя не отметить, что мировое соглашение направлено на взаимодействие сторон во избежание в последующем длительной и сложной процедуры взыскания задолженности перед бюджетом, возможным длительным и затратным для сторон участием в деле о банкротстве, и реализуется с целью минимизации имеющихся рисков, например, как указано ранее, фактической блокировки деятельности организации.

Следует отметить, что проблематика ухода налогоплательщика от ответственности зависит от его добросовестности.

В качестве вывода можно отметить, что внесение изменений в законодательство посредством включения в НК РФ нормы права о возможности применения сторонами процедуры медиации как обособленного правоотношения будет способствовать пополнению бюджета Российской Федерации. В свою очередь, отдельному рассмотрению подлежит решение проблематики отнесения расходов по уплате услуг медиатора.

***Н.Н. Бочарова**, старший преподаватель*
кафедры финансового права
Южного федерального университета

МЕСТО И РОЛЬ НАЛОГА НА ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЙ ДОХОД В НАЦИОНАЛЬНОЙ СИСТЕМЕ НАЛОГООБЛОЖЕНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Самым очевидным фактором, предопределяющим необходимость введения института самозанятости, является безработица, средний уровень которой в Российской Федерации достиг в настоящее время 5,4 про-

центов[1]. Несоответствие соотношения уволенных граждан к безработным свидетельствует в том числе и о том, что профессиональная деятельность переносится в «теневой» сектор экономики, а сложившийся набор форм предпринимательства и условия их деятельности не обеспечивают ожидаемого снижения уровня безработицы и не являются привлекательными для граждан, осуществляющих свою профессиональную деятельность нелегально.

В рамках Петербургского международного экономического форума в мае 2018 года Голикова Т.А. отмечала, что региональные платежи в Фонд обязательного медицинского страхования за неработающих граждан составляет около семи процентов расходной части региональных бюджетов, что за 2017 год составило 618 миллиардов рублей и превысило дотации, предоставляемые из федерального бюджета на выравнивание уровня бюджетной обеспеченности[2].

В связи с этим от министра финансов Российской Федерации Силуанова А.Г. были внесены предложения передать обязанность уплаты взносов, выплачиваемых за неработающих граждан из регионального бюджета в Фонд обязательного медицинского страхования, из расходной части региональных бюджетов в федеральный. Этого не произошло, однако из-за корректировки методики персонифицированного учета для обязательного медицинского страхования тарифы взносов в расчете на одного неработающего возросли, что нивелировалось только тем, что по данной методике неработающее население, из расчета числа которого производится расчет взносов в Фонд обязательного медицинского страхования, сократилось на 5 миллионов человек[3]. Соответственно, сокращение численности безработных граждан ведет к уменьшению нагрузки на региональный бюджет, тем привлекательнее становится возможность выведения из «тени» предпринимательской деятельности.

В последнее время в средствах массовой информации весьма популярна идея о возможности введения так называемого «налога на тунеядство», известного из советской истории[4]. Однако такие меры противоречат ч. 2 ст. 37 Конституции Российской Федерации, которая гласит, что принудительный труд запрещен посредством и административной, и уголов-

---

[1] Курносова А.В., Черноусова К.С. Анализ введения нового налогового режима для самозанятых граждан РФ // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2020. – №4-2.

[2] Яшунский Г. Правительство заплатит 500 млрд рублей за медстраховку для неработающего населения. Ведомости. – 2018. – № 10.

[3] Артемова И. Взносы регионов в фонд ОМС увеличатся // Vademecum. Деловой журнал об индустрии здравоохранения – Режим доступа: http://www. vademec.ru / (дата обращения 10.03.2021 года).

[4] Канакова А.Е. "Налог на тунеядство": нежизнеспособная инициатива или недоработанная перспектива? // Пробелы в российском законодательстве. – 2018. – №2.

ной ответственности. Также и экономическая форма принуждения к труду не представляется возможной, так как для нее требуется в том числе создание условий для поиска работы, а в сложившейся ситуации макроэкономической нестабильности и глобальных кризисных явлений исполнение указанных условий затруднено.

В 2016 году были предприняты первые попытки вывести из неформального сектора граждан, самостоятельно реализующих продукты своего труда. При первом приобретении статуса индивидуального предпринимателя с переходом на упрощенную или патентную систему налогообложения и попадающих еще под ряд условий, предусмотренных Налоговым кодексом Российской Федерации, были предоставлены «налоговые каникулы», что означало освобождение от налогового бремени, или налоговую ставку 0%, на первые два года деятельности такого индивидуального предпринимателя. Вопреки ожиданиям такая налоговая льгота не стимулировала предпринимателей, работающих в «теневом» секторе экономики легализовать свою деятельность.

Поставленные задачи не получили своего решения в необходимой степени и перешли в концепцию недавно появившегося специального налогового режима, называемого «Налог на профессиональный доход», введение которого в п. 2 ст. 18 Налогового кодекса РФ произошло во исполнение Указа Президента Российской Федерации № 204 от 07 мая 2018 года[1] посредством введения в действие Федерального закона № 422-ФЗ от 27 ноября 2018 года «О проведении эксперимента по установлению специального налогового режима «Налог на профессиональный доход»[2]. Данный эксперимент продлится в течение десяти лет, вплоть до 31 декабря 2028 года включительно, с постепенным территориальным распространением по субъектам Российской Федерации.

Указанная поэтапность трансплантации института самозанятости обусловлена экспериментальным характером вводимого режима налогообложения, который также говорит о неизменности налоговых ставок и условий на установленный период. Проведение подобного эксперимента всегда преследует цель апробации новой правовой модели с минимизацией затрат на ее реализацию и повышением эффективности всей системы[3].

---

[1] Указ Президента РФ от 07 мая 2018 года № 204 "О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года" // СПС «КонсультантПлюс» – Режим доступа: http://www.consultant.ru/ (дата обращения 20.03.2021 года).

[2] Федеральный закон от 27 ноября 2018 года N 422-ФЗ "О проведении эксперимента по установлению специального налогового режима "Налог на профессиональный доход" // СПС «КонсультантПлюс» – Режим доступа: http://www.consultant.ru/ (дата обращения 15.03.2021 года).

[3] Авдеенко Н.И. Механизм и пределы регулирующего воздействия гражданско-процессуального права. – Л. – 1969.

Решение о проведении рассматриваемого эксперимента обусловлено, кроме прочего, в первую очередь необходимостью легализации предпринимательской деятельности в неформальном секторе экономики и последующей возможностью правового регулирования деятельности самозанятых граждан.

Введенный же по причине необходимости легализации деятельности самозанятых граждан налог на профессиональную деятельность на данный момент довольно успешно реализован и получил несколько этапов распространения, достигнув охвата всей страны. Следует отметить, что предложение о введении анализируемого режима налогообложения исходит от Министерства финансов РФ, что обусловлено стремлением к стабильному развитию системы налогообложения и обеспечению бюджетного профицита.

Если верить сведениям, представленным Федеральной службой государственной статистики, граждане, работающие не по найму, заняты в основном в сфере сельского хозяйства, торговле, сфере услуг и связи, строительстве.

В целом развитие сферы услуг и расширение информационного пространства дает все новые возможности для реализации своего труда не по найму с применением собственных знаний, навыков и компетенций для извлечения прибыли. В связи с этим выведение неформальной деятельности самозанятых из «теневого» сектора экономики становится все более обоснованной целью государственной политики, что ранее осложнялось высоким уровнем издержек на регистрацию бизнеса.

Таким образом, налог на профессиональный доход помимо увеличения налоговых отчислений в региональный бюджет призван стимулировать рост легально работающих физических лиц и численности граждан, являющихся субъектами малого предпринимательства. Соответственно государственная политика в этой сфере должна быть направлена на мотивирование к выходу из «теневого» сектора экономики путем обеспечения благоприятных условий для создания легального бизнеса физического лица, выражающихся в мерах поддержки и упрощения регистрации и ведения предпринимательской деятельности.

Очевидно, что методы принуждения к уплате установленных налогов здесь не эффективны, в связи с чем Федеральная налоговая служба сменила ориентир на стимулирование добровольного ознакомления со своими правами и обязанностями налогоплательщиков, и также легализации собственного бизнеса, что существенно увеличивает сумму налоговых отчислений. Упрощение регистрации и ведения бизнеса происходит в том числе и за счет процессов цифровизации экономики в сфере налогообложения, которая в итоге ведет к повышению уровня прозрачности движения денежных средств в предпринимательской деятельности, в том

числе налоговых отчислений, и, соответственно, к уменьшению степени необходимости проведения выездных налоговых проверок и снижению их количества.

Кроме того, налог на профессиональный доход призван избавить плательщика данного налога от бремени заполнения отчетности и необходимости взаимодействия с инспекциями Федеральной налоговой службы.

Как один из негативных эффектов введения нового специального налогового режима ожидался переход индивидуальных предпринимателей на налогообложение для самозанятых, что означает переток налоговых отчислений из федерального бюджета в региональный.

Однако при сравнении применения режимов налогообложения индивидуального предпринимательства и самозанятых граждан становится ясно, что целесообразность применения того или иного режима налогообложения определяется в каждом конкретном случае отдельно.

Это также обусловлено исчислением налога на профессиональный доход в зависимости от его дохода, а не от прибыли. Таким образом, самозанятым с высоким уровнем издержек на осуществление их профессиональной деятельности регистрироваться в качестве плательщика налога на профессиональный доход невыгодно.

Наиболее интересным представляется сравнение таких специальных налоговых режимов, как налог на профессиональный доход и упрощенную систему налогообложения.

В первую очередь преимуществом уплаты налога на профессиональный доход является отсутствие обязанности предоставлять отчетность в виде декларации в налоговые органы согласно ст. 13 Федерального закона № 422-ФЗ от 27 ноября 2018 года[1]. Регистрация физического лица в качестве плательщика налога на профессиональный доход также осуществляется без личного присутствия в налоговом органе, достаточным условием для регистрации является электронная регистрация в мобильном приложении «Мой налог».

Индивидуальный предприниматель на общем или специальном налоговом режиме, кроме налога на профессиональный доход, обязан при регистрации в инспекции Федеральной налоговой службы предоставлять пакет необходимых документов, а также периодически предоставлять отчетность, то есть декларировать свои доходы. Или, например, вести книгу учета доходов и расходов при условии применения упрощенной системы налогообложения. Во избежание посещения налоговых органов индиви-

[1]Федеральный закон от 27 ноября 2018 года № 422-ФЗ "О проведении эксперимента по установлению специального налогового режима "Налог на профессиональный доход" // СПС «КонсультантПлюс» – Режим доступа: http://www.consultant.ru/ (дата обращения 15.03.2021 года).

дуальный предприниматель для предоставления декларации вправе воспользоваться личным кабинетом на сайте Федерального налоговой службы Российской Федерации.

По размеру финансового обременения налог на профессиональный доход составляет 4 процента от суммы полученных доходов от предпринимательской деятельности при правоотношениях с физическими лицами и 6 процентов от суммы полученных доходов от предпринимательской деятельности при правоотношениях с индивидуальными предпринимателями и юридическими лицами.

Индивидуальному предпринимателю, применяющий упрощенную систему налогообложения, вменяется обязанность уплаты 6 процентов от всех полученных доходов.

При этом и упрощенная система налогообложения, и налог на профессиональный доход освобождает плательщика соответствующего налога от обязанности уплаты налога на доходы физических лиц[1], за исключением, заключающемся в том, что плательщик налога на профессиональный доход не уплачивает налог на доходы физических лиц только в отношении доходов, которые представляют собой объект налогообложения налога на профессиональный доход.

Плательщикам налога на профессиональный доход не вменяется обязанность уплаты страховых взносов на обязательное пенсионное страхование, но законодатель оставляет самозанятым право на добровольное внесение взносов для формирования пенсии. У индивидуального предпринимателя на упрощенной системе налогообложения, не привлекающего работников по трудовому договору, есть обязанность уплаты соответствующих взносов в Пенсионный фонд Российской Федерации и Фонд обязательного медицинского страхования. Однако индивидуальный предприниматель имеет право также и на налоговые вычеты на сумму уплаченных взносов, в то время как для плательщика налога на профессиональный доход предусмотрен закрепленный в ст. 12 Федерального закона № 422-ФЗ от 27 ноября 2018 года налоговый вычет в размере 10000 рублей, применяющийся только для уменьшения суммы налога на будущие периоды[2].

Таким образом, при сравнении налога на профессиональный доход и упрощенной системы налогообложения становится очевидно, что боль-

---

[1]Налоговый Кодекс Российской Федерации (Часть вторая) от 05 августа 2000 года № 117-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс» – Режим доступа: http://www.consultant.ru/ (дата обращения 10.03.2021 года)

[2]Федеральный закон от 27 ноября 2018 года № 422-ФЗ "О проведении эксперимента по установлению специального налогового режима "Налог на профессиональный доход" // СПС «КонсультантПлюс» – Режим доступа: http://www.consultant.ru/ (дата обращения 15.03.2021 года).

шим преимуществом налога на профессиональный доход является простота регистрации, а также отсутствие отчетности и автоматический расчет размера налоговых отчислений, что по мнению законодателя должно стимулировать предпринимателя легализовать свою деятельность в неформальной экономике.

Но при этом право плательщика налога на профессиональный доход не платить взносы на обязательное пенсионное страхование лишает его и страхового стажа на период деятельности в качестве самозанятого[1]. Соответственно и пособия по временной нетрудоспособности для самозанятых недоступны по причине неуплаты страховых взносов за период применения налога на профессиональный доход[2].

Добровольные же правоотношения по обязательному пенсионному страхованию принесут плательщику налога на профессиональный доход существенные дополнительные расходы. На 2020 год сумма минимального платежа составила 32448 рублей 00 копеек за год с возможностью разбивки на ежемесячные платежи размером 2704 рубля 00 копеек. Исчисление страхового взноса производится в соответствии с Федеральным законом № 167-ФЗ от 15 декабря 2001 года «Об обязательном пенсионном страховании в Российской Федерации с применением тарифа, составляющего 22 процента, из них 16 процентов – индивидуальная часть, 6 процентов – солидарная часть тарифа[3]. При этом вступить в правоотношения с Пенсионным фондом Российской Федерации довольно просто: достаточно подать соответствующее заявление либо в территориальный отдел Пенсионного фонда Российской Федерации, либо посредством мобильного приложения «Мой налог».

Также следует уточнить, что совмещать налог на профессиональный доход с другими специальными налоговыми режимами не получится. В случае принятия решения встать на учет в качестве самозанятого индивидуальный предприниматель, применяющий любой из других специальных налоговых режимов, обязан уведомить налоговый орган о прекращении применения указанного режима налогообложения. Обратная ситуация также предполагает первоначально сняться с налогового учета в качестве самозанятого и в течение 20 календарных дней после такого снятия уве-

---

[1] Постановление Правительства РФ от 19 февраля 2019 года № 160 «О внесении изменений в Правила подсчета и подтверждения страхового стажа для установления страховой пенсии» // СПС «КонсультантПлюс» – Режим доступа: http://www.consultant.ru/ (дата обращения 12.03.2021 года)

[2] Гражданский кодекс Российской Федерации (Часть вторая) от 26 января 1996 № 14-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс» – Режим доступа: http://www.consultant.ru/ (дата обращения 20.03.2021 года)

[3]Федеральный закон от 15 декабря 2001 года № 167-ФЗ «Об обязательном пенсионном страховании в Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс» – Режим доступа: http://www.consultant.ru/ (дата обращения 20.03.2021 года)

домить налоговый орган о переходе на соответствующий специальный налоговый режим[1].

Таким образом, введение института самозанятости имеет своей главной целью выведение бизнеса из «тени», стимулирование малого и среднего предпринимательства. В сложившихся условиях макроэкономической нестабильности на первый план выходит именно социальный эффект от самозанятости, а не дополнительный источник финансирования региональных бюджетов.

Е.А. Бочкарева, *доктор юрид. наук, доцент,*
заведующий кафедрой административного
и финансового права СКФ РГУП

ФИНАНСОВЫЙ КОНТРОЛЬ В УСЛОВИЯХ ПАНДЕМИИ

Российская правовая действительность демонстрирует нам сегодня чрезвычайно многообразный по содержанию и формам процесс создания новых вариантов регулирования общественных отношений, объективно обусловленный появлением новых аспектов бытия.[2] Пандемия коронавирусной инфекции, проявившей себя в самом конце 2019 года и признанная таковой Всемирной организацией здравоохранения 11 марта 2020 года[3], стала одним из таких аспектов. При этом пандемия, а точнее – необходимость бороться с ее последствиями, обеспечивать жизнеспособность всех действующих систем и продолжать начатые преобразования, катализировали развитие новых форм и механизмов публичного управления. В числе последних безусловным лидером является цифровизация экономики, управления и права.

Следует отметить, что и в «доковидные» времена одним из направлений реформирования публичного управления являлась разработка и внедрение различных вариантов «умного регулирования» (smart regulation), предполагающих «Перенос акцента с процесса регулирования на результат, стремление понять, что именно мешает его получению, выбор средств, которые способны точечно воздействовать на проблему».[4]

---

[1] Федеральный закон от 27 ноября 2018 года № 422-ФЗ "О проведении эксперимента по установлению специального налогового режима "Налог на профессиональный доход" // СПС «КонсультантПлюс» – Режим доступа: http://www.consultant.ru/ (дата обращения 20.03.2021 года)

[2] См.: Запольский С.В., Бочкарева Е.А., Кожушко С.В. Общетеоретические проблемы российского финансового права: обзор научных исследований // Государство и право. 2020. № 11. С. 58–71.

[3] Глобальный веб-сайт ВОЗ: https://www.who.int/ru/news/item/29-06-2020-covidtimeline

[4] Давыдова М.Л. «Умное регулирование» как основа совершенствования современного правотворчества // Журнал российского права. 2020. № 11. С. 14–29.

Одним из напрямую не связанных с этим типом управления, но близким к нему концептуально, стал процесс «регуляторной гильотины», запущенный в феврале 2019 года[1]. В результате, по данным Правительства РФ, были отменены 3003 акта, содержащие обязательные требования[2], из которых большинство – акты ведомственного нормотворчества.[3] Одновременно правовое регулирование контрольно-надзорной деятельности обогатилось на 448 актов.

В сфере финансового контроля, затронутой «гильотиной» в наименьшей степени, были отменены обязательные требования в сфере деятельности по организации и проведению лотерей,[4] упорядочены требования к контролю саморегулируемых организаций аудиторов, установлены новые правила взаимодействия Федеральной налоговой службы и субъектов рынка азартных игр.[5]

Еще одним новшеством, «вписанным» в поле реформы публичного контроля и обусловленным всеобщей цифровизацией, стал Единый реестр видов контроля (надзора). Его введение предусмотрено статьей 18 пока не вступившего в силу Федерального закона от 31 июля 2020 № 248-ФЗ «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации»[6] и реализовано Постановлением Правительства 2 апреля 2021 года № 528 «О внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации в части создания, эксплуатации и развития единого реестра видов федерального государственного контроля (надзора), регионального государственного контроля (надзора), муници-

---

[1] См.: Послание Президента РФ Федеральному Собранию 20 февраля 2019 года // http://kremlin.ru/events/president/news/59863

[2] Сайт «Регуляторная гильотина» // https://knd.ac.gov.ru/

[3] Отменено 2411 ведомственных актов. См.: Сайт «Регуляторная гильотина» // https://knd.ac.gov.ru/analytics/

[4] Приказ Министерства финансов Российской Федерации от 12.02.2020 № 25н «О признании утратившими силу некоторых приказов Министерства финансов Российской Федерации и отдельных положений приказа Министерства финансов Российской Федерации в части отмены обязательных требований в сфере деятельности по организации и проведению лотерей» // Официальный интернет-портал правовой информации http://www.pravo.gov.ru, 19.03.2020

[5] Постановление Правительства РФ от 14.08.2020 № 1221 «Об утверждении Правил ведения в букмекерских конторах и тотализаторах учета участников азартных игр, от которых принимаются ставки, интерактивные ставки на официальные спортивные соревнования, и Правил представления в Федеральную налоговую службу данных учета в букмекерских конторах и тотализаторах участников азартных игр, от которых принимаются ставки, интерактивные ставки на официальные спортивные соревнования» // Официальный интернет-портал правовой информации http://www.pravo.gov.ru, 18.08.2020.

[6] Официальный интернет-портал правовой информации http://www.pravo.gov.ru, 31.07.2020.

пального контроля»[1]. Указанный Реестр – типичный продукт всеобщей цифровизации: с одной стороны, он есть ее результат, а с другой – необходимый инструмент для дальнейшей цифровой трансформации контрольных правоотношений.

Здесь следует (хотя бы кратко) обратиться к вопросу о том, что такое цифровизация и цифровая трансформация. Исследователи справедливо разграничивают два этих понятия, отмечая опережающую роль государства «как инициатора и основного промоутера процессов цифровой трансформации в России»[2]. Под *цифровизацией* предлагается понимать процесс внедрения цифровых технологий, результатом которого становится *цифровая трансформация*, то есть наступают какие-то конкретные, социально-значимые, последствия[3].

Таким образом, *цифровизация финансового контроля* (и контроля вообще) – это процесс внедрения в деятельность органов финансового контроля цифровых технологий, позволяющих осуществить качественные преобразования в реализации контрольно-надзорных функций, и обеспечить эффективное взаимодействие всех субъектов контрольных мероприятий. При этом *цифровая трансформация финансового контроля* предполагает наступление конкретных социально-значимых результатов от применения цифровых технологий в финансово-контрольных и сопряженных с ними мероприятиях. Примером может быть цифровой профиль гражданина, представляющий собой «совокупность цифровых записей о гражданине, содержащихся в информационных системах государственных органов и организаций»[4], проактивные (упреждающие, действующие на опережение) мероприятия, например – финансовый мониторинг, налоговый мониторинг и вообще любой мониторинг, в основе которого лежит системы оценки рисков.

Упомянутый выше Реестр включает в себя все виды контроля федерального, регионального и муниципального уровней, а также их описание.

---

[1] Официальный интернет-портал правовой информации http://pravo.gov.ru, 06.04.2021.

[2] Малышева Г.А. О социально-политических вызовах и рисках цифровизации российского общества // Власть. 2018. № 1. С. 41.

[3] См.: Василенко Л.А., Зотов В.В. Цифровизация публичного управления в России: риски, казусы, проблемы // Цифровая социология. 2020. Т. 3. № 2. С. 4-16.

[4] См.: Концепция и архитектура цифрового профиля – ЕСИА 2.0. Разработаны Центральным Банком (Банком России) и Минкомсвязи РФ в рамках Плана мероприятий по направлению «Информационная инфраструктура» Программы «Цифровая экономика Российской Федерации» // https://digital.ac.gov.ru/upload/iblock/362/%D0%9A%D0%BE%D0%BD%D1%86%D0%B5%D0%BF%D1%86%D0%B8%D1%8F%20%D0%B8%20%D0%B0%D1%80%D1%85%D0%B8%D1%82%D0%B5%D0%BA%D1%82%D1%83%D1%80%D0%B0%20%D0%A6%D0%B8%D1%84%D1%80%D0%BE%D0%B2%D0%BE%D0%B3%D0%BE%20%D0%BF%D1%80%D0%BE%D1%84%D0%B8%D0%BB%D1%8F.docx

Кроме того, в реестре указывается, какие надзорные органы будут осуществлять конкретный вид контроля. Данные из нового реестра будут использоваться другими информационными системами, в том числе ведомственными,

Органом, курирующим содержание реестра, станет Генпрокуратура, которая будет следить за тем, чтобы контролирующие органы не вносили в перечень и не проводили несанкционированные проверки. Наделение Генпрокуратуры этими полномочиями представляется вполне логичным в свете уточнения конституционных основ ее статуса главой 7 Конституции РФ «Судебная власть и прокуратура»[1].

Применительно к финансовому контролю следует отметить его исключенность как объекта правового регулирования из вышеописанных механизмов и режимов. Вообще из сферы Федерального закона «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» исключено 42 направления контрольной деятельности, в том числе – контроль (надзор) за деятельностью кредитных организаций и банковских групп, некредитных финансовых организаций, надзор в национальной платежной системе, контроль за использованием средств государственными корпорациями, налоговый, таможенный, в сфере закупочной детальности, и др.

Следовательно, и вышеописанный реестр проверок не будет содержать в себе какой-либо информации по перечисленным контрольным направлениям. Таким образом, относительно финансового контроля продолжает действовать «мозаичное» регулирование, представленное совокупностью актов бюджетного, налогового, банковского, валютного законодательства. При этом в рамках соответствующей подотрасли (либо правового института) можно наблюдать широкий ассортимент направлений и объектов контроля на фоне отсутствия более-менее цельной системы принципов и процедур. Так, например, Е.М. Андреева только в области использования межбюджетных трансфертов выделяет 9 направлений финансового контроля[2].

Представляется, что обновленное законодательство о публичном контроле не решает проблемы единообразия и систематизации требований в сфере финансового контроля. В этой связи перспективным вилится создание *электронного кодекса финансового контроля.* Данный цифровой

---

[1] Конституция Российской Федерации. Принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 // Официальный интернет-портал правовой информации http://www.pravo.gov.ru, 04.07.2020.

[2] См.: Андреева Е.М. Недостатки правового регулирования финансового контроля (на примере межбюджетных трансфертов) // Актуальные проблемы российского права. 2018. № 3. С. 41 – 42.

инструмент, применительно к финансово-контрольной сфере, может быть определен как специальная электронная справочно-правовая система каталогов действующих нормативных правовых актов в сфере контроля, позволяющая формировать на их основе онлайн-кодекс для официального опубликования всех вновь принятых нормативных актов[1]. Также принципиально важным является закрепление в нем единой системы национальных принципов финансового контроля.

Полагаем, что в условиях отсутствия единого законодательного акта о финансовом контроле создание электронного кодекса финансового контроля будет иметь большое практические значение, например, в аспекте повышения качества нормотворчества, систематизации и актуализации правовых документов.

Кризисные явления, обострившимся в связи с эпидемиологической обстановкой в условиях пандемии новой коронавирусной инфекции обусловили ряд проблем и в сфере контроля рынка финансовых услуг. Резкое и массовое снижение платежеспособности заемщиков, рост финансового мошенничества, в том числе с применением дизруптивных технологий, наращивание процесса недобросовестных продаж (мисселинга) – вот неполный перечень вопросов, решение которых предполагает совершенствование правового обеспечения финансово-контрольной деятельности уполномоченных органов. Ученые, реагируя на современные вызовы, анализируют границы антикризисного регулирования, осуществляемого уполномоченными органами, и предлагают систему правовых средств в части обеспечения стабильности финансового положения кредитных организаций и рынка банковских услуг.[2] Обоснованно отмечается возросшая потребность совершенствования навыков финансовой грамотности, столь необходимых субъектам финансовых правоотношений в условиях долгосрочной экономической неопределенности.[3]

Итак, распространение новой коронавирусной инфекции (COVID 19) стало внезапной, «шоковой» угрозой привычному укладу жизни, и уже разделило новейшую историю государства и права на периоды «до» и после». Борьба с ней и последствиями введения ограничительных мер потребовала, с одной стороны, беспрецедентных по масштабам финансовых вливаний из бюджетов бюджетной системы и разработки соответствующего правового регулирования. С другой стороны, обострилась необходимость совершенствования организационно-правовых и методологиче-

---

[1] См.: Карцхия А.А. Цифровизация в праве и правоприменении // Мониторинг правоприменения. 2018. № 1(26). С. 36-40.

[2] Латус Е.Б., Мангасарян Э.Н. «Коронакризис» и меры антикризисного регулирования рынка банковских услуг: правовые проблем // Банковское право. 2020. № 3. С. 55 -66.

[3] Афанасьев Е.В., Шевцов И.В. Важность финансовой грамотности во время пандемии COVID-19 // Инновации и инвестиции. 2020. № 8. С. 135-138.

ских аспектов финансово-контрольной деятельности. В условиях невключенности финансового контроля в орбиту действующего законодательства о государственном (муниципальном) контроле и надзоре перспективным представляется создание электронного кодекса финансового контроля, с закреплением в нем системы общих требований к проведению финансово-контрольной деятельности.

Е.М. Бутаева, *канд. юрид. наук,*
доцент кафедры предпринимательского права
БФУ им. И. Канта

РЕАЛИЗАЦИЯ НАЦИОНАЛЬНОГО ПРОЕКТА «ЗДРАВООХРАНЕНИЕ»: ФИНАНСОВО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

Качество жизни людей определяется многими факторами, среди которых можно назвать и организацию системы медицинской помощи, профилактики болезней. История человечества, особенно в периоды глобальных и региональных вооруженных конфликтов показывает, что от своевременной и качественно оказанной медицинской помощи зависел часто исход побед в войнах. Не менее важным фактором в исполнении государством своей социальной функции является организация системы здравоохранения и медицинской помощи в мирное время. Борьба с вирусом COVID-19, которая началась во всем мире в 2020 году и продолжается сегодня, со всей очевидностью показывает силу или слабость отдельного государства, способность или неспособность выиграть эту битву. 20 февраля 2021 года была зарегистрирована еще одна российская вакцина против COVID-19 – «КовиВак», став третьей вакциной, разрешенной к широкому применению в нашей стране.[1] Такие прорывы в медицинской науке дают основания полагать, что у России есть неоспоримые преимущества перед другими государствами и что именно научный потенциал может стать драйвером роста российской экономики, в том числе по показателям экспорта медицинских препаратов.

Необходимость и своевременность финансирования системы здравоохранения обуславливают данные о состоянии здоровья россиян. В официальной аналитической информации на сайте Росстата отмечено,

---

[1] Емельяненков А., Невинная И. Чем отличаются три зарегистрированные российские вакцины от COVID-19: Электронный ресурс//сайт ФГБУ «Редакция «Российской газеты» //https:// rg.ru/2021/02/20/chem-otlichaiutsia-tri-zaregistrirovannye-rossijskie-vakciny-ot-covid-19.html (дата обращения 01.03.2021)

что «…этиология формирования патологии лежит, в основном, за пределами системы здравоохранения. В то же время при современном уровне развития медицины (за исключением случаев несовместимых с жизнью) исходы заболеваний во многом зависят от эффективности деятельности системы здравоохранения, в т.ч. уровня квалификации медицинских работников, качества деятельности медицинских учреждений, оказывающих помощь населению и доступности этой помощи…в тех странах, где достигнуты реальные позитивные сдвиги в снижении смертности населения, не только менялось поведение населения, но и реально менялась деятельность системы здравоохранения, её активность в отношении внедрения в массовую практику эффективных новых технологий лечения болезней. Как отмечают эксперты ВОЗ необходимость улучшения качества медицинской помощи, оказываемой лицам с хроническими заболеваниями, не требует доказательств».[1]

Социальная функция государства проявляется помимо прочего в организации системы здравоохранения и медицинской помощи. Конституционное право на лечение и медицинское обслуживание относится к той группе прав гражданина, которые невозможно обеспечить без соответствующего финансирования. В связи с этим изучение финансово-правовых аспектов организации национальной системы здравоохранения представляется своевременным и должно осуществляться на научной основе с учетом изменяющейся обстановке в стране и мире. Формализованными источниками для анализа системы финансово-правового обеспечения государственной деятельности в сфере здравоохранения являются нормативно-правовые акты о федеральном бюджете, бюджетах регионов, бюджетах внебюджетных фондов, государственные программы, сметы расходов казенных учреждений, планы финансово-хозяйственной деятельности государственных учреждений. В научной литературе их именуют финансово-плановыми актами.[2]

К числу финансово-плановых актов можно отнести национальные проекты, которые состоят, как правило, из нескольких государственных программ. Национальный проект «Здравоохранение» включает 8 федеральных проектов, в составе которых содержатся 7 приоритетных проектов, реализуемых Министерством здравоохранения России. На его реали-

---

[1] Современные проблемы медицинского обеспечения больных с кардиологическими заболеваниями (по результатам проекта «Получение статистической информации о качестве и доступности медицинской помощи больным кардиологического профиля»): Электронный ресурс // сайт Росстата //https://rosstat.gov.ru/folder/13721# (дата обращения 01.03.2021)

[2] Правовое регулирование финансового контроля в Российской Федерации: проблемы и перспективы: монография/отв. ред. Е.Ю. Грачева. – 2-е изд., доп. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2014. – С. 27-28.

зацию в течение 6 лет запланированы затраты в размере 1,6 трлн рублей за счет федерального бюджета, консолидированных бюджетов регионов и внебюджетных фондов.

Стратегия проекта направлена на достижение национальных целей: обеспечение устойчивого естественного роста численности населения России и повышение ожидаемой продолжительности жизни до 78 лет к 2024 году и до 80 лет к 2030 году.

Обзор наименования федеральных программ, входящих в проект «Здравоохранение», обнаруживает логический и комплексный подход разработчиков проекта к проблемам здравоохранения. Национальный проект содержит следующие программы:

- Развитие системы оказания первичной медико-санитарной помощи;
- Борьба с сердечно-сосудистыми заболеваниями;
- Борьба с онкологическими заболеваниями;
- Развитие детского здравоохранения, включая создание современной инфраструктуры оказания медицинской помощи детям;
- Обеспечение медицинских организаций системы здравоохранения квалифицированными кадрами;
- Развитие сети национальных медицинских исследовательских центров и внедрение инновационных медицинских технологий;
- Создание единого цифрового контура в здравоохранении на основе единой государственной информационной системы здравоохранения (ЕГИСЗ);
- Развитие экспорта медицинских услуг.

В наименовании программ мы видим, что учтены многие аспекты функционирования системы здравоохранения, требующие государственного регулирования и финансовой поддержки: вопросы охраны детского здоровья, борьба с некоторыми видами широко распространенных заболеваний, проблемы кадрового дефицита, развитие сети научных медицинских учреждений.

Административные решения, организационной средой которых является и финансирование, требуют постоянного (текущего) и итогового (по результатам) контроля. Управленческий цикл настроен на то, чтобы получать объективные и достоверные сведения о том, как выполняется на практике принятое решение. Известный ученый Е.Ю. Грачева пишет: «Управленческая деятельность в плане ее организационной структуры складывается в основном из разработки соответствующего управленческого решения, его реализации и проверки выполнения. Это означает, что стадиями процесса социального управления являются: 1) принятие управленческого решения; 2) исполнение управленческого решения; 3) проверка исполнения управленческого решения…Очевидна последовательность названных стадий, равно как и цикличность процесса управления. По-

следняя находит выражение в том, что после проверки исполнения соответствующего управленческого решения, т.е. получения информации отчетного характера, следует повторение стадий управленческого процесса. Сказанное в полной мере относимо к стадиям управленческого процесса на каждом из этапов финансовой деятельности государства».[1] Это мнение поддерживается и другими авторитетными учеными: «Обратная связь, если она установлена нормативным правовым актом, идентифицирует его действительную регулирующую и правовую природу. Если же никакого установления ее в некотором нормативном правовом акте не имеется, то перед нами акт, который имеет сугубо декларативную природу и не обладает регулирующим качеством. Она является императивной причинной связью как таковой, причинной связью последствий состояний, действий или отношений управляемой системы с изменениями, поступающими в управляемую систему из внешнего мира действий, событий, ресурсов и отношений…В системе финансового права такой обратной связью может выступать финансовый контроль, а вообще говоря таким может быть финансово-правовой контроль, если, конечно, он надлежаще урегулирован и организован, включает в себя применение финансовых и иных правовых санкций и иных санкций к нарушителям норм финансового законодательства».[2]

Согласно действующему законодательству функции внешнего государственного контроля в отношении средств, расходуемых из федерального бюджета, выполняет Счетная Палата России. Независимый статус этого органа финансового контроля, особый порядок его образования и функционирования, отточенная методика действий аудиторов, а также критические отчеты, представляемые органам власти и общественности, дают достаточно оснований полагать о достоверном и объективном характере выводов, которые делает Счетная палата по результатам финансово-контрольных мероприятий.

Экспертно-аналитические мероприятия, проведенные аудиторами Счетной Палаты, выявили ряд негативных факторов, которые ставят под угрозу достижение целей национального проекта «Здравоохранение» и национального проекта «Демография»:

1. В числе бросающихся в глаза проблем – неудовлетворительное техническое и санитарное состояние зданий: «на 1 января 2019 года **из 116 865 зданий**, в которых оказывается медицинская помощь, 14%

---

[1] Правовое регулирование финансового контроля в Российской Федерации: проблемы и перспективы: монография/ отв. ред. Е.Ю. Грачева. – 2-е изд., доп. – М..: Нормы: ИНФРА-М, 2014. – С. 64-65.

[2] Право и финансовый контроль/ Н.М. Кучеров и др.: Институт законодательства и сравнит. правоведения при Правительстве Российской Федерации. – М.: Эксмо, 2009. – С. 32-33.

находились в аварийном состоянии, в 30,5 % отсутствовал водопровод, в 52,1 % – горячее водоснабжение, в 41,1 % – центральное отопление, в 35 % – канализация, в 47 % не обеспечивалась доступность для инвалидов и других маломобильных групп населения».[1] Очевидно, что ставить вопрос об улучшении качества медицинских услуг в таких учреждениях в силу инфраструктурных трудностей – преждевременно.

2. Сфера здравоохранения, как и многие другие отрасли, пострадала в постперестроечный период (после 90-х годов) в части ее кадрового обеспечения. Эта проблема, отчасти связанная с коммерциализацией образовательной сферы, дала о себе знать в медицине, как и в других отраслях государственного управления. Аудиторы Счетной Палаты отметили, что «**Не хватает врачей узкой специализации, оказывающих медицинскую помощь детям.** Педиатрическая служба недостаточно укомплектована, а более 7 % педиатров не имеют необходимой квалификации».[2] Решить эту проблему быстро, как того требует время, не получится, поскольку подготовка кадров – длительный процесс, требующий не только финансового обеспечения, но и реализации иных решений, лежащих в плоскости управления культурой, образованием, экономикой.

3. Отдельные виды медицинской помощи требуют дополнительной нормативно-правовой регламентации и подтверждения затрат, выделяемых на осуществление такой помощи. Например, порядок оплаты пациентами медицинской помощи с использованием методов экстракорпорального оплодотворения в случае, когда такая помощь организуется за счет средств ОМС, имеет ряд неразрешенных вопросов, среди которых: отсутствие финансово-экономического обоснования размера среднего норматива финансовых затрат на один случай ЭКО; отсутствие методики расчета такого норматива; непрозрачный механизм распределения объемов медицинской помощи между организациями здравоохранения. По данным главных аудиторов страны: «За 9 месяцев 2020 года выполнено только 86% процедур ЭКО от аналогичного показателя прошлого года, что указывает на риски недостижения показателей по итогам года по националь-

---

[1] Отчет о результатах экспертноаналитического мероприятия «Оценка эффективности расходования в 2018–2019 годах средств федерального бюджета, направленных на развитие материально-технической базы детских поликлиник и детских поликлинических отделений медицинских организаций, оказывающих первичную медико-санитарную помощь»: Электронный ресурс: сайт Счетной Палаты Российской Федерации. ttp://www.ach.gov.ru/84ed13237c0fe2b0dae052063e371cfe.pdf (ach.gov.ru) (Дата обращения: 06.02.2021)

[2] Отчет о результатах экспертно-аналитического мероприятия «Оценка эффективности расходования в 2018–2019 годах средств федерального бюджета, направленных на развитие материально-технической базы детских поликлиник и детских поликлинических отделений медицинских организаций, оказывающих первичную медико-санитарную помощь». Там же.

ному проекту «Демография». Количество планируемых циклов ЭКО и объем соответствующего финансового обеспечения не являются достаточными, а имеющийся потенциал региональных систем здравоохранения не используется в полном объеме. Экспертиза качества медицинской помощи проводилась лишь в отношении 24,2% повторных случаев лечения с ЭКО. Не организован сквозной мониторингпоследующего течения беременности и развития детей. Сроки подготовки годовых отчетов о реализации национальных и федеральных проектов не связаны со сроками представления отчетности. Доступность медицинской помощи с применением ЭКО ограничена тем, что часть связанных с процедурой мероприятий не оплачивается за счет ОМС».[1]

4. Центральным вопросом в оказании медицинской помощи является обеспечение граждан лекарственными средствами. По сведениям Счетной Палаты **«отдельные регионы сокращают перечни групп населения, при амбулаторном лечении которых медикаменты отпускаются по рецептам врачей бесплатно».**[2]Также аудиторами выявлена проблема дефицита «ряда лекарственных препаратов (от онкологических заболеваний, диабета, вакцин от бешенства) в связи с ростом отмененных на федеральном и региональном уровнях торгов на закупку лекарственных препаратов в 2019 году с 75 до 121 тысячи аукционов (на 60 %) по причине отсутствия поданных заявок. В отдельных регионах остается критической ситуация с медикаментами для лечения пациентов с коронавирусной инфекцией в связи с ростом потребности в необходимых препаратах».[3] Мониторинг ситуации в регионах показал, что в некоторых сельских населенных пунктах аптеки и медицинские организации вовсе отсутствуют. Обеспечить отдельными видами лекарственных препаратов, например, ВИЧ-инфицированных и лиц, больных туберкулезом, затруднительно из-за разных данных, содержащихся в Федеральном регистре лиц, больных редкими заболеваниями, и в иных формах статистической медицинской отчетности. Если просмотреть ближайшую ретроспекцию вопроса обеспечения медицинскими препаратами, то можно в отчетах Счетной Палаты РФ за 2016 год увидеть, что Минздравом в целях профилактики пневмококковых инфекций закупалась вакцина Превенар 13 в количестве, превышающем необходимость ее использования по назначению. Безусловно, такие действия прямо указывают на неэффективность использования

---

[1] Отчет о работе направления аудита здравоохранения и спорта Счетной палаты Российской Федерации в 2020 году: Электронный ресурс: сайт Счетной Палаты России http://ach.gov.ru/upload/reports/2020_zdrav.pdf (дата обращения: 08.02.2021)

[2] Отчет о работе направления аудита здравоохранения и спорта Счетной палаты Российской Федерации в 2020 году. Там же.

[3] Там же.

бюджетных средств в то время, как другие сегменты отрасли здравоохранения явно испытывают дефицит в финансовых ресурсах.

5. Обратная связь в ходе реализации любого управленческого решения важна для управляющего субъекта. Этот тезис особо подчеркивается на современном этапе в условиях развития информационных технологий и официального курса на цифровизацию механизма государственного управления. Связь управляющего субъекта и управляемого в современном цифровом формате государственного управления, который реализуется с 2000-х годов за счет бюджетных средств, должна показать адекватность такого курса и явить результаты общественного мнения по тем или другим остро поставленным социальным вопросам. В этой связи у общественности и научного сообщества формируется запрос: каким именно образом инициаторы и разработчики национального проекта «Здравоохранение» планируют оценить качество медицинских услуг и их соответствие ожиданиям граждан? По этому аспекту проблем государственного управления в сфере здравоохранения уместным будет упомянуть мнение аудиторов Счетной Палаты, которые отметили, что «из госпрограммы «Развитие здравоохранения» была исключена цель «Повышение к 2025 году удовлетворенности населения качеством медицинской помощи», что не позволит органам исполнительной власти своевременно оценить актуальные проблемы и принять рациональные решения, направленные на повышение доступности и качества оказания медпомощи населению».[1] Исследование общественного мнения граждан в этом случае представляется критически важным, а техническая оснащенность данного решения – второстепенным вопросом. Главным здесь будет именно оценивание гражданами спектра и качества государственных услуг в сфере здравоохранения.

6. Очерчивая контуры целей национального проекта «Здравоохранения», нельзя не отметить экологический фактор и социально-экономическую обстановку, в условиях которой реализовалась данная программа. До старта рассматриваемого нацпроекта ситуацию с экологической обстановкой, охраной труда, пенсионным обеспечением вряд ли можно было бы назвать благополучной. Но даже в таких условиях некоторые проблемные вопросы нашли бы свое разрешение при определенной политической воле управленцев, ответственных за принятие и исполнение решений. Например, обеспеченность граждан санаторно-курортным лечением уменьшилась с 27,5% в 2015 г. до 24,8% в 2016 г. Вместе с тем,

---

[1] Отчет о результатах экспертно- аналитического мероприятия «Оценка эффективности расходования в 2018–2019 годах средств федерального бюджета, направленных на развитие материально-технической базы детских поликлиник и детских поликлинических отделений медицинских организаций, оказывающих первичную медико-санитарную помощь». Там же.

102,2 млн. руб. в 2016 г. остались невостребованными, что свидетельствует об отсутствии должного контроля со стороны ФСС РФ за освоением средств его же территориальными органами. По данным Счетной палаты РФ «Оценка реализации в 2016 г. базовой программы ОМС показала, что при увеличении почти на 6% средств, направленных на оплату медпомощи, объем оказанной помощи снизился по всем видам и условиям ее оказания на 38 млн. случаев, в том числе на 36 млн. посещений врачей в первичном звене здравоохранения. При этом средняя стоимость одного случая лечения выросла неравномерно: с 2,5% за посещение до 25,5% за лечение в дневном стационаре... Одновременно с этим объем платных медуслуг, оказываемых населению государственными медорганизациями, вырос на 40 млрд. руб».[1] Иллюстрируемые примеры говорят, с одной стороны, о необходимости комплексного, научного обоснованного и системного подхода в деле управления системой здравоохранения, с другой, возобновляют вопрос об ответственности конкретных должностных лиц публичной администрации за реализацию отдельных решений.

Приведенные в настоящей статье данные свидетельствуют о недостаточной эффективности мероприятий, которые предпринимаются для достижения таких целей как обеспечение устойчивого естественного роста численности населения России и повышение ожидаемой продолжительности жизни в ближайшей перспективе. Возможными шагами на пути обозначенных проблем могли бы быть следующие смыслы:

1. **Программирование целей управленческих проектов.**Цели проектов должны быть реально достижимыми, вариативность минимальна, они должны комментироваться разработчиками проектов и сопровождаться с их стороны максимальной методической и консультационной помощью;

2. **Финансовый контроль.** Счетная Палата РФ из года в год выявляет типичные нарушения при реализации государственных программ. Это: отсутствие четких количественных и качественных показателей, которые дадут реальное представление о достижение целей проекта; недостатки в нормативно-правовом регулировании на ведомственном уровне, мешающие получению финансирования либо контролю за результативным использованием бюджетных средств; низкий уровень ведомственного контроля за ходом и результатами проектов. Представляется, что богатая выводами и рекомендациями аналитика Счетной Палаты может служить хорошей методической базой для национальных проектов, в том числе для нацпроекта «Здравоохранение».

---

[1] Счетной палатой подготовлены заключения на отчеты об исполнении бюджетов ПФР, ФСС и ФОМС за 2016 г. // http://www.ach.gov.ru/press_center/news/31144 (Дата обращения: 26.02.2021 г.)

Е.Г. Васильева, *кандидат юрид. наук, доцент,*
доцент кафедры административного и финансового права
СКФ РГУП, г. Краснодар,

ЦИФРОВОЙ РУБЛЬ: ДЕМАТЕРИАЛИЗАЦИЯ В ФИНАНСОВОМ ПРАВЕ

Дематериализация денег – процесс, приведший к преимущественному использованию безналичных денег. Расчеты сугубо наличными деньгами преобладали во всем мире до конца XIX столетия, а к концу XX в. удельный вес наличных денег в общем обороте уже составлял всего лишь несколько процентов. За последние несколько лет в финансовой сфере назрела очевидная необходимость реформирования отдельных ее областей и финансовой системы в целом, особо остро эта необходимость проявляется в отношении законодательного регулирования цифровых валют. Кроме того, каждый день нарастает роль виртуальных операций и цифровой валюты в целом как средства обращения, заменяя собой традиционные материальные денежные эквиваленты. Эпидемия коронавируса ускорила процесс выхода криптовалюты из маргинального состояния и прочно выдвинула её на передний план. Как никогда назрела потребность в эффективном и универсальном платежном инструменте.

В настоящее время происходит цифровая трансформация финансовой сферы, становление новой виртуальной формы экономики, поэтапно происходит цифровизация всего общества и всех сфер жизнедеятельности. Рынок финансовых технологий остается самым растущим в мире. Флагманом данных нововведений служит цифровая экономика, а также поступательное развитие рынка цифровых финансовых технологий. Указанное обуславливает то, что встают вопросы нормативного регулирования и адаптации российского законодательства к новым реалиям финтеха. Не следует забывать о том, что цифровые технологии несут не только новые возможности, но и новые риски, которые сложно просчитать в полном объеме заблаговременно. Подчеркнем, что риски при введении новых технологий есть всегда, поскольку новое – это всегда определенный риск безопасности, особенно введение новых финансовых технологий в налоговой сфере они, безусловно, чувствительны.

Динамичное развитие экономики стало одной из предпосылок появления Федерального закона «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 31.07.2020 № 259-ФЗ[1]. Указанным законом введе-

[1] Федеральный закон «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 31.07.2020 № 259-ФЗ // СЗ РФ. 2020. № 31 (часть I). Ст. 5018.

ны новые правовые институты, создавшие неопределенность в правоприменении. К сожалению, законом не разработан и не введен единый правовой аппарат для всех криптовалют в целом. Закон стал основой исключительно для цифровизации российских финансовых активов.

Несмотря на определенные недостатки автор убежден, что принятие Федерального закона № 259-ФЗ – это продуманный и необходимый шаг в легализации данной области экономики России.

В настоящее время существуют определённые проблемы понятийного аппарата цифровой валюты, обусловленные сложным и неоднозначным правовым регулированием цифровых технологий. В научной литературе при характеристике цифровых валют (криптовалюты, цифрового рубля) используется разнообразный понятийный аппарат: «виртуальная валюта», «виртуальные активы», «криптовалюта», «электронная валюта», «имущество», «виртуальные деньги», «цифровой актив», «цифровой финансовый актив» и т. д. Такой разброс понятий свидетельствует о том, что до настоящего времени на доктринальном уровне понятие цифровой валюты, вопросы ее правового регулирования не определены должным образом. Все это обуславливает накопление определенных правовых проблем в отношении криптовалюты как нерегулируемых цифровых денег и цифровых финансовых активов.

Национальное законодательство в части цифровых валют формируется, работа в данном направлении началась, о чем свидетельствует Законопроект № 1065710-7 «О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации» (в части налогообложения цифровой валюты)[1]. Законопроектом № 1065710-7 «О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации» (в части налогообложения цифровой валюты) предлагается признать цифровую валюту имуществом. Представляется приравнять налогообложение цифровой валюты к налогообложению имущества, что, безусловно, изменит место цифровой валюты в денежной системе РФ и платежном обороте страны в целом.

На основании действующего законодательства платежи и расчеты осуществляются посредством использования платежных средств, установленных законодательством. В отношение определенного платежного средства, используемого при осуществлении платежа, применяется термин – средство платежа.

Таким образом, законодательное регулирование в России электронной валюты неоднозначно и находится в процессе разработки. В соответствии со ст. 27 Федеральным законом «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» введение на территории Российской Федера-

[1] Проект Федерального закона № 1065710-7 «О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации» (ред., принятая ГД ФС РФ в I чтении 17.02.2021) // Текст документа приведен в соответствии с публикацией на сайте https://sozd.duma.gov.ru/ по состоянию на 28.04.2021.

ции других денежных единиц и выпуск денежных суррогатов запрещаются[1]. Понятийный аппарат также пополняется, и в недавно вступившем в силу ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» было закреплено понятие цифровой валюты[2].

В современных реалиях, использование наличных денег значительно сокращается из-за простоты оплаты с помощью карт, приложений и бесконтактных платежей, что представляется как естественный процесс отхода от материальных платежных средств. Кроме очевидного удобства в использовании, можно выделить ряд несомненных преимуществ цифровой валюты Центрального Банка. Например, популяризация цифровых платежных систем может повысить эффективность и безопасность розничных и крупных платежных операций. Электронная валюта Центрального Банка может также способствовать удалению монет с низкой стоимостью путем доставки электронных сдач. Как пример, в апреле 2017 года Банк Кореи развернул пробную версию общества без монет, позволяющую клиентам вносить свои сдачи на предоплаченные карты вместо того, чтобы принимать небольшие сдачи в виде монет от покупки. Это также дает преимущества для экономии, поскольку только в 2016 году страна потратила 53,7 миллиарда вон на производство монет[3].

Однако, в ходе естественной трансформации общества к безналичному товарообороту, наблюдается параллельное количественное повышение нелегальных махинаций с использованием сторонних и неконтролируемых со стороны государства криптовалют.

Таким образом, цифровая валюта, цифровой рубль при поддержке Центрального банка РФ станет надежной альтернативой, минимизирующей любые риски. Кроме того, криптовалюта ничем не обеспечена, в то время как виртуальная цифровая национальная валюта будет обеспеченна рублем, а в межгосударственных операциях – золотом или природными ресурсами. Важным аспектом является возможность повышение эффективности трансграничных платежей с использованием Электронной Валюты Центрального Банка РФ для снижения риска контрагента для трансграничных межбанковских платежей и расчетов. Также среди преимуществ круглосуточная доступность, анонимность и устранение кредитного риска для участников.

---

[1] Федеральный закон от 31.07.2020 № 259-ФЗ «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 28. Ст. 2790.

[2] Федеральный закон от 10 июля 2002 г. № 86-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2020. № 31 (ч.I). Ст.5018.

[3] S. Korea to begin pilot project for coinless society // URL: http://www.koreatimes.co.kr/www/biz/2017/04/367_227839.html (Дата обращения: 28.04.2021).

Несмотря на все преимущества, государства неоднозначно относятся к теме цифровых валют, так как это, несомненно, возлагает большую ответственность, если предложенная государством валюта, по крайней мере теоретически, претендует на мировое признание и статус нового стандарта. Кроме того, глобальная конкуренция и защита частных и национальных интересов по-прежнему очень важны, как и вопрос «авторства» денег и контроля над ними. Если представить ситуацию, когда частная компания становится эмитентом государственной цифровой валюты, логично допустить, что у этой компании может быть собственный коммерческий интерес. Также существует риск того, что сотрудники компании могут создать некую уязвимость, которая, например, приведет к утечке данных в будущем. Для того чтобы государство могло запустить свою собственную цифровую валюту, простого желания поддерживать денежную монополию недостаточно. Центральные банки должны стать технологическими компаниями. Это серьезная проблема, разрешаемая только в долгосрочной перспективе, полагаю поэтому государство не спешит запускать цифровой рубль, пока не убедится в наличии всего необходимого – от передовых технологий до надежной команды профессионалов, способных обеспечить максимально безопасную и надежную инфраструктуру.

Таким образом, несмотря на бесспорный потенциал, широкое внедрение цифровой валюты, цифрового рубля ЦБ РФ, последнее должно основываться на имеющейся в России законодательно установленной финансовой системе, не должно приводить у нарушению устойчивости национальной влаюты. Общественное развитие и сопровождавшая его эволюция денежного обращения повлекли за собой процессы демонетизации золота, а впоследствии и дематериализации денег, что в настоящее время сложно остановить в рамках нового этапа цифровизации российской экономики.

Из всего вышеизложенного можно сделать вывод, что хоть и медленными темпами, но использование цифровых денег становится все более и более популярным, и в обозримом будущем существует возможность полного перехода к цифровым расчетам.

Г.Р. Гафарова, *канд. юрид. наук,*
доцент кафедры Теории государства и права
и публично-правовых дисциплин
Казанского инновационного университета им. В.Г. Тимирясова

К ВОПРОСУ О ГОСУДАРСТВЕННОМ РЕГУЛИРОВАНИИ ЦЕН В ПЕРИОД ПАНДЕМИИ

Более года мир живет в условиях чрезвычайных ограничительных мер, введенных в связи с коронавирусной пандемией. Бесспорно, новый формат условий представляет собой проверку на прочность и развитость

всех сфер государственной жизнедеятельности. При этом сформированные временем, в первую очередь, средства и методы публичной финансовой деятельности должны показать свою эффективность выполняя задачу «спасательного круга» экономики и социальной сферы в любом государстве.

Как показывает сложившаяся на сегодня экономическая действительность, каждое направление публичной финансовой деятельности РФ претерпевает болезненное «коронавирусное» состояние и требует экстренного пересмотра способов и методов осуществления, в частности, и сфера государственного ценообразования.

Индикатором состояния экономики любого государства во все время являются цены, а в кризисные периоды особенно. Наблюдающийся рост цен с конца 2020 года на базовые продукты, к сожалению, можно было, и списать на логическую закономерность пандемии, однако, по заявлению Президента РФ, сделанного в рамках совещания по экономическим вопросам 9 декабря 2020 г. рост цен не может быть связан с влиянием пандемии. Так, например, недостаточно обоснованным выглядит рост цен на сахарный песок на 71,5%, поскольку его производство по данным Минсельхоза на достаточном уровне для покрытия внутренней потребности. Президент РФ Владимир Путин указал, что все это выглядит как попытка подогнать внутренние цены под мировые и использовать экспортные возможности[1] и потребовал от Правительства РФ конкретных мер для нормализации ценовой ситуации.

В целях сдерживания роста цен Правительство РФ в оперативном порядке приняло ряд мер по сдерживанию роста цен на базовые продукты. Рассмотрим отдельные меры подробнее.

К первой ключевой мере можно отнести специальные многосторонние взаимообязывающие соглашения по отдельным видам базовых продуктов[2]. Такие соглашения были подписаны в 16 декабря 2020 года по поручению главы Правительства РФ Министерством сельского хозяйства РФ совместно с Министерством промышленности и торговли РФ с ключевыми торговыми сетями, поставщиками, отраслевыми ассоциациями производителей и торговли на срок до конца I квартала 2021 года. Данные соглашения способствуют снижению и поддерживание цены отдельных видов базовых продуктов (сахар, подсолнечное масло) в параметре адекват-

---

[1] https://iz.ru/1098112/2020-12-10/mishustin-prizval-priniat-mery-dlia-sderzhivaniia-tcenna-produkty

[2] Постановление Правительства РФ от 14 декабря 2020 г. №2094 «О соглашениях между федеральными органами исполнительной власти и хозяйствующими субъектами о снижении и поддержании ценна отдельные виды социально значимых продовольственных товаров первой необходимости» // Официальный интернет- портал правовой информации. – 15.12.2020. – №0001202012150045

ных значений. Так, по мнению главы Министерства экономического развития Решетникова М.Г., значимо не только реализовать разработанные меры, но и выбрать стратегию на будущее в этом вопросе, т.е. закрепить постоянно действующий механизм, который предсказуемый и понятный для всех участников ценообразования в подобных ценовых сценариях[1].

Вместе с тем, контроль исполнения указанной меры осуществляется Федеральной налоговой службой на основе данных онлайн-касс совместно с мониторингом, который осуществляет Федеральная служба государственной статистики.

Следующей мерой можно назвать введение тарифной квоты на вывоз за пределы Таможенного союза пшеницы, ржи, ячменя и кукурузы в размере 17,5 млн. т. в целях стабилизации цен на муку и хлеб[2]. Экспорт, превышающий указанное количество подлежит обложению пошлиной в пятьдесят процентов от таможенной стоимости продукции, но не менее чем сто евро за одну т. При этом в рамках предусмотренной квоты пошлины на вывоз ржи, ячменя и кукурузы равны нолю процентов, а пшеницы двадцать пять евро за т. Данная мера действует с 15 февраля до 30 июня 2021 г.

Еще одной сдерживающей мерой стало выделение субсидий на возмещение части затрат производителям муки, связанных с приобретением пшеницы[3] в целях компенсации до пятидесяти процентов разницы между настоящим ценовым значением на продовольственную пшеницу и её среднемесячным средним ценовым значением за аналогичные периоды 3 предыдущих лет по статистики Росстата с учетом показателей инфляции.

К числу мер также необходимо отнести разработку, внедрение системы мониторинга за ценами на социально значимые товары, механизм такой системы, а также разработка единого справочника социально значимых товаров в виде каталога для информационного обеспечения ценового мониторинга с применением новшеств системы контрольно-кассовой техники, позволяющих передавать в налоговые органы фискальные сведе-

---

[1] http://government.ru/news/41143/

[2] Постановление Правительства РФ от 14 декабря 2020 г. №2097 «О тарифной квоте на вывоз зерновых культур за пределы территории Российской Федерации в государства, не являющиеся членами Евразийского экономического союза»//Официальный интернет – портал правовой информации. – 15.12.2020. – №0001202012150053

[3] Постановление Правительства РФ от 14 декабря 2020 г. №2095 «Об утверждении Правил предоставления и распределения иных межбюджетных трансфертов, имеющих целевое назначение, из федерального бюджета бюджетам субъектов Российской Федерациив целях софинансирования расходных обязательств субъектов Российской Федерации на осуществление компенсации производителям муки части затрат на закупку продовольственной пшеницы» // Официальный интернет – портал правовой информации. – 15.12.2020. – № 0001202012150050

ния в электронном формате. При этом разработанная система мониторинга должна содержать данные из совокупности различных источников, в том числе из Федеральной налоговой службы и Федеральной службы государственной статистики.

Далее отметим, что мерой – новшеством в механизме государственного регулирования цен следует указать введение постоянного ценового мониторинга, осуществляемого совместно группой уполномоченных органов государственной власти: Министерством экономического развития РФ, Федеральной службой государственной статистики, Федеральной антимонопольной службой. Кроме того, за целым рядом министерств и ведомств были определены отдельные группы товаров и услуг, за которые они несут ответственность. Так, в ведении Минсельхоза находятся продукты питания, Минпромторг курирует все потребительские товары, бытовую технику, телефоны, компьютеры и мебель, в сферу Минэнерго попадает бензин автомобильных марок, в том числе, дизель, в введении Минтранса находятся все виды пассажирских перевозок и т.п.[1].

Представляется, что указанный новый инструмент выполняет превентивную функцию, т.е. позволяет осуществлять системный анализ ценовой ситуации на рынке, прогноз рисков роста цен базовой продукции и оперативно вводить необходимые меры противодействия росту цен.

С учетом вышесказанного можно выделить некоторые особенности разработанных и принятых мер государственного регулирования ценообразования на значимые продукты. Во-первых, большинство из указанных мер воздействуют не только на сферу ценообразования, но и на сферу функционирования публичных финансов. Во-вторых, к государственным органам, реализующим полномочия в рамках отдельных из указанных мер относятся, в том числе, органы финансовой деятельности государства. В – третьих, меры делятся на следующие виды: а) средства прямого административного регулирования цен; б) финансово-правовые средства воздействия на цены; в) договорные средства регулирования цен; г) контроль ценовой дисциплиной.

Вместе с тем, пока остается сложным вопрос об эффективности принятых Правительством РФ мер для сдерживания цен в настоящий момент и на перспективу. Так, по данным Федеральной службы государственной статистики в феврале текущего года продолжилась негативная динамика роста стоимости. Так, потребительские цены увеличились на 5,7%, цены на продовольственные товары выросли на 6,7% по сравнению с уровнем цен

---

[1] Перечень групп потребительских товаров и услуг, относящихся к сфере ведения федеральных органов исполнительной власти для целей анализа причин роста потребительских цен и выработки мер экономического регулирования, направленных на обеспечение сбалансированности рынков потребительских товаров и услуг, утвержденный распоряжением Правительства Российской Федерации о 27 февраля 2021 г. № 497-р // Официальный интернет – портал правовой информации. –09.03.2021. – №0001202103090008

февраля 2020 г. Плодоовощная продукция подорожала вообще на 16,5%, крупы – на 21%, макароны – на 13%. Куры охлажденные – на 12-15%, рыба мороженая – на 10%, масло подсолнечное – на 26%, яйцо – на 28%, сахар – на 63%. По отношению с показателями января в феврале вырос уровень цен на 18% овощей и фруктов[1]. По мнению отдельных специалистов, контроль розничной стоимости – это изначально провальный подход в случае, когда не контролируется ситуация во всей товаропроводящей цепочке. Заморозка цен на отдельные продуктовые единицы (сахар и подсолнечное масло) возможно и могут дать положительный эффект, однако неизбежным является то, что розница повысить в свою очередь уровень стоимости на все смежные продукты: молоко, крупы, хлеб и другие. Следовательно, практически все группы товаров попадут под ценовой мониторинг[2].

Очевидно, сложившаяся ценовая ситуация в период пандемии показывает, что в государственной ценовой политике необходимо в корне поменять подход к системе регулирующих мер с учетом его ориентации на приоритет интересов конечных потребителей товаров и услуг.

***Н.Г. Долматова**, аспирантка Института права Башкирского государственного университета*

ФИНАНСОВО-ПРАВОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ БЮДЖЕТНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В УСЛОВИЯХ ПАНДЕМИИ

Благосостояние общества и устойчивость государства зависят от безопасности бюджетной системы. Бюджетная безопасность характеризуется сбалансированностью бюджета и может быть подвержена ряду угроз правового, экономического и политического характера. Бюджетные угрозы проявляются в недостаточности доходов бюджетов, высоком уровне расходов, росте государственного долга и др.

Следует отличать понятия «угрозы» и «риски». Если угрозами выступают обстоятельства, оказывающие негативное воздействие на бюджетную сферу, то риски представляют собой вероятность наступления таких обстоятельств. В бюджетных правоотношениях выделяют имущественные и административно-управленческие риски[3]. Так, бюджетные риски связаны с нехваткой денежных средств и действиями субъектов

---

[1] https://www.rosbalt.ru/moscow/2021/03/16/1892191.html

[2] «Цены не удержать – кризис будет нарастать». Беседа с экономистом, членом Столыпинского клуба Владиславом Жуковским // https://www.rosbalt.ru/moscow/2021/03/16/1892191.html

[3] См.: Риски финансовой безопасности: правовой формат: монография / О. А. Акопян, С. Я. Боженок, О. В. Веремеева и др.; /отв. ред. И. И. Кучеров, Н. А. Поветкина. – М.: ИЗиСП, НОРМА, ИНФРА-М, 2018. С. 30. 304 с.

бюджетного права. При определённых условиях бюджетные риски переходят в бюджетные угрозы.

Разумеется, на безопасность бюджетной системы и бюджетного процесса влияет множество факторов. Пандемия коронавируса, начавшаяся в 2019 году и развивающаяся весь 2020-й год, не могла не оказать воздействие на бюджетную безопасность. Бюджетная система является составной частью экономической системы и зависит от общего состояния экономики. пандемия может привести к сокращению мирового ВВП, огосударствлению банковского сектора, рецессии российской экономики[1]. Указанные проблемы имеют долгосрочный характер и на их решение понадобится много ресурсов и времени.

С самого начала пандемии в России принимаются меры по поддержанию населения и обеспечению экономической устойчивости. Были приняты: Указ Президента РФ от 2 апреля 2020 № 239 «О мерах по обеспечению санитарно-эпидемиологического благополучия населения на территории Российской Федерации в связи с распространением новой коронавирусной инфекции (COVID-19)»[2], Указ Президента РФ от 7 апреля 2020 № 249 «О дополнительных мерах социальной поддержки семей, имеющих детей»[3], Федеральный закон от 8 июня 2020 № 166-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях принятия неотложных мер, направленных на обеспечение устойчивого развития экономики и предотвращение последствий новой коронавирусной инфекции» (далее по тексту – ФЗ № 166)[4]. Согласно ФЗ № 166, предусмотрена помощь предпринимателям, занимающимся производством и реализацией подакцизных товаров и добычей полезных ископаемых, отсрочка уплаты административных штрафов за некоторые правонарушения для индивидуальных предпринимателей и юридических лиц, также – отсрочка выкупных платежей при покупке субъектами малого и среднего предпринимательства государственного

---

[1] См.: Репин А.Н. «Перспективы восстановления экономического роста на фоне пандемии коронавируса» // Финансовые рынки и банки № 3. 2020. С. 35-40.

[2] См.: Указ Президента РФ от 2 апреля 2020 № 239 «О мерах по обеспечению санитарно-эпидемиологического благополучия населения на территории Российской Федерации в связи с распространением новой коронавирусной инфекции (COVID-19)». [Электронный ресурс]. Доступ из справочной правовой системы «Консультант Плюс».

[3] См.: Указ Президента РФ от 07.04. 2020 № 249 (ред. от 11.05.2020) «О дополнительных мерах социальной поддержки семей, имеющих детей» [Электронный ресурс]. Доступ из справочной правовой системы «Консультант Плюс».

[4]См.: Федеральный закон «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях принятия неотложных мер, направленных на обеспечение устойчивого развития экономики и предотвращение последствий распространения новой коронавирусной инфекции» от 08.06.2020 № 166-ФЗ[Электронный ресурс]. Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».

или муниципального имущества, которое они арендовали. Государство оказалось в весьма затруднительном положении, когда необходимо поддерживать общественное благосостояние и в то же время рационально расходовать бюджетные средства. Считаем, что финансовая помощь, в том числе снижение налоговой нагрузки должна быть оказана наиболее пострадавшим от пандемии предпринимателям, работающим в сфере оказания услуг. Разумеется, нужно учитывать положение бюджета, возможно выработать меры по оказанию адресной помощи.

В 2020 году наблюдалось уменьшение бюджетных доходов и увеличение расходов бюджета на здравоохранение, социальную политику и межбюджетные трансферты[1]. В период пандемии усилились постоянно присущие бюджетной безопасности угрозы, например, снижение доходов, увеличение дефицита бюджета, но и появились новые: спад мировой экономики, рост чрезвычайных расходов и др.

Укажем, что в настоящее время бюджетное законодательство Российской Федерации не содержит чёткого перечня угроз и рисков бюджетной безопасности. Исключением является лишь часть четвёртая Бюджетного кодекса РФ[2], в которой обозначены бюджетные нарушения, которые являются угрозами бюджетной безопасности правового характера. На наш взгляд, необходимо выработать правовой механизм обеспечения бюджетной безопасности, включающий в себя соответствующий понятийно-категориальный аппарат, перечисление угроз и рисков бюджетной системы и бюджетного процесса, меры преодоления опасных состояний.

В связи с пандемией новой коронавирусной инфекции государство действительно увеличило бюджетные расходы в социальной сфере. Однако отметим недостаточный уровень поддержки населения в условиях режима повышенной готовности к чрезвычайной ситуации. В соответствии со ст. 7 Конституции Российской Федерации[3], Россия признаётся социальным государством, где поддерживается детство, материнство, отцовство, оказывается помощь инвалидам и пожилым людям. В период пандемии не однократно осуществлялась материальная поддержка семьям с детьми. В то же время известно, что тяжёлому течению болезни подвержены люди пожилого возраста. Считаем важным оказание дополнительной помощи гражданам России пенсионного возраста, перенёсшим заболевание, которое может выражаться в компенсации затрат на медикаменты и поствирусную реабилита-

---

[1] См.: Комментарии о государстве и бизнесе от 21 октября 2020 Институт «Центр развития» НИУ ВШ офиц. сайт: www.hse.ru

[2] См.: Бюджетный кодекс Российской Федерации от 31.07.1998. № 145-ФЗ // СЗ РФ. 1998. № 31. Ст. 3823

[3] См.: Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами Российской Федерации о поправках к Конституции Федерации) // СЗ РФ. 2009. № 4. Ст. 445.

цию. Безусловно, данная мера повлечёт нагрузку на бюджет, но без поддержания населения посредством использования финансовых резервов государства невозможно будет в дальнейшем обеспечивать экономический рост.

Как установлено в процессе исследования, наряду с иными видами угроз и рисков бюджетной безопасности, они могут иметь социальную природу происхождения. Подобное положение выражается в том, что появление новой болезни привело к мировым проблемам в экономике. Все государства мира оказались в ситуации, требующей дополнительных бюджетных расходов на здравоохранение и поддержку граждан вследствие самоизоляции. Пробелы в бюджетном законодательстве оказали негативное воздействие на бюджетную систему и показали необходимость правового регулирования механизма обеспечения бюджетной безопасности. Многие проблемы бюджетной сферы связаны с неэффективностью финансово-правового обеспечения бюджетной безопасности, что особо проявилось в условиях пандемии. В настоящее время, когда началась массовая вакцинация, представляется важным преодолевать экономический спад. Рост экономики не будет возможен без финансового поддержания предпринимательства и граждан. Следует принимать правовые меры по поддержанию платёжеспособности граждан РФ, поскольку доходы бюджета зависят от налоговых поступлений.

С.В. Запольский, *доктор юрид. наук, профессор*
главный научный сотрудник института
государства и права РАН

СООТНОШЕНИЕ ЧАСТНОГО И ПУБЛИЧНОГО В ПРЕДОСТАВЛЕНИИ И ИСПОЛНЕНИИ НАУЧНЫХ ГРАНТОВ» В РАМКАХ ГРАНТА РФФИ № 18-29-15035 «СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ МЕХАНИЗМА НАЗНАЧЕНИЯ, ВЫДАЧИ И ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ГРАНТОВ В ЦЕЛЯХ ФИНАНСИРОВАНИЯ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИХ, ОПЫТНО-КОНСТРУКТОРСКИХ И ТЕХНОЛОГИЧЕСКИХ РАБОТ[1]

В современных условиях, когда наука стала реальной производительной силой современного общества, подлежат пересмотру и модернизации как принципы организации научной деятельности, так и методы и способы ее финансирования. Следует обратить внимание, что в самом хорошем смысле коммерциализация науки – есть одна из характерных черт ее разви-

[1]Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-29-15035 мк «Сравнительно-правовое исследование механизма назначения, выдачи и использования грантов в целях финансирования научно-исследовательских, опытно-конструкторских и технологических работ».

тия: от чудаков, которые ради любопытства занимались научными исследованиями, к университетским профессорам, которым научная работа вменялась в обязанность по должности к профессиональным исследователям, работающим в НИИ и получающим оплату труда конкретно за научные исследования. Научная деятельность стала профессией, которая требует полной отдачи и высокого профессионализма. Соответственно, доля науки в публичных расходах постоянно повышается; в развитых западных странах расходы на науку достигают 10–12 и более процентов от ВВП, а нередко даже превышают расходы на оборону и расходы на социальные нужды. Сложился правовой режим финансирования научно-исследовательских работ, включающий в себя фундаментальные исследования и прикладные исследования. Первые, в основном финансируются из бюджета и других публичных фондов, вторые – оплачиваются из средств хозяйственных организаций.

В Российской Федерации правовой режим финансирования научных исследований, помимо Бюджетного Кодекса и других общих актов законодательства регламентирован Федеральным законом о науке и государственной научно-технической политике от 23. 08. 1996г. и изменениями к нему, а также актами Правительства и Минобрнауки РФ. В эту категорию отношений включаются как государственная поддержка инновационной деятельности, прямое бюджетное финансирование, финансирование научно-технических мероприятий на подведомственных предприятиях соответствующими министерствами и ведомствами (т.н. отраслевые субсидии), так и научные гранты. Говоря о научных грантах следует отметить, что это понятие применяется в широком смысле как финансирование государственными органами специальных научных работ (так называемые квази-гранты), так и научные гранты в узком смысле этого термина. Понятие научного гранта определено в ст. 2. Вышеназванного Закона от 23.08.1996г., где установлено, что гранты- это денежные средства, передаваемые безвозмездно и безвозвратно организациям, получившим право на предоставление грантов и используемых на осуществление конкретных научно-технических программ и проектов, инновационных проектов в конкретных научных исследования на условиях, предусмотренных грантодателями.

С 1996 года практика предоставления грантов стала развиваться, что в немалой степени было предопределено созданием двух организаций-грантодателей- Российского Научного Фонда (РНФ) и Российского Фонда Фундаментальных Исследований (РФФИ). Рядом нормативных актов РНФ и РФФИ был создан конкретный правовой режим предоставления научных грантов, который действует и сейчас.

31 декабря 2020 Распоряжением Правительства РФ объявлено о реформе государственных институтов развития, в рамках которой подлежит модернизации РНФ и РФФИ. При этом РНФ становится основным грантодателем, а РФФИ, очевидно, будет осуществлять финансовое обеспечение грантовых программ.

Предполагаются следующие новации в области использования грантов для осуществления научной деятельности:

а) предполагается расширить доступность грантовых программ, а также обеспечить возникновение обязательств грантополучателей по достижении научных результатов;

б) будут сохранены общие объемы финансирования;

в) будет обеспечено строгое соблюдения принципа предоставления ученым права свободы творчества в выборе направлений и методов проведения исследования;

г) предполагается расширение конкурсной деятельности по направлению «проведение фундаментальных научных исследований и поисковых научных исследований отдельными научными группами»; введение новых типов поддержки «задельных» проектов», предусматривающих проработку новых идей;

д) будут увеличены размеры грантов и срок осуществления проектов в целях участия научных сотрудников в конференциях, проведении экспедиционных и полевых исследований, получение доступа к уникальным установкам и научному оборудованию и т.д.;

е) будет развиваться практика международного научного сотрудничества и поддержка проектов с участием зарубежных партнеров;

ж) предусматривается развитие регионального научного сотрудничества с целью выделения средств из бюджетов субъектов федераций на проведение научных исследований регионального значения и др. соответствующие меры.

Таким образом, перед учеными страны стоит задача овладения новым правовым режимом выделения и использования научных грантов, а также перспектива превращения грантового финансирования в основной метод финансового обеспечения научных исследо

А.Б. Иванюженко. *канд. юрид. наук*
доцент кафедры правоведения СПбГАСУ

РЕГУЛЯЦИЯ ИЗМЕНЕНИЙ В ПЕНСИОННОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РФ В УСЛОВИЯХ ЭМОЦИОНАЛЬНО-НЕУСТОЙЧИВОГО ОБЩЕСТВА: ОТ «ГОДА ЧЕМПИОНАТА МИРА ПО ФУТБОЛУ-2018» – К «ГОДУ КОВИДОФОБИИ-2020»

1. Очевидным является то, что т.н. «политическая коммуникация» представляет собой обмен информацией участниками политических отношений в процессе борьбы за власть или ее осуществление. Посредством

коммуникации передаются такие политические сообщения как реальные или вымышленные сведения; сведения, связанные с установлением и поддержанием контакта между субъектами политики, а также – приказы и убеждение. Конечной целью политической информации является формирование заданного отношения аудитории к идее, личности, событию или факту[1].

К наиболее значимым способам, при помощи которых отправитель сообщения стремится заставить аудиторию видоизменить структуру своего сознания в соответствии с сообщением являются эмоциональные убеждения, воздействующие на систему ценностной ориентации личности. Большинство сообщений в СМИ, как и иные средства массовой пропаганды (т.н. политическая реклама) воздействуют на эмоциональные стороны человеческой натуры, для того чтобы заставить людей действовать в соответствии с определенной системой политических ценностей. Примером данного воздействия служит пропаганда Наполеона Бонапарта, который тщательно подбирая темы и сюжеты, целенаправленно старался создать и постоянно оживлять в народе выгодные для власти социально-политические стереотипы, а сила воздействия наполеоновской пропаганды состояла в том, что она выдвинула новые идеи свободы, равенства и братства, озарившие мир и увлекшие миллионы людей[2].

Аналогичным образом используются ярлыки, языковые клише, а также мифы, архетипические образы, сюжеты из «героического прошлого» нации и все те элементы когнитивной сферы, которые обращаются к страстям, страхам и зачастую иррациональным либо подсознательным сторонам человеческой психики. По мнению д-ра истории современных европейских обществ Нового Лиссабонского университета Марио Ивани, идеология из которой исходил Салазар в строительстве «свободного общества» принципиально отвергала мобилизацию масс и в большей степени ориентировалась на молчаливое одобрение проводимой политики. Модель, распространяемая средствами пропаганды Салазара навязывала публике идею о «достаточной евангельской бедности» по причине значительного влияния католической церкви на создание доктрины «Нового государства»[3].

Несмотря на то, что государственные лидеры благодаря политической агитации давали новый толчок развитию общества, по мнению Н.А. Кузнецовой политические коммуникации ограничивают свободу че-

---

[1] Гуменский А. Управление международной информацией // Международные процессы, 2010, т. 8, № 1 (22).

[2] Ундалов А.М. «О некоторых методах влияния наполеоновской пропаганды на общественное мнение» Вестник НГТУ им. Р.Е. Алексеева С. 64-69.

[3] Ивани М. «Кризис либеральной демократии в Португалии и «Новое государство» Салазара» // Берегиня – 777 – Сова 2014 № 4 (23) С. 275.

ловека, а в их основе лежат информационные технологии, методы пропаганды, манипулирование сознанием и разработки в области психологии восприятия[1].

2. Представляется, что использование политических коммуникаций в получении общественного одобрения по поводу изменяемых норм финансового права не только подтверждают утверждение д.ю.н. М.В. Карасевой о том, что «принятие финансово-правовых норм почти всегда имеет место в условиях политического процесса, доведенного до противоборства, конфликтности различных политических сил»[2], но и может повлечь за собой обратные политические результаты вследствие запоздалой реакции общества на содержание введенных изменений. Так, в российском правоприменении второго десятилетия XXI века, элита, учитывая психологические особенности россиян произвела замену норм пенсионного законодательства, вызвав этим в последующем неоднозначную реакцию общества и оппозиционных политиков.

В частности, 3.10.2018 Федеральным законом № 350-ФЗ «О внесении изменений в отдельные акты РФ по вопросам назначения и выплаты пенсий» существующая система обязательного пенсионного страхования (ОПС) была дополнена номами об увеличении возраста приобретения пенсионных прав. Данные поправки объяснялись тем, что к середине второго десятилетия XXIв. в России наблюдался низкий уровень рождаемости, изменение условий труда, а также имела места т.н. «теневая занятость». По предварительным расчетам Минфина РФ, сделанным в 2018 году новации должны были обеспечить увеличение повышения собственных доходов бюджета Пенсионного фонда (ПФ РФ) и соответственно – сокращение трансферта из Федерального бюджета, а также – создание предпосылок к росту пенсионного обеспечения населения.

Несмотря на то, что данные расчеты обосновывали сбалансированность бюджета ПФ РФ[3]; обеспечивали выполнение международных обязательств в части достижения коэффициента замещения оплаты труда, а повышаемый законом возраст приобретения пенсионных прав соответствовал показателям многочисленных стран, данный Закон вызвал неоднозначную реакцию различных общественных институтов, в связи с чем министр финансов РФ А. Силуанов заявил, что «реакция общества на повы-

---

[1] Кузнецова Н.А. Управление политической информацией и манипуляция общественным сознанием // Власть 2011 № 11 С. 19-21.

[2] Карасева М.В. Финансовое право – политически «напряженная» отрасль права // Государство и право. 2001. № 8. С. 60.

[3] Старостина Ю., Ткачев И. Минфин подсчитал доходы ПФР от повышения пенсионного возраста [Электронный ресурс] / Ю. Старостина, И. Ткачев // Сайт информационного агентства «РБК». – Режим доступа: https://www.rbc.ru/economics/08/07/2018/5b4207db9a794750d8f2809a (8 июля 2018).

шение пенсионного возраста стала неожиданной для правительства России; предложение правительства было воспринято очень тяжело, и напряжение осталось»[1].

Последовавшее за этим Определение Конституционного Суда РФ № 854-О/2019 от 02.04.2019, в котором Конституционный суд по сути самоустранился от рассмотрения Запроса, подписанного 98 депутатами Государственной Думы РФ от фракций КПРФ, ЛДПР и «Справедливая Россия», ссылаясь на право законодательной власти определять границы пенсионных обязательств было рассмотрено некоторыми депутатами как «неуважение к парламентариям»[2].

Нас же в этой ситуации обращает внимание не столько критические заявления политиков о должном (заявления депутата ГД РФ О.Г. Дмитриевой и члена Комитета гражданских инициатив по мнению Е.Ш. Гонтмахера о том, что политически этот проект был «не совсем честным»»[3], а массовому общественному сознанию была нанесена «глубокая рана»[4]), а скорее то, что Проект названного Федерального закона был внесен в Государственную Думу РФ распоряжением Правительства РФ от 16.06.2018 № 1192-р, и принят в первом чтении 19.07.2018 (Законопроект № 489161-7 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам назначения и выплаты пенсий»)[5], а именно в то время, как большая часть российского населения была увлечена проходящим в России Чемпионатом мира по футболу, признанным по разным оценкам резонансным событием для большей части населения (от 56 до 70%) и отвлекающим от иных общественных мероприятий[6].

---

[1] «Силуанов назвал реакцию россиян на пенсионную реформу неожиданной» – Коммерсантъ 2019 – 15 января.

[2] Досумова Л. «Депутат: ответ Конституционного суда по пенсионной реформе – это неуважение к парламентариям» [Электронный ресурс] / Л. Досумова // Сайт журнала «Правовая гарантиЯ». – Режим доступа: http://sibadvokat.ru/magazine/deputat-otvet-konstitutsionnogo-suda-po-pensionnoy-reforme-eto-neuvazhenie-k-parlamentariyam?_utl_t=fb&fbclid=IwAR2nVMEvKClq_byeScR4KRcEuppARrZRL0fTc6zPMShuFssSEUdb7FmEL7s (12 апреля 2019).

[3] «Экономист Дмитриева: «Для повышения пенсионного возраста нет ни демографических, ни социальных, ни финансовых оснований» [Электронный ресурс] / Редакционный материал // Сайт радиостанции «Эхо Москвы». – Режим доступа:https://echo.msk.ru/news/2198720-echo.html (8 мая 2018).

[4] Гонтмахер Е. «Возврат старого пенсионного возраста стал актуален в пандемию» // Московский комсомолец 2020 – 9 декабря.

[5] Сайт Государственной думы Федерального собрания РФ [Электронный ресурс] – Режим доступа:https://sozd.duma.gov.ru/bill/489161-7 (1 апреля 2021).

[6] Теркулова М.«Чемпионат мира россиянам интереснее пенсионной реформы» // Коммерсантъ – 2018 – 4 июля.

Последовавшее в конце лета 2020 года телеобращение Президента России В. Путина к населению (29 августа 2018 года) в котором содержалась просьба граждан России «отнестись к данному Закону с пониманием»[1] (принятому Государственной Думой несколько позднее, а именно 27 сентября 2018 года) как и ухудшение в течение последующего года взглядов жителей России на данный закон (в июле 2019 года по исследованию Центра независимой общественной экспертизы «АКСИО» выяснилось, что за год число граждан ставших негативно воспринимать названное политическое событие возросло до 83%[2]), заставляет нас признать внесение рассматриваемого Законопроекта в Государственную Думу и его последующую трансформацию в Федеральный закон в условиях манипулирования общественным сознанием.

3. В Докладе, представленном в марте 2021 года в Законодательное собрание Санкт-Петербурга, Уполномоченный по правам человека в Санкт-Петербурге в числе прочего отметил, что общероссийское голосование по вопросу одобрения изменений в Конституцию РФ, предложенных президентом РФ В. Путиным в послании Федеральному собранию 15 января 2020 года и утвержденных Законом РФ о поправке к Конституции Российской Федерации от 14.03.2020 № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» стало «важнейшим политическим событием 2020 года». В тоже время, проведение общероссийского голосования в июле 2021 года (Указ Президента РФ от 01.06.2020 № 354 «Об определении даты проведения общероссийского голосования по вопросу одобрения изменений в Конституцию Российской Федерации») в условиях пандемии COVID-19 ограничило возможности противников принятия поправок донести свою позицию до широкого круга участников голосования, вызвав тем самым недоверие граждан к демократическим институтам, а также – создавало дополнительную угрозу распространения инфекции среди организаторов и участников голосования[3].

В названном Докладе Уполномоченный по правам человека СПб, не отразил причины, побудивших государство изменить Основной закон именно летом 2021 года, т.е. в промежуток времени между весенним и осенними пиками заболевания. Тем не менее, в названный период времени большая часть населения страны было охвачено субъективными жизненными проблемами, поименованными психиатрией как корона-психоз

---

[1] Сайт Президента РФ [Электронный ресурс] – режим доступа: http://kremlin.ru/events/president/news/58405 (20 марта 21).

[2] Крижанская Ю. АКСИО-8. Отпадение народа от государства // Суть времени 2019 – 23 августа.

[3] Доклад Уполномоченного по правам человека в Санкт-Петербурге за 2020 год. СПб., 2021. С.28-33.

(*corona psychosis – лат.*), симптоматика которого проявлялась в демонстрации у личности тревожного состояния и потери контроля над внешне средой[1], а лица перенесшие это заболевание столкнулись с т.н. «постковидным синдромом», характеризуемым по общему мнению Главного врача психиатрической больницы № 3 имени И.И. Скворцова-Степанова д.м.н, профессора А.Г.Софронова, Заведующего городским психотерапевтическим центром А.Демьяненко, доцента кафедры психологии и педагогики Первого Санкт-Петербургского государственного медицинского университета им. И.П.Павлова д.в.н. М.Н. Мальцевой, и клинического психолога Госпиталя для ветеранов войн Ю.Моховой психозами и астенией, сопровождаемой когнитивными нарушениями (ухудшениями памяти, внимания и мышления)[2].

Названные факторы неустойчивости к восприятию достоверной политической информации на фоне выявленных в т.н. «Исследовании миллениалов в России» проведенном международной консалтинговой организацией Deloitte еще в 2019 году неблагоприятных статистических показателей (33% российских миллениалов демонстрировали постоянный стресс, а 48% миллениалов в России были уверены, что они в жизни будут менее счастливыми, чем их родители[3]), позволяет поставить вопрос о политической целесообразности вынесения на Всенародное голосование вопроса о внесении поправок в Конституцию России именно летом 2021 года и возможном манипулировании социальным сознанием.

4. Правовая позиция КС РФ, изложенная в вышеназванном Определении № 854-О/2019 содержащая тезис о том, что «Россия обязана создать пенсионную систему, отвечающую принципам равенства и справедливости, поддерживать ее эффективное функционирование» была почти дословно изложена в предлагаемой в Основной закон РФ поправке (Ч. 6 ст. 75 Конституции РФ).

В условиях пандемии, спровоцировавшей у россиян различных возрастных групп эмоциональную неустойчивость (доминирование высокого уровня беспокойства по поводу будущего, ощущение неопределенной

---

[1] Гриценко В.В., Резник А.Д., Константинов В.В., Маринова Т.Ю., Хоменко Н.В., Израйловиц Р. «Страх перед коронавирусным заболеванием (COVID-19) и базисные убеждения личности» // Клиническая и специальная психология2020. Том. 9, № 2. С. 99-118.

[2] Алеева М. «Жизнь после Covid-19: как диагностировать психический постковидный синдром и можно ли справиться с ним самостоятельно» [Электронный ресурс] / М.Алеева // Сайт информационного агентства «Фонтанка». – Режим доступа: https://www.fontanka.ru/2021/04/06/69852632/(6 апреля 2021).

[3] Кузнецова Е. «Deloitte назвала главные тревоги миллениалов и поколения Z»[Электронный ресурс] / Редакционный материал // Сайт информационного агентства «РБК». – Режим доступа: https://www.rbc.ru/politics/26/06/2020/5ef496819a7947bfa33d08c4 (15 марта 2021)

угрозы, бесполезность, невозможность повлиять на ситуацию и повышенная нервнопсихическая истощаемость)[1], средства массовой информации в рамках политической рекламы обращали внимание граждан на то, что «Наша страна достигла достаточно высокого уровня развития, чтобы установить новую «планку» социальных гарантий, которые будут закреплены в Конституции. Эти обязательства перед людьми не могут быть нарушены – вне зависимости от конъюнктуры рынка и экономической ситуации. В частности, пенсии будут индексироваться минимум раз в год. Каждый гражданин России должен чувствовать себя защищенным, должен быть уверен в том, что его права на поддержку государством будут гарантированы в течение всей его жизни»[2].

В тоже время, правовое содержание вводимой в Основной закон Ч. 4 ст. 75, закрепляющей, помимо обязанности государства ежегодно индексировать пенсии, норму о том, что в России формируется система пенсионного обеспечения, основанная не только на принципе «справедливости», но и принципах «всеобщности и солидарности поколений» политическая агитация обошла молчанием, не позволив обществу здраво оценить вероятность каких-либо экономических и правовых последствий данных новелл.

5. Обращает на себя внимание, что изначально-созданная в России модель ОПС основана на принципе солидарности поколений, благодаря которому реализация человеком своих страховых прав в будущем возможна только за счет формирования ресурса бюджета ПФ РФ новыми возрастными когортами[3]. Названный принцип нашел свое выражение в структурировании страхового тарифа на т.н. солидарную и страховую части (ст. 3 Федерального закона от 15.12.2001 № 167-ФЗ «Об обязательном пенсионном страховании в Российской Федерации»). В тоже время, названный принцип распространяется не на всех граждан т.к. сотрудники государственной гражданской и военной службы, муниципальные служащие, а также некоторые иные категории россиян получают пенсионное обеспечение из бюджета ПФ РФ «за счет трансфертов из федерального бюджета» (ст. 6 Федерального закона от 15.12.2001 № 166-ФЗ «О государ-

---

[1] Холодова Ю.Б. «Особенности переживания тревоги в период пандемии COVID-19 представителями разных возрастных групп» // Международный журнал медицины и психологии 2020, Том 3, № 2 С. 114-117.

[2] «Как люди скажут- так и будет. 1 июля нам предстоит решить судьбу поправок в Конституцию» [Электронный ресурс] / Редакционный материал // Сайт «Российской газеты». – Режим доступа:https://rg.ru/2020/03/13/samye-znachimye-popravki-v-konstituciiu-vyzvavshie-naibolshij-interes-v-obshchestve.html(13 марта 2020).

[3] «Солидарность поколений – основа пенсионной системы России» [Электронный ресурс] Сайт Пенсионного фонда РФ. – Режим доступа https://pfr.gov.ru/branches/sevastopol/news~2014/08/07/61547(7 августа 2014).

ственном пенсионном обеспечении в Российской Федерации»), что фактически обособляет их от участников системы ОПС не распространяя на них названный принцип.

Принятие исследуемой нами нормы Конституции РФ в части принципов «всеобщности и солидарности поколений», как правового базиса, лежащего в основе всей системы пенсионного обеспечения вместе с многочисленными поправками в Главы 3-8 единым «пакетом» т.е., в особом порядке (вопреки содержанию нормы Ч.2 ст.2 Федерального закона от 04.03.1998 № 33-ФЗ «О порядке принятия и вступления в силу поправок к Конституции Российской Федерации») осуществляемого на фоне эмоциональной истощенности граждан тревогами пандемии и без надлежащего общественного обсуждения можно рассматривать, как вводимой при помощи метода манипулирования общественным сознанием.

Однако, на сегодняшний день правовые последствия введения названной нормы являются неопределенными. Как нам представляется, следствием введения в Основной закон ч. 6 ст. 75 может стать, как по воле Законодателя, так и в ходе обсуждения названной проблематики Конституционным судом РФ радикальное изменение пенсионного законодательства и в первую очередь – отмена пенсионного обеспечения лиц, получающих пенсии за счет средств Федерального бюджета в порядке применения закона № 166-ФЗ. В результате, названные категории граждан будут формировать пенсионные права наравне с «традиционными» участниками ОПС, что может спровоцировать у них социальное недовольство за счет своевременной недооцененности правовых последствий поправок, рост коррупции, опосредованный снижением личных доходов (утрата ренты) и далее – новый виток политической напряжённости.

Поскольку в 2020-21 гг. в России периодически возникают политические протесты, граничащие с нарушениями общественного порядка (преступлениями)[1], признаваемые в свою очередь д.ю.н. Я.И. Гилинским в сложившуюся эпоху «порождением власти в целях ограничения иных, не принадлежащих власти, индивидов в их стремлении преодолеть социальное неравенство, вести себя иначе, чем предписывает власть»[2], иным последствием введения в Основной закон названных принципов по нашим представлениям может стать признание за лицами занимающими должности государственной/муниципальной службы, и ставших жертвами политической манипуляции в 2020 году ныне действующих прав на рентные платежи (пенсионное обеспечение) без использования обсуждаемых

[1] «Навальный – самый опасный враг Путина». Зарубежные СМИ – о протестах в России // КоммерсантЪ, 2021 – 25 января.

[2] Гилинский Я.И. Криминология постмодерна (неокриминология). СПб., «Алтейя». 2021. С. 25.

принципов «всеобщности и солидарности поколений» в обмен на укрепление вертикально-интегрированной системы государственного управления и усиления легитимации «государственного насилия», теория которой была изложена Д. Нортом и М. Вебером[1], что не будет способствовать развитию прочих демократических институтов, гарантированных Российским государством.

В. Г. Кауров, *канд. юрид. наук,*
доцент кафедры финансового права СПбГЭУ

ТРУДОВЫЕ ОТНОШЕНИЯ В УСЛОВИЯХ ПАНДЕМИИ

Мероприятия, проводимые в нашей стране период пандемии (COVID-19), существенным образом повлияли на рынок труда и трудовые отношения. В период самоизоляции многими работниками и работодателями вынужденно приобретен и накоплен опыт удаленной работы, отличающийся от превалирующих до недавнего времени на рынке труда традиционных трудовых отношений несамостоятельного труда, основные признаки которых закреплены в статье 15 Трудового кодекса Российской Федерации (далее Кодекс).

Российское законодательство, действующее до наступления чрезвычайных, экстраординарных, заранее не предвиденных обстоятельств пандемии новой коронавирусной инфекции и регулирующее нетипичные трудовые отношения удаленной работы, было нацелено на фрагментарное применение дистанционной работы на рынке труда и не предполагало столь массового их использования. В связи с этим за рамками правового регулирования остались многие вопросы, которые в современных условиях, усугубивших цифровизацию экономики и трудовых отношений, в частности, (например, введение системы индивидуального (персонифицированного) учета, электронных трудовых книжек, электронных листков нетрудоспособности), виртуализацию сферы оказания услуг и выполнения работ, потребовали совершенствования правового регулирования дистанционной работы как одной из форм ранее нетипичной занятости.

Экстраординарные обстоятельства пандемии, наступившие внезапно, при отсутствии закрепленных в законодательстве юридических фактов, повлекли за собой правовые последствия, направленные на фактическое изменение трудовых отношений (изменение рабочего места работни-

---

[1] Норт, Д., Уоллис Д., Вайнгаст Б. Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества / пер. с англ. Д. Узланера, М. Маркова, Д. Раскова, А. Расковой. М.: Изд. Института Гайдара, 2011. С. 63, 68.

ка и условий выполнения им возложенных ранее трудовых обязанностей) без согласия работника и работодателя, при этом, *формально* условия ранее заключенных трудовых договоров остались неизменными.

Положения статей 2 и 4 Кодекса запрещают применение принудительного труда, следовательно, трудовые отношения могут быть изменены, по общему правилу, по соглашению участников трудового договора (статьи 72 и 72.1 Кодекса) либо в случаях и порядке, установленных трудовым законодательством, в результате одностороннего волеизъявления одной из его сторон (часть 3 статьи 72.1, статьи 72.2, 73, 74, 93, 254 Кодекса). Действующее на тот момент трудовое законодательство, в отличие от статьи 451 ГК РФ, не устанавливало возможности изменения трудового договора вследствие чрезвычайных обстоятельств непреодолимой силы при отсутствии волеизъявления его сторон (Глава 12 Кодекса).

Положения частей 2 и 3 статьи 72.2 Кодекса, позволяющие временно, на срок, не превышающий одного месяца, перевести работника без его согласия на другую работу по инициативе работодателя в случае экстраординарных обстоятельств, не могли быть применены для перевода работника на удаленную работу, поскольку продолжительность пандемии превышала сроки, указанные в этой норме, следовательно, работник не мог быть возвращен в прежние условия труда по истечении месячного срока перевода.

Действующее правовое регулирование предусматривает, что чрезвычайные обстоятельства могут влечь за собой только прекращение трудовых отношений по обстоятельствам, не зависящим от воли сторон трудового договора в соответствии с пунктом 7 части первой статьи 83 Кодекса*, если данное обстоятельство признано таковым решением Правительства Российской Федерации или органа государственной власти соответствующего субъекта Российской Федерации*.

Федеральным законом от 8 декабря 2020 года № 407-ФЗ[1] пробел в правовом регулировании был восполнен и глава 49.1 Кодекса была дополнена статьей 312.9, предусматривающей в случае предусмотренных в ней экстраординарных обстоятельств, а также в случае принятия соответствующего решения органом государственной власти и (или) органом местного самоуправления работник, без его согласия, может быть временно переведен по инициативе работодателя на удаленную работу *на весь период наличия указанных экстраординарных обстоятельств (случаев)*. В случае невозможности перевода работника на дистанционную работу, время, ко-

[1] Федеральный закон от 8 декабря 2020 года № 407-ФЗ «О внесении изменений в Трудовой кодекс Российской Федерации в части регулирования дистанционной (удаленной) работы и временного перевода работника на дистанционную (удаленную) работу по инициативе работодателя в исключительных случаях»

гда работник не может выполнять свою трудовую функцию считается простоем по причинам, не зависящим от работника и работодателя и подлежит оплате исходя из 2/3 средней заработной платы работника.

Кроме этого, законодателем были скорректированы и дополнены иные нормы главы 49.1 Кодекса. Так, в качестве синонима дистанционной работы введен термин «удаленная работа» (статья 312.1). Между тем, в качестве «удаленной работы» традиционно рассматривался и труд надомников (глава 49 Кодекса), между тем, в настоящее время законодатель рассматривает их как различные виды труда, не связанные общими признаками.

Термины «надомник» и «надомный труд» были известны еще советскому трудовому законодательству[1], понятие же «дистанционная работа» появилось в российском законодательстве в апреле 2013 года.

Удаленная работа характеризуется в юридической литературе как «усеченные трудовые отношения»[2], которые нуждаются в дифференцированном правовом регулировании, поскольку у работника имеется свободный график работы, он самостоятелен в выборе способов, места и времени выполнения работы (дома, в библиотеке, в парке и т.п.), отсутствует необходимость подчинения правилам внутреннего трудового распорядка работодателя, личного выполнения трудовой функции. Указанные отличия, характерные для *самостоятельного труда*, чрезвычайно сближают эти отношения с гражданско-правовыми, связанными с применением труда, а также с самозанятыми гражданами**,** которые без приобретения статуса наемного работника самостоятельно обеспечивают себя работой.

Отличия между двумя названными видами удаленной работы (дистанционной и надомной) заключаются в том, что надомный труд традиционно рассматривался как низкоквалифицированный ручной труд, который не предполагает использование информационных и телекоммуникационных технологий в качестве неотъемлемого элемента работы. Дистанционная же работа как вид удаленного труда предполагает обязательное использование в работе информационных и телекоммуникационных технологий, интеллектуальную деятельность, без создания овеществленного продукта труда, а также более широкие возможности в выборе места работы (не исключительно на дому). В юридической литературе дистанционных работников называют «*электронными надомниками*»[3].

Исходя из этого, на наш взгляд, дистанционную работу и надомный труд для целей правового регулирования законодателю следовало бы объединить в одну группу – лица, работающие удаленно.

---

[1] Положение об условиях труда надомников, утверждено Постановлением Госкомтруда СССР и Секретариата ВЦСПС от 29 сентября 1981 № 275/17-99

[2] Александров Н.Г. Трудовое правоотношение, М., 1948, с. 288

[3] Киселев И.Я. Трудовое право России и зарубежных стран. М., 2005, С. 341.

Вместе с тем Конвенция МОТ № 177[1], которая Россией на сегодняшний день не ратифицирована, в статье 1 исходит из противоположного подхода и фактически объединяет дистанционную работу и работу на дому под термином «надомный труд», не ограничивая, при этом, надомника местом выполнения работы – надомник может выполнять свои трудовые обязанности как *по месту его жительства, так и в других помещениях по его выбору, но не в производственных помещениях работодателя.* При этом, согласно Конвенции, *наемный работник не становятся надомником в силу одного только факта выполнения ими время от времени работы в качестве наемных работников на дому, а не на своем обычном рабочем месте.*

Изменения в правовом регулировании труда дистанционных работников коснулись также дополнительных видов дистанционной работы и оснований для ее оформления (статья 312.1 Кодекса). Законодатель разделил дистанционную работу в зависимости от ее продолжительности на *постоянную и временную* (непрерывно в течение определенного срока, не превышающего 6 месяцев), а также *периодическую или смешанную* (при условии чередования удаленной работы и работы на стационарном рабочем месте). Дистанционная работа может быть установлена трудовым договором, дополнительным соглашением к трудовому договору, а также локальным нормативным актом, принятым работодателем в исключительных случаях в соответствии с требованиями статьи 312.9 Кодекса.

Помимо этого, изменился порядок взаимодействия дистанционного работника и работодателя по оформлению удаленной работы и обмену электронными документами. Ранее действующее правовое регулирование предусматривало необходимость для сторон трудового договора о дистанционной работе во всех случаях обмена электронными документами использовать усиленную квалифицированную подпись. на сегодняшний день *усиленная квалифицированная электронная подпись* работодателя и *усиленная квалифицированная или усиленная неквалифицированная подпись*[2] работника требуются только при заключении в электронном виде, изменении и расторжении трудового договора, дополнительного соглашения к трудовому договору, договора о материальной ответственности, ученического договора о получении образования. Во всех иных случаях стороны трудового договора о дистанционной работе могут обмениваться документами с использованием *других видов электронной подписи или в иной форме*, предусмотренной коллективным договором, локальными

---

[1] Конвенция МОТ № 177 «О надомном труде» от 20 июня 1996 года

[2]Статья 5 Федерального закона Российской Федерации от 6 апреля 2011 года № 63-ФЗ (в ред. От 24 февраля 2021 года) «Об электронной подписи» // Российская газета – Федеральный выпуск № 75(5451). 8 апреля 2011 г.

нормативными актами, трудовым договором или дополнительным соглашением к трудовому договору, позволяющей обеспечить фиксацию факта получения стороной трудового договора документов в электронном виде (статья 312.3 Кодекса). Вместе с тем за рамками правового регулирования остался вопрос о том, на кого возлагаются расходы по оплате изготовления усиленной квалифицированной и неквалифицированной электронных подписей, что предполагает урегулирование этого вопроса в трудовом договоре или локальных нормативных актах.

Также изменения коснулись и конкретизации регулирования вопросов выплаты работодателем дистанционному работнику компенсации и возмещения расходов за использование им при выполнении трудовой функции принадлежащего ему на праве собственности или арендованного им оборудования, программно-технических средств, средств защиты информации и иных средств (статья 312.6 Кодекса). Порядок, сроки и размер данных выплат определяются коллективным договором, локальным нормативным актом, трудовым договором или дополнительным соглашением к трудовому договору. В соответствии с Налоговым кодексом Российской Федерации (пункт 1 статьи 217, абз. 10 пп. 2 п. 1 статьи 422 и пп. 49 п.1 статьи 264) названные выплаты не облагаются налогом на доходы физических лиц, страховыми взносами. поскольку учитываются в расходах по налогу на прибыль организаций при условии включения их в трудовой договор или иные вышеперечисленные локальные нормативные акты, *а также их экономического обоснования и документального подтверждения*.

Помимо этого, необходимо обратить внимание на изменения, которые ограничили возможность расторжения трудового договора с дистанционным работником по инициативе работодателя. Ранее действовавшее правовое регулирование предусматривало возможность расторжения трудового договора с дистанционным работником по инициативе работодателя по основаниям, предусмотренным трудовым договором, что позволяло работодателям закреплять в трудовом договоре произвольные дополнительные основания его прекращения, не связанные с недобросовестным поведением работника (например, нецелесообразность дальнейшего сотрудничества и т.п.). Поэтому с 1 января 2021 года дополнительные снования прекращения трудового договора по инициативе работодателя с дистанционным работником исчерпывающим образом определены законодателем в статье 312.8 Кодекса, согласно которой дистанционный работник может быть уволен, если без уважительной причины не взаимодействует с работодателем более двух рабочих дней подряд с момента поступления запроса работодателя (если в локальных актах не установлен более длительный срок), а также дистанционный работник изменил место выполнения работы, что привело к невозможности исполнения им обязанностей по трудовому договору на прежних условиях.

Вышеназванные нововведения в трудовое законодательство требуют от работодателя скрупулезно относится к разработке документов о дистанционной (удаленной) работе (коллективный договор, локальные нормативные акты, трудовой договор или дополнительное соглашение к трудовому договору), регламентирующих обязанности работника, порядок взаимодействия с работодателем, контроль работодателя за исполнением трудовых обязанностей работника, порядок, сроки и размер выплаты компенсаций и расходов за использование работником при выполнении трудовой функции принадлежащего ему или арендованного им оборудования, программно-технических средств, средств защиты информации и иных средств и т.д.

Ю.А. Колесников *доктор юрид. наук, доцент,*
заведующий кафедрой финансового права
Южного федерального университета

ЦИФРОВИЗАЦИЯ ФИНАНСОВОГО РЫНКА: ТЕНДЕНЦИИ И ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ (О ВЛИЯНИИ ЦИФРОВИЗАЦИИ НА ОСНОВНЫЕ ИНСТИТУТЫ НАЛОГОВОГО ПРАВА)

Сфера налогового контроля в настоящее время претерпевает значительную трансформацию в результате мировой цифровизации современных правовых и экономических систем. Один из наиболее важных институтов налогового права – налоговая проверка – в контексте цифровизации меняется наиболее существенным образом, что отражается, в том числе, и в отечественном риск-ориентированном подходе к налоговому контролю.

При этом налоговая проверка была и остается на данный момент основной формой налогового контроля. Также нельзя упускать из виду и тот факт, что риск-ориентированный подход при осуществлении налогового контроля повлиял на формат налоговой проверки, изменил ее место и роль в системе налогового контроля, а также оказал непосредственное влияние на содержание и эффективность проведения налоговых проверок.

При осуществлении риск-ориентированного налогового контроля налоговые проверки, в особенности выездные, перестают играть роль основного инструмента воздействия на налогоплательщика и достижения основной цели налогового контроля. Такие изменения связаны с тем, что, наряду с налоговой проверкой, у налоговых органов появился огромный инструментарий альтернативных способов решения задач. Такими, например, являются рабочие группы по побуждению налогоплательщиков к добросовестному поведению. Это очень экономично с точки зрения за-

траты ресурсов Федеральной налоговой службой, а также позволяет ликвидировать правонарушения по так называемой «ускоренной процедуре» с максимальной экономией времени. Очевидно, что классическая налоговая проверка требует огромных временных затрат для взыскания недоимки в бюджет. При таком подходе налоговая проверка из стандартной формы налогового контроля превращается в исключительный метод воздействия в отношении определенной категории налогоплательщиков.

Нельзя не упомянуть и камеральные проверки, эффективность которых в настоящее время существенно снижается по причине ограниченных сроков и возможностей для сбора доказательств.

В результате влияния вышеуказанных факторов в 2020 году проведение выездных налоговых проверок сократилось практически в два раза по сравнению с 2019 годом. Именно этот показатель наиболее явно демонстрирует смещение фокуса государственного воздействия на налоговую сферу.

Для лучшего понимания ситуации следует обратиться к Плану деятельности ФНС России на 2021 год[1], который снимает акцент с применения выездных проверок в качестве главного инструмента работы налоговых органов. Основной упор делается на усиление взаимодействия ФНС с иными органами (правоохранительными, таможенными органами и так далее), автоматизацию и развитие контрольно-аналитической подсистемы для анализа незаконных схем налоговой оптимизации, развитие цифровых сервисов и так далее. Новые инструменты стали возможны именно благодаря введению цифровых механизмов в отечественную правоприменительную практику.

Тем не менее, налоговая проверка по-прежнему остается эффективным средством налогового контроля, перенимая многие цифровые механизмы и используя их в своих целях. Этому во многом способствует появление новых источников информации в форме множества различных цифровых сервисов государственных органов. К тому же, создаются новые инструменты финансового взаимодействия, такие как федеральный регистр сведений о населении, система «УСН-онлайн», которая позволит отказаться от предоставления субъектами МСП налоговых деклараций, а также национальная система прослеживаемости товаров. С применением подобных технологий течение стандартных экономических процессов в бюджетной сфере приобретает совершенно новый, куда более упрощенный характер, что позволяет существенно повысить эффективность проведения соответствующих операций в налоговой сфере.

---

[1] «План деятельности ФНС России на 2021 год» (утв. Минфином России 19.02.2021) // Спасибо «Консультант Плюс».

Информационный обмен с иностранными юрисдикциями и в целом возросшее международное сотрудничество не могло не сказаться на ФНС России[1], которая в настоящее время становится флагманом цифровизации среди государственных органов РФ в целом и среди налоговых органов иностранных государств. В 2019 году председатель Правительства РФ Михаил Мишустин справедливо отмечал, что именно цифровизация налоговых органов во многом позволяет строить экономику доверия[2], в которой течение бюджетных процессов максимально прозрачно. Следует отметить, что данный фактор позволяет, в том числе, повышать общий уровень бюджетного планирования и гарантировать стабильность поступления доходов в бюджет страны.[3]

Более того, расширяется и само содержание налоговых проверок. Так, новое место в предмете контроля занимает коммерческая осмотрительность налогоплательщиков, которая также стала неотъемлемой частью проведения проверок[4]. Законодательство делает ставку на глубину и качество проведенных проверок, тем самым существенно повышая их эффективность

С 2010 года объем налоговых поступлений в бюджет вырос примерно втрое. В этих условиях последовательная автоматизация налогового администрирования в России, приводящая к росту реальной налоговой нагрузки, оборачивается тем, что все больше и больше налогоплательщиков хотят снова уйти в тень. Однако в современных российских реалиях так называемая «кривая Лаффера», которая отражает стремление налогоплательщиков к уклонению от налогов при достижении определенного уровня налогового бремени, перестает работать – уйти в тень не получается, ведь «тень» как таковая перестает существовать: государственные органы располагают практически полной информацией о плательщиках, а объем наличных денежных средств в экономике снижается с каждым годом. В такой ситуации бизнесу остается лишь сокращать свою деловую активность, что, безусловно, неоднозначно сказывается на предпринимательской сфере. Наиболее остро данный вопрос стоит в условиях постпандемийного периода: уровень деловой активности бизнеса за последние месяцы постепенно возвращается в докризисный уро-

---

[1] Международное взаимодействие // Федеральная налоговая служба. Официальный сайт. [электронный ресурс]URL: https://www.nalog.ru/rn77/about_fts/inttax/ (Дата обращения: 24.03.2021)

[2] Михаил Мишустин: цифровизация налоговых органов позволяет строить экономику доверия // Федеральная налоговая служба. Официальный сайт. [электронный ресурс] URL: https://www.nalog.ru/rn77/news/activities_fts/8532147/ (Дата обращения: 24.03.2021)

[3] Там же.

[4] Письмо ФНС России от 10.03.2021 N БВ-4-7/3060@ "О практике применения статьи 54.1 Налогового кодекса Российской Федерации» // СПС «Консультант Плюс»

вень, однако все еще является недостаточно стабильным для дальнейшего развития экономики РФ.[1]

Указанная ситуация может привести к разнонаправленным последствиям. С одной стороны – несбалансированные и неприбыльные бизнесы могут прийти в упадок и уйти с рынка, из-за повышения уровня контроля вследствие цифровизации, тем самым очистив рынок и освободив место новым субъектам предпринимательства. С другой стороны, такая ситуация может пагубным образом сказаться на фискальной составляющей налогов: из-за существенного сокращения количества налогоплательщиков уменьшится и размер поступлений в бюджетную сферу.

Таким образом, налоговая проверка была и остается эффективным методом налогового контроля, однако с учетом всех изменений нас ждет постепенная, но скорая трансформация данного классического института налогового права. Логично предположить, что в дальнейшем парадигма финансового контроля полностью перейдет к партнерской модели взаимодействия, что уже неоднократно отмечалось в отечественной доктрине[2]. Контроль становится, прежде всего, превентивной мерой по предупреждению совершения правонарушения. Такая модель, по мнению заместителя руководителя Федерального казначейства А.Э. Исаева, превращает бюджетный контроль в помощника для «государства и подконтрольных объектов, обеспечивая максимально оперативную реакцию на возникающие проблемы и вызовы».[3]

***Б.А. Левитанус,* канд. юрид. наук,**
доцент кафедры финансового права СПБГЭУ,
***Т.А. Белова**, магистрантка института*
магистратуры СПБГЭУ

ОБЯЗАТЕЛЬНОЕ И ДОБРОВОЛЬНОЕ ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ СТРАХОВАНИЕ

Экологическое страхование, как направление природоохранного менеджмента и как самостоятельный институт берет своё начало в странах Европейского союза в 60-х годах XX века. Европейское законодательство

---

[1] Деловая активность малого бизнеса вышла на докризисный уровень, но далеко не у всех предпринимателей. // Экономика и жизнь [электронный ресурс]. URL: https://www.eg-online.ru/article/433560/ (Дата обращения: 24.04.2021)

[2] Колесников Ю.А., Борисов Б.А Цифровые методы правового анализа, регулирования и мониторинга бюджетной сферы РФ в контексте новой парадигмы финансового контроля //Издательский дом "Юр-ВАК". «Проблемы экономики и юридической практики» – 2020 г. – № 6 – С. 205-210

[3] Э.А. Исаев. Подходы к цифровизации контроля в финансово-бюджетной сфере. // «Бюджет» – №5 (197) – 2019г. – С. 48-50.

о страховании носило характер более приближенного к частноправовому и в качестве страховых случаев рассматривались только экологические деликты.

В настоящее время в странах с развитой экономикой существует два концептуальных подхода к пониманию функций и порядка экологического страхования. Так, в государствах романо-германской правовой семьи, в частности Германии, Бельгии, Франции экологическое страхование осуществляется на солидарных основах государством промышленными корпорациями путем создания страховых пулов.

В странах англо-американской правовой семьи предусмотрен иной подход к функционированию экологического страхования. В Великобритании, США страхование экологической ответственности реализуется в рамках заключения договоров страхования, обязательных для всех предприятий, в своей деятельности, осуществляющих негативное воздействие на окружающую среду.

В частности, к лицам, допустившим причинение вреда окружающей среде, применяется невиновная ответственность, включающая обязанность не только возместить причиненный экологический вред, но и компенсировать расходы на его компенсацию.

Помимо этого, затраты на возмещение вреда, причиненного экологическим объектам, возмещаются за счет средств так называемого «суперфонда», создаваемого из налоговых отчислений производителей химической и нефтяной промышленности.

Рассмотрев некоторые особенности страхования в зарубежных странах, проговорим о России.

Для начала нам необходимо определить, что же это такое – экологическое страхование. Экологическое страхование – это… И сразу находится первое препятствие – в нормативно-правовых актах нет закрепления официального термина «Экологическое страхование». Без закрепления официального смысла термина, в него можно вкладывать любой объем, в зависимости от конкретной ситуации.

Федорященко А.С., в своем исследовании, посвященном проблемам экологического страхования в России, обращает внимание на ситуацию с фактически не определенным термином и проблемами, которые возникают при его использовании.[1]

Экологическое страхование относится к специальному виду страхования, в связи с чем, к его регулированию применяют как общие, так и специальные нормы страхования. В статье 18 Федерального Закона РФ от

---

[1] Федорященко А.С. Экологическое страхование в России: правовые проблемы и пути их решения // Вопросы российского и международного права. 2019. Том 9. № 10А С. 249-257.

10.01.2002 г. № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды» установлена сама возможность применения экологического страхования для снижения рисков юридических и физических лиц. Кроме упомянутого выше закона, экологическое страхование регулируется главой 48 Гражданского кодекса РФ, Законом РФ «Об организации страхового дела в Российской Федерации» № 4015-1 от 27.11.1992 и Типовым положением о порядке добровольного экологического страхования в Российской Федерации. Нормы, регулирующие экологическое страхование, также можно найти в различных международных актах.

Обратимся к истории зарождения экологического страхования в России. Вектор на развитие и применение экологического страхования был заложен еще в начале 1990-х годов, с принятием закона РСФСР от 19 декабря 1991 г. №2060-1 «Об охране окружающей природной среды». Во исполнении положений указанного закона было принято Типовое положение о порядке добровольного экологического страхования в Российской Федерации, которое действует до настоящего времени.

Учитывая, что экологическое страхование использовалось крайне редко, государственными органами предпринимались определенные попытки для его распространения и привлечения инвестиций в экологическую сферу.

В конце 1996 года был проведен эксперимент – по привлечению внебюджетных инвестиций для финансирования экологических программ и проектов. (Приказ Минприроды РФ от 4 июня 1996 г. N 256 «О проведении совместного с АООТ "НК "Юкос» эксперимента с целью привлечения внебюджетных источников финансирования экологических программ и проектов"). Этот проект был отменен в 1998 году.

Всё же, несмотря на все попытки развить и расширить сферу применения экологического страхования, в массы оно не пошло.

Говоря о недостаточности нормативно-правового регулирования сферы экологического страхования, надо отметить, что на развитие, вернее, на определенный тормоз в развитии, влияет отсутствие специального закона.

Несмотря на то, что проект Федерального закона «Об обязательном экологическом страховании», был внесен на рассмотрение в Государственную Думу в 1996 году, его отклонили в 1997 году. [1]

Нельзя не отметить, что экологическую стратегию нашего государства на настоящем этапе определяют – Основы государственной политики в области экологического развития РФ на период до 2030 г.

---

[1] Об обязательном экологическом страховании: законопроект № 96700535-2 // Государственная Дума Федерального Собрания Российской Федерации: официальный сайт URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/96700535-2

Одной из основных задач экологической политики прописано – совершенствование нормативно-правового обеспечения охраны окружающей среды и экологической безопасности.[1] Хочется надеяться, что в рамках этой стратегии так необходимый закон – об экологическом страховании – всё же будет принят.

Экологическое страхование существует в двух формах: обязательное (которое возникает в силу закона) и добровольное (результат заключения свободного договора со страховой организацией).

Случаи применения обязательного экологического страхования регламентируются в законодательных актах. Например, в статье 15 Федерального закона от 21 июля 1997 г. № 116-ФЗ «О промышленной безопасности опасных производственных объектов» установлено, что организация, эксплуатирующая опасный производственный объект, обязана застраховать ответственность в случае аварии на данном объекте, за причинение вреда жизни, здоровью или имуществу других лиц и окружающей среде. Требования о необходимости экологического страхования ответственности есть в Федеральном законе от 21 июля 1997 г. № 117-ФЗ "О безопасности гидротехнических сооружений», Федеральном законе от 24 апреля 1995 г. № 52-ФЗ «О животном мире», Федеральном законе от 21 ноября 1995 г. № 170-ФЗ «Об использовании атомной энергии» и других нормативно-правовых актах.

Почему же экологическое страхование не получает такого распространения, как другие виды страхования?

В основном идет речь о заключении договоров обязательного экологического страхования. Процент же добровольного экологического страхования в нашей стране минимален. Можно согласиться с мнением Ю.А. Страунинга, что только очень крупные предприятия озабочены экологическим страхованием. [2] Это связано с тем, что страхование, в любом его виде, является затратным – страховые взносы становятся непосильным бременем для небольших организаций, поэтому они просто не страхуют свои экологические риски. Для того чтобы снизить страховые взносы, необходимо проводить своевременную замену устаревающего оборудования, осуществлять постоянный мониторинг различных выбросов и сбросов, разрабатывать экологическую документацию, а это тоже дорогостоящие мероприятия, которые требуют мало того, что наличия определенной материально-технической базы, но и хорошо обученных кадров, которые будут сопровождать экологическую деятельность предприятия. И опять

---

[1] Основы государственной политики в области экологического развития Российской Федерации на период до 2030 года. URL: https://garant.ru/document/70169264/

[2] Страунинг Ю.А. Экологическое страхование как мера экономико-правового характера охраны окружающей среды // Российский следователь. 2017. № 7. С. 35-37

всё упирается в наличие свободных денежных средств, которые можно направить на эти мероприятия – маленькие предприятия их, зачастую, просто не имеют. А использовать заемные средства на экологию часто экономически нецелесообразно.

Заключая договор страхования, каждая из сторон исходит из своей выгоды. Можно выделить следующие положительные эффекты заключения договора экологического страхования:

- предприятия уменьшают свои издержки по выплате возможных компенсацийущерба в результате загрязнения окружающей среды;
- гарантируется получение пострадавшим лицам сумм выплат за ущерб независимо от наличия денежных средств у предприятия, причинившего вред;
- проведение своевременного экологического аудита предприятия, для обеспечения экологической безопасности;
- выделение финансирования или его увеличения, на проведение мероприятий, направленных на обеспечение экологической безопасности предприятия;
- участие страховых организаций (как заинтересованных лиц) в проведении контроля экологической безопасности предприятий и оказание им правовой помощи в случае обращения пострадавших за судебной защитой.

Сейчас экологическое страхование переживает не лучший период. Намного больше проблем в данной сфере, чем подходов к их решению. Система страхования экологических рисков должна быть разработана с учетом специфики нашего государства и имеющихся проблем при эксплуатации экологически опасных объектов. Можно выделить следующие проблемы в данной сфере:

1. В законодательных актах отсутствует определение термина «Экологическое страхование», что порождает различные трактовки его смысла и вносит неопределенность в правоотношения в данной сфере.
2. Законодательных актов явно недостаточно для регулирования данной сферы в полном объеме.
3. Применение экологического страхования в России очень непопулярно из-за дороговизны взносов при заключении договоров страхования.
4. Не проработан механизм взаимодействия страховых организаций и страхователей в области проведения совместного экологического аудита.

Думается, что для того, чтобы данная сфера развивалась и была востребована – необходим системный подход к регулированию.

В первую очередь – объединить нормы, которые находятся в разных источниках в один законодательный акт, который позволит иметь более четкое представление о самом экологическом страховании, а также о механизмах его реализации на практике.

Одновременно, для того, чтобы заинтересовать природопользователей в использовании добровольного экологического страхования, предусмотреть льготы или понижающие коэффициенты в ставках платы за НВОС или снижение налогов при заключении договора добровольного экологического страхования. В переходный период можно запустить государственную программу поддержки организаций, которые осуществляют природоохранные мероприятия и хотят застраховать экологические риски.

При этом страховщики могли бы проработать предлагаемые договоры экологического страхования, исходя из комплексной оценки экологических рисков, и усовершенствовать методики расчета тарифов, отталкиваясь от размера предприятия, чтобы соотношение цена страхового взноса – размер предприятия, могли позволить выйти на рынок страхования экологических рисков небольшим предприятиям.

Конечно же, каждое предприятие самостоятельно решает, какие мероприятия по защите окружающей среды необходимо проводить, исходя из своего материально-технического оснащения. Хочется надеяться, что в силах нашего государства сделать так, чтобы вопрос страховать или нет экологические риски, даже не возникал у руководителей предприятий.

Ю.М. Литвинова, *канд. юрид. наук,*
доцент кафедры финансового права СПбГЭУ

ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНЫЕ ПРАВОВЫЕ РЕЖИМЫ В СФЕРЕ ЦИФРОВЫХ ИННОВАЦИЙ: К ВОПРОСУ О НОВЕЛЛАХ ФИНТЕХ-ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

2020 год был ознаменован стремительным развитием правового регулирования финтех-отрасли как на законодательном, так и подзаконном уровнях.

В Федеральном законе от 31 июля 2020 г. № 258-ФЗ «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации» получили правовое оформление вопросы применения регуляторных «песочниц» для тестирования инновационных предложений.

Указанный законодательный акт устанавливает цели и принципы экспериментальных правовых режимов в сфере цифровых инноваций, круг участников экспериментальных правовых режимов в сфере цифровых инноваций, а также регулирует отношения, связанные с их установлением и реализацией.

Финансовый рынок является одним из направлений разработки, апробации и внедрения цифровых инноваций. В указанной сфере Банк

России выступает как регулирующим, так уполномоченным органом в данной сфере.

Создание подобных площадок получает все большее распространение во всем мире. «Нормативная песочница – это структурированная и контролируемая среда, в которой нормативные акты могут формулироваться достаточно быстрыми темпами, предоставляя компаниям передышку для разработки новых инноваций. Причем тестирование осуществляется в ведении финансового регулятора (контролирующего органа власти).

Создание подобных «песочниц» позволяет:

1) для финансовых регуляторов: разработать политику с учетом наглядности инноваций; согласовать регулирование с быстрым развитием компаний финтех, не утопая в правилах, однако, минуя возможность ущерба для безопасности клиентов.

2) для финтех-компаний: привлечь внимание различных игроков, таких как банки, фонды прямых и венчурных инвестиций; возможность протестировать продукт на реальном рынке. Нормативная неопределенность препятствует инвестициям, равно как и чрезмерно регулируемый рынок.

3) для клиентов: получить защиту, во-первых, поскольку финансовые продукты тестируются в контролируемой среде до официального применения, и, во-вторых, в связи с тем, что регулирующие органы могут внедрять более целенаправленные политики[1].

Европейские надзорные органы (Europeansupervisoryauthorities) в отчете по содействию инновациям (нормативные «песочницы» и центры инноваций) отмечают, что 21 страна-член ЕС и 3 государства-члена ЕЭЗ создали центры инноваций, а в 5 государствах-членах ЕС действуют нормативные «песочницы». В отчете отмечается, что существующая структура взаимодействия между органами может быть не полностью адаптирована к финансовым инновациям, например, в случае, когда организация изъявляет желание применить инновационный продукт или услугу в более чем одной юрисдикции и запрашивает у компетентных органов разъяснения относительно соответствующего нормативного режима. Подобное пробелы во взаимодействии между органами власти могут привести к задержкам в предоставлении скоординированных и целостных ответов. Кроме того, в разных юрисдикциях могут возникать существенные расхождения по вопросам правового регулирования, что может создать барьеры для трансграничного предоставления инновационных финансовых сервисов[2].

---

[1] The Role Of Regulatory Sandboxes In Fintech Innovation // https://www.finextra.com/blogposting/15759/the-role-of-regulatory-sandboxes-in-fintech-innovationдата обращения (11.11.2020 г.)

[2] ESAs publish joint report on regulatory sandboxes and innovation hubs // https://eba.europa.eu/-/esas-publish-joint-report-on-regulatory-sandboxes-and-innovation-hubs дата обращения (11.11.2020 г.)

В России опыт создания подобных площадок был инициирован Банком России в 2018 году. На регулятивной площадке тестировались различные финансовые сервисы и технологии. Например, в октябре 2018 года Сбербанк и Национальный расчетный депозитарий подвели итоги тестовой сделки по привлечению финансирования путем выпуска токенов на блокчейн (Initial coin offering, ICO) в «песочнице» Банка России. Проект был разработан на платформе «Мастерчейн»[1].

Стремительное расширение горизонтов финансовых технологий обуславливает постановку вопросов необходимости регулирования, а также степени подобного регулирования. Появление новых финтех-инструментов влечет опасность избыточного «зарегулирования» отрасли, или же наоборот – правового вакуума. Между тем, необходимо обеспечить безопасность клиентов, а также надежность функционирования финансовой системы. Практика применения регуляторных площадок позволяет власти понимать, где необходимо наращивать надзор, а где – оставить регулирование на минимальном уровне, не возводя при этом административных барьеров.

Среди рисков создания подобных нормативных «песочниц» возможно выделить:

- направленность на разрушение банковской индустрии. Финтех пытаются заместить традиционные банковские услуги.

- лоббирование тех или иных интересов финтех компаний. Продвижение своего продукта, который не урегулирован действующим законодательством, не контролируется государственными органами, его применение может быть на грани законности.

- проблемы трансграничного сотрудничества.

В свете тенденции к созданию регуляторных «песочниц» повсеместно предлагается к рассмотрению создание неких платформ (площадок) в целях возможности обсуждения возникающих трансграничных проблем в рамках интеграционных образований, а в дальнейшем – на мировом уровне. Подобная площадка могла бы объединить представителей различных органов власти, интеграционных объединений, финтех-компаний в целях обмена опытом, формирования общих подходов в решении проблем.

Также в развитие положений Федерального закона продолжается формирование подзаконного нормотворчества. Так, например, Приказ Министерства экономического развития РФ от 18 ноября 2020 г. № 755 закрепляет требования к форме и содержанию предложения установить

---

[1] Национальный расчетный депозитарий [Электронный ресурс] // https://www.nsd.ru/ru/press/pubs/index.php?id36=634078 дата обращения (11.11.2020 г.)

экспериментальный правовой режим в сфере цифровых инноваций, а Приказ Минэкономразвития России от 18 ноября 2020 г. № 754 – правила присоединения к такому экспериментальному правовому режиму.

Опыт зарубежных стран позволяет сделать вывод о возложении обязанности по отбору проектов именно на регулятора. Между тем, в Великобритании участникам рынка предложено создавать свои «песочницы» в дополнение к государственной, в Австралии профессиональные объединения рынка наделены правом допуска компаний к процедуре тестирования[1].

Кроме установления экспериментальных правовых режимов на финансовом рынке, такими направлениями разработки, апробации и внедрения цифровых инноваций также являются:

1) медицинская деятельность, в том числе с применением телемедицинских технологий и технологий сбора и обработки сведений о состоянии здоровья и диагнозах граждан, фармацевтическая деятельность;

2) проектирование, производство и эксплуатация транспортных средств, в том числе высокоавтоматизированных транспортных средств и беспилотных воздушных судов, аттестация их операторов, предоставление транспортных и логистических услуг и организация транспортного обслуживания;

3) сельское хозяйство;

4) продажа товаров, работ, услуг дистанционным способом;

5) архитектурно-строительное проектирование, строительство, капитальный ремонт, реконструкция, снос объектов капитального строительства, эксплуатация зданий, сооружений;

6) предоставление государственных и муниципальных услуг и осуществление государственного контроля (надзора) и муниципального контроля;

7) промышленное производство (промышленность).

Перечень указанных направлений не является закрытым.

Пилотный режим работы финтех-проектов с одной стороны не позволяет сформировать нормативную базу, с другой стороны – подобный тестовый режим помогает избежать ошибок. Между тем, принятие правовых рамок необходимо на основе наработанной практики. Достижение желаемого достаточного баланса между «зарегулированностью» правоотношений и правовым вакуумом возможно при разработке правового поля новых финтех-институтов на основе практики их работы.

---

[1] Международный опыт применения «песочниц» [Электронный ресурс] // Евразийская экономическая комиссия. URL: Международный опыт применения песочниц.pdf (eurasiancommission.org) дата обращения (5.04.2021 г.).

Е.Н. Пастушенко, *доктор юрид. наук, профессор,*
профессор кафедры финансового, банковского и
таможенного права имени профессора
Н.И. Химичевой СГЮА
Л.Н. Земцова*, кандидат юрид. наук,*
председатель суда общей юрисдикции (в отставке)
К.В. Мацюпа, *кандидат филолог. наук, доцент,*
преподаватель английского языка кафедры
иностранных языков СГЮА

ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ПОЛНОМОЧИЙ ЦЕНТРАЛЬНОГО БАНКА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ КАК СУБЪЕКТА ФИНАНСОВОГО ПРАВА В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКИ

Подготовка статьи осуществлена в рамках исследования при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ) по научному проекту № 18-29-16102 «Трансформация правосубъектности участников налоговых, бюджетных и публичных банковских правоотношений в условиях развития цифровой экономики», исполнителем которого выступает доктор юридических наук, профессор Е.Н. Пастушенко

Центральный банк Российской Федерации является одним из важнейших финансово-кредитных органов. Правовые акты Банка России являются правовыми средствами финансово-правовой политики. Правотворчество Банка России постоянно развиваются, что требует доктринального анализа и выработки рекомендаций для правотворческой практики законодательного органа – Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации, а также для подзаконного нормотворчества Банка России. Данные факты и тенденции правового регулирования подтверждают актуальность настоящего исследования.

Заметной датой в развитии правосубъектности Банка России является 01 сентября 2013 года, когда Банк России был наделен полномочиями на финансовом рынке (Федеральный закон от 23 июля 2013 года № 251-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с передачей Центральному банку Российской Федерации полномочий по регулированию, контролю и надзору в сфере финансовых рынков»). В Федеральном законе от 10 июля 2002 года № 86-ФЗ «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» появилась статья 45.3, посвященная вопросам издания Банком России программного

правового акта – Основных направлений развития финансового рынка Российской Федерации. Первоначально было установлено требование об издании данного документа стратегического характера не реже одного раза в три года. За истекший период было подготовлено два программных правовых акта – Основные направления развития финансового рынка Российской Федерации на период 2016-2018 годов и Основные направления развития финансового рынка Российской Федерации на период 2019-2021 годов, подтвердивших статус документов как актов стратегического планирования.

В конце декабря 2020 года программному правовому акту Основные направления развития финансового рынка был придан более оперативный характер – установлен срок издания один раз в год, при этом сохраняется правило о подготовке документа на очередной год и последующие два года. Представляется важным сохранить характер документа как акта стратегического планирования. Важную роль в этом процессе предстоит выполнить Национальному финансовому совету, которому поручено рассмотрение Основных направлений развития финансового рынка и направление документа Президенту Российской Федерации, Правительству Российской Федерации, Государственной Думе Федерального Собрания Российской Федерации. Указанные новеллы закреплены в Федеральном законе от 30 декабря 2020 года № 514-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации».

Основные направления развития финансового рынка Российской Федерации на период 2016-2018 годов и Основные направления развития финансового рынка Российской Федерации на период 2019-2021 годов содержат положения о социально-значимых направлениях правового регулирования на финансовом рынке, в том числе связанных с развитием цифровой экономики. В данном аспекте вектором развития полномочий Банка России служит официальное признание работы Банка России по финансово-правовому просвещению в статье 4 Федерального закона от 10 июля 2002 года № 86-ФЗ «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)», что внесено Федеральным законом от 03 апреля 2020 года № 106-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» и отдельные законодательные акты Российской Федерации в части особенностей изменения условий кредитного договора, договора займа», более известным как Закон о кредитных каникулах.

Развитие функции Банка России по защите прав потребителей финансовых услуг требует совершенствования поведенческого надзора и законодательного закрепления его инструментов. В настоящее время вопро-

сам поведенческого надзора уделяется внимание в годовых отчетах Банка России, представляемых им в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации, начиная с 2016 года. Однако, понятийного аппарата поведенческого надзора, его целей и правовых средств, за отдельными исключениями, нет в Федеральном законе «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)».

Социально значимый характер развития полномочий Центрального банка Российской Федерации в условиях цифровой экономики определяет важность деятельности Банка России по созданию правовой среды клиентоориентированности как вектора финансово-правовой политики в заявленной сфере общественных отношений, о чем свидетельствуют исследования экспертов[1].

Таким образом, проведенное исследование свидетельствует, что общественные отношения на финансовом рынке вызрели настолько, что потребовали правового урегулирования следующих законодательных предложений: раскрыть в Федеральном законе «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» понятийный аппарат, цели и правовые средства поведенческого надзора Банка России.

Совершенствование законодательства о правотворчестве Банка России подчеркивает востребованность данных документов как актов стратегического планирования, нуждающегося в оперативной реакции на изменения на отечественном финансовом рынке с точки зрения финансовой безопасности, обеспечения стабильности и развития финансовых услуг в цифровом формате.

В заключение следует отметить, что тенденциями развития полномочий Банка России является совершенствование федерального законодательства о правосубъектности Банка России в финансовых отношениях и оптимизация контрольно-надзорной практики Банка России, что подлежит обобщению с учетом рассмотренных новелл правового регулирования к требованиям их издания на современном этапе социально-экономического и политико-правового развития.

---

[1] Konrad E.N., Pokachalova E.V., Tsirin A.M., Khisamova Z.I.Financial Law and inancial Labor Market in Digital Economy // Lecture Notes in Networks and Systems 161 LNNS, pp. 314-320; Feghali K., Mora N., Nassif P.Financial inclusion, bank market structure, and financial stability: International evidence // Quarterly Review of Economics and Finance 80, pp. 236-257; Moreira F.Financial institutions' funding cost: Do capital and risk-taking matter? // Journal of Risk Management in Financial Institutions 14(1), pp. 96-106; Gaspar R.M., Henriques P.L., Corrente A.R.Trust in financial markets: The role of the human element // Revista Brasileira de Gestao de Negocios 22(3), pp. 647-668.

Л.Н. Сморчкова, *доктор юрид. наук, доцент,*
ведущий научный сотрудник ИГП РАН

ФИНАНСИРОВАНИЕ НАУЧНЫХ РАБОТ ПОСРЕДСТВОМ НАЗНАЧЕНИЯ И ВЫДАЧИ НАУЧНЫХ ГРАНТОВ КАК СРЕДСТВО ИНТЕНСИФИКАЦИИ НАЦИОНАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКИ[1]

Стабильность и прогресс национальной экономики находится в прямо пропорциональной зависимости от уровня научно-технического развития, достигнутого в государстве. При современных темпах внедрения новейших технических средств и инновационных технологий во все сферы социально-экономической жизни особенно важно сохранять должный и соответствующий запросам общества уровень научных исследований во всех областях знаний.

Многие направления научных исследований являются финансово емкими, требующими достаточно серьезных денежных вложений в оборудование, аппаратуру, материалы, экспериментальные разработки и т.п. Кроме того, это обычно долгосрочные вложения стратегического характера, не всегда окупаемые, либо окупаемость которых может зависеть от множества сопутствующих факторов, связанных в том числе с успешностью внедрения полученных результатов в реальные секторы экономики и проводимой маркетинговой политики.

В научной литературе отмечается, что в складывающихся экономических условиях резко повышается роль государственного финансирования затрат хозяйственных организаций, научно-исследовательских учреждений, индивидуальных предпринимателей на цели, предполагающие определенный публичный интерес, – реализацию результатов научно-исследовательских работ, инвестиции в перспективные производства, создание и восполнение необходимых технологических ресурсов для развития экономики[2].

В то же время наше государство уже давно взяло курс на постепенный уход в качестве самостоятельного субъекта и владельца средств производства из производственно-экономических отношений, замену прямого участия на опосредованное, все больше выполняя функции регулятора через использование правового, финансового, налогового инструментария.

---

[11] Статья подготовлена при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, проект № 18-29-15035 мк «Сравнительно-правовое исследование механизма назначения, выдачи и использования грантов в целях финансирования научно-исследовательских, опытно-конструкторских и технологических работ».

[2] Запольский С.В., Васянина Е.Л. Субсидии и гранты – правовые инструменты развития экономики // Хозяйство и право. 2020. № 11. С 88–100.

Однако, не будучи прямо заинтересованным субъектом в получении экономической прибыли от внедрения новой техники и новых технологий, интерес государства в их разработке стал приобретать также опосредованный характер.

Это неизбежно повлекло снижение объемов непосредственного государственного финансирования фундаментальных научных исследований и, соответственно, актуализировало поиск новых опосредованных форм финансового обеспечения. Одной из таких форм стало заимствованная у запада практика выдачи грантов на проведение как фундаментальных, так и поисковых научных исследований.

Становление в России грантовой деятельности в сфере науки нельзя назвать планомерным и последовательным, также, как и правовое регулирование складывающихся в этой сфере отношений. В настоящее время в статье 15 Федерального закона от 23 августа 1996 г. № 127-ФЗ «О науке и государственной научно-технической политике» закреплено, что финансовое обеспечение научной, научно-технической, инновационной деятельности, в том числе проведения фундаментальных и поисковых научных исследований, осуществляется Российской Федерацией, субъектами Российской Федерации, муниципальными образованиями посредством выделения бюджетных средств как непосредственно научным и образовательным организациям высшего образования, так и опосредованно через фонды поддержки научной, научно-технической и инновационной деятельности. Тем самым не только заложены основы множественности источников финансирования научной сферы при условии его целевой ориентации, но и показано значение, которое государство придает грантовой поддержке научных исследований, как одному из ключевых механизмов финансирования научной деятельности.

Функционирование системы грантового финансирования науки в России во многом связано с образованием специализированных фондов поддержки научной, научно-технической и инновационной деятельности за счет средств различных источников, не запрещенных законодательством Российской Федерации. Такие фонды могут создаваться не только Российской Федерацией и субъектами Российской Федерации, но и физическими лицами, а также юридическим лицами в организационно-правовой форме фонда. Тем не менее наиболее значимую роль в выдаче научных грантов играют специально созданные государственные фонды поддержки научной, научно-технической и инновационной деятельности. История их становления и реорганизации характеризует основные вехи развития государственного научного грантирования[1].

---

[1] См. подробнее: Филь М.М. Государственная грантовая поддержка научных исследований в Российской Федерации: становление, правовой режим, тенденции развития // Закон и право. 2019. № 6. С. 20–28.

Исторически первым был создан и почти три десятилетия просуществовал Российский фонд фундаментальных исследований (далее – РФФИ). Основное назначение РФФИ – финансирование конкретных научных проектов в непосредственном взаимодействии с учеными-исследователями. В непосредственные задачи РФФИ входит не только объявление конкурсов научных исследований, но и проведение конкурсных отборов лучших научных проектов из числа тех, что представлены Фонду учеными в инициативном порядке, а также последующее организационно-финансовое обеспечение поддержанных проектов посредством грантов[1].

Более пятнадцати лет существовал Российский гуманитарный научный фонд (далее – РГНФ), созданный в качестве самостоятельной организации специально для финансовой поддержки научных исследований по гуманитарным и общественным наукам, обладающих своей спецификой проведения и внедрения результатов в социально-экономические отношения. В 2016 году он был реорганизован путем присоединения к РФФИ. Слияние двух крупных российских научных фондов призвано облегчить управление средствами, находящимися в их ведении и сократить издержки, связанные с их администрированием, а также организовать единые (унифицированные) процедуры доступа к грантам вне зависимости от научного профиля проекта (направления исследования)[2].

Таким образом, осуществление грантовой поддержки научных исследований по гуманитарным и общественным наукам снова стало функцией РФФИ. При условии, что после присоединения РГНФ к РФФИ объемы финансирования научных исследований должны были складываться из соотношения объемов обоих фондов, финансовый выигрыш произведенной реструктуризации ожидался благодаря оптимизации административных ресурсов, а научно-исследовательский выигрыш обосновывался возможностью увеличения количества и масштабов осуществления междисциплинарных проектов[3].

Кроме того, финансирование организации осуществления фундаментальных научных исследований, поисковых научных исследований посредством назначения и выдачи грантов осуществляет Российский научный фонд (далее – РНФ), образованный в 2013 году по инициативе Президента Российской Федерации. Деятельность РНФ регулируется Федераль-

---

[1] Белявский О.В. Проблемы правового регулирования грантовой поддержки фундаментальных научных исследований в Российской Федерации // Труды Института государства и права Российской академии наук. 2018. Том 13. № 4. С. 170–189.

[2] Распоряжение Правительства Российской Федерации от 29 февраля 2016 г. № 325-р.

[3] Комментарий Аркадия Дворковича к распоряжению о реорганизации Российского фонда фундаментальных исследований и Российского гуманитарного научного фонда // URL: http://government.ru/news/22016/ (дата обращения 15.04.2021).

ным законом 2 ноября 2013 г. № 291-ФЗ «О Российском научном фонде и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», что не характерно для других государственных научных фондов и позволяет говорить об особом статусе РНФ.

В качестве цели деятельности РНФ указана финансовая и организационная поддержка фундаментальных научных исследований и поисковых научных исследований, подготовки научных кадров, развития научных коллективов, занимающих лидирующие позиции в определенной области науки. Из этого следует, что РНФ осуществляет не только проектное финансирование, поддерживая конкретные научные исследования, но также и институциональное финансирование, имеющее стратегической целью развитие научных коллективов и подготовку научных кадров в целом.

С одной стороны, наличие в государстве системы фондов для поддержки научных исследований разного уровня бюджетного и иных источников финансирования и разной направленности научных исследований представляется предпочтительным, поскольку создает условия вариативности и доступности реального получения грантов учеными-исследователями, а их участие в конкурсах разных фондов не только стимулирует развитие научных идей и осуществление научных разработок, но и обостряет здоровую конкуренцию между самими фондами.

С другой стороны, признанный позитивным опыт присоединения РГНФ к РФФИ показал возможное направление организационного развития грантовой поддержки науки за счет государства путем дальнейшей оптимизации деятельности государственных научных фондов. В конце 2020 года начата уже определенное время ожидаемая реорганизация государственных научных фондов – Российский фонд фундаментальных исследований присоединяется к Российскому научному фонду.

Реорганизация государственных научных фондов проводится в рамках общей реорганизации структуры российских институтов развития, предполагающей модернизировать и укрупнить сорок действующих институтов развития различной направленности до пяти. Правительством Российской Федерации утвержден план мероприятий («дорожная карта») по модернизации действующей структуры институтов развития, в том числе в отношении государственных научных фондов[1]. Причинами традиционно указываются стремление оптимизировать и унифицировать административно-управленческие механизмы и снизить финансовую нагрузку на их содержание в организациях, выполняющих схожие или дублирующие функции.

Органом управления, курирующим вопросы объединения РНФ и РФФИ, определено Министерство науки и высшего образования Россий-

[1] Распоряжение Правительства Российской Федерации от 31 декабря 2020 г. № 3710-р.

ской Федерации, на которое возложена функция согласования основных подходов к объединению и выработки новой политики осуществления деятельности преобразованным РНФ.

В качестве базовых позиций и принципов объединения фондов заложены: обязательность выполнения ранее принятых РФФИ обязательств по финансовому обеспечению действующих проектов и их экспертизе; своевременная замена конкурсов РФФИ соответствующими конкурсами РНФ; непрерывность грантовой поддержки; сохранения грантовой поддержки по всем отраслям науки (областям знаний); сохранение общих объемов финансирования; использование в работе объединенного РНФ лучших сложившихся практик назначения и выдачи грантов, контроля за их использованием, включая квалифицированную экспертизу и ориентированность на качество научных результатов; широкая доступность грантовых программ; открытость деятельности Российского научного фонда.

РФФИ как юридическое лицо было зарегистрировано в организационно-правовой форме федерального государственного бюджетного учреждения, финансирование которого за счет средств федерального бюджета осуществлялось через систему государственных заданий. В отличие от него РНФ как юридическое лицо был создан в организационно-правовой форме фонда, то есть некоммерческой унитарной организации, чье имущество формируется за счет ежегодных имущественных взносов Российской Федерации, доходов, получаемых от деятельности Фонда и использования его имущества, а также за счет добровольных имущественных взносов, пожертвований, иных не запрещенных законодательством Российской Федерации поступлений.

Сама по себе ситуация, когда в одном государстве на одном уровне (федеральном) функционируют две организации, финансируемые из одного бюджета, обладающие схожим функционалом, но имеющие две совершенно разные организационно-правовые формы – юридический нонсенс. Возможно, разрешение этого видимого противоречия также послужило одной из причин текущей реорганизации. Также в процессе реорганизации возможны изменения в статусе самого РНФ.

Но различаются не только организационно-правовые формы государственных научных фондов, имеются отличия в процедурах проведения научных конкурсов, масштабности финансируемых проектов, условиях предоставления грантов, их размеров, а главное – в доступности получения грантовой поддержки за счет государства для рядовых ученых. Во многом от того, сохранится ли совокупный объем финансирования проектов и останутся ли проекты, конкурировать в которых на равных смогут любые лица, имеющие новационную научную идею, интерес в осуществлении научно-исследовательского проекта и зарегистрировавшиеся в качестве ученых в информационной системе фонда без относительно при-

надлежности к той или иной научной или образовательной организации, зависит эффект присоединения РФФИ к РНФ.

На данной дилемме основана альтернативная точка зрения, скептически оценивающая последствия присоединения РФФИ к РФН для развития российской науки – слияние приведет не только к упрощению управленческой ситуации, что само по себе спорно, но однозначно к монополизации деятельности по финансированию на федеральном уровне фундаментальных и поисковых научных исследований[1]. Это увеличит степень контролируемости проводимых за счет грантов научных исследований, но одновременно снизит уровень инициативности и мотивации проведения научных изысканий, что для науки в целом, как и для любой иной творческой деятельности, подобно смерти.

Именно возможность развивать за счет государственной грантовой поддержки добровольческую и неформальную науку, которая в России исторически всегда была на достаточно высоком уровне, возможность финансировать такого рода исследования за счет различных источников было основным преимуществом существования нескольких государственных научных фондов. А отсутствие конкуренции при осуществлении деятельности приведет со временем к установлению устойчивых вертикальных связей, когда финансирование науки осуществляется преимущественно через действующие научные организации и научные подразделения образовательных организаций высшего образования, что при разрушенных производственно-экономических связях и самоустранении государства из этой сферы нивелирует значимость грантовой поддержки науки как альтернативного инструмента финансирования. Кроме того, что это чревато утратой преимуществ грантового финансирования науки перед централизованным, также может выступать в качестве коррупциогенного фактора.

Действительно, последствия текущей реорганизации системы государственного грантирования научной деятельности находятся в зависимости от того, на каких принципах будет выстроена деятельность РНФ. Сохранит ли свою значимость грантовая деятельность для развития российской науки? Будут ли у российской науки дополнительные источники финансирования и, соответственно, материальные основания и стимулы развития? Будет ли подпитываться экономика страны результатами новых научных изысканий и открытий? Но, с другой стороны, может ли такая важная для социально-экономического развития нашей страны деятельность быть поставлена в зависимость от субъективных факторов функционирования отдельно взятого государственного научного фонда?

---

[1] URL: https://www.forbes.ru/obshchestvo/383655-slabyy-dolzhen-uyti-chto-proishodit-so-stareyshim-nauchnym-fondom-strany (дата обращения 15.04.2021).

Одним из возможных путей решения обозначенной проблемы может быть осуществление правового регулирования механизма назначения, выдачи и использования грантов в целях финансирования научно-исследовательских работ вне зависимости от организационных структур и субъективных подходов к руководству ими. Таким путем является принятие самостоятельного федерального закона «О научных грантах и грантовой деятельности в сфере науки», в котором, в частности, должны быть закреплены основные принципы, на основе которых должен формироваться правовой режим научного гранта, а также права и обязанности сторон грантового правоотношения[1].

В заключение представляется необходимым еще раз подчеркнуть важность научного грантирования для развития экономики страны, поскольку эта деятельность носит публичный характер, и результаты научных исследований, осуществляемых за счет средств гранта, должны быть опубликованы в обязательном порядке. Следовательно, перспективные научные идеи становятся достоянием общества, на их основе могут быть построены новые исследования, результаты которых так необходимы для интенсификации экономических отношений в нашей стране.

***О.В. Шаров**, начальник отдела обеспечения процедур банкротства Управления ФНС России по Ленинградской области*

ДУБЛИРУЮЩИЙ МЕХАНИЗМ УВЕЛИЧЕНИЯ ВОЗНАГРАЖДЕНИЯ АРБИТРАЖНОГО УПРАВЛЯЮЩЕГО В ДЕЛЕ О БАНКРОТСТВЕ. ПРОБЛЕМА УПРАВЛЯЮЩЕГО КАК ОСОБОЙ ФОРМЫ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Федеральная налоговая служба (далее также – ФНС России), являющаяся в соответствии с Федеральным Законом № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (далее – Закон о банкротстве) уполномоченным органом в делах о несостоятельности (банкротстве), представляет интересы Российской Федерации и выступает системным кредитором и в ряде случаев – заявителем в делах о банкротстве.

В рамках представления интересов Российской Федерации основной целью уполномоченного органа является максимальное удовлетворение требований перед ФНС России как реестровым кредитором в деле о банкротстве и (или) как кредитором по текущим налоговым обязательствам.

---

[1] Запольский С.В., Сморчкова Л.Н. Правовой режим научного гранта: проблемы определения и пути совершенствования // Право и практика. 2020. № 2. С. 148-156.

Следует отметить, что текущие обязательства должника подлежат погашению в соответствии с нормами Закона о банкротстве. Так, ст. 134 Закона о банкротства устанавливает, что первоочередными удовлетворяемыми требованиями являются судебные расходы, понесенные по делу о банкротстве, установленное вознаграждение арбитражного управляющего, а также расходы на деятельность лиц обязательных для привлечения в силу Закона о банкротстве.

Второй очередью является задолженность по текущим обязательствам оплаты труда сотрудников по трудовым договорам, а также требования о выплате выходных пособий и текущие налоговые платежи с данной зарплаты в виде налога на доходы физических лиц и страховых взносов на обязательное пенсионное страхование.

Закрепление вышеуказанных налоговых платежей ко второй очереди текущих платежей обусловлено определенными Налоговым Кодексом Российской Федерации от 31.07.1998 № 146-ФЗ особенностями уплаты налога на доходы физических лиц, устанавливающими особый правовой статус налогоплательщика – налогового агента, обязанного перечислить суммы налога, удержанного с заработной платы сотрудника и социального назначения взносов на обязательное пенсионное страхование.

В режиме третей очереди удовлетворяется задолженность перед лицами, привлеченными арбитражным управляющим для обеспечения исполнения возложенных на него обязанностей.

Четвертой очередью платежей являются требования по необходимым для жизнедеятельности эксплуатационным платежам (платежи по коммунальным услугам, договорам энергоснабжения и иные аналогичные).

Все остальные, в том числе и не упомянутые выше налоговые платежи находятся в пятой очереди требований по текущим обязательствам.

Соответственно, при погашении задолженности по текущим налоговым платежам допустимо отметить возможность погашения обязательных платежей в рамках второй очереди, а именно налога на доходы физических лиц и страховых взносов на обязательное пенсионное страхование, и в рамках пятой очереди – иных налогов и сборов.

Исходя из анализа пункта 2 статьи 134 Закона о банкротстве, законодатель ставит в зависимость размер погашения каждой последующей очереди от размера погашения предыдущей, то есть чем большая сумма будет направлена на погашение первой очереди текущих платежей, тем меньше будут удовлетворены кредиторы по текущим обязательствам последующих очередей.

Данная норма обеспечивает право арбитражного управляющего на преимущественное погашение причитающегося в деле о банкротстве в соответствии с Законом о банкротстве вознаграждения, но при увеличении

расходов на процедуру банкротства, связанных с деятельностью непосредственно арбитражного управляющего, снижается сумма погашенных требований кредиторов последующих очередей.

При этом в соответствии с пунктами 1, 2 статьи 20.6 Закона о банкротстве арбитражный управляющий имеет право на вознаграждение, которое выплачивается за счет имеющихся у должника – сформированной конкурсной массы.

Вознаграждение, выплачиваемое арбитражному управляющему в деле о банкротстве, состоит из фиксированной суммы вознаграждения и суммы процентов, определяемых в зависимости от результатов, достигнутых управляющим. Размер фиксированной суммы вознаграждения для конкурсного управляющего установлен в пункте 3 статьи 20.6 Закона о банкротстве и составляет 30 000 рублей в месяц. Данный размер вознаграждения установлен Федеральным законом от 30.12.2008 №296-ФЗ "О внесении изменений в Федеральный закон "О несостоятельности (банкротстве)" и до настоящего момента увеличения не производилось.

Исходя из установленного в 2008 году размера фиксированного вознаграждения, роста расходов по делу о банкротстве и возрастанию сложности ведения процедур банкротства, перед сообществом арбитражных управляющих встал вопрос размера «справедливого» вознаграждения за выполняемую ими работу.

Попыткой ответа на данный вопрос со стороны сообщества арбитражных управляющих послужило создание дублирующего механизма увеличения вознаграждения арбитражного управляющего в деле о банкротстве.

В 2016 году состоялась «Первая всероссийская конференция арбитражных управляющих», по результатам которой арбитражными управляющими и руководителями саморегулируемых организаций арбитражных управляющих принято решение о создании профессионального сообщества, таким образом, учрежден Общероссийский профсоюз арбитражных управляющих (далее – ОРПАУ, профсоюз) с наделением полномочиями действовать от имени всех арбитражных управляющих в независимости от непосредственного вступления их в данный профессиональный союз.

Так, в рамках деятельности профсоюза было принято «Отраслевое соглашение в сфере несостоятельности (банкротства) и финансового оздоровления на 2020-2022 годы», утвержденное 31.12.2019 Общероссийским профсоюзом арбитражных управляющих, Общероссийским отраслевым объединением работодателей в области права и саморегулируемых организаций арбитражных управляющих, в котором определены коэффициенты, исходя из которых при расчете фиксированной суммы вознаграждения арбитражного управляющего базовая сумма такого вознаграждения подлежит увеличению.

По мнению авторов указанного соглашения, при расчете фиксированной суммы вознаграждения управляющего необходимо учитывать отношение индекса потребительских цен декабря предыдущего для расчета года к декабрю 2008 года, а также усложнение законодательства в сфере несостоятельности (банкротства).

Коэффициент, рассчитанный по нормам приказа Федеральной службы государственной статистики от 30.12.2014 №734 «Об утверждении Официальной статистической методологии организации статистического наблюдения за потребительскими ценами на товары и услуги и расчета индексов потребительских цен», на декабрь 2019 года составил 207,91%

Кроме того, профсоюзом внесено предложение о применении к размеру вознаграждения увеличивающего коэффициента, учитывающего произошедшее усложнения законодательства о банкротстве в размере равном 1,25.

Правовым обоснованием применения вышеуказанных принципов и механизмов выступают нормы Трудового кодекса Российской Федерации от 30.12.2001 №197-ФЗ, предусматривающие право на установление работнику справедливой заработной платы и право индексации заработной платы в связи с ростом потребительских цен на товары и услуги.

Применение данного механизма предусматривает обращение управляющего в арбитражный суд с заявлением об увеличении установленного размера фиксированного вознаграждения в соответствии с пунктом 5 статьи 20.6 Закона о банкротстве до 77 966,25 рублей, то есть в 2,59 раза больше от актуального, и соответственно, уменьшает сумму погашения последующих очередей.

По мнению автора, позиция, сформированная профессиональным объедением арбитражных управляющих, не имеет достаточного правового обоснования, нарушает баланс интересов арбитражных управляющих и кредиторов и приводит к нарушению прав кредиторов по текущим платежам ввиду следующих оснований.

В соответствии со статьей 15 Трудового кодекса Российской Федерации под трудовыми понимаются отношения, основанные на соглашении между работником и работодателем о личном выполнении работником за плату трудовой функции в интересах, под управлением и контролем, подчинении работника правилам внутреннего трудового.

Вместе с тем, согласно статье 20 Закона о банкротстве арбитражный управляющий является субъектом профессиональной деятельности и осуществляет регулируемую профессиональную деятельность, занимаясь частной практикой, он не является сотрудником, включенным в штат юридического лица – должника, не подчиняется установленным внутренними документами организации распорядку, режиму труда и отдыха.

Одновременно законодателем установлена возможность увеличения вознаграждения арбитражного управляющего в деле о банкротстве, в свою очередь, Закон о банкротстве предполагает увеличение размера вознаграждения по решению собрания кредиторов в случае предоставления доказательств наличия у должника средств, достаточных для выплаты увеличенной суммы вознаграждения.

Кроме того, законодательно закреплен принцип «рискованности» дополнительного вознаграждения в виде установления вознаграждение в части процентов, зависящих от результатов деятельности арбитражного управляющего, а именно ставящих зависимость от суммы погашенных требований кредиторов и стимулирующих его на более эффективное осуществление полномочий.

Законодательство о банкротстве не предусматривает возможность увеличения суммы вознаграждения управляющего, подлежащей выплате в случае достижения между арбитражными управляющими и их нанимателями соглашений, регулируемых законодательством о трудовой и профсоюзной деятельности, и заключения социально-партнерских соглашений.

Создание же дублирующего механизма увеличения вознаграждения направлено на обход закрепленных пунктом 5 статьи 20.6 Закона о банкротстве норм и потому в соответствии с нормами Гражданского кодекса Российской Федерации от 30.11.1994 № 51-ФЗ недопустимо.

Следует отметить, что в настоящее время складывается противоречивая судебная практика по установлению суммы вознаграждения арбитражного управляющего посредством использования данного дублирующего механизма: в ряде регионов Российской Федерации арбитражными судами устанавливается увеличенный размер вознаграждения, а в некоторых – напротив, сформировалась практика отказа арбитражным управляющим по приведенным автором основаниям.

И.В.Швецова, *преподаватель кафедры финансового,*
банковского и таможенного права
им. профессора Н.И. Химичевой СГЮА

ЭФФЕКТИВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ ГОСУДАРСТВЕННЫМИ ФИНАНСАМИ КАК ГАРАНТ ФИНАНСОВОЙ СТАБИЛЬНОСТИ И НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Бюджетное кредитование выступает защитой при неблагоприятных условиях для бюджетов бюджетной системы Российской Федерации. Кредитные отношения возникают тогда, когда государство предоставляет сред-

ства, выдает их из бюджета с условием их последующего возврата и когда государство привлекает средства – на основе определенных договоров осуществляются государственные займы и различные кредиты, которые государство может брать у кредитных организаций, других государств и т.п.

Предоставляя бюджетный кредит, публично-правовое образование, преследует, в первую очередь, цель – поддержание стабильности бюджета государства, достижение баланса доходов и расходов бюджета. Во вторую очередь, если это внешние заимствования, политическая цель – повышение эффективного взаимодействия между государствами.

На сегодняшний день перед государством стоит множество задач, которые необходимо решать. Это предопределяет использование бюджетных средств, для реализации приоритетных задач государства: укрепление обороны страны, финансирование экологии, поддержка спорта, развитие образования и другие. Важную роль в бюджетной системе играет бюджетный кредит, который обеспечивает планомерное применение временно свободных денежных средств и контроль за их дальнейшим использованием.

Так, анализ современного состояния бюджетной обеспеченности Российской Федерации на 2021-2023 годы показывает, что основным приоритетом расходов федерального бюджета, будет являться выполнение социальных обязательств государства. Планируется к финансированию и профинансировано большое количество социальных программ. Поставленные перед публично-правовыми образованиями задачи требуют существенных финансовых ресурсов. Поэтому, очень сложно формировать бюджет публично-правового образования сбалансированным, и уж тем более профицитным. Одним из источников финансирования бюджетного дефицита выступает, в соответствии Бюджетным кодексом Российской Федерации, бюджетный кредит, который сегодня стал играть важную роль в заемной политике публично – правовых образований. По сути, это особый инструмент «антикризисной поддержки» со стороны федерального бюджета, применяемый на индивидуальной основе исходя из состояния долговой устойчивости конкретного субъекта[1].

Эффективность финансовой помощи при предоставлении бюджетного кредита зависит от принципов и критериев его распределения, то есть от всего, что лежит в сфере правового регулирования отношений при предоставлении, использовании и возврате бюджетного кредита. Между тем, именно в области правового регулирования бюджетного кредита накопилось немало проблем и противоречий, которые обусловлены действующим бюджетным законодательством. Использование краткосрочного бюджетного

---

[1] См.: Рекомендации по проведению субъектами Российской Федерации ответственной заемной/долговой политики (утв. Минфином России). URL: http://all-rss.ru/item-2642964-rekomendatsii-po-provedeniyu-subektami-rossiyskoy-federatsii-otvetstvennoy-zaemnoy-dolgovoy-politiki-utv-minfinom-rossii/. (дата обращения: 29.04.2019).

кредита, например, для бюджетов бюджетной системы позволяет оперативно регулировать покрытие временных кассовых разрывов бюджета.

В рамках реализации задач Президента Российской Федерации был разработан план деятельности Министерства финансов Российской Федерации на 2019 – 2024 гг.[1] В данном документе содержатся следующие разделы: справедливое распределение национального дохода через повышение эффективности управления бюджетными расходами; обеспечение сбалансированного регионального развития через совершенствование межбюджетных отношений; формирование надежных источников финансирования и развитие национального рынка заемного капитала. Развитие, в том числе, этих направлений деятельности государства способствует нормальному функционированию процессов: предоставления, целевого использования и своевременного возврата бюджетного кредита.

Федеральный закон «О федеральном бюджете на 2021 год и на плановый период 2022 и 2023 годов» закрепил положение о дефиците федерального бюджета в сумме 2 754 966 462,3 тыс. рублей[2], это говорит об актуальности исследования правовых проблем предоставления, использования и возврата бюджетного кредита.

Проанализировав законы субъектов Российской Федерации стоит отметить, что например, в Саратовской области дефицит бюджета составил на 2020 год 2980317,6 тыс. рублей[3], что выше, чем в 2021 году – 230431,3 тыс. рублей[4]. А вот, дефицит бюджета Тамбовской области в 2019 году составил 2 065 853,3 тыс. рублей[5], в 2020 году 2 450 000,0 тыс. рублей[6], а в 2021 – 0,0 рублей[7]. В городе Тверь, в 2019 году, дефи-

---

[1] План деятельности Министерства финансов Российской Федерации на 2019 – 2024 годы. URL: https://www.minfin.ru/ru/document/?id_4=126905plan_dyeyatelnosti_ ministerstva_finansov_rossiiskoi_federatsii_na_2019_-_2024_gody. (дата обращения: 13.12.2019).

[2] См.: Федеральный закон от 08 декабря 2020 г. №380-ФЗ «О федеральном бюджете на 2021 год и на плановый период 2022 и 2023 годов» // СЗ РФ. 2020. №50 (часть I), ст. 8030.

[3] См.: Закон Саратовской области «Об областном бюджете на 2020 год и на плановый период 2021 и 2022 годов». URL: http://saratov. gov.ru/gov/auth/ minfin/bud_sar_ obl/2020/ Law/Law.php (датаобращения: 11.01. 2020).

[4]См.: Закон Саратовской области «Об областном бюджете на 2021 год и на плановый период 2022 и 2023 годов». URL: http://saratov. gov.ru/gov/auth/minfin/bud_sar_ obl/2020/ Law/Law.php (датаобращения: 27.12. 2020).

[5] См.: Закон Тамбовской области «Об областном бюджете на 2019 год и на плановый период 2020 и 2021 годов». URL: http://fin.tmbreg.ru/6347/2010/8660.html (дата обращения: 27.03.2020).

[6] См.: Закон Тамбовской области «Об областном бюджете на 2020 год и на плановый период 2021 и 2022 годов». URL: http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/ 6800202012280018 (дата обращения: 11.01.2020).

[7]См.: Закон Тамбовской области «Об областном бюджете на 2021 год и на плановый период 2022 и 2023 годов». URL: http://rg.ru/2019/11/11tambov-byudget2020-2022-regdok.html (дата обращения: 11.01.2021).

цит бюджета составил 100000,0 тыс. рублей[1]. Областной бюджет Тверской области в 2020 году был также дефицитным. Дефицит составил 165 636,2 тыс. рублей[2], а в 2021 – 3 053 588 тыс. рублей[3]. То есть, во вновь принятом законе о бюджете 2021 года, состояние бюджета представленных регионов в положительную сторону не изменилось. В связи со сложившейся в последние годы экономической ситуацией в субъектах Российской Федерации и стране в целом, муниципальные образования формируют и принимают местные бюджеты с дефицитом, финансируемым, как правило, за счет бюджетных кредитов и кредитов кредитных организаций. При этом сбалансированность бюджетов и долговая устойчивость субъектов Российской Федерации в значительной степени зависят от сбалансированности бюджетов и долговой устойчивости муниципальных образований, находящихся на их территориях. Данные статистики подтверждают тот факт, что большинство регионов России приняли дефицитный закон о бюджете. Это говорит об актуальности исследования вопросов предоставления, возврата и использования бюджетного кредита, как главного источника финансирования дефицита бюджета.

Особая значимость бюджетного кредита для публично – правового образования видится в низких ставках при возврате кредита и возможности реструктуризации задолженности.

На современном этапе развития финансового права, учитывая государственную и социальную значимость бюджетного кредитования, особого осмысления требует научная, законодательная и практическая составляющая по вопросам предоставления, использования и возврата бюджетного кредита в Российской Федерации. Исследование правовых проблем бюджетного кредита, и на сегодняшний день, является необходимым, что подтверждается интересом со стороны ученых – финансоведов к данному вопросу. Ведь, стабильность бюджетов, находится в зависимости от сбалансированности показателей бюджета, тогда как превышение расходов над доходами ведет к дефициту бюджета.

---

[1] См.: Решение Тверской городской Думы от 21 декабря 2018 года № 307 «О бюджете города Твери на 2019 год и на плановый период 2020 и 2021 годов» .URL: http://docs.cntd.ru/document/550311649 (дата обращения: 27.03.2019).

[2] См.: Закон «Об областном бюджете Тверской области на 2020 год и на плановый период 2021 и 2022 годов».URL: http://rg.ru/2019/11/20tver-byudget2020-2020-reg-dok.html(дата обращения: 11.01.2020).

[3] См.: Закон «Об областном бюджете Тверской области на 2021 год и на плановый период 2022 и 2023 годов».URL: http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/6900202012290001 (дата обращения: 11.01.2021).

СЕКЦИЯ
УГОЛОВНОГО ПРАВА И УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА

Ответственный – и.о. заведующего кафедрой уголовного права и уголовного процесса, доктор юридических наук, доцент ***А.Г. Хлебушкин***

Е.Ю. Антонова*, доктор юрид. наук, профессор, заведующий кафедрой уголовного права и криминологии Хабаровского государственного университета экономики и права*

ОТДЕЛЬНЫЕ КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЕ ПОКАЗАТЕЛИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В ПЕРИОД РАСПРОСТРАНЕНИЯ COVID-19

Важным представляется криминологический анализ преступности в период различных неблагоприятных событий, в качестве которого уже сегодня можно назвать распространение во всем мире новой коронавирусной инфекции (COVID-19), оказавшей влияние на все сферы жизнедеятельности человека. Изменения, произошедшие в экономической сфере жизни общества, режим самоизоляции, закрытие различных организаций, торговых, развлекательных комплексов и другие обстоятельства сказались на предварительном прогнозе по снижению уровня уличной преступности, дорожно-транспортных происшествий, незаконной миграции и др., и одновременному росту семейно-бытового насилия, нарушений в сфере оборота медикаментами, а также преступлений с использованием компьютерных технологий, средств сотовой связи и т.д. Такой прогноз был основан на внезапно изменившихся социальных условиях – ограничение личной свободы, разрыв активных социальных контактов между людьми, снижение, а в некоторых случаях полное исчезновение доступности привычных для человека благ, потеря работы или трудоспособности (в результате заболевания и постковидных осложнений) и т.д. Все это дезорганизовало жизнь общества.

Охватившая весь мир пандемия COVID-19 показала и недостаточную готовность современного общества прогнозировать реальные угрозы, их последствия и реагировать на них[1]. Криминологический анализ преступности в период распространения COVID-19 позволит лучше понять тенденции развития криминальной деятельности и выработать методики реагирования на нее в неблагоприятных условиях.

---

[1] Бурлаков В.Н., Щепельков В.Ф., Дивеева Н.И. Криминологическая безопасность в сфере профилактической медицины: риски и их предупреждение // Всероссийский криминологический журнал. 2020. Т. 14. № 5. С. 648. DOI: 10.17150/2500-4255.2020.14(5).647-659

Ученые уже сегодня говорят о необходимости закрепления в научном обороте термина «криминология катастроф» и выделении в связи с этим самостоятельного криминологического учения[1]. И с этим сложно не согласиться, поскольку неблагоприятные (чрезвычайные) ситуации вносят свои коррективы не только в политическую и социально-экономическую сферы, но и детерминирует развитие новых форм преступной активности.

Начнем с того, что в 2020 году зафиксирован хоть и незначительный, но все же рост общего количества зарегистрированных преступлений.

Так, по данным Главного информационно-аналитического центра МВД России (ГИАЦ МВД России) в 2016 г. всего на территории нашего государства было зарегистрировано 2 160 063 преступления, в 2017 г. – 2 058 476 (снижение к аналогичному периоду предыдущего года (АППГ) на 4,7%), в 2018 г. – 1 991 532 (снижение к АППГ на 3,3%, к 2016 г. на 7,8%), в 2019 г. – 2 024 337 (прирост к АППГ на 1,6%, снижение к 2016 г. на 6,3%), в 2020 г. – 2 044 221 (прирост к АППГ на 1%, к 2018 г. на 2,6%, снижение к 2017 г. на 0,7%, к 2016 г. на 5,4%)[2].

Примечательно, что если в 2016 и 2017 гг. удельный вес тяжких и особо тяжких преступлений составил 21,2%, то с 2018 г. он начал увеличиваться: в 2018 г. – 22,5%, в 2019 г. – 24,4%, в 2020 г. – 27,6%.

Ухудшение имущественного (социально-экономического) положения граждан, вызванное потерей либо простоем работы привели к росту преступлений корыстной направленности.

Хищения чужого имущества в 2016 г. составили 43,7% от всех зарегистрированных преступлений, в 2017 г. – 52,3%, в 2018 г. – 51,7%, в 2019 г. – 53,5%, в 2020 г. – 55,3%.

При этом в 2017 г. было зарегистрировано хищений совершенных путем: кражи – 788,5 тыс. (снижение к АППГ на 9,5%), мошенничества – 222,8 тыс. (прирост к АППГ на 6,6%), грабежа – 56,9 тыс. (-7,6%), разбоя – 9,1 тыс. (-20,3%); в 2018 г. путем: кражи – 756,4 тыс. (-4,1%), мошенничества – 215,0 тыс. (-3,5%), грабежа – 50,1 тыс. (-11,9%), разбоя – 7,5 тыс. (-17,9%); в 2019 г. путем: кражи – 774,2 тыс. (+2,3%), мошенничества – 257,2 тыс. (+19,6%), грабежа – 45,8 тыс. (-8,6%), разбоя – 6,7 тыс. (-9,8%); в 2020 г. путем: кражи – 751,2 тыс. (-3,0%), мошенничества – 335,6 тыс. (+30,5%), грабежа – 38,4 тыс. (-16,2%), разбоя – 5,3 тыс. (-21,7%).

Из представленных цифр видно, что в последние годы прослеживается тенденция сокращения количества регистрируемых краж, грабежей и разбоев, но существенного увеличения мошеннических действий. Сниже-

---

[1] Стешич Е.С. Пандемия как объект криминологического изучения // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2020. № 4 (88). С. 114-119. DOI: 10.35750/2071-8284-2020-4-114-119

[2] Министерство внутренних дел РФ: [сайт]. URL: https://xn--b1aew.xn--p1ai/folder/101762

ние уровня краж на 3%, грабежей на 16,2%, разбоев на 21,7% и увеличение на 30,5% мошенничеств в 2020 г. можно объяснить сложившейся неблагоприятной ситуацией в связи с пандемией и режимом самоизоляции.

При этом обращает на себя внимание ежегодное сокращение квартирных краж, в период пандемии эта тенденция только усилилась. Так, в 2016 г. удельный вес квартирных краж в структуре зарегистрированной преступности составил 3,2% (снижение к АППГ на 11,2%), в 2017 г. – 3% (-9,9%), в 2018 г. – 2,6% (-16%), в 2019 г. – 2,2% (- 13%), в 2020 г. – 1,7% (-22,6%). Эти данные свидетельствуют, на наш взгляд, с одной стороны, на эффективную работу правоохранительных органов по предупреждению и профилактике квартирных краж, но, с другой стороны, о поиске преступниками более надежных способов изъятия чужого имущества. Одним из таких способов является использование компьютерных технологий и средств мобильной связи.

Отметим, что в последние годы в целом прослеживается тенденция на увеличение преступлений, совершаемых с использованием компьютерных технологий и средств мобильной связи (это касается не только хищений). Период пандемии 2020 года только усилил эту тенденцию. Как справедливо отмечают ученые, именно в этот период кибербезопасность всего мирового сообщества пошатнулась, многие традиционные методы совершения преступлений претерпели трансформацию[1].

Так, по данным ГИАЦ МВД России в 2019 г. было зарегистрировано 294,4 тыс. преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий (на 68,5% больше, чем за АППГ). Их удельный вес в общем числе зарегистрированных преступлений в 2018 г. составил 8,8%, а в 2019 г. – уже 14,5%. 48,5% таких преступлений относится к категориям тяжких и особо тяжких: 142,7 тыс. (+149,0%); 53,3% – совершается с использованием сети «Интернет»: 157,0 тыс. (+45,4%), 39,5% – средств мобильной связи: 116,2 тыс. (+89,5%). Примечательным является и то, что 80% таких преступлений совершаются путем кражи или мошенничества – 235,5 тыс. (+83,2%), 8,4% с целью незаконного оборота наркотических средств – 24,7 тыс. (+31,2%)[2].

В 2020 году зарегистрировано уже 510,4 тыс. преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий (на 73,4% больше, чем за АППГ). В общем числе зарегистрированных преступлений их удельный вес в 2019 г. составил 25%. 52,4% таких преступлений относится к категориям тяжких и особо тяжких:

---

[1] Озеров И.Н., Озеров К.И. Новые способы совершения мошеннических действий в сфере IT-технологий в период коронавирусной инфекции // Вестник Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина. 2021. № 1. С. 25.

[2] Состояние преступности в России за январь-декабрь 2019 года. М.: ГИАЦ МВД России, 2020. С. 4.

267,6 тыс. (+87,5%); 58,8% – совершается с использованием сети «Интернет»: 300,3 тыс. (+91,3%), 42,9% – средств мобильной связи: 218,7 тыс. (+88,3%). 80,4% таких преступлений совершаются путем кражи и мошенничества – 410,5 тыс. (+74,3%), а 9,2% с целью незаконного оборота наркотических средств – 47,1 тыс. (+90,7%)[1].

Обращает на себя внимание и рост незаконного оборота наркотиков с использованием информационно-телекоммуникационных технологий.

В криминологии социальные условия, дезорганизующие жизнь общества, называются аномией. Исходя из теории аномии, следует, что «преступление – это способ преодоления разрыва между желаниями индивида и возможностями осуществить их»[2]. Так, в условиях COVID-19 лицам, участвующим в незаконном обороте наркотиков, стало гораздо труднее получить определенные виды наркотических средств и психотропных веществ. В связи с этим наркоманы пытаются получить свои препараты альтернативными методами, которые увеличивают социальное дистанцирование и соответственно увеличивают незаконный оборот наркотиков в информационном пространстве[3].

Как следствие законодатель все в большее количество норм включает квалифицирующий признак: совершение преступления «с использованием средств массовой информации или электронных, или информационно-телекоммуникационных сетей (включая сеть «Интернет»)». Наличие данного признака в настоящее время отягчает ответственность, например, за незаконный оборот наркотиков, в том числе их сбыт (п. «б» ч. 2 ст. 228[1] УК РФ). Федеральным законом от 24 февраля 2021 г. № 25-ФЗ часть 2 ст. 230 УК РФ, предусматривающая ответственность за склонение к потреблению наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, дополнена пунктом «д»: совершение преступления «с использованием информационно-телекоммуникационных сетей (включая сеть «Интернет»)».

Сказанное позволяет заключить, что период неблагоприятных событий, в том числе распространения COVID-19, существенно влияет на качество совершаемых преступлений. В частности, это сказалось на существенном росте экономических преступлений, совершаемых с использованием компьютерных технологий и средств мобильной связи. Очевидно, что после снятия всех карантинных мер, преступники продолжат совер-

---

[1] Состояние преступности в России за январь-декабрь 2020 года. М.: ГИАЦ МВД России, 2021. С. 4.

[2] Фокс В. Введение в криминологию / под ред. Б.С. Никифорова, В.М. Когана; пер. с англ. Л.А. Нежинской, М.А. Тумановой. М.: Прогресс, 1980. 121, 131.

[3] Иванцов С.В., Молчанова Т.В. Информационно-телекоммуникационные технологии – современная реальность преступности // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2020. № 4 (88). С. 94. DOI: 10.35750/2071-8284-2020-4-89-96

шенствовать схемы совершения общественно опасных деяний с использованием IT-технологий. Реагирование законодателя на такую ситуацию путем внесения соответствующих изменений в уголовное законодательство представляется недостаточным, требуется системная работа по выработке методов раскрытия и расследования таких преступлений, а также мероприятий по их профилактике и предупреждению.

***Т.П. Афонченко**, канд. юрид. наук,*
проректор по воспитательной работе учреждения образования
«Белорусский торгово-экономический университет
потребительской кооперации»

МЕРЫ УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ В НАЦИОНАЛЬНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Современная синергетическая парадигма уголовно-правового знания ставит под сомнение представление о социальном контроле и формах его проявления как о статическом порядке, реализующемся в его внутренней организованности и во внешней направленности на дисциплинирование социума, допускает существование уголовно-правового беспорядка и позволяет рассмотреть в связи с этим реализуемые меры социального контроля и уголовно-правового воздействия на лицо в динамике и развитии, а значит, иначе оценить легитимность уголовно-правовых норм на фоне таких отмечаемых социальных последствий уголовно-правового регулирования, как усиление скептицизма при оценке результативности уголовно-правового воздействия, фоновое пассивное игнорирование правопослушного поведения, снижение либо утрата доверия к действующей правовой системе, двойственность социальных стандартов, рост аутоагрессии. Уровень развития уголовно-правовых систем защиты общества от преступных проявлений требует определения феномена уголовно-правового воздействия как специфического института социального контроля и нейтрализации деяний преступного характера, связанных с виновным или невиновным (вследствие психической или возрастной невменяемости субъекта) их совершением.

На рубеже XIX-XX вв. Ф. Лист утверждал о первостепенности реформирования системы наказания и его исполнения, поскольку общество признается состоятельным в плане возможности устранения (снижения) интенсивности противоправной мотивации и трансформации ее в мотивацию социально значимую и полезную, в том числе посредством исполне-

ния наказания[1]. При этом наказание не должно рассматриваться в качестве единственного либо самого совершенного средства в противодействии преступности, а является лишь звеном в цепи используемых средств. Еще более радикально в этом направлении высказался И. Бентам, утверждая, что «… всякое наказание есть само по себе зло… оно должно быть допустимо только в той степени, насколько оно обещает устранить какое-нибудь большее зло»[2], то есть применение уголовно-правового воздействия в какой бы то ни было форме допустимо в целях преодоления более значимых противоправных проявлений. Н.С. Таганцев настаивал на ограниченном функционале средств уголовно-правового воздействия, поскольку, например, облекаемая в форму наказания «… карательная деятельность государства, относящаяся прежде всего к совершившимся преступным деяниям, не может быть включена в предупредительную правоохранительную деятельность…»[3]. Современные российские авторы А.И. Чучаева и А.П. Фирсова определяют функциональную и содержательную сущность уголовно-правового воздействия как ответную реакцию государства на содеянное преступником или невменяемым лицом[4].

Отметим, что уголовно-правовой инструментарий представляет сложный разноуровневый социально-правовой механизм защитной публично организуемой реакции общества на поведение запретно-преступного характера в виде постулируемого применения мер воздействия, обусловленных криминальной природой совершения запретного деяния. Иными словами, в самом широком понимании, меры реагирования на уголовно правонарушающее деяние и есть система мер (институт) уголовно-правового воздействия.

Очевидно, что уголовно-правовые меры в любом их выражении, выступая наиболее жестким средством, которое применяет социумом для обеспечения правопослушного поведения, достаточно разнообразны. Иными словами, ошибочным было бы ограничивать внутренний смысл и содержание уголовно-правового воздействия карой и ее применением в форме уголовного наказания.

Уголовно-правовое воздействие в современных условиях должно отражать инновационные подходы взаимодействия публичных структур и индивида, а значит, призвано не только и не столько устрашать социум, а,

---

[1] Лист, Ф. Задачи уголовной политики. Преступление как социально-патологическое явление / Ф. Лист / Сост. и предисл. В.С. Овчинского. М.: ИНФРА-М, 2004. С. 3-10.

[2] Бентам, И. Введение в основания нравственности и законодательства / И. Бентам. М.: РОССПЭН, 1998. С. 221.

[3] Таганцев, Н.С. Русское уголовное право. Лекции: Часть общая: В 2-х т. / Н.С. Таганцев; сост. и отв. ред. Н.И. Загородников. Т.2. М.: Наука, 1994. С. 35-36.

[4] Чучаев, А.И. Уголовно-правовое воздействие: понятие, объект, механизм, классификация: монография / А.И. Чучаев, А.П. Фирсова. М.: Проспект, 2014. С. 54-55.

по справедливому утверждению О.П. Алесандровой, Л.Ю. Будановой, фактически оценивать, какие запретительные меры необходимы, чтобы стабилизировать обстановку в обществе, находящемся на определенном этапе развития, а также предотвратить сохранение мер, которые в настоящее время являются излишними[1].

Отмеченное выше свойство разнообразия внешнего выражения и внутреннего содержания, имманентно присущее мерам уголовно-правового воздействия, логично находится в дискурсе требования обеспечения индивидуального подхода к лицам, виновным в совершении преступления. В национальном законодательстве Республики Беларусь легальную регламентацию получили как традиционные так называемые репрессивные меры уголовно-правового воздействия (наказательный, санкционный механизм), так и меры безопасности, контрольно-надзорные меры, а также отчасти – восстановительные меры. К последним представляется возможным отнести закрепленные в Уголовном кодексе Республики Беларусь (далее по тексту – УК) в рамках так называемых иных мер уголовной ответственности (осуждение с отсрочкой исполнения наказания, осуждение с условным неприменением наказания, осуждение без назначения наказания и других) обязанности устроиться на работу, учебу, принести извинение потерпевшему, пройти курс лечения хронического алкоголизма, наркомании, токсикомании, венерического заболевания. По своей сути, лишенные карательного аспекта, указанные обязанности подкрепляются актуализированной угрозой реального исполнения наказания в случае их нарушения, а значит, также имеют черты уголовно-правового воздействия. Системное понимание и регулирование уголовно-правового воздействия в законодательстве Республики Беларусь позволяет включать в его предметную сферу и иные, трансформируемые или вновь вводимые на легальном уровне институты. Так, например, в качестве уголовно-правовой меры безопасности вещественно-имущественного характера выступает так называемая специальная конфискация (ст. 46-1 УК)[2].

---

[1] Александрова, О.П. Некоторые вопросы по исполнению приговора при уклонении осужденного от отбывания наказания без изоляции от общества / О.П. Александрова, Л.Ю. Буданова // Криминалистическое обеспечение расследования преступлений: проблемы, перспективы и инновации: материалы Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 45-летию каф. криминалистики юрид. фак. БГУ, Минск, 12-13 окт. 2017 г. / БГУ; редкол.: В.Б. Шабанов (отв. ред.) [и др.]. Минск: Изд. центр БГУ, 2017. С. 172.

[2] Хомич, В.М. Специальная конфискация, или что изменилось и должно измениться в системе деятельности уголовной юстиции / В.М. Хомич // Деятельность правоохранительных органов на современном этапе: наука, образование, практика : сб. статей / Акад. упр. при Президенте Респ. Беларусь; редкол. Т.А. Савчук (отв. ред.) [и др.]. Минск: Акад. управления при Президенте Респ. Беларусь, 2020. С. 14.

Важным звеном рассматриваемой системы мер потенциально способно стать уголовно-правовое воздействие, реализуемое в форме постпенального контроля на основе режима судимости, и соответственно, в его пределах. По характеру подобное воздействие имеет признаки как контрольнадзорных, так и восстановительных мер.

При освобождении после отбывания уголовного наказания, и в особенности, длительных сроков лишения свободы, осуществление постпенального контроля за осужденным (или, как удачно предлагается А.И. Абатуровым, постпенитенциарного сопровождения в целях обеспечения постпенитенциарной безопасности как элемента национальной безопаснсоти государства[1]) позволяет усилить ресоциализационную составляющую режима осуждения, который продолжается известное время после отбытия наказания. Меры, обусловленные реализацией постпенального контроля в форме профилактического наблюдения (ст. 81 УК) и превентивного надзора (ст. 80 УК), могут и должны способствовать укреплению социально полезных связей данного лица (с семьей, по месту работы, в ином социальном окружении), ускорить его адаптацию в обществе (что особенно важно после отбывания длительных сроков лишения свободы), предостеречь от возобновления прежних нежелательных связей, и в конечном итоге – предупредить совершение новых преступлений.

Говоря о систематизации уголовно-правового воздействия, А.Э. Саркисова в систему мер, составляющих уголовно-правовое воздействие, включает следующие: 1) меры уголовной ответственности; 2) меры профилактического воздействия; 3) иные меры уголовно-правового характера; 4) принудительные меры безопасности и лечения[2]. Нельзя не заметить, что указанная систематизация мер уголовно-правового воздействия построена исходя из признака их нормативности, не учитывая их содержательную составляющую. По нашему мнению, исходной основой систематизации мер уголовно-правового воздействия с позиций уголовного закона актуально их деление на меры: а) реализуемые в рамках уголовной ответственности для обеспечения достижения ее целей как базовой функции уголовного права; б)

---

[1] Абатуров, А.И. Постпенитенциарная безопасность как часть национальной безопасности / А.И. Абатуров // Обеспечение национальной безопасности – приоритетное направление уголовно-правовой, криминологической и уголовно-исполнительной политики: матер. XI Российск. Конгресса уголовного права, посвященного памяти доктора юридических наук, профессора В.С. Комиссарова, г. Москва, 31 мая – 1 июня 2018 г. С. 484-486.

[2] Саркисова, Э.А. Теоретические основы уголовно-правового воздействия / Э.А. Саркисова // Актуальные проблемы совершенствования уголовного законодательства Республики Беларусь на современном этапе: сб. науч. ст. / Э.А. Саркисова [и др.]; под ред. Д.В. Шаблинской. Минск: Бизнесофсет, 2016. – Вып. 2-й, посвящ. 80-летию проф. Э.А. Саркисовой. С. 11-30.

реализуемые вне рамок уголовной ответственности в качестве реакции уголовного права на девиантно-преступное поведение (меры безопасности); в) меры воздействия на потенциально уголовно наказуемое, но невиновное поведение человека (принудительные меры безопасности и лечения). Допускается сопряженность указанных групп мер. Например, при реализации уголовной ответственности в отношении лиц, совершивших преступление в состоянии уменьшенной вменяемости, либо страдающих хроническим алкоголизмом или наркоманией, возможно применение принудительных мер безопасности и лечения.

И.А. Журавков
адвокат Санкт-Петербургской коллегии адвокатов «Юстум»

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ СОДЕЙСТВИЯ ПОДОЗРЕВАЕМОГО, ОБВИНЯЕМОГО РАССЛЕДОВАНИЮ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Иногда в ходе расследования преступлений подозреваемые, обвиняемые готовы оказать содействие расследованию как совершенного ими преступлений, так и совершенного общественно опасного деяния иными соучастниками, о которых правоохранительным органам может быть неизвестно.

Такое содействие в юридической литературе рассматривается с различных точек зрения: с уголовно-правовой (возможность уменьшения размера наказания, выбора судьей альтернативных видов наказаний, не связанных с лишением свободы и т.д.), процессуальной (рассмотрение ходатайства о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве, решение вопроса о прекращении уголовного дела в связи с деятельным раскаянием), криминалистической (построение следственных версий, выбор тактики производства следственных действий, методики работы следователя по всестороннему, полному, объективному расследованию), оперативно-розыскной (выбор оперативно-розыскного мероприятия, формы взаимодействия со следователем) и криминологической (проработка профилактических мер и определение наиболее эффективных видов наказаний, ресоциализация осужденных).

В действующем Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации (далее УПК РФ) содержится более 170 норм, предусматривающих согласительные процедуры[1], одной из таких является заключение до-

[1] Темукуев И.И. Досудебное соглашение о сотрудничестве как форма согласительной процедуры в Российском уголовном процессе // Электронный научный журнал «Наукосфера». 2017. № 3. С. 11.

судебного соглашения о сотрудничестве, включенная Федеральным законом от 29.06.2009 года № 141-ФЗ. Причиной введения такой процедуры явилась необходимость противодействия организованной преступности в России и положительный зарубежный опыт в борьбе с преступностью «сделок о признании вины»[1].

Актуальность рассмотрения института не теряет своей степени уже более 10 лет.

Правдивость даваемых показаний, желание возместить ущерб, участие в следственных действиях, своевременная явка к следователю сказываются на быстроте расследования, приводят к возникновению бесконфликтных следственных ситуаций. Так, за 2020 год в особом порядке, предусматривающем признание обвиняемым своей вины, осудили 83% фигурантов, в общем 66%[2]. По данным Судебного Департамента при Верховном Суде РФ в особом порядке в связи с заключением досудебного соглашения о сотрудничестве рассматривалось: в 2017 году – 4391 дело; в 2018 году – 3614 дел; в 2019 году – 3009 дел.

Рассмотрим криминалистическое значение содействия обвиняемого предварительному расследованию.

Мотивы содействия лица расследованию преступления различные и подлежат тщательному изучению органами уголовного преследования. Выявление истинных причин содействия поможет тактически правильно провести следственное действие, своевременно принять меры к закреплению следов преступления.

Изучение материалов уголовных дел, личный опыт работы адвокатом, позволяет согласиться с мнением С.В. Лаврухина[3], который выделяет следующие мотивы содействия:

- самобичевание, раскаяние в содеянном, желание возместить вред потерпевшему;

---

[1] Lesnikov G.YU. Institute of Plea Bargain: Features of legal regulation // Journal of Politics and Law. 2017. № 4. Том. 10. С. 189-191; Иваньшина А.Э. Принципы стимулирования обвиняемого к добровольному признанию своей вины, вытекающие из сделки о признании по законодательству США // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2019. № 3 (37). С. 380-385; Зорин Р.Г., Соркин В.С. Реализация норм института досудебного соглашения о сотрудничестве в уголовном судопроизводстве Республики Беларусь и зарубежных стран // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2017. № 1(30). С. 50-54.

[2] Верховный Суд подвел итоги работы судов за 2020 год. Официальный сайт Верховного Суда Российской Федерации [Электронный ресурс] // https://www.vsrf.ru/press_center/mass_media/29651/ – дата обращения 01.03.2021.

[3] Лаврухин С.В. Поведение преступника как объект криминалистического моделирования. Саратов: Издательство ГОУ ВПО «Саратовская государственная академия права», 2005. С. 246; Францифоров Ю.В., Лаврухин С.В. Содействие подозреваемого и обвиняемого расследованию преступлений // Публичное и частное право. 2019. № 3(43). С. 105.

- осознанное признание вины за несовершенное преступление (самооговор);

- страх перед соучастниками, которые с помощью угроз, шантажа, насилия пытаются переложить на подозреваемого всю вину в совершении общественно опасного деяния (это характерно при задержании на месте совершения преступления лишь одного из соисполнителей, либо в ситуации когда задержаны несколько лиц по подозрению в совершении преступления, но доказать вину удается лишь в отношении одного, например, у которого обнаружены явные следы преступления, наличие обстоятельств, при которых будет принято решение о смягчении или исключении наказания, в том числе в силу состояния здоровья, амнистии и т.д.);

- боязнь уголовной ответственности, стремление получить наказание, не связанное с изоляцией от общества.

Несмотря на множество различных причин, содействие должно быть тщательно изучено должностным лицом, в производстве которого находится уголовное дело, чтобы опровергнуть вывод, сделанный Американским институтом по изучению проблем правосудия: «Ценность «сделки о признании вины» обратно пропорциональна вероятности обвинительного приговора»[1].

Качество расследования, действительно, выше, если все участники являются по первому требованию, дают развернутые правдивые показания, помогают установить механизм совершения преступления и принимают меры, направленные на возмещение вреда. Но, иногда, участник лишь делает вид о готовности содействовать (мнимое содействие). Это помогает преступнику лучше узнать картину места происшествия. Например, при совершении хищения из жилища, несовершеннолетний стоял на лестничной площадке и должен был подать знак в случае, если кто-либо из жильцов зайдет в подъезд. В квартиру несовершеннолетний не проникал, обстановку в квартире знает со слов иных соучастников. В ходе расследования всю вину такой участник брал на себя, но он лишь давал детальные показания по маршруту следования и обратно, вскользь упоминая обстановку места происшествия. В ходе допроса подозреваемого он давал показания и неоднократно указывал на то, что раскаивается, готов подтвердить показания на месте преступления. Не выяснив истинную причину желания оказаться на месте происшествия, следователь принял решение о проверке показаний на месте, тем самым обеспечив демонстрацию жилища, в котором была совершена кража. После этого показания обви-

---

[1] Махов В.Н., Пешков М.А. Уголовный процесс США (досудебные стадии): учебное пособие. М.: Интел-Синтез, 1998. – С. 176; Новиков С.А. Показания обвиняемого в современном уголовном процессе. СПб: Издательский Дом С.-Петерб. Гос. Ун-та, Издательство юридического факультета С.-Петерб. Гос. Ун-та, 2004. С. 169.

няемого уже были более утвердительными, а участник вел себя на допросе более уверенно.

В УПК РФ предусмотрена возможность высказать желание заключения соглашения о сотрудничестве на любом этапе расследования (до объявления об окончании предварительного расследования (ст. 317.1 УПК РФ). Следователь, дознаватель обязаны разъяснить участнику не только право не свидетельствовать против себя самого, супруга и близких родственников, но также раскрыть важность правдивых показаний при решении вопроса о наличии смягчающих обстоятельств, в том числе в обязательном порядке уменьшающих размер максимально допустимого за это преступление наказания.

Для криминалистики важно установление картины не только подготовки и совершения преступления, но также и поведение лица после совершения общественно опасного деяния, в том числе в ходе его расследования, осуждения лица и отбывания наказания. Мы согласны с авторами, которые придают большое значение поведению в том числе после осуждения, в процессе отбывания наказания (пенитенциарное поведение), а также его постпенитенциарному поведению[1].

Анализ содействия расследованию подозреваемого или обвиняемого позволил выделить следующее криминалистическое значение такого содействия:

- помощь в построении версий и определении последовательности проведения следственных действий;
- уменьшение количества следственных действий в конфликтной ситуации;
- своевременное принятие мер безопасности к отдельным участникам (были случаи, когда желание содействовать высказывалось на заключительном этапе расследования, реальная угроза жизни или здоровью возникала непосредственно после ознакомления с материалами уголовного дела, но оперативно следователь не мог отреагировать на ситуацию, требующую максимально быстрого принятия решения о применении мер безопасности, так как уголовное дело было уже направлено с обвинительным заключением прокурору);
- уменьшение объема работы следователя, дознавателя по принятию процессуальных решений (например, привод, денежное взыскание, замена ранее избранной меры пресечения и т.п.);
- перспектива рассмотрения уголовного дела в особом порядке (при наличии соответствующих оснований и условий).

Таким образом, под содействием подозреваемого или обвиняемого расследованию преступления понимаем систему заинтересованных доб-

---

[1] Николайченко В.В. Пенитенциарные и постпенитенциарные преступления как объект криминалистического исследования. Ч.1 / Под ред. В.И. Комиссарова. Саратов, 2005.

ровольных действий указанного лица, имеющих мотив (внутреннее побуждение) и цель – оказание помощи в раскрытии и расследовании преступления, влекущее уменьшение максимально предусмотренного за совершенное преступление наказания либо снисхождение по отношению к такому подозреваемому или обвиняемому.

Р.В. Закомолдин, *канд. юрид. наук, доцент*
доцент кафедры уголовного права и процесса
Тольяттинского государственного университета
В.К. Дуюнов, *д-р. юрид. наук, профессор,*
профессор кафедры уголовного права и процесса
Тольяттинского государственного университета

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ КАК ЭЛЕМЕНТ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ И ОБЪЕКТ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ОХРАНЫ*

В ч. 1 ст. 2 УК РФ перечислены уголовно-охраняемые блага – «права и свободы человека и гражданина, собственность, общественный порядок и общественную безопасность, окружающую природную среду, конституционный строй Российской Федерации». С учетом воспринятой четырехзвенной вертикальной классификации объекта уголовно-правовой охраны данные блага представляют его родовую и видовую разновидности. Вместе с тем, несмотря на общепринятую сегодня четырехуровневую классификацию объекта уголовно-правовой охраны, в доктрине уголовного права имеет место ряд спорных и неоднозначных вопросов. В связи с этим весьма актуальной остается проблема выстраивания системы Особенной части уголовного закона.

В этой связи ключевой является категория объекта уголовно-правовой охраны, которая тесно взаимосвязана с охранительной деятельностью государства в целом и с охранительной функцией уголовного права в частности[1].

---

* Статья выполнена в рамках гранта Российского Фонда Фундаментальных Исследований (РФФИ), проект № 20-011-00141 А «Уголовно-правовое воздействие как реакция государства на преступления и преступность и его роль в обеспечении национальной безопасности России».

[1] См., напр.: Новоселов, Г.П. Учение об объекте преступления. Методологические аспекты. М.: НОРМА, 2001. С. 17-43; Филимонов, В.Д. Охранительная функция уголовного права. СПб.: Изд. «Юридический центр Пресс», 2003. С. 16-39; Александров, В.В. Значение объекта преступления для эффективности уголовно-правового регулирования. // Эффективность уголовно-правового, криминологического и уголовно-исполнительного противодействия преступности: матер. XII Росс. конгресса уголовного права, 28-29 мая 2020 г., МГУ им. М.В. Ломоносова (заочно). М.: Юрлитинформ, 2020. С. 10-13.

В данном контексте необходимо различать категории «объект уголовно-правовой охраны» и «объект преступления»[1], поскольку они не тождественны[2], а различны по целому ряду характеристик (суть, значение, объём, время). Вместе с тем, их не следует и противопоставлять друг другу, они взаимосвязаны и взаимообусловлены.

Прежде всего, уголовное право в соответствии с выполняемой им охранительной функцией берет под свою охрану лишь наиболее значимые явления (блага). Соответственно, деяние не является преступным, если оно посягает на объект, находящийся под охраной уголовного закона. Объект уголовно-правовой охраны существует независимо от совершения на него преступного посягательства, а объект преступления имеет место только в случае совершения преступления. Таким образом, посягательство не является преступным, если его объект не находится под уголовно-правовой охраной.

Мы исходим из традиционного подхода, согласно которому объектом уголовно-правовой охраны и объектом преступления всегда выступают общественные отношения[3]. Однако подход к структуре общественных отношений (субъекты, объекты и содержание)[4], на наш взгляд, требует переосмысления и дополнения, поскольку не обеспечивает всестороннего отражения содержания и характера этого сложного, многогранного социального явления.

Так, Б.С. Никифоров отмечал, что «в состав общественных отношений могут входить и другие элементы, в частности «различного рода состояния…, как условия нормального функционирования общественных отношений»[5]. Несмотря на то, что данное мнение в свое время вызвало критику[6], оно заслуживает внимания и поддержки. Мы разделяем мнение, что общественные отношения включают в себя различные взаимосвязи и состояния[7].

---

[1] См.: Уголовное право России. Общая и Особенная части: Учебник / под ред. д-ра юрид. наук, проф. В.К. Дуюнова.- 6-е изд. М.: РИОР: ИНФРА-М, 2019. С. 4-9.

[2] См., напр.: Филимонов, В.Д. Охранительная функция уголовного права. С. 16.

[3] См., напр.: Филимонов, В.Д. Объект преступления и последствия преступления. // Уголовное право. 2010. № 3. С. 67; Мальцев, В.В. Понятие объекта преступления. // Уголовное право. 2011. № 2. С. 47.

[4] См., напр.: Филимонов, В.Д., Филимонов, О.В. Правоотношения. Уголовные правоотношения. Уголовно-исполнительные правоотношения. М.: «ЮрИнфоР-Пресс», 2007. С. 24.

[5] Никифоров, Б.С. Объект преступления по советскому уголовному праву. М.: Госюриздат, 1960. С. 29, 132.

[6] См., напр.: Кудрявцев, В.Н. Рецензия на работу Б.С. Никифорова «Объект преступления по советскому уголовному праву». // Правоведение. 1962. № 1. С. 171-174.

[7] См., напр.: Бикеев, И.И. Ответственность за незаконный оборот огнестрельного оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств: Автореф. дис…канд. юрид. наук: 12.00.08 / СамГУ. Самара, 2000. С. 11-12.

Таким образом, структура общественных отношений как объекта уголовно-правовой охраны включает в себя следующие элементы:

«1) *субъекты (участники)*: личность или определённые совокупности людей и создаваемые ими институты как носители определённого социального статуса, обладающие правами, свободами и обязанностями;

2) *содержание*: взаимоотношения субъектов путём реализации субъективных прав и выполнения субъективных обязанностей;

3) *объект и предмет*: нематериальные и материальные блага, по поводу которых субъекты вступают во взаимоотношения;

4) *определённые состояния*, как условия существования общественных отношений»[1].

Исключено прямое воздействие на общественные отношения, ибо они могут быть нарушены только посредством воздействия на отдельные элемент их структуры[2]. То есть всякое преступление гипотетически угрожает общественным отношениям, но объектом посягательства фактически становится один из их структурных элементов. Значит, любое преступление, в конечном итоге, посягает на общественные отношения[3].

В ч. 1 ст. 14 УК РФ в качестве признака преступления указана «общественная опасность». Несмотря на свою традиционность, такое решение само по себе весьма неоднозначно. Специалисты называют «устоявшимся парадоксом» то, что все преступления признаются общественно опасными независимо от их направленности против государственной, общественной или личной безопасности[4]. Более того, отдельные авторы полагают, что данный признак просто препятствует эффективности уголовного закона[5].

---

[1] Подробнее см.: Закомолдин Р.В. Обеспечение специальных правил и требований безопасности уголовно-правовыми средствами. М.: Юрлитинформ, 2017. С. 8-28.

[2] См., напр.: Глистин В.К. Проблема уголовно-правовой охраны общественных отношений. Л.: Изд. ЛГУ, 1979. С. 82.

[3] Подробнее об этом см.: Закомолдин Р.В., Дуюнов В.К. Об объекте правовой охраны в свете охранительной функции права. // Журнал Евразийского Союза Ученых. 2020. № 6(75). Т. 4. Юридические науки. С. 46-50.

[4] Подробнее см.: Иншаков С.М., Казакова В.А. Предпосылки обеспечения национальной безопасности в системе уголовно-правовой охраны // Российский следователь. 2017. № 8. С. 23-27; Кауфман М.А. О неопределенности категории «общественная опасность» и об опасности такой неопределенности. // Эффективность уголовно-правового, криминологического и уголовно-исполнительного противодействия преступности: матер. XII Росс. конгресса уголовного права; 28-29 мая 2020 г., МГУ им. М.В. Ломоносова (заочно). М.: Юрлитинформ, 2020. С. 89-93.

[5] Климов А.С. Общественная опасность как признак, «препятствующий» эффективности уголовного закона на современном этапе. // Эффективность уголовно-правового, криминологического и уголовно-исполнительного противодействия преступности: матер. XII Росс. конгресса уголовного права; 28-29 мая 2020 г., МГУ им. М.В. Ломоносова (заочно). М.: Юрлитинформ, 2020. С. 110-115.

Получается, что все преступления так или иначе посягают на общественную безопасность. Однако, в ч. 1 ст. 2 УК РФ общественная безопасность закреплена в качестве родового объекта, что подтверждается и разделом IX Особенной части УК, а в главе 24 УК она выступает в качестве видового объекта. Одна и та же категория выступает одновременно в трёх различных по объему и содержанию значениях – в качестве общего, родового и видового объекта.

Таким образом, законодателем порождена и нормативно закреплена неопределенность общего объекта уголовно-правовой охраны, что, в свою очередь, порождает проблему структуры и построения Особенной части УК[1].

В русском языке под безопасностью понимается «положение, при котором кому-либо или чему-либо не угрожает опасность»[2]. Нормативно в ст. 1 Закона РФ от 5 марта 1992 г. № 2446-1 «О безопасности»[3] безопасность определялась как «состояние защищённости жизненно важных интересов личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз».

Мы не согласны с авторами, которые считают неуместным рассматривать безопасность как состояние, мотивируя это тем, что в таком случае субъектам безопасности отводится роль пассивных наблюдателей[4]. В данном контексте речь идет о состоянии интересов субъектов безопасности, сами же носители этих интересов, будучи участниками общественных отношений, проявляют как активные, так и пассивные формы взаимодействия. Как справедливо отмечает А.Ф. Галузин, «безопасность не существует сама по себе, изолированно от деятельности субъектов – участников общественных отношений»[5].

В действующем Федеральном законе от 28 декабря 2010 г. № 390-ФЗ «О безопасности»[6] четкое определение безопасности отсутствует.

---

[1] Подробнее см.: Закомолдин Р.В. О тройственности понятия «общественная безопасность» в нормах действующего УК РФ // Проблемы российского законодательства: история и современность: матер. Межрегион. науч.-практ. конф. Тольятти, 31 янв.-1 февр. 2005 г. Самара: Изд. Самар. гуманит. акад., 2005. Ч. 2. С. 3-10.

[2] Словарь русского языка: в 4-х томах. Т. 1. А – И / Академия наук СССР, Ин-т русского языка / под ред. А.П. Евгеньевой.- 2-е изд., исправ. и доп. М.: Русский язык, 1981. С. 74.

[3] Российская газета. 1992. 6 мая.

[4] См.: Национальная безопасность Российской Федерации: проблемы укрепления государственно-правовых основ / Вишняков, В.Г., Андриченко Л.В. и др. // Журнал российского права. 2005. № 2. С. 7.

[5] Галузин А.Ф. Правовая безопасность и ее принципы. СПб.: Изд. «Юридический центр Пресс», 2008. С. 15.

[6] Собрание законодательства РФ. 2011. № 1. Ст. 2.

Законодатель лишь перечневым способом обозначает, что она включает государственную, общественную, личную и другие разновидности безопасности.

Таким образом, категория «безопасность» не ограничивается общественной безопасностью, последняя в связи с этим не может вместить в себя все признаки безопасности в целом. Соответственно, «безопасность» и «общественная безопасность» соотносятся как целое и часть.

Сказанное свидетельствует, что понятие «общественная безопасность» категорически не соответствует его использованию в УК РФ для обозначения общего объекта уголовно-правовой охраны и общего объекта всех преступлений.

Под общественной безопасностью следует понимать безопасность общества, поскольку она касается лишь интересов общества[1]. При этом она существует наряду с государственной и личной безопасностью, более того, эти явления взаимосвязаны и взаимообусловлены[2].

В связи с этим нужна более широкая по содержанию общая категория, которая объединила бы в себе все разновидности безопасности (безопасность личности, общества и государства) и в большей степени соответствовала бы роли общего объекта уголовно-правовой охраны и общего объекта преступлений. Мы предлагаем категорию «национальная безопасность», которая активно используется как в общей теории права, так и практически во всех отраслях права, в том числе многие специалисты уголовного права высказываются в пользу ее уголовно-правового значения[3]. Мы разделяем и поддерживаем такой подход.

Национальная безопасность – это социальное благо, которое может быть обеспечено только комплексным использованием всех имеющихся у государства ресурсов, средств и инструментов. Заслуживает внимания комплекс вопросов, связанных как с выявлением природы и доктринальным обоснованием, так и законодательным закреплением и практической реализацией как самого понятия национальной безопасности, так и системы правовых мер и средств по ее обеспечению. При этом особую роль в

---

[1] См., напр.: Гегамов А.Р. Общественная безопасность и общественный порядок как объекты уголовно-правовой охраны. // Здоровье населения – основа процветания России: Матер. X Юбилейной Всеросс. науч.-практ. конф. с междунар. участием. Анапа: РГСУ, 2016. С. 53-54.

[2] Подробнее см.: Закомолдин Р.В. Дискуссионные вопросы учения об объекте уголовно-правовой охраны и общественной безопасности. // Вестник Волжского ун-та им. В.Н. Татищева. Сер. «Юриспруденция». 2001. Вып. 14. С. 118-127.

[3] См., напр.: Акимочкин В.И., Короленко И.И., Кравцов Д.Н. Относительно определения национальной безопасности России как объекта уголовно-правовой охраны // Российский следователь. 2018. № 3. С. 53-58.

системе правового обеспечения национальной безопасности играет уголовное право[1].

Термин *«национальная безопасность» (от англ. – «national security»)* появился и был введен в оборот сравнительно недавно – в начале XX века. Его авторство признается за 25-м Президентом США Теодором Рузвельтом, который ввел его в американский политический лексикон в 1904 году, употребив в своем обращении к Конгрессу США[2]. В 1947 году этот термин впервые получил нормативное закрепление и был легализован в правовой сфере[3]. Исходя из этого долгое время национальная безопасность рассматривалась лишь в контексте внешней политики, в связи с чем она отождествлялась с понятиями «государственная безопасность» и «военная безопасность». Это было обосновано рядом объективных и субъективных причин и факторов. Прежде всего, это было связано с определенным историческим периодом, когда на первое место ставились внешние угрозы и, как следствие, обеспечение внешней безопасности, которая была связана с сохранением суверенитета и территориальной неприкосновенности государства. Сегодня многие авторы продолжают отождествлять понятия национальная и государственная безопасность, что представляется ошибочным, поскольку они исходят из примата государства и его интересов перед обществом и личностью и их интересами. Во главу угла они ставят интересы государства, связанные с его становлением и фактическим сохранением, обеспечением защиты его суверенитета и территориальной целостности, возможностью реагирования на потенциальные и реальные внешние угрозы[4]. Однако, как отмечает А.Б. Мельниченко, «с утверждением понятия «национальная безопасность» понятие «государственная безопасность» утратило свое изначальное широкое значение и может теперь употребляться только в узком значении, поскольку первое охватывает более широкий спектр общественных отношений и объединяет все разновидности безопасности»[5].

---

[1] Подробнее см.: Дуюнов В.К., Закомолдин Р.В. Уголовно-правовое воздействие в механизме обеспечения национальной безопасности: монография. М.: РИОР, 2020. С. 15-34.

[2] Подробнее см.: Петровский В. Доктрина «национальной безопасности» в глобальной стратегии США. М.: Междунар. отношения, 1980. С. 15.

[3] Подробнее см.: Минасян С. Мировой опыт принятия концепции национальной безопасности. // Информационно-аналитический журнал «21-й ВЕК». 2006. № 2(4).

[4] Закомолдин Р.В. О разграничении национальной, государственной и военной безопасности в контексте уголовно-правовой охраны. // Реакция государства на преступное поведение, уголовно-правовое воздействие и уголовная ответственность в системе мер обеспечения национальной безопасности: сб. матер. круглого стола, г. Тольятти, 24 нояб. 2020 г. / ред. колл.: В.К. Дуюнов, Р.В. Закомолдин; Ин-т права Тольяттинского гос. ун-та. Самара: САМАРАМА, 2020. С. 24-27.

[5] Мельниченко А.Б. Уголовно-правовые средства обеспечения национальной безопасности Российской Федерации: Автореф. дисс…докт. юрид. наук: 12.00.08 / Ростовский юридический ин-т МВД России. Ростов-на-Дону, 2009. С. 10, 22.

Сегодня важно понимать, что национальная безопасность не должна ограничиваться лишь интересами государства или вопросами обороны, поскольку такое узкое понимание национальной безопасности приводит к недооценке и игнорированию иных, не менее опасных, угроз. Как отмечают эксперты, новые подходы к обеспечению национальной безопасности исходят из более широкого круга вопросов социально-экономического характера[1], в связи с чем границы понятия национальной безопасности следует расширять как по субъектному составу (то есть включать в круг ее субъектов и государство, и общество, и личность), так и по охвату социальных сфер (история, культура, религия, экономика, политика, экология, оборона и пр.).

Представляется, что в основе категории «национальная безопасность» лежит триединство ключевых субъектов общественных отношений – государства, общества и личности. А потому данная категория распространяется на все социальные сферы, в которых данные субъекты взаимодействуют и реализуют свои интересы[2].

Сегодня легальное определение национальной безопасности сформулировано в п. 6 Стратегии национальной безопасности РФ, утвержденной Указом Президента РФ от 31 декабря 2015 г. № 683 [3]: «состояние защищенности личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз, при котором обеспечиваются реализация конституционных прав и свобод граждан Российской Федерации, достойные качество и уровень их жизни, суверенитет, независимость, государственная и территориальная целостность, устойчивое социально-экономическое развитие Российской Федерации». В связи с этим вполне закономерно, что в ст. 1 действующего Закона о безопасности 2010 г. понятия «национальная безопасность» и «безопасность» рассматриваются как синонимы.

В контексте понимания национальной безопасности как состояния общественных отношений, которое необходимо достигать, обеспечивать и охранять, уместно говорить об уголовно-правовой охране как национальной безопасности в целом, так и отдельных ее элементов (разновидностей)[4].

---

[1] Подробнее см., напр.: Фридман, Л. Новая политика великих держав. // Безопасность России: XXI век / перев. с англ. М.: «Права человека», 2000. С. 12-42.

[2] См., напр.: Кострова М.Б. Триада «личность, общество, государство» в стратегии национальной безопасности Российской Федерации в современной уголовно-правовой политике. // Обеспечение национальной безопасности – приоритетное направление уголовно-правовой, криминологической и уголовно-исполнительной политики: матер. XI Росс. Конгресса уголовного права, 31 мая – 1 июня 2018 г. М.: Юрлитинформ, 2018. С. 135-138.

[3] Российская газета. 2015. 31 декабря.

[4] Подробнее см.: Дуюнов В.К., Закомолдин Р.В. Уголовно-правовое воздействие в механизме обеспечения национальной безопасности: монография. С. 74-108.

Одной из разновидностей национальной безопасности, выделяемой по кругу охватываемых социальных сфер (в частности, сфере экономики), является экономическая безопасность[1].

В Стратегии экономической безопасности РФ, утвержденной Указом Президента РФ от 13 мая 2017 г. № 208 [2] *экономическая безопасность* определяется как «состояние защищенности национальной экономики от внешних и внутренних угроз, при котором обеспечивается экономический суверенитет государства, единство его экономического пространства, условия для реализации стратегических национальных приоритетов» (пп. 1 п. 7 Стратегии), а *интересы безопасности в экономической сфере* – «объективно значимые экономические потребности страны, удовлетворение которых обеспечивает реализацию стратегических национальных приоритетов» (пп. 3 п. 7 Стратегии).

Таким образом в качестве родового объекта уголовно-правовой охраны и преступных посягательств выступает не сфера экономики как таковая, а состояние безопасности в экономической сфере, то есть экономическая безопасность. Именно такое указание в наименовании раздела VIII УК будет способствовать более точному отражению направленности и сути соответствующей разновидности преступлений. А наиболее значимые интересы в экономической сфере выступают в качестве видовых объектов: собственность (гл. 21 УК), экономическая деятельность (гл. 22 УК), интересы службы в коммерческих и иных организациях (гл. 23 УК).

В итоге, именно национальную безопасность следует рассматривать в качестве общего объекта уголовно-правовой охраны и, в конечном итоге, общего объекта любого преступления, а экономическую безопасность как ее элемент (разновидность) – родового объекта уголовно-правовой охраны и преступных посягательств. В связи с этим необходимо приведение УК РФ в соответствие с нормами действующего законодательства о безопасности, обеспечив тем самым необходимую, по нашему твердому убеждению, системность уголовного законодательства[3]. В частности, уместно внести соответствующие изменения в редакцию ч. 1 ст. 2 и в наименование раздела VIII УК РФ. Это в целом будет способствовать

---

[1] См., напр.: Никитина Л.К., Хохлова О.М. Законодательное обеспечение национальной безопасности современной России. // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2018. № 4(87). С. 57-61; Липинский Д.А., Мусаткина А.А. Социальная и гуманистическая направленность в стратегиях национальной безопасности России и Германии: сравнительный политико-правовой анализ // Сравнительная политика. 2019. Т. 10. № 3. С. 60.

[2] Собрание законодательства РФ. 2017. № 20. Ст. 2902.

[3] Подробнее см.: Дуюнов, В.К. Системность как необходимая предпосылка эффективности российского уголовного законодательства. // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия «Право». 2007. № 2. С. 56-59.

обеспечению эффективности уголовно-правовой охраны экономической безопасности и уголовно-правового воздействия на экономическую преступность.

В.В. Ионашку, *доктор юрид. наук, доцент,*
заместитель декана «Факультета права, общественного порядка и гражданской безопасности» Академии «Штефан чел Маре»
МВД Республики Молдова
А.С. Фрунзэ, *аспирант Академии «Штефан чел Маре»*
МВД Республики Молдова

ПРИЧИНЫ НАСИЛЬСТВЕННОЙ ПРЕСТУПНОСТИ В СЕЛЬСКОЙ МЕСТНОСТИ

Исследование причин, условий и факторов преступного явления всегда было особенно важно в криминологической литературе в контексте принципа, в соответствии с которым для устранения эффекта должна быть установлена и устранена причина.

Криминологи считают, что комплексное исследование причинно-следственной связи на индивидуальном уровне позволяет организовывать мероприятия по эффективному предотвращению преступности, выявлению этапов криминализации лиц и разработку мер по индивидуальной профилактике, исправлению и перевоспитанию[1].

В специализированой литературе описываются различные подходы к аспекту определения различных причин и последствий. Так, исследователь Хогаш Д.Л.[2] анализирует проблему, связаную с тем, что преступное явление обусловлено факторами меньшей или большей сложности, группируя их в факторы, связанные с личностью индивидуума следующим образом:

- ✓ эндогенные факторы[3];
- ✓ экзогенные факторы[4];
- ✓ определение множественности причин[5].

---

[1] Гладки Г. Генеральная криминология, Издательство Museum., Кишинев, 2001. С. 90.
[2] Хогаш Д.Л., Предупреждение и наказание за насилие в семье в нарушение Правил уголовного права. 2010. С. 27.
[3] Петку М., Преступность, психосоциальные ориентиры. Издательский дом Dacia, Клуж Напока. 1999. С. 86.
[4] Петку М., Преступность, психосоциальные ориентиры. Издательский дом Dacia, Клуж Напока, 1999. С. 86-87.
[5] Чоклеи В., Мобильный в преступном поведении. Бухарест: Издательство All Beck, 1999. С. 97.

Исследователь Гладкий Г. не делает строгого разделения причин и условий, но считает их «набором факторов, определяющих принятие решения о совершении преступления и его осуществление»[1].

Российские авторы Ильяшенко А.Н.[2] и Шахов В.И.[3], не рассматривают определенного разделения между причинами, условиями и факторами преступности, называя их просто факторами.

Исследователь Ларий Ю. изучает проблему причинно-следственной связи в криминологии в свете чёткого разделения причин и условий или факторов, определяющих преступность. По его мнению, причины преступности определяются как «социальные явления и процессы, которые порождают и поддерживают существование преступности или вызывают его рост или падение»[4], а условиями или факторами являются те «обстоятельства, которые благоприятствуют совершению преступлений». Факторы не могу вызвать преступность, но могут содействовать в совершении преступлений.

Молдавский исследователь утверждает, что «оценка одних явлений как причин и других как условий имеет относительный характер, так как в различных ситуациях одно и то же явление может возникнуть как причина или как условие»[5].

В другом видении, причинность является формой взаимодействия между явлениями и процессами, будучи основным типом определения и представляет собой объективную, общую связь между двумя явлениями: причиной и следствием. Причинно-следственная связь изучается используя следующие концептуальные категории: «причина», «условие», «результат», соотношение «причина-результат»; причинно-следственная цепочка; причинно-следственная система; взаимосвязь между состоянием и причиной, состоянием и следствием; обратная связь между результатом и причиной или между результатом и условиями»[6].

В криминологических исследованиях выявлены все корреляционные зависимости между преступностью (преступным типом) и другими явлениями. Таким образом, устанавливаются все факторы (детерминанты),

---

[1] Гладки Г. Генеральная криминология. Кишинев: Издательство Museum, 2001. С. 93.

[2] Ильяшенко А.И., Противодействие насильственной преступности в семье: уголовно-правовые и криминологические аспекты: дис. … д-ра юрид. наук. 12.00.08. М., 2003. С. 321.

[3] Шахов В. И. Насилие в семье: уголовно-правовое и криминологическое значение. Удмуртский государственный университет, Ижевск, 2003. 197 с.

[4] Ларий Ю. Криминология. Кишинев, 2004. С. 26.

[5] Ларий Ю. Криминология. Кишинев, 2004. С. 26.

[6] Митрой К. Причины и условия преступления, связанного с убийством супруга или близкого родственника // Университетские юридические исследования. 2011. № 3-4(15-16). С. 214.

влияющие на преступность. Но этого недостаточно, поскольку таким образом не определяется, в каком соотношении находятся факторы с преступностью, типом преступника или конкретным преступлением, являются они основными причинами или только условиями и т.д.[1].

Причиной приступного феномена не является обычное суммирование причин всех конкретных преступлений. Она представляет собой совершенно новое качество.

В то же время нельзя противопоставлять мотивы конкретных преступлений причинам преступного явления. Некоторые авторы считают, что причиной преступности в целом является социально-психологическое явление, называемое социально-криминогенной мотивацией. Другие авторы утверждают, что, как правило, «преступление, как социальное явление, порождается причинами из области социального существования и из области общественного сознания, которые находятся в сложном и интенсивном взаимодействии». Таким образом, причины социального существования, а именно их экономическая основа, имеют решающее значение.

Другая категория авторов считает, что любое действие определяется конкретной причиной, Соответственно, существует настолько тесная связь между действием и эффектом, что они не могут существовать друг без друга. Условие не является обязательным. Оно может только способствовать или облегчить достижение результата. Даже если условие отсутствует, результат всегда наступает, при наличии причины. Данная связь между причиной и следствием, с одной стороны, и между условиями и результатом, с другой стороны, может помочь объяснить девиантное поведение человека для любой категории преступлений, в том числе и в случае совершения преступлений в сельской местности.

Исследуя криминологическую литературу, считаем что наиболее подходящий подход к изучению преступлений с использованием насилия в сельской местности, осуществляется некоторыми авторами[2], которые установили, что причины того или иного вида преступления должны оцениваться на следующих уровнях: обще-социальный, социально-психологический и индивидуальный.

Детерминанты преступности на обще-социальном уровне связаны с социальными процессами, происходящими в обществе в целом, прежде всего с макроэкономическими процессами, которые отражаются в образе жизни различных групп в зависимости от возраста, национальности, профессиональной деятельности и т.д. Деформации, которые происходят в

---

[1] Гладки Г. Генеральная криминология. Кишинев: Издательство Museum, 2001. С. 167.

[2] Прозументов Л.М., Шеслер А.В., Криминология (Общая часть): учебное пособие. Томск: Издательский дом Томского государственного университета, 2017. С. 146.

этих группах могут вызвать криминогенное влияние на человека в одном из следующих направлений:

- появление источников конфликтов;
- отклонение от норм и ценностей, принятых в обществе;
- снижение социально-позитивного контроля;
- невозможность законного достижения личных интересов и потребностей[1].

Большинство исследователей считают, что ***детерминантами преступности на обще-социальном уровне*** являются экономические явления, которые непосредственно обуславливают социальные, политические, и даже нравственные процессы в обществе[2].

Безработица. Сельская среда Республики Молдова предоставляет мало возможностей для трудоустройства, что приводит к низкому уровню занятости. Трудоустроиться в молдавской сельской местности гораздо сложнее чем в городских районах. Большая часть сельского населения занимается либо сельскохозяйственной деятельностью, в основном неформальной, либо заняты в государственном секторе (образование, здравоохранение, культура, социальная помощь). Большая доля по-прежнему задействована в сельском хозяйстве. В то же время такое положение дел напрямую определяет эмиграцию населения за пределы республики с целью трудоустройства.

Именно поэтому в настоящее время села Республики Молдова менее населены, и в них остаются люди, которые по большей части либо еще не достигли 16 лет, т.е. которые еще учатся, либо лица пенсионного возраста[3].

При таких обстоятельствах увеличение числа лиц, оставшихся без работы, или тех, кто не имеет постоянного заработка, объясняет увеличении числа правонарушителей, совершивших насильственные преступления, особенно в сельских районах[4].

Уровень жизни. Исследования уровня жизни в Республике Молдова показывают тревожные данные. 90 % работников утверждают, что зарплаты, которую они получают каждый месяц, недостаточно для их повседневной жизни.

---

[1] Бородин С.В., Кудрявцев В.Н., Кудрявцев Ю.В., Нерсесянц В.С., Социальные отклонения, – 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юрид. лит., 1989. С. 142.

[2] Бородин С.В., Кудрявцев В.Н., Кудрявцев Ю.В., Нерсесянц В.С., Социальные отклонения, – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Юрид. лит., 1989. С. 150.

[3] Нирян Е., Бужор Т., Занятость в сельских районах Республики Молдова и дестабилизирующие факторы // STUDI A UNIVERSITATIS MOL-DAVIAE. 2019. № 2(122). С. 83.

[4]Ларий Ю. и др. Насильственные преступления в Республике Молдова: Генеральние тенденции, причины и условия, Академия «Штефан чел Маре», Кишинев, 2018. С. 13.

В сельских районах ситуация является сложной по сравнению с положением в городских районах. В районах страны средняя зарплата составляет около 5 тысяч леев, сумма, которая не может обеспечить основные условия жизни. Значительная часть сельского населения живет в старых домах, наследуя их от родственников, не будучи в состоянии приобрести или построить новое жильё. С имеющимся уровнем доходов реально обеспечить себя только продовольственными товарами.

Помимо нищеты, которая подталкивает человека к совершению преступлений, добавляется стремление к обогащению или лучшей жизни, что приводит к преступности большего числа людей.

Наряду с безработицей существуют и другие факторы, такие, как ограниченная занятость, сезонная занятость, частичная безработица, инфляция, которые нарушают экономический баланс семьи, разрушая долгосрочные сбережения за короткое время[1].

Считается что социальная среда является частью социально-психологических детерминант преступности, что подразумевает криминогенное воздействие на лиц со стороны таких социальных групп, как семья, школа, круг друзей, средства массовой информации и т.д.

Исследователи считают, что семья может непосредственно влиять на антиобщественное поведение людей, а также создавать условия для возникновения риска виктимизации.

Насилие в семье. С виктимогенной точки зрения, считается что в агрессивной семье устанавливается самый высокий виктимологический потенциал. Самый агрессивный человек в семье часто становится «жертвой» других членов наддой группы, поскольку они ассоциируют себя с ним из-за несовместимости установленного режима террора. Существует также много ситуаций, когда потенциально агрессивные люди устанавливают подобную тенденцию и виктимизируют других членов семейной группы.

Безнравственная семья. Другим типом виртуальной виктимогенной семейной группы является развратная семья, которая не основана на минимальных моральных правилах. Безнравственная семейная среда имеет высокий виктимогенный потенциал, поскольку члены группы, не руководствуясь правилами приличия, виктимизируют других членов своей группы. К таким преступлениям относятся: проституция, торговля людьми, шантаж, изнасилование, сексуальная коррупция, телесные повреждения, убийства и т.д.

Дезорганизованная семья. Отсутствие лидера в некоторых семьях так же вредно, как и присутствие в семье «диктатора» или «деспота». Распад семьи может быть обусловлен самыми разнообразными причинами, среди

---

[1] Pinatel J., Troite de droit et de criminology, том III. Париж. С. 315.

которых необходимо упомянуть, помимо отсутствия лидера, существование несправедливого или неавторитетного лидера, который не в состоянии поддерживать семейную гармонию. В то же время, любые нарушения в структуре семьи имеют важное влияние на ребенка как в его адаптации в обществе, так и в формировании его личности[1].

Уровень школьного образования. С момента рождения индивидуума он изучает окружающий мир. Считается, что ребенок постепенно социализируется в своей семье, затем в школе, а затем в профессиональных отношениях.

Преступники и нарушители, в подавляющем большинстве, имеют низкий уровень образования и культуры[2].

Существует мнение, что уровень интеллектуальности обратно пропорционален возможности адаптации антиобщественного и насильственного поведения[3].

Свободное время. Свободное время означает, как правило, время, доступное человеку после того, как он выполнил свои семейные, школьные, профессиональные и другие обязательства, которое он использует в соответствии со своими реальными пожеланиями и наклонностями.

В Республике Молдова очень мало возможностей и условий для организации конструктивного досуга. В таких условиях люди, особенно с ограниченными финансовыми ресурсами, вынуждены проводить свободное время, играя в азартные игры, посещать сауны, активно потреблять алкогольные напитки, собираясь группами, чрезмерно использовать Интернет и т.д. Все эти способы досуга способствуют возникновению факторов насильственной преступности. В Республике Молдова реализуется очень мало социальных проектов для отдыха, и власти в меньшей степени озабочены продвижением инновационной и творческой деятельности с целью социальной интеграции своего народа.

Средства массовой информации. При совершении насильственных действий негативное влияние средств массовой информации возрастает, при этом преступники все чаще черпают «полезную» для них информацию, в качестве метода работы, из Интернета, из видеофильмов и т.д. Данный факт особенно очевиден среди молодых правонарушителей.

---

[1] Амза Т., Теоретическая криминология. Университет Николае Титулеску. Бухарест: Издательство Lumina Lex, 2000. С. 210.

[2] Ларий Ю. и другие, Насильственные преступления в Республике Молдова: Генеральние тенденции, причины и условия. Академия «Штефан чел Маре». Кишинев, 2018, стр. 23.

[3] Ильяшенко А.И., Противодействие насильственной преступности в семье: уголовно-правовые и криминологические аспекты: дис. … д-ра юрид. наук. 12.00.08. М., 2003. С. 228.

Исследования выявили влияние, часто негативное, оказываемое средствами массовой информации.

Детерминанты преступности на индивидуальном уровне вытекают из специфического преступного поведения, обусловленного взаимодействием антиобщественных черт личности и ситуации совершёного преступления[1]. Антисоциальные черты личности, особенно криминогенная мотивация, являются причиной преступного поведения, так как мотивация является основным источником деятельности человека.

Внезапное и чрезмерное снижение уровня жизни вызывает эмоциональную нестабильность среди населения. Некоторые исследования показали, что высокий уровень безработицы и отсутствие постоянного заработка приводит к нестабильному социально-психологическому состоянию в обществе, атмосфере неопределенности, непредсказуемому способу существования и актам самовольности[2].

В связи с этим возникает особая мотивация к поведению индивида, которая ориентируется, в частности, на саморазрешении личных проблем, что приводит к защите своих личных интересов любым способом[3].

Злоупотребление алкоголем. Определяющая роль злоупотребления алкоголем в случаях насильственной преступности в сельской местности обусловлена негативным влиянием на психику, интеллект, эмоции, волю, поведенческую мотивацию обидчика, что является субъективными причинами и мотивами преступного поведения.

Человек, находясь в состоянии алкогольного опьянения, теряет способность адекватно воспринимать окружающую среду, людей и их действия. В таких ситуациях нарушители теряют способность к самоконтролю, становятся непослушными и грубыми.

Это исследование позволяет «нарисовать картину» основных детерминантов насильственной преступности в сельской местности Республики Молдова, которые могут служить источником получения знаний фундаментального характера для различных специалистов в данной области или для будущих специалистов.

В то же время выявление детерминантов насильственной преступности в сельской местности позволит лицам, заинтересованным в исследовании данного явления, выявлять и объяснять девиантное поведение отдельных лиц из сельских районов по отношению к установленной

---

[1] Кудрявцев В.Н. Правовое поведение: норма и патология. М., 1982. С. 180–82; Филимонов В.Д. Генезис преступления. М., 2017. С. 36–37.

[2] Долгова А. И., Криминология. Учебник для вузов.М.: издательство НОРМА, 2001. С. 449.

[3] Долгова А. И., Криминология. Учебник для вузов.М.: издательство НОРМА, 2001. С. 452.

причинно-следственной системе, а затем принимать определенные эффективные меры по предотвращению этого вида преступности на раннем этапе.

А.К. Клименко, *старший преподаватель*
кафедры общеправовых дисциплин
Дальневосточного юридического института МВД России

РЕГЛАМЕНТАЦИЯ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ХИЩЕНИЯ В ЦИФРОВОЙ СРЕДЕ БЕЗНАЛИЧНЫХ И ЭЛЕКТРОННЫХ ДЕНЕЖНЫХ СРЕДСТВ ПО УК РФ

Использование информационных и коммуникационных технологий, позволяет в значительной степени автоматизировать различные производственные и управленческие процессы во всех отраслях экономики, способствуя сокращению расходов, снижению рисков промышленной безопасности, цифровизации производственных процессов и развитию новых бизнес-моделей. Внедрение информационно-телекоммуникационных технологий в экономику привели к ее трансформации, переходу на новый этап – этап цифровой экономики.

Цифровые преобразования экономики открыли новые возможности действий в цифровом мире с выраженной тенденцией сокращения наличного и расширения безналичного денежного обращения (в связи с бурным развитием платежных технологий, услуг дистанционного банковского обслуживания).

Например, в 2018 г. рост количества операций с использованием платежных карт (32 млрд) относительно аналогичного показателя в 2017 г. (24 млрд) составил 34,6%[1]. Через платежную систему Банка России (ПС БР) в 2019 г. было осуществлено 1,7 млрд переводов денежных средств на сумму 1566,5 трлн рублей (в 2018 г. – 1,6 млрд переводов на сумму 1715,1 трлн рублей)[2]. Оборот же наличных платежей в совокупном обороте розничной торговли, общественного питания и объеме платных услуг с 44,4% в 2018 г. сократился до 35,3% в 2019 г.[3]

Такой масштабный оборот переводов денежных средств, а также не поспевающий за современными тенденциями механизм контроля и защи-

---

[1] Обзор несанкционированных переводов денежных средств за 2018 год // cbr.ru. URL: https://www.cbr.ru/Content/Document/File/62930/gubzi_18.pdf С. 5. (дата обращения : 05.03.2021).
[2] Годовой отчет Банка России за 2019 год // cbr.ru. URL : https://www.cbr.ru/Collection/Collection/File/27873/ar_2019.pdf. С. 219 (дата обращения: 05.03.2021).
[3] Там же С. 215.

ты от противоправных посягательств создают благоприятные условия для роста хищений безналичных и электронных денежных средств в цифровой среде.

Так, на территории России и за ее пределами объем несанкционированных операций с использованием платежных карт, эмитированных российскими кредитными организациями, в 2018 г. составил 1,384 млрд руб. (в 2017 г. – 0,961 млрд руб., в 2016 г. – 1,08 млрд руб., в 2015 г. – 1,14 млрд руб.)[1].

Тенденция 2018 г., связанная с повышением общего объема хищений, в 2019 г. не изменилась. В указанном 2019 году количество несанкционированных операций составило 571 957 единиц. Объем всех операций с использованием электронных средств платежа, совершенных без согласия клиентов, в 2019 г. составил 5723,5 млн рублей. При этом доля объема операций без согласия клиентов в общем объеме операций, совершенных с использованием платежных карт, в 2019 г. составила 0,0023% (в 2018 г. – 0,0018%)[2].

Уже в I квартале 2020 года объем операций без согласия клиента вырос на 38% по сравнению с аналогичным периодом 2019 года при двукратном снижении общего объема операций с использованием электронного средства платежа. Такая неблагоприятная тенденция обусловлена использованием дистанционных способов оплаты товаров и услуг той частью населения, которая до возникновения тяжелой санитарно-эпидемиологической обстановки по причине COVID-19, приобретала и оплачивала их непосредственно в точках продаж. Таким образом, указанная категория граждан в силу отсутствия необходимого опыта противодействия злоумышленникам оказалась уязвимой к социальной инженерии.

Во II квартале 2020 года по той же причине наблюдалось дальнейшее увеличение объема операций без согласия клиента (+59%) на фоне роста общего объема операций с использованием электронного средства платежа[3], так как многие сферы общества перевели свою деятельность на дистанционный режим.

---

[1] Отчет центра мониторинга и реагирования на компьютерные атаки в кредитно-финансовой сфере департамента информационной безопасности банка России 1.09.2018 – 31.08.2019 // Сайт Центрального банка Российской Федерации. URL :http://www.cbr.ru/Content/Document/File/84354/FINCERT_report_20191010.PDF (дата обращения : 05.03.2021).

[2] Обзор операций, совершенных без согласия клиентов финансовых организаций за 2019 год // Сайт Центрального банка Российской Федерации. URL : https://cbr.ru/ Content/Document/File/103609/Review_of_transactions_2019.pdf (дата обращения : 05.03.2021).

[3] Обзор отчетности об инцидентах информационной безопасности при переводе денежных средств // Сайт Центрального банка Российской Федерации. URL : https://cbr.ru/analytics/ib/review_1q_2q_2020/ (дата обращения : 05.03.2021).

Приведенная статистика свидетельствует о необходимости надлежащей защиты безналичных и электронных денежных средств в цифровой среде.

В российском законодательстве уголовная ответственность за посягательство на безналичные и электронные денежные средства регламентируется тремя статьями уголовного закона – п. «г» ч. 3 ст. 158, ст. 159^3, п. «в» ч. 3 ст. 159^6, включенных в главу 21 «Преступления против собственности» с учетом тождества их видового объекта.

В зависимости от способа хищения указанных денежных средств и используемых средств преступления, таких как электронное средство платежа или компьютерная информация, а также в целях простоты понимания и разграничения трех вышеуказанных составов друг от друга, условно обозначим их, соответственно «электронная кража», «электронное мошенничество», «информационное мошенничество».

Учитывая специфику способа совершения хищений безналичных и электронных денежных средств, отметим, что нередко они нарушают и информационную, компьютерную безопасность, охраняемую ст. 272-274[1] УК РФ. Такие обстоятельства предопределяют дополнительную квалификацию по указанным нормам о преступлениях в сфере компьютерной информации[1].

Проанализируем особенности законодательной регламентации рассматриваемых уголовно-правовых норм об ответственности за хищение безналичных и электронных денежных средств.

В главе 21 УК РФ ответственность за хищения безналичных и электронных денежных средств, совершенных путем обмана или злоупотребления доверием, предусмотрена ст. 159^3, а в сфере компьютерной информации – п. «в» ч. 3 ст. 159^6 УК РФ. Конструкция указанных норм отчетливо свидетельствует об их специальном характере. Диспозиция ч. 1 ст. 159^3 УК РФ полностью совпадает с ее названием и не раскрывает понятия мошенничества, вынуждая правоприменителя, обращаться к основной норме (ст. 159 УК РФ). Кроме того, в диспозиции нормы указывается на способ и средство совершения данного преступления – «с использованием электронных средств платежа». Электронные средства платежа позволяют производить безналичные расчеты с использованием информационно-коммуникационных технологий, электронных носителей информации. Таким образом, предметом данного посягательства являются безналичные и электронные денежные средства. Наличие вышеуказанного предмета пре-

---

[1] О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30 ноября 2017 г. № 48 // Сайт Верховного Суда РФ. URL : http://www.vsrf.ru/documents/own/26108/ (дата обращения: 05.03.2021).

ступления свидетельствует о посягательстве на дополнительный объект – общественные отношения в сфере безопасности банковской тайны.

Кроме того, введенный в рассматриваемую норму термин «электронное средство платежа» значительно расширил сферу ее применения[1]. Теперь совершение хищения возможно не только с применением банковской карты, но и других средств платежа, например, снабженных системой Apple Pay, работающей по протоколу NFC (Near field communication, в переводе означающим «ближняя связь без контакта»). Учитывая, что модулем NFC на сегодняшний день снабжаются не только банковские карты, но и другие средства платежа, к примеру, сотовый телефон, наручные часы, кольца, то возможности технологии бесконтактной оплаты расширяются практически до безграничных.

Поддерживая свою позицию о специальной норме «электронного мошенничества» по отношению к ст. 159 УК РФ, не согласимся с мнением И.К. Клепицкого, указавшего, что ст. 159^3 УК РФ является специальной нормой в отношении ст. 159^6 УК РФ[2]. Свою позицию И.К. Клепицкий аргументировал отсутствием в ст. 159^3 УК РФ обмана и переводом указанного вида мошенничества в разряд компьютерных Федеральным законом от 23 апреля 2018 г. № 111-ФЗ.

Оппонируя мнению И.К. Клепицкого, отметим, что обман в «электронном мошенничестве» присутствует и заключается, по справедливому мнению В.В. Хилюты, в личности (тождестве) виновного, на основании которого лицо, предоставляющее терминал для оплаты, находится в состоянии заблуждения относительно правомерности оснований для получения имущества, не препятствуя виновному в его изъятии[3].

Состав «электронного мошенничества» в зависимости от суммы хищения отнесен законодателем к преступлениям небольшой (ч. 1 ст. 159^3 УК РФ – лишение свободы до 3 лет), средней (в случае причинения значительного ущерба гражданину – ч. 2 ст. 159^3 УК РФ – лишение свободы до 5 лет) тяжести либо тяжкому преступлению (при крупном ущербе – ч. 3 ст. 159^3 УК РФ – лишение свободы до 6 лет, а при особо крупном размере – ч. 4 ст. 159^3 УК РФ – до 10 лет лишения свободы).

На первый взгляд можно предположить, что «информационное мошенничество», предусмотренное п. «в» ч. 3 ст. 159^6 УК РФ, представляет собой самостоятельный состав. Однако данное предположение представ-

---

[1] Иванов И.С., Рязанцева С.В. Современный подход к определению мер уголовной ответственности за хищение денежных средств, находящихся на банковском счете, и электронных денежных средств // Российский следователь. 2018. № 8. С. 46-50.

[2] Клепицкий И.К. Кража без денег: простой ответ на простой вопрос // Уголовное право. 2020. № 5. С. 78-87.

[3] Хилюта В.В. Направленность мошеннического обмана на иных лиц: границы и содержание // Уголовное право. 2020. № 4. С. 90-98.

ляется ошибочным. Согласимся с мнением А.А. Южина о том, что ст. 159^6 УК РФ, является специальной нормой о мошенничестве по отношению к общей норме, закрепленной в ст. 159 УК РФ[1].

Предметом «информационного мошенничества», помимо электронных денежных средств, являются безналичные денежные средства, определяемые местом их хранения – «с банковского счета». Таким образом, в рассматриваемом преступлении можно выделить факультативный объект – общественные отношения в сфере безопасности банковской тайны.

Определяя квалифицированный состав «информационного мошенничества» в п. «в» ч. 3 ст. 159^6 УК РФ, законодатель указывает на повышенную опасность деяния, относя его к категории тяжкого преступления (наказание до 6 лет лишения свободы). Сумма ущерба для квалификации значения не имеет, но не должна превышать суммы особо крупного размера (до 1 млн. руб.). В случае если данный вид мошенничества будет совершен в особо крупном размере, ответственность будет наступать по ч. 4 ст. 159^6 УК РФ (до 10 лет лишения свободы).

Данные факты, выявленные в конструкциях ст. 159^3 и п. «в» ч. 3 ст. 159^6 УК РФ, говорят о специальном характере уголовно-правовых норм. Включение законодателем указанных статей в единую главу, свидетельствует о едином основном непосредственном объекте – общественные отношения в сфере охраны конкретной формы собственности. Однако, содержащееся уточнение – «компьютерная сфера» в диспозиции п. «в» ч. 3 ст. 159^6 УК РФ, указывает, что в результате совершения данного преступления воздействию подвергаются и общественные отношения в сфере компьютерной информации. Известно, что предмет посягательства определяет охраняемые общественные отношения, являясь факультативным признаком объекта. Однако компьютерная информация не является предметом преступного посягательства, а играет роль средства преступления, поскольку без воздействия на компьютерную информацию невозможно достижение преступного результата – хищения безналичных и электронных денежных средств. Из чего следует, что составом, предусмотренным п. «в» ч. 3 ст. 159^6 УК РФ, не охраняются общественные отношения в сфере компьютерной информации, но вред им причиняется. Кроме того, в случае установления неправомерного доступа к компьютерной информации или посредством создания, использования и распространения вредоносных компьютерных программ, вред причиняется общественным отношениям в сфере информационной, компьютерной безопасности, что влечет дополнительную квалификацию по статьям, включенным в главу 28 УК РФ «Преступления в сфере компьютерной информации», а именно –

---

[1] Южин А.А. Мошенничество и его виды в российском уголовном праве: дис. канд. юрид. наук: 12.00.08. М. , 2016. 238 с.

ст. 272-274[1] УК РФ[1]. Таким образом, данный состав преступления признается двуобъектным.

Уголовная ответственность за хищение безналичных и электронных денежных средств тайным путем предусмотрена п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ. Основной непосредственный объект данного преступления совпадает с объектами двух вышеуказанных составов, но «электронная кража» также как и «информационное мошенничество» имеет факультативный объект, что вытекает из характеристики предмета преступления, в качестве которого выступают безналичные и электронные денежные средства. С учетом того, что указанный предмет преступления похищается «с банковского счета» (место их хранения), факультативным объектом посягательства выступают общественные отношения в сфере безопасности банковской тайны.

Кроме того, предусмотрев наказание за совершение «электронной кражи» (п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ) до 6 лет лишения свободы, законодатель отнес данный состав преступления к категории тяжкого преступления. Сумма хищения в данном случае не должна превышать особо крупный размер (до 1 млн. руб.), минимальная сумма ущерба значения для квалификации не имеет.

Обращает на себя внимание тот факт, что «электронная кража» имеет сходства и с «электронным мошенничеством», на которое законодатель указывает сам: «при отсутствии признаков ст. 159[3] УК РФ», подразумевая тем самым использование электронных средств платежа, но только тайным способом.

Отметим, что для всех трех рассматриваемых состав преступлений, в примечании к ст. 158 УК РФ определены суммы для квалифицирующих признаков (крупный, особо крупный размеры), а также дано определение понятию хищения, предопределившего материальную конструкцию объективной стороны «электронной кражи», «электронного мошенничества» и «информационного мошенничества».

Таким образом, анализ уголовно-правовых норм об ответственности за хищение безналичных и электронных денежных средств в цифровой среде по российскому законодательству свидетельствует о следующих особенностях их регламентации:

– во-первых, представлены в виде самостоятельной нормы – квалифицированного состава традиционной кражи («электронная кража») и двух специальных норм по отношению к основному составу традиционно-

---

[1] О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30 ноября 2017 г. № 48 // Сайт Верховного Суда РФ. URL : http://www.vsrf.ru/documents/own/26108/ (дата обращения: 05.03.2021).

го мошенничества («электронное мошенничество» и «информационное мошенничество»);

– во-вторых, критериями, разграничивающими хищения указанных денежных средств, помимо способа хищения, являются средства преступления. Так, хищения указанных денежных средств, совершающиеся путем воздействия на электронное средство платежа, представлены в виде кражи и мошенничества, путем воздействия на компьютерную информацию – мошенничества. Кроме того, учитывая специфику способа совершения хищений безналичных и электронных денежных средств, в случае нарушения информационной, компьютерной безопасности, охраняемой ст. 272-274[1] УК РФ, законодателем предусмотрена дополнительная квалификация по указанным нормам о преступлениях в сфере компьютерной информации;

– в-третьих, указывая на повышенную опасность «электронной кражи» и «информационного мошенничества», предусмотрев тем самым наказание за совершение указанных преступлений до 6 лет лишения свободы, законодатель отнес их к категории тяжкого преступления. Поэтому минимальная сумма ущерба значения для квалификации не имеет, а максимальная сумма хищения не должна превышать суммы особо крупного размера (т.е. не превышать 1 млн. руб.). В случае причинения особо крупного размера при совершении «электронной кражи» ответственность будет наступать по п. «б» ч. 4 ст. 158 УК РФ, при совершении «информационного мошенничества» – ч. 4 ст. 159[6] УК РФ, за которые предусмотрено наказание до 10 лет лишения свободы. «Электронное мошенничество» в зависимости от суммы хищения отнесено законодателем к преступлениям небольшой (ч. 1 ст. 159[3] УК РФ – лишение свободы до 3 лет), средней (в случае причинения значительного ущерба гражданину – ч. 2 ст. 159[3] УК РФ – лишение свободы до 5 лет) тяжести либо тяжкому преступлению (при крупном ущербе – ч. 3 ст. 159[3] УК РФ – лишение свободы до 6 лет, а при особо крупном размере – ч. 4 ст. 159[3] УК РФ – до 10 лет лишения свободы).

Очевидно, с законодательной точки зрения, формируя специальный состав «электронного мошенничества», нормотворец преследовал цель смягчить карательную составляющую за совершение данного посягательства. Однако, крен в сторону смягчения закреплен им только ч. 1 и ч. 2 ст. 159[3] УК РФ.

Из вышеизложенного следует заключить, что формулируя «электронное мошенничество» в специальную норму, законодатель запутался в оценке степени опасности. Следуя логике законодателя о смягчении ответственности за «электронное мошенничество», резонно возникает вопрос, а почему же тогда карательная составляющая ч. 3 и ч. 4 ст. 159[3] УК РФ не смягчена, более того, она идентична квалифицированным составам «электронной кражи» и «информационного мошенничества», что

свидетельствует об их равной повышенной общественной опасности. О казуистическом способе формулирования современным российским законодателем некоторых уголовно-правовых запретов, справедливо указывает и Коробеев А.И., приводя мошенничество в качестве яркой иллюстрации этому. Раскассирование мошенничества на 6 видов при нетронутом основном составе Коробеев А.И. сравнивает с уголовной ответственностью за изнасилование отдельно взятых Маши, Даши, Глаши и так далее, при этом не обновляя редакцию общей нормы за изнасилование. Такие неудобоваримые статьи, дублирующие друг друга и «растворяющиеся» в общих нормах захламляют УК РФ[1], также порождают в системе Особенной части УК РФ конфронтацию, негативно отражающуюся на функционировании системы в целом[2].

Н.А. Крайнова, *канд. юрид. наук, доцент*
декан юридического факультета Санкт-Петербургского
государственного экономического университета

РЕФОРМИРОВАНИЕ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ РФ СКВОЗЬ ПРИЗМУ РЕСОЦИАЛИЗАЦИИ ОСУЖДЕННЫХ

Уголовно-исполнительная система (УИС) Российской Федерации переживает очередной период своего реформирования. Пожалуй, не столь уж неуместными в настоящее время кажутся слова о том, что реформирование является перманентым состоянием, с котором российская УИС пребывает уже довольно длительное время. Однако только к 2021 году мы можем видеть некоторые результаты и говорить о том, что реформа приносит свои плоды, но так ли они положительны, попробуем выяснить в данной работе.

В доктринальной литературе отмечается, что российская пенитенциарная система за последние два столетия пережила уже пять крупных реформ, две из которых приходятся на советский период[3]. Последний этап реформирования увязывается с принятием РФ в 1996 году в Совет Европы и разработкой, последующим введением в действие с 01.07.1997 г. Уго-

---

[1] Коробеев А.И. Уголовно-правовая политика России: от генезиса до кризиса: монография. – М.: Юрлитформ, 2019. С. 265-266.

[2] Кириенко М.С. Системный анализ Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации. М., 2018. С.161-162.

[3] Шамсунов С.Х. Реформирование уголовно-исполнительной системы России: проблемы, тенденции и перспективы // Человек: преступление и наказание. 2016. №3 (94). С. 7.

ловно-исполнительного кодекса РФ (УИК РФ). Значимым событием, повлекшим существенные изменения в системе исполнения наказаний является также ее переподчинение в 2004 году Министерству юстиции РФ, создание отдельной службы исполнения наказаний (ФСИН РФ)[1]. Однако, полагаем, что реформа уголовно-исполнительной системы еще не завершена и мы можем говорить о переходе к последующим этапам ее переформатирования.

Следует отметить, что последние преобразования, происходящие в уголовно-исполнительной системе, тесно связаны ее целевой переориентацией, обусловленной необходимостью учитывать международные стандарты и правила обращения с осужденными. Как отмечают специалисты, «международные стандарты в настоящее время являются одним из наиболее существенных внешнеполитических факторов, влияющих на уголовно-исполнительную политику и уголовно-исполнительное законодательство»[2]. Российская Федерация стремится к реализации политики открытости всех правовых и социальных институтов, конструктивному диалогу и сотрудничеству, в этой связи такой подход представляется совершенно логичным.

Международные документы, регламентирующие стандарты обращения с осужденными, это прежде всего Минимальные стандарты правил ООН в отношении обращения с заключенными 2015 г. (правила Манделы), Европейские пенитенциарные правила 2006 г., в своем содержании ориентированы на ресоциализацию осужденных, что предопределяет и очевидность целевых установок реформирования российской уголовно-исполнительной системы. Такой подход был реализован в Концепции развития уголовно-исполнительной системы РФ до 2020 г., в которой основными приоритетами были обозначены гуманизация условий содержания заключенных, совершенствование деятельности УИС с учетом международных стандартов и потребностей общественного развития, социальная и психологическая работа в местах лишения свободы[3]. В первоначальном варианте Концепция предусматривала весьма существенное изменение условий содержания осужденных в местах лишения свободы (переход от

---

[1] Указ Президента РФ от 09.03.2004 N 314 (ред. от 20.11.2020) "О системе и структуре федеральных органов исполнительной власти". [Электронный ресурс]. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_46892/ (дата обращения 10.04.2021 г.)

[2] Социальная адаптация (ресоциализация) лиц, освобождаемых и освобожденных из исправительных учреждений: итоги теоретического исследования – М.: ИД «Юриспруденция», 2020. – С. 111.

[3] Распоряжение Правительства РФ от 14.10.2010 N 1772-р (ред. от 23.09.2015) «О Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года». [Электронный ресурс]. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_106055/c3ee50812e330eef44df6408dda2f168fa3ab546/. (дата обращения 10.04.2021 г.).

отрядного содержания к покамерному), но затем в силу объективных причин экономического характера от реализации таких положений государство вынуждено было отказаться. Полагаем, что такой отказ был связан, прежде всего, с очевидными весьма значительными финансовыми вложениями и организационными усилиями, которые необходимо было предпринять для переустройства мест лишения свободы. На принятие решения оказали влияние и сопровождавшие процессы реформирования коррупционные скандалы, связанные с растратой выделяемых на строительство новых учреждений финансовых средств. Как справедливо отмечает В.В. Селиверстов, «надежды на получение громадного массива денежных средств, который за столь короткий срок, по примеру схемы с освоением денежных средств, выделенных на закупку электронных браслетов, можно было бы освоить путем вывода их в офшоры, не оправдались»[1].

Как представляется, в целом идея организации отбывания наказания в виде лишения свободы в учреждениях, соответствующих международным и европейским стандартам, не так уж и плоха. Несмотря на тяжесть совершенных преступлений, серьезную степень социальной деградации личности большинства осужденных они заслуживают человеческого обращения и нахождения в помещениях, обеспечивающих возможность уединиться и осознать последствия совершенного деяния. Кроме того, само состояние учреждений исполнения наказаний является показателем деятельности государственной власти, отражает положение дел в обществе и государстве в целом. Полагаем, что несмотря на то, что на данном этапе государство отказалось от достижения такой цели, в будущем реформа уголовно-исполнительной системы должна идти по пути организации отбывания наказания в виде лишения свободы в условиях не отрядного, а раздельного содержания осужденных. В этой связи не представляется оправданной позиция, изложенная в проекте Концепции развития УИС РФ до 2030 г., подготовленном в НИИ ФСИН России в 2018 г., в которой предусматривается сохранение колоний, как основного вида ИУ[2].

В 2020 году подошел к концу намеченный срок реализации Концепции, однако, как отмечается в некоторых источниках реформа УИС не достигла своих целей[3]. В качестве главной причины неудач реформи-

---

[1] Селиверстов В.И. Коррекция целеполагания уголовного наказания в виде лишения свободы: миф или реальность // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2017. № 2(45). С. 32.

[2] Усеев Р.З. Проект Концепции развития уголовно-исполнительной системы до 2030 года: вопросы формы, содержания и сравнения с Концепцией развития уголовно-исполнительной системы до 2020 года // Вестник Самарского юридического института. 2020. №2 (38). С. 77-86.

[3] Осечкин В. Реформа УИС до 2020 года ПРОВАЛЕНА, цели не достигнуты. [Электронный ресурс]. – URL: https://gulagu.net/news/2020-12-23-361.html. ((дата обращения 10.04.2021 г.).

рования уголовно-исполнительной системы большинством исследователей указывается на ее ведомственный характер, несогласованность с представителями экспертного сообщества и правозащитными организациями. По сути, из заявленных в Концепции целей удалось достичь лишь одну – снизить количество осужденных, отбывающих наказание в виде лишения свободы. Но обеспечить ориентацию уголовно-исполнительной системы на идеи социализации (ресоциализации) осужденных, обеспечить прозрачность уголовно-исполнительной системы, расширения сотрудничества с гражданским обществом в полном объеме не получилось.

Динамика изменений УИС за период реформы (2010-2020 гг.)

Показатель	**По состоянию на 1 января 2010 г.**	**По состоянию на 1 марта 2021 г.**	**Изменения, %**
Количество лиц, находящихся в учреждениях УИС	864 тыс.	479 тыс.	- 44,6
Количество колоний	755	670	- 12
Количество СИЗО	226	209	-7,5
Количество тюрем	7	8	+14
Количество воспитательных колоний	62	18	- 71
Количество ФИЦ/ИУ(как ИЦ)	-	29/81	
Количество отбывающих наказаний женщин	59,1 тыс.	39,2	- 33,7
Количество УИИ	2467	1429	- 42,1
Количество осужденных, состоящих на учете в УИИ	534,4 тыс.	452,7	- 15,4
Штатная численность персонала УИС	350,7 тыс.	295,9 тыс.	- 17
Среднее кол-во осужденных в расчете на 1 сотрудника УИС	0,4	0,6	+ 0,2

Проведенный анализ показателей деятельности УИС за период с 2010 по 2021 год свидетельствует о снижении нагрузки практически по всем пунктам (за исключением количества тюрем). Однако, если сопоставить среднее количество осужденных, приходящееся на одного сотрудника УИС в 2010 г. и в 2021 г., то можно заметить фактическое увеличение

нагрузки. Можно предположить, что такая оптимизация вызвана цифровизацией и технологизацией исправительных учреждений, оборудованием средствами слежения и контроля за передвижением осужденных. Однако, как представляется, обеспечение УИС новинками технического прогресса идет не столь очевидными темпами, чтобы отказываться от использования человеческого потенциала сотрудников УИС. Дальнейшее развитие такой тенденции чревато ухудшением обстановки в исправительной системе, нервно-психологическими перегрузками, вызванными чрезмерной загруженностью, прежде всего работников уголовно-исполнительных инспекций. В этой связи становится очевидным, что ждать значительных положительных результатов от такого реформирования в ближайшее время не приходится.

Среди факторов, негативно влияющих на процессы реформирования уголовно-исполнительной системы следует отметить и чрезмерную бюрократизацию работы сотрудников УИС. Необходимость заполнять многочисленные отчеты, сдавать различного рода показатели, свидетельствующие об «успехах» в работе уголовно-исполнительной системы, сокращает количество времени, которое можно было бы потратить на воспитательное воздействие в отношении осужденных. Проведенное нами анкетирование сотрудников ФКУ ИК-6 УФСИН РФ по Санкт-Петербургу (всего 50 человек) подтвердило выводы о чрезмерной бюрократизации их профессиональной деятельности. Так, из числа опрошенных 73% на вопрос: «Считаете ли Вы Вашу работу в системе ФСИН чрезмерно бюрократизированной?» ответили утвердительно, 18% затруднились с ответом и только 9% ответили отрицательно на поставленный перед ними вопрос.

Существенным препятствием качественному реформированию уголовно-исполнительной системы, как представляется, является игнорирование факта социальной сопряженности УИС со всеми институтами гражданского общества, реформирование с позиций «изнутри», без учета того взаимовлияния, которое имеют ресоциализационные процессы. Как общество может оказать положительное (или негативное) влияние на осужденного, отбывшего наказание в виде лишения свободы или отбывающего наказание, не связанное с лишением свободы, так и сами осужденные, находясь в обществе, представляя его, сами оказывают влияние на ту микросреду, в которой находятся. Полагаем, что и система исполнения наказаний, будучи встроенной в социальную ткань общества, не должна быть закрытой. Реформирование УИС должно идти на основе принципиальных подходов, соответствующих международным принципам и стандартам, но, в то же время, учитывающим и российскую специфику, на основе обсуждения с привлечением институтов гражданского общества.

О.А. Мартынова *канд. юрид. наук, доцент,*
доцент кафедры уголовно-процессуального права
Дальневосточного филиала
Российского государственного университета правосудия

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ПОНЯТИЯ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И ФРГ

Вопросы теории процесса доказывания, и прежде всего проблема сущности и понятия доказательств, остаются по сей день предметом самого пристального внимания исследователей на всем протяжении развития российской уголовно-процессуальной науки. Непреходящая актуальность данной проблематики обусловлена правоприменительной природой уголовного процесса, призванного посредством доказательств установить различные обстоятельства и факты совершенного преступления, которые выступают фундаментом, основой уголовно-процессуальной деятельности и принимаемых в ходе ее решений.

В рамках этой проблематики представляется небезынтересным провести сравнительный анализ подходов к понятию доказательства в уголовном законодательстве Российской Федерации и Германии, поскольку законодательства обеих стран относятся к романо-германской правовой системе и имеют общее происхождение. Тем не менее, в результате разных путей исторического развития этих государств, в их правовых системах определяются существенные различия.

В Российской Федерации доказательствами являются предметы материального мира, а также любые сведения, которые способны помочь органам следствия и суда восстановить целостность картины преступления и выявить виновность обвиняемого лица. Доказательства могут быть прямыми и косвенными. Под прямыми доказательствами понимаются доказательства, которые прямо указывают на виновность лица. Косвенные доказательства – это предметы материального мира или сведения, которые могут сузить круг подозреваемых, но не могут точно указать на виновное лицо.

В Германии доказательствами являются любые предметы материального мира или сведения, которые помогают составить наиболее полную картину произошедшего события при рассмотрении уголовного дела. Доказательства так же бывают прямыми и косвенными. Стоит отметить, что в уголовном праве Германии нет точного и закрепленного в правовых источниках понятия доказательства, поэтому данное нами выше понятие – условно и является базовым понятием, которое используется правоохранительными органами Германии для упрощения уголовного процесса. Стоит отметить, что, хотя в Германии нет закрепленного понятия доказа-

тельства, то, что понимается под доказательством в целом, не отличается от принятого в Российской Федерации понятия.

Если провести сравнение по признакам относимости и допустимости вещественных доказательств, как критериям, то здесь представляется следующее: в Российской Федерации относимыми и допустимыми доказательствами являются любые предметы материального мира и сведения, которые прямо или косвенно относятся к рассматриваемому уголовному делу, при этом такие доказательства должны быть получены в соответствии с уголовно-процессуальным кодексом и не должны выходить за рамки перечня возможных доказательств, указанных в УПК РФ. Тем не менее, если какое-то доказательство было получено с нарушением установленных правовых норм, то такое доказательство может быть отнесено к допустимым, если органы следствия совершили ряд определенных действий, после получения таких доказательств.

В Германии относимыми и допустимыми доказательствами являются предметы материального мира и документы, которые имеют отношение к рассматриваемому уголовному делу, или могут пролить свет на произошедшие события и более полно раскрыть картину совершенного преступления, при этом доказательства должны быть собраны с учетом уголовного законодательства и правильно оформлены. В случае, если доказательства были собраны незаконным путем – например, получение показаний обвиняемого с применением силы, то такие доказательства не могут быть признаны доказательствами и исключаются из материалов уголовного дела[1].

Под вещественными доказательствами в Российской Федерации понимаются любые предметы материального мира, с помощью которых было совершенно преступное деяние, или на которые было направленно преступное посягательство, а также иные предметы и документы, которые могут помочь составить более полную картину преступления и изобличить виновное лицо[1].

Вещественными доказательствами в уголовном праве Германии являются объекты осмотра и документы. Под объектами осмотра понимаются любые неодушевленные предметы материального мира, живые лица, в том числе и домашние животные, трупы людей и животных, а также происходящие процессы, например, интенсивность движения на дороге в конкретное время и в конкретном месте. Под документами в законода-

---

[1] Табалдиева Ч.С. Особенности производства отдельных следственных действий по материалам и уголовным делам, поступившим из других государств // Международное уголовное право и международная юстиция. 2020. № 20. С. 45.

[1] Верхотурова С.В., Соболевская С.И. Вещественные доказательства: отдельные вопросы теории и практики // Юридическая наука и правоохранительная практика. № 4 (50). 2019. С. 76.

тельстве закреплены любые бумажные или электронные носители, на которых закреплена любая мысль, путем написания ее письменными знаками.

Как мы видим в понятии вещественных доказательств есть некоторые отличия, например, в Российской Федерации люди и животные не могут быть вещественными доказательствами; в остальном же понятия практически идентичны, за исключением того, что в уголовном праве германии четко закреплены объекты, которые могут быть вещественными доказательствами.

Косвенными доказательствами в Российской Федерации являются промежуточные сведения, факты и предметы материального мира, которые помогают путем умозаключений прийти к выводу о существовании главного факта, который устанавливает виновность лица. Косвенные доказательства лишь предполагают наличие факта, который может иметь значение для уголовного дела, но при этом они не дают гарантии того, что этот факт имеет место быть на самом деле.

В Германии под косвенными доказательствами понимаются любые предметы материального мира или сведения, которые имеют отношение к рассматриваемому уголовному делу, но не могут на сто процентов указать на виновное лицо. Эти сведения помогают путем умозаключений прийти к выводу о существовании свершившегося деяния, но не дает гарантии, что это деяние совершило именно обвиняемое лицо.

В Российской Федерации допрашивать свидетелей и обвиняемого могут стороны, участвующие в уголовном процессе, а также председательствующий судья. Перед началом допроса свидетели дают подписку о предупреждении об уголовной ответственности за дачу заведомо ложных показаний или за отказ от дачи показаний. Обвиняемый никакой ответственности за дачу ложных показаний и отказ от дачи показаний не несет, поскольку он имеет право защищаться любыми средствами и способами, включая ложь и хранения молчания. Основной задачей получения показаний является установление истины по уголовному делу, поэтому любые полученные сведения должны быть перепроверены и подкрепляться другими материальными (вещественными) доказательствами. Кроме этого к показаниям обвиняемого при рассмотрении уголовного дела относятся очень критично, поскольку обвиняемый может говорить, что ему вздумается, минуя любые неблагоприятные для него последствия[1].

Допрос свидетелей и обвиняемого в Германии может включать в себя несколько вариантов. Первый вариант самый распространенный, когда лицо, которое что-то знает о совершенном преступлении дает показание в

---

[1] Владимиров Л.Е. Учение об уголовных доказательствах. М., 2014. // URL: https://e.lanbook.com/book/50356

устной форме, свидетель перед этим обязательно предупреждается об уголовной ответственности за дачу заведомо ложных показаний. Допросить этого свидетеля может не только сторона обвинения, но и сторона защиты. Второй вариант допроса – это допрос секретного свидетеля. Секретный свидетель – это лицо, которое имеет существенную для уголовного дела информацию, но при этом его личность не раскрывается ни во время следствия, ни во время судебного заседания. Обвиняемый имеет право давать показания в любое время, когда захочет, а может отказаться от дачи показаний вообще, и это не будет трактоваться в пользу его вины, поскольку обвиняемый имеет право хранить молчание.

В Российской Федерации есть строгий перечень, по которым производятся судебные экспертизы. Перед проведением экспертизы, перед экспертом ставится определенный перечень вопросов, на который ему необходимо дать ответ. По итогам проведения экспертизы, эксперт составляет экспертное заключение, которое приобщается к материалам уголовного дела. Как правило, эксперта в судебное заседание не вызывают. Присутствие эксперта в судебном заседании обусловлено лишь тем, что для толкования некоторых экспертиз необходимы специальные навыки и познания, которыми стороны не обладают. Тем не менее, в судебном заседании эксперт может дать ответы только по поводу проведенной им экспертизы, другие вопросы эксперту задавать запрещено.

В Германии экспертиза начинается с момента перечисления перед экспертом вопросов на которые ему необходимо дать ответ. В законодательстве Германии не сказано, в каких случаях необходимо проводить экспертизу, поэтому суд самостоятельно может назначить экспертизу по любому интересующему его вопросу. Заключение экспертов считается достоверным доказательством не подлежащее сомнению.

Проанализировав подходы и сравнив понятие доказательства в Российской Федерации и Германии, можно сделать следующие выводы. В\данных правовых системах базовые понятия и принципы сохранились почти в одинаковом виде – видимо, сказывается сходство правовых систем, но, тем не менее, есть ряд существенных различий, которые, однако, не являются критичными, что делает сотрудничество двух стран максимально облегченным в сфере обмена опытом по борьбе с преступностью. Тем не менее, проблема взаимодействия органов предварительного следствия и суда заключается в том, что в некоторых случаях применяемые в Германии доказательства, являются недопустимыми в Российской Федерации, что приводит к явным противоречиям при рассмотрении уголовного дела в суде.

И все-таки, базовые понятия доказательств, их свойства и функции во всех рассматриваемых правовых системах очень похожи и преследуют одни и те же цели: создание более точной картины совершенного пре-

ступления для установления истины. Схожесть понятия доказательств, их свойств и функций позволяют рассматриваемым странам делиться и перенимать опыт своих коллег, что благоприятно влияет на международную обстановку по борьбе с преступностью.

***А.О. Мельник**, аспирант,*
Институт подготовки и аттестации научно-педагогических кадров
Санкт-Петербургского государственного
экономического университета

ЭКОНОМИКА И ПРЕСТУПНОСТЬ В УСЛОВИЯХ ПАНДЕМИИ

11 марта 2020 года Всемирная организация здравоохранения официально признала вспышку болезни, вызванной коронавирусом COVID-19, пандемией – всемирным заболеванием.

Как отмечала Крайнова Н.А. «в ситуации пандемии, по сути, государства остаются самостоятельными и берут на себя ответственность в принятии стратегических решений по противодействию угрозе… Перед государством стоит задача продемонстрировать готовность противодействовать глобальной угрозе, разработать и реализовать реально действенные предупредительные меры, организовать четко работающую систему противодействия распространению вируса внутри страны. По сути, в данной ситуации можно говорить о том, что государство должно продемонстрировать свою жизнеспособность и перспективы на будущее, учитывая все последствия пандемии, как с позиции человеческих ресурсов, так и имея в виду негативные тенденции экономического характера»[1].

С целью защиты населения в 2020 году вводились карантинные меры, связанные с изоляцией и самоизоляцией людей, массово приостанавливалась деятельность предприятий. В результате, многие отрасли экономики пострадали (такие, как: гостиничный бизнес, туризм, сфера услуг), снизился жизненный уровень населения (в т.ч. и в результате потери рабочих мест, и в результате банкротства предприятий). Это отрицательно отразилось на всей экономике в целом, как в России, так и в мировом масштабе.

Политика социального дистанцирования привела к тому, что часть предприятий была вынуждена перевести своих работников на дистанци-

---

[1] См.: Крайнова Н.А. «Современные глобальные риски и их влияние на уголовную политику в сфере ресоциализации осужденных» // В сборнике: Право и современная экономика: новые вызовы и перспективы. Сборник материалов III научно-практической конференции с международным участием юридического факультета СПбГЭУ. Под научной редакцией Н.А. Крайновой. 2020. С. 112-118.

онную (удаленную) работу. В связи с новыми требованиями, для организации удаленной работы сетевыми администраторами предприятий внедрялись платформы удаленного доступа.

Следует отметить, что в условиях создания цифровой экономики страны в соответствии с Указом Президента РФ № 203[1] и утвержденной Правительством РФ Программой[2] большинство юридических и физических лиц вовлечено в процесс цифровизации. Юридические лица используют информационные технологии для осуществления налоговых, финансовых и бухгалтерских операций. Физические лица получают финансовые услуги и осуществляют электронно сделки с имуществом. Все шире используются цифровые финансовые активы, растет и развивается криптовалютный сегмент. В связи с этим, совершенствуется и нормативно-правовая база. Так, например, 31.07.2020 был принят Федеральный закон № 259-ФЗ[3] (начало действия которого приходится на 01.01.2021), которым регулируются правоотношения, связанные с цифровыми финансовыми активами и цифровой валютой.

Таким образом, с одной стороны, IT-технологии облегчают ведение бизнеса и жизнь людей, с другой же, создают новые возможности для преступных элементов (например, перевод денежных средств в цифровые активы может быть использован для сокрытия доходов в целях уменьшения налогообложения и т.п.). С ростом использования IT-технологий совершенствуются преступные способы и схемы совершения экономических преступлений, растет количество киберпреступлений.

Все это было продемонстрировано наилучшим образом в период пандемии. В этот период, из-за введенных ограничений на передвижение, снизился уровень уличной преступности, количество квартирных краж. Выросли показатели преступности, связанные с домашним насилием и мошенничеством. Возросла киберпреступность, поскольку увеличилось количество людей, все больше проводящих время в интернете, как в силу необходимости, связанной непосредственно с работой на удаленном доступе, так и в силу вынужденной изоляции/самоизоляции. Доступ из квар-

---

[1] См.: Указ Президента РФ от 09.05.2017 № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017-2030 годы» // Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 27.02.2021).

[2] См.: Распоряжение Правительства Российской Федерации от 28.07.2017 № 1632-р. Программа «Цифровая экономика Российской Федерации» [электронный ресурс] // URL: http://static.government.ru/media/files/9gFM4FHj4PsB79I5v7yLVuPgu4bvR7M0.pdf (дата обращения: 27.02.2021).

[3] См.: Федеральный закон от 31.07.2020 № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 27.02.2021).

тир к корпоративным данным не всегда обеспечен высоким уровнем безопасности, как, например, из офисных систем. Уязвимые соединения, в числе прочего, открывают преступникам доступ к конфиденциальной информации и, таким образом, совершению преступлений.

Согласно данным статистики ФКУ Главного информационно-аналитического центра МВД РФ[1] за 2020 год, в условиях эпидемиологической обстановки, связанной с COVID-19, значительно увеличилось число преступлений, совершаемых с помощью IT-технологий.

Так, всего в 2020 году зарегистрировано 2 024 300 преступлений (больше, чем в 2019 году на 1,0%). 93,9% из этих преступлений выявлено органами внутренних дел. В период пандемии увеличилась нагрузка на сотрудников органов внутренних дел в связи с тем, что помимо решения ежедневных задач, сотрудники органов внутренних дел в большей степени были заняты обеспечением соблюдения режима изоляции.

В экономической сфере за 2020 год выявлено 105 500 преступлений (рост в сравнении с 2019 годом составил 0,5%). Удельный вес таких преступлений в общем числе зарегистрированных преступлений составил 5,2%. Причиненный оцененный материальный ущерб от экономических преступлений по уголовным делам составил 339,5 млрд. рублей. В общем числе выявленных и зарегистрированных преступлений тяжкие и особо тяжкие преступления в экономической сфере составили 61,2%. При этом, сотрудниками подразделений органов внутренних дел из них выявлено 88 500 преступлений, с удельным весом 83,9% от общего числа преступлений в экономической сфере.

Преступлений, совершенных с использованием IT-технологий, в 2020 году зарегистрировано 510 400, что на 73,4% больше, чем в 2019 году. В числе общих (зарегистрированных) преступлений удельный вес их увеличился с 14,5% до 25%. В основном (98,6%) все эти преступления выявлены сотрудниками органов внутренних дел.

Больше половины (52,4%) из указанных преступлений относились к категории тяжких и особо тяжких преступлений – 267 600 (рост в сравнении с предыдущим годом на 87,5%); больше половины (58,8%) совершены с использованием сети «Интернет» – 300 300 (рост в сравнении с предыдущим годом на 91,3%), около половины из них (42,9%) совершены с помощью средств мобильной связи – 218 700 (рост в сравнении с предыдущим годом на 88,3%). Путем кражи или мошенничества совершались 80,4% (рост в сравнении с предыдущим годом на 74,3%), 9,2% (рост в сравнении с предыдущим годом на 90,7%) – с целью незаконного производства, сбыта или пересылки наркотических средств.

---

[1] См.: Статистика. Состояние преступности в России // URL: https://мвд.рф/reports/item/22678184/ (дата обращения: 27.02.2021).

Таким образом, приведенные статистические данные указывают на необходимость более пристального внимания к предупреждению экономических преступлений, совершаемых с помощью IT-технологий. Количество экономических преступлений не снижается, напротив, наблюдается их рост. Борьба с преступлениями в сфере экономики, кибербезопасность, продолжают оставаться важнейшей государственной задачей.

В январе 2021 года состоялся Всемирный экономический форум. Как отмечали В. Овчинский и Ю. Жданов[1], согласно выводам аналитиков данного форума, представленных в Отчете о глобальных рисках 2021 г., «киберриски продолжают оставаться в числе глобальных рисков. Пандемия COVID-19 ускорила внедрение технологий, но выявила уязвимость и неподготовленность киберпространства и в то же время усугубила технологическое неравенство внутри и между обществами. Как и любую другую стратегическую социальную проблему, кибербезопасность нельзя решать изолированно».

Также подчеркивалось, что в условиях глобально развивающейся цифровизации кибербезопасность отстает от хакерских разработок, применяемых киберпреступками новых видов поколений кибератак. Кибератаки значительно участились и стали намного изощрённее. Рост киберпреступлений обусловлен и малыми рисками для преступников, вероятность их обнаружения и привлечения к суду в настоящее время несущественна. При использовании «теневой сети» (даркнет) услуги киберпреступников становятся доступнее.

Отмечалось, что экспертам в области киберпреступлений следует объединиться для международного сотрудничества в целях преследования и возможности привлечения киберпреступников к ответственности. Кибербезопасность должна стать приоритетным направлением в обеспечении национальной безопасности всех государств. Организации, работая в единой экосистеме, должны уделять внимание инфраструктуре кибербезопасности, адаптироваться к киберрискам, улучшать свои системы, обучаться кибер-ответам.

Резюмируя вышесказанное, следует отметить, что профилактика, предупреждение преступлений, является самым эффективным способом борьбы с преступлениями. Поскольку цифровые технологии постоянно развиваются и совершенствуются, а применяемые преступные схемы, усложняясь, постоянно обновляются и видоизменяются, государство также должно быть постоянно готово противостоять новым вызовам.

---

[1] См.: Овчинский В., Жданов Ю. ВЭФ об основных проблемах кибербезопасности. Глобальные риски кибератак 15.02.2021 // URL: https://zavtra.ru/blogs/vef_ob_osnovnih_problemah_kiberbezopasnosti (дата обращения 27.02.2021).

***В.В. Петров**, судья, пребывающий в отставке,*
старший преподаватель кафедры
уголовного права и уголовного процесса
Санкт-Петербургского государственного
экономического университета

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ УЧАСТИЯ ПОНЯТЫХ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Формирование уголовно-процессуального законодательства России неразрывно связано с формированием самого государства и на каждом этапе становления государственной системы предъявлялись новые требования к содержанию законов.

Одним из старейших институтов в уголовном процессе является институт понятых. Сейчас мы связываем присутствие этих участников процесса с необходимостью удостоверения факта, содержания, хода и результатов следственного действия.

Упоминание о понятых содержится еще в «Соборном Уложении 1649 года», где в Главе XXI, статье 87 сказано: «А будет кто у кого в дому сведает поличное, и похочет то поличное выняти, и ему на то поличное взяти и с приказу пристава, а приставу взяти с собою понятых, сторонних людей, добрых, кому мочно верити, и поличное выняти с теми людьми, куды он послан будет искати»[1]. Исходя из приведенного текста, при производстве отдельных действий, а конкретно для изъятия имущества, привлекались посторонние добрые люди, которые наблюдали за действиями пристава.

Очевидно, привлечение посторонних людей уже тогда вызывалось необходимостью контроля за действиями лиц, осуществляющих определенные процессуальные действия, в целях предотвращения возможных злоупотреблений и фальсификаций.

Дальнейшее формирование государственного аппарата России сопровождалось и соответствующими изменениями законодательства. Наверное, самые прогрессивные, в том числе и на сегодняшний день, принципы судопроизводства были выработанные в ходе судебной реформы 1864 года и сформулированы в «Судебных уставах 20 ноября 1864 года, с изложением рассуждений, на коих они основаны»2 (далее – Уставы). Такие принципы уголовного судопроизводства, сформулированные в Уставах, как судебный

---

[1] См.: Электронная библиотека Исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова [Электронный ресурс] URL: http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/1649.htm. (Дата обращения: 12.02.2021).

[2] См.: Электронная библиотека Исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова [Электронный ресурс] URL: http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/1649.htm. (Дата обращения: 03.04.2021).

порядок уголовного преследования, презумпция невиновности, предварительное расследование по уголовным делам, гласность, устность, состязательность судопроизводства, гарантии прав обвиняемого на защиту, участие адвоката, всестороннее, объективное исследование и оценка доказательств по внутреннему убеждению судьи, кассационный и апелляционный порядок обжалования приговоров актуальны и на сегодняшний день.

Статья 315 Главы 4 Части второй Устава предусматривает участие понятых при производстве некоторых действий, производимых судебными следователями. То есть законодатель, сомневаясь в добропорядочности лиц, ведущих производство по делу, и подстраховываясь, по-прежнему придерживается доктрины общественного контроля и считает необходимым участие посторонних граждан, то есть понятых, например при производстве осмотра и освидетельствования.

Цель очевидна, в случае возникновения сомнений в законности производства упомянутых выше осмотра и освидетельствования суд всегда может вызвать понятых и допросить их, установив истину.

Принципы общественного контроля законодатель сохранил и в современном уголовном процессе. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (далее – УПК РФ) по-прежнему содержит институт понятых и предусматривает их участие при производстве некоторых следственных действий.

Нужно ли привлекать понятых при производстве отдельных процессуальных действий в суде? Этот вопрос не нашёл отражения в судебной практике и должным образом не освещался. В ходе судебного следствия, это следует из УПК РФ, суд вправе произвести осмотр местности и помещения, следственный эксперимент, предъявить в суде для опознания лицо или предмет.

По общим правилам производства следственных действий, изложенным в статье 170 УПК РФ, участие не менее двух понятых предусматривается при производстве обыска, выемки, личного обыска, предъявления для опознания (статьи 182, 183, 184, 193 УПК РФ).

При производстве осмотра, следственного эксперимента (статьи 177, 181 УПК РФ) понятые участвуют по усмотрению следователя. Если понятые участия не принимают, то обязательным является применение технических средств фиксации хода и результатов следственного действия.

Являются ли обязательными требования статьи 170 УПК РФ при производстве судебных действий в ходе судебного следствия, таких как осмотр, следственный эксперимент, опознание? Казалось бы, да, из общих правил проведения данных процессуальных действий следует необходимость участия понятых, но это относится только к стадии предварительного расследования.

Исходя из текста статьи 60 УПК РФ, для участия в следственных действиях, не заинтересованных в исходе уголовного дела лиц, то есть

понятых, привлекает дознаватель или следователь, такой участник уголовного процесса как суд в данной статье не упоминается.

В Уголовно-процессуальном кодексе РФ детально не регламентирован порядок производства в судебном следствии осмотра местности и помещения, осмотра вещественных доказательств, опознания, следственного эксперимента. Все действия, производимые судом, должны строго соответствовать требованиям уголовно-процессуального законодательства, и любое отклонение в действиях участников судопроизводства, в том числе и суда, от норм УПК РФ, исключается.

Статья 170 УПК РФ прямо говорит об участии понятых именно в следственных действиях, то есть производимых в ходе предварительного расследования, которое может быть как в форме дознания, либо в форме предварительного следствия. Про судебное следствие в статье 170 УПК РФ не упоминается, соответственно, участие понятых на данной стадии и не предусмотрено.

Зачастую, при ответе на вопрос нужны ли понятые при производстве опознания в суде, некоторые юристы ссылаются на статью 289 УПК РФ, которая отправляет нас, в свою очередь, к статье 193 УПК РФ, указывая, что требования к производству данного процессуального действия установлены именно там. При внимательном прочтении вышеназванной статьи следует сделать вывод, что в ней установлены требования к процедуре проведения самого следственного действия, но никак ни к участию понятых.

Для чего же или для кого понятые должны удостоверять правильность производства следственных действий и это очевидно, для органа, в компетенцию которого входит принятие окончательного процессуального решения по делу, для суда. По смыслу уголовно-процессуального законодательства целью производства предварительного расследования является сбор доказательств, которые впоследствии исследуются в суде и, если они отвечают признакам допустимости и относимости, то могут быть положены в основу обвинения лица в совершении преступления.

Именно соответствие полученных в ходе предварительного расследования доказательств признаку допустимости, то есть нормам уголовно-процессуального законодательства, должен проверить суд и в случае сомнения законности их получения прибегнуть к допросу понятых, если таковые участвовали при выполнении следственных действий.

Наиболее часто в судебном следствии производится осмотр вещественных доказательств, но тут у сторон, как правило, не возникает сомнений относительно производства данного судебного действия. Сторонам предъявляются вещественные доказательства, их описание заносится в протокол судебного заседания. Реже встречается осмотр местности и помещения, следственный эксперимент и вот при производстве последнего суд может привлечь для участия статистов, но это не понятые и они не удостоверяют правильность производства процессуального действия, а лишь помогают его произвести.

В случае производства процессуальных действий судом в ходе судебного следствия эти действия производятся в присутствии всех участников уголовного процесса, к которым относится как сторона обвинения – прокурор, потерпевший, гражданский истец, представители, так и сторона защиты – адвокат, подсудимый, гражданский ответчик, представители. Они непосредственно наблюдают за действиями, производимыми судом и эти действия секретарь судебного заседания, как обязательный участник процесса, фиксирует в протоколе.

Из смысла процедуры производства вышеописанных действий видно, что нет необходимости удостоверения правильности их проведения, и, если у сторон возникают сомнения в правильности действий суда, существует определенный порядок обжалования, который может быть применим сторонами.

В случае несогласия с протоколом судебного заседания в части указания в нем о производимых процессуальных действиях, положения статьи 260 УПК РФ предоставляют сторонам право принести замечания на данный протокол, которые должны быть рассмотрены председательствующим незамедлительно.

В случае же отклонения замечаний у участников процесса имеется возможности обжаловать постановление судьи об отклонении замечаний, а также ссылаться на необоснованность отклонения поданных ими замечаний в жалобе на приговор суда, если он будет обжалован.

Актуальность данной темы обусловлена некоторой правовой неопределенностью в данном вопросе и отсутствием разъяснений со стороны Верховного Суда РФ.

Подводя итог небольшого исследования, можно сказать, что внимательное прочтение законодательства и сопоставление его норм, изучение судебной практики, приводят к правильному пониманию закона, а соответственно и его применению.

Н.В. Радошнова*, канд. юрид. наук,*
доцент кафедры уголовного права и уголовного процесса
Санкт-Петербургского государственного
экономического университета

ПРАКТИЧЕСКОЕ ПРИМЕНЕНИЕ МЕРЫ РЕВОЛЮЦИОННОЙ СОЦИАЛЬНОЙ ЗАЩИТЫ (АДМИНИСТРАТИВНОГО РАССТРЕЛА) НА ПРИМЕРЕ ДЕЛА «АДМИРАЛА ЩАСТНОГО»

На протяжении всей истории Российской Федерации отношение государственной власти к высшей мере наказания – смертной казни менялось, и в настоящее время на её исполнение наложен мораторий.

Но в процессе исследования возник вопрос, а когда в Советской России был впервые вынесен легальный приговор с исполнением высшей меры наказания – смертной казни и кем был этот человек. Именно личность первой жертвы и её героизм, в прямом и самом высоком смысле этого слова, послужили основой для статьи.

Для более подробного рассмотрения и личности героя и ситуации, которая привела его вместо награды к высшей мере наказания, необходимо вернуться к весне 1917 г. 1 марта 1917 г. был издан Приказ Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов № 1, в котором кратко излагались такие требования, как то, что командование воинскими и военно-морскими частями передавалось выборным представителям от низших чинов. Любое оружие подлежало сдаче тем же выборным комитетам и ни в коем случае оно было не должно выдаваться офицерам, в том числе и по их требованию, Также были отмены звания для офицеров[1].

Самое удивительное – это то, что этот приказ из Петрограда не был известен Временному правительству, но тем не менее, он распространялся среди солдат на фронте. Также случалось, что этот приказ распространялся немцами из своих окопов[2]. Но свое страшное дело он сделал, похоронил военную дисциплину, являвшуюся основой для действующей армии и флота. Это послужило толчком к массовым убийствам офицеров, в том числе элиты императорской армии – морских офицеров.

Только за март 1917 г. в Кронштадте было убито более 120 офицеров, многие из которых были убиты позже или пропали без вести. Так были зверски убиты герой Порт-Артура адмирал Р.Н. Вирен, а в Гельсингфорсе[3], который также являлся одним мест дислокации военных моряков, одним из 59 убитых офицеров был командующий флотом Балтийского моря, отец русской морской разведки вице-адмирал А.И. Непенин[4].

Понятно, что среди морских офицеров уже бродили мысли о необходимости объединения для защиты России, так как трудно было не догадаться, что военному флоту грозит полное уничтожение. «Да и как не понять, когда во главе Морского ведомства фактически оказался баталерский юнга с Гагута, судимый за кражу бушлата, некий Дыбенко[5]; руково-

---

[1] Ширинская А.А. Бизерта. Последняя стоянка. СПб., 2006. С. 118–119.

[2] Там же. С. 119.

[3] Гельсингфорс – столица Великого княжества Финляндского, входившего в Российскую империю, совр. Хельсинки.

[4] Ширинская А.А. Указ. соч. С. 120–121.

[5] Павел Ефимович Дыбенко (с апреля 1917 г. председатель «Центробалта») – расстрелян в 1938 г.

дителем же "мозга флота" – Генерального штаба, явился самозванный мичман-недоучка Раскольников[1]»[2].

В 1918 г. большевики подписали мирный договор с немцами. В.И. Ленин дал указание Высшему военному совету: «Ввиду безысходности положения, доказанной высшими военными авторитетами, флот уничтожить немедленно»[3]. В.И. Лениным и Л.Д. Троцким был подписан приказ о затоплении Черноморского флота в Новороссийске, который был частично исполнен 18-19 июня 1918 г.[4].

Такой же приказ был издан и по Балтийской флоту, который дислоцировался в Гельсингфорсе и Ревеле[5]. И вот именно сейчас мы обращаемся к удивительному человеку, имя и величайший подвиг которого в настоящее время совершенно забыты – командующему Балтфлотом капитану первого ранга Алексею Михайловичу Щастному, первой жертве революционного правосудия.

Весной 1918 г. к Ревелю стремительно приближались немцы, но их планы по захвату Балтийского флота не сбылись. Решение по выводу кораблей в открытое море принимал лично А.М. Щастный, он же руководил этой операцией. Как ему удалось сплотить матросов и офицеров в тот страшный период – остается загадкой, но, когда немецкий войска вошли в Ревель, эскадра из 56 военных кораблей уже уходила в Гельсингфорс, чтобы объединиться с остальными кораблями Балтфлота[6].

Согласно сепаратному Брестскому миру от 3 марта 1918 г. российские суда имели право оставаться в Гельсингфорсе до начала навигации[7]. Однако в это мало кто верил. Ленин предлагал сжечь корабли, предварительно высадив на берег матросов и офицеров. Троцкий, как Наркомвоенмор считал, что русские военные корабли должны вступить в сражение с немцами, поддержав финских красноармейцев. Но пока на берегу строились фантастические планы, А.М. Щастный готовил операцию по спасению Балтийского флота. Корабли из Гельсингфорса в Кронштадт выводились поэтапно. В середине марта порт покинули два ледокола, три крейсера и два линкора. Далее по все еще скованным водам Балтики в путь отправились еще два крейсера, два линкора и две подводные лодки. К нача-

---

[1] Федор Федорович Раскольников (Ильин) (комиссар Морского генерального штаба, весной 1918 г. стал заместителем наркомвоенмора Л.Д.Троцкого по морским делам) – бежал за границу в период сталинских репрессий (остался в Ницце в 1938 г.).

[2] Ширинская А.А. Указ. соч. С. 122.

[3] Уиллер-Беннет Дж. Брестский мир. Победы и поражения советской дипломатии / пер. с англ. С.К. Меркулова. М., 2009.С. 306.

[4] Шамбаров В.Е. Белогвардейщина. М., 2007. С. 100.

[5] Ревель – совр. Таллинн.

[6] Ширинская А.А. Указ. соч. С. 124.

[7] Шамбаров В.Е. Указ. соч. С. 101.

лу апреля А.М. Щастного назначили начальником морских сил Балтийского моря. К тому времени 236 кораблей уже были в Кронштадте. Сам он покинул Гельсингфорс на последнем отчалившем флагмане эскадры «Кречет» 11 апреля 1918 г., всего за три дня до захвата города немецкими войсками. Замыкавшие Ледовый поход корабли русской военной эскадры под предводительством А.М. Щастного вошли в Кронштадт 20 апреля 1918 г. Капитана первого ранга в народе сразу же окрестили «адмиралом», о нем говорили в Петрограде, а о подвиге балтийских моряков писали в газетах[1].

Однако через месяц, 21 мая спасенный Балтфлот было приказано уничтожить. Щастному из Москвы была отправлена телеграмма с просьбой составить списки лиц, которым должны быть поручены работы по уничтожению судов, для выплаты денежного вознаграждения за удачное выполнение взрывных работ. Возмущенный реакцией Москвы Щастный решил предать содержание телеграммы огласке. Среди моряков начались волнения – в морских кругах уже высказывалось мнение о том, что большевики хотят уничтожить Балтфлот по договоренности с немцами. На III съезде делегатов Балтфлота была исключена возможность взрыва кораблей без боя с противником. Ситуация также осложнялась тем, что власти Петрограда не были готовы к снабжению внезапно возвратившегося флота, то есть подвиг Щастного и балтийских моряков оказался для большевиков обузой. Едва не начавшееся восстание балтийцев удалось остановить, а начальник Морских сил Балтийского моры А.М. Щастный был вызван в Москву к Наркомвоенмору Троцкому.

При встрече Троцикй вел себя истерично, кричал, бил кулаком по столу и получил совет от Щастного: «Прекратить истерику!» А.М. Щастный был арестован и отправлен в Таганскую тюрьму. ВЦИК действия Троцкого одобрил. На бывшего командующего Балтфлотом было заведено дело. Обвинение задавало А.М. Щастному только один вопрос: «Почему вы не выполнили приказ?» Он ответил: «Я русский офицер. Я служу не власти, а стране. Это русский флот. И я выполнил мой долг – сохранил его для моей страны»[2].

Как мы помним, законы царского правительства были отменены большевиками, за исключением тех, которые не противоречили действующей власти и революционному правосознанию. Помимо этого, были отменены и все судебные институты, что лишило большевистскую власть возможности вынесения официальных приговоров. И именно дело А.М. Щастного стало отправной точкой для создания в срочном порядке 28 мая Революционного трибунала при ВЦИКе для рассмотрения дел осо-

---

[1] Веллер М., Буровский А. Гражданская история безумной войны. М., 2006.
[2] Веллер М., Буровский А. Указ. соч. С. 36.

бой важности. Судебное разбирательство проводилось не долго, стенограмма судебных заседаний не велась, поэтому особых подробностей рассмотрения дела А.М. Щастного не осталось.

Единственным свидетелем по делу был Троцкий, который утверждал, что спасение Щастным кораблей Балтфлота было продиктовано контрреволюционным стремлением к власти. Судьба героя была предрешена. Народному адмиралу А.М. Щастному был вынесен приговор: «Признать виновным, расстрелять. Приговор привести в исполнение в течение 24 часов».

Российское общество обомлело. Левые эсеры обратились во ВЦИК за разъяснениями. Нарком юстиции Н.В. Крыленко на это ответил с великой простотой о том, что никакого смертного приговора не было. «Щастного просто приказали расстрелять. Это административный расстрел»[1].

В ночь расстрела А.М. Щастный успел написать письмо родным: «Эту рубашку, которую я носил в тюрьмах Таганской и в Кремле, прошу подарить моему сыну Льву». По преданию, он произнес следующие слова: «Смерть мне не страшна. Свою задачу я выполнил – спас Балтийский флот». В ночь с 21 на 22 июня 1918 г. во дворе Александровского училища А.М. Щастный был расстрелян. Адмирал А.М. Щастный стал первым лицом, в официальном приговоре которого впервые была применена формулировка: «административный расстрел», так как на применение смертной казни большевиками был наложен мораторий, за исключением фронтовой полосы, к которой Москва не относилась.

Где был захоронен герой, осталось неизвестным, но до настоящего времени существует легенда о захоронении тела адмирала А.М. Щастного где-то между перекрытиями Александровского училища, где иногда можно встретить его призрак.

Так А.М. Щастный остался в нашей памяти не только героем, спасшим корабли Балтийского флота, но и первым человеком, которому был вынесен первый легальный приговор в истории Советской России с применением такой меры наказания как административный расстрел, хотя административный расстрел как мера наказания с февраля 1918 г. уже применялся в документах[2].

В ст. 10 Руководящих начал по уголовному праву РСФСР 1919 г. и ст. 26 УК РСФСР 1922 г. в качестве дефиниции наказания стал использоваться термин «мера социальной защиты», и только в 1938 г. в Закон «О судоустройстве СССР, союзных и автономных республик» был вновь введен термин «мера уголовного наказания»[3].

---

[1] Веллер М., Буровский А. Указ. соч. С. 122.
[2] Там же. С. 121.
[3] Корсаков К.В. Модель возмездия в криминологии и уголовно-правовой доктрине. М., 2007. С. 136–137.

В.И. Самарин, *канд. юрид. наук, доцент,*
доцент кафедры уголовного процесса и прокурорского надзора
Белорусского государственного университета

ПРИНЦИП *NE BIS IN IDEM* В РАМКАХ НАЦИОНАЛЬНОГО ИНСТИТУТА ОКАЗАНИЯ МЕЖДУНАРОДНОЙ ПРАВОВОЙ ПОМОЩИ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ

Для всех видов международной правовой помощи по уголовным делам присущи общие начала, которые заключены в принципах ее оказания. Исходя из сущности исследуемой деятельности, а также, учитывая сложившееся в доктрине мнение[1], принципы международной правовой помощи по уголовным делам можно условно подразделить на три группы: *универсальные принципы международного права* (принцип суверенного равенства государств, принцип взаимности, гуманизм, уважение и соблюдение прав и свобод человека, добросовестное выполнение государствами своих обязательств, защита прав граждан за границей, принцип межгосударственного сотрудничества, невмешательство во внутренние дела и др.), *общие принципы национального уголовного права и процесса* (законность, обеспечение неотвратимости ответственности за совершенное противоправное деяние, обеспечение подозреваемому, обвиняемому и осужденному права на квалифицированную юридическую помощь, осуществление правосудия на основе состязательности и равенства сторон, стимулирование правопослушного поведения граждан и др.), *специальные принципы* (противодействие только общеуголовным преступлениям, принцип двойной наказуемости (криминализации), принцип конкретности или специальности). Известный уголовному процессу принцип *ne bis in idem* приобретает новые границы в рамках института международной правовой помощи по уголовным делам.

Римское «*ne bis in idem*» подразумевает, что никто не должен быть вторично судим или наказан за преступление, за которое он уже был окончательно осужден или оправдан в соответствии с законом и уголовно-процессуальным правом каждой страны (ч. 7 ст. 14 Международного пакта о гражданских и политических правах). Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь (далее – УПК) распространяет его, прежде всего, на внутригосударственные судебные и подобные процессуальные решения (п. 8, 9 ч. 1 ст. 29 УПК). Он подразумевает запрет на осуществле-

---

[1] См.: Волженкина Б.В. Нормы международного права в российском уголовном процессе. СПб: Юридический центр Пресс, 2001. С. 69-72; Глумин М.П. Международно-правовая помощь по уголовным делам как институт уголовно-процессуального права России: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Нижегородская академия МВД России. Нижний Новгород, 2005. – С. 23.

ние уголовного преследования и постановление приговора в отношении деяния, которое уже было предметом вступившего в законную силу приговора (определения (постановления) суда о прекращении производства по уголовному делу, постановления органа дознания, следователя, прокурора о прекращении производства по уголовному делу или об отказе в возбуждении уголовного дела). Смысл данного принципа не только не допустить повторное наказание за одно и то же противоправное деяние, но и поставить барьер повторному производству по уголовному делу (например, в случае постановления оправдательного приговора).

По общему правилу, *ne bis in idem* не имеет международного действия и наличие приговора в отношении того же деяния в иностранном государстве не препятствует производству по уголовному делу в Республике Беларусь. Такой подход исходит из суверенного права каждого государства наказывать за противоправные деяния, которые подпадают под его юрисдикцию. В то же время в резолюции XVI Международного конгресса по уголовному праву (1999 г.) рассматриваемый принцип уже возведен в ранг прав человека, закрепленных во многих международный правовых актах. В связи с этим указывается, что «наказание, которое было исполнено за границей и которое касается того же деяния или того же правонарушения, которое является предметом второго уголовного преследования, должно приниматься во внимание при постановлении приговора всякий раз, когда назначается новое наказание»[1].

Нормы о распространении действия принципа *ne bis in idem* за пределы отдельного государства могут предусматриваться в международных договорах. Так, на основании ч. 1 ст. 7 Договора об особенностях уголовной и административной ответственности за нарушения таможенного законодательства таможенного союза и государств-членов Таможенного союза 2010 г. принцип действует на территории ЕАЭС в отношении нарушений таможенного законодательства таможенного союза и законодательства государств-участников, контроль за соблюдением которого возложен на таможенные органы, за совершение которых предусмотрена уголовная ответственность. В данном случае препятствием является наличие вступившего в законную силу приговора или иного судебного решения по уголовному делу. Кроме того, судебные решения иностранных государств по уголовным делам могут иметь преюдициальное значение на территории Республики Беларусь (ст. 8 Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее – УК)).

Несмотря на попытку распространения исследуемого принципа на территорию всех европейских государств, для них это также все еще не-

---

[1] Sixteenth international congress of penal law (Budapest, 5-11 September 1999) // Revue internationale de droit pénal. 1999. Vol. 70. P. 861-913.

достижимая цель[1]. Государства-члены Европейских Сообществ даже подписали Конвенцию о двойной наказуемости в 1987 г., но она не вступила в силу из-за отсутствия достаточных ратификаций. В рамках Европейского Союза этот принцип переместится на транснациональный уровень, если правовые последствия в одном государстве будут признаны всеми другими государствами. Это лишь дополнительный аспект принципа взаимного признания (*mutual recognition*)[2], который постепенно упрощает оказание международной правовой помощи в рамках данного Союза.

В этом контексте европейские юристы ожидают, например, решение Европейского Суда по делу № C-505/19, возбужденному по преюдициальному запросу административного суда г. Висбаден (Германия). Суть его заключается в том, что в отношении гражданина Германии в ФРГ прокуратурой было прекращено производство по уголовному делу с уплатой штрафа. Однако по тому же основанию «красное» извещение Интерпола было издано по запросу правоохранительных органов США. На территории Германии лицо не задерживают, руководствуясь *ne bis in idem*. Однако гражданин не может покинуть территорию государства гражданства, опасаясь быть задержанным в любом ином государстве-члене Европейского Союза. Немецкий суд просит установить, отвечают ли процедуры Интерпола европейскому законодательству о персональных данных, а также не требует ли сложившаяся ситуация применения принципа *ne bis in idem* на территории всего Европейского Союза. Решение Суда ЕС в данном случае может изменить возможности Интерпола на территории надгосударственного образования.

Национальные нормы о международной правовой помощи также содержат ограничения, основанные на принципе *ne bis in idem*. Общего запрета, распространяющегося на все виды помощи не имеется. Но наличие в Республике Беларусь неотмененного постановления органа уголовного преследования об отказе в возбуждении уголовного дела или о прекращении уголовного преследования, производства по уголовному делу либо вступивших в законную силу приговора или постановления (определения) суда Республики Беларусь о прекращении производства по уголовному делу, а равно правовых актов Республики Беларусь об амнистии или о помиловании по тому же деянию является препятствием для оказания помощи в виде выдачи лица иностранному государству для осуществления уголовного преследования и (или) отбывания наказания, выдачи на время для производства процессуальных действий, осуществления уголовного преследования лица, транзитной перевозки лица (п. 3, 8, 9 ч. 1 ст. 484,

---

[1] Bartsch, H.-J. Council of Europe: Ne Bis in Idem: The European Perspective // Revue internationale de droit pénal. 2002. Vol. 73. P. 1163-1171.

[2] Satzger, H. Internationales und europäisches Strafrecht, 5th ed. – Baden-Baden: Nomos, 2011. S. 184.

ст. 486, п. 1, 2 ст. 487, ст. 489 УПК). Это императивное основание для отказа в исполнении соответствующей просьбы органа иностранного государства. Схожее основание заложено в п. 4 ст. 488 УПК в отношении исполнения судебного решения иностранного государства по уголовному делу. Подобные нормы можно найти в международных договорах (например, п. в ч. 1 ст. 89 Конвенции СНГ о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам 2002 г.).

Как мы видим, в указанных случаях принцип *ne bis in idem* является продолжением внутригосударственного запрета на повторное осуждение (ст. 29 УПК). Законодатель исходит не из субъективного права человека не быть дважды уголовно преследуемым за одно и то же преступление, а из суверенного права государства преследовать лицо – именно его национальное процессуальное решение является ограничением для подобного процесса вне пределов такого государства и основанием отказа в поддержке такого процесса на своей территории. Наличие, например, приговора третьего государства по тому же обвинению формально не является препятствием для исполнения просьбы иностранного государства об оказании указанных видов международной правовой помощи по уголовным делам.

Сказанное не ограничивает суд в исследовании материалов, связанных с уголовным преследованием лица в третьем государстве по тому же обвинению. Так, постановлением заместителя Генерального прокурора Республики Беларусь от 20.11.2014 удовлетворена просьба Генеральной прокуратуры Российской Федерации о выдаче гражданина Украины С. для приведения в исполнение приговора городского суда Российской Федерации от 17.03.2008. С. в жалобе утверждал, что законных оснований для его выдачи Российской Федерации не имеется. Кроме прочего, за содеянное в Российской Федерации он был уже осужден на территории Украины, отбыл наказание, а в Республику Беларусь прибыл с семьей на постоянное место жительства. Рассмотрев жалобу, исследовав представленные материалы, судья Верховного Суда Республики Беларусь нашел, что жалоба С. удовлетворению не подлежит. Областным судом правильно признаны необоснованными доводы С. о его осуждении в 2007 г. на территории Украины за совершенное в Российской Федерации преступление и отбытии назначенного наказания, поскольку они опровергаются представленными материалами, достоверность которых сомнений не вызывает. Согласно материалам, уголовное дело по обвинению С. находилось в производстве городского суда Российской Федерации. По данному делу на территории иностранного государства С. к ответственности не привлекался[1].

---

[1] Постановление Верховного Суда Республики Беларусь от 06.01.2015 [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2021.

Если в отношении такого лица в Республике Беларусь осуществляется уголовное преследование за то же деяние, в отношении которого поступила просьба органа иностранного государства (т.е. окончательного решения по делу еще не принято), то выдача лица допускается (основание для отказа является факультативным).

Еще один аспект связан с передачей осуществления уголовного преследования и был выявлен в судебной практике в случае принятия производства по возбужденному уголовному делу. В такой ситуации пределы судебного разбирательства ограничены не только обвинением, предъявленным органами уголовного преследования Республики Беларусь, но и процессуальными решениями, связанными с обвинением, принятыми органами уголовного преследования запрашивающего государства в рамках возбужденного ими дела и не отмененными к моменту рассмотрения дела. Так, на основании ст. 73 Конвенции СНГ о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам 1993 г. орган уголовного преследования Республики Беларусь принял к своему производству из Российской Федерации уголовное дело в отношении А., обвиняемого в совершении преступлений, предусмотренных ч. 4 ст. 111 (умышленное причинение тяжкого вреда здоровью – аналог ч. 3 ст. 147 УК) и п. «в» ч. 4 ст. 162 (разбой в крупном размере – аналог ч. 3 ст. 207 УК) Уголовного кодекса Российской Федерации. В материалах переданного уголовного дела было также неотмененное постановление о прекращении уголовного преследования по пп. «ж», «з» ч. 2 ст. 105 Уголовного кодекса Российской Федерации (убийство, совершенное группой лиц, группой лиц по предварительному сговору или организованной группой; из корыстных побуждений или по найму, а равно сопряженное с разбоем, вымогательством или бандитизмом – аналог п. 6, 12, 15 ч. 2 ст. 139 УК). Орган уголовного преследования Республики Беларусь направил уголовное дело в суд с постановлением о привлечении А. в качестве обвиняемого за совершение преступлений, предусмотренных п. 6, 12, 15 ч. 2 ст. 139 и ч. 3 ст. 207 УК. Суд первой инстанции изменил квалификацию и приговором Брестского областного суда А. был осужден за совершение преступлений, предусмотренных ч. 3 ст. 147 и ч. 3 ст. 207 УК. Пересматривая уголовное дело, суд апелляционной инстанции поддержал постановленный приговор, указав, что расследование уголовного дела продолжилось на территории Республики Беларусь без нового возбуждения уголовного дела, а соответственно запрашиваемой стороной приняты не только материалы уголовного дела и доказательства, но и процессуальные решения, вынесенные по делу, имеющие правовое значение и влияющие на дальнейшее движение дела. По данному уголовному делу пределы судебного разбирательства определялись не только предъявленным в Беларуси обвинением, но и процессуальными решениями, принятыми органом

уголовного преследования и судом запрашивающей стороны[1]. В рассмотренном примере препятствием был п. 9 ч. 1 ст. 29 УПК, опосредующий принцип *ne bis in idem*: в отношении лица имелось неотмененное постановление следователя о прекращении производства по уголовному делу по тому же обвинению.

Можно вывести условия применения принципа *ne bis in idem* в рамках оказания международной правовой помощи[2]:

- тождественность лица (уголовное преследование должно быть в обоих государствах направлено против одного и того же лица);
- тождественность деяния (подразумевается то же действие или бездействие в фактическом, темпоральном и пространственном измерении, а не тождественность квалификации);
- процессуальное решение по делу или в отношении лица должно быть вступившим в законную силу;
- процессуальное решение по делу или в отношении лица должно быть окончательным (как мы видели выше, это может быть не только приговор, но и, например, постановление следователя о прекращении уголовного преследования);
- уголовно-правовая природа решения (если в отношении лица за то же деяние наложено административное взыскание, то это не является препятствием для оказания международной правовой помощи, что не мешает отказать, исходя из принципа двойной наказуемости).

Таким образом, установлено, что законодательство Республики Беларусь предусматривает применение принципа *ne bis in idem* к таким видам международной правовой помощи по уголовным делам как выдача лица иностранному государству для осуществления уголовного преследования и (или) отбывания наказания, осуществление уголовного преследования лица, исполнение судебного решения иностранного государства. Признавая переход принципа *ne bis in idem* в разряд субъективных прав человека, законодателю следует стремиться к тому, чтобы рассматриваемый принцип становился процессуальным препятствием для оказания международной помощи иностранному государству, если в любом государстве лицо уже было привлечено к уголовной ответственности. При этом должны соблюдаться условия тождественности лица, тождественности деяния, наличия уголовно-процессуального окончательного решения, вступившего в законную силу.

---

[1] Судебные постановления Верховного Суда Республики Беларусь по уголовным делам // Судовы веснік. 2018. № 2. С. 36-37.

[2] European Criminal Law and Procedure / Ed. G. Schmölzer, T. Krüßmann. Minsk: BSU, 2021. P. 136-137.

В.В. Семенова, *канд. юрид. наук,*
старший преподаватель кафедры уголовного права
Санкт-Петербургского университета МВД России
Э.В. Янковая, *слушатель 162 учебной группы*
факультета подготовки сотрудников
для подразделений по работе с личным составом
Санкт-Петербургского университета МВД России

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СОВРЕМЕННЫХ ИНФОРМАЦИОННО-ТЕЛЕКОММУНИКАЦИОННЫХ СЕТЕЙ ПРИ СОВЕРШЕНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

На сегодняшний день проблема совершения преступлений посредством современных информационно-телекоммуникационных технологий, куда входят сеть Интернет, средства мобильной связи, IT-технологии и т.д. (далее – ИТТ) становится особенно злободневной ввиду прогрессирующего развития информационных технологий, перехода экономики в цифровой вид, а также в связи с мировой пандемией, перенесшей большую часть сфер общественной жизни на дистанционную работу, связанную с деятельностью в компьютере и сети Интернет.

Так, проблема совершения преступлений посредством ИТТ присутствует в банковской и финансовой сферах, телекоммуникациях, электронной торговле и др. Организации, работающие в этих сегментах рынка, регулярно сталкиваются с попытками так называемых кибермошенников незаконно завладеть товарами или некими электронными услугами[1].

Сама преступность в использование ИТТ занимает одно из центральных мест в числе особо сложных с точки зрения раскрываемости преступлений, что объясняется недостаточной изученностью данной проблематики, а также низкой развитостью современных технологий, позволяющих идентифицировать и найти злоумышленников.

Использование лицами современных технологий позволяет им дистанцироваться от потерпевшего, предпринимать меры безопасности, значительно увеличивающие их шансы уйти от уголовной ответственности. Лица создают для этого аккаунты в «даркнете», что является скрытой отдельной сетью.

Наиболее популярным видом преступления, где используются ИТТ, являются хищения. Преступники, при их совершении применяют все более продвинутые и изощренные способы, варианты реализации своих пре-

---

[1] Методические рекомендации по раскрытию преступлений, совершенных с использованием сети Интернет, средств мобильной связи, IT-технологий, подготовленные ГУ МВД России по Санкт-Петербургу и Ленинградской области. 2020.

ступных деяний, среди которых можно выделить следующие виды бесконтактного хищения: мошенничество, вирусы, фишинг, кардинг, создание подложных сайтов, предложение несуществующих товаров и услуг, знакомство в Интернете, социальная инженерия, попрошайничество и т.д.

Например, гр. Б., совершил преступление, предусмотренное ч. 1 ст. 159 УК РФ, а именно, гр. Б. с целью получения потребительского кредита (займа) в ООО МФК «***», путем обмана, использовав паспортные данные на имя …, умышленно, из корыстных побуждений, с целью наживы, при помощи мобильного телефона с IMEI 35977505037***, вышел в сеть Интернет, под IP адресом 217.66.152.** и действуя умышленно, осознавая противоправность своих действий, создал личный кабинет от имени ***, отправил заявку на потребительский кредит, который был ему одобрен и в дальнейшем сумма в размере 13650 руб. 00 коп. была переведена на указанный гр. Б. в заявке счет[1].

И таких примеров в практической деятельности очень много. Посредством сети Интернет совершается большое количество различных сделок, безопасность которых не всегда возможно проверить. При этом использование ИТТ в совершении данных деяний не является квалифицирующим признаком.

Однако хищение не является единственным видом преступности, где злоумышленники используют ИТТ и где отсутствует указанный квалифицирующий признак. Огромное количество преступных деяний совершается каждый день в глобальной сети, среди которых присутствуют заказные убийства, нарушение авторских прав, склонение к потреблению наркотиков, вовлечение в занятие проституцией, и даже преступления в политической сфере и др.

Например, гр. Г. совершил преступление, предусмотренное п. «в» ч. 3 ст. 146 УК РФ, а именно, действуя с прямым умыслом, из корыстных побуждений, используя свой персональный компьютер, с подключенным к нему флеш-накопителем, без согласия правообладателя ООО «Пиманов и партнеры», приобрел путем загрузки на указанный флеш-накопитель художественный фильм «Крым» и 4 серии фильма «Слава», в целях дальнейшего сбыта их посредством ИТТ[2].

В данном случае сеть «Интернет» не только облегчает лицу совершение преступления, но и увеличивает ущерб, причиненный правообладателям. Обратим внимание, что в последнее время преступления в сфере

---

[1] Материалы уголовного дела № 118014000140011**, возбужденного отделом дознания ОМВД России по Колпинскому району г. Санкт-Петербурга, 2018 г.

[2] Приговор Новохоперского районного суда Воронежской области по уголовному делу № 1-32/2020 от 13 мая 2020 г. [Электронный ресурс] // Судебные и нормативные акты РФ. URL: https://sudact.ru/ (дата обращения: 22.02.2021).

нарушения авторских и смежных прав в 75% совершаются с использованием ИТТ.

При этом отметим, что особая опасность совершения склонения к потреблению средств и веществ, представляющих угрозу здоровью населения (ст. 230 УК РФ), сбыта сильнодействующих и ядовитых веществ (ст. 234 УК РФ), вовлечение в занятие в проституцию (ст. 240 УК РФ) с использованием ИТТ, заключается в том, что с помощью сети «Интернет» максимально охватываются различные категории граждан, в связи с чем наркомания и токсикомания распространяется даже в тех уголках страны, где сами сбытчики, по сути, не присутствуют. Нельзя оставлять без внимания и то, что ресурсы сети «Интернет» беспрепятственно могут посещать несовершеннолетние, которые в силу особенностей психофизиологического развития подвержены формированию разного рода зависимостей[1].

Кроме этого, набирает обороты так называемый «буллинг» или травля, который заключается в систематическом и целенаправленном давлении на личность, в издевательствах.

Зачастую данному процессу подвергаются дети и подростки, которые ввиду своей доверчивости и неустоявшейся психики легко поддаются внешнему воздействию, и, таким образом, совершают аморальные и противоправные деяния под руководством третьих лиц, о жизни и профессиональной деятельности которых не имеют ни малейшего представления (ст. 150 и 151 УК РФ). Наиболее опасным «буллинг» становится, когда из-за систематичной и долговременной травли «жертва» накладывает на себя руки, но здесь уже прослеживается состав иного преступления – склонение или доведение до самоубийства (ст. 110, 110[1] УК РФ), где законодателем предусмотрен квалифицирующий признак, включающий в себя ИТТ.

Мы рассмотрели лишь часть деяний, которые совершаются с использованием ИТТ, где данный признак не является квалифицирующим.

По нашему мнению, совершение преступлений с использованием ИТТ помимо того, что повышает степень общественной опасности, также затрудняет возможность обнаружить субъект преступления, чем самым затягивает и осложняет процесс расследования преступления, порой лицо, совершающее преступление с использованием ИТТ находится в другой стране.

Учитывая тот факт, что в большинстве составов преступлений, совершение которых возможно с ИТТ, отсутствует данный квалифицирую-

---

[1] Семенова В.В. Влияние сети «Интернет» на распространение сильнодействующих веществ // Актуальные проблемы борьбы с преступностью на современном этапе: сборник статей Международной научно-практической конференции. 28-30 октября 2020 г. Волгоград, 2020. С. 215.

щий признак, считаем необходимым рассмотреть вопрос о дополнении ст. 63 УК РФ, обстоятельством, отягчающим наказание – совершение преступления с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей (включая сеть «Интернет»).

А.В. Федотова,
старший преподаватель кафедры общеправовых дисциплин
Дальневосточного юридического института МВД России

ОСОБАЯ ЖЕСТОКОСТЬ КАК КВАЛИФИЦИРУЮЩИЙ ПРИЗНАК УМЫШЛЕННОГО ПРИЧИНЕНИЯ ВРЕДА ЗДОРОВЬЮ

Уголовное законодательство РФ содержит ряд понятий, при этом, не раскрывая их подробное содержание и смысл, что позволяет правоприменителю и законодателю относить данные понятия к категории оценочных. Представляется возможным проанализировать такое оценочное понятие уголовного закона как «особая жестокость» и определить теоретическую и практическую значимость представленной формулировки указанного квалифицирующего признака.

Статья 3 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) гласит о недопустимости применения уголовного закона по аналогии, придавая данному источнику статус единственного в уголовном праве. Как известно, формирование и разъяснение основных спорных вопросов в правоприменительной практике, конкретизация смысла уголовно-правовой нормы является прерогативой Верховного Суда РФ. При квалификации преступных деяний и принятии решений по уголовным делам невозможно ссылаться только на разъяснения постановлений Пленумов Верховного Суда РФ (далее – ППВС РФ), однако, оставлять их без внимания не рекомендуется, так как содержащиеся в них разъяснения должны учитываться субъектами уголовного судопроизводства, что в дальнейшем будет способствовать единообразному применению закона.

Некоторые преступления против здоровья содержат квалифицирующий признак «особая жестокость, издевательства, мучения для потерпевшего» (ст.ст. 111, 112 УК РФ). Повышенная общественная опасность совершения данных преступлений позволяет отнести особую жестокость к обстоятельствам, отягчающим наказание. Данные признаки относятся к оценочным, которые, безусловно, придают уголовным нормам качество гибкости и полноты, что является положительным аспектом, но с другой стороны – вызывают негативные последствия со стороны правоприменителя ввиду субъективного толкования и влекут за собой следственные и судебные ошибки.

Относительно определения «особая жестокость» существуют различные позиции ученых. Так, А.Н. Попов под особой жестокостью понимает «причинение потерпевшему особых физических или нравственных страданий»[1]. Т.А. Плаксина высказывается о том, что особая жестокость – это исключительно тяжкие страдания[2]. Неоднозначная позиция со стороны теоретиков, приводит к разным выводам относительно понятия «особая жестокость» со стороны судебных органов при рассмотрении конкретных уголовных дел. Анализ обвинительных приговоров по результатам рассмотрения уголовных дел о преступления против здоровья показал, что в некоторых приговорах суды апеллируют понятиями «мучения и страдания», в других – «пытки и страдания», «издевательства», «особая жесткость».

Критерий особой жестокости разъяснен в постановлении Пленума Верховного суда РФ от 27.01.1999 № 1 «О судебной практике по делам об убийстве», где в п. 8 указано «Признак особой жестокости наличествует, в частности, в случаях, когда перед лишением жизни или в процессе совершения убийства к потерпевшему применялись пытки, истязание или совершалось глумление над жертвой...»[3]. Исходя из данной формулировки возможно предположить, что понятие «особая жестокость» поглощает понятия «мучения», «пытки», «издевательства» и под ним следует понимать такие деяния, которые сопровождаются специфичным способом совершения преступления. Так, жестокость переходит из простой формы в особую, когда лицом совершаются деяния, приносящие чрезмерные страдания, на протяжении продолжительного времени, с определенной степенью интенсивности и потерпевшему причиняются излишние мучения, которые не обусловлены сущностью совершаемого преступления, в итоге лицу наносится исключительно тяжкий (чрезмерный, сильный) вред, не диктуемый основной целью преступного деяния и с субъективной стороны преступления, являющийся явно излишним[4]. Безусловно, стоит отметить, что страдания, как форма проявления боли, являются результатом особой жестокости. Кроме того, к признаку особой жестокости возможно отнести личность преступника, когда своими действиями им причиняются страдания, мучения потерпевшему, его близким лицам.

---

[1] Попов А. Н. Убийство при отягчающих обстоятельствах. СПб. : Юридический центр Пресс, 2003. С. 362.

[2] Плаксина Т. А. Социальные основания квалифицирующих убийство обстоятельств и их юридическое выражение в признаках состава преступления. Барнаул, 2006. С. 244.

[3] Постановление Пленума Верховного суда РФ от 27.01.1999 № 1 «О судебной практике по делам об убийстве» // Доступ СПС «Консультант Плюс» (дата обращения: 18.03.2021).

[4] Меньшикова А. Г. «Особая жестокость как оценочное понятие» // Электрон. прил. к «Рос. юрид. журн. 2013. № 1; URL: http://electronic.ruzh.org/?q=ru/node/366.

Следственная практика также не находит однозначного пути решения обозначенной проблемы при расследовании уголовных дел. Так, при производстве предварительного следствия по уголовным делам о преступлениях, предусмотренных п. «б» ч. 2 ст. 111 УК РФ, стороне обвинения не всегда возможно определить (исходя из обстоятельств совершения преступления, показаний виновного лица и потерпевшего), какие действия имели место быть: мучения, издевательства или особая жестокость? Альтернативность квалифицирующего признака не позволяет дать конкретную оценку совершенным действиям виновного. В связи с этим, считаем, что содержание п. «б» ч. 2 ст. 111 УК РФ возможно представить в следующей формулировке: «в отношении малолетнего или иного лица, заведомо для виновного находящегося в беспомощном состоянии, а равно с особой жестокостью», исключив оценочные критерии «мучения», «издевательства», так как при квалификации деяния возможно ограничиться одним – особая жестокость, которое в своей формулировке содержит все вышеупомянутые понятия (действия). В таком контексте законодателем представлены п. «б» ч. 2 ст. 131 УК РФ и п. «б» ч. 2 ст. 132 УК РФ, где признак «особая жестокость» исключает иные критерии, свидетельствующие о физическом насилии, боли – издевательства, мучения, пытки и пр.

Исходя из квалифицирующих признаков ст.ст. 111, 112 УК РФ, понятие «мучения» следует рассматривать, как преступные действия, а не как результат, под которыми понимается длительное лишение лица возможности удовлетворять естественные потребности, создание вредных и опасных условий для существования и т.д. Результатом же мучений выступают страдания и в совокупности данные негативные критерии обретают характер особой жестокости. Издевательства – самостоятельные акты поведения, свидетельствующие об особой жестокости. По своему содержанию издевательства близки к мучениям, так как свидетельствуют о причинении боли и страданий потерпевшему. Нельзя не согласиться с мнением А.Н. Попова: «жестокость включает в себя и издевательства, и мучения, и истязания, и пытки, и садизм, так как все эти критерии раскрывают суть одного явления – причинение физических и психических страданий»[1].

Давать определение понятия «особая жестокость» в уголовном законе не представляет никакой целесообразности, так как лишняя терминология, чрезмерная детализация будет только утяжелять его текст, при этом, считаем более рациональным закрепить данную позицию на уровне разъяснений высшей судебной инстанции, а в частности, применительно к умышленному причинению вреда здоровью (ст.ст. 111, 112 УК РФ)

Учитывая, что законодатель не успевает своевременно и быстро реагировать на изменения судебной практики, то Верховный Суд РФ в дан-

[1] Попов А. Н. Указа. соч. С. 362.

ном вопросе обладает более «мобильными» свойствами, что может отражать в своих разъяснениях. Изменение содержания и формы понятия «особая жестокость» позволит выделить наиболее четкие критерии и признаки данного понятия.

Верховный Суд РФ, разъясняя проблемные вопросы правоприменительной практики, должен облегчать работу практических работников. Содержание в разъяснениях оценочных выражений приводят к необходимости обращаться к иным источникам для интерпретации понятий и реализации возможности их применения на практике. Данный факт отягощает процедуру расследования и как результат – приводит к появлению ошибок в судебной и следственной практике.

А.Г. Хлебушкин, *доктор юрид. наук, доцент,*
профессор кафедры уголовного права и уголовного процесса
Санкт-Петербургского государственного
экономического университета

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ КРИМИНАЛИЗАЦИИ ЭКСТРЕМИЗМА

Развитие права должно соответствовать общественному развитию в конкретный исторический период и способствовать такому развитию. Именно развитию – нельзя ограничивать право целью стабилизации и охраны общественных отношений. В науке наряду с регулятивно-статической и регулятивно-охранительной выделяется также регулятивно-динамическая функция права, при выполнении которой воздействие права нацелено как на совершенствование существующих общественных отношений, так и на возникновение новых[1].

Разумеется, развитие общественных отношений влечет изменение объема и содержания уголовно-правовой материи. Инструментами такого изменения выступают, прежде всего, методы уголовно-правовой политики, ведущим из которых является криминализация. Правильное и научно обоснованное их применение само по себе уже выступает одной из гарантий предотвращения негативных социальных последствий неправильного использования средств уголовного права.

Применяются данные методы для защиты личности, общества и государства от различных угроз, одной которых сегодня является экстремизм.

---

[1] См.: Байтин М.И. Сущность права (Современное нормативное правопонимание на грани двух веков). Изд. 2-е, доп. М.: ООО ИД «Право и государство», 2005. С. 169.

В Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года[1] (далее – Стратегия противодействия экстремизму) отмечаются основные угрозы экстремистского характера. В настоящей работе буду сопоставлены данные угрозы и положения УК РФ с целью определения уровня соответствующего уголовно-правового реагирования.

В п. 8 Стратегии противодействия экстремизму в качестве угроз указывается деятельность иностранных или международных неправительственных организаций, направленная на дестабилизацию обстановки в Российской Федерации, нарушение территориальной целостности Российской Федерации, распространение экстремистской идеологии.

Противодействие деятельности таких организаций в рамках противодействия экстремизму в целом берет свое начало в 2002 г., когда вследствие принятия Федерального закона от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности»[2] (далее – Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ) были криминализированы организация экстремистского сообщества и участие в нем (ведена ст. 282^1 УК РФ), а также организация деятельности экстремистской организации и участие в деятельности такой организации (введена ст. 282^2 УК РФ). Если экстремистское сообщество – это исключительно криминальное объединение, характеризующееся (как разновидность организованной группы) обязательно преступными целями, то экстремистская организация сама по себе преступным объединением не является, поскольку согласно ст. 1 Федерального закона от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ экстремистская организация – это общественное или религиозное объединение либо иная организация, в отношении которых судом принято решение о ликвидации или запрете деятельности в связи с осуществлением экстремистской деятельности. В свою очередь, экстремистская деятельность, исходя из содержания ст. 1 Федерального закона от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ, где приведено ее понятие, может быть и непреступной, а выражаться, например, в совершении административных правонарушений – публичном демонстрировании нацистской атрибутики или символики (ст. 20.3 КоАП РФ) либо распространении экстремистских материалов (ст. 20.29 КоАП РФ).

На примере ст. 282^2 УК РФ мы видим удачную реализацию двухэтапного противодействия деятельности опасных объединений – сначала они признаются экстремистскими организациями и ликвидируются (запрещаются) по основаниям, предусмотренным Федеральным законом от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ, и далее выполнение судебного решения обеспечивается силой уголовной репрессии, поскольку организация их дея-

---

[1] Утв. Президентом РФ 28.11.2014 № Пр-2753 (с изм., внесенными Указом Президента РФ от 29.05.2020 № 344) // СПС «Консультант Плюс».

[2] Собрание законодательства РФ. 2002. № 30. Ст. 3031; 2020. № 50 (Ч. III). Ст. 8074.

тельности и участие в такой деятельности уже включаются в круг уголовно наказуемых деяний.

Несколько схожий (в части наличия двух этапов) подход получил отражение во введенной в 2015 г. ст. 284[1] УК РФ, устанавливающей ответственность за осуществление деятельности на территории нашей страны иностранной или международной неправительственной организации, деятельность которой на территории Российской Федерации признана нежелательной. Но есть и отличия – если экстремистской организация может быть признана только судом, то деятельность обозначенной в ст. 284[1] УК РФ организации признается нежелательной на основании решения, которое принимает Генеральный прокурор РФ (либо его заместители)[1].

В п. 9 Стратегии противодействия экстремизму при дальнейшей характеристике экстремистских угроз акцент сделан на распространении определенной опасной идеологии, а также на склонении, вербовке и ином вовлечение лиц в деятельность экстремистских сообществ и иную противоправную деятельность. В данном пункте также отмечаются межнациональные (межэтнические) и территориальные противоречия и конфликты в отдельных субъектах Российской Федерации, которые приводят к сепаратистским проявлениям и создают угрозы для ее территориальной целостности.

Говоря о распространении экстремистской и иной опасной идеологии нельзя не затронуть вопрос о публичных призывах к осуществлению общественно опасной деятельности. В части противодействия экстремизму здесь снова следует выделить 2002 г., когда была изменена ст. 280 УК РФ, которая в редакции 1996 г. устанавливала ответственность за публичные призывы к насильственному захвату власти, насильственному удержанию власти или насильственному изменению конституционного строя Российской Федерации. В настоящее время она предусматривает ответственность за публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности, довольно обширное понятие которой приведено в ст. 1 Федерального закона от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ (по сути данное понятие представляет собой простой перечень деяний, отнесенных к экстремизму).

Обеспечение «в чистом виде» (т.е. с выделением из общего содержания экстремистской деятельности по смыслу ст. 280 УК РФ) территориальной целостности в рамках противодействия угрозам экстремистского характера проходило в два этапа: в 2013 г. была введена ст. 280[1] УК РФ, устанавливающая ответственность за публичные призывы к осуществле-

---

[1] См.: ст. 3[1] Федерального закона от 28 декабря 2012 г. № 272-ФЗ «О мерах воздействия на лиц, причастных к нарушениям основополагающих прав и свобод человека, прав и свобод граждан Российской Федерации» (в ред. Федерального закона от 30.12.2020 № 482-ФЗ) // Собрание законодательства РФ. 2012. № 53 (Ч. I). Ст. 7597; 2017. № 14. Ст. 1994; 2021. № 1. (Ч. 1). Ст. 21.

нию действий, направленных на нарушение территориальной целостности Российской Федерации (статья вступила в силу 9 мая 2014 г.), и в 2020 г. была введена ст. 280[2] УК РФ, устанавливающая ответственность за нарушение территориальной целостности Российской Федерации.

Относительно упоминавшихся склонения, вербовки, иного вовлечения лиц в деятельность объединений экстремистской направленности можно отметить расширение в 2014 г. признаков составов преступлений, предусмотренных ст. 282[1] и ст. 282[2] УК РФ путем введения в них описания новых уголовно наказуемых деяний – склонения, вербовки или иного вовлечения лица в деятельность, соответственно, экстремистского сообщества и экстремистской организации.

В п. 10 Стратегии противодействия экстремизму отмечаются угрозы, связанные с искажением истории, возрождением идей нацизма и фашизма. В целях противодействия данным деяниям была введена ст. 354[1] УК РФ (в 2014 г.), устанавливающая ответственность за реабилитацию нацизма. Однако если все рассмотренные нами выше нормы УК РФ расположены в главе 29 УК РФ «Преступления против основ конституционного строя и безопасности государства», что определяется их видовым объектом, то реабилитация нацизма отнесена к преступлениям против мира и безопасности человечества (глава 34 УК РФ), что является абсолютно оправданным решением. Прежде всего, это связано с необходимостью недопущения пересмотра истории и распространения соответствующей идеологии, связанной с отрицанием фактов, установленных приговором Международного военного трибунала, что представляет угрозу не только для какой-либо одной отдельной страны. Именно идеи Нюрнберга, как верно отмечает А.В. Наумов, остаются базой для разработки теоретических основ уголовной ответственности за преступления против мира и безопасности человечества[1]. Также в науке при оценке расположения данной нормы в УК РФ подчеркивается, что нацизму присуща так называемая «геноцидальная цель», которая и определяет место данного преступления в главе 34 УК РФ[2].

В п. 13 Стратегии противодействия экстремизму к наиболее опасным проявлениям экстремизма отнесено возбуждение ненависти либо вражды по различным признакам (пола, расы, национальности и др.). Эти деяния криминализированы в рамках ст. 282 УК РФ. Также в данном пункте Стратегии называются организация и проведение несогласованных публичных мероприятий (включая протестные акции), массовых беспо-

---

[1] См.: Наумов А.В. Война по своему существу – зло // Уроки Нюрнберга и проблемы международной законности: материалы Международной конференции (Москва, 10 ноября 2006 г.). М.: Мысль, 2007. С. 238.

[2] См.: Кибальник А., Иванов А. Уголовная ответственность за реабилитацию нацизма (ч. 1, 2 ст. 354[1] УК РФ) // Уголовное право. 2015. № 4. С. 28.

рядков, подготовка террористических актов. Ответственность за массовые беспорядки установлена ст. 212 УК РФ. Ст. 212[1] УК РФ, введенная в 2014 г., устанавливает ответственность за неоднократное нарушение установленного порядка организации либо проведения собрания, митинга, демонстрации, шествия или пикетирования. Ответственность за террористический акт предусмотрена ст. 205 УК РФ. Все три последних названых преступления объединяет видовой объект – общественная безопасность (все они описываются нормами главы 24 УК РФ).

Таким образом, на сегодняшний день противодействие основным угрозам, указанных в Стратегии противодействия экстремизму, обоснованно обеспечивается специфическими средствами уголовного права.

Однако необходимо отметить еще одно обстоятельство – административную преюдицию, которая из рассмотренных норм включена в ст.ст. 280[1], 282, 212[1] и 284[1] УК РФ. И если в ст. 212[1] и 284[1] УК РФ она была изначально, то в ст. 280[1] и 282 УК РФ она была введена в 2018 и 2020 гг. соответственно. Чем было обусловлено такое решение на фоне сохранения опасности угроз экстремистского характера и их публичного признания? Одним из правил криминализации является экономия репрессии. М.И. Ковалев, выделяя принцип такой экономии, подчеркивал необходимость ориентироваться на значительную общественную опасность криминализируемых поступков, причем как с позиции уголовной политики, так и правосознания. Также он указывал, что следует обеспечивать соответствие наказания за совершение деяний представлениям граждан об их тяжести[1].

Там, где достаточно административного наказания для защиты интересов личности, общества и государства, уголовное право применяться не должно. Отметим, однако, что введению административной преюдиции в ст. 282 УК РФ предшествовали определенные проблемы квалификации распространения в информационно-телекоммуникационных сетях информации с признаками экстремизма, а равно выражения отношения к ней, и дважды (в 2016 и 2018 гг.) в постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28 июня 2011 г. № 11 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности»[2] вносились изменения с разъяснениями по уголовно-правовой оценке таких деяний. Возможно, именно фактическое «размытие» границ между общественно опасными и не являющимися таковыми деяниями в конкретных ситуациях и побудила законодателя «перевести» действия, которые были предусмотрены ст. 282 УК РФ до анализируемых изменений, в разряд административных правонарушений (при отсутствии отягчающих обстоятельств).

---

[1] Ковалев М.И. Уголовное правотворчество и законодательная техника // Криминология и уголовная политика. М.: Институт государства и права АН СССР, 1985. С. 113.
[2] Бюллетень Верховного Суда РФ. 2011. № 8; 2017. № 1; 2018. № 11.

Таким образом, сегодня в раках УК РФ сформирована целостная система антиэкстремистских норм, которая не остается неизменной, что обусловлено изменениями в жизни общества и государства, появлением новых угроз или переоценкой уже ранее существовавших. Это в целом закономерный процесс. Однако в любом случае необходимо четко соблюдать выработанные наукой принципы криминализации – основного метода уголовно-правовой политики, которая является частью уголовной политики. Последняя, в свою очередь, как справедливо отмечают М.М. Бабаев и Ю.Е. Пудовочкин, должна быть «адекватным отражением реального положения дел во всех сферах жизнедеятельности нашего общества»[1]. Только в этом случае уголовный закон будет действительно социально обусловленным, что является обязательной предпосылкой эффективного выполнения стоящих перед ним охранительной и предупредительной задач.

О.А. Чабукиани *канд. юрид. наук, доцент*
доцент кафедры уголовного права и уголовного процесса
Санкт-Петербургского государственного
экономического университета

ПРОБЛЕМЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ РЕЗУЛЬТАТОВ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ПРОЦЕССЕ ДОКАЗЫВАНИЯ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ О МОШЕННИЧЕСТВЕ

Оперативно-розыскная деятельность регламентируется Федеральным законом от 12.08.1995 года № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности»[2] (далее ФЗ «Об ОРД»). Порядок предоставления результатов определен Инструкцией «О порядке предоставления результатов оперативно-розыскной деятельности органу дознания, следователю или в суд», утвержденной совместным приказом от 27.09.2013 года[3].

---

[1] См.: Бабаев М.М., Пудовочкин Ю.Е. Проблемы российской уголовной политики. М.: Проспект, 2016. С. 38.

[2] Федеральный закон от 12.08.1995 года «Об оперативно-розыскной деятельности» (в ред. от 30.12.2020) [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_7519/ – дата обращения 01.04.2021.

[3] Приказ МВД России № 776, Минобороны России № 703, ФСБ России № 509, ФСЩ России № 507, ФТС России № 1820, СВР России № 42, ФСИН России № 535, ФСКН России № 398, СК России № 68 от 27.09.2013 года «Об утверждении Инструкции о порядке предоставления результатов оперативно-розыскной деятельности органу дознания, следователю или в суд» (зарегистрировано в Минюсте России 05.12.2013 года № 30544) [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_155629/ – дата обращения 01.04.2021.

На практике возникает много вопросов по порядку легализации результатов оперативно-розыскной деятельности (далее ОРД), что вызвано отсутствием требований в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации (далее УПК РФ) к результатам ОРД, предоставляемым для последующего использования в качестве доказательств по уголовным делам. Статья 89 УПК РФ содержит запрет на использование таких результатов в случае, если они не отвечают требованиям, предъявляемым к доказательствам.

П. 9 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации (далее ППВС РФ) от 29.11.2016 года № 55 «О судебном приговоре» содержит требование о легализации результатов ОРД при наличии оснований и с соблюдением условий, предусмотренных статьями 7 и 8 ФЗ «Об ОРД», путем проведения соответствующих следственных действий. Например, произведенные аудио- и видеозаписи, изъятые предметы и документы должны быть осмотрены и приобщены к делу; обнаруженные вещества – подвергнуты экспертным исследованиям; лица, участвующие в проведении оперативно-розыскных мероприятий, – при необходимости допрошены в качестве свидетелей. Названное ППВС РФ разрешает возникающие на практике проблемы и содержит запрет на восполнение признанного недопустимым в установленном законом порядке результата ОРД путем допроса сотрудников органов, осуществлявших ОРМ. Но это ППВС РФ не снимает всех возникающих на практике вопросов.

В действующий ФЗ «Об ОРД» с момента его вступления в силу внесено множество изменений и дополнений 30 Федеральными законами, на рассмотрение Конституционного Суда Российской Федерации подано 285 жалоб на предмет соответствия применяемым нормам Конституции РФ[1], свыше 200 жалоб направлено в Европейский Суд по правам человека (большая часть из которых были направлены до 2013 года[2]) и ежегодно около 500 нарушений законодательства об ОРД ежегодно выявляются прокурорами в ходе осуществления надзора за органами, осуществляющими ОРД[3]. Что же приводит к такому количеству нарушений и сомнениям в законности принимаемых решений?

---

[1] Данные приводятся с официального сайта Конституционного Суда Российской Федерации. Тематика обращений в Конституционный Суд Российской Федерации [Электронный ресурс] / http://www.ksrf.ru/ru/Petition/Pages/Statistic.aspx – дата обращения 30.03.2021.

[2] Брайди Н. Использование результатов оперативно-розыскных мероприятий в уголовном процессе в свете решений ЕСПЧ по жалобам в отношении Российской Федерации // Журнал конституционного правосудия. 2013. № 5. С. 30.

[3] Бабичев Д.А. Соотношение прокурорского надзора и ведомственного контроля за законностью решений в оперативно-розыскной деятельности // Вестник Российской правовой академии. 2020. № 1. С. 36-43, 38

В юридической литературе приводится множество проблем, выявленных в ходе проведения оперативно-розыскных мероприятий[1], выпущено более 10 комментариев к ФЗ «Об ОРД»[2], иногда трактовки существенно разняться с учетом мнения различных научных школ, порожденных отсутствием понятийного аппарата, различием практики применения отдельных положений и ведомственных инструкций. Так, определений опроса как оперативно-розыскного мероприятия более ста[3], в ОРМ – около полутора десятков[4].

Рассмотрим на примере выявления, пресечения и расследования уголовных дел о мошенничестве некоторые сложности легализации результатов оперативно-розыскной деятельности.

В соответствии с ФЗ «Об ОРД» задачами оперативно-розыскной деятельности являются:

- выявление, предупреждение, пресечение и раскрытие преступлений, а также выявление и установление лиц, их подготавливающих, совершающих или совершивших;
- осуществление розыска лиц, скрывшихся от органов дознания, следствия и суда, уклоняющихся от уголовного наказания, а также розыска без вести пропавших;
- добывание информации о событиях или действиях (бездействии), создающих угрозу государственной, военной, экономической, информационной или экологической безопасности Российской Федерации;
- установление имущества, подлежащего конфискации.

Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации (далее ППВС РФ) от 30.11.2017 года № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате»[5] рассматривает вопросы квалификации, но не проблемы доказательственного права. Большая часть работ по методике расследования отдельных видов мошенничества также

---

[1] Захарцев С.И., Игнащенков Ю.Ю., Сальников В.П. Оперативно-розыскная деятельность в XXI веке: Монография. М.: Норма, 2015. 400 с.; Захарцев С.И., Сальников В.П. Краткие зарисовки о науке и правовом регулировании оперативно-розыскной деятельности // Юридическая наука: история и современность. 2019. № 7. С. 151-157.

[2] Оперативно-розыскная деятельность: Научно-практический комментарий (постатейный) к Федеральному закону / Под редакцией Бастрыкина М.: Изд-во «Юрлитинформ». 2020. 280 с.

[3] Карпухин С.В. Правовое регулирование опроса в оперативно-розыскной деятельности: Дис. … канд. юрид. наук. (12.00.09). СПб., 2005. 197 с.

[4] Чечётин А.В. О понятии оперативно-розыскных мероприятий // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями. 2003. № 3. С. 49.

[5] Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 30.11.2017 года № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» [Электронный ресурс] // Справочно-правовой портал Гарант https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71723288/ – дата обращения 01.04.2021.

содержит лишь порядок проведения отдельных следственных действий, вскользь упоминая о важности результатов ОРД[1].

Мы согласны с мнением А.Л. Пермякова[2] о том, что определенные сложности возникают не только в ходе легализации результатов проведенных оперативно-розыскных мероприятий, но и при взаимодействии следственных и оперативных подразделений, вызванных различием критериев эффективности их деятельности.

Результаты ОРД не могут и не должны отвечать требованиям доказательств по уголовному делу, так как собираются не субъектом, указанным в ст. 86 УПК РФ, имеют свои основания и условия проведения, регламентированные не УПК РФ, а ФЗ «Об ОРД», выбор конкретного оперативно-розыскного мероприятия осуществляется не следователем, дознавателем, а подразделениями, имеющими право осуществления ОРД. Учитывая, что оперативно-розыскная деятельность представляет из себя вид государственной деятельности, осуществляемой гласно и негласно оперативными подразделениями государственных органов, уполномоченных на то соответствующим федеральным законом, в пределах их полномочий посредством проведения ОРМ, имеющая свои цели и задачи, находящаяся под ведомственным и судебным контролем, а также прокурорским надзором, то результаты такой деятельности должны быть признаны допустимыми как отдельный вид доказательства, не требующим дополнительной проверки со стороны следователей и дознавателей. Суждения о необходимости рассмотрения результатов ОРД как потенциальных доказательств по уголовному делу уже высказывались в научной литературе[3].

В научной литературе и судебной практике выявлялись случаи фальсификации материалов оперативно-розыскной деятельности с целью привлечения невиновных к уголовной ответственности[4]. Подобного рода незаконные действия могут быть исключены путем внесения изменений в процедуру предоставления результатов ОРД следователю, дознавателю и в суд. А именно, следует предусмотреть получение согласования проку-

---

[1] Например: Макарова Н.Ю. Методика расследования мошенничества, совершенного в сфере малоэтажного строительства (12.00.12). СПб., 2014. С.145-146; Чумаков А.В. Особенности методики расследования мошенничества при получении выплат: Автореф. дис. … канд. юрид. наук. (12.00.12). Калининград. 2018. 24 с.

[2] Пермяков А.Л. Методика расследования мошенничества, связанного с осуществлением инвестиционных проектов на предприятиях железнодорожного транспорта: Автореф. дис. … канд. юрид. наук. (12.00.12). Ростов-на-Дону, 2016. С. 21.

[3] Вытовтов А.Е. Результаты оперативно-розыскной деятельности как средства доказывания в уголовном судопроизводстве (по материалам уголовных дел экономической направленности): Автореф. дис. … канд. юрид. наук. (12.00.09). Омск. 2020. С.9.

[4] Сафонов А.Ю. Расследование фальсификации доказательств по уголовному делу и результатов оперативно-розыскной деятельности: Автореф. дис. … канд. юрид. наук. (12.00.12). М. 2020. 30 с.

рора на такую передачу. Таким образом, следователь, дознаватель или суд получают документы, проверенные как руководителем, так и надзирающим прокурором.

Причины изменения процедуры предоставления результатов ОРД мы видим в следующем:

1) требование о легализации и проверке представленных результатов подрывает авторитет подразделений, имеющих право проведения оперативно-розыскных мероприятий, а также значимость ведомственного контроля и прокурорского надзора за такой деятельностью;

2) результаты ОРД первичны, легализованные результаты – это производные доказательства, которые могут быть существенно искажены при получении показаний от лиц, оказывавших содействие правоохранительным органам, либо осуществившим ОРД;

3) такая искаженность может быть определена соблюдением требований защиты государственной тайны, так как сведения о силах, средствах, об источниках, о методах, планах и результатах оперативно-розыскной деятельности, о финансировании этой деятельности составляют государственную тайну[1], но никаких ограничений по возможности отказаться от дачи показаний по таких обстоятельствам в УПК РФ не содержится;

4) отсутствие возможности следователя ознакомится с материалами оперативного учета приводит к формальной легализации проведенных материалов, уменьшению значимости ОРД, так же являющейся государственным видом деятельности, направленным на защиту жизни, здоровья, прав и свобод человека и гражданина, собственности, обеспечения безопасности общества и государства от преступных посягательств (ст. 1 ФЗ «Об ОРД»).

Наиболее часто проводимые ОРМ по уголовным делам о мошенничестве – это опрос, наведение справок, сбор образцов для сравнительного исследования, исследование предметов и документов, наблюдение, отождествление личности, обследование помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств, оперативный эксперимент, получение компьютерной информации.

Перечень оперативно-розыскных мероприятий является исчерпывающим (ст. 6 ФЗ «Об ОРД») и может быть дополнен лишь путем внесения соответствующих изменений, практика выработала и широко использует и иные оперативные действия. Так, например, многие ученые в рамках ОРД предлагают предусмотреть следующие мероприятия: захват, засаду, тарификацию соединений, применение полиграфа, использование экстраординарных психофизических возможностей человека, составление оператив-

---

[1] П. 4 ч. 1 ст. 5 Закона РФ «О государственной тайне» от 21.07.1993 г. № 5485-1 (в ред. от 09.03.2021) [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_2481/ – дата обращения 02.04.2021.

ного психологического портрета, оперативные переговоры, личный сыск и некоторые другие[1].

Таким образом, при расследовании мошенничества выявлены следующие проблемы использования в доказывании результатов ОРД:

1) проблемы толкования отдельных норм ФЗ «Об ОРД» позволяют по-разному толковать объем осуществляемых полномочий сотрудниками оперативных подразделений;

2) отсутствие четкой регламентации применения в качестве доказательств результатов ОРД порождают необходимость в рамках легализации ставить под сомнение законность проведения одной из государственных деятельностей;

3) нет гарантий исполнения Закона «О государственной тайне» и реализации конституционного права на защиту.

М.А. Чакиев, *старший преподаватель*
кафедры судебно-экспертной деятельности
Санкт-Петербургского университета МВД России

ИНВАЛИДЫ КАК ЛАТЕНТНЫЕ ЖЕРТВЫ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Личность жертвы, которой в результате совершения общественно-опасного деяния был причинен вред либо была создана реальная угроза причинения такого вреда, взаимоотношения с преступником, механизм виктимного поведения, а также выработка наиболее эффективных форм и методов защиты потерпевшего изучает криминальная виктимология.

Мы согласны с мнением А.Е. Шалагина, что высоким уровнем личностно-ситуационной виктимности по отношению к иным категориям потерпевших обладают: 1) женщины; 2) малолетние и несовершеннолетние; 3) лица пожилого возраста; 4) инвалиды; 5) индивидуальные предприниматели; 6) мигранты; 7) маргинальные слои населения[2].

---

[1] См., например: Атмажитов В.М., Бобров В.Г. О законодательном регулировании оперативно-розыскной деятельности: Научный доклад. М.: Из-ль Шумилова И.И., 2003. С. 14-16; Захарцев С.И., Чабукиани О.А. Оперативно-розыскные мероприятия и следственные действия: понятия и соотношение: Монография. – СПб.: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2010. С.132-133; Захарцев С.И., Сальников В.П. Юридическая практика требует новых оперативно-розыскных мероприятий // Юридическая наука: история и современность. 2019. № 9. С. 121-129; Оперативно-розыскная деятельность: Научно-практический комментарий (постатейный) к Федеральному закону / Под редакцией Бастрыкина М.: Изд-во «Юрлитинформ». 2020. С. 65.

[2] Шалагин А.Е. Криминальная виктимология: понятие, содержание, профилактика // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2017. № 1(27). С. 63.

Многим из указанных категорий лиц в криминологии посвящено должное количество исследований. Однако личность инвалида как обладающей комплексом социально-психологических, физиологических свойств, обуславливающих во взаимодействии с внешними факторами определенную способность стать жертвой, должным образом не исследована. Считаем, это объясняется тем, что при составлении статистических карточек при указании сведений о потерпевшем отражается лишь отнесение его к группе инвалидности. Т.е. в статистику попадают лишь сведения о посягательствах при совершении преступлений против собственности или личности по выявленным общественно опасным деяниям. Такой учет не дает полной картины преступности в отношении инвалидов и приводит к ошибочным выводам о доле данной категории лиц среди потерпевших[1]. Многие общественно опасные деяния остаются неизвестными правоохранительным органам в силу ряда факторов: 1) нет должного общественного и социального контроля за условиями жизни лиц, являющимися инвалидами первой группы, что приводит к упущению из статистики бытовых преступлений; 2) при совершении преступления в отношении инвалида, лицо рассчитывает, что жертва не обратиться в силу состояния здоровья и возможности объективно воспринимать совершаемые в отношении него деяния, в правоохранительные органы; 3) учет количества инвалидов в Российской Федерации осуществляется по официальным данным Министерства труда и социальной защиты, а также Пенсионного фонда, т.е. по лицам, официально находящихся в соответствующем реестре инвалидов, что приводит к неполному выявлению круга возможных потерпевших. Так, ряд заболеваний может быть официально подтвержден лишь при достижении определенного возраста ребенка (например, аутизм), либо получения соответствующего заключения после получения травмы, совершение преступления в отношении лица, имеющего заболевания, позволяющие включить в первую или вторую группу инвалидности, но еще не включенного в реестр.

Рассмотрим категории инвалидов и причины, по которым они могут стать жертвами латентных преступлений.

По данным Российской информационной статистике в Российской Федерации инвалидов трех групп было в 2012 году 13189000 человек, в 2013 году – 13082 человека, в 2014 году – 12946 человек, в 2015 году – 12924 человека, в 2016 году – 12751 человек, в 2017 году – 12261 человек, в 2018 году – 12111 человек, в 2019 году – 11947 человек и в 2020 году – 11875 человек.

---

[1] См., например, Кабанов П.А. Криминальная виктимность лиц с ограниченными физическими возможностями (инвалидов первой и второй группы): статистическое изменение 2014-2015 гг. // Юридические исследования. 2016. № 6. С. 5.

Численность данной категории лиц имеет тенденцию к снижению, несмотря на дополнение с 2015 года статистических данных численностью инвалидов по Крымскому федеральному округу. В статистику входят инвалиды I, II и III групп, а также дети с инвалидностью.

С 2014 года в Российской Федерации стала формироваться база данных с указанием статуса жертв инвалидов, но лишь I и II групп. В статистике инвалидности по России на 2019 год отмечается, что эти две группы составляют всего лишь 62%. Т.е. не учитывается 38 % лиц, имеющих нарушения здоровья со стойким расстройством функций организма.

Это обстоятельство вынуждает проанализировать судебную практику на предмет установления важности внесения изменений в статистические показатели и выявления полной картины совершаемых преступлений в отношении инвалидов.

Нам представляется, что с учетом имеющихся серьезных функциональных нарушений и зависимости от помощи других лиц, преступления рассматриваемой группы имеют высокую степень латентности.

Например, показания для установления первой группы инвалидности следующие: 1) неспособность к самообслуживанию или полная зависимость от других лиц; 2) неспособность к самостоятельному передвижению и полная зависимость от других лиц; 3) неспособности к ориентации (дезориентация); 4) неспособность к общению; 5) неспособность контролировать свое поведение.

Такая зависимость от других лиц и состояние здоровья в большинстве случаев не позволяет осознать общественную опасность и противоправность совершаемых в отношении их преступлений, либо исключает возможность самостоятельной защиты своих нарушенных прав, либо своевременного сообщения в правоохранительные органы о фактах совершаемых в отношении их преступлений. Как правило, данная группа инвалидов становится жертвами преступлений против личности и против собственности, в том числе мошеннических действий.

Показания для установления второй группы инвалидности: 1) способность к самообслуживанию с использованием вспомогательных средств и (или) с помощью других лиц; 2) способность к самостоятельному передвижению с использованием вспомогательных средств и (или) с помощью других лиц; 3) неспособность к трудовой деятельности или способность к выполнению трудовой деятельности в специально созданных условиях с использованием вспомогательных средств и (или) специально оборудованного рабочего места; 4) неспособность к обучению или способность к обучению только в специальных учебных заведениях, или по специальным программам в домашних условиях; 5) спо-

собность ориентации во времени и в пространстве, требующая помощи других лиц; 6) способность к общению с использованием вспомогательных средств и (или) с помощью других лиц; 7) способность частично или полностью контролировать свое поведение только при помощи посторонних лиц.

Такая зависимость и условия трудовой деятельности способствуют как совершению преступлений, аналогичных указанных в отношении лиц первой группы инвалидности, так и преступлений, связанных с ограничением конституционных прав таких граждан. Например, права на труд, должные условия трудовой деятельности и вознаграждение за труд без какой бы то ни было дискриминации (ст. 37 Конституции РФ).

Подобные преступления совершаются и в отношении лиц III группы инвалидности.

Важную роль играет выработка профилактических мер, направленных на уменьшение количества преступлений в отношении инвалидов, создание должных условий трудовой деятельности и воспитания, формирование должного контроля своевременной социальной, экономической и юридической помощи таким лицам. Нахождение человека исключительно в домашних условиях, постоянный контроль и оказание ему помощи членами семьи без медицинского образования приводит к нарастанию конфликтов, агрессии, аффекторного состояния. Это обстоятельство является причиной совершения преступлений против личности (бытовых преступлений).

Инвалиды, как жертвы преступлений, должны стать предметом криминологических исследований особенно в сложившейся сложной экономической ситуации, ростом безработицы в условиях принимаемых профилактических мер, направленных на нераспространение COVID-19. Многие предприниматели и организации были вынуждены признавать себя банкротами, либо существенно уменьшить денежные вознаграждения за трудовую деятельность или количество сотрудников. Это привело к увеличению уровня безработицы и числа лиц, находящихся в ситуации невозможности получения пропитания. Инвалиды становятся жертвами преступлений в связи с их незащищенностью и слабостью, в том числе ради незначительной наживы для преступников.

Решение проблемы преступных посягательств на инвалидов актуально и требует именно комплексного подхода: учета не только известных криминогенных факторов совершаемых общеуголовных преступлений против личности и собственности, но и «фактора жертвы» как одного из основных результатов совершенствования профилактической деятельности с учетом зарубежного опыта.

А.В. Рагулин , *доктор юрид. наук, доцент,*
адвокат Адвокатской палаты г. Москвы,
главный редактор журнала «Евразийская адвокатура»,
проректор Российской академии адвокатуры и нотариата,
профессор кафедры уголовного права Московского университета
Министерства внутренних дел Российской Федерации им. В.Я. Кикотя

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РЕГЛАМЕНТАЦИИ АДВОКАТСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ОБЛАСТИ ЗАЩИТЫ ПРАВ ДЕТЕЙ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

1. Позиции Европейского суда по правам человека и Конституционного Суда Российской Федерации.

В соответствии с Декларацией основных принципов правосудия для жертв преступлений и злоупотребления властью, принятой Генеральной Ассамблеей ООН 29 ноября 1985 г. (резолюция 40/34), несовершеннолетние потерпевшие имеют право на первоочередную и скорейшую компенсацию нанесенного им вреда; государства же обязаны создавать судебные механизмы, гарантирующие детям – жертвам преступлений возможность получать компенсацию путем как официальных, так и неофициальных процессуальных процедур, которые должны быть оперативными, справедливыми и доступными.

Постановлением Европейского суда по правам человека от 27 марта 2008 г. по делу «Штукатуров против России» и Постановлением Конституционного Суда РФ от 27 февраля 2009 г. № 4-П установлено, что право недееспособных лиц на судебную защиту своих интересов не может быть ограничено по сравнению с правами других (дееспособных) лиц, поэтому самостоятельная реализация права на юридическую помощь должна быть доступна каждому независимо не только от дееспособности, но и от возраста.

Таким образом, любому несовершеннолетнему лицу (ребенку) на практике должно быть предоставлено право на самостоятельное заключение соглашения с адвокатом в своих интересах и право на защиту интересов как потерпевшего от уголовного преступления при помощи разработанных государством эффективных механизмов.

2. Законодательство о защите прав ребенка в Российской Федерации.

Согласно действующему законодательству основная роль в реализации и защите прав несовершеннолетних принадлежит их родителям. Статья 56 Семейного кодекса устанавливает, что непосредственная защита прав и законных интересов ребенка должна осуществляться родителями или лицами, их заменяющими (то есть усыновителями, опеку-

нами, попечителями, приемными родителями), а в прямо предусмотренных законом случаях – органами опеки и попечительства, прокурором и судом. Если ребенок, оставшийся без попечения родителей, находится в воспитательном учреждении или в учреждении социальной защиты, то защита его прав и интересов возлагается на администрацию этих учреждений.

Право несовершеннолетнего на защиту по уголовному делу и оплачиваемую за счет государственного бюджета России деятельность адвоката в достаточной степени обеспечено положениями уголовно-процессуального законодательства. Однако право несовершеннолетнего на участие адвоката в реализации и защите его гражданских и семейных прав в России фактически ограничено институтом представительства, поскольку адвокат выступает в качестве добровольного (договорного) представителя несовершеннолетнего на основании соглашения, как правило, заключаемого именно с законным представителем несовершеннолетнего.

При этом, бесплатная юридическая помощь ребенку с оплатой ее за счет средств бюджета субъекта России в соответствии с установленными тарифами, в силу положений Закона «О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации» может быть оказана в случаях, когда за ней обращаются:

1) дети-инвалиды, дети-сироты, дети, оставшиеся без попечения родителей, лица из числа детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей;

2) несовершеннолетние, содержащиеся в учреждениях системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних;

3) дети погибшего (умершего) в результате чрезвычайной ситуации, а также их законные представители, если обращение к адвокату связано обеспечением и защитой прав и законных интересов указанных категорий несовершеннолетних.

Законами субъектов Российской Федерации данный перечень может быть расширен.

Между тем, анализ материалов научных публикаций и правоприменительной практики показывает, что позиция законных представителей, либо органов опеки и даже прокуратуры может расходиться с позицией несовершеннолетнего, для защиты интересов которого или для оказания помощи которому они привлекаются. При этом, несовершеннолетние фактически не имеют права на доступ к помощи адвоката – независимого советника по правовым вопросам, ввиду отсутствия у них, по понятным причинам, источника дохода для оплаты его помощи, а также отсутствия у несовершеннолетних, находящихся на попечении, права на бесплатную

юридическую помощь[1]. Адвокат же при этом, в силу закона и корпоративных норм поведения не вправе действовать вопреки интересам доверителя – законного представителя ребенка, идущим вразрез с интересами ребенка[2].

В связи с этим представляется необходимым рекомендовать закрепить в законодательстве право несовершеннолетнего, вне зависимости от нахождения его на попечении, на самостоятельное заключение соглашения с адвокатом и на оплату юридической помощи за счет средств государственного бюджета, в том случае, если она оказывается ребенку при его заявлении о наличии злоупотреблений в отношении него со стороны родителей, попечителей или иных лиц.

3. Защита адвокатом детей – жертв преступлений.

В соответствии с положениями Уголовно-процессуального кодекса по ходатайству законного представителя несовершеннолетнего потерпевшего, не достигшего возраста шестнадцати лет, в отношении которого совершено преступление против половой неприкосновенности, допускается участие адвоката в качестве представителя такого потерпевшего, а расходы на оплату его деятельности компенсируются за счет средств федерального бюджета.

Однако из этого также и следует, что в России определен чрезмерно узкий круг (как по возрасту, так и по виду преступлений) детей-жертв преступлений, которым может быть оказана юридическая помощь за счет государственного бюджета, в связи, с чем представляется необходимым расширить перечень детей-потерпевших от преступлений, имеющих право на получение помощи адвоката с ее оплатой за счет средств Федерального бюджета.

---

[1] Попова Д.Г. Участие адвоката в защите гражданских и семейных прав несовершеннолетних: границы и возможности // Вестн. Том. гос. ун-та. Право. 2019. №31; Доржиева С.В. К вопросу о защите прав ребенка от злоупотреблений со стороны родителей // Евразийская адвокатура. 2017. №4 (29).

[2] https://fparf.ru/news/fpa/zashchita-prav-rebenka-na-professionalnoy-osnove/

СЕКЦИЯ
ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОГО И ЭНЕРГЕТИЧЕСКОГО ПРАВА

Ответственный – и.о. заведующего кафедрой Предпринимательского и энергетического права, кандидат юридических наук, доцент ***Е.Н. Абрамова***

К.О. Брикса,
адвокат Санкт-Петербургской коллегии адвокатов «Размустов, Корнева, Скурту и Партнеры»

ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ УСТУПКИ ТРЕБОВАНИЙ ИЗ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКИХ ДОГОВОРОВ

Гражданский кодекс содержит пять статей, посвященных уступке требования (цессии). Цессия является активно используемым на практике инструментом, позволяющим предпринимателям эффективно разрешить сложности с взысканием долга. Между тем коммерсанты нередко сталкиваются с вопросами определения содержания договора цессии при его заключении, причем в некоторых случаях преддоговорные споры затягиваются на несколько недель. Основная причина заключается в недостаточном и порой противоречивом регулировании данного института.

Начать стоит с того, что договор, которым оформляется цессия, прямо не предусмотрен ГК РФ, что дает основания назвать его непоименованным. Однако п. 1 постановления Пленума ВС РФ от 21.12.2017 № 54[1] предлагает несколько иные варианты квалификации данного соглашения: как договор, предусмотренный законом (например, договор продажи имущественного требования, договор дарения), смешанный договор или непоименованный договор.

Как следствие, возникает вопрос о том, является ли договор цессии возмездным или безвозмездным. С одной стороны, п. 3 ст. 423 ГК РФ предусматривает презумпцию возмездности гражданско-правовых договоров. Но что если мы заключим договор уступки требования на сумму 20 млн. руб. и не укажем цену договора? Как будет рассчитываться цена договора: исходя из цен, обычно взимаемых за аналогичные товары, работы или услуги (п. 3 ст. 424 ГК РФ)? Или же данный договор будет признан договором дарения? Но не будет ли это противоречить запрету на дарение между коммерческими организациями, предусмотренному пп. 4 п. 1 ст. 575 ГК РФ? Вышеуказанным постановлением Пленума ВС РФ № 54 намечена траектория ответа на поставленные вопросы:

---

[1] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21.12.2017 № 54 «О некоторых вопросах применения положений главы 24 Гражданского кодекса Российской Федерации о перемене лиц в обязательстве на основании сделки» // Бюллетень Верховного Суда РФ. № 3. 2018.

– договор цессии по общему правилу является возмездным, отсутствие в нем цены влечет необходимость применения норм п. 3 ст. 424 ГК РФ;

– договор цессии может быть квалифицирован как дарение только, если установлено «намерение цедента одарить цессионария»[1].

Таким образом, мы можем прийти к выводу о том, что неуказание в соглашении об уступке требования цены, не превращает данный договор в дарение. Лишь явно выраженное намерение одарить цессионария является основанием для признания данной сделки безвозмездной.

Второй проблемой является возникающая на практике сложность согласования цены договора в случаях, когда кредитор одновременно является должником по договору. Представим себе следующую ситуацию:

Между «А» (заказчиком) и «В» (подрядчиком) был заключен договор подряда. «В» выполнило весь объем работ на сумму 22 млн. руб., допустив просрочку. «А» отказывается оплачивать работы. Затем «В» решило заключить договор цессии с «С», уступив требования к заказчику на сумму 22 млн. руб. Планировалось, что цена договора будет равна сумме требования. Между тем «С» потребовало снизить цену договора цессии на сумму неустойки (2 млн. руб.), которая могла бы быть взыскана заказчиком с подрядчика. Подрядчик полагал, что требование о неустойке не может быть предъявлено к цессионарию, поэтому снижать цену договора на размер неустойки не следует.

Законодательство не дает нам однозначного ответа на вопрос, кто прав в данной ситуации: цедент или цессионарий.

С одной стороны, Информационное письмо Президиума ВАС РФ от 30.10.2007 № 120[2] говорит нам о том, что уступка прав автоматически не влечет за собой перевод обязанностей, лежащих на цеденте как стороне договора, на цессионария. Перевод обязанностей возможен только вследствие заключения соглашения о переводе долга. Таким образом, цедент не освобождается от исполнения продолжающих лежать на нем обязанностей. Как следствие, подрядчик (цедент) из нашего примера по-прежнему остается лицом, к которому может быть предъявлено требование об уплате неустойки, то есть у цессионария не возникает риска недополучить деньги от заказчика, и цена договора может быть сохранена на уровне 22 млн. руб. Данная позиция логична и прямо вытекает из норм, регулирующих перемену лиц в обязательстве.

---

[1] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21.12.2017 № 54 «О некоторых вопросах применения положений главы 24 Гражданского кодекса Российской Федерации о перемене лиц в обязательстве на основании сделки» // Бюллетень Верховного Суда РФ. № 3. 2018.

[2] Информационное письмо Президиума ВАС РФ от 30.10.2007 № 120 «Обзор практики применения арбитражными судами положений главы 24 Гражданского кодекса Российской Федерации» // Вестник ВАС РФ. № 1. 2008.

С другой стороны, в отношении описываемой ситуации применяются нормы ст. 412 ГК РФ, позволяющей должнику (в нашем случае – заказчику) зачесть свое требование о неустойке к цеденту против требования цессионария.

Абз. 2 ст. 412 ГК РФ ограничивает право должника на зачет только теми требованиями, срок исполнения по которым наступил к моменту получения уведомления об уступке, не был определен вовсе или был определен моментом востребования[1].

Как следствие, возникает вопрос, подпадают ли требования об уплате неустойки из приведенного примера в перечень требований, которые могут быть зачтены должником.

В случае если бы требования о неустойке уже были предметом судебного разбирательства, то вопрос бы не возникал: Верховным судом был сделан вывод о том, что законодательство не ограничивает право должника на применение ст. 412 ГК РФ и зачет против требования нового кредитора своего встречного требования к первоначальному кредитору, подтвержденного судебными актами[2].

Но в нашем случае требования о неустойке еще не были «просужены». Влияет ли это на возможность зачета должником требования к цеденту против требования цессионария? Для ответа на данный вопрос необходимо установить, допускают ли нормы о прекращении обязательств осуществление зачета неустойки против иного денежного требования?

Ранее Верховный суд Российской Федерации «высказывался[3] о невозможности такого зачета ввиду отсутствия признака бесспорности у требования о взыскании неустойки и неоднородности зачитываемых требований»[4].

---

[1] Договорное и обязательственное право (общая часть): постатейный комментарий к статьям 307–453 Гражданского кодекса Российской Федерации [Электронное издание. Редакция 1.0] / Отв. ред. А.Г. Карапетов. – М.: М-Логос, 2017. С. 783.

[2] Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 15.06.2015 по делу № 307-ЭС15-1559, А56-67385/2013 [Электронный документ]. Режим доступа: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/d4db84e6-2e9c-4580-b38a-3aa2702446af/2acc840a-fa96-41a9-a71c-e44f192b71a1/A56-67385-2013_20150615_Opredelenie.pdf?isAddStamp=True Дата обращения: 30.01.2021.

[3] См.: Определение ВС РФ от 18.11.2016 года по делу № А40-165511/2014 [Электронный документ]. Режим доступа: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/e6406409-a711-426d-9f0f-2dd99c1c5f28/38a05f44-5b70-46b7-bc39-b27c57d37727/A40-165511-2014_20161118_Opredelenie.pdf?isAddStamp=True, Определение ВС РФ от 24.07.2017 года по делу № А41-108637/2015 [Электронный документ]. Режим доступа: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/741b47fe-8c9a-4075-a4ac-d39a67eba703/688df447-eff6-424b-81b5-f41237664424/A41-108637-2015_20170724_Opredelenie.pdf?isAddStamp=True. Дата обращения: 30.01.2021.

[4] Новое Постановление Пленума ВС РФ о прекращении обязательств (Филиал партнерства с ограниченной ответственностью Брайан Кейв Лейтон Пейзнер (Раша) ЛЛП в г. Москве, Корпоративная практика / Слияния и поглощения / Коммерческая практика) // СПС Консультант Плюс. 2020.

В 2020 году Пленум ВС РФ в п. 12 постановления[1] от 11.06.2020 № 6 указал на то, что при зачете требования по уплате основного долга на требование об уплате неустойки критерий однородности считается соблюденным, и ничего не сказал про бесспорность. Между тем однородность и бесспорность не тождественны. По мнению А.П. Сергеева и Т.А. Терещенко «отсутствие в законе указания на запрет зачета небесспорных требований […], молчание Пленума ВС РФ по данному поводу вполне можно считать косвенным подтверждением» позиции, согласно которой бесспорность зачитываемых требований не является условием зачета[2].

Таким образом, мы видим, что и позиция цедента, и позиция цессионария имеют правовое обоснование.

Между тем право должника избирать, каким образом взыскивать неустойку (обращаясь с иском к подрядчику или осуществляя зачет требований цессионария) ставит цедента в невыгодное положение. В данном случае мы видим нарушение баланса интересов: у цессионария есть право не нести судебные издержки при взыскании неустойки (избрав зачет), а цедент лишен возможности при заключении договора цессии претендовать на включение в договор цены, на которую изначально рассчитывал.

На основании вышеизложенного можно сделать вывод о том, что нормы о возможности зачета должником требования к цеденту против требования цессионария противоречат положениям об уступке прав требования и нуждаются в корректировке.

***С.А. Карелина**, доктор. юрид. наук, профессор*
кафедры предпринимательского права
Юридического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова

МОРАТОРИЙ НА БАНКРОТСТВО: ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

Государственное регулирование института несостоятельности (банкротства) наиболее четко раскрывается закреплением в ст. 9.1 Федерального закона от 26 октября 2002 г. № 127 "О несостоятельности (банк-

[1] Постановление Пленума ВС РФ от 11.06.2020 № 6 «О некоторых вопросах применения положений Гражданского кодекса Российской Федерации о прекращении обязательств» // Российская газета. № 136. 2020.

[2] Сергеев А.П., Терещенко Т.А. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 11.06.2020 № 6 о прекращении обязательств: комментарий отдельных разъяснений // Информационно-аналитический журнал «Арбитражные споры». 2020. N 4. С. 119 – 150.

ротстве)"[1] моратория на возбуждение дел о банкротстве в отношении определенных должников[2], связанного с попытками снизить негативные экономические последствия распространения новой коронавирусной инфекции COVID-19. Необходимо учитывать, что вышеназванный мораторий коснулся только индивидуальных предпринимателей и юридических лиц 22-х отраслей экономики, наиболее пострадавших от ограничений, введенных в связи с коронавирусной инфекцией. В отношении банкротства граждан данный мораторий не нашел своего применения, что однако не исключает возможных коллизий и правоприменительных проблем, связанных с этим.

Так, например, в Письмах от 4 сентября 2020 г. № А-02/5-355 и от 27.05.2020 № А-02/1Т-241 «О применении норм о моратории на возбуждение дел о банкротстве» среди иных вопросов, заданных Центральному банку РФ Ассоциацией российских банков, был следующий: какие требования к лицам, являющимся индивидуальными предпринимателями и находящимся под действием моратория на возбуждение дел о банкротстве, подлежат исполнению со счетов, принадлежащих им как физическим лицам (открытым не для ведения предпринимательской деятельности)? Данная проблема была вызвана тем, что, несмотря на действие моратория на возбуждение дел о банкротстве, банки продолжают получать постановления судебных приставов о взыскании средств в отношении лиц, находящихся под мораторием. Такие постановления направляются и в отношении физических лиц, имеющих статус индивидуального предпринимателя. При этом исполнительные действия производятся по счетам, открытым им как физическим лицам. Кроме того, сами требования могут как относиться к предпринимательской деятельности, так и не относиться к ней. По данной причине возникает вопрос законности исполнения таких постановлений в отношении индивидуальных предпринимателей, находящихся под мораторием на возбуждение дел о банкротстве. Необходимо отметить, что в Письме от 19 июня 2020 г. № 06-31-4/4406 «О моратории на возбуждение дел о несостоятельности (банкротстве)» Банк России сообщил, что в соответствии с п. 2 ст. 854 ГК РФ без распоряжения клиента списание денежных средств, находящихся на счете, допускается по реше-

---

[1]Федеральный закон от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ "О несостоятельности (банкротстве)" // СЗ РФ. 2002. № 43. Ст. 4190.

[2]Постановление Правительства РФ от 3 апреля 2020 г. № 428 «О введении моратория на возбуждение дел о банкротстве по заявлению кредиторов в отношении отдельных должников» (прекратил действие в связи с истечением срока) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2020. № 15 (часть IV). Ст. 2282. Постановление Правительства РФ от 1 октября 2020 г. № 1587 "О продлении срока действия моратория на возбуждение дел о банкротстве по заявлению кредиторов в отношении отдельных должников" // СЗ РФ. 2020. № 41. Ст. 6429.

нию суда, а также в случаях, установленных законом или предусмотренных договором между банком и клиентом. Статьей 70 ФЗ "Об исполнительном производстве" на банк возложена обязанность незамедлительно исполнить содержащиеся в исполнительном документе или постановлении судебного пристава-исполнителя требования о взыскании денежных средств. Основания, при наличии которых банк вправе не исполнить исполнительный документ, устанавливаются законом (ч. 6 и 8 указанной статьи). Как представляется, такое основание для неисполнения исполнительного документа, в частности, определено пп. 4 п. 3 ст. 9.1 Закона о банкротстве. При этом Банк России отметил, что банкам следует принимать необходимые и доступные меры для недопущения как необоснованного списания денежных средств со счета клиента, так и неправомерного неисполнения исполнительного документа. В то же время, согласно Письму Минюста России от 5 июня 2020 г. № 04-63793/20, банки и иные кредитные организации, в которых открыты счета должника, отнесены к числу лиц, на которых возложено совершение действий по исполнению исполнительных документов. Введение в отношении должника моратория означает и невозможность получения взыскателем принудительного исполнения путем предъявления исполнительного документа непосредственно в банк (кредитную организацию) в порядке, установленном ч. 1 ст. 8 ФЗ от 02 октября 2007 № 229 "Об исполнительном производстве". Существенное значение имеет то обстоятельство, что согласно Обзора по отдельным вопросам судебной практики, связанным с применением законодательства и мер по противодействию распространению на территории Российской Федерации новой коронавирусной инфекции (COVID-19) № 1), положения п. 3 ст. 9.1 Закона о банкротстве не исключают возможность рассмотрения в период действия моратория исков к должникам, на которых он распространяется. Учитывая, что законодатель предусмотрел в мораториии приостановление исполнительного производства, но при этом допустил сохранение арестов, можно сделать вывод, что исполнительные листы могут выдаваться судом. При этом в ходе исполнительного производства по данным исполнительным листам допустимо совершение действий по ограничению распоряжения имуществом должника, предусмотренных законодательством об исполнительном производстве.

В ситуации экономического кризиса стал очевидным факт содержательного несовершенства и возможного практического потенциала отечественной модели реабилитационных процедур, предусмотренных Законом о банкротстве. Прежде всего, встал вопрос о правовой природе моратория. Заметим, что данный институт нередко рассматривается в качестве реабилитационной процедуры банкротства. Так, с одной стороны, введение данного механизма напрямую направлено на защиту прав должников, оказавшихся в неудовлетворительном финансовом положении, что, в свою

очередь, полностью согласуется с диспозицией введенной ст. 75.1 Конституции РФ, представляя собой меру «для устойчивого экономического роста страны и повышения благосостояния граждан». Кризисная ситуация обнажила несовершенство прокредиторской модели и реабилитационных процедур, предусмотренных Законом о банкротстве, и заставила законодателя принимать изменения в экстренном порядке. Формально цель моратория – помочь бизнесу выйти из сложного финансового положения и вернуться к нормальной хозяйственной деятельности в краткосрочной перспективе. Действительно, несмотря на то, что основное правовое последствие введения моратория – невозможность возбуждения дела о банкротстве по заявлению кредитора, должник, подпадающий под мораторий, вынужден соблюдать ряд ограничений, действующих в наблюдении (в частности, не допускается выплата дивидендов, доходов по долям, выдел доли участника в связи с выходом, прекращение обязательств зачетом в случае нарушения потенциальной очередности, установленной Законом о банкротстве) (подп. 2 п. 3 ст. 9.1 Закона о банкротстве). С другой стороны, восприятие моратория исключительно как реабилитационной процедуры сталкивается с рядом догматических и функциональных препятствий: во-первых, как прямо следует из ч. 1 ст. 1 Закона о банкротстве, процедуры применяются к должнику в деле о банкротстве, в то время как мораторий не допускает возбуждения дела о банкротстве в отношении должника; во-вторых, против признания моратория реабилитационной процедурой свидетельствует игнорирование причин и момента возникновения финансового кризиса у конкретного должника, как, собственно, и наличие этого кризиса. Реабилитационные процедуры направлены на восстановление платежеспособности и сохранение предприятия (бизнеса), в конечном итоге – выход должника из состояния банкротства, которое установлено судом. Мораторий же направлен на недопущение банкротств, связанных с нестабильностью экономики в исключительных случаях, как это указано в п. 1 ст. 9.1 Закона о банкротстве, посредством воссоздания докризисных условий ведения финансово-хозяйственной деятельности вне зависимости от того, пострадал ли от этого кризиса должник. Иными словами, негативное влияние нестабильности экономики на финансовое состояние отдельных должников при введении моратория предполагается по умолчанию. Таким должникам дается возможность получить защиту от возбуждения дела о банкротстве по заявлениям кредиторов на период кризиса. После отпадения обстоятельств, послуживших основанием для введения моратория, они могут вернуться к обычному режиму деятельности. Кроме того, решение о введении той или иной процедуры банкротства по общему правилу принимается по ходатайству кредиторов (ст. 74 Закона о банкротстве), в то время как при введении моратория мнение кредиторов не учитывается, какой-либо внешний (судебный или кредиторский) надзор за

имуществом должника не устанавливается, информирование кредиторов о состоянии должника не осуществляется, график погашения задолженности не устанавливается. При этом реабилитационной мерой вполне обоснованно может быть признана судебная рассрочка (пункты 3.1 – 3.5 ст. 9.1 Закона о банкротстве), нормы о которой включены в ст. 9.1 о моратории. Анализируя степень реабилитационного вектора, заложенного в ст.9.1 Закона о банкротстве, нельзя не обратить внимание и на ряд проблем, связанных с реализацией данной нормы правоприменителями – судами:

а) возникает проблема расширения предмета доказывания при подаче заявления о признании должника банкротом: так, суды нередко при рассмотрении вопроса о принятии к производству заявления о признании должника банкротом требуют обосновать, почему, по мнению заявителя, на должника не распространяется мораторий[1]. В практике возникали ситуации, при которых заявление о признании должника банкротом было подано более чем за 5 рабочих дней до введения моратория, но в результате нарушения процессуальных сроков судом дело о банкротстве не было возбуждено, а заявление было возвращено в связи с введением моратория. Это влияет на возможность реализации кредитором права на возбуждение дела о банкротстве в период моратория[2].

б) не до конца продуманным представляется подход законодателя по определению круга лиц, которых следует отнести к мораторным должникам. Не всегда поддержку получают все, кто, действительно, нуждается в этом. Необходимо пересмотреть критерии субъектного состава, а именно: мораторных должников.

Прежде всего, как представляется, созданию четких и понятных как судам, так и должникам списков "мораторных должников" мешает формальность и несовершенство кода основной деятельности как критерия

---

[1] См., например, определения Арбитражного суда Приморского края от 13.04.2020 по делу № А51-5833/2020, от 13.04.202 по делу № А51-5680/2020, от 13.04.2020 по делу № А51-5677/2020; Арбитражного суда города Москвы от 14.04.2020 по делу № А40-61669/2020; Арбитражного суда Новосибирской области от 15.04.2020 по делу № А45-7402/2020, от 30.04.2020 по делу № А45-581/2020; Арбитражного суда Еврейской автономной области от 15.04.2020 по делу № А16-756/2020; Арбитражного суда Омской области от 16.04.2020 по делу № А46-6236/2020, от 16.04.2020 по делу № А46-817/2020; Арбитражного суда Ханты-Мансийского автономного округа от 16.04.2020 по делу № А75-5513/2020, от 17.04.2020 по делу № А75-5410/2020, от 30.04.2020 по делу № А75-24369/2019; Арбитражного суда Ямало-Ненецкого автономного округа от 21.04.2020 по делу № А81-3181/2020; Арбитражного суда Республики Башкортостан от 24.04.2020 по делу № А07-9041/2020; Арбитражного суда Томской области от 27.04.2020 по делу № А67-2894/2020. URL: https://kad.arbitr.ru

[2] См., например, определения Арбитражного суда Тамбовской области от 10.04.2020 по делу № А64-2083/2020, Арбитражного суда Республики Татарстан от 14.04.2020 по делу № А65-6826/2020. URL: https://kad.arbitr.ru

для распространения моратория на определенных юридических лиц. Проблема возникает в первую очередь в тех случаях, когда фактическая основная деятельность компании указана в качестве дополнительного вида деятельности в Едином государственном реестре юридических лиц (ЕГРЮЛ). В таких ситуациях суды отказывают в применении моратория, только в некоторых случаях анализируя значение дополнительных видов деятельности в ответ на соответствующие ссылки должников.

Вполне очевидно, что предприниматели не могли предвидеть, что с выбором кодов основной деятельности будут связаны какие-либо последствия в условиях кризиса. Несмотря на это, никакой возможности попасть в перечень наиболее пострадавших лиц для таких должников в законе не предусмотрено. В итоге компании не получают меры поддержки по формальным основаниям, хотя фактически осуществляют деятельность, которая может быть заблокирована в период кризиса.

Другая проблема связана с распространением моратория на компании, входящие в группы и холдинги системообразующих предприятий. Первоначально список системообразующих организаций устанавливался Правительством Российской Федерации, при этом соответствующий перечень содержал указание на то, что системообразующими являются также компании, входящие в холдинг. С 10 апреля 2020 года в перечень системообразующих организаций включаются организации "с учетом аффилированности в рамках их групповой (холдинговой) структуры (далее – группа компаний)»[1]. Однако российское законодательство не дает определения понятию "холдинг" и содержит только понятия "банковский холдинг", "холдинговая компания" и "финансовая холдинговая компания", которые не могут быть применимы в рассматриваемой ситуации.

Несмотря на изложенные недостатки, мораторий может предоставить должникам, оказавшимся в кризисной ситуации, широкие возможности по нормализации финансово-хозяйственной деятельности. При этом важно, что нормы о моратории не обусловлены совершением должником каких-либо действий по предупреждению банкротства, мораторий лишь создает условия для их совершения.

Сами "мораторные правила" предоставляют должнику не только время, чтобы справиться с финансовой нестабильностью в компании, но и конкретные меры поддержки в виде, например, недопущения обращения взыскания на заложенное имущество должника (подп. 3 п. 3 ст. 9.1 Закона о банкротстве), приостановление исполнительных производств (подп. 4

---

[1] "Критерии и порядок включения организаций в перечень системообразующих организаций российской экономики" (утв. протоколом заседания Правительственной комиссии по повышению устойчивости развития российской экономики от 10.04.2020 № 7кв)//URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_350331/ .

п. 3 ст. 9.1 Закона о банкротстве), не допускается начисление неустоек и штрафов на просроченные обязательства (подп. 2 п. 2 ст. 9.1; абз. 10 п. 1 ст. 63 Закона о банкротстве). Особым способом защиты интересов "мораторного" должника, в отношении которого к моменту введения моратория уже введена процедура наблюдения, является судебная рассрочка. Уникальным для российского банкротного законодательства является то, что судебная рассрочка предоставляется судом по заявлению должника вне зависимости от позиции кредиторов. Единственной возможностью препятствовать введению судебной рассрочки становится принятие собранием кредиторов решения заключить мировое соглашение (подп. 3 п. 3.1 ст. 9.1 Закона о банкротстве).

Таким образом, рассматривая реабилитацию (санацию) широко как комплекс мер, направленных на недопущение признания лица банкротом, мораторий можно считать самостоятельным элементом реабилитационного механизма.

Е.Б. Козлова, *докт. юрид. наук, профессор*
кафедры гражданского и предпринимательского права
ВГУЮ (РПА Минюста России)

ВЛИЯНИЕ ПАНДЕМИИ НА МАКРОСРЕДУ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА В РОССИИ

«Определяйте значение слов, и вы избавите человечество от половины заблуждений» – призывал известный французский философ Рене Декарт.

Следуя данному, более чем справедливому призыву, необходимо отметить, что легальная дефиниция предпринимательской среды отсутствует. В законодательстве термины «предпринимательская среда» либо «среда развития предпринимательства» используются, но без своего раскрытия[1].

Однако в экономике предпринимательская среда подвергается серьезному исследованию и в этой отрасли наук представлены различные варианты его определения в частности, как:

---

[1] Постановление Правительства РФ от 06.09.2011 г. № 1540-р «Об утверждении Стратегии социально-экономического развития Центрального федерального округа до 2020 г.» // СЗ РФ. 26.09.2011. № 39. ст. 5489; постановление Правительства РФ от 07.02.2011 г. № 165-р «Об утверждении Стратегии социально-экономического развития Приволжского федерального округа до 2020 г. // СЗ РФ. 21.02.2011. № 8. Ст. 1142; План деятельности Федеральной службы по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека на период до 2024 года, утв. Роспотребнадзором // Доступ СПС Консультант Плюс и др.

– общественной экономической ситуации, включающей в себя степень экономической свободы, наличие (или возможность появления) предпринимательского корпуса, доминирование рыночного типа экономических связей, возможность формирования предпринимательского капитала и использования необходимых ресурсов[1];

- совокупности объективных и субъективных факторов, формирующих благоприятную социальную, экономическую и политическую ситуацию в стране, которая способна обеспечивать экономическую свободу населению для создания и развития предпринимательских структур[2];

- совокупности разносторонних внешних и внутренних факторов, имеющих место на конкретном этапе развития общества, которые способствуют становлению, дальнейшему функционированию и сбалансированному развитию предпринимательской деятельности на локальном, региональном, национальном и международном уровнях и оказывают на нее прямое и косвенное воздействие на всех стадиях ее осуществления[3];

- совокупности объективных и субъективных факторов, оказывающих влияние на создание и функционирование субъектов предпринимательской деятельности и определяющих условия их существования и развития на основе предпринимательской инициативы и т.п.[4]

Экономическая теория изучает предпринимательскую среду с применением системного подхода научного познания, предлагая зачастую следующую схему ее построения.

При восприятии предпринимательской среды в виде указанной системы[5], очевидно, что речь идет об одной из сложных систем, к отличительным особенностям которых по общему правилу относятся многочисленные и разные по типу связи между отдельно существующими элемен-

---

[1] См.: Бусыгин А.В. Предпринимательство. Основной курс. М.: Интерпакс, 1994. С. 18.

[2] См.: Лопатин А.В. Обоснование перспективных направлений развития предпринимательской среды: автореф. дис. …. канд. экон. наук. Владикавказ, 2015. С. 10.

[3] См.: Хиль Т.А. «Предпринимательская среда» в правовом и научном контексте // Вестник Финансового университета. 2015. № 6. С. 191.

[4] См.: Овчаренко В.А. Формирование и развитие предпринимательской среды региона: автореф. дис. … канд. экон. наук, Санкт-Петербург, 2008. С. 7.

[5] Поскольку любое исследование требует оперирования общепринятыми терминами, не вызывающими сомнения в том, какие понятия им соответствуют, либо терминами, значение которых оговаривается, для целей настоящего исследования представленная схема предпринимательской среды взята автором за основу. Данная схема использовалась в работе: Лопатин А.В. Обоснование перспективных направлений развития предпринимательской среды: автореф. дис. …. канд. экон. наук. Владикавказ, 2015. С. 10; Аналогичные по содержанию схемы применены в работах : Левина Я.Г. Стратегия формирования благоприятной предпринимательской среды: автореф. дис. канд. экон. наук. Астрахань, 2007. С. 12.; Кан С.Л. Формирование благоприятной внешней предпринимательской среды: автореф. дис. … канд. экон. наук. Москва, 2007. С. 7.

тами системы и наличие у системы функции (назначения), которой нет у составляющих ее частей. Связи (взаимодействия) между элементами сложной системы характеризуются определенным порядком, внутренними свойствами, направленностью на выполнение функций всей системы[1], а связь, целостность и обусловленная ими устойчивая структура – отличительные признаки любой системы[2].

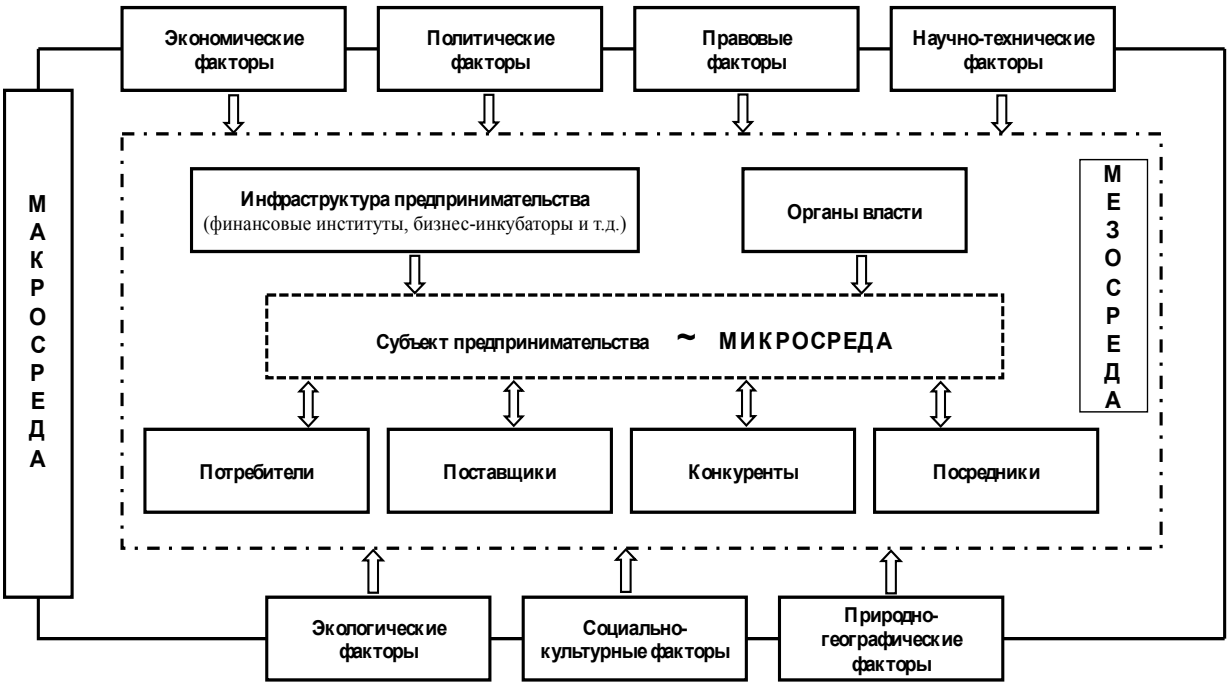

Схема.
Предпринимательская среда как сложная система

Далее необходимо установить, влияет ли, и каким образом влияет пандемия (на примере пандемии новой коронавирусной инфекции) на предпринимательскую среду России.

Очевидно, что самое большое влияние COVID-пандемия оказала на экономические и социально-культурные факторы функционирования системы предпринимательской среды России, что подтверждает значительное количество принятых правовых актов только федерального значения, принятие которых формирует также и особую правовую среду развития предпринимательства.

В сфере поддержки предпринимательства в отдельных областях экономической деятельности можно, в частности, назвать:

---

[1] См.: Громов Ю. Ю., Земской Н. А. и др. Системный анализ в информационных технологиях: учеб. пособие. 2-е изд., стереотип. Тамбов: Изд-во Тамб. гос. техн. ун-та, 2007. С. 5.

[2] См.: Блауберг И.В., Юдин Э.Г. Становление и сущность системного подхода. М.: Наука, 1973. С. 177

- постановление Правительства РФ от 27.02.2021 № 279 «Об утверждении Правил предоставления субсидий из федерального бюджета российским кредитным организациям на возмещение недополученных ими доходов по кредитам, выданным в 2021 году юридическим лицам и индивидуальным предпринимателям на восстановление предпринимательской деятельности»;

- постановление Правительства РФ от 04.02.2021 № 109 «О внесении изменений в постановление Правительства Российской Федерации от 3 апреля 2020 № 440» об автоматическом продлении лицензий в 2021 году;

- постановление Правительства РФ от 14.12.2020 № 2084 о компенсации расходов негосударственным организациям и индивидуальным предпринимателям на содержание животных в частных цирках, зоопарках, дельфинариях и океанариумах в апреле-августе 2020 г.;

- постановление Правительства РФ от 09.12.2020 № 2048 о внесении изменений в правила предоставления в 2020 году из федерального бюджета субсидий российским аэропортам на частичную компенсацию расходов в связи с пандемией;

- постановление Правительства РФ от 02.09.2020 № 1340 о льготном лизинге оборудования для легкой промышленности;

- постановление Правительства РФ от 16.07.2020 № 1065 о поддержке предприятий электронной промышленности;

- постановление Правительства РФ от 10.07.2020 № 1013 о субсидиях судоходным компаниям;

- распоряжение Правительства РФ от 07.04.2020 № 909-р о выделении средств на возмещение затрат туроператоров, связанных с невозвратными тарифами по авиаперевозкам и др.

Конечно, необходимо помнить и о постанолвлении Правительства РФ от 02.04.2020 № 409 «О мерах по обеспечению устойчивого развития экономики».

Если рассматривать научно-технические факторы развития предпринимательской среды, то следует указать, в частности, на

- распоряжение Правительства РФ от 22.01.2021 г. № 103-р о выделении бюджетных ассигнований Роспотребнадзору на предоставление субсидии ФБУН «Государственный научный центр вирусологии и биотехнологии «Вектор» в целях обеспечения производства вакцины «ЭпиВакКорона»;

- ПП РФ от 03.12.2020 № 2020 «Об утверждении правил предоставления в 2020 году предоставления субсидии из федерального бюджета на возмещение затрат, направленных на создание лабораторно-испытательного комплекса в целях разработки кандидатной вакцины против новой коронавирусной инфекции COVID-19» и др;

В области поддержки предпринимательства в целом:

- постановление Правительства РФ от 03.04.2020 № 428 о введении моратория на возбуждении дел о банкротстве по заявлению кредиторов в отношении отдельных должников;
- постановление Правительства от 03.04.2020 № 440 о продлении действия разрешений и иных особенностях в отношении разрешительной деятельности в 2020 г.[1] и др.

Пандемия дала толчок и ускоренной цифровизации экономики, в частности, в сфере здравоохранения. Было принято постановление Правительства РФ от 24.11.2020 № 1906 об ускоренной регистрации цифровых платформ в сфере здравоохранения».

Таким образом, очевидно, что в период пандемии происходят качественные системные изменения макросреды предпринимательства (как минимум социальных, экономических, правовых, социально-культурных, научно-технических факторов ее развития), носящие как временный, так и постоянный характер.

Н.В. Корнилова, *канд. юрид. наук,*
доцент кафедры гражданского права и
гражданского процессуального права
юридического факультета
Хабаровского государственного университета
экономики и права

ОСУЩЕСТВЛЕНИЕ ПРЕИМУЩЕСТВЕННОГО ПРАВА ПОКУПКИ ДОЛИ В ПРАВЕ ОБЩЕЙ ДОЛЕВОЙ СОБСТВЕННОСТИ

Особую группу субъективных прав образуют преимущественные права. В научной литературе отмечается, что такие права выделяются в отдельную группу в связи с принятием Гражданского кодекса РФ. К их категории относится и право преимущественной покупки доли в праве общей собственности, которое известно российскому праву уже очень давно. Впервые его упоминание можно встретить еще в Новгородской купчей грамоте[2].

---

[1] Информация о нормативных правовых актах, принятых в период и в связи с пандемией: Официальная информация о коронавирусе в России. Правительство Российской Федерации // Электронный ресурс: https://стопкоронавирус.рф/info/ofdoc/govern-ment/ (дата обращения 11.03.2021).

[2] См.: Товтолес Н.Н. Общая собственность по русскому гражданскому праву // Журнал Министерства юстиции. 1900. № 8. С. 134.

Если обратиться к советскому законодательству, то исследуемое право было уже обозначено в ГК РСФСР 1922 года, согласно ст. 64 которого участники общей собственности имели право преимущественной покупки при отчуждении кем-либо из них своей доли постороннему лицу[1]. В то время пробелы в осуществлении исследуемого права восполнялись судебной практикой. В случае отчуждения доли без соблюдения права преимущественной покупки доли другого собственника, последний мог обратиться с иском о признании сделки недействительной с переводом на него прав и обязанностей приобретателя такой доли. При этом приобретатель должен был внести в суд денежные средства[2].

Такая практика существовала в 20-30-е годы XX века, тогда как в 40-е годы XX века она изменилась, а именно: сделка признавалась недействительной, но уже лицо, которое уже осуществило продажу с нарушением исследуемого права, решало или реализовать её лицу, которое изъявило желание приобрести такую долю, или оставить эту долю себе.

Наличие таких норм в советском законодательстве вызывало неоднозначную реакцию в доктрине. Так, М.В. Зимелева отрицательно относилась к их появлению в социалистическом гражданском праве[3]. В то же время Р.О. Халфина придерживалась диаметрально противоположной позиции[4].

В отличие от ГК РСФСР 1922 года, ГК РСФСР 1964 года[5] уже предусматривал механизм осуществления такого права. В качестве мер для его реализации были установлены правила об обязанности продавца доли по извещению остальных сособственников, о сроках реализации такого права, о последствиях продажи доли с нарушением такого права.

Положения ст. 120 ГК РСФСР 1964 г. практически полностью были претворены в ст. 250 действующего Гражданского кодекса РФ. Только ст. 250 ГК РФ была дополнена нормами, предусматривающими запрет уступки права преимущественного покупки доли, о применении такого права при отчуждении доли по договору мены.

Начиная с ГК РСФСР 1922 года, в качестве исключения, когда исследуемое право не действует, называется его продажа с публичных торгов. Причём следует отметить, что такое исключение было закреплено и в Проекте Гражданского уложения[6]. Разработчики Проекта Гражданского уложения объясняли это несовместимостью осуществления права пре-

---

[1] Собрание узаконений РСФСР. 1922. № 71. Ст. 904.
[2] Постановление Верховного Суда РСФСР от 18.07.1927 года, протокол № 13.
[3] См.: Зимелева В.М. Общая собственность в советском гражданском праве // Ученые записки ВИЮН. Вып. 2. М., 1941.
[4] См.: Халфина Р.О. Право личной собственности граждан СССР. М., 1955. С. 68.
[5] Ведомости ВС РСФСР. 1964. № 24. Ст. 407.
[6] Русское гражданское уложение. Кн. III, т. 1: Вотчинное право. СПб., 1902. С. 301.

имущественной покупки с самой сущностью публичных торгов[1]. Подтверждается изложенная позиция и в доктрине. Так, К.И. Скловский, М. Смирнова, анализируя сам механизм торгов, приходили к выводу, что в них, как и в любом соревновании, всякие привилегии принципиально исключены[2].

Представляется, что ответ на вопрос о нераспространении преимущественного права покупки в случае продажи такой доли с публичных торгов дан в самой ст. 250 ГК РФ. В соответствии с абз. 2 п. 1 ст. 250 ГК РФ такие публичные торги могут проводиться в случаях, установленных частью второй ст. 255 ГК РФ, и в иных случаях, предусмотренных законом.

В ст. 255 ГК РФ речь идёт о случаях обращения взыскания на долю в общем имуществе. При недостаточности у собственника другого имущества кредитор такого участника общей собственности вправе требовать продажи должником своей доли остальным участникам общей собственности. Вот как раз на этом этапе сособственники и могут и приобрести долю такого должника. И только в случае их отказа по решению суда доля может быть реализована с публичных торгов.

Кроме того, в абз. 2 п. 1 ст. 250 ГК РФ речь идёт и об иных случаях, предусмотренных законом. В качестве такого примера можно привести случай, когда доля находится в собственности публично-правового образования. В таком случае приобретение такой доли другими участниками общей собственности возможно только в порядке ст. 13 Федерального закона от 21 декабря 2001 года № 178-ФЗ "О приватизации государственного и муниципального имущества".

Из вышесказанного следует, что в случае, указанном в ст. 255 ГК РФ, участники могут реализовать своё право на приобретение доли в праве общей собственности еще до проведения публичных торгов, тогда как в иных случаях, предусмотренных законом, прежде всего речь идет о необходимости защиты иных значимых интересов.

В 2014 году абз. 1 п. 1 ст. 250 ГК РФ был дополнен еще одним исключением, когда не требуется соблюдать преимущественное право покупки[3]. К таковым относятся случаи продажи доли в праве общей собственности на земельный участок собственником части расположенного на таком земельном участке здания или сооружения либо собственником помещения в указанных здании или сооружении. Закрепление такого ис-

---

[1] Русское гражданское уложение. Кн. III, т. 1: Вотчинное право. СПб., 1902. С. 304.

[2] См.: Скловский К., Смирнова М. Институт преимущественной покупки в российском и зарубежном праве // Хозяйство и право. 2003. №№ 10, 11.

[3] О внесении изменений в Земельный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 23.06.2014 г. № 171-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 30.06.2014. № 26 (часть I). Ст. 3377.

ключения понятно и обоснованно, так как основным объектом продажи является именно названные объекты.

Вызывает вопросы и правовая природа извещения, которым продавец доли должен сообщить о своем желании реализовать долю постороннему лицу. В судебной практике сложилось два подхода.

Согласно первому походу извещение о намерении продать долю – это оферта, а ответ на неё – это акцепт, согласно второму подходу такое извещение носит уведомительный характер[1].

По нашему мнению, извещение ни коим образом не может считаться офертой.

В соответствии с п. 2 ст. 432 ГК РФ под офертой понимается предложение заключить договор, а под акцептом – принятие предложения другой стороной, в то время как извещение по смыслу п. 2 ст. 250 ГК РФ носит уведомительный характер. Такое извещение носит характер юридически значимого сообщения согласно п. 1 ст. 165.1 ГК РФ.

Кроме того, само направление извещения не является выражением свободной воли такого собственника, а основано на обязательном требовании закона.

В свою очередь, сособственники, получившие такое извещение, получают лишь преимущественное право приобрести такую долю. Причём в случае если несколько сособственников изъявят желание её приобрести, то в таком случае продавец доли по своему усмотрению заключит договор с любым из них.

Федеральным законом от 3 июля 2016 г. № 315-ФЗ[2] абз. 2 ст. 250 ГК РФ был дополнен положением о том, что особенности извещения участников долевой собственности о намерении продавца доли в праве общей собственности продать свою долю постороннему лицу могут быть установлены федеральным законом. Примером такого является Федеральный закон от 3 июля 2015 г. № 218-ФЗ «О государственной регистрации недвижимости»[3], в котором предусмотрена возможность разместить извещение на официальном сайте, если число участников общей долевой собственности превышает двадцать.

С ответом на извещение связаны и другие проблемы. Во-первых, не урегулирован вопрос о сроках действия такого отказа. В литературе пред-

---

[1] См.: Желонкин С.С. К вопросу о правовой природе извещения в механизме реализации преимущественного права: правовая определенность или судейское усмотрение // Вестник арбитражной практики. 2017. № 4.

[2] О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 03.07.2016 г. № 315-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2016. № 27 (часть II). Ст. 4248.

[3] Собрание законодательства Российской Федерации. 2015. № 29 (часть I). Ст. 4344.

лагается закрепить срок действия такого отказа. Так, Т.А. Батрова полагает, что он должен действовать в течение шести месяцев[1]. Во-вторых, долгое время не был урегулирован вопрос о последствиях того, когда иные участники долевой собственности до истечения сроков, указанных в п. 2 ст. 250 ГК РФ, в письменной форме откажутся приобретать долю продавца. Федеральным законом от 3 июля 2016 г. № 315-ФЗ было закреплено право реализовать такую долю ранее указанных сроков, что, несомненно, только способствует облегчению оборота, связанных с отчуждением долей продавцом постороннему лицу.

Таким образом, автором была предпринята попытка раскрыть лишь некоторые проблемы, которые возникают при осуществлении исследуемого права. Полагаем, что требуется проведение значительного объема работы по совершенствованию законодательства в части урегулирования отношений, возникающих при осуществлении преимущественного права покупки.

***Н.В. Родина**, старший преподаватель,*
кафедры гражданского права КемГУ

СУБОРДИНАЦИЯ ТРЕБОВАНИЙ КОМПЕНСАЦИОННОГО ФИНАНСИРОВАНИЯ В ПЕРИОД ПАНДЕМИИ

Механизм субординации требований кредиторов как деятельность судов по изменению характера или очередности удовлетворения требований кредиторов в банкротстве получил свое активное развитие в России еще в 2017 году. Однако данный механизм известен многим иностранным правопорядкам. Так, в англо-саксонской правовой системе выделяют добровольную и принудительную субординацию, в Германии выделяют общую и частную субординацию, а также субординацию капиталозамещающих займов[2]. Суть субординации сводится к изменению характера или очередности требования кредитора относительно характера или очередности, которому данное требование формально соответствует согласно по-

[1] См.: Батрова Т.А. Нотариальная форма сделок по продаже долей в имуществе: новые и нерешенные проблемы // Законы России: опыт, анализ, практика. 2017. № 3. С. 33–35.

[2] Шайдуллин А. Субординация требований контролирующих лиц в Германии и Австрии. Компаративная справка к научно-практическому круглому столу Юридического института «М-Логос» на тему «Судьба договорных требований контролирующих компанию лиц и иных аффилированных кредиторов при банкротстве компании» (Москва, 27 апреля 2018 года).

ложениям ФЗ "О несостоятельности (банкротстве)"[1], далее Закон о банкротстве.

Так С.А. Карелина и И.В. Фролов относят требования кредиторов, в отношении которых применяется механизм субординации требований кредиторов к седьмой группе так называемых "кредиторы по субординированным требованиям"[2]. В свою очередь, "кредиторов по субординарованным требованиям", ученые предлагают подразделять на 2 группы: "кредиторы по измененным требованиям субординационного характера" и "субординированные кредиторы, связанные с должником".[3]

Под кредиторами по измененным требованиям субординационного характера следует поднимать лиц, с которыми правоотношения корпоративного характера были замены оформлением отношений гражданско-правового характера. Наиболее распространенными случаями изменения характера требования является замена корпоративных требований заемным обязательством. Пополнение имущества юридического лица возможно путем увеличения уставного (складочного) капитала, или же путем взноса в имущество организации. Использование механизма пополнения имущества должника с помощью конструкции использования заемных отношений, представляет собой способ сокрытия реальной природы обязательства в целях получения преференций в ситуации неплатежеспособности должника. При установлении обстоятельства необоснованного изменения характера обязательства судам надлежит устанавливать его природу исходя из реального экономического и юридического смысла. Так, создание искусственного кругооборота денежных средств путем выплаты дивидендов участнику должника и их последующее внесение в Общество в форме займа, свидетельствует о корпоративной природе обязательства, в связи с чем требование такого порядка не подлежит включение в реестр по основанию абз.8 ст. 2 Закона о банкротстве[4].

Природа компенсационного финансирования требований относится к "субординарованным кредиторам, связанным с должником. Основания для субординирования требований компенсационного финансирования раскрыты в Обзоре ВС РФ[5]. Так, природа компенсационного финансирования име-

---

[1] Федеральный закон от 26.10.2002 N 127-ФЗ (ред. от 30.12.2020) "О несостоятельности (банкротстве)" (с изм. и доп., вступ. в силу с 02.01.2021) // СЗ РФ. 2002. N 43. Ст. 4190.

[2] Карелина С.А., Фролов И.В. К вопросу о моделях классификации кредиторов в делах о банкротстве // Вестник арбитражной практики. 2020. N 6. С. 14–26.

[3] Там же.

[4] Определение Судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ от 06 июля 2017 № 308-ЭС17-1556(1) по делу № А32-19056/2014 // СПС "Консультант-Плюс".

[5] Обзор судебной практики разрешения споров, связанных с установлением в процедурах банкротства требований контролирующих должника и аффилированных с ним лиц, утв. Президиумом ВС РФ 29 января 2020) // Бюллетень ВС РФ. N 7. 2020.

ет место в случае предоставления финансирования должнику в денежной или натуральной форме в период имущественного кризиса, а также в случае избрания такой модели формирования обязательств, при которой единственной ее целью является снижение рисков на случай банкротства. Финансирование в период имущественного кризиса может осуществляться также в форме отказа от принятия мер по взысканию задолженности. Во всех случаях выявления природы компенсационного финансирования требование кредитора подлежит понижению в очередности до очередности, предшествующей распределению ликвидационной квоты (п. 3.1 вышеуказанного Обзора). Причиной субординации требований внутренних кредиторов, предоставивших компенсационное финансирование, являются их действия, совершаемые совместно с должником, в целях сокрытия реального имущественного положения должника от внешних кредиторов, в результате чего внешние кредиторы не имеют возможности объективно оценить целесообразность вступления в правоотношения с должником с точки зрения надежности в исполнимости обязательств последним. Таким образом, субординация требований внутренних кредиторов является своеобразной мерой ответственности таких лиц за совершение умышленных действий по сокрытию реального финансово-экономического положения должника.

Пандемия оказала существенное влияние на экономические процессы во всем мире. Экономический кризис в связи с распространением короновирусной инфекции (Covid-19) потребовал применение мер в том числе правового характера для преодоления и смягчения последствий кризисного состояния экономики. Во всех мировых правопорядках потребовалось введение законов, направленных на смягчение последствий пандемий, в том числе в сфере банкротства. Так, в Германии был принят закон, согласно которому предоставление должнику в период моратория займов или кредитов и их возврат до 30 сентября 2023 года не считаются сделками, причиняющими вред кредиторам, за исключением случаев, когда другая сторона знала, что финансирование должника не позволит преодолеть его неплатежеспособность[1].

В РФ в целях поддержания отраслей экономики, наиболее пострадавших в период пандемии, Федеральным законом от 01 апреля 2020 № 98 "О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций"[2] была введена в действие ст. 9.1 Закона о банкротстве, посвященная мораторию на возбуждение дел о банкротстве, а также предусматривающая иные меры в целях поддержания субъектов предпринимательской деятель-

---

[1] Вагантов В. Как узнать о возможном банкротстве контрагента? // Практическая бухгалтерия. 2020. N 10. С. 31 – 35.

[2] Федеральный закон от 01.04.2020 N 98-ФЗ (ред. от 30.12.2020) "О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций" // СЗ РФ. 2020. N 14 (ч. I). Ст. 2028.

ности, пострадавших от пандемии. К числу мораторных мероприятий, предусмотренных положениями ст. 9.1 Закона о банкротстве можно отнести в том числе: ограничения в части возбуждения дел о банкротстве, предоставлении судебной рассрочки на период до одного года на исполнение обязательств, неначисление финансовых санкций, приостановление исполнительных производств по имущественным взысканиям, а также ограничения в части оспаривания сделок таких должников. Одним из способов преодоления финансового кризиса должниками, пострадавшими в период пандемии, в том числе, в отношении которых распространяется мораторий, являлось и является проведение санации, в том числе путем привлечения компенсационного финансирования. Такой механизм преодоления имущественного кризиса, является очевидным и для лиц, вступающих в правоотношения с мораторным должником. Таким образом, предоставление компенсационного финансирования в период пандемии, требовало специального регулирования. Вопрос о субординации требований компенсационного финансирования, предоставленного контролирующим должника лицом в период пандемии, нашел свое разрешение в п. 12 Постановления Пленума ВС РФ от 24 декабря 2020 № 44 "О некоторых вопросах применения положений статьи 9.1 Федерального закона от 26 октября 2002 года N 127-ФЗ "О несостоятельности (банкротстве)", согласно которому: «Исходя из цели введения моратория, положений подп. 1 п. 3 ст. 9.1 Закона о банкротстве по делам о банкротстве, возбужденным в трехмесячный срок, очередность удовлетворения требования о возврате финансирования, предоставленного должнику контролирующим его лицом в период действия моратория, не понижается, а определяется по общим правилам ст. 134 Закона о банкротстве»[1]. По мнению С.С. Галкина «требование контролирующего должника лица не подлежит субординации, если оно основано на добросовестно представленном в период действия моратория финансировании, которое не нарушает права и законные интересы иных лиц. Финансирование можно считать добросовестно представленным и не нарушающим интересы иных лиц, если контролирующее лицо добросовестно рассчитывало на преодоление за счет представленного мораторному должнику финансирования возникших у него затруднений в разумный срок за счет выполнения экономически обоснованного плана или на возобновление (поддержание деловой активности) такого должника»[2]. Безусловно, данное положение направлено на защиту интересов лиц, действовавших добросовестно в период пандемии, в том числе путем предоставления компенсационного финансирования. Однако положения п. 12 По-

[1] Постановление Пленума ВС РФ от 24.12.2020 N 44 "О некоторых вопросах применения положений статьи 9.1 Федерального закона от 26 октября 2002 года N 127-ФЗ "О несостоятельности (банкротстве)" // РГ. N 2. от 12 января 2021.

[2] Галкин С.С. Защита прав российским банкротным законодательством в условиях экономического кризиса, вызванного эпидемией COVID-19: вчера, сегодня, завтра // Предпринимательское право. Приложение "Право и Бизнес". 2020. N 3. С. 22–30.

становления Пленума № 44 от 24 декабря 2020 г. не устанавливают критериев добросовестности действий контролирующих должника лиц при предоставлении финансирования. Презумпция добросовестности скорее презюмируется, при условии, что данное финансирование предоставлено лицами, относящимися к числу контролирующих должника, и при этом дело о банкротстве должно быть возбуждено в течении трех месяцев с даты прекращения действия моратория. В случае же если финансирование предоставлено иным лицом, не относящимся к числу контролирующих должника, презумпция добросовестности не применяется и факт добросовестности при совершении сделок компенсационного финансирования подлежит доказыванию по общим правилам АПК РФ[1]. Более того, презумпция добросовестности также не подлежит применению при возбуждении дел о банкротстве по истечении трехмесячного периода после прекращения действия моратория.

Таким образом, данная мера о несубординации требований компенсационного финансирования, предоставленному должнику в период действия пандемии, носит усеченный характер и распространяется на требования кредиторов, устанавливаемые в делах о банкротстве в ограниченном временном периоде (три месяца с даты окончания действия моратория) относительно ограниченного круга лиц (только контролирующие должника лица).

Учитывая правовую природу компенсационного финансирования, предоставленного в период пандемии, его направленность на преодоление имущественного кризиса, не скрываемого от иных кредиторов, применение принципа добросовестности лиц, сформированное С.С. Галкиным, является более разумным и обоснованным. Требования лица, добросовестно предоставившего компенсационное финансирование должнику в период пандемии, не должны подлежать субординации, кроме случаев, когда в действиях кредитора усматривается цель причинения вреда иным кредиторам или самому должнику.

Н.В. Рубцова, *канд. юрид. наук,*
доцент кафедры гражданского
и предпринимательского права НГУЭУ

О НЕКОТОРЫХ ТЕНДЕНЦИЯХ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В УСЛОВИЯХ РАСПРОСТРАНЕНИЯ КОРОНАВИРУСНОЙ ИНФЕКЦИИ

Современная обстановка в мире в условиях распространения коронавирусной инфекции проявила новые тенденции в правовом регулировании предпринимательской деятельности. Прежде всего, изменения косну-

[1]Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 N 95-ФЗ (ред. от 08.12.2020) // СЗ РФ. 2002. N 30. Ст. 3012.

лись возможностей использования цифровых технологий как при осуществлении бизнеса, так и в использовании публично-правовых средств в правовом регулировании предпринимательской деятельности.

Пандемия стала катализатором цифровизации. Так, особое значение приобретают смарт-контракты (сетевые контракты), представляющие собой соглашения, выражающиеся в системе определенных операций(трансакций), основанных на использовании технологии распределенных реестров (блокчейн)[1], что само по себе исключает произвольное вмешательство как в процесс заключения договора, так и его исполнение, и может использоваться в том числе в долгосрочных отношениях между субъектами предпринимательской деятельности. Смарт-контракт хранится и дублируется в децентрализованном реестре, алгоритмы смарт-контракта определяются его исполняемым программным кодом внутри сети распределенного реестра[2]. Вопросы о правовой природе смарт-контракта вызывают споры. Примечательно, что даже в работах одних авторов понимание такого правового инструмента неоднозначно. Так, Л.В. Санникова, Ю.С. Харитонова в своей монографии, посвященной анализу цифровых прав, называют смарт-контракт компьютерным алгоритмом для автоматического выполнения транзакции после выполнения установленных условий[3], а также юридическим фактом (сложным юридическим составом, включающим ряд транзакций)[4]. Еще одно понимание смарт-контракта как набора обещаний, указанных в цифровых кодах[5], также подчеркивает договорную природу умного контракта. Представляется, что смарт-контракт – это не новый договорный тип или вид, а лишь способ заключения и исполнения договора, он не имеет привычной письменной формы, а «прочитать» умный контракт сможет только IT-специалист, поскольку он написан на языке программирования[6] и основывается на определенном техническом задании. По сути, смарт-контракт является соглашением, вы-

---

[1] Фролов И. В. Криптовалюта как цифровой финансовый актив в российской юрисдикции: к вопросу о вещной или обязательственной природе // Право и экономика. 2019. №6. С.5.

[2] Аналитический обзор по теме «Смарт-контракты» Банка России. Октябрь, 2018. С.5 // https://www.cbr.ru/Content/Document/File/47862/SmartKontrakt_18-10.pdf (дата обращения 07.03.2021).

[3] Санникова Л. В., Харитонова Ю. С. Цифровые активы: правовой анализ: монография. М.: Издательство «4 Принт», 2020. С. 107, 222.

[4] Санникова Л. В., Харитонова Ю. С. Указ. соч. С. 245; Харитонова Ю.С. Квалификация смарт-контракта с позиции российского права // https://istina.msu.ru/conferences/presentations/188424274/ (дата обращения 07.03.2021).

[5] См. Трунцевский Ю. В., Севальнев В. В. Смарт-контракт: от определения к определенности // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2020. №1. С. 128.

[6] См. например: Смарт-контракты: как они работают и зачем нужны // https://pravo.ru/story/205151/ (дата обращения 07.03.2021).

ражающемся в системе определенных операций (трансакций), основанных на использовании технологии распределенных реестров (блокчейн), что само по себе исключает произвольное вмешательство как в процесс заключения договора, так и его исполнение, и может использоваться в том числе в долгосрочных отношениях между субъектами предпринимательской деятельности. Смарт-контракт хранится и дублируется в децентрализованном реестре, алгоритмы смарт-контракта определяются его исполняемым программным кодом внутри сети распределенного реестра[1]. Конечно, в современной экономике с ее использованием цифровых технологий заключение смарт-контрактов субъектами предпринимательской деятельности становится все более привычными, в том числе гарантирует безопасность и исполнимость обязательств между участниками такого контракта. Соответственно речь должна идти не о двойственной природе контракта, а о смарт-контракте как соглашении, которое имеет определённую форму выражения. Согласованные сторонами условия договора облекаются в особую электронную форму. Также следует обратить внимание на то, что несмотря на расширение сферы применения смарт-контрактов, их особая форма требует «перемещения» материальных или нематериальных активов в виртуальную среду, они должны быть отражены в виртуальной форме»[2].

Вынужденная изоляция также повлияла на принятие инновационных решений в сфере осуществления ряда видов предпринимательской деятельности, в том числе продажу товаров с доставкой, оказание большинства услуг в удаленном формате. Данные вопросы в российском законодательстве рассматриваются в ЗаконеРФ от 7 февраля 1992 г. N 2300-I "О защите прав потребителей", где предусматривается возможность дистанционной продажи товаров (ст. 26.1.), а также используется термин «владелец агрегатора информации о товарах (услугах)» (ст. 1). Для большинства хозяйствующих субъектов растущее использование цифровых технологий дало дополнительные возможности обеспечения высокой координации самих субъектов, сохранение и даже приумножение высокой производительности и снижение затрат на реализацию. В этом случае использование услуг агрегатора позволило вывести многие бизнес проекты на более высокий уровень. Также использование сети Интернет для торговли в условиях распространения коронавирусной инфекции привело к росту конкуренции в сфере бизнеса.

Следует отметить, что признак инновации присущ любой предпринимательской деятельности, поскольку любое предпринимательство осно-

---

[1] Аналитический обзор по теме «Смарт-контракты» Банка России. Октябрь, 2018. С.5 // https://www.cbr.ru/Content/Document/File/47862/SmartKontrakt_18-10.pdf (дата обращения 07.03.2021).

[2] Гонгало Б. М., Новоселова Л. А. Есть ли место «цифровым правам» в системе объектов гражданского права // Пермский юридический альманах. 2019. № 2. С. 181.

вано на определённых способностях, направленных на получение прибыли. В условиях пандемии инновационные качества предпринимательской деятельности также усиливаются. Сам термин «инновационная деятельность» понимается в широком и узком смысле как в законодательстве, так и в научных исследованиях. В частности, широкий подход к определению инноваций представлен в ст. 2 Федерального закона от 23.08.1996 № 127-ФЗ "О науке и государственной научно-технической политике"[1] как деятельность (включая научную, технологическую, организационную, финансовую и коммерческую деятельность), направленную на реализацию инновационных проектов, а также на создание инновационной инфраструктуры и обеспечение ее деятельности. Сторонником более узкого подхода выступает Г. Д. Отнюкова, которая разграничивает научную и инновационную деятельности и определяет инновационную деятельность как предпринимательскую, основанную на применении (внедрении) результатов научно-технической деятельности[2]. В любом понимании инновационная деятельность всегда связана с реализацией научно-технических идей при осуществлении предпринимательской деятельности. Следовательно, инновационная деятельность – одно из направлений предпринимательской деятельности. Однако не все исследователи связывают модернизацию с инновационными процессами. Так, Е.М. Ашмарина противопоставляет вышеуказанные понятия, отмечая, что в отличие от модернизации в инновационном процессе «предполагается качественно (а не количественно, или фрагментарно) новый подход к решению поставленных задач (решение проблемы на более высоком уровне)»[3]. Нам представляется такое противопоставление необоснованным: модернизация не является фрагментарным процессом. Более того, именно инновационная модель характеризует процесс осуществления модернизации, становится его существенной содержательной чертой, поскольку реализуемые в результате инновационной деятельности научно-технические идеи способствуют качественному обновлению экономики.

Инновации формируют предпринимательские идеи и составляют экономическую сущность предпринимательской деятельности, которая заключается в поиске новых решений для удовлетворения экономического спроса и определяет успешность предпринимательства.

Меняются также публично-правовые средства регулирования предпринимательской деятельности в условиях цифровизации. Так, на период пандемии была предусмотрена система мер поддержки субъек-

---

[1] СЗ РФ. 1996. № 35. Ст. 4137.

[2] Отнюкова Г. Д. Понятие и признаки инновационной деятельности // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). 2015. № 1. С. 45.

[3] Ашмарина Е. М. К вопросу о месте экономического права в системе российского права: инновационный подход // Государство и право. 2018. №2. С.27.

тов малого и среднего предпринимательства, в числе которых снижение страховых взносов, реструктуризация кредитов, освобождение от плановых проверок, рассрочка погашения долгов по исполнительным документам.

Таким образом, коронавирусная инфекция предопределила новые вызовы перед экономикой, которые невозможно решить без использования правовых средств, в числе которых выделяются не только публично-правовые, которые предлагаются государством, но и частноправовые. Использование цифровых технологий в период пандемии значительно повысилось, при этом особую роль стали играть смарт-контракты.

Е.В. Старикова, *аспирант кафедры предпринимательского и энергетического права*

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ: ПРАВОВЫЕ И ЭТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

Стремительное развитие технологий искусственного интеллекта способствует появлению новых проблем в различных областях науки. Юриспруденция, в том числе, столкнулась с подобного рода проблемами. Изменения в сфере цифровых технологий требуют не только технической осведомленности, им также необходимо давать правовую оценку.

Актуальность выбранной темы исследования обусловлена активными действиями Российской Федерации по разработке и принятию различных нормативных актов в области цифровых технологий, в том числе, в сфере искусственного интеллекта. Была принята Национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации»[1], затем Указ Президента «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации»[2] (далее – ФЗ об искусственном интеллекте в Москве) и Федеральный закон о проведении экспериментального регулирования по разработке и внедрению технологий искусственного интеллекта[3].

---

[1] Паспорт национального проекта "Национальная программа "Цифровая экономика Российской Федерации" (утв. президиумом Совета при Президенте РФ по стратегическому развитию и национальным проектам, протокол от 04.06.2019 N 7).

[2] Указ Президента РФ от 10 октября 2019 г. № 490 "О развитии искусственного интеллектав Российской Федерации”.

[3] Федеральный закон от 24 апреля 2020 г. N 123 "О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта в субъекте Российской Федерации – городе федерального значения Москве и внесении изменений в статьи 6 и 10 Федерального закона "О персональных данных"//РГ. 2020. №92 (8146).

Среди вопросов, обсуждаемых исследователями по данной теме, можно встретить следующие: в каких областях следует допускать использование технологий искусственного интеллекта? Какие этические и моральные нормы возможно и необходимо внедрять в искусственный интеллект? Как могут отразиться ответы на предыдущие вопросы на правовом регулировании искусственного интеллекта?

Для ответа на эти вопросы необходимо разобраться, что представляет собой понятие «интеллект». В.И. Разумов и В.П. Сизиков понимают под интеллектом способность адаптироваться к среде, ставить и решать задачи на основе знания[1]. Прежде чем определиться с пониманием термина «интеллект» необходимо разграничить искусственный интеллект и естественный интеллект. Следует отталкиваться от того, что изначально существовал только естественный интеллект, а искусственный интеллект появился гораздо позже. Следовательно, понятия «интеллект» и «естественный интеллект» тождественны. Понятие естественного интеллекта можно встретить у И.И. Булычева и Р.В. Шутова. Они обращают внимание на то, что интеллект – это вопрошающий рассудок. Для раскрытия этого понятия необходимо дать дефиницию термину «рассудок», и авторы ее приводят: «Рассудок – это способность индивида, социальной группы к формированию образов окружающей действительности. Такая способность является одновременно отражательной и конструирующей. Рассудок обнаруживает себя в рационально-логическом интеллекте и интуитивно-иррациональной деятельности человека»[2]. Выделяется несколько этапов вопрошания:

1) Вопрошание «в-себе». Субъект сталкивается с трудностью – не может раскрыть структуру предмета вопрошания. И хотя данная структура так не будет раскрыта по содержанию, она может быть раскрыта по форме. То есть понимается через осознание отсутствия определенности в сложившейся ситуации.

2) Вопрошание для-других. На этом этапе вопрошания субъект обращается для понимания проблемы к другим субъектам, пытается ее анализировать через других.

Предполагается, что человек, как социальное существо, не только отражает действительность, но и способен ее конструировать при помощи естественного интеллекта.

И.И. Булычев и Р.В. Шутов выделяют несколько аспектов актуальности проблемы соотнесения понятий естественного и искусственного интеллекта:

---

[1] Разумов В.И. Сизиков П.И. Естественный и искусственный интеллект и их соотношение.Вестник Омского университета. № 1. 2019. С. 98-105.

[2] Булычев И.И. Шутов Р.В. О сущности естественного и искусственного интеллектов. Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2002. № 1(25).

- Существующие системы искусственного интеллекта не являются отражением интеллекта естественного. Можно согласиться, что создание технологий искусственного интеллекта не идет по пути подражания интеллекту человека. Технологии искусственного интеллекта носят характер объединения разрозненных структур в единое целое. Вероятно, это обусловлено требованиями и законами различных наук, благодаря которым создается искусственный интеллект;

- Человек регулярно использует компьютер для учебы, работы и других сфер деятельности. Сосуществование человека и компьютера ставит новые задачи перед исследователями. Предполагается, что не только человек использует компьютер, но и компьютер откладывает определенный отпечаток на сознание человека. Их деятельность может выглядеть как своеобразный «симбиоз» со стороны;

- Существует множество теорий, которые изучают природу человеческого интеллекта и интеллект искусственный требует к себе высокого уровня научного интереса.

В исследовании П.М. Морхата отмечается, что сейчас еще рано говорить о размытии границ между искусственным интеллектом и интеллектом человека (естественным интеллектом). Современный этап развития технологий искусственного интеллекта характеризуется отсутствие у последнего самосознания, то есть искусственный интеллект в своих действиях всегда зависим от человека и его естественного сознания[1].

П.М. Морхат также выделяет некоторые подходы к правопониманию искусственного интеллекта:

1. Исключительная правосубъектность. Согласно этому подходу, только биологические человеческие существа могут выступать как субъекты или лица с самостоятельной правосубъектностью;

2. Минимальная инклюзивность. Искусственный интеллект может быть автономным агентом, но не правоспособным агентом или лицом с самостоятельной правосубъектностью;

3. Умеренная инклюзивность. Искусственный интеллект может быть автономным агентом или правоспособным агентом, но не лицом с самостоятельной правосубъектностью;

4. Полная инклюзивность. Искусственный интеллект может быть лицом с самостоятельной правосубъектностью, наделенным правами человека и имеющим значимые интересы.

Прежде чем выбрать один из приведенных подходов, необходимо подробнее изучить сходства и отличия правовой природы искусственного интеллекта и человека.

---

[1] Цит. по: Булычев И.И. Шутов Р.В. О сущности естественного и искусственного интеллектов. Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2002. № 1(25).

Таким образом, несмотря на употребление синонимов в анализируемых терминах, сущность и природа естественного и искусственного интеллекта кардинально отличаются и не могут интерпретироваться одинаково.

Помимо этого, следует также обратить внимание на контекст употребления термина «искусственный интеллект». Естественный интеллект понимается как некая абстрактная субстанция, которая не имеет материального выражения. Естественный интеллект нельзя подержать в руках или, например, передать кому-либо. На языке права нельзя сказать, что естественный интеллект является субъектом права. Естественный интеллект не наделяется правами и на него не возлагаются обязанности. Субъектом права является человек, который состоит из естественного интеллекта и еще множества материальных объектов, которые позволяют функционировать естественному интеллекту.

Термин «Искусственный интеллект», как представляется, сейчас употребляется в двух значениях, что может порождать некоторую путаницу. Первое значение – это антипод естественного интеллекта. Такая же абстрактная субстанция, только искусственного происхождения. Второе значение – то, которое закреплено в ФЗ об искусственном интеллекте в Москве. В нем искусственный интеллект понимается как объект гражданского права – единая технология (ст. 1542 ГК РФ), то есть совокупность объектов права интеллектуальной собственности из ст. 1225 ГК РФ.

Подобное двойное смысловое значение термина может вносить путаницу, особенно в правопонимание. Избежать ее можно, оставив словосочетание «искусственный интеллект» для обозначения термина, противоположного естественному интеллекту. А в понимании пп. 2 п.1 ст. 2 ФЗ об искусственном интеллекте в Москве можно использовать термин «робот», «роботизированная система» или «робот с технологией искусственного интеллекта».

Соответствующий подход уже есть, например, в последней версии Международной классификации товаров и услуг (МКТУ 11 2021 г.)[1]. В этом документе обозначен такой вид товаров как «роботы человекоподобные с искусственным интеллектом» в классе 9 под номером 090778.

В.В. Архиповым и В.Б. Наумовым предложено определение термина «робот» для гражданского законодательства РФ – устройство, способное действовать, определять свои действия и оценивать их последствия на основе информации, поступающей из внешней среды, без полного контроля

[1] Международная классификация товаров и услуг для регистрации знаков (МКТУ 11). [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://www.fips.ru/news/obnovlennaya-versiya-mktu-11-2021/ Яз. рус. (дата обращения 01.04.21).

со стороны человека[1]. По своим общим признакам, данное определение схоже с понятием искусственного интеллекта из ФЗ об искусственном интеллекте в Москве. Это может говорить о том, что в данном ФЗ под искусственным интеллектом понимается именно робот, который оснащен соответствующими технологиями.

Может ли машина мыслить? Этим вопросом задался еще в 1950-ом году А. Тьюринг. Он создал тест, по условиям которого человек, взаимодействуя с другим человеком или с машиной, должен понять, с кем именно он имеет дело. По мнению А. Тьюринга, когда человек не сможет определить, что взаимодействует с машиной, данную машину можно будет считать искусственным интеллектом[2]. Тест Тьюринга не обошелся без критики. Одним из критиков оказался Дж. Сёрль. Он создал свой тест, который многим известен под названием «китайская комната». По условиям этого теста, человек, который не знает китайского языка находится в изолированной комнате. Он должен отвечать на китайском языке на вопросы, которые задаются также на китайском. Для этого ему предоставляют китайские иероглифы и инструкцию на родном языке, как эти иероглифы сочетать между собой для правильного ответа на вопрос. В результате человек составляет такие ответы, которые мог бы составить, если бы владел китайским языком. Более того, наблюдатель, который не знает, что испытуемый в комнате не владеет китайским, делает вывод о том, что испытуемый китайским владеет. Таким образом, Д. Сёрль предполагает, что и машина может «обмануть» человека путем использования обычных алгоритмов для составления предложений, но не понимая истинного смысла используемых слов[3].

В отношении теста Тьюринга высказываются и иные замечания. Например, А.Г. Горбачева в своем исследованиипишет, что машина сможет успешно пройти данный тест не только в случае повышения уровня ее интеллекта, но и в случае понижения уровня интеллекта человека, который производит оценку[4]. Т. Найджел утверждал, что человек никогда не сможет пережить опыт других живых существ, так как у нас с ними различаются способы восприятия окружающего мира. Можно предположить, что искусственный интеллект также никогда не сможет обладать сознанием человека, так как им не является.

---

[1] Лаптев В.А. Понятие искусственного интеллекта и юридическая ответственность за его работу// ЖурналВысшейшколыэкономики. 2019. № 2. С. 79–102.
[2] Turing A. Computing machinery and intelligence // Mind. 1950. № 59. P 433-460.
[3] Searle J. Minds, brains, and programs // The behavioral and brain sciences. 1980. № 3. P 417-457.
[4] Горбачева А.Г. Тест Тьюринга: взгляд через призму компьютерных и сетевых технологий //Вестник НГУЭУ. 2014. С. 322-330.

На сегодняшний день, по результатам теста Тьюринга, искусственному интеллекту удалось обмануть максимум одну треть судей[1]. Несмотря на громкие заголовки о том, что тест Тьюринга пройден искусственным интеллектом, до конца убедить судей в своей человеческой природе искусственному интеллекту не удалось.

В целях сравнения мыслительных способностей искусственного интеллекта и человека можно рассмотреть еще один тест – это «минимальный тест Тьюринга». Информацию о нем можно найти в статье Д. Робсона на официальном сайте BBC[2]. Тест заключается в том, что вам нужно назвать всего одно слово судье, чтобы доказать, что вы человек, а не искусственный интеллект. Среди наиболее популярных ответов от людей можно встретить такие слова как: любовь, милосердие, человек, жизнь, эмоция и т.д. По мнению исследователей, которое нельзя не признать обоснованным, наиболее подходящими словами для отграничения человека от искусственного интеллекта могут быть следующие слова:

1. Слова, выражающие замешательство от заданного вопроса (м-м-м, э-э-э, что?). Они хорошо показывают ход мыслительного процесса в голове у человека, в то время как искусственный интеллект просто сделает небольшую паузу. Даже если человек не использует подобные «слова паразиты» в повседневной жизни, в рамках данного теста они могут стать показательными.

2. Юмор. Именно юмор требует большой аналитической основы, понимания контекста, воспоминаний и эмоций. Искусственному интеллекту юмор и сарказм пока не присущи, несмотря на активные попытки разработчиков в этой сфере[3].

3. Ненормативная и «запретная» лексика. На первый взгляд, подобные слова могут действительно вызвать у человека-судьи какие-то эмоции. Но проблема состоит в том, что «запретной» эта лексика является именно для человека, и искусственный интеллект, в зависимости от заложенного создателем алгоритма, может спокойно ее использовать «без зазрения совести».

Следует отметить еще один интересный факт – изменение людьми выбранных слов. Некоторые люди выбирают одно слово, а потом возвращаются и просят его изменить на другое. Это тоже является особенностью именно человеческого мышления.

---

[1] Тест Тьюринга пройден. [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.interface.ru/home.asp?artId=36888 Яз. рус. (дата обращения 01.04.21).

[2] Робсон Д. Минимальный тест Тьюринга: докажи одним словом, что ты – человек. [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://www.bbc.com/russian/vert-fut-46400107. (дата обращения 01.04.21).

[3] Ферейра Б. Роботы уже придумывают собственные шутки. [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://rb.ru/longread/robot_joke/Яз. рус. (дата обращения 01.04.21).

Теперь можно говорить, что мы научились точно разделять человеческий и искусственный интеллект? К сожалению – нет. Результаты этого теста доступны в сети Интернет на различных языках, искусственный интеллект может их анализировать и использовать в целях обучения. Создатели искусственного интеллекта тоже заинтересованы в активном развитии своих разработок и будут применять результаты данного теста для совершенствования искусственного интеллекта.

Из приведенных исследований формируется вывод об отсутствии равенства между человеческим интеллектом и искусственным на данном этапе их развития.

Возможно, со временем искусственный интеллект будут развивать, совершенствовать его технологии и вопрос о наличии прав и обязанностей у искусственного интеллекта станет актуальным, а использование не будет ограничиваться извлечением полезных свойств согласно его функционалу.

Безусловно, не всегда правосубъектностью наделяется именно человек. В законодательстве РФ субъектами признаются также юридические лица и публично-правовые образования. Можно столкнуться с предложениями по признанию субъектами права животных[1]. В 2016-ом году в Общественной палате Российской Федерации было выдвинуто предложение по признанию животных ограниченно дееспособными субъектами права. Предполагалось, что соответствующий подход будет способствовать облегчению процедуры получения компенсации от владельцев животных в случае, если последние причинили какой-либо вред третьим лицам. Также животные могли бы быть лучше защищены от жестокого обращения, перестав быть объектами права. Соответствующие предложения были направлены в профильные комитеты Государственной Думы и Совета Федерации, но как мы можем заметить, на сегодняшний день животные так и не признаны субъектами права.

В истории права можно встретить и более непривычные для нас субъекты права. Г.А. Гаджиев и Е.А. Войниканис приводят в пример индуистских идолов, которых признают в индийских судах субъектами[2]. От их лица действует человек, на попечении которого они находятся. Подход предполагает наличие у идолов собственных интересов и необходимости их правовой защиты. В рамках индийского права понятие лица является «размытым», под ним может подразумеваться практически любой объект – например, священный текст.

---

[1] Волватов В. Щуренков Н. Животным предложили дать новый юридический статус.[Электронный ресурс] – Режим доступа: https://www.m24.ru/articles/ehkologiya/14112016/121881Яз. рус. (дата обращения 01.04.21).

[2] Гаджиев Г.А. Войникаес Е.А. Может ли робот быть субъектом права? (поиск правовых форм для регулирования цифровой экономики)// Журнал Высшей школы экономики. 2018. № 4. С. 24-48.

В истории можно найти примеры признания субъектом права корабля в некоторых государствах. «Сделать корабль юридическим лицом соответствует интересам общества, конечно же, не потому что это как-то изменит поведение корабля, а потому, что его личность является эффективным инструментом для контроля при определенных обстоятельствах его собственника или других людей. Широкое назначение юридического лица, будь то корабля, идола, молекулы или человека, а также кого-либо или чего-либо, кому оно предписывается, заключается в том, чтобы упрощать регулирование посредством организации общественных отношений, человеческого поведения и взаимодействия»[1].

Из приведенных примеров можно сделать вывод о том, что субъектом права может быть не только человек. Субъектом могут признаваться отдельные образования, когда это необходимо для достижения определенных целей[2]. Исследователями выделяется множество целей признания юридического лица субъектом права, среди них можно встретить следующие:

1. Объединение имущества для осуществления определенной деятельности;
2. Формирование коллективного волеизъявления, в том числе по управлению обособленным имуществом;
3. Ограничение предпринимательского риска;
4. Участие в гражданском обороте.

Публично-правовые образования наделяются правосубъектностью также не случайно. Таким образом они получат возможность участвовать в гражданско-правовых отношениях, что необходимо для выполнения задач публично-правовых образований и достижения их целей[3]. Животных предлагается наделять правосубъектностью в целях их защиты от посягательств людей на их жизнь и от жестокого обращения с ними.

Наделение искусственного интеллекта статусом субъекта права также должно быть обосновано. Представляется, что законодательное закрепление правосубъектности искусственного интеллекта не имеет веских оснований на современном этапе развития технологий. Искусственный интеллект нельзя поставить в один ряд с интеллектом человека. Он недостаточно автономен и самообучаем, чтобы отграничить его действия от действий, которые заложил в него его создатель (пользователь).

---

[1] Гаджиев Г.А. Войникаес Е.А. Может ли робот быть субъектом права? (поиск правовых форм для регулирования цифровой экономики)// Журнал Высшей школы экономики. 2018. № 4. С. 24-48.

[2] Хачатурова С.С. Организация предпринимательской деятельности. Создание собственного дела. [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://monographies.ru/ru/book/view?id=151 Яз. рус. (дата обращения 01.04.21).

[3]Журавлева А.В. Публично-правовые образования как субъекты гражданско-правовых отношений: понятия и виды. Colloqvium journal. № 21(46). 2019.

А.И. Тиунова разработала цели наделения искусственного интеллекта правосубъектностью. Как первую и общую цель она выделяет регулирование поведения робота как субъекта права и поведения остальных субъектов по отношению к нему. Для реализации данной цели предполагается использование роботов с высоким уровнем имитации мыслительной деятельности человека и автономности. Контроль за действиями робота со стороны человека предполагается минимальный. Как утверждает сама А.И. Тиунова, и следует с ней согласиться, таких роботов в мире существуют единицы[1]. Таким образом, создавать новый субъект права только потому, что инженеры смогли воплотить прогрессивную технологию в жизнь – не имеет практического смысла.

В качестве частной цели А.И. Тиунова выделяет необходимость возложения ответственности на робота за причиненный им вред. Ситуации, в которых машины на автопилоте причиняют вред человеку, уже сейчас происходят на дорогах. По поводу распределения ответственности ведутся споры. Среди предлагаемых вариантов можно встретить следующие: возложить ответственность на компанию-разработчика машины, обязать возмещать причиненный вред собственника или распределить ответственность между ними. Если рассматривать искусственный интеллект как субъекта права, то к этому списку можно добавить саму машину – робота. Конструкция, при которой страховая компания будет выплачивать возмещение лицам, чьи права нарушены, а потом в порядке регрессного требования будет взымать средства с собственника или разработчика искусственного интеллекта, представляется эффективной. Спорной представляется необходимость появления в ней еще одного субъекта – робота. Для осуществления подобного алгоритма действий достаточно существующих субъектов права. Более того, не совсем понятно, как машина, пусть и с искусственным интеллектом, сможет автономно защищать свои права. На данном этапе развития технологий такое не представляется возможным.

Для того, чтобы признавать искусственный интеллект субъектом права, необходимо возникновение более серьезной потребности в подобном шаге. Потребность должна быть острой – необходимо полное отсутствие возможности урегулирования правоотношений с участием искусственного интеллекта другим способом или весомые аргументы в пользу того, что правосубъектность искусственного интеллекта является наиболее эффективным способом решения возникшей проблемы.

Сегодня отмечается, что сегодня законодательного закрепления искусственного интеллекта в качестве субъекта права в России не планиру-

---

[1] Тиунова А.И. Робот как субъект правоотношения: миф или реальность? // Журнал Суда по интеллектуальным правам. 2020. № 2 (28).

ется. Такой вывод можно сделать из предложения депутата ГД Алексея Кобилева по закреплению прав на интеллектуальную собственность, созданную искусственным интеллектом, за разработчиками последнего[1]. По мнению А. Кобилева конструкция, при которой правами на интеллектуальную собственность наделяется собственник искусственного интеллекта, является «не совсем правильной». Следует согласиться с авторомзаконопроекта в том, что нет причин для обязательного наделения соответствующими правами именно собственника искусственного интеллекта. Это связано с тем, что ставить своей целью получение и использование результатов деятельности искусственного интеллекта может не только собственник последнего. Подобная цель может преследоваться, например, арендатором искусственного интеллекта. В соответствии со ст. 606 ГК РФ плоды, продукция и доходы, которые арендатор получает в результате эксплуатации арендованного имущества, признаются собственностью арендатора. В отношении аренды искусственного интеллекта следует придерживаться соответствующей позиции. Таким образом, закреплять имущественные права на результаты деятельности искусственного интеллекта следует за тем, кто преследует совей целью извлечение полезных свойств искусственного интеллекта на законных основаниях – за его пользователем. Соответственно, за искусственным интеллектом будет целесообразно законодательно закрепить статус объекта права.

В. И. Тюнин,
профессор кафедры уголовного права
и уголовного процесса СПбГЭУ
доктор юридических наук, профессор
Я.О.Троянов, *специалист-эксперт отдела*
по борьбе с картелями
Санкт-Петербургского УФАС России

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ПРИМЕНЕНИЯ СТАТЬИ 11 ФЗ «О ЗАЩИТЕ КОНКУРЕНЦИИ»

Долгое время в правоприменительной практике оставался проблемным и неоднозначным вопрос относительно допустимости соглашений, общий запрет на которые установлен ст. 11 Закона о защите конкуренции[2], заключаемых между организациями, которые строят свои отноше-

[1] Шестоперов Д. Что написано софтом// Газета "Коммерсантъ". 2020. №206. от 11 ноября 2020.
[2] Федеральный закон от 26.07.2006 №135-ФЗ «О защите конкуренции».

ния на основании договора доверительного управления, но это не отражено в Едином государственном реестре юридических лиц.

Антимонопольными органами выработан подход (в т.ч. поддерживаемый частью судов) в соответствии с которым переход доли участника в уставном капитале другому лицу, при отсутствии соответствующей записи в ЕГРЮЛ, не влечет переход права собственности на предприятие и установление контроля в понимании частей 7, 8 ст. 11 Закона о защите конкуренции[1].

В соответствии с разъяснениями ФАС России от 13.04.2016 № ЦА/24660/16 договор доверительного управления не является основанием для признания группы лиц подконтрольной одному лицу в рамках частей 7-8 ст. 11 Закона о защите конкуренции, поскольку доверительный управляющий не будет образовывать группу лиц с Учредителем управления. Данное утверждение подтверждается, в том числе, и судебной практикой.

В марте 2016 года Верховный Суд, поставил точку в судебном споре по жалобе ряда юридических лиц, в чьих действиях ФАС России была признана реализация антиконкурентного соглашения, по делу «о картеле поставщиков средств реабилитации для инвалидов»[2].

Интерес представляет оценка судами договоров доверительного управления, наличие которых между хозяйствующими субъектами якобы является основанием отношений подконтрольности между ними.

В Постановлении Арбитражного суда Московского округа от 01.12.2015 по делу А40-22931/2014 суд указывал, что «Заявители настаивают на том, что вменяемое им нарушение требований пункта 2 части 1 статьи 11 Закона о защите конкуренции не может распространяться на соглашения между хозяйствующими субъектами, входящими в одну группу лиц, о чем указанными лицами представлены договоры доверительного управления». Исследовав приводимые доводы на предмет соответствия их закону, кассационная инстанция пришла к выводу, что суды пришли к верному выводу о том, что передача имущества в доверительное управление не влечет за собой перехода права собственности юридических лиц, входящих в группу к доверительному управляющему. Это в свою очередь означает, что отсутствует возможность распоряжения доверительным управляющим по собственному усмотрению более чем пятьюдесятью

---

[1] Постановление Арбитражного суда Московского округа от 27.01.2020 по делу №А40-107482/19-149-942 [Электронный ресурс] // Информация с официального сайта Арбитражного суда Московского округа: https://fasmo.arbitr.ru (дата обращения 10.02.2020)

[2] Определение Верховного Суда Российской Федерации от 24.03.2016 №305-КГ16-1421 [Электронный ресурс] // Информация с официального сайта Верховного суда РФ: http://www.supcourt.ru (дата обращения 10.02.2020).

процентами общего количества голосов, приходящихся на доли, составляющие уставный капитал юридического лица.

Критерием оценки действительности договора доверительного управления предприятием о передаче доверительному управляющему контроля над предприятием, на конец 2019 года являлось подтверждение данных сведений на основе информации из выписок ЕГРЮЛ. Так согласно письма Письма ФНС России от 31.01.2014 № СА-4-14/1645 «О направлении правовых позиций в сфере государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей» договор доверительного управления не может являться доказательством осуществления доверительным управляющим функций единоличного исполнительного органа общества, так как по договору доверительного управления не могут быть переданы функции единоличного исполнительного органа. Для этого необходимо подписание договора о передаче полномочий единоличного исполнительного органа.

Приведенные выше судебные акты, сформировали правоприменительную практику, в соответствии с которой договор доверительного управления не образует подконтрольность юридических лиц в том значении которое придается им действующим законодательством, а значит, не является основанием для признания соглашения допустимым в соответствии с пунктом 2 части 8 Закона о защите конкуренции.

При этом, всего лишь полтора года назад договор доверительного управления, не внесенный в ЕГРЮЛ, по мнению суда, являлся основанием для признания подконтрольности двух организаций[1].

При этом в январе 2020 года Верховный Суд отказал в передаче кассационных жалоб для рассмотрения Судебной коллегией по экономическим спорам Верховного Суда РФ, указав, что судами дана надлежащая правовая оценка правовой природе договоров доверительного управления[2]. Таким образом, Верховный Суд РФ своим решением изменил устоявшийся взгляд на правовую природу договоров доверительного управления и их влияния на отношения между юридическими и физическими лицами.

Так Одиннадцатый арбитражный апелляционный суд (решение оставлено в силе вышеуказанным Определением ВС РФ), указал, что антимонопольное законодательство не ограничивает понятие контроля ис-

---

[1] Постановление Арбитражного суда Московского округа от 30.11.2017 по делу №А40-31171/17-130-280 [Электронный ресурс] // Информация с официального сайта Арбитражного суда Московского округа: https://fasmo.arbitr.ru (дата обращения 12.02.2021).

[2] Определение Верховного Суда Российской Федерации от 13.01.2020 №306-ЭС19-25279 [Электронный ресурс] // Информация с официального сайта Верховного суда РФ: http://www.supcourt.ru (дата обращения 12.02.2021).

ключительно записью в ЕГРЮЛ, поскольку законодательство не устанавливает связь между возникновением и прекращением полномочий единоличного исполнительного органа с тем, что такие сведения внесены в государственный реестр юридических лиц[1].

Так, например, в части установления исполнений функций единоличного исполнительного органа, из решения суда следует, что юридическое значение имеет не то, что лицо занимает номинальную должность единоличного исполнительного органа общества, а доказательства осуществления таким лицом функции исполнительного органа конкретной компании. Установление такого факта свидетельствует о вхождении обществ в одну группу лиц и установлении одним из таких юридических лиц в отношении другого юридического лица контроля.

Необходимо отметить, что порядок установления факта исполнения функций единоличного исполнительного органа не ограничен законодательством, что означает необходимость исходить из конкретных обстоятельств по делу (например, представленных документов, фактических действий лиц и т.д.).

Иной подход был выработан в практике ФАС России. Так Санкт-Петербургским УФАС России было вынесено решение о прекращении рассмотрения антимонопольного дела №078/01/11-75/2020 в отношении ООО «Торгвита» (ИНН 7801356724), ООО «Денеб» (ИНН 7802198358), ООО «Денебмед» (ИНН 7801327900), ООО «Эльгида» (ИНН 7840501196), ООО «Диал-фарм» (ИНН 7810223880) и ООО «МТФ Шкипер» (ИНН 7804461678).

Из решения следует, что антимонопольным органом было установлено, что, фактически, функции единоличного исполнительного органа ООО «Денеб», ООО «Денебмед», ООО «Эльгида», ООО «Торгвита», ООО «МТФ «Шкипер», ООО «Диал-фарм» исполняло одно физическое лицо.

Указанное лицо занимало руководящие должности в вышеуказанных обществах, при этом не являлось генеральным директором – единоличным исполнительным органом обществ. Санкт-Петербургским УФАС России была изучена материально-хозяйственная и административно-хозяйственная деятельность обществ.

По результатам анализа было установлено, что данное физическое лицо являлось владельцем сертификатов электронной цифровой подписи обществ, с помощью которых подписывало контракты на электронной

---

[1] Постановление Одиннадцатого арбитражного апелляционного суда от 10.06.2020 №11АП-958/2020 по делу №А65-27125/2018 [Электронный ресурс] // Информация с официального сайта Арбитражного суда Московского округа https://11aas.arbitr.ru/ (дата обращения 12.02.2021).

площадке, договоры с иными хозяйствующими субъектами и с помощью которых принимало участие в торгах, ставило свою подпись в товарных накладных, направляло от имени организации коммерческие предложения в адрес потенциальных заказчиков, подписывало заявления о предоставлении отпусков, служебные записки, связанные с финансово-хозяйственной деятельностью, направляло от имени организации коммерческие предложения в адрес потенциальных заказчиков, в качестве руководителя подписывало приказы о приеме сотрудников на работу и направлении их в командировку, давало письменные указания сотрудникам организации относительно текущей деятельности организации, т.е. фактически осуществляло руководство деятельностью организации и ее сотрудников.

На основании данных обстоятельств Санкт-Петербургским УФАС России прекращено рассмотрение антимонопольного дела в связи с отсутствием состава правонарушения. Что, по нашему мнению, является надлежащим подходом при рассмотрении дел антимонопольным органом, целью которого является защита конкуренции, которая, в вышеуказанном решении, обществами не нарушается, в связи с тем, что они не являются реальными конкурентами и их действия не могут иметь неблагоприятные последствия для конкуренции на товарных рынках

Однако данное решение Санкт-Петербургского УФАС России было признано незаконным Апелляционной коллегией ФАС России, дело возвращено в Управление на новое рассмотрение с учетом позиции ФАС России. Данное решение ФАС России было обжаловано обществами, суды первой и апелляционной инстанции оставили решение ФАС России в силе (№А56-60290/2020). Решение суда первой инстанции не рассматривало данный проблемный вопрос в своем решении, в связи с чем анализ в этой части провести невозможно. Решение суда второй инстанции на момент написания данной статьи в полном объеме не опубликовано.

В марте 2021 года Верховным Судом РФ было принято Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 04.03.2021 № 2 «О некоторых вопросах, возникающих в связи с применением судами антимонопольного законодательства», в котором рассматриваемый вопрос был затронут.

В п. 22 Пленума сказано, что для установления факта картельного сговора между юридическими лицами следует доказать, что они являются конкурентами на товарном рынке. Пункт 28 устанавливает, что, если доказан картельный сговор, в отношении хозяйствующих субъектов, которые не отвечают требованиям частей 7, 8 ст. 11 Закона о защите конкуренции, но при этом образуют группу лиц по другим основаниям, указанным в статье 9 Закона о защите конкуренции, антимонопольный орган должен установить, что такие лица являются конкурентами.

Таким образом, Верховный Суд РФ указал на необходимость доказывания и установления факта конкуренции между участниками антиконку-

рентного соглашения, что позволяет говорить о невозможности применения формального подхода к толкованию положений части 8 ст. 11 Закона о защите конкуренции. Считаем данный подход справедливым и обоснованным, с учетом целей и задач антимонопольного законодательства в целом.

А.С. Федоров,
Начальник управления правового обеспечения
АО «Петербургская сбытовая компания»

ВОЗНИКНОВЕНИЕ ДОГОВОРНЫХ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ НА РОЗНИЧНЫХ РЫНКАХ ЭЛЕКТРИЧЕСКОЙ ЭНЕРГИИ ПУТЕМ ОБМЕНА ЭЛЕКТРОННЫМИ ДОКУМЕНТАМИ

Наиболее распространенными договорными конструкциями, в которых участвуют субъекты розничных рынков электрической энергии, и прежде всего, потребители – это договоры о технологическом присоединении к электрическим сетям и договоры энергоснабжения (купли-продажи (поставки) электрической энергии (мощности))[1].

Гражданский кодекс РФ и Федеральный закон от 26 марта 2003 № 35 «Об электроэнергетике» оставляют регулирование процедуры заключения и исполнения этих договоров на откуп подзаконным нормативно-правовым актам, принимаемым Правительством РФ.

Основным документом, регулирующим отношения сторон договора о технологическим присоединении, являются Правила технологического присоединения энергопринимающих устройств потребителей электрической энергии, объектов по производству электрической энергии, а также объектов электросетевого хозяйства, принадлежащих сетевым организациям и иным лицам, к электрическим сетям, утвержденные постановлением Правительства РФ от 27 декабря 2004 № 861 (далее – Правила технологического присоединения).

Ключевым документом, устанавливающим обязательные для сторон правила возникновения и исполнения договорных отношений по энерго-

---

[1] Основным отличием договора энергоснабжения от договора купли-продажи (поставки) электрической энергии является различие в предмете этих договоров. По договору энергоснабжения на поставщике лежит обязанность осуществить не только продажу электрической энергии, но и урегулировать в интересах потребителя отношения, связанные с оказанием услуг по ее передаче и иных услуг, оказание которых является неотъемлемой частью процесса поставки электрической энергии. Предмет договора купли-продажи (поставки) электрической энергии ограничивается только продажей этого вида энергетического ресурса. Урегулирование отношений по передаче электрической энергии и предоставлению иных услуг потребитель берет на себя.

снабжению, являются Основные положения функционирования розничных рынков электрической энергии, утвержденные постановлением Правительства РФ от 04 мая 2012 № 442 (далее – Основные положения).

Актуальность использования «электронной» формы сделки на розничных рынках электрической энергии.Тенденции развития законодательства об электроэнергетике последних лет указывают на стремление предоставить потребителям возможность пройти процедуру технологического присоединения и заключить договор энергоснабжения с наименьшими временными и организационными затратами[1].

Одним из способов достижения указанного эффекта является использование «электронной» формы[2] договора и его заключение путем обмена электронными документами. Также очевидно, что в ситуации наличия большого числа потенциальных контрагентов – потребителей, что характерно для розничных рынков электрической энергии, электронный документооборот существенно ускоряет и упрощает взаимодействие и сокращает издержки сторон.

Еще одним позитивным моментом, направленным на устранение пробела в правом регулировании электронного способа выражения письменной формы сделки, стали изменения в ГК РФ, внесенные Федеральным законом от 18 марта 2019 № 34, благодаря чему появилось минимальное правовое регулирование «электронных» сделок, тем самым, законодатель показал свое внимание к потребностям гражданского оборота в электронных способах коммуникаций при совершении сделок и поддержку такого способа взаимодействия.

За последний год были приняты сразу несколько изменений в законодательство, направленных на появление правового регулирования механизма заключения договора о технологическом присоединении и договора энергоснабжения в форме электронного документа. Так, постановлениями Правительства РФ от 10.03.2020 № 262, от 01.04.2020 № 403, от 18.04.2020 № 554 в Правила технологического присоединения и в Основные положения вносились многочисленные изменения, предусматривающие заключение рассматриваемых договоров по системе «одного окна» через Интернет-сайт сетевой организации.

Наконец, охватившая весь мир в 2020 году пандемия новой коронавирусной инфекции, сделавшая на долгое время невозможными личные

---

[1] Немаловажную роль в этом процессе имеет Рейтинг легкости ведения бизнеса (Doing Business) Всемирного банка, в котором Российская Федерация старается упрочить свои позиции.

[2] Следует оговориться, что, строго говоря, электронной формы договора (как разновидности сделки) не существует. В классической классификации законодатель выделяет устную и письменную формы сделок (ст. 158 ГК РФ). Электронная форма – это, по сути, способ выражения письменной формы сделки (ст. 160 ГК РФ).

коммуникации путем обмена документами, составленными на бумажном носителе, подчеркнула актуальность совершения следок в «электронной» форме и подтолкнула участников оборота пользоваться этими возможностями, искать пути совершенствования правого регулирования рассматриваемого института и его распространения на иные договорные конструкции.

Порядок возникновения договорных обязательств на розничных рынках электрической энергии путем обмена электронными документами по системе «одного окна».Согласно действующему правовому регулированию заявитель, желающий заключить договор о технологическом присоединении к электрическим сетям, вправе выбрать электронный способ взаимодействия как с сетевой организацией в процессе технологического присоединения, так и с гарантирующим поставщиком электрической энергии в процессе заключения договора энергоснабжения (купли-продажи (поставки) электрической энергии (п. 8 Правил технологического присоединения).

В случае выбора заявителем такого способа взаимодействия, дальнейшие отношения сторон процесса технологического присоединения происходят посредством сайта сетевой организации.

В целях создания личного кабинета заявителя на сайте сетевой организации для последующего обмена электронными документами заявитель проходит регистрацию на указанном сайте, ему создается личный кабинет пользователя. Для первичной идентификации заявитель – физическое лицо указывает свой страховой номер индивидуального лицевого счета (далее – СНИЛС), а заявитель – юридическое лицо или индивидуальный предприниматель указывает свой основной государственный регистрационный номер (далее – ОГРН) и идентификационный номер налогоплательщика (далее – ИНН). В результате регистрации заявителю предоставляются идентификатор и пароль, с использованием которых осуществляется доступ к личному кабинету заявителя на сайте сетевой организации (п. 8(3) Правил технологического присоединения).

После получения от заявителя через сайт сетевой организации заявки об осуществлении технологического присоединения сетевая организация направляет заявителю через личный кабинет подписанный со своей стороны усиленной квалифицированной электронной подписью проект договора о технологическом присоединении (оферту). Договор подписывается заявителем (физические лица используют простую электронную подпись, юридические лица и индивидуальные предприниматели – усиленную квалифицированную электронную подпись).

Еще более упрощенная процедура заключения договора о технологическом присоединении предусмотрена для заявителей с небольшой при-

соединяемой мощностью[1]. Договор с такими лицами заключается путем направления заявителю выставляемого сетевой организацией счета для внесения платы за технологическое присоединение и оплаты заявителем указанного счета. При этом договор считается заключенным на условиях, предусмотренных Правилами технологического присоединения.

Сразу после заключения договора о технологическом присоединении, не дожидаясь его исполнения, происходит заключение договора, обеспечивающего продажу электрической энергии (мощности) на розничном рынке – договора энергоснабжения или купли-продажи (поставки) электрической энергии и мощности, при условии, что заявитель в заявке о технологическом присоединении указал о своем намерении заключить соответствующий договор с гарантирующим поставщиком.

Для этих целей сетевая организация передает гарантирующему поставщику информацию о заявке потребителя на заключение договора с приложением необходимых для заключения договора энергоснабжения документов. Гарантирующий поставщик направляет сетевой организации договор энергоснабжения, подписанный усиленной квалифицированной подписью своего уполномоченного представителя. Весь документооборот происходит в электронной форме.

В специальном разделе личного кабинета заявителя сетевая организация размещает типовой договор о технологическом присоединении, оплаченный заявителем счет, технические условия, содержащие перечень мероприятий по технологическому присоединению,проект договора, обеспечивающего продажу электрической энергии (мощности) на розничном рынке, подписанный усиленной квалифицированной электронной подписью уполномоченного лица гарантирующего поставщика, и инструкцию, содержащую последовательный перечень мероприятий, обеспечивающих безопасное осуществление действиями заявителя фактического присоединения и фактического приема напряжения и мощности.

По завершении мероприятий по технологическому присоединению сетевая организация направляет заявителю акт об осуществлении технологического присоединения и договор энергоснабжения для подписания со стороны потребителя.

Заявитель осуществляет подписание указанных документов электронной подписью, в результате чего договор о технологическом присоединении считается исполненным, а договор энергоснабжения – заключенным.

---

[1] Юридические лица и индивидуальные предприниматели с максимальной мощностью энергопринимающих устройств до 150 кВт; физические лица с максимальной мощностью энергопринимающих устройств до 15 кВт.

Риски текущей модели. В действующей модели возникновения договорных обязательств на розничных рынках электрической энергии путем обмена электронными документами по принципу «одного окна» усматривается наличие следующих рисков.

Во-первых, это риск ненадлежащей идентификации. Как указывалось выше, идентификация физического лица происходит путем указания физическим лицом своего СНИЛС. Юридическое лицо и индивидуальный предприниматель в целях идентификации указывают свои ОГРН и ИНН. Данные идентификаторы (особенно ОГРН и ИНН юридических лиц) могут быть известны третьим лицам и использоваться указанными лицами для регистрации в личном кабинете на сайте сетевой организации от имени заявителя. Вместе с тем, указанный риск, с одной стороны, представляется незначительным, поскольку сложно представить себе ситуацию, когда бы третье лицо было заинтересовано навязать технологическое присоединение заявителю помимо его воли. В то же время, при указании заявителем неверных идентификаторов сетевая организация в будущем может столкнуться со сложностями при взыскании с заявителя платы за технологическое присоединение (действующее законодательство допускает предоставление заявителю рассрочку внесения платы на период до трех лет).

Решением может быть идентификация заявителя с использованием Единой системы идентификации и аутентификации (ЕСИА) путем интеграции сайта сетевой организации с указанной системой.

Во-вторых, регулирование процедуры заключения договора о технологическом присоединении и договора энергоснабжения по принципу «одного окна» построено таким образом, что от потребителя в обязательном порядке требуется возращение гарантирующему поставщику подписанного договора энергоснабжения. В противном случае, заявка потребителя на заключение договора считается отозванной, а потребление энергической энергии признается бездоговорным с такими негативными для потребителя последствиями как введение полного ограничения режима потребления и применение весьма обременительного для потребителя расчетного способа определения объема потребления электрической энергии (п. 19(1) Правил технологического присоединения).

При этом не учитывается, что действующее гражданское законодательство допускает заключение договора путем совершения лицом, получившим оферту, конклюдентных действий – действий по выполнению указанных в оферте условий договора (в рассматриваемом примере, потребление электрической энергии и ее оплата). Такие действия согласно п. 3 ст. 438 ГК РФ считаются акцептом, если иное не предусмотрено законом, иными правовыми актами или не указано в оферте. Разумных оснований исключать действие правила об акцепте путем конклюдентного по-

ведения для рассматриваемых отношений по заключению договора энергоснабжения не усматривается.

Возможность заключения договора энергоснабжения в «электронной» форме не по системе «одного окна». Действующее правовое регулирование порядка заключения договора о технологическом присоединении и договора энергоснабжения по принципу «одного окна», в целом, можно оценить положительно. Вместе с тем, этот порядок применим только для случаев нового технологического присоединения энергопринимающих устройств. При этом довольно часто договор энергоснабжения заключается в отношении уже ранее присоединенных энергопринимающих устройств, например, при смене собственника объекта. Но такие договоры заключатся в традиционном порядке – путем обмена документами на бумажном носителе или, при взаимном согласии сторон (что бывает редко), в форме электронного документа, подписанного усиленной квалифицированной электронной подписью.

Вместе с тем, представляется, что наличие более ускоренного, упрощенного и унифицированного порядка заключения договора энергоснабжения соответствует потребностям как поставщиков, так и потребителей и было бы положительно воспринято рынком.

Руководствуясь одним из важнейших принципов гражданского права – разрешено то, что прямо не запрещено – вполне допустимо, используя регулирование общих норм Гражданского кодекса РФ, внедрить и применять модель заключения договора энергоснабжения, аналогичную используемой на стадии технологического присоединения, через информационную систему гарантирующего поставщика.

Так, согласно абз. 2 п. 1 ст. 160 ГК РФ письменная форма сделки считается соблюденной также в случае совершения лицом сделки с помощью электронных либо иных технических средств, позволяющих воспроизвести на материальном носителе в неизменном виде содержание сделки, при этом требование о наличии подписи считается выполненным, если использован любой способ, позволяющий достоверно определить лицо, выразившее волю.

Исходя из данной нормы, для заключения договора энергоснабжения в форме электронного документа посредством информационной системы гарантирующего поставщика необходимо, во-первых, обеспечить возможность воспроизведения на материальном носителе в неизменном виде содержания договора, а во-вторых, необходима достоверная идентификация лица, выражающего волю на заключение договора.

Однако поскольку законодательство о регулировании розничных рынков электрической энергии отличается высокой степенью зарегулированности, к чему привыкли как участники оборота, так и правоприменители, конструированию схем, подобных описанной выше, препятствует от-

сутствие соответствующего правового регулирования на подзаконном уровне.

Таким образом, для успешного и безрискового использования удобного для участников рынка электронного способа взаимодействия при заключении договора энергоснабжения необходима проработка и внесение изменений, прежде всего, в Основные положения, описывающих порядок заключения указанного договора с использованием информационной системы гарантирующих поставщиков электрической энергии.

И.В. Фролов,
канд. юрид. наук, доцент,
доцент кафедры предпринимательского права
Юридического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова

ПАНДЕМИЯ И ПОСТРОЕНИЕ РЕЛЕВАНТНЫХ ПРАВОВЫХ МОДЕЛЕЙ НЕСОСТОЯТЕЛЬНОСТИ ДОЛЖНИКОВ В УСЛОВИЯХ ЭКСТРАОРДИНАРНЫХ СИТУАЦИЙ ЧРЕЗВЫЧАЙНОГО ХАРАКТЕРА

В современных экономическо-правовых условиях общество и его правовая система практически впервые столкнулись с совершенно новыми глобальными вызовами и угрозами. Следует конечно честь, что с угрозами подобными коронавирусной инфекции COVID-19 общество и ранее неоднократно сталкивалось, так как смертельно опасные вирусы периодически появлялись в различных регионах нашей планеты.

Однако, с учётом современных масштабов общемировой глобализации[1], динамики миграции населения и международного разделения труда[2] проявляющегося в развитой системе логистических и технологических связях между корпорациями и промышленными группами производственные подразделения которых находятся в различных юрисдикциях на различных континентах, возникающие угрозы приобретают совершенно иное значение и масштаб влияния как на всё общество, так и на его отдельных членов. Ранее доля подобных угроз для населения была сравнительно не

---

[1] См.: Хабриева Т. Я. Миграционное право: сравнительно-правовое исследование: М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, 2019. С. 116 -225; Россия в глоболизирующемся мире: социальные аспекты. Коллективная монография. М. 2006. С. 211-212.

[2] Более подробно о значении процессов разделения труда в мире и его роли в современной экономике см. в работе: *Хазин М.* Воспоминания о будущем. Идеи современной экономики. М. 2019. С. 53, 33 – 441.

очень велика. По указанной причине адекватное указанным угрозам правовое регулирование регламентировало подобные ситуации на уровне локальных угроз и не более. Указанные угрозы правом идентифицируются как экстраординарные, то есть чрезвычайные. Примером законодательно идентификации указанных локальных угроз служит законодательное установление перечня чрезвычайных ситуаций, изложенное в абз. 1 ст. 1 Федерального закона от 21 декабря 1994 г. № 68-ФЗ[1]. В постановлении Правительства Российской Федерации от 21 мая 2007 г. № 304 в редакциях: от 17 мая 2011 г. № 376; от 20 декабря 2019 г. № 1743 были закреплены шесть видов чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера[2].

Органы власти должны реагировать на конкретные экстремальные обстоятельства[3] с целью защиты населения, обеспечения его безопасности, *локализации, минимизации и последующей ликвидации имущественных потерь и материального ущерба, вызванного чрезвычайными ситуациями.* Механизм указанного реагирования предполагает введение чрезвычайного положения, в рамках которого государством должны приниматься локальные меры предполагающие ограничения посредством изменения системы исполнительных и контрольно-надзорных компетенций органов власти[4]. Главным критерием и оценочным показателем публичного управления в условиях чрезвычайных ситуаций является его эффективность и оптимальность в локализации, минимизации и последующей ликвидации потерь и материального ущерба, вызванного указанными ситуациями. Однако, распространение COVID-2019 показало, что общество столкнулось с явлением, которое под имеющиеся модели чрезвычайных ситуаций не попадает. Ситуация, возникшая в связи с угрозой COVID-2019 в начале 2020 года не попадает ни под нормативное определение чрезвычайно ситуации, изложенное в абз. 1 ст. 1 ФЗ «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера», ни под иное определение чрезвычайной ситуации, данное специалистами, примером которой может быть понятие чрезвычайно ситуации, данное С.А. Старостиным в его исследовании, посвященном режиму чрезвычайного положения, в котором помимо нормативно закрепленных

---

[1] Федеральный закон от 21 декабря 1994 г. № 68-ФЗ «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера» // СЗ РФ. 1994. № 35. Ст. 3648.

[2] Постановление Правительства Российской Федерации от 21 мая 2007 г. № 304 «О классификации чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера» // СЗ РФ.2007. № 22. Ст. 2640.

[3] См.: Рушайло В. Б. Административно-правовые режимы: монография. М.: Из-во «Щит-М». 2000. С. 52.

[4] См.: Старостин *С.А.* Чрезвычайное положение: монография. М.: Проспект. 2019. С. 3–4.

критериев чрезвычайной ситуации автор считает необходимым добавить наличие реальной угрозы жизненно важным интересам личности, общества и государства[1]. Система чрезвычайных ситуаций, приведенная в Постановлении Правительства Российской Федерации от 21 мая 2007 года № 304 «О классификации чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера» также не охватывается те обстоятельства, которые сопровождали угрозы, связанные с COVID-19 и меры социально-управленческого и экономического характеров, принимаемыми органами исполнительной власти, Правительством и Президентом Российской Федерации. В соответствие с пп. а) ст. 11 Федерального конституционного закона от 30 мая 2001 года № 3-ФКЗ одним из элементов введения чрезвычайного положение является полное или частичное приостановление на территории, на которой введено чрезвычайное положение, полномочий органов исполнительной органов местного самоуправления, что в условиях угрозы населения заболевания COVID-19 абсолютно недопустимо, так как наоборот предполагает не приостановление, а усиление соответствующих полномочий для обеспечения безопасности населения и обеспечения реализации мер по самоизоляции. Именно по указанным причинам новые глобальные угрозы могут быть обозначены как экстраординарные ситуации чрезвычайного характера. Указанная категория угроз требует новой трактовки и нормативного закрепления понятий, связанных с указанными экстраординарными ситуациями чрезвычайного характера релевантных территории охвата и круг лиц как пострадавших от последствий сопоставимых последствиям коронавирусной инфекции COVID-19, так и кругу лиц, правовое положение которых подверглось существенным изменениям в части:

а) "предстатусных" элементов, как категорий, предшествующих правовому статусу;

б) самого правового статуса гражданина;

в) "после статусных" или "пост-статусных" элементов.

Так как что же следует понимать под термином «экстраординарные ситуации чрезвычайного характера»?

Как нам представляется указанный тип ситуаций вызывающий новый вид угроз должен включать в себя помимо чрезвычайных ситуаций ситуации чрезвычайного экономического характера. Это объясняется тем, что в законодательном закреплении понятия чрезвычайных ситуаций нет указаний на ситуацию, отнесенную к существенным изменениям экономических параметров, оказывающих негативное влияние на общество и

---

[1] См.: Старостин С. А. Управление органами внутренних дел при чрезвычайных ситуациях: Дис. ... доктора юридич. наук. М.: Академия управление МВД России. 2000. С. 47; Он же. Чрезвычайное положение: монография. М.: Проспект. 2019. С. 4 – 5.

его членов, что имеет место в случаях возникновения угроз по своим параметрам аналогичных угрозам от распространения и последствиям коронавирусной инфекции COVID-19. По указанным причинам второй категорией, позволяющей охватить сферу распространения экстраординарных ситуаций чрезвычайного характера являются ситуации чрезвычайного экономического характера, к которым следует отнести существенный рост дефицита бюджета, падение промышленного производства, существенный рост инфляции, изменение курса национальной валюты и подобные обстоятельства, вызывающие изменение экономических показателей федерального, регионального и местных бюджетов, которые оказывают непосредственное негативное влияние на финансовое положение населения проживающего на территории в границах которой указанные изменения зафиксированы с учётом их влияния на значительный рост цен на указанной территории и падения платежеспособности как частных домохозяйств, в целом, так и граждан, в частности.

Таким образом *чрезвычайные ситуации* как одна из категорий экстраординарных ситуаций чрезвычайного характера для сферы несостоятельности (банкротства) граждан будут основываться на экстремальных ситуациях природного и (или) техногенного характера. В свою очередь *ситуации чрезвычайного экономического характера,* как ещё один элемент экстремальных ситуаций чрезвычайного характера, будут вытекать из комплекса экономических показателей, оказывающих самое непосредственное влияние на финансовое положение как частных домохозяйств, так и граждан. Наличие как чрезвычайные ситуации, так и ситуации чрезвычайного экономического характера должно определяться органами исполнительной власти в зависимости от характера угроз и объёма негативных факторов, связанных с каждым из типов ситуаций, а также их влияния на платежеспособность и уровень благосостояния населения соответствующей территории.

Ю.С. Цветкова,
старший преподаватель
кафедры Международного и морского права
ГУМРФ им. адм. С.О. Макарова

ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ СТРАХОВАНИЯ ПОЛЯРНОГО ТУРИЗМА

Набирающее в последние полтора десятка лет такое явление, как полярный туризм диктует новые условия правового регулирования туризма – очевидно, что поездки в Арктику и Антарктику не могут регулироваться стандартными нормами, регулирующими туристическую сферу.

Так, организация туристических поездок предполагает наличие инфраструктуры, возможность оказания и получения медицинской помощи и т.д. К немаловажным аспектам относится и страхование: страхуют жизнь и здоровье туристов, ответственность перевозчика и т.д. Именно высокая стоимость страхования существенным образом влияет на стоимость тура для туристов[1].

Абрамова Е.Н. указывает, что «дополнительной обязанностью перевозчика по российскому законодательству является страхование жизни и здоровья пассажиров»[2]. В данном аспекте рассматриваются положения Афинской конвенции о перевозке морем пассажиров и их багажа, однако, применительно к полярным регионам действия данной конвенции может оказаться, на наш взгляд, недостаточно.

В отношении полярного туризма можно выделить несколько аспектов, связанных с основаниями страхования.

1. *Медицинская страховка.* Ввиду протяженности и удаленности территорий, экстренно оказать медицинскую помощь не всегда представляется возможным, а перемещение туриста, которому требуется такая помощь, возможно только при помощи санитарной авиации. Использование санитарной авиации в регионе, отличном от региона получения полиса ОМС, полисом ОМС не покрывается, так как не входит в Базовую программу (ст.35 ФЗ от 29 ноября 2010 года № 326 «Об обязательном медицинском страховании в Российской Федерации» (в ред. от 24 февраля 2021 года)). Таким образом, несмотря на то, что российские граждане, путешествуя по российской части Арктики, формально не обязаны приобретать какую-либо дополнительную страховку, имея полис ОМС, но и воспользоваться последним при необходимости они не смогут.

Так, в 2013 году страховая компания «Европейское туристическое страхование» эвакуировала из Арктики российского туриста с обморожением пальцев во время пешей прогулки в Арктике. Туристическая группа находилась в 70 км от Северного полюса, а до ближайшего госпиталя в Норвегии было 1400 км. С учетом этого, туриста доставили на станцию «Барнео», находившуюся в часе полета. Страховщик взял на себя все расходы по перевозке и медпомощи туристу – это свыше €16 тыс., из которых большая часть суммы была потрачена на оплату вертолета. «Это пришествие еще раз подчеркивает, что даже при несерьезном страховом случае эвакуация из труднодоступных мест будет стоить очень до-

---

[1] Цветкова Ю.С. Некоторые вопросы правового регулирования страхования туристов в циркумполярных регионах // Евразийский юридический журнал. № 8 (111). 2017. С. 70-72.

[2] Морское право и международный морской бизнес / Абрамова Е.Н.; Алексеев Г.В.; Балашов А.И.; Бутакова Н.А.; Васильев В.Я.; др. М., 2021 (автор главы 14 «Договор морской перевозки пассажиров» – Е.Н. Абрамова).

рого. И, следовательно, страховую сумму в подобных поездках необходимо выбирать максимальную, чтобы ее хватило и на транспортные расходы, и на лечение», – отметил специалист по маркетингу компании ERV («Туристическое страхование») Александр Сарбеев[1]. Сумма страховки туриста составила €100 тыс., при этом полис пострадавшего предусматривал покрытие поисково-спасательных работ из труднодоступных мест.

2. *Авария судна*. Вследствие активного развития арктического туризма в полярных регионах увеличилось судоходство, что естественным образом повлияло на резкий рост рисков для туристических судов. Это связано с тем, что путешествия проходят в районе, где активно образуются айсберги[2]. В результате увеличение рисков крушения круизных лайнеров затрудняет работу поисково-спасательных служб, и без того осложненную труднодоступностью арктического региона и тяжелыми климатическими условиями.

Организация арктических круизов требует особого внимания по обеспечению безопасности всех участников этих рейсов, проходящих, как правило, в сложных метеорологических и ледовых условиях. Важными в данном аспекте являются обновление ледокольного парка, обновление инфраструктуры портов, создание налаженной системы поиска и спасания судов и людей, терпящих бедствие.

Отсутствие четко налаженной и быстро работающей системы спасания людей и судов, терпящих бедствие, существенно затрудняет развитие арктического туризма в частности, и всего Арктического региона в целом. Это приводит к значительному удорожанию стоимости страхования, как судов, так и туристов. Тяжелые климатические условия и труднодоступность региона обуславливают повышенный уровень опасности для жизни и здоровья потенциальных туристов, что приводит к удорожанию страхового обеспечения.

Вместе с тем, несмотря на очевидную необходимость правовой регламентации страхования полярного туризма, соответствующий норматив фактически отсутствует.

Ни ФЗ «Об основах туристской деятельности в РФ», ни ФЗ «Об обязательном медицинском страховании в Российской Федерации», ни какой-либо иной нормативный документ в России не содержит регламентации страхования в полярных регионах – тем самым, считаем необходимым проработать данный вопрос более точечно на законодательном уровне.

---

[1] ERV эвакуировала туриста из Арктики // RATA-news [Электронный ресурс] Режим доступа: https://ratanews.ru/news/news_16052013_4.stm Дата обращения 05.04.2021.

[2] Конышев В.Н., Сергунин А.А. Сотрудничество приарктических государств в области предотвращения чрезвычайных ситуаций и поисково-спасательных работ: проблемы и перспективы // Арктика и Север. № 15. 2014. С.39-55.

Считаем необходимым заключение соглашения между туристическими операторами арктических стран по вопросам создания общей системы страхования, что обуславливается тем, что иностранные страховые компании не имеют выхода на российский рынок, а российские компании практически не работают в данном сегменте. Рынок арктического туризма еще довольно узок, и специализироваться лишь в арктическом страховании туристов российским компаниям экономически нецелесообразно.

В силу климатических и погодных условий Арктика представляет повышенную опасность и для человека, и для судоходства. Этими факторами обусловлена высокая стоимость страхования судов и жизни человека, что, в свою очередь, существенно повышает стоимость тура.

Полагаем, что при помощи заключения региональных соглашений представляется возможным решить проблему страхования туристической деятельности в регионе. Существующие в настоящее время высокие ставки на страхование туризма в Арктике во много раз увеличивают стоимость поездки, и тормозят развитие туризма в регионе.

СЕКЦИЯ КОНСТИТУЦИОННОГО И АДМИНИСТРАТИВНОГО ПРАВА

Ответственный – заведующий кафедрой Конституционного и административного права, д-р юридических наук, доцент ***Новиков А.Б.***

Боброва О.Г., *канд. юрид. наук, доцент 20 кафедры (военного права) Военного университета Министерства обороны Российской Федерации*

ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ОБЕСПЕЧЕНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ГРАНИЦ В УСЛОВИЯХ ПАНДЕМИИ

Пандемия covid-19 существенным образом повлияла на деятельность государственных контролирующих органов на границе во всем мире. Всемирной таможенной организацией было принято специально коммюнике[1], в котором отмечалась роль таможенных администраций в содействии перемещению не только товаров, необходимых для борьбы с пандемией, но в целом грузов в рамках международной цепи поставок, а также необходимости борьбы с нарушением таможенного законодательства.

В рамках проведенного исследования была выдвинута гипотеза о дуальности правового статуса государственной границы (в соответствии с нормами частного и публичного права), его влиянии на публичные (деятельность по обеспечению безопасности государственных границ) и частные интересы (обеспечение соблюдения прав частных лиц). Указанная двойственность государственной границы как явления правовой действительности проявляется также в комплексности правового регулирования: сочетание норм международного и национального права. По нашему мнению, одним из актуальных вопросов в исследуемой сфере является влияние ограничительных мер на права лиц, осуществляющих внешнеэкономическую деятельность, и обеспечение безопасности государственных границ.

В юридической литературе наблюдается плюрализм мнений относительно понятия и признаков государственной границы как объекта правовой действительности. Согласно одной точке зрения, государственная

---

[1] WCO Communique regarding the Coronavirus (COVID-19). Режим доступа: URL: http://www.wcoomd.org/en/topics/facilitation/activities-and-programmes/natural-disaster/coronavirus.aspx. (дата обращения: 25 марта 2021 г.).

граница выступает объектом правоотношений[1]; согласно другой – государственная граница является объектом права[2]. При этом для правового регулирования ВЭД существенное значение имеет понятие таможенной границы. Каждое государство-член Евразийского экономического союза (далее – ЕАЭС) обладает государственными границами, в то время как таможенная территория ЕАЭС едина (ст.2 Договора о ЕАЭС, ст.ст. 2,10 Таможенного кодекса ЕАЭС).

В трудах Панферовой И. А. проведено разграничение по отраслевому признаку норм права, регулирующих общественные отношения в исследуемой области. Так, автор отмечает, что «общественные отношения в области государственной границы между субъектами (личность, общество, государство) регулирует международное и внутригосударственное право. Общепризнанные нормы-принципы международного права нацелены на установление государственной границы и недопущение в их отношении агрессии. Международные пограничные договоры закрепляют описание, содержание, порядок пересечения государственной границы, разрешение пограничных инцидентов сопредельными государствами. Внутригосударственное законодательство (Конституция Российской Федерации, конституции субъектов Российской Федерации, Закон о государственной границе и иные нормативные правовые акты) регулирует юрисдикцию органов власти в вопросах режимов государственной границы, ее защиты и охраны и т.д.[3] В отношении правового регулирования ВЭД указанное положение доктрины носит более комплексный характер. Согласно ч.1 ст.6 Договора о ЕАЭС, право ЕАЭС составляют: Договор о ЕАЭС; международные договоры в рамках Союза; международные договоры Союза с третьей стороной; решения и распоряжения Высшего Евразийского экономического совета, Евразийского межправительственного совета и Евразийской экономической комиссии, принятые в рамках их полномочий, предусмотренных настоящим Договором и международными договорами в рамках Союза. Кроме того, в связи с действием Приложения №31 к Договору о ЕАЭС правовые нормы Всемирной торговой организации (далее – ВТО) являются составной частью Права ЕАЭС и имеют приоритет в случае противоречия норм Права ЕАЭС и норм Права ВТО.

---

[1] Гурьянов А. А. Статус государственной границы Российской Федерации: теоретико-право-вые, международные и военные аспекты : монография / А.А. Гурьянов, А.Б. Гвоздев. – 3-е изд. – М.: Издательская группа «Граница», 2015. – 304 с. С. 56.

[2] Бондаренко В. М. Понятие и особенности конституционно-правового статуса государственной границы Российской Федерации / В. М Бондаренко // Юристъ-Правоведъ. – Ростов-на-Дону : Изд-во Рост.юрид. ин-та МВД России, 2012. № 2. С. 67.

[3] Панферова И. А. К вопросу об определении правового статуса государственной границы Российской Федерации // Военное право. 2020. № 1 (59). С. 32.

При этом, как ранее было указано, государственная граница охватывает отношения не только «между государством и государством, а также между личностью и государством, обществом и личностью и т.д. Целью таких отношений являются равенство и справедливость в распределении различного рода благ, удовлетворения материальных, духовных, социальных и иных потребностей»[1]. Удовлетворение материальных потребностей происходит, например, при осуществлении внешнеэкономической деятельности, направленной как и всякая предпринимательская деятельность на систематическое извлечение прибыли. При этом частный интерес (участников ВЭД) заключается в получении прибыли, а публичный интерес в «обеспечении экономических интересов на путях международного сообщения (в пунктах пропуска через границу) как объекта правового регулирования, который представляет собой систему организационных и исполнительно-распорядительных действий и мер, направленных на удовлетворение экономических потребностей личности, общества и государства во всестороннем развитии и на защиту их интересов от военных и иных угроз, проявляющихся на путях международного сообщения (в местах пропуска через границу), направленных на нанесение экономического ущерба»[2].

По мнению Грачева С.В., пограничные органы выполняют функции в обеспечении экономической безопасности государства на путях международного сообщения, которые объединены в две группы: «противодействие военным и иным угрозам безопасности и удовлетворение экономических потребностей»[3].

Представляется обоснованными положения правовой доктрины, согласно которым обеспечение безопасности государственных границ неразрывно связано с реализаций права граждан на удовлетворение их экономических потребностей. Таможенное законодательство ЕАЭС и национальные законодательства государств-членов ЕАЭС регламентирует их осуществление посредством внешнеэкономической деятельности.

В настоящее время механизм правового регулирования пересечения физическими лицами государственной границы испытывает сильнейшее влияние пандемии Covid-19. Международными организациями (ООН, Всемирная таможенная организация, Всемирный почтовый союз, Международной организацией гражданской авиации (ИКАО), Ассоциации международного воздушного транспорта) и представителями пограничных ведомств стран мира были выработаны рекомендации по обеспечению безопасности государственных границ в условиях пандемии.

---

[1] Панферова И. А. С. 33.

[2] Грачев С.В. Теоретико-правовые основы деятельности пограничных органов по обеспечению экономических интересов государства на путях международного сообщения и направления их развития :дис. … канд. юрид. наук. М.: МПИ, 2012. С.35.

[3] Грачев С.В. С.14.

Основной принцип заключается в том, чтобы прохождение пограничных формальностей было максимально упрощено для законопослушных граждан при одновременном усилении контроля и выявлении случаев нарушения законодательства. При этом рекомендуется активно внедрять бесконтактные информационно-коммуникационные технологии и реализовывать принцип «бесшовной» границы.

Руководители пограничных органов стран мира осуществляют модернизацию инфраструктуры на границе и цифровизацию процессов управления государственными границами. В качестве примера можно рассмотреть деятельность пограничных органов Финляндии по разработке и внедрению цифровых государственных он-лайн услуг в области миграции (англ. название – «EnterFinland»). Указанная цифровая платформа объединяет государственные услуги в сфере миграционного учет, налогообложения, патентов и регистрации[1].

Международным сообществом выработаны следующие подходы к управлению государственными границами: быстрое и безопасное пресечение границы, удобное для пассажиров и участников международной торговли[2] При этом управление границами в будущем (особенно в условиях режима ограничительных мер) будет характеризоваться следующими принципами:

1. «Невидимая» граница. Применение цифровых технологий позволит отказаться от необходимости физического представления документов или взаимодействия с должностным лицом пограничных войск. Таким образом упрощаются многочисленные рутинные операции управления государственной границей. Эти изменения основывается на формировании цифровых двойников людей (посредством бесконтактного предоставления биометрических данных, использования сенсорных технологий) и объектов материального мира. Применение подобных технологий позволяет сконцентрировать усилия военнослужащих пограничных войск на идентификацию людей и транспортных средств, чей статус не установлен или чей профиль риска в ведомственной системе управления рисками высок. Кроме того, такой подход позволяет гибко выстраивать алгоритм пограничного контроля в случае выявления угроз общественной безопасности и благополучию населения (например, в условиях ограничительных мер, вызванных пандемией).

---

[1] Canham J., A. de Voet. The invisible and secure border of the future // WCO News. 2020.№ 92. Официальный сайт Всемирной таможенной организации. Режим доступа: URL: https://mag.wcoomd.org/magazine/wco-news-92-june-2020/the-invisible-and-secure-border-of-the-future/ (дата обращения: 25 марта 2021 г.).

[2] Coordinated Border Management – An inclusive approach for connecting stakeholders. MessagefromtheWorldCustomsOrganization/ 2015. Официальный сайт Всемирной таможенной организации. Режим доступа: URL: http://www.wcoomd.org/-/media/wco/public/global/pdf/about-us/international-customs-day/2015/sg_message_icd_2015_en.pdf?db=web (дата обращения: 22 марта 2021 г.).

2. Адаптируемая (легко изменяющаяся, гибкая). В связи с быстрыми и радикальными эпидемиологическими, технологическими, политическими, экономическими изменениями работа пограничных органов должна быть максимально гибкой, оперативно отражающей указанные изменения, позволяющей противостоять угрозам государственной безопасности. Подобный подход можно обеспечить за счет использования больших высококачественных актуальных данных о физических лицах и грузах для повышение эффективности и ускорения принятия юридически значимых решений.

3. Экосистема обеспечения безопасности государственных границ. Пограничные органы в будущем для обеспечения безопасности границ будут использовать экосистему, участниками которой станут и государственные органы, и представители бизнеса. Контролирующие органы (пограничные, таможенные, органы транспортного и ветеринарного, фито-санитарного, миграционного контроля) на границе будут обмениваться актуальной, достоверной информацией, минуя препятствия в виде разницы юрисдикций. Цель такого информационного взаимодействия – ускорение и совершенствование контроля на и за пределами государственных границ.

Пограничная экосистема и информационное взаимодействие, ориентированное на результат, уже применяется некоторыми пограничными органами. Так, таможенная и погранична служба США уже взаимодействует с такими международными корпорациями-лидерами трансграничной электронной торговли как «Amazon», DHL, и eBay для обеспечения безопасности перемещения товаров и благополучия населения.

Принципы «невидимой», адаптируемой (легко изменяющейся, гибкой) границы, наличие экосистемы обеспечения безопасности государственных границ отличаются от сложившихся представлений о том, каким образом осуществляется пограничный и иные виды контроля. Однако новейшие вызовы и угрозы государственной безопасности в исследуемой области (пандемия и иные чрезвычайные обстоятельства), развитие информационно-коммуникационных технологий предопределяют необходимость анализа зарубежного опыта и международных стандартов.

Ведущими международными организациями (ООН, Международной организацией гражданской авиации (ИКАО), Ассоциации международного воздушного транспорта (ИАТА), Всемирной таможенной организацией, Всемирным почтовым союзом) разработаны и внедрены в практику деятельности пограничных контролирующих органов зарубежных стран международные стандарты предоставления и обмена данными о физических лицах, товарах, транспортных средствах. Их предварительный автоматизированный анализ позволяет выявлять лиц, представляющих угрозу для национальной безопасности государств.

Всемирной таможенной организацией на основе Международной конвенции о согласовании условий проведения контроля грузов на границах

от 21 октября 1982 года (Конвенция о согласовании 1982 г., принята под эгидой ООН) была разработана Концепция скоординированного управления границами, включающая международные стандарты взаимодействия контролирующих органов на границе для обеспечения безопасности[1].

В условиях повсеместного применения режима ограничительных мер и чрезвычайных ситуаций (пандемия covid-19) угрозы безопасности государств-членов ОДКБ актуализируются, а традиционные инструменты противодействия им становятся недоступными или ограниченными в применении. Следовательно, выработанные указанными ранее международными организациями могут представлять интерес для государств-членов ЕАЭС для обеспечения безопасности государственных границ и содействию ВЭД.

Проведенный краткий анализ мер, предпринятых государствами-членами ЕАЭС (Республикой Казахстан и Кыргызской Республикой) в сфере управления безопасностью государственных границ в условиях пандемии[2], позволяет сформулировать следующие выводы:

1. Основное внимание уделено физическому ограничению количества лиц и транспортных средств, пересекающих государственную границу;

2. Лица, прибывающие или убывающие из (в) Казахстана и Киргизии, подвергаются дополнительным мерам санитарного контроля;

3. Штат контролирующих органов дополнительно усилен сотрудниками медико-санитарных служб для проведения термометрии и выявления лиц с признаками заболевания;

4. Все выше приведенные меры носят организационный характер, не предполагают внедрение информационно-коммуникационных бесконтактных технологий, информационного обмена между контролирующими органами, упрощения процедур пограничного контроля.

Таким образом, проведенный сравнительный анализ позволил сформулировать следующие выводы и рекомендации:

1. Развивающаяся пандемия предопределяет сложности в реализации традиционных мер государственного контроля («контактные» его формы) на границе и служит толчком к реализации принципов «невидимой», «адаптируемой (легко изменяющейся, гибкой)» границы, созданию экосистемы обеспечения безопасности государственных границ.

---

[1] Coordinated Border Management – An inclusive approach for connecting stakeholders. MessagefromtheWorldCustomsOrganization/ 2015. Официальный сайт Всемирной таможенной организации. Режим доступа: URL: http://www.wcoomd.org/-/media/wco/public/global/pdf/about-us/international-customs-day/2015/sg_message_icd_2015_en.pdf?db=web (дата обращения: 21 марта 2021 г.).

[2] WCO Members' practices in the response to the COVID-19 pandemic. Официальный сайт Всемирной таможенной организации. Режим доступа: URL: http://www.wcoomd.org/-/media/wco/public/ru/pdf/topics/facilitation/activities-and-programmes/covid_19/kazakhstan_ru.pdf?la=en(дата обращения: 22 марта 2021 г.).

2. Ведущими международными организациями (ООН, Всемирной организацией здравоохранения, Международной организацией гражданской авиации, Ассоциацией международного воздушного транспорта, Межправительственной организацией по международным железнодорожным перевозкам, Всемирной таможенной организацией) в период чрезвычайной эпидемиологической ситуации и ранее разработаны правовые акты рекомендательного характера, определяющие подходы к организации обеспечения безопасности государственных границ с помощью информационного взаимодействия контролирующих органов (концепция Скоординированного управления границами).

3. Для государств-членов ЕАЭС в условиях все более усложняющейся эпидемиологической обстановки с covid-19, а также возникновении подобных угроз чрезвычайных ситуаций в будущем указанные международно-правовые инструменты могли бы стать основой для трансформации системы обеспечения безопасности государственных границ: внедрение бесконтактных технологий контроля, применение концепции Скоординированного управления границами, активизация информационного взаимодействия контролирующих органов не только внутри каждого государства, но и в рамках ЕАЭС.

Таким образом, была подтверждена гипотеза о дуальности правового статуса государственной границы, его влиянии на публичные (деятельность по обеспечению безопасности государственных границ в том числе в государствах-членах ЕАЭС в условиях пандемии covid-19) и частные интересы (обеспечение соблюдения прав лиц-участников ВЭД). Указанная двойственность государственной границы как явления правовой действительности проявляется также в комплексности правового регулирования: сочетание норм международного (Право ЕАЭС, Право ВТО, Право Всемирной таможенной организации) и национального права (в границах проведенного исследования: России, Казахстана, Киргизии).

Дзъоник В.Р.
доцент кафедры предпринимательского и энергетического права
Санкт-Петербургского государственного
экономического университета, кандидат юридических наук

К ВОПРОСУ О МИГРАЦИОННОЙ ПОЛИТИКЕ РОССИИ И ГЕРМАНИИ

В современном мире миграционная политика является непосредственной частью процесса глобализации. Волна мощных миграционных процессов в 2014-2015 годах оказала большое влияние на мировую общественность, в частности на большинство европейских государств.

Рассматривая миграционные тенденции в РФ, то среди традиционно существующих проблем можно выделить две больших:

- приток в РФ низкоквалифицированных мигрантов, как правило из Средней Азии:

- иммиграция высококвалифицированных кадров на постоянное место жительство в другие более развитые страны.

Данные тенденции напрямую связаны с уровнем благосостояния граждан РФ в сравнении с развитыми государствами. Люди с хорошим уровнем образования (преимущественно с технической специализацией) в развитых странах будут получать заработную плату в десятки раз больше, чем в РФ. Тогда как, наоборот, выходцы из Средней Азии, где уровень экономического развития ниже, чем в РФ, предпочитают приезжать в РФ на заработки. Как следствие два данных процесса ведут к снижению в РФ уровня оплаты труда в так называемых рабочих профессиях и повышению уровня безработицы среди российских граждан, так как работодателю выгоднее взять на работу мигранта, готового работать за меньшую заработную плату.

Говоря о миграции российских граждан помимо высокой заработной платы за рубежом нельзя упомянуть об экономическом спаде в самой стране: падение национальной валюты, высокий уровень инфляции, рост безработицы.

2020 год стал большим потрясением для мирового сообщества, распространение повсеместно коронавирусной инфекции повлияло на жизнь всех стран, в том числе на мировые экономические и миграционные процессы.

Согласно официальным статистическим данным МВД России, за период с января по октябрь 2020 года в сравнении с данными за аналогичный период 2019 года значительно упали следующие миграционные показатели:

- оформление разрешений на работы иностранным гражданам и лицам без гражданства (48 477 в 2020 против 103 487 в 2019);

- количество выданных патентов (971 854 против 1 529 381);

- число фактов постановки на миграционный учет (8 327 024 против 16 441 136)

В свою очередь за этот же период времени выросло:

- число лиц, получивших гражданство РФ (504 782 против 363 351);

- количество оформленных видов на жительство (181 705 против 151 578)[1].

---

[1] Официальный сайт МВД России. Сводка основных показателей деятельности по миграционной ситуации в Российской Федерации за январь – октябрь 2020 года [Электронный ресурс] URL: https://xn--b1aew.xn--p1ai/Deljatelnost/statistics/migracionnaya/item/21848361/ (дата обращения: 29.11.2020).

Сложившаяся ситуация в виде невозможности свободного пересечения государственных границ, закрытия производств или приостановления их деятельности, предложение о найме трудовых ресурсов ниже спроса, невозможность соблюдения всех законодательных предписаний в области миграционной политики приводит к росту теневой рабочей силы, несмотря на принимаемые государством меры. Как следствие, государство в данных условиях будет вынуждено искать способы пополнения бюджета (по всей видимости, путем установления дополнительного налогового бремени и административных штрафов), а работодатели – наоборот, пытаться минимизировать возможные потери[1]. Подобное состояние в долгосрочной перспективе может привести к большому уровню конкуренции за рабочие места среди легальных мигрантов и граждан РФ, в особенности в таких городах как Санкт-Петербург и Москва, и длительному процессу восстановления миграционных потоков в условиях Евразийского экономического союза.

Говоря о Германии, которая стала первой страной, нарушившей требования Дублинской конвенции 1990 года[2], заявив о готовности принимать беженцев из Сирии, независимо от того, граница какой из стран была первой пересечена ими, следует сказать, что за один лишь только 2015 год, согласно сведениям Министерства внутренних дел ФРГ, в стране официально было зарегистрировано более 1 миллиона беженцев. Отношение немецкого общества к миграционной политике противоречиво: с одной стороны, люди согласны с тем, что беженцы нуждаются в помощи, но с другой стороны, не все из беженцев в действительности преследуются на своей Родине и стараются проникнуть в Германию исключительно для жизни на предоставляемые пособия. Как декларируют многие международные средства массовой информации, несмотря на то тот факт, что немецкое правительство говорит об интеграции мигрантов в общество, в действительности граждане ФРГ видят картину с кардинально противоположным раскладом[3].

---

[1] Европейский Союз: Европейская Комиссия, Конвенция, определяющая государство, ответственное за рассмотрение заявлений о предоставлении убежища, поданных в одном из государств-членов Европейских Сообществ (Дублинская конвенция), 15 июня 1990. [Электронный ресурс] URL: https://www.refworld.org.ru/docid/5204dbc94.html (дата обращения: 30.11.2020).

[2] Полетаев Д.В. Миграционные последствия «идеального шторма»: каким будет влияние пандемии коронавируса на проблемы миграции? [Электронный ресурс] URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/migratsionnye-posledstviya-idealnogo-shtorma-kakim-budet-vliyanie-pandemii-koronavirusa-na-problemy/ (дата обращения: 30.11.2020).

[3] BBC News. Мигранты в Германии: права ли была Меркель, открыв двери сотням тысяч беженцев? года [Электронный ресурс] URL: https://www.bbc.com/russian/features-51501662 (дата обращения: 29.11.2020).

Предполагается, что мигранты из других стран со временем адаптируются к культурным и социальным обычаям страны, куда они переехали. Вместе с тем, некоторые мигранты сознательно отказываются становиться частью немецкого общества, предпочитая жить так, как они привыкли ранее. Данная проблема в некоторых федеральных землях стоит особенно остро. К примеру, в 2016 года в премьер-министр Баварии заявил о готовности подачи искового заявления в Конституционный суд о закрытии государственных границ для нелегалов[1]. Реакция Ангелы Меркель на данное заявление была ожидаемой, она в очередной раз заявила о том, что власти в полной мере контролируют миграционную политику страны, и проблем такая политика не вызывает. В свою очередь в качестве контрмеры реагирования Баварским правительством были разработаны меры по ускоренной депортации их страны граждан других государств, которым отказано в статусе беженца[2].

Безусловно, большое количество мигрантов повышает трудовой ресурс любого государства. Вместе с тем, ситуация в Германии наглядно демонстрирует, что не все беженцы предпочитают устраиваться на работу, так как сумма выплачиваемого пособия позволяет им жить в стране лучше, чем они жили у себя на Родине, также часть мигрантов в силу отсутствия образовательных компетенций способны работать только на слишком низкооплачиваемой работе, что по немецкому законодательству также является гарантией получения пособия. Вместе с тем, согласно исследованию, проведенному международной Организацией экономического сотрудничества и развития и Европейским союзом, по совокупности различных показателей можно утверждать, что, несмотря на общественное недовольство, иммигранты в Германии более успешнее интегрируются в общественную жизнь в сравнении с другими странами Европейского союза[3]. Этому, очевидно, поспособствовали языковые курсы по различным программам интеграции, состоящие из двух частей:

- изучение немецкого языка и сдача тестирования на уровень не ниже B1;
- обучение методам социальной адаптации.

Следует отметить, что такие курсы носят обязательный характер для беженцов, планирующих постоянное пребывание на территории Германии.

---

[1] Programm. Dresdner Thesen. [Электронный ресурс] URL: https://www.pegida.de/ (дата обращения 30.11.2020).

[2] Бабаджанова К.М. Влияние иммиграции на политические процессы, экономическое развитие и общественное мнение в Германии // Казанский вестник молодых ученых. Т.4. №1. 2020. С.26.

[3] OECD/EU (2018), Settling In 2018: Indicators of Immigrant Integration, OECD Publishing, Paris/European Union, Brussels. [Электронный ресурс] URL: https://doi.org/10.1787/9789264307216-en (дата обращения: 30.11.2020).

Говоря о проблемах, связанных с миграционной политикой также следует упомянуть о совершенных крупных преступных деяниях выходцами из других стран.

К примеру, в 2016 году гражданин Ирана, пытающийся интегрироваться в немецкое общество, начал массовую стрельбу на улице, в результате которой погибло 9 несовершеннолетних лиц[1]. Безусловно, нельзя утверждать, что уровень преступлений, совершенных мигрантами значительно выше, но необходимо отметить, что на такие акты преступного проявления общественностью обращается особое внимание.

В совокупности обозначенных проблем в немецкой миграционной политике можно смело утверждать, что в обществе так и будут усиливаться популистские тенденции и как следствие необходимость реформирования политической системы. Противостояние между сторонниками интеграции выходцев из других стран в общественную и экономическую жизнь Германии и ее противников приведет к усилению позиции правых партий. Акцент, сделанный немецким правительством на экономические выгоды от такой миграционной политики, в условиях распространения коронавирусной инфекции и как ее следствие – экономического кризиса и спада производств, может стать еще одним фактором для недовольства немецких граждан. Тем не менее, в сравнении с РФ в условиях распространения коронавирусной инфекции влияние миграционной политики Германии на экономику носит менее значительный характер.

Дмитриев В.К., *канд. юрид. наук, доцент,*
доцент кафедры
конституционного и административного права СПбГЭУ

НЕКОТОРЫЕ КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВЫЕ АТРИБУТЫ ПРАВОВОГО ГОСУДАРСТВА В ЕВРОПЕ И СОЕДИНЕННЫХ ШТАТАХ АМЕРИКИ: ДОКТРИНА И ПРАКТИКА РЕАЛИЗАЦИИ

В силу достаточно продолжительной истории становления государственности в европейских странах и Соединенных Штатах Америки ее современное состояние характеризует высокий уровень практической реализации идей и принципов правового государства.

Одним из важнейших элементов теории правового государства остается разделение властей, которое при этом не должно толковаться исключительно в узком смысле, т.е. как разделение функций властей.

---

[1] Российская газета. Бавария: топор и пуля. [Электронный ресурс] URL: https://rg.ru/2016/07/24/bojniu-v-miunhene-ustroil-18-letnij-vyhodec-iz-irana.html (дата обращения: 30.11.2020).

В связи с этим заслуживает внимания американская модель разделения властей, построенная, как отмечает профессор Дж. Тарбер, на «соперничестве между исполнительной и законодательной ветвями власти»[1], «сотрудничестве и конфликте» между Президентом и Конгрессом США. Именно в США впервые конституционно (1787 г.) был закреплен принцип разделения властей[2].

Мы предлагаем выделять два уровня американской модели разделения властей. Первый (более высокий уровень) – конституционно-декларативный, предполагающий всеобщую обязанность соблюдения буквы и духа Конституции США в целях защиты правовой свободы. Как указал в одном из своих решений Верховный Суд США: «При всех очевидных недостатках, дефектах, проволочках мы не нашли лучшего способа сохранить свободу, чем делая осуществление власти подчиненным тщательно прописанным ограничениям, провозглашенным в Конституции»[3].

Второй уровень предполагает классическую «триаду» законодательной, исполнительной и судебной властей, а также устоявшийся (трехступенчатый) механизм сдержек и противовесов.

К числу общих положений, характеризующих данный механизм («первая ступень»), принято относить следующие: различные источники формирования ветвей власти, возможность взаимного противодействия ветвей власти, неодинаковый срок осуществления властями их функций[4].

«Вторая ступень» американской модели механизма сдержек и противовесов на практике означает систему внутренних противовесов в Конгрессе США, которая формируется из «подкомитетов, комитетов палат, палат парламента, согласительных комитетов палат»[5] с собственной компетенцией каждого из них.

«Третью ступень» формируют механизмы сдержек и противовесов, сформированные на уровне штатов, графств и на местах.

Права и свободы человека как основа современного правового демократического государства в странах Европы и США дополнены гарантиями их практической реализации.

Право граждан на безопасность во Франции обеспечивается в том числе специальными полномочиями административной полиции, которы-

---

[1] Разделенная демократия: Сотрудничество и конфликт между Президентом и Конгрессом США / под общ. ред. проф. Дж. Тарбера. М.: Прогресс-Универс, 1994. С. 9.

[2] Боер В.М., Городинец Ф.М., Григонис Э.П. и др. Правовое государство: Реальность, мечты, будущее / под общ. ред. В.П. Сальникова. СПб: Алетейя, 1999. С. 108.

[3] Харрелл М.Э., Андерсон Б. Равное правосудие на основе закона: Верховный Суд в жизни Америки. М.: Манускрипт, 1995. С. 77.

[4] Боер В.М., Городинец Ф.М., Григонис Э.П. Цит. соч. С. 109-110.

[5] Осавелюк А.М. Вспомогательные государственные органы зарубежных стран: Конституционно-правовой аспект. М.: Юристъ, 1998. С. 40.

ми наделены коммуны, мэры, префекты. Полномочия мэра в этой сфере, как отмечает Е.В. Болотина, достаточно широки. Так, «мэром могут приниматься постановления о запрете стоянки транспортных средств на улице, о закрытии кемпинга вследствие угрозы затопления местности, об эвакуации из аварийного здания с требованием собственнику недвижимости отремонтировать или снести здание вследствие угрозы безопасности…»[1].

Еще одной гарантией реализации мер защиты прав граждан является право префекта в случае бездействия мэра (после направления ему соответствующего требования) возложить на себя полномочия в сфере муниципальной полиции, касающиеся одной коммуны[2]. В свою очередь в случае наступления тяжких последствий, связанных с бездействием префекта по изъятию полномочий мэра, государство может понести ответственность за такое бездействие[3].

Право гражданина, обвиненного или подозреваемого в совершении преступления, на оказание квалифицированной юридической помощи адвоката в США развито на высоком уровне. Оно получило свое развитие в связи с делом Гидеона в 1963 г., с исключениями, установленными судом штата Флорида при рассмотрении дела Ричарда Аргерзингера. Суд постановил, что «обвиняемый не может быть заключен в тюрьму даже по обвинению в совершении уголовно наказуемого деяния, если ему не будет предоставлен защитник. При этом штат должен обеспечить его для неимущего подсудимого». Сегодня это положение воспринято всеми демократическими правовыми государствами.

Право гражданина на беспристрастное и объективное судебное разбирательство обеспечивается следующими основными положениями. Во-первых, доказательства, полученные с нарушением процессуального закона, которыми признаются «признания, полученные с применением насилия, переговоры, подслушанные без разрешения с использованием электронных «жучков», незаконно изъятые доказательства (наркотики или оружие)», не могут быть использованы при доказывании в судебном заседании.

Во-вторых, действует широко известное «правило Миранды». При рассмотрении дела «Нью-Йорк против Кварлза» Верховный Суд США сделал одно исключение из этого правила. Он разрешил полицейским «при определенных обстоятельствах … задавать вопросы арестованному, чтобы устранить угрозу общественной безопасности до того, как он встретится со своим адвокатом»[4]. Эта поправка продиктована, как мы полагаем,

---

[1] Болотина Е.В. Полномочия французских коммун по обеспечению прав и свобод граждан в полицейской сфере // Мир юридической науки. 2012. № 5. С. 37.
[2] Болотина Е.В. Цит. соч. С. 38.
[3] Болотина Е.В. Цит. соч. С. 39.
[4] Харрелл М.Э., Андерсон Б. Цит. соч. С. 79.

целями реализации права граждан на безопасность при выяснении вопроса, например, о месте расположения не сработавшего взрывного устройства (когда об этом может пояснить только задержанное лицо, не реализовавшее по тем или иным причинам свой преступный умысел) и в подобных ситуациях, требующих немедленного реагирования в общественных интересах.

Современное правовое государство затруднительно представить без фигуры омбудсмена (уполномоченного по правам человека). За рубежом этот институт, являющийся одним из элементов механизма гарантий реального характера прав и свобод в правовом государстве, развит достаточно хорошо.

Появление предпосылок к возникновению института омбудсмена в его современном виде Андре Легранд связывает с Швецией XVI в., когда «появилась фигура Главного Сенешаля», в функции которого согласно Конституции 1960 г., как указывает А. Хиль-Роблес, «исторически и до сих пор … входит осуществление от имени верховной власти короля надзора за деятельностью и отправлением правосудия в королевстве»[1].

По нашему мнению, можно выделить две модели полномочий омбудсмена: «сильный омбудсмен» и «консультативный омбудсмен».

Модель, которую мы назвали «сильный омбудсмен», представлена в ряде штатов США, Швеции и т.д.

Так, в штате Гавайи омбудсмен обладает широкими полномочиями. При исполнении своих обязанностей омбудсмен и сотрудники его офиса имеют иммунитет от преследования в уголовном и гражданском порядке, приравненный к иммунитету судьи штата. Омбудсмен и сотрудники его офиса не обязаны давать показания какому-либо суду по вопросам, связанным с деятельностью омбудсмена, за исключением случая, когда это необходимо для судебного подтверждения правомерности действий омбудсмена[2].

Лицо, не исполняющее требования омбудсмена или сотрудников его офиса, может быть подвергнуто взысканию в виде штрафа на сумму не более 1000 долларов США[3].

Омбудсмен в Швеции вправе контролировать «всех должностных лиц и представителей государственной власти», наделенных ответственностью, кроме «членов выборных муниципальных и общественных советов», а также прокуратуру, магистратов низшей юрисдикции, власти пе-

---

[1] Хиль-Роблес А. Парламентский контроль за администрацией (институт омбудсмана). М.: AD MARGINEM, 1997. С. 35.

[2] Хиль-Роблес А. Цит. соч. С. 7, 132.

[3] Hawaii Revised Statues. Chapter 96. The Ombudsman [Hawaii State Ombudsman's official web site: Электронный ресурс] // http://www.ombudsman.hawaii.gov/chapter-96, §§ 96-17, 96-19 (дата обращения 01.03.2021).

нитенциарных заведений, … полицию и вообще всю администрацию системы юстиции» и даже Церковь[1].

Примером модели «консультативного омбудсмена» является Новая Зеландия. Из компетенции омбудсмена выведены «вся местная администрация, акты, принимаемые министрами или правительством, судьи и органы правосудия, вооруженные силы и Церковь». Основным его «инструментом» является специальный доклад, который в определенных случаях может быть направлен лично премьер-министру[2].

Таким образом, основой одной из наиболее эффективных моделей разделения властей, сформировавшейся в США, является «сотрудничество и конфликт» законодательной и исполнительной власти, которые предполагают наличие у них «пересекающихся» или «конкурирующих» компетенций, а также реальную возможность взаимно влиять на принимаемые решения. Описанная система дополняется трехступенчатым механизмом сдержек и противовесов, в котором первой ступенью является традиционные конкурирующие компетенции на федеральном уровне, второй ступенью являются внутренние противовесы в Конгрессе (как горизонтальные, так и вертикальные), третьей – аналогичные (схожие) механизмы, сформированные на уровне штатов и местном уровне.

Названными положениями обеспечивается демократический характер процедуры принятия решений на всех уровнях власти и возможность их отмены в случае возникновения значительных оснований. В итоге предложенная схема позволяет достичь высокого уровня легитимности принимаемых решений, и, что важно для демократического правового государства, эффективно учитывать мнение различных слоев населения.

Появившееся в XX веке в США (и в настоящее время широко известное) «правило Миранды» в совокупности с положением о ничтожности доказательств, полученных с нарушением требований закона, как нам представляется, может рассматриваться не только в узком смысле как норма, обеспечивающая права человека в ходе уголовного процесса, но и как современная интерпретация сентенции древнеримского юриста Ульпиана: Ius est ars boni et aequi (право есть искусство добра и справедливости). Подобная интерпретация отражает суть справедливости в современном праве (которым в итоге выступает уважение достоинства человеческой личности).

В современных государствах большое значение приобрел институт омбудсмена, который является своеобразным посредником между гражданами и властью, исполняющим роль защитника прав и свобод человека, являющегося высшей ценностью демократического правового государ-

---

[1] Хиль-Роблес А. Цит. соч. С. 40-41.
[2] Там же. С. 82, 85.

ства. При этом представляется, что модель полномочий омбудсмена («сильный» (непосредственно действующий, имеющий собственные реальные полномочия) и «консультативный» (действующий опосредованно через соответствующие органы государственной власти)) не имеет принципиального значения при осознании государством важности института прав человека.

Конев С.И.
заместитель декана Юридического факультета
РГУ нефти и газа (НИУ) имени И.М. Губкина

ОГРАНИЧИТЕЛЬНЫЕ РЕЖИМЫ, НАПРАВЛЕННЫЕ НА ОБЕСПЕЧЕНИЕ САНИТАРНО-ЭПИДЕМИОЛОГИЧЕСКОГО БЛАГОПОЛУЧИЯ ГРАЖДАН НА ПРИМЕРЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА МОСКВЫ И САНКТ-ПЕТЕРБУРГА

Пандемия короновирусной инфекции COVID-19 навсегда изменила наш образ жизни. Бесконтактные термометры, маски и постоянная дезинфекция рук и контактных поверхностей – стали правилами хорошего тона, а научные конференции, проходящие в дистанционном режиме – обычной практикой. Естественно, право, будучи регулятором общественных отношений, не могло остаться в стороне. На первый план выходят административно-правовые методы воздействия, установление модели поведения обязательной для органов власти и граждан, применение мер административного принуждения и наказания, и т.д. Можно сказать, что по сути эти предписаний образовали новый ограничительный режим – режим самоизоляции, со своим набором правил и санкций. При этом особый интерес для исследования представляет законодательство городов федерального значения – Москвы и Санкт-Петербурга. Где в силу численности населения, транспортной инфраструктуры, особенностей ресторанного бизнеса и музейной деятельности вопрос обеспечения санитарно-эпидемиологическое благополучие граждан стоит наиболее остро.

Необходимо отметить, что нормы Федерального закон от 30.03.1999 № 52-ФЗ «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения», Федерального закона от 21.12.1994 № 68-ФЗ «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера» и Федерального конституционного закон от 30.05.2001 № 3-ФКЗ «О чрезвычайном положении», а так же принимаемые в соответствии с ними акты, содержат необходимые меры для борьбы с пандемией. И если нормы законов в целом образуют стройную систему, которую можно

сконструировать исходя из критерия жесткости предписаний и ограничений: режим карантина – режим повышенной готовности – режим чрезвычайной ситуации, то в подзаконных актах, конкретизирующих эти самые предписания наблюдается несогласованность. Так, правила режима повышенной готовности перетерпели изменения. Изначально, указанная совокупность предписаний ориентирована на порядок организации деятельности органов власти по минимизации ущерба чрезвычайных ситуаций в условиях повседневной деятельности. Однако, Постановлением Правительства РФ от 02.04.2020 № 417 «Об утверждении Правил поведения, обязательных для исполнения гражданами и организациями, при введении режима повышенной готовности или чрезвычайной ситуации» были внесены поправки. В числе этих правил перечислены: соблюдение общественного порядка, исполнение законных требований и указаний уполномоченных лиц, при необходимости использовать средства индивидуальной защиты. При этом роль государства, по обеспечению этих правил представляется минимальной. В частности, Постановление Правительства РФ от 2 апреля 2020 г. № 417 «Об утверждении Правил поведения, обязательных для исполнения гражданами и организациями, при введении режима повышенной готовности или чрезвычайной ситуации» содержит предписание гражданам использовать средства защиты, в условиях режима повышенной готовности. Однако, только в том случае, если органы власти субъектов их предоставили (пп. «в» п.3 указанного акта).

В то же время, согласно п. «ж» и «з» ст. 72 Конституции РФ координация вопросов здравоохранения, а так же борьба с эпидемиями и их последствиями отнесена к совместному ведению России и ее субъектов. Такие предписания содержатся в Указе мэра Москвы от 5 марта 2020 года № 12-УМ (далее Указ мэра Москвы №12-УМ) «О введении режима повышенной готовности» и в Постановление Правительства Санкт-Петербурга от 13 марта 2020 г. № 121 «О мерах по противодействию распространению в Санкт-Петербурге новой коронавирусной инфекции (COVID-19)» (далее Постановление Правительства Санкт-Петербурга № 121).

Рассматривая законодательство города Москвы, формирующего режим самоизоляции необходимо отметить, что Указ мэра Москвы №12-УМ в п.3 содержал обязанность соблюдать указанные предписания только гражданам, которые вернулись из стран с неблагоприятной эпидемиологической обстановкой. Однако последующие редакции данного документа, содержали предписание по самоизоляции, адресованное всем лицам. Следует отметить две тенденции характерные для Москвы – это волатильность предписаний в части самоизоляции и правил поведения, связанных с ней (за неполные два месяца, с момента введения режима повышенной готовности указ Мэра регулирующий данные вопросы менялся

17 раз), а так же внедрение информационных технологий, для контроля перемещений граждан. Согласно Указу мэра №12-УМ в случае подтвержденного диагноза, с момента получения постановления о самоизоляции от лечащего врача в течение 24 часов необходимо было скачать мобильное приложение «социальный мониторинг» на мобильное устройство с целью автоматизации контроля за соблюдением самоизоляции. При этом, в случае не исполнения данной обязанности предусматривается административная ответственность по ч.2 ст.3.18.1 Закона г. Москвы от 21.11.2007 №45 "Кодекс города Москвы об административных правонарушениях". Интересно, а как быть с гражданами которые принципиально не пользуются смартфонами? (понятно, что их число невелико, но тем не менее). Кроме того, согласно другому Указу мэра Москвы от 11 апреля 2020 г. № 43-УМ «Об утверждении Порядка оформления и использования цифровых пропусков для передвижения по территории города Москвы в период действия режима повышенной готовности в городе Москве» вводилась система цифровых пропусков для передвижения по городу. которые действовали до июня месяца 2020 г. Для подтверждения своего права передвижения по городу необходимо было представить достаточно большой круг сведений (ФИО, паспортные данные, ИНН, номер транспортной карты "Тройка" или сведения о автотранспорте, в зависимости от типа пропуска, номер контактного телефона и почты), но при этом власти города не указали обязательство по уничтожению или обезличиванию собранных персональных данных по окончанию действия этих по своей природе чрезвычайных мер. Вопрос не в том, что государство собирает информацию о гражданах, а в том что делает это бесконтрольно с правом передачи указанных сведений третьей стороне. А будет ли последняя монетизировать полученную информацию или каким-либо образом распоряжаться по собственному усмотрению – это вопрос исключительно добросовестности оператора персональных данных. В сочетании с ФЗ от 8 июня 2020 г. №168 «О едином федеральном информационном регистре, содержащем сведения о населении Российской Федерации», ФЗ 24 апреля 2020 № 123-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта в субъекте Российской Федерации – городе федерального значения Москве и внесении изменений в статьи 6 и 10 Федерального закона «О персональных данных», а так же многочисленных зафиксированных случаев утечки персональных данных из информационных систем, в том числе и государственных, картина вырисовывается безрадостная. Невольно вспоминается фантастика Оруэлла о том, что большой брат следит за нами.

В этом смысле нормативная база Санкт-Петербурга представляется более лояльной. Согласно Постановлению Правительства Санкт-

Петербурга № 121 вводились ограничения на публичные мероприятия, работу предприятий общественного питания, деятельности музеев и организаций, осуществляющих выставочную деятельности, обязанности по ношению маски в транспорте и магазинах и т.д. Подобный подход более соответствует Рекомендациям Всемирной организации здравоохранения для населения в отношении инфекции, вызванной новым короновирусом (COVID-19) от 1 декабря 2020 г. Кроме того, разумность и достаточность в предписаниях направленных на обеспечение на санитарно-эпидемиологическое благополучие граждан отвечает смыслу самоизоляции. Само слово является сложносоставным. Указанная приставка «само» подразумевает направленность действия на себя, действие, которое осуществляется без чьей-либо помощи. «Изоляция» (букв. перевод с итал. «заключение на острове») – это отделение кого-то или что-то. Дефиниция «изоляции», с позиции медицины, дана в ГОСТе 22.0.04-97 «Безопасность в чрезвычайных ситуациях. Биолого-социальные чрезвычайные ситуации. Термины и определения» и означает противоэпидемическое мероприятие, направленное на недопущение распространения вируса на окружающих. При этом данное действие неразрывно связано с изоляцией инфекционных больных Следовательно, термин «самоизоляция», может быть представлен как самостоятельные действия лица, предпринятые им в целях недопущения распространения инфекции.

Рассматривая борьбу с пандемией с позиции критерия разумности и достаточности нельзя не обратится к опыту стран, которые являются ближайшими соседями нашего государства. Так, Постановлением Совета Министров РБ от 25.03.2020 № 171 был внедрен режим самоизоляции по отношению к лицам, прибывшим из государств, где зарегистрирован высокий уровень заболеваемости. Приказом Минздрава РБ от 31.03.2020 № 369 были приняты временные профилактические меры по отношению к коронавируса (включавшими в себя разделение потоков пациентов, профилактические осмотры и дополнительные медицинские осмотры в выходные дни). Постановление Совета Министров РБ от 8 апреля 2020 г. № 208 «О введении ограничительного мероприятия» придало самоизоляции статус ограничительного правового режима. По кругу лиц режим самоизоляции распространялся на всех заболевших лиц, прибывших из-за границы, а так же имевших контакты с заболевшими. Постановлением Министерства здравоохранения, Республики Беларусь, Министерства внутренних дел Республики Беларусь и Государственного пограничного комитета Республики Беларусь 02.04.2020 № 27/73/4 были утверждены правила и процедуры взаимодействия органов государственного управления и иных организаций по обеспечению соблюдения мер самоизоляции. При этом нормы об ответственности применяются исключительно к лицам, имеющим подтвержденный диагноз, а ношение масок долгое время

носило рекомендательный характер (это не касалось территории г. Минска, где решением Мингорисполкома от 07.04.2020 № 1069 средства защиты органов дыхания в общественных местах, как работниками, так и посетителями было обязательным).

Подводя итог вышесказанному, автор хотел бы обратить внимание на важность соблюдения баланса между обеспечением права на санитарно-эпидемиологическое благополучие и остальных прав человека. На проблемы подмены целей правового регулирования и фискальной направленности административных наказания давно справедливо указывают как ученые -теоретики, так и правоприменители – практики. Безусловно, в контексте рассматриваемой проблемы за каждой строчкой статистики скрывается здоровье и жизнь человека. Однако не возможно оказывать регулирующее воздействие на общество использую исключительно меры принуждения, запреты и штрафы. Публичный интерес государства, направленный на обеспечение санитарно-эпидемиологического благополучия общества должен находить свое отражение в сознании каждого человека. Как известно, убеждение способствует не только формированию правовой культуры, но и является методом превенции правонарушения. На пользу убеждению, в конечном счете, может послужить и взятое государством на себя обязательство обеспечить свое население простейшими средствами защиты. Очевидна и оборотная сторона медали – использование исключительно принудительных мер приводит к росту социальной напряженности и отрицанию даже позитивных действий государства. Таким образом, постоянный учет интересов, точность и качество юридических конструкций, соответствие наказаний правонарушениям и использование убеждения послужат обеспечению санитарно-эпидемиологической безопасности населения.

***А.В. Маркова**, секретарь заместителя начальника Департамента ПАО «Газпром», магистрант СПбГЭУ*

ВЛИЯНИЕ ПАНДЕМИИ НА ПРАВОВОЙ И ЭКОНОМИЧЕСКИЙ АСПЕКТ МЕЖДУНАРОДНОГО ЭНЕРГЕТИЧЕСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА

Энергетика, безусловно, является ключевой отраслью и в современном мире абсолютно все государства в той или иной степени обеспечены энергетическими ресурсами, а также различными технологическими и производственными мощностями. Неравномерность производства и потребления энергоресурсов существенно влияет на распределение ролей государств не только в экономической сфере, но и в политическом аспекте.

Энергетическая политика и вопросы правового регулирования в данной сфере, в том числе и проблемы ратификации международных договоров и соглашений с целью соблюдения их правозаконности, достаточно остры и регулярно фигурируют в повестках заседаний множества международных организаций, таких, например, как ОПЕК и МЭА. Не оставляют без внимания данную проблему и Саммиты «большой восьмерки».

Обращаясь к текущей ситуации в энергетической отрасли России, стоит согласиться, что Российская Федерация сегодня является не просто поставщиком сырья, но и полноценным участником всего мирового торгового оборота, включающего, и ресурсы, и технологии и транспортные мощности. Наша страна вполне «дееспособна» для полномерного участия в политике мировых энергетических рынков. Подтверждением тому является текущая экономическая ситуация в энергетической сфере, обусловленная влиянием пандемии.

В качестве яркого примера ситуации на энергетическом рынке России, безусловно, можно рассматривать ПАО «Газпром». Согласно заявлению заместителя Председателя Правления Ф.К. Садыгова «все компании нефтегазовой отрасли в 2020 году испытывали существенное давление. В первом полугодии мы наблюдали беспрецедентное снижение стоимости нефти и газа, что затронуло всех без исключения игроков рынка. Кроме того, на европейский газовый рынок помимо пандемии новой коронавирусной инфекции, чьё негативное влияние отразилось на регрессии мирового рынка и наблюдалось в абсолютно всех областях экономики, повлияла аномально теплая погода, значительные запасы газа в хранилищах и избыток предложения СПГ. Во втором полугодии мы наблюдали восстановление рыночной конъюнктуры, что внесло положительный вклад в общий результат за 2020 год»[1].

Таким образом, говоря о влиянии пандемии на мировой газовый рынок, можно утверждать, что данный сегмент «пострадал» не сильно, и влияние оказалось весьма ограниченным.

Это же подтверждается оценками «Газпрома», утверждающего, что в 2020 году снижение мирового спроса на газ составило порядка 2%, в то время как потребление других ископаемых видов топлива сократилось более существенно.

В качестве другого яркого примера стабильности газового рынка можно рассматривать Китай, где несмотря на жесткие карантинные меры, спрос на газ рос.

В декабре 2020 исполнился ровно год проекту «Сила Сибири». Поставки газа по этому проекту идут на китайский рынок, по заявлению представителей ПАО «Газпром», в сверхплановом объеме.

---

[1] См.: Садыгов Ф.К. «Адекватный ответ на вызовы», Корпоративный журнал ПАО «Газпром». № 12.

Совместно с Правительством РФ, ПАО «Газпром» проводит системную работу, наращивая ресурсную базу, создавая стабильную инфраструктуру поставок, диверсифицирует экспортные маршруты и расширяет продуктовый портфель.[1]

События 2020 года существенно повлияли на изменение конъюнктуры мирового рынка, но, так или иначе, оказались не способными в большой мере негативно сказаться на долгосрочных перспективах развития отрасли о обеспечения энергетической безопасности.

Если обратиться к ситуации на внутреннем рынке страны, то здесь, как минимум в газовой отрасли, так же наблюдаются положительные тенденции, о чем заявлено на официальном сайте ПАО «Газпром», который по «высокой стороне» увеличивает объемы финансирования почти в три раза.

В своей встрече с Президентом В.В. Путиным Председатель Правления ПАО «Газпром» А.Б. Миллер подчеркнул, что поручение Главы Государства о подписании с регионами Российской Федерации среднесрочных пятилетних программ по газоснабжению и газификации регионов выполнено: все 67 программ подписаны, определены цели и задачи на период до 2025 года включительно.

Также определены цели на 2030 год. К 2030 году будет на 100% завершена технически возможная газификация в России.[2]

Все вышеизложенное, безусловно, диктует необходимость усиления международной экономической интеграции и развития её международно-правовой базы, что приведет Российскую Федерацию к потенциальным выгодам от качественного изменения ее роли на мировой энергетической арене. На правовом уровне в энергетическом секторе существует огромное количество документов, регулирующих международные отношения. Основным методом на сегодняшний день является координационный метод согласования воль государств, подразумевающий безусловное равенство всех участников правоотношений, отсутствие между ними отношений власти и подчинения. Как правило отражается такой метод в форме международных договоров, заключаемых как на двусторонней (наиболее распространенный способ), так и на многосторонней основе. Регулирует преимущественно сферы поставок и транзита энергоресурсов.

Россия поставляет природный газ в 33 страны мира. Наиболее распространенной формой закрепления отношений между странами служат межправительственные соглашения, отличительной чертой которых в

---

[1] Релиз ПАО «Газпром» от 23.12.2020 «Спрос на природный газ в долгосрочной перспективе будет расти».

[2] Рабочая встреча Президента Российской Федерации Владимира Путина и Председателя Правления ПАО «Газпром» Алексея Миллера 19.01.2021.

энергетике является долгосрочный характер (порядка 20-25 лет). Данные отношения заключаются в формах соглашений (напр.: Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Молдова о ценах на газ природный и тарифах по его транспортировке, 23.11.1993); меморандумов (напр.: Меморандум между Российской Федерацией и Соединенным Королевством Великобритании и Северной Ирландии о сотрудничестве в отношении Северо-Европейского газопровода, 26.06.2003); протоколов (напр.: Протокол о внесении изменений в Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Китайской Народной Республики о сотрудничестве в нефтяной сфере от 21 апреля 2009 г., 27.09.2010)[1]; совместных деклараций и заявлений, модельных законов, хартий.

Наиболее значимым для энергетической отрасли документом принято считать Энергетическую Хартию, разработанную и подписанную в Гааге в декабре 1991 г. Европейским Союзом. Она представляет собой политическую декларацию о намерении поощрять энергетическое сотрудничество между Востоком и Западом. Хартия отражает ряд фундаментальных принципов для осуществления международного сотрудничества в области энергетики, ведущему к устойчивому экономическому развитию.

В 1994 г. был заключен Договор к Энергетической Хартии (ДЭХ), который вступил в силу в апреле 1998 г., представляющий собой юридически обязательное многостороннее соглашение. Он охватывает все проблемы производственно-сбытовой цепочки, начиная от разведки энергоресурсов, заканчивая конечным потреблением.

Подробный анализ Хартии и ДЭХ позволяет определить некоторый «перекос» в равноправии стран нетто-импортеров перед странами нетто-экспортерами энергоресурсов, т.е. данные акты в максимальной степени удовлетворяются потребности стран нетто-импортеров энергоресурсов, ущемляя, в некоторой степени, права нетто-экспортеров энергоресурсов. Таким образом можно считать данные акты не безусловно юридически состоятельными.

Свидетельством их несостоятельности в решении конфликтных ситуаций на международном рынке можно привести ситуацию в сфере транзита газа, которая крайне негативно сказывается на протяжении нескольких лет не только на энергетическом рынке, но и на политической арене.

Возвращаясь к текущей ситуации, обусловленной пандемией, влекущей за собой весомые изменения в отношениях между государствами, полагается необходимым, лидирующим странам по поставке энергоресур-

---

[1] Список международных документов: Межгосударственные и межправительственные соглашения в области ТЭК (ответственный орган – Минэнерго России), https://minenergo.gov.ru/node/11212

сов, в том числе и Российской Федерации, вернутся к вопросам создания Глобальной энергетической Хартии, которые уже неоднократно поднимались на Международном Экономическом и Газовом форумах.

Такой правовой акт, ратифицированный государствами, позволит разрешать многочисленные конфликты, в равной степени защищать интересы всех участников (и нетто-импортеров, и нетто-экспортеров и транзитные территории и пр.). Единые «правила игры», например, в вопросах строительства газопроводов, проходящих через территории различных государств существенно ускорят согласование договоров и позволят оперативно и юридически обоснованно урегулировать все конфликтные ситуации. В новых универсальных правилах добычи, транзита и торговли природным газом нуждаются все без исключения участники мирового рынка, так почему бы России не «встать у руля»?

А.П. Назаров,
ассистент кафедры конституционного
и административного права СПбГЭУ

РЕФОРМА КОНТРОЛЬНО-НАДЗОРНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ (ПРАВОВЫЕ ИДЕИ ПРОЕКТА «РЕГУЛЯТОРНОЙ ГИЛЬОТИНЫ»)

Повышение инвестиционной привлекательности, снижение административного давления на бизнес, повышение эффективности органов контроля (надзора) не представляется возможным без реформирования (совершенствования) контрольно – надзорной деятельности.

В рамках реформы осуществлена инвентаризация всех действующих и обязательных для бизнеса требований (регуляторная гильотина), а также разработан и принят Федеральный закон от 31.07.2020 № 247-ФЗ «Об обязательных требованиях в Российской Федерации» (далее также – Федеральный закон от 31.07.2020 № 247 – ФЗ).

Так, наличие устаревших требований, обязательных для соблюдения при осуществления предпринимательской и иной экономической деятельности является существенным препятствием, барьером для достижения цели реформы – снижения административной нагрузки на бизнес и повышения уровня безопасности потребителей, а также для решения задач по восстановлению экономики страны.

В рамках регуляторной гильотины (инвентаризации) отменено 3 003 акта, содержащих обязательные требования, принято 448 актов, сокращено на 33% количество обязательных требований[1].

[1] https://knd.ac.gov.ru.

Российский союз промышленников и предпринимателей провел традиционный опрос среди представителей бизнес – сообщества в целях определения главных (ключевых) событий 2020 года, повлиявших на экономику страны.

Разумеется, что основным событием стала пандемия новой коронавирусной инфекции (covid-19), а также ограничения, связанные с такой пандемией. Вместе с тем, 34, 5% опрошенных (предпринимателей, руководителей организаций) к ключевому событию экономического характера 2020 года отнесли реализацию механизма «регуляторной гильотины»[1], что свидетельствует о повышенных ожиданиях, связанных с дальнейшим совершенствованием контрольно-надзорной деятельности (КНД).

Инновационные правовые идеи реформы, реализованы в рамках «регуляторной гильотины», отражены в Федеральном законе от 31.07.2020 № 247-ФЗ.

Ранее в эпоху правового доминирования Федерального закона от 26.12.2008 № 294-ФЗ «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля» (далее – Федеральный закон от 26.12.2008 № 294 – ФЗ) в числе основных понятий, используемых в указанном федеральном законе, «обязательные требования» не значились.

Федеральный закон от 26.12.2008 № 294 – ФЗ такого понятия не содержал. В отношении каждого вида контроля (надзора) под обязательными требованиями предусматривались специфичные для отрасли положения нормативных правовых актов, предписывающие юридическому лицу или индивидуальному предпринимателю совершение определенных действий, работ, оказание услуг, соблюдения установленного порядка или сроков и т.д.

Вместе с тем, согласно нововведениям, под обязательными требованиями понимаются требования, содержащиеся в нормативных правовых актах, связанные с осуществлением предпринимательской и иной экономической деятельности, оценка соблюдения которых осуществляется в рамках государственного контроля (надзора), муниципального контроля, привлечения к административной ответственности, предоставления лицензий и иных разрешений, аккредитации, оценки соответствия продукции, иных форм оценки и экспертизы[2].

Указанная юридическая конструкция воплощает основную тенденцию реформы – осуществление оценки, то есть всестороннего применения

---

[1] Доклад РСПП о состоянии делового климата в 2020 году/Москва 2021 г., https://www.rspp.ru. С.52.

[2] Федеральный закон от 31.07.2020 № 247-ФЗ «Об обязательных требованиях в Российской Федерации»//СЗ РФ. 2020. № 31. Ст.5007.

риск – ориентированного подхода в основе которого лежит анализ и соотношение объектов производства, эксплуатации с возможностью причинения вреда охраняемым законом ценностям (жизнь и здоровье человека, сохранность имущества, объекты окружающей среды и т.п.).

На этом нововведения не ограничиваются. Установление и оценка применения обязательных требований должны соответствовать принципам.

Обоснованность обязательных требований относится к числу таких принципов.

Так, законодатель полагает, что наличие риска причинения вреда охраняем законом ценностям, является важным условием для установления обязательных требований, которое рассматривается в качестве достаточной меры защиты ценностей.

При этом, обязательные требования должны быть актуальными (современными) с точки зрения развития технологий, науки, техники в различных отраслях предпринимательской (экономической) деятельности, соответствовать потребностям и уровню развития национальной экономики, материально – технической базы[1].

Невозможно принятие эффективных решений в рамках предпринимательской деятельности, внедрение в производство новых технологий, применение инновационных материалов в случае действия технически, морально устаревших требований, соблюдение которых обеспечивается контрольно – надзорной деятельностью уполномоченных органов.

Федеральный закон от 31.07.2020 концептуально меняет отношение к обязательным требованиям.

Ранее уполномоченный орган ограничивался разработкой и принятием правового акта, содержащего обязательные требования (при этом в ходе разработки таких требований позиция бизнес – сообщества могла не учитываться) без оценки альтернативных мер по недопущению причинения вреда охраняемым законом ценностям.

Вместе с тем, согласно нововведениям, при установлении требований в обязательном порядке оценивается наличие и эффективность применения альтернативных мер, направленных на обеспечение защиты охраняемым ценностям.

Кроме того, предусматривается срок действия обязательного требования – не более 6 лет (со дня вступления в силу) с возможностью продления на аналогичный срок.

При этом также установлен механизм оценки применения соблюдения обязательных требований, по результатам которого будут принимать-

---

[1] Федеральный закон от 31.07.2020 № 247-ФЗ «Об обязательных требованиях в Российской Федерации»//СЗ РФ. 2020. № 31. Ст.5007

ся решения о продлении срока действия изменении, об отмене таких требований, внесении изменений в требования.

Следовательно, создается динамичная система обязательных требований, позволяющая своевременно реагировать на потребности бизнес – сообщества, органов контроля, граждан, адаптироваться к экономической ситуации, а также способствующая более тесному диалогу между органами контроля и контролируемыми лицами.

Половина субъектов предпринимательской (коммерческой) деятельности, принявших участие в опросе, характеризует отношение органов власти к бизнесу как «к кошельку», четверть организаций характеризует такие отношения как «бизнес младший партнер», около 20% выразили согласие с позитивным утверждением об отношении власти к бизнесу как «локомотиву развития экономики и общества», 15,7 респондентов определили отношения категорией – «равноправные партнеры»[1].

Можно предположить, что реформа контрольно-надзорной деятельности призвана изменить устоявшиеся негативные оценочные категории взаимоотношений власти и бизнеса на отношение к субъектам предпринимательской (коммерческой) деятельности – «локомотив развития экономики и общества».

Приведенный тезис подтверждается в том числе положениями Федерального закона от 31.07.2020, так устанавливается важный для бизнес – сообщества принцип установления обязательных требований – **исполнимость**.

Указанный принцип предусматривает инновационное положение об оценке затрат лиц, в отношении которых они установлены. Такие затраты должны быть соразмерны рискам, предотвращаемым этими обязательными требованиями, при обычных условиях деловой активности.

Дополнительно можно отметить, что в самих обязательных требованиях уже предусмотрена гарантия для бизнеса от злоупотреблений со стороны органов контроля (надзора).

С учетом изложенного можно сделать следующие выводы:

- создается динамичная система обязательных требований с возможностью адаптации к условиям экономической ситуации;

- заложены основы для концептуального позитивного изменения отношения органов власти к бизнесу, рассмотрения субъектов предпринимательской (коммерческой) деятельности в качестве двигателя экономики;

Нельзя не отметить, что «формальное» подзаконное нормотворчество или правоприменение представляет угрозу эффективному реформированию контрольно-надзорной деятельности, соответственно, может существенно затруднить достижение ожидаемых результатов.

---

[1] Доклад РСПП о состоянии делового климата в 2020 году/Москва 2021 г., https://www.rspp.ru. С.52

А.Б. Новиков, *доктор юридических наук, доцент,*
заведующий кафедрой
конституционного и административного права СПбГЭУ,
Н.А. Рагозина*, канд. юрид. наук, доцент,*
доцент кафедры
конституционного и административного права СПбГЭУ

КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ОЗДОРОВЛЕНИЯ НАЦИИ: АСПЕКТЫ МЕДИЦИНЫ, ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ И СПОРТА

В настоящее время в социально-политической и правовой среде продолжают активно обсуждаться пути, стратегии и программы оздоровления нации.[1] Однако при этом обнаруживается, что правовая концепция оздоровления нации как комплексного правового процесса отсутствует в виде, востребованном потребностями общественной практики. Четко не определены базовые категории такой концепции (здоровье нации как конституционная ценность, здоровье как национальное достояние,[2] здоровый образ жизни, безопасность жизнедеятельности граждан, человеческий капитал, оздоровление общества, санация общества и др.), главные составляющие процесса оздоровления нации, их взаимосвязь, взаимозависимость, взаимообусловленность, система участников процесса и обобщенная совокупность правовых и организационных мер как проявление административных производств. Указанное не означает, что отсутствуют развитые в известной степени правовые представления об оздоровлении нации, но они при

---

[1] Постановление Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ от 07.12.1998 № 56 «О проекте Концепции государственной поддержки физической культуры и спорта в государствах – участниках Содружества Независимых Государств // Информационный бюллетень Межпарламентской Ассамблеи государств – участников СНГ. – 1999 г. -. -№ 20.; Международная конвенция о борьбе с допингом в спорте от 19.10.2005 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2007. № 24. Ст.2835; Бюллетень международных договоров. 2007. № 9; Постановление Правительства Российской Федерации от 21.01.2015 № 30 «О федеральной целевой программе "Развитие физической культуры и спорта в Российской Федерации на 2016-2020 годы" (с изменениями на 18 июня 2019 года)// Официальный интернет-портал правовой информации www.pravo.gov.ru, 28.01.2015, № 000120150128002; Собрание законодательства Российской Федерации, № 5, Ст.810 Здоровье нации: экономический подход к оценке здоровья и связанных с ним неравенства и качества жизни населения. – Проект РНФ 20-18-00307 // https://spb.hse.ru/scem/chemp/rscf-project (дата обращения 22.04.2021); Государственная программа “Здоровая нация – здоровая Россия”: описание и особенности // https://mirkultura.ru/gosudarstvennaya-programma-zdorovaya-natsiya-zdorovaya-rossiya-opisanie-i-osobennosti/ (дата обращения 22.04.2021)

[2] Здоровье как национальное достояние. Коллективная монография. – СПб.: Изд-во НГУ им. П.Ф. Лесгафта, 2010, – 690 с.

накопленном объеме пока достаточно разрознены, не систематизированы и порой противоречивы, то есть уже не отвечают насущным общественным запросам. Таким образом, задача формирования правовой концепции оздоровления нации с учетом политических, экономических, медицинских и других воззрений представляется весьма актуальной.

При использовании системного и синергетического подхода к исследованию в рамках развиваемой указанной концепции выявляется существенная взаимосвязь правовых и организационных аспектов медицины, физической культуры, спорта, туризма и других факторов, в разных ракурсах отражающих жизнеспособность нации, ее способность развиваться и обретать новое качество. Словом, категория «оздоровление нации» вовсе не сводится к вопросам развития охраны здоровья в медицинском аспекте.[1] В результате главные составляющие процесса оздоровления нации проявляются как меры в сфере медицины и охраны здоровья, в сфере физкультуры и спорта, оздоровительного туризм а и смежных сферах. Соответственно, в правовой концепции оздоровления нации совокупность предпринимаемых мер представляется как часть юридического процесса и более того административного процесса,[2] имеющего свое конституционное обоснование.

Указанные составляющие процесса оздоровления нации имеют собственную сложную структуру и разветвленную систему мер различного правового характера. Как следствие, при разработке концепции мы сталкиваемся с необходимостью представить в их интегральных свойствах современную конституционно-правовую характеристику таких правовых образований, как «медицинское право»[3], «спортивное право»[4], «сервисное право». При этом необходимо подчеркнуть, что указанные правовые образования проявляют свойства как публично-правового, так и частно-правового регулирования, что в принципе соответствует представлениям о Конституции Российской Федерации как учредительном акте, содержащем как публично-правовые, так и частно-правовые нормы. В этой связи следует констатировать, что развиваемая концепция оздоровления нации апеллирует к нормам как публичного, так и частного права.

Конституционно-правовая концепция оздоровления нации представляется как часть конституционной концепции правового государства, раз-

---

[1] Новиков, А.Б., Дорохова А.Ю. К вопросу об охране здоровья трудоспособного населения / Юридическая наука. – 2020. – № 9. – С. 51-54.

[2] Новиков А.Б. Административный процесс в механизме таможенного регулирования Российской Федерации. Монография. – СПб.: Изд-во «Инфо-Да», 2008, – С. 11-60.

[3] Тимофеев И.В Право и медицина: конституционно-правовые, организационные вопросы доступности и качества медицинской помощи: учебное пособие для врачей и юристов. – СПб.: Изд-во ДНК, 20176, – 448 с.

[4] См., например: Савичев А.А. Понятие спортивного права в российской юридической доктрине // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2019. № 1 С.. 170–193. DOI: 10.17-323/2072- В166.2019. 1.176.194.

вивающегося в среде зрелого и здорового гражданского общества. Здесь мы продвигаем новый взгляд на гражданское общество как феномен здоровой нации, проявляющей себя во всех сферах: и в физической, и духовной (психической) согласно принципу «в здоровом теле – здоровый дух». Таким образом, преодолеваются узкие правовые взгляды на гражданское общество лишь как на систему социальных групп, представленных субъектами административного права и нацеленных в главном на формирование публично-властного механизма и укрепление своей экономической платформы указанного властного механизма. В этом ракурсе гражданское общество представляется сплоченной системой социальных групп, не только самостоятельно (без постоянного обращения к государству) решающих свои жизненные проблемы, но и социальной средой , в целом ведущей «здоровый образ жизни» (ЗОЖ) .

Соответственно, в развиваемой концепции оздоровление нации обусловливается укреплением правового и организационного режима здорового образа жизни (ЗОЖ). С точки зрения теории правовых режимов определенный ранее юридический процесс оздоровления нации выступает неотъемлемой частью общего режима ЗОЖ. В этой связи ЗОЖ – это дискуссионный, но крайне актуальный правовой режим «администрирования» конституционных норм.

Правда, в рамках дискуссии о формировании концепции оздоровления нации правовая категория ЗОЖ может толковаться достаточно широко и не ограничиваться традиционными пределами восприятия медицины, физической культуры и спорта и смежных сфер правового регулирования. Так, здоровое питание (диетология), формирование оптимистического восприятия окружающего мира (психогигиена), здоровые человеческие коммуникации и сопряженные феномены учитываются нами в системе ЗОЖ как обособленно, так и в составе указанных юридических процессов оздоровления нации.

В свою очередь, здоровый образ жизни является и предпосылкой, и результатом обеспечения национальной безопасности в ее общей трактовке в сфере безопасности жизнедеятельности граждан. Обратим внимание на то, что определение такого комплексного направления обеспечения безопасности Российской Федерации в системе национальной безопасности[1] хоть не бесспорно, но объективно служит достижению важных практических целей. В этой связи элементом научной новизны является установление сопряжения действующей концепции национальной безопасности и развиваемой концепции оздоровления нации. Устанавливается взаимосвязь категорий «оздоровление нации» и «обеспечение национальной безопасности».

---

[1] Указ Президента Российской Федерации от 31.12.2015 № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации www.pravo.gov.ru, 31.12.2015, № 0001201512310038; Собрание законодательства Российской Федерации, 2016. № 1 (ч. II). Ст.212.

Таким образом, Концепция оздоровления нации интегрируется одновременно с двумя конституционно-правовыми концепциями: 1) концепцией правового государства, 2) концепцией национальной безопасности.

В результате в развиваемой концепции – ЗОЖ предстает прежде всего общим правовым режимом в составе обеспечения национальной безопасности. В этой связи и возникает необходимость правовой характеристики категории «безопасность жизнедеятельности граждан».

В связи со сказанным в концепции оздоровления нации отражаются два принципиальных теоретических аспекта: 1) обеспечение «безопасности жизнедеятельности» посредством ЗОЖ проявляется как внутреннее качество деятельности индивидуума, гражданина, члена зрелого гражданского общества, 2) установление приоритетов развития на основе борьбы с вызовами и угрозами для общества (парадигма безопасности) или на основе реализации факторов «процветания» общества (парадигма лояльности обстоятельствам).

В конституционно-правовой концепции оздоровления нации выявляются, систематизируются и толкуются конституционные положения, определяющие формирование здорового гражданского общества в части охраны здоровья, развития физической культуры и спорта и других аспектов.

Вряд ли кто то будет оспаривать принципиальный тезис о том, что указанные конституционные положения нуждаются в «администрировании»[1], доведения до исполнения в каждой жизненной ситуации. Соответственно, требуют систематизации, характеристики и качественной регламентации административно-правовые режимы обеспечения оздоровления нации. Подчеркнем, что эти режимы являются административно-правовыми и соответствуют таким процессуальным составляющим, как: 1) меры медицинского характера, 2) меры в сфере физической культуры и спорта, 3) сервис для населения.

Указанные административно-правовые режимы отражают многочисленные аспекты медицины, физической культуры и спорта, оздоровительного туризма, смежных феноменов общественной жизни и в настоящее время в значительной мере опираются в своем развитии на положения Национальных проектов[2] и Федеральных про-

---

[1] Новиков А Б., Рагозина Н А. Исполнительная деятельность в конституционной концепции правового государства // Вопросы российского и международного права» Том 8, № 10А, 2018. Издательство «Аналитика Родис». С.84-89.

[2] Программа Президента Российской Федерации «Здоровье Нации». Утверждена решением Экспертно-Консультативного Совета по проблемам национальной безопасности при Председателе Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации. Одобрена Председателем Государственной Думы // http://nasheprawo.ru/prezidentskaya-programma-zdorove-natsii/ (дата обращения 22.04 2021)

грамм[1], которые имеют финансово-правовую поддержку на федеральном и региональном уровнях.[2]

Разработка концепции оздоровления нации формирует и интегрирует современные, но пока еще разрозненные и противоречивые правовые образования типа «медицинское право», «спортивное право» и другие, которые существенно влияют на актуальную законодательную деятельность и правоприменительную практику в Российской Федерации. В этом видится значение активизации формирования представляемой концепции и ее внедрение в правоприменительную практику.

Т.А. Коломейцева, *канд. юрид. наук, доцент кафедры конституционного и административного права СПбГЭУ,*
Л.Ю. Свистунова*, канд. юрид. наук, доцент кафедры конституционного и административного права СПбГЭУ*

ТРАНСФОРМАЦИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ГОСУДАРСТВ-УЧАСТНИКОВ СНГ О СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОМ РАЗВИТИИ В РОССИЙСКОЕ ПРАВОВОЕ ПОЛЕ

Содружество независимых государств (СНГ) – международная организация, включающая в свой состав девять независимых государств, каждое из которых имеет свои национальные интересы и приоритетные

---

[1] Указ Президента Российской Федерации от 07.05.2018 № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» (с изменениями на 21 июля 2020 года) // Официальный интернет-портал правовой информации www.pravo.gov.ru, 07.05.2018, N 0001201805070038; Собрание законодательства Российской Федерации. 2018. № 20. Ст.2817; Основные направления деятельности Правительства Российской Федерации на период до 2024 года. Утверждены Председателем Правительства Российской Федерации 29.09.2018 // Официальный сайт Правительства Российской Федерации www.government.ru по состоянию на 12.04.2019; Постановление Правительства Российской Федерации от 26.12.2017 № 1640 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации "Развитие здравоохранения" (с изменениями на 23 декабря 2020 года) //: Официальный интернет-портал правовой информации www.pravo.gov.ru, 29.12.2017, № 0001201712290017; Собрание законодательства Российской Федерации. 2018. № 1 (ч.II). Ст.373.

[2] Федеральный закон от 08.12.2020 г. № 385-ФЗ «О федеральном бюджете на 2021 год и на плановый период 2022 и 2023 годов» // Официальный интернет-портал правовой информации www.pravo.gov.ru, 08.12.2020, N 0001202012080106; Закон Санкт-Петербурга от 26.11.2020 № 549-114 «О бюджете Санкт-Петербурга на 2021 год и на плановый период 2022 и 2023 годов» // Официальный сайт Администрации Санкт-Петербурга www.gov.spb.ru/norm_baza/npa, 27.11.2020О; Официальный интернет-портал правовой информации www.pravo.gov.ru, 04.12.2020, N 7800202012040002.

направления государственного, экономического и социального развития, обусловленного различными факторами. Такое сотрудничество основано на международных соглашениях и договорах, которое неминуемо порождает права и обязанности именно в тех сферах стратегического и экономического развития государств-участников, в которых это сотрудничество будет взаимовыгодно для всех сторон. Государства-участники СНГ уделяют большое внимание определению и правовому закреплению основных приоритетных направлений социально-экономического развития. При этом нормативно-правовые акты СНГ зачастую не являются основой для принятия национальных документов, поскольку их правовая природа предполагает соблюдение принципа рекомендаций. Тем не менее, значительный массив национальных нормативно-правовых актов государств-участников СНГ в той или иной мере опирается на правовые акты СНГ.

В ноябре 2008 года на заседании Совета глав правительств Содружества независимых государств была утверждена Стратегия экономического развития государств на период до 2020 года[1] (далее – Стратегия 2008), а 29 мая 2020 года Совет глав правительств СНГ утвердил новую Стратегию экономического развития Содружества Независимых Государств на период до 2030 года[2] (далее – Стратегия 2020). Представляется, что эти два основополагающие международные документы позволит определить вектор развития национальных нормативно-правовых актов Российской Федерации, как во взаимодействии с СНГ в целом, так и в двух- и многосторонних отношениях государств-участников.

Исследование стратегических направлений социально-экономического сотрудничества государств – участников СНГ имеет важнейшее значение для характеристики вектора развития Российской Федерации, поскольку отражает современную ситуацию и динамику межгосударственного взаимодействия России с иными государствами-участниками СНГ. На основе анализа данных документов авторами были выделены важнейшие сферы в развитии сотрудничества, для которых отмечается весьма перспективная ситуация.

На современном этапе представляется особенно важным исследовать межгосударственный характер ряда новых областей производства. Производительные силы давно уже перешагнули национальный объем и границы и становятся все более интернациональными. Мало того, наиболее быстро

---

[1] Стратегия экономического развития Содружества Независимых Государств на период до 2020 года (14 ноября 2008 года, г. Кишинев) Утверждена Решением Совета глав правительств Содружества Независимых Государств от 14 ноября 2008 года // https://cis.minsk.by/page/18764

[2] О Стратегии экономического развития Содружества Независимых Государств на период до 2030 года. Решение Совета глав правительств СНГ от 29 мая 2020 года // https://e-cis.info/page/3762/

растущие области производства как раз по природе своей наднациональны, что ведет к необходимости вырабатывать наиболее универсальные правовые инструменты, тем более, в условиях существования Содружества независимых государств. Современная мировая экономика, основываясь на государственных и национальных приоритетах, все более ориентируется на международные и межгосударственные стандарты, пронизывающие все сферы и области взаимодействия. Можно констатировать, что экономические отношения государств находятся на новой стадии развития, которые целесообразно называть наднациональными. Объективно, что мы наблюдаем начальные этапы такого развития, но, представляется, это приведет к абсолютно и качественно другой мировой экономики, основывающейся на глобальной интеграции. Отметим, что путь по интеграции государств в социально-экономической сфере в мировом масштабе достаточно труден в силу кардинальных различий в приоритетах и особенностях политико-правового режима последних, и поэтому во многом неясен. Но региональная интеграция уже обретает какие-то практические формы. Представляется, что деятельность Содружества независимых государств является одним из положительных и перспективных примеров взаимодействия в целях развития социально-экономической сферы каждого из государств-участников. Однако государственные, национальные интересы в любом случае превалируют в определении стратегии развития отдельного государства, следовательно, необходимо проанализировать российское законодательство в данной сфере.

Деятельность по интеграции государств в социально-экономической сфере в мировом масштабе достаточно неоднородна в силу кардинальных различий в приоритетах и особенностях политико-правового режима последних. Но региональная интеграция уже обретает определенные практические формы. Представляется, что деятельность Содружества Независимых Государств является одним из положительных и перспективных примеров взаимодействия в целях развития социально-экономической сферы каждого из государств-участников.

Сообразуясь с разработанными концепцией национальными приоритетами в развитии, Указом президента Российской Федерации был утвержден перечень критических технологий в обозначенных нормативно-правовым актом направлениях развития (Указ Президента РФ от 07.07.2011 № 899 (ред. от 16.12.2015) «Об утверждении приоритетных направлений развития науки, технологий и техники в Российской Федерации и перечня критических технологий Российской Федерации»[1]). Изуче-

[1] Указ Президента Российской Федерации «Об утверждении приоритетных направлений развития науки, технологий и техники в Российской Федерации и перечня критических технологий Российской Федерации» (в ред. Указа Президента РФ от 16.12.2015г. № 623) // http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&firstDoc=1&lastDoc=1&nd=102149065

ние положений данного указа позволяет сделать следующие выводы: указом определены восемь важнейших направления развития науки, технологий и техники Российской Федерации, обеспечение безопасности и противодействие терроризму, развитие основных сфер инновационного развития. Критические технологии, утвержденные Указом, служат основанием для создания благоприятных условий, при наличии которых возможно развитие государства, его национальной безопасности, в том числе, в экономической и социальной областях как приоритетных направлений. В этой связи необходимо определить, что является «критическими технологиями»? Согласно анализу некоторых теоретических разработок, приоритетным направлением развития науки, технологий и техники Российской Федерации является «тематическое направление научно-технологического развития межотраслевого (междисциплинарного) значения, способное внести наибольший вклад в обеспечение безопасности страны, ускорение экономического роста, повышение конкурентоспособности страны за счет развития технологической базы экономики и наукоемких производств».

Как указывается в Стратегии, приоритетные направления «задают общий вектор научно-технического развития страны и представляют собой те области реального сектора экономики России, в которых применение новых технологий и техники может принести наибольший совокупный эффект» [6]. Следовательно, такими технологиями или производительными силами являются те, которые способны привести к повышению конкурентоспособности и росту производства высокотехнологичных товаров либо услуг; которые, в свою очередь, опережают показатели ВВП, дают возможность развития инноваций в социально-экономической области. Более того, в условиях активизации террористической угрозы такие технологии должны обеспечить оборонную безопасность государства в военной и техногенной сфере [2, 57].

В 2014 году начал действовать Федеральный закон «О стратегическом планировании в Российской Федерации» от 28 июня 2014г.[1], который является комплексным нормативным актом в области регламентации процессов долгосрочного социального и экономического развития. Анализ положений закона позволяет выделить несколько приоритетных направлений развития России: социально-экономическое (наиболее обширный блок, включающий такие задачи, как демографический рост, рост благосостояния населения, также создание высокотехнологичного экспортоориентированного экономического сектора и вхождение в пятерку

[1] Федеральный закон от 28.06.2014 г. № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации» (в ред. от 03.07.2016 № 277-ФЗ, от 30.10.2017 № 299-ФЗ, от 31.12.2017 № 507-ФЗ, от 18.07.2019 № 183-ФЗ, от 31.07.2020 № 264-ФЗ)// http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&firstDoc=1&lastDoc=1&nd=102354386

крупнейших мировых экономических лидеров[1], стратегия национальной безопасности, подразумевающая укрепление обороны страны, обеспечение незыблемости конституционного строя, суверенитета, независимости, государственной и территориальной целостности Российской Федерации; укрепление национального согласия, политической и социальной стабильности, развитие демократических институтов, совершенствование механизмов взаимодействия государства и гражданского общества; закрепление за Российской Федерацией статуса одной из лидирующих мировых держав[2]; научно-технологическое развитие, что подразумевает многоаспектное совершенствование различных систем, в том числе и международное сотрудничество (например, Концепция межрегионального и приграничного сотрудничества государств – участников СНГ на период до 2030 года, положения которой способствуют формированию модели международного научно-технического сотрудничества и международной интеграции в области исследований и технологического развития, позволяющей защитить идентичность российской научной сферы и государственные интересы в условиях интернационализации науки и повысить эффективность российской науки за счет взаимовыгодного международного взаимодействия[3]).

Нормативно-правовые акты Российской Федерации являются ярким примером того, что каждое государство стремится прежде всего реализовать свои национальные интересы, что порой не перекликается с установленным в качестве приоритета международным сотрудничеством в полном объеме. Представляется, что сферы развития экономики и социальной сферы СНГ и России зачастую дублируют друг друга, в некоторых из них интересы не являются противоположными, но все же не пересекаются.

Для обеспечения продуктивного межгосударственного сотрудничества необходимо не только сформировать общее экономическое пространство между всеми государствами-участниками СНГ, но и создать национальную правовую базу, обеспечивающую долгосрочное развитие российской экономики и социальной сферы. По мнению депутатов Государственной Думы ФС РФ, в частности Васильева В.А., важнейшим позитивным фактором выработки государственной социально-экономической политики стало широкое публичное обсуждение связанных с этим проблем различными

---

[1] Указ Президента РФ от 7 мая 2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года»// http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201805070038

[2] Указ Президента РФ от 31.12.2015 № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации»// http://base.garant.ru/71296054/

[3] Указ Президента РФ от 01.12.2016 № 642 «О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации» // http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201612010007

профильными министерствами, хозяйствующими субъектами и представителями гражданского общества. Объективные глобальные проблемы в современном мире и различные субъективные факторы региональных экономик обуславливают принимать меры к преодолению стагнации в российской экономике, сокращая инфляцию и ускоряя темпы социально-экономического развития нашего государства. Главная среднесрочная цель ускорения – рост уровня жизни граждан России при устойчивом развитии экономики и социальной сферы.

Таким образом, можно сказать о достаточно высокой степени заинтересованности России в повышении социально-экономического уровня в государстве. Представляется, что это объективно обуславливается существенным преимуществом в развитии всех сфер экономики и социальной сферы перед другими государствами-участниками СНГ (по крайней мере, на период 2008 года). Но цель любой национальной концепции в долгосрочном государственном планировании, а сотрудничество с нашими ближайшими соседями и партнерами – только один из путей развития национальных экономик всех государств-участников.

А.С. Фартушнова ,
ООО «Отель Управление», магистрант СПбГЭУ

«ДИПФЕЙК» КАК УГРОЗА ГОСУДАРСТВЕННОСТИ: АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВЫЕ СРЕДСТВА ЗАЩИТЫ И НЕОБХОДИМОСТЬ МЕЖДУНАРОДНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА

Deepfake (дипфейк) – это методика синтеза изображения, основанная на искусственном интеллекте, используется для соединения и наложения существующих изображений и видео на исходные изображения или видеоролики; в подавляющем большинстве случаев, для создания таких видео используют генеративно-состязательные нейросети (GAN): одна часть алгоритма учится на реальных фотографиях определенного объекта и создает изображение, буквально «состязаясь» со второй частью алгоритма до тех пор, пока та не начнет путать копию с оригиналом[1].

Технология «дипфейк» – это новейшая методика, при которой искусственный интеллект осуществляет переборку исходных фото- и видеоизображений человека (лица человека), накладывает их на другого человека и синтезирует до полной степени смешения, в результате чего генерируется совершенно новое видео с аутентичным лицом, мимикой и голосом исходной личности, но с жестами, движениями и содержанием речей никогда не принадлежавшими исходной личности.

[1] https://ru.wikipedia.org/wiki/Deepfake

В силу всех вышеперечисленных высокотехнологичных манипуляций создается новое, фейковое видео с человеком (исходной личностью) о ситуациях, фактах его жизни, никогда не существовавших в реальности. И отличить такое гиперреалистичное видео невооруженным глазом, в отличие от обычных фейковых видео просто невозможно.

Искусственно создается ситуация, когда нельзя верить тому, что видишь сам в цифровой среде. И распознать, при этом, именно та ли это ситуация или нет, при обычных условиях тоже не представляется возможным.

Дипфейк – это новейшее оружие в войне против правды[1].

Данная технология изначально была создана в качестве игрового инструмента, довольно быстро стала активно использоваться в порно-индустрии и еще в скором времени стала инструментом порно-мести, выйдя тем самым впервые за рамки правопорядка в части нарушения, прежде всего, прав и свобод граждан.

В силу того, что современные технологии позволяют создавать дипфейки совершенно неотличимые от реальных видео, в сеть «Интернет» с безапелляционной заявкой на подлинность попадают видео того, чего никогда не было в действительности, формируя соответствующее восприятие и сознание людей.

До 01 сентября 2020 года, когда компания Microsoft анонсировала свою новую разработку Microsoft Video Authenticator, позволяющую бороться с дипфейками, определяя вмешательства в видео на границах смешения дипфейка с тонкими пикселями выцветания или серого цвета, которые трудно заменить невооруженным взглядом, не существовало даже каких-либо технических средств, позволяющих выявлять дипфейковые видео в сети «Интернет»[2].

В настоящее время подавляющее большинство людей на планете Земля пользующихся сетью «Интернет» с целью получения и сбора информации обращается к таким информативным ресурсам общего и свободного доступа, как социальные сети, видеохостинг YouTube и иные, охватывающие огромные территории и обладающие высочайшей скоростью распространения информации и данных посредством сети «Интернет», что позволяет посредством этих электронных платформ с легкостью дезинформировать миллионы людей.

Вместе с тем, технология «дипфейк» имеет и ряд преимуществ.

Их применение уместно в сфере искусств, в музейной деятельности. К примеру, в музее Сальвадора Дали во Флориде (США) в честь 115-летия

---

[1] Н.И. Браун «Дипфейки и создание оружия дезинформации»: https://static1.squarespace.com/static/5e793709295d7b60295b2d29/t/5f0b7e4e0f4f095f7e70613f/1594588750542/v23i1_1-Brown.pdf

[2] «Новая система от Microsoft поможет в борьбе с дипфейками» от 02 сентября 2020 года: https://www.securitylab.ru/news/511676.php

художника на выставке «Дали жив» («Dalí Lives») посетителей встречал сам Сальвадор Дали – его сгенерированная копия: искусственный интеллект скопировал мимику Дали, и экранная копия заговорила цитатами художника (единственное, что позволяло усомниться в подлинности изображения, это не оригинальный голос Дали). Цифровой Дали играл роль виртуального экскурсовода, рассказывая не только о жизни своего прототипа, но и о событиях, случившихся после его смерти в 1989 году[1].

Также, имеет место быть использование дипфейков в киноиндустрии. Например, для озвучивания актеров, потерявших голос. Либо для обновления материала без необходимости произведения новой видеосъемки. Для улучшения любительских видео.

Возможно благое использование дипфейков и в медицине. Например, с целью воссоздания умерших родственников для того, чтобы смягчить боль утраты. А также, возможно для людей с болезнью Альцгеймера, чтобы больные могли общаться с воссозданными людьми из своего далекого прошлого, лица которых им легче помнить.

В индустрии моды дипфейки способны и, скорее всего, будут помогать людям осуществлять, например, примерку одежды на своих цифровых клонов на расстоянии.

Дипфейки могут быть полезными и в ряде других сфер жизни и деятельности людей, общества и государства в целом.

В силу пункта 1 статьи 29 Конституции Российской Федерации, в Российской Федерации каждому гарантируется свобода мысли и слова.

Таким образом, просто запретить дипфейки невозможно. Также делать это и нецелесообразно, неэффективно.

Однако использование злоумышленниками такого уровня подделок изображений с использованием искусственного интеллекта влечет за собой и множество серьезных проблем для любого общества и государства. Гиперреалистичные подделки способны вводить людей в заблуждение, манипулировать людьми, оказывать влияние на выбор людей. Так, например, фейковые видео на избирательных площадках, не позволяющие без применения специальных технологий усомниться зрителю в их подлинности, способны формировать сознание людей, неадекватное реальной действительности, и тем самым, заставлять людей делать тот или иной выбор в условиях заблуждения.

При таких обстоятельствах и сам выбор перестает являться выбором, манипулированные люди становятся инструментом для достижения конкретных целей третьих лиц.

---

[1] https://zen.yandex.ru/media/screenlifer/dipfeiki-v-iskusstve-kak-salvador-dali-voskres-iz-mertvyh-5d0b8b24bb362a00afe7af99 ; https://www.youtube.com/watch?v=ZupIscH6akk https://it-time24.ru/other/112195-klon-salvadora-dali.html

Есть и другая «сторона медали». Фейковые (фиктивные, сфабрикованные) новости могут являться не только инструментом недобросовестных СМИ. Средства массовой информации, будучи неспособными определить подлинность видео, могут сами оказаться инструментом манипуляций злоумышленников и невольно дезинформировать людей.

В руках политических агитаторов, террористов и иного рода злоумышленников дипфейки способны подрывать доверие к государству в целом, выступая в гибридной войне оружием дезинформации. Возникает угроза национальной безопасности, вмешательств в выборы, подрыв доверия граждан к правительству страны.

Рождается угроза роста напряженности между странами.

Создается проблема кибербезопасности политиков, корпоративных лидеров и т.д. Под речи руководителей крупнейших экономических структур стало возможным подставлять любые оскорбления и тому подобное, чего сами руководители никогда не произносили, что наносит урон репутации как самих руководителей, так и тех компаний, которые они представляют.

Возникает опасность введения в заблуждение путем, например, дипфейков топовых руководителей, обращающихся к сотрудникам с поручениями выполнить срочный денежный перевод или предоставить конфиденциальную информацию и т.д.

И в будущем, скорее всего, дипфейки будут все больше использоваться с целями шантажа, запугивания, угроз, политических саботажей, подстрекательств к насилию.

Огромный риск дипфейки уже сегодня способны наносить судебной системе, выступая доказательствами в судах.

Согласно пункту 1 статьи 55 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, доказательствами по делу являются полученные в предусмотренном законом порядке *из видеозаписей* сведения о фактах, на основе которых *суд устанавливает* наличие или отсутствие обстоятельств, обосновывающих требования и возражения сторон, а также иных обстоятельств, имеющих значение для правильного рассмотрения и разрешения дела.

В силу пункта 2 статьи 74 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, в качестве доказательств допускаются вещественные доказательства, к которым приравниваются и *видеозаписи*.

Таким образом, уже сегодня актуальна не только проблема технических возможностей определения подлинности дипфейка. В рамках существующего действующего законодательства, презумпции невиновности и в условиях скорости развития высоких цифровых технологий, уже существует реальная опасность принятия судами массовых несправедливых решений на основе высокотехнологичных поддельных видеодоказательств.

В ряде отдельных государств, в мире в целом, и в частности в Российской Федерации на сегодня существуют некоторые административно-правовые средства защиты людей от незаконного использования их изображений, от информации клеветнического характера, а также средства защиты чести и достоинства граждан, их конституционных прав и свобод. Однако, не существует вовсе, а существующее законодательство не адаптировано надлежащим и достаточным образом под новые дипфейковые технологии.

Это новый уровень противостояний в мире безграничных и высокоскоростных возможностей, и это проблема не только высоких технологий, но и проблема правового регулирования.

Так, например, в настоящее время в Уголовном кодексе Российской Федерации существуют статьи 207.1 и 207.2, предусматривающие ответственность за публичное распространение заведомо ложной информации об обстоятельствах, представляющих угрозу жизни и безопасности граждан, и заведомо ложной общественно значимой информации, повлекшее тяжкие последствия.

Но это не имеет прямого отношения к дипфейкам.

Также, в силу статьи 152 Гражданского кодекса Российской Федерации, гражданин имеет право на защиту *по суду* чести, достоинства и деловой репутации.

И опять же, «по суду» – там, где уже сегодня технически возможно выдавать за подлинные полностью фейковые гиперреалистичные видео. Таким образом, инструмент доказывания на сегодняшний день априори теряет свою юридическую силу. Законность судебного решения становится под серьезным вопросом. Что, в свою очередь, влечет за собой и вовсе – крах правосудия в силу пункта 1 статьи 4 Федерального конституционного закона Российской Федерации № 1-ФКЗ от 31.12.1996 года «О судебной системе Российской Федерации».

Также, согласно статье 152.1 Гражданского кодекса Российской Федерации, изображение гражданина охраняется законом, его обнародование и дальнейшее использование допустимо только с согласия этого гражданина.

Однако, в случаях с дипфейками открыт вопрос идентификации как таковой и вопрос конфиденциальности и авторских прав.

С юридической точки зрения по внешним признакам дипфейк схож до степени смешения с исходным (-ими) изображением (-ями), но в то же время не является подлинным. И не является и точной копией. Представляет собой совершенно новый синтезированный продукт (и не новую личность), по своему содержанию и вовсе не имеющий ничего общего с исходным лицом.

При этом, такой продукт, созданный с благими намерениями и с согласия исходного лица, должен являться и объектом авторского права.

Содержание согласия на использование своего изображения с целью создания дипфейка и порядок его получения законодательно не регламентировано.

Норм, напрямую защищающих от дипфейков, на сегодняшний день нет ни в уголовном, ни в гражданском законодательстве.

Максимум, это защита от клеветы, обвинения в мошенничестве (с личными данными), что, в свою очередь, трудно доказуемо. А с учетом наличия технических возможностей с применением искусственного интеллекта такое доказывание подрывает всякие основы правосудия.

Законодателю необходимо идти в ногу с новейшими технологиями и досконально разобраться в ландшафте вокруг законов о свободе слова и о праве собственности, чтобы правильно регулировать использование уже существующей технологии «дипфейк».

Государство должно помогать защищать своих граждан от дипфейков.

1. Один из способов защиты – это просветительская деятельность, воспитание культуры пользования Интернет-ресурсами, социальными сетями, воспитание грамотности и критического мышления у детей.

Информационное манипулирование – один из способов сражений в конфликтах (необъявленные войны). Ввиду чего государству имеет смысл вкладывать средства (организационные, финансовые и иные ресурсы) в воспитание грамотности и критического мышления у детей, ненамного меньше, чем вложение средств в вооружение, и не только отводя внимание единичным проектам, а создавая легкие условия (в том числе, с бюрократической точки зрения) для создания ИТ-клубов на базах всех государственных школ в Российской Федерации, имеющих в своем распоряжении компьютерные классы.

2. Другой возможный способ защиты – создание и активное развитие национальных информационных ресурсов разного плана.

Создание официальных, легальных реестров дипфейков по аналогии с товарными знаками, где любой может ознакомиться с информацией о дипфейке, цели его создания, способах использования и пр.

Утверждение лицензий либо иного рода разрешений на создание и дальнейшее использование дипфейков на законных основаниях.

Создание базы ресурсов, которым предоставлено законное право на создание и/или использование дипфейков.

3. Еще одним способом может являться законодательно закрепленная за самими социальными сетями и владельцами сайтов обязанность более ответственно подходить к размещению материалов на своих электронных ресурсах.

Компании, запускающие контент-платформы распространения, самостоятельно имеют необходимый технический опыт и достаточные ресурсы для разработки глубоких технологий обнаружения подделок.

4. Способом защиты может являться и обязательная на законодательном уровне аутентификация посредством хештирования – создания математического алгоритма, преобразовывающего массив данных в состоящую из символов строку фиксированной длины – как цифровых «водяных знаков». В этом случае, при манипуляциях с видео короткая цепочка символов на исходном файле будет попросту теряться.

Также, законодательно закрепив, можно унифицировать порядок хештирования. Как, например, это делается при присвоении ОГРН юридическому лицу, либо любому лицу – ИНН.

Технически можно создавать «шумы» в фото или видео, что тоже сделать обязательным на законодательном уровне.

Возможные иные способы технической защиты граждан, которые, в любом случае, требуют государственного и правового регулирования.

Крайне важно в настоящее время сочетание юридических, образовательных и социотехнических решений – достижение необходимого и достаточного баланса между ними.

Поддельные на уровне дипфейковых технологий видео люди сами не могут отличить от фейковых.

Согласно пункту 1 статьи 21 Конституции Российской Федерации, достоинство личности охраняется государством, ничто не может быть основанием для его умаления.

В соответствии с пунктом 1 статьи 22 Конституции Российской Федерации, каждый имеет право на свободу и личную неприкосновенность. И каждый имеет право на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, защиту своей чести и доброго имени, согласно пункту 1 статьи 23 Конституции Российской Федерации.

Вместе с тем, в соответствии с пунктом 1 статьи 55 Конституции Российской Федерации, перечисление в Конституции Российской Федерации основных прав и свобод не должно толковаться как отрицание или умаление других *общепризнанных* прав и свобод человека и гражданина. А в силу пункта 1 статьи 17 Конституции Российской Федерации, в Российской Федерации признаются и *гарантируются права и свободы* человека и гражданина согласно общепризнанным принципам и нормам международного права и в соответствии с Конституцией Российской Федерации.

В виду того, что Интернет-среда – это поле международных отношений, необходима, также, интеграция нового типа, предлагающая и способная обеспечивать кибербезопасность людей против терроризма, насилия, преступлений против детей и т.д.

Российская Федерация способна положить начало взаимоотношений между странами в этом плане.

Стремительное развитие высоких технологий, искусственного интеллекта требует решения новых вопросов относительно толкования и применения закона. Существующие законы должны развиваться рука об руку с существующими технологиями.

СЕКЦИЯ «МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ»

Ответственный – и.о. заведующего кафедрой Предпринимательского и энергетического права, кандидат юридических наук, доцент ***Е.Н. Абрамова***

Н.В. Аксенов,
студент института магистратуры СПбГЭУ, магистерская программа «Экономическое право»

ПРОБЛЕМА УСТАНОВЛЕНИЯ ОЧЕРЕДНОСТИ УДОВЛЕТВОРЕНИЯ ТРЕБОВАНИЙ КРЕДИТОРОВ ПРИ ОПЛАТЕ РАСХОДОВ НА ЮРИДИЧЕСКИЕ УСЛУГИ В ДЕЛЕ О НЕСОСТОЯТЕЛЬНОСТИ (БАНКРОТСТВЕ)

В условиях современной рыночной экономики институт несостоятельности (банкротства) становится особенно актуальным. Банкротство сегодня является не только механизмом, с помощью которого происходит исключение из финансово-хозяйственного оборота неплатежеспособных субъектов, но также и инструментом оздоровления, позволяющим выйти из финансового кризиса с наименьшими потерями как для самого должника, так и для его контрагентов.

Ключевым фактором в успешности и правильности проведения процедуры банкротства является грамотность арбитражного управляющего. Будучи лицом, специально уполномоченным на ведение от лица должника финансовой деятельности, в руках арбитражного управляющего фактически находится судьба всех субъектов сложившихся рыночных отношений.

Тема выбранного исследования представляется очень актуальной. Анализ сведений, представленных АО «Интерфакс» в отношении процедур, применявшихся в делах о банкротстве за 2020 год[1], позволяет увидеть, что общее количество банкротных дел составляет несколько десятков тысяч, а количество поданных на арбитражных управляющих кредиторами жалоб достигает почти 7 тысяч.

Во многом возникновение такого количества жалоб связано с тем, что арбитражными управляющими в делах о банкротстве достаточно часто нарушается очередность удовлетворения требований по текущим обязательствам перед кредиторами.

Здесь представляется необходимым обратить внимание на то, что современная редакция Федерального закона от 26.10.2002 № 127 «О несостоятельности (банкротстве)» (далее – Закон о банкротстве)

[1] Единый федеральный реестр юридически значимых сведений о фактах деятельности юридических лиц, индивидуальных предпринимателей и иных субъектов экономической деятельности//URL: https://fedresurs.ru/news/05826cfd-c758-4d05-8b43-5db1686c5973 .

в части положений об обязанностях арбитражного управляющего по распределению денежных средств между кредиторами по текущим обязательствам может истолковываться весьма расширительно, в силу того, что законодателем не дано определение понятий, используемых в соответствующих статьях закона, а сама ст. 134 Закона о банкротстве по своей сути является бланкетной.

В частности, обратившись к ч. 2 рассматриваемой правовой нормы можно увидеть, что требования кредиторов по текущим платежам удовлетворяются в следующей очередности:

1. В первую очередь удовлетворяются требования по текущим платежам, связанным с оплатой деятельности лиц, привлечение которых арбитражным управляющим для исполнения возложенных на него обязанностей в деле о банкротстве в соответствии с настоящим Федеральным законом является обязательным, в том числе с взысканием задолженности по оплате деятельности указанных лиц.

2. В третью очередь удовлетворяются требования об оплате деятельности лиц, привлеченных арбитражным управляющим для обеспечения исполнения возложенных на него обязанностей в деле о банкротстве, в том числе о взыскании задолженности по оплате деятельности этих лиц.

Получается, что вопрос отнесения удовлетворения требований, привлеченных арбитражным управляющим лиц, к первой или третьей очереди сводится к необходимости установления факта было ли такое привлечение обязательным для арбитражного управляющего в силу закона или же он привлекал третьих лиц по своей инициативе.

Вместе с тем, Законом о банкротстве определённого перечня лиц, привлечение которых является для арбитражного управляющего обязательным, не называется. В силу ст. 20.3 Закона о банкротстве, перечень обязанностей арбитражного управляющего является открытым, а к числу прочих относится, в том числе, необходимость принимать меры по защите имущества должника, действовать добросовестно и разумно. Указанное нередко приводит к необходимости воспользоваться услугами высококвалифицированных в узкой сфере юристов.

Несмотря на то, что судами достаточно часто озвучивается позиция, что арбитражный управляющий, являясь профессионалом в своей области, успешно сдавшим соответствующий квалификационный экзамен, имеющим опыт работы, действуя добросовестно и разумно, должен самостоятельно, без привлечения соответствующего специалиста выполнять установленные законодательством о банкротстве мероприятия[1], существует и обратное, высказываемое судами, мнение.

---

[1] Постановление Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 08.02.2016 № 13АП-29481/2015 по делу № А21-2023/2014; Постановление Пятого арбитражного апелляционного суда от 28.09.2020 N 05АП-4377/2020 по делу № А51-8226/2018

Так, в своем постановлении от 30.01.2018 № 20АП-3688/2017 Двадцатый арбитражный апелляционный суд установил, что из смысла ст. 20.3 Закона о банкротстве, положений Постановления Пленума ВАС РФ от 17 декабря 2009 № 91, следует, что привлечение управляющим в процедурах банкротства лиц должно быть обусловлено реально существующей в этом необходимостью с целью надлежащего исполнения возложенных на него обязанностей[1]. Судом было высказано мнение, что арбитражный управляющий, очевидно, не может быть специалистом абсолютно во всех сферах, с которыми связано проведение процедуры банкротства, а также возможна ситуация, при которой объем работы, который следует выполнить в рамках дела о банкротстве, не позволяет арбитражному управляющему самостоятельно без привлечения иных лиц её осуществить.

Действительно, в практике достаточно часто встречаются ситуации, когда у какой-либо организации в предбанкротный период был большой штат из различных сотрудников: бухгалтеров и юристов – однако с момента введения в отношении такой организации процедуры банкротства сотрудники были сокращены, а все их обязанности легли на плечи одного управляющего.

В случае возникновения ситуации, когда арбитражным управляющим назначается человек, не обладающий специальными знаниями в сфере земельно-имущественных, или других видов имущественных правоотношений, а его деятельность сопряжена с необходимостью оспаривания большого количества сделок, объективно невозможность провести процедуру банкротства без привлечения высококвалифицированных юристов.

По общему правилу ст. 134 Закона о банкротстве платежи по выплате вознаграждения привлеченным лицам относится к 3 очереди, если прямое указание на обязательность привлечения таких лиц отсутствует.

Анализ судебной практики показывает, что сами арбитражные управляющие нередко относят возникшие у них расходы на привлечение юристов для осуществления своих обязанностей к первой очереди удовлетворения текущих требований. При этом сама судебная практика при рассмотрении этого вопроса является крайне противоречивой.

Большая часть судебных решений, конечно, удовлетворяет жалобы кредиторов на действия арбитражных управляющих в части признания незаконным отступления от установленной законом очередности удовлетворения текущих требований.

Например, в судебном акте № Ф07-8728/2020 по делу № А44-8305/2014 от 08.09.2020, Арбитражный суд Северо-Западного

---

[1] Постановление Двадцатого арбитражного апелляционного суда от 30.01.2018 № 20АП-3688/2017 по делу № А68-8106/2015

округа указал на оценку определения очередности платежей с точки зрения их необходимости[1]. Судом было установлено, что при разрешении вопроса об отнесении платежей, связанных с привлечением специалистов, к первой очереди удовлетворения необходимо исходить из целей соответствующей процедуры банкротства, в том числе целей, направленных на недопущение гибели и порчи имущества должника.

Иная позиция была изложена в определении Арбитражного суда Забайкальского края от 30.04.2019 по делу № А78-4225/2017, в котором правомерными и соответствующими законодательству о банкротстве были признаны действия арбитражного управляющего по погашению задолженности перед привлеченным адвокатом преимущественно перед погашением задолженности по заработной плате работникам организации-должника.

Причиной вынесения указанного судебного акта послужило то, что управляющим были представлены доказательства обосновывающие целесообразность привлечения стороннего юриста. Арбитражным судом было установлено, что действия, совершаемые привлеченным лицом, были направлены на сохранение конкурсной массы должника, снятия обременений с имущества, а также помогли сократить денежные средства должника, направленные на возмещение транспортных расходов управляющего[2].

Складывается ситуация, при которой при должной аргументации арбитражные управляющие могут отступать от установленного законом общего правила, тем самым в некоторых случаях нарушать законные права кредиторов и, возможно, способствовать выводу денежных средств в счет удовлетворения платежей первой очереди.

Отдельно хотелось бы отметить подход к толкованию положений Закона о банкротстве, представленный в Постановлении Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 24 июля 2019 № Ф02-3117/2019 по делу № А19-7913/2015. В указанном судебном акте судом было отказано в удовлетворении ходатайства об изменении очередности, так как суд указал на то, что привлеченные арбитражным управляющим юристы вступали в гражданско-правовые отношения уже на стадии банкротства, то есть, обладая информацией о неплатежеспособности должника[3].

Существующая в актуальной редакции Закона о банкротстве редакции привязка возможности привлечения арбитражными управляющими

---

[1] Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 08.09.2020 № Ф07-8728/2020 по делу № А44-8305/2014

[2] Определение Арбитражного суда Забайкальского края от 30.04.2019 по делу № А78-4225/2017

[3] Постановление Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 24.07.2019 № Ф02-3117/2019 по делу № А19-7913/2015

сторонних специалистов к его установленным законом обязанностям позволяет истолковывать закон расширительно.

Представляется необходимым поставить возможность привлечение управляющим специалистов в зависимость от объективной возможности исполнить арбитражным управляющим свои обязанности добросовестно и разумно без их привлечения.

Схожая позиция содержится, например, в п. 4 Постановления Пленума ВАС РФ от 17 декабря 2009 № 91 «О порядке погашения расходов по делу о банкротстве», где при рассмотрении вопроса обоснованности привлечения специалистов нужно исходить из направленности таких действий. Судам при разрешении указанных вопросов необходимо учитывать объемы работы, совершаемой арбитражным управляющим, количество и места нахождения принадлежащего должнику имущества, давать оценку возможности выполнения такой работы без привлечения специалистов с учетом квалификации и знаний управляющего[1].

Подводя итоги, хотелось бы выразить мнение, что с целью формирования единообразия правоприменительной практики представляется разумным законодательно определить очередность погашения требований по оплате деятельности лиц, привлеченных арбитражным управляющим.

Необходимо внести в действующую редакцию Закона о банкротстве поправки, четко определив очередность отнесения расходов, связанных с привлечением специалистов, там самым защитив и кредитов, и самого должника от непредвиденных расходов.

В.М. Андрианов
соискатель кафедры гражданского
и трудового права, гражданского процесса
ФКГОУВО «Московский университет
МВД России им. В.Я. Кикотя», г. Москва

ФОРМЫ СООТНОШЕНИЯ ИНТЕРЕСОВ В ПРАВЕ

Актуальность исследования обусловлена существованием интересов в качестве объекта защиты, а также в качестве мерила ограничения прав человека, что требует выяснения возможных форм соотношения интересов в праве, и, в частности, при осуществлении правосудия. На основании анализа практики ЕСПЧ по вопросам толкования Конвенции автор выделяет составляющие принципа верховенства права, которым руководствуется Европейский суд, определяет три составляющие условий оправдан-

[1] Постановление Пленума ВАС РФ от 17.12.2009 № 91 – Доступ из справочно-правовой системы «Консультант-Плюс» – Текст: электронный.

ности возможности вмешательства или ограничения прав и интересов человека. В заключении автор делает вывод, что каждая из указанных форм взаимодействия имеет свои особенности и модели правового реагирования на них. Однако важными в современных условиях представляются вопросы относительно основных конструктивных элементов механизма корректировки этих форм соотношения.

На сегодняшний день высшей ценностью в мире признается человек и его права. Такая антропологическая юридическая формула стала и остается ведущей в научных исследованиях в области права, основой стратегией развития государственных политик, мерилом справедливого и несправедливого в деятельности органов государственной власти. На смену концепции «интересов» пришла концепция «ценностей», что должно учитываться при научных исследованиях. В то же время интересы остаются движущей силой динамики отношений в обществе.

Согласно национальному законодательству в гражданском судопроизводстве интерес в качестве непосредственного объекта защиты в судебном процессе определен в ст. 2 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации – задачами гражданского судопроизводства являются правильное и своевременное рассмотрение и разрешение гражданских дел в целях защиты нарушенных или оспариваемых прав, свобод и законных интересов граждан, организаций, прав и интересов Российской Федерации, субъектов Российской Федерации, муниципальных образований, других лиц, являющихся субъектами гражданских, трудовых или иных правоотношений.

В гражданских процессуальных законах других государств интерес также отображается как объект защиты, однако не в такой прямой форме. Например, в соответствии со ст. 70 Гражданского процессуального кодекса Италии основанием для вступления прокурора в дело являются случаи, когда в защите нуждаются общественные интересы. В статье 7 Гражданского процессуального кодекса Польши речь идет о таком основании для участия прокурора в любом уже начатом рассмотрении дела как необходимость защиты законности, прав граждан или социальных интересов.

В своей деятельности Европейский суд по правам человека руководствуется принципом верховенства права, составляющими которого, как позволяет установить анализ практики ЕСПЧ по вопросам толкования Конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 года, являются:

– признание приоритетности прав человека в деятельности государства;

– наличие средств правовой защиты от произвольного вмешательства публичной власти в осуществление гарантированных прав;

– судебный контроль за исполнительной ветвью власти;

– определенность законом объёма любого правового усмотрения и способа его осуществления;

– запрет произвольного лишения свободы;

– сбалансированность интересов отдельного индивида с интересами других членов общества;

– судебный контроль за законностью задержания или содержания под стражей;

– светский характер государства;

– доступ к суду;

– обязательность выполнения решений суда;

– субъективная беспристрастность суда;

– исключение вмешательства законодателя в процесс осуществления правосудия;

– принцип правовой определенности;

– непротиворечивость верховенству права как требование к качеству закона, в частности, его содержательное соответствие правам человека, фактическая доступность и ясность;

– неизменность, неоспоримость окончательного решения, вступившего в законную силу;

– наличие общественного доверия к судам и т.п.

Существование интересов в качестве объекта защиты, а также в качестве мерила ограничения прав человека, требует выяснения возможных форм соотношения интересов в праве, и, в частности, при осуществлении правосудия.

Интересы находятся в объективе внимания многих наук, и, в том числе, юридической. При этом интерес в праве изучается всеми ее отраслями. Отдельного внимания категория интереса в Российской Федерации заслужила в связи с деятельностью Европейского суда по правам человека. Несмотря на то, что объектом защиты по Конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 года является права и свободы человека, интерес, по сути, может быть определен как дополнительный объект защиты как в практике национальных судов, так и Европейского суда ввиду того, что «интересы» звучат достаточно часто в тексте Конвенции, а деятельность Европейского суда сводится к установления факта наличия/отсутствия равновесия между конкурирующими интересами.

Говоря об интересах и их соотношении в смысле возможности соотнесения между собой в рамках этой работы, то следует сделать оговорку об ограниченности объёма работы и неокончательности сделанных выводов.

Право существует и функционирует в мире противоположностей. Для того, чтобы была справедливость, должна быть и несправедливость, для того, чтобы говорить о равенстве, должно существовать и неравенство. Право человека всегда имманентно содержит в себе идею частного интереса. Для того, чтобы определять частный интерес, должен быть противоположный или противопоставленный ему интерес. Человек является

социальным существом и, находясь в обществе, его интересы постоянно сталкиваются с интересами других лиц, различных групп, общества в целом. Кроме того, есть государство с его собственными государственными интересами, которые в свою очередь также могут противопоставляться, хотя и не всегда, частным интересам конкретного лица.

Противопоставленными частным интересам лица в случае рассмотрения дела Европейским судом являются те интересы, которые сформулированы в Конвенции как элемент допустимых ограничений прав человека. Формулируя основные права человека, гарантировать которые обязались Государства-участники Конвенции, последняя содержит практически по каждому праву возможность ограничения или вмешательства.

Анализируя такие ограничения можно выделить три составляющие условий оправданности возможности ограничения или вмешательства:

– вмешательство осуществлено «по закону»;
– оно соответствует законной (легитимной) цели;
– оно «необходимо в демократическом обществе».

Именно «необходимость в демократическом обществе» и содержит в себе этакий конкурирующий частному интерес. Такая необходимость обусловлена причинами, оправдывающими вмешательство, которые, в свою очередь, должны быть «соответствующими и достаточными», для такого вмешательства должна быть «насущная общественная потребность», а само вмешательство – пропорциональным законной цели. По своей сути общественная потребность, осознанная и мотивирующая деятельность соответствующих лиц, становится интересом-конкурентом.

Наличие конкурирующих интересов постоянно находится в поле зрения Европейского Суда, который призван установить равновесие между ними. В деле «Волчкова и Миронов (Volchkova and Mironov) против Российской Федерации» (жалобы N 45668/05 и 2292/06), в пункте 122 постановления от 28 марта 2017 г. по делу[1], и в деле «Котов (Kotov) против Российской Федерации» (жалоба N 54522/00) в пункте 115 постановления от 3 апреля 2012 г. по делу[2] Судом специально отмечено, что, чтобы оценить соответствие действий государства требованиям статьи 1 Протокола № 1 к Конвенции [о защите прав человека и основных свобод] Европейский Суд должен провести всестороннее исследование различных интересов, учитывая тот факт, что Конвенция предназначена для того, чтобы гарантировать права, которые являются «практическими и эффективными», а не теоретическими или иллюзорными. Необходимо заглянуть дальше внешней видимости и изучить реальную ситуацию с учётом всех соответствующих обстоятельств, включая поведение сторон при рассмотрении дела, средства, используемые государством, и их реализацию.

---

[1] Бюллетень Европейского Суда по правам человека. Российское издание. 2018. N 5.
[2] Бюллетень Европейского Суда по правам человека.2012. N 6.

При исследовании какого-либо конкретного частного интереса ему следует противопоставлять иной интерес, который может быть не только публичным (общественным, государственным), но и другим частным интересом. В деле «Таммер против Эстонии» (Tammer v. Estonia), (жалоба № 41205/98) Суд установил, что речь идет о конфликте между правом распространять идеи и правом на защиту репутации и прав других лиц (п. 69)[1], то есть конфликтующими выступили два частных интересах.

Правоотношения, объективное право и судебная практика, тем не менее, демонстрируют наглядные примеры сосуществования (частичного или полного совпадения) интересов. Так, в крайних случаях суд может принять решение, выходя за пределы заявленных требований (применить последствия недействительности сделки в случае, если заявлено требование о недействительности сделки; взыскать средний заработок за время вынужденного прогула при рассмотрении и разрешении дела о признании увольнения незаконным и т.п.). Представляется, что в данном случае законодателем и судебной практикой преследуется цель правовой определенности.

В семейном законодательстве достаточно широко допускается возможность обращения органов опеки и попечительства в суд в интересах ребенка. Субъект одних интересов своими действиями реализует интересы другого. В любом случае, когда проявляется реализация функционального («служебного») интереса субъектов уполномоченных действовать для защиты прав и интересов третьих лиц, объективируется такая форма соотношения интересов как совпадение.

Каждая из указанных форм взаимодействия имеет свои особенности и модели правового реагирования на них. Важными в современных условиях представляются вопросы относительно основных конструктивных элементов механизма корректировки этих форм соотношения.

У.С. Ашихмина
студентка института магистратуры СПбГЭУ
Магистерская программа
«Гражданское право, семейное право»

АВТОРСКИЕ И СМЕЖНЫЕ ПРАВА В ПЕРИОД ПАНДЕМИИ

2020 год запомнится миру не с лучшей стороны. Всем странам, которых коснулась болезнь COVID-19, пришлось очень быстро перестраивать свою экономику, общественную жизнь. Люди не были готовы к та-

[1] http://www.echr.ru/documents/doc/6032304/6032304.htm .

ким переменам. Однако, взглянув вокруг сейчас, можно увидеть, что все прошедшее сподвигло многих покорить новые горизонты, начать развиваться в новых сферах. Касаемо авторского и смежного права, преимущественно этой сферой развития оказалось киберпространство.

После запретов на проведение массовых мероприятий культурно-досуговая сфера фактически прекратила свою деятельность. Спектакли, киносеансы, выставки и многое другое были отменены. Так, данный факт лишь ускорил процесс перехода досуга в режим онлайн. Эрмитаж, Третьяковская галерея транслировали лекции и выставки на сайтах Интернета; Большой театр на Таганке, Электротеатр Станиславского проводили онлайн-трансляции спектаклей. Но каким образом организовывали данные проекты со стороны закона, как оплачивали использование объектов авторского и смежного права?

Законодательной почвой к приостановлению допуска посетителей явился Приказ Минкультуры России от 16 марта 2020 №357 «О деятельности находящихся в ведении Минкультуры России организаций в условиях угрозы распространения новой коронавирусной инфекции (2019-nCoV) на территории Российской Федерации». На его основании все организации культуры активно начали внедрять «онлайн-контент».

Но сразу же возникла проблема урегулирования вопроса вознаграждения авторов произведений музыки, литературы, искусства. В статье Кирилла Крок (директор театра им. Вахтангова) «Будет выжженная земля»: что ждет театры после карантина»[1] указывается, что после объявления о начале интернет-трансляций многие театры получили письма от ООО «Театральный агент» с требованиями срочно дополнительно урегулировать вопрос о разрешении авторов на другой тип использования прав, то есть через интернет, в ином случае будут судебные разбирательства.

Следует заметить, что ООО «Театральный агент» официальный представитель Российского авторского общества и является посредником между авторами и театрами, который осуществляет функции по реализации и защите авторских прав. Указание на необходимость дополнительно урегулировать вопрос использования объектов авторских прав онлайн законно обосновано. На основании ст. 1286 ГК РФ по лицензионному договору лицензиар предоставляет лицензиату право использования произведения в установленных договором пределах. Как указал руководитель юридической службы Федерального центра поддержки гастрольной деятельности И. Морозов: «В договоре на передачу прав должны быть обозначены все возможные способы использования про-

[1] Крок К. Будет выжженная земля»: что ждет театры после карантина. URL: https://www.forbes.ru/biznes/396539-budet-vyzhzhennaya-zemlya-chto-zhdet-teatry-posle-karantina (дата обращения: 04.04.2021).

изведения»[1]. И поэтому новый способ использования объекта – в Интернете, должен быть закреплен непосредственно в договоре, а также нужно обозначить вознаграждение за данное использование.

В ст. 1270 ГК РФ указывается открытый перечень способов, которыми автор произведения вправе пользоваться. Из них доведение произведения до всеобщего сведения относится прямо к сложившейся ситуации в период пандемии, а именно к онлайн-трансляциям.

Однако в дальнейшем ООО «Театральный агент» выступило с инициативой «о содействии театрам в получении разрешений авторов на использование произведений без выплаты авторских отчислений»1, понимая то, что театрам и иным субъектам культурной деятельности тяжело переживать такое время.

ООО «Театральный агент» обратился к министру культуры Ольге Любимовой с открытым письмом, в котором обратил внимание, что в условиях недоступности обычной культурно-развлекательной деятельности «единственным способом поддержать сограждан в условиях вынужденной самоизоляции и ограничений является предоставление возможности просмотра спектаклей в формате трансляций посредством глобальной сети Интернет» [2]. В связи с тем, что театры не ставят перед собой цели извлечения прибыли и иных выгод путем показа онлайн-трансляций, ООО «Театральный агент» выражает готовность отказаться от получения авторского вознаграждения на период коронавируса.

Однако Министерство культуры РФ обратили внимание, что вне зависимости от коммерческой или некоммерческой цели использование произведений в режиме онлайн правомерно только при наличии письменного соглашения автора, оформленного в виде дополнения или отдельного договора. Нужно заметить, что данные действия были лишь инициативой, неким призывом для авторов помочь театрально-досуговой деятельности пережить такие непростые времена. И требование отчисления даже за бесплатный показ спектакля в Интернете остается правом автора, которое никто у него отнять не может.

Указанные положения касаются авторов произведений. Так как в данной статье речь идет о спектаклях, необходимо обратить внимание, что спектакль относится к сложным объектам в соответствии с ст. 1240 ГК РФ. А это означает, что в спектакле присутствуют авторы литератур-

---

[1] Чеснокова Е. По нынешним сценам: как сохранить зрителя и не поссориться с авторами // URL: https://iz.ru/992935/daniil-poliakov/po-nyneshnim-stcenam-kak-sokhranit-zritelia-i-ne-possoritsia-s-avtorami (дата обращения 04.04.2021).

[2]Варшавская Ю. Авторские права на карантине: как правообладатели поддерживают театры в трудную минуту. URL: https://www.forbes.ru/forbeslife/396159-avtorskie-prava-na-karantine-kak-pravoobladateli-podderzhivayut-teatry-v-trudnuyu (дата обращения 04.04.2021).

ного произведения, авторы музыки, авторы песен, художники и т. п. И для того, чтобы реализовать спектакль, лицу, которое создает сложный объект, на основании лицензионных договоров предоставляется право использования данных объектов авторских прав способами, указанными в договоре.

Стоит отметить, что для воплощения спектакля в жизнь необходима его постановка, которая относится к объектам смежных прав: результаты исполнительской деятельности. Как правило, именно режиссер-постановщик отвечает за саму постановку спектакля. Однако в таком сложном объекте так же возникают смежные права артистов-исполнителей, которые являются непосредственными участниками такого процесса.

В период коронавируса 28 апреля 2020 года для России вступил в силу Пекинский договор по аудиовизуальным произведениям[1] (ПДАИ), к которому присоединилось 30 государств для придания ему юридической силы. Данный договор положительно скажется на российских исполнителях в связи с тем, что в нем исполнителям предоставляется четыре вида имущественных прав в отношении исполнений, записанных в аудиовизуальных записях (например, записанный на видео спектакль): право на воспроизведение, право на распространение, право на прокат, право на доведение до всеобщего сведения. А для незаписанных исполнений устанавливаются три вида имущественных прав: право на эфирное вещание, право на сообщение для всеобщего сведения, право на запись.

Помимо этого, для исполнителей установлены личные неимущественные права: право требовать быть признанным в качестве исполнителя и право возражать против всякого извращения, искажения или иного изменения, способного нанести ущерб репутации исполнителя, с должным учетом характера аудиовизуальных записей.

Указывается, что в национальном законодательстве, если исполнитель выразил согласие на аудиовизуальную запись исполнения, исключительные права передаются изготовителю записи, если только договором не установлено иное. Однако в любом случае исполнителю может быть предоставлено национальным законодательством или соглашениями право на получение роялти или справедливого вознаграждения за любое использование исполнения.

Таким образом, повышается статус исполнителей аудиовизуальных произведений, обеспечивается вознаграждение их труда. Ранее до принятия данного договора актеры получали оплату своего труда только единожды по договору – гонорар. После этого распространение аудиовизу-

---

[1] Пекинский договор по аудиовизуальным исполнениям от 24 июня 2012, вступил в силу 28 апреля 2020 // URL: https://www.wipo.int/treaties/ru/ip/beijing/index.html (дата обращения 04.04.2021).

ального произведения в Интернете и получение с этого дохода уже никак самих актеров не касалось.

По существующей российской системе исполнители получают вознаграждение по окончании съемки. По системе Пекинского договора предполагается, что актеры будут получать роялти в зависимости от популярности и распространения фильма или спектакля в Интернет-сети.

Также, если у авторов существуют специальные организации по коллективному управлению правам, например, Российское авторское общество, которое отстаивает права и интересы авторов. В то время у исполнителей такого посредника нет, что является безусловным пробелом в российской сфере смежных прав. Решение этого вопроса видится в том случае, если само актерское сообщество начнет действовать и инициирует создание такого координирующего посредника.

В выпуске Creative Global Talks на тему «Пекинский договор: от Рима до Пекина», который организован Евразийской конфедерацией обществ правообладателей[1], Заместителем председателя Комиссии по вопросам развития культуры и сохранения духовного наследия Общественной палаты Российской Федерации Денисом Кирис высказана мысль, что Пекинский договор сподвигнет национальное законодательство России к внесению изменений и поправок в четвертую часть Гражданского кодекса РФ по урегулированию прав исполнителей, в том числе в статью 1263, в которой сейчас актеры-исполнители не входят в список авторов аудиовизуального произведения, а потому лишены вознаграждений за показ такого произведения онлайн.

Однако есть мнение, что к данному договору в российских реалиях относятся достаточно скептично, т. к. в странах, присоединившихся к договору, отсутствуют США, Франция, Германия и некоторые другие государства, которые являются основными мировыми субъектами, представляющими культурно-досуговую аудиовизуальную сферу.

Таким образом, пандемия внесла кардинальные изменения в сферу использования авторских и смежных прав. Вся культурно-развлекательная деятельность перешла в онлайн режим. Ввиду возникших трудностей авторское сообщество пошло навстречу театральной деятельности и не требовало оплаты использования объектов авторских прав в онлайн-трансляциях. Однако нужно заметить, что такая деятельность должна оформляться в соответствии с действующими нормами четвертой части Гражданского кодекса РФ.

Помимо этого, так совпало, что в карантин вступил в действие Пекинский договор по аудиовизуальным произведениям, который должен повы-

---

[1] CreativeGlobalTalks, выпуск 1 «Пекинский договор: от Рима до Пекина» // URL: https://eacop.org/creative-global-talks/ (дата обращения 04.04.2021).

сить статус исполнителей в творческой среде. Однако при внедрении новых изменений в законодательство относительно изменения системы выплаты вознаграждения актерам-исполнителям возникает трудность. В жизненных реалиях при показе бесплатных онлайн-трансляций спектаклей, как это было в коронавирус, у режиссеров-постановщиков не было возможности оплачивать использование объектов авторских и смежных прав, так как такие показы осуществлялись безвозмездно. У людей, оказавшихся без работы в этот период, не было бы финансов оплачивать платные онлайн-сеансы.

Но сам факт внедрения Пекинского договора в национальное законодательство государства уже имеет большое значение, т. к. проблема оплаты труда актеров-исполнителей таким образом поднимается на обсуждение и становится актуальной.

О.Ю. Голованова,
аспирант кафедры гражданского
и корпоративного права СПбГЭУ

ПРАВОВЫЕ СРЕДСТВА ЗАЩИТЫ ПРАВ (ЗАКОННЫХ ИНТЕРЕСОВ) УЧАСТНИКОВ ЗАКУПОЧНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ: ПОНЯТИЕ И КЛАССИФИКАЦИЯ

По итогам 2019 года объем договоров, заключенных в результате государственных и корпоративных закупок, составил 31,6 трлн рублей, или почти 29 % ВВП[1]. Значимость эффективности указанных закупочных процедур для экономического развития страны очевидна. При этом, растущая динамика количества выявленных нарушений в указанной сфере свидетельствует о том, что действующая система правового регулирования не обеспечивает надлежащим образом неукоснительное соблюдение нормативных предписаний участниками данного процесса[2].

Так, ФАС России в 2019 году, в результате рассмотрения жалоб и осуществления проверок выявлено 38 641 нарушение в сфере Законода-

---

[1] См. Отчет о результатах экспертно-аналитического мероприятия Счетной палаты Российской Федерации «Мониторинг развития системы государственных и закупок в Российской Федерации за 2019 год». [Электронный ресурс].URL:https://ach.gov.ru/upload/iblock/fea/fea86920fc7f4c8b39262ce74beb32d8.pdf. С. 2

[2] Отчет о результатах экспертно-аналитического мероприятия Счетной палаты Российской Федерации «Мониторинг развития системы государственных и корпоративных закупок в Российской Федерации за 2019 год». С.5 (рисунок 3). [Электронныйресурс].URL:https://ach.gov.ru/upload/iblock/fea/fea86920fc7f4c8b39262ce74beb32d8.pdf. С. 2

тельства о контрактной системе (ФЗ № 44). При этом ведомство указывает, что 29 109 жалоб на действия (бездействия) субъектов контроля при осуществлении закупок признаны обоснованными (в том числе частично). Исходя из приведенных данных следует, что 75% нарушений ФАС России выявило и установило по результатам рассмотрения обращений, то есть, – по инициативе заявителей. Из приведенных данных следует, что инициативный порядок защиты своих прав участниками процесса закупочной деятельности является мощнейшим средством, обеспечивающим соблюдение законности в рассматриваемой сфере.

Вышеизложенное обуславливает необходимость полного и всестороннего изучения правовых средств защиты прав (законных интересов) участников закупочной деятельности. Непосредственно добросовестный участник закупки, в смысле, придаваемом данному понятию ФЗ № 44, является лицом, заинтересованным в соблюдении законности в сфере публичных закупок, напрямую заинтересован в недопущении необоснованного ограничения конкуренции, и в свободном доступе к полной и достоверной информации в указанной сфере. При этом, принципы открытости и прозрачности, а также обеспечения конкуренции в сфере закупок товаров и услуг для государственных и муниципальных нужд первыми упомянуты законодателем в ФЗ № 44.

Указанное свидетельствует о полном совпадении базовых интересов добросовестного участника закупки с интересами государства в области действия законодательства о контрактной системе. Таким образом, обеспечение и защита законных прав (интересов) участника закупки, является непосредственной гарантией соблюдения принципов и достижения целей закупочной деятельности публичных образований.

Говоря об основных правах и законных интересах участника закупки выделим, для наглядности право на участие в закупке, право на заключение контракта и иные, вытекающие из заключения договора (контракта) права. Указанные права представляют собой ни что иное как социальные притязания, права и свободы участника (потенциального участника) закупки.

Вместе с тем, социальные притязания, права и свободы лишь один из основных элементов права в его обширном понимании[1]. Таковые, как определено учеными дополняются действующим, позитивным правом, а также субъективными правами – т.е. реальными возможностями, которые имеют субъекты на основе норм объективного права.

В этой связи справедливо привести высказывание В.П. Грибанова: «Субъективное право, предоставленное лицу, но не обеспеченное от его нарушения необходимыми средствами защиты, является лишь

---

[1] См. Теория государства и права / Под ред. В. М. Корельского и В. Д. Перевалова. М., 1997. С. 230-231.

декларативным правом и может рассчитывать лишь на добровольное уважение»[1].

Таким образом, провозглашение определённого права субъекта, бессмысленно в отсутствии обеспечения его соответствующим реальными возможностями и средствами защиты, закрепленными действующим позитивным правом.

В указанной связи, именно реальные возможности и средства защиты основных прав и законных интересов участника публичной закупки выступят в качестве предмета настоящего исследования. При этом, задачей настоящего исследования представляется определение и классификация существующих правовых средств защиты законных прав (интересов) участника закупки в рамках ФЗ № 44.

Представляется, что защита гражданских прав прежде всего обеспечивается правовой активностью – юридической деятельностью субъектов по принятию юридических решений и достижению социальных результатов с помощью автономных правовых средств децентрализованного регулирования[2].

Итак, защита законных интересов участника публичной закупки может быть обеспечена правовой активностью самого участника закупки, правовой активностью уполномоченных органов, активностью иных лиц (например, общественных объединений).

Право на доступ к информации о закупках, на наш взгляд является первостепенным, и на этапе построения прозрачной и доступной системы закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд законодателем в последние годы приняты колоссальные усилия, так с 1 января 2011 года региональные имуниципальные заказчики были обязаны публиковать сведения об аукционах на едином портале zakupki.gov.ru. Действующее законодательство регламентирует работу портала zakupki.gov.ru, – Единой информационной системы в сфере закупок (ЕИС), порядок и правила функционирования которой регламентированы Постановлением Правительства РФ от 23 декабря 2015 N 1414. Указанная система обеспечивает участникам контрактной системы в сфере закупок доступ к информации о закупках, а также, по существу, возможность контроля неограниченного круга субъектов за соответствием требованиям законодательства представленной на портале информации и документов.

Единая информационная система в сфере закупок, в нашем понимании, является реально функционирующим инструментом защиты прав и

---

[1] См.: Грибанов В. П. Пределы осуществления и защиты гражданских прав. М.,1972. С. 96.

[2] См.: Сапун В. А. Теория правовых средств и механизм реализации права. СПб., СПбГУП, 2002. (Сер. «Новое в гуманитарных науках». Вып. 8). С. 120.

законных интересов участника публичных закупок, работа которого обеспечена правовой активностью уполномоченного органа, в данном случае, – Федерального казначейства.

Таким образом, базовое право на доступ к информации о закупках товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд обеспечено таким инструментом как единая информационная система, и защищено властно-распорядительными полномочиями органа, осуществляющего контроль за функционированием системы и исполнением определенных субъектов обязательств по предоставлению соответствующей информации к включению в ЕИС.

Важная особенность указанной информационной системы состоит в том, что в ней отражаются сведения с момента планирования закупок заказчиком, следовательно, уже на данном этапе заинтересованные лица имеют возможность выявить и пресечь нарушения прав и законных интересов участников публичной закупки.

Государственный контроль в сфере закупок, а, следовательно, юрисдикционную защиту интересов участника публичной закупки обеспечивают, прежде всего, Федеральная Антимонопольная служба, Федеральное казначейство (ст. 99 ФЗ № 44 «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд»).

Полномочия Федерального казначейство ограничены в общем виде контролем соблюдения бюджетного законодательства, правил и нормативов расходования бюджетных средств, а также полноты и достоверности отчетности по результатам такого расходования (ч. 5 ст. 99 ФЗ № 44). Безусловно, указанные контрольные полномочия отвечают целям защиты прав и законных интересов добросовестного участника публичных закупок в той мере, в которой, они, к примеру, обеспечивают соблюдение правил нормирования в сфере закупок и обоснование начальной (максимальной) цены контракта, включенной в план-график закупок.

Федеральная Антимонопольная служба определена федеральным органом исполнительной власти, уполномоченным на осуществление контроля (надзора) в сфере государственного оборонного заказа и в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд, а также согласование применения закрытых способов определения поставщиков (подрядчиков, исполнителей) Постановлением Правительства РФ от 26 августа 2013 N 728. Именно указанный орган, согласно положению, утвержденному Постановлением Правительства РФ от 30.06.2004 N 331 осуществляет контроль за соблюдением заказчиками законодательства Российской Федерации и иных нормативных правовых актов о контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муни-

ципальных нужд (п. 5.3.1.12.), рассматривает жалобы на действия (бездействие) заказчика (п. 5.3.9.).

Прокуратура РФ также усиливает надзор за исполнением требований федеральных законов от ФЗ № 44 и ФЗ от 18.07.2011 N 223-ФЗ «О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц», а также иных взаимосвязанных с ними нормативных правовых актов в данной области. Так, Приказ Генпрокуратуры России от 14 января 2021 N 6 "Об организации прокурорского надзора за исполнением законодательства в сфере закупок» предписывает усилить надзор за законностью нормативных правовых актов в сфере закупок, в том числе за их соответствием законодательству о противодействии коррупции.

Иным государственным органом, обеспечивающим гарантии государственной защиты прав и законных интересов субъектов предпринимательской деятельности, выступает Уполномоченный при Президенте Российской Федерации по защите прав предпринимателей (Федеральный закон от 07.05.2013 N 78-ФЗ «Об уполномоченных по защите прав предпринимателей в Российской Федерации»). Соответственно защита прав и законных интересов предпринимателей, как участника госзакупки также является одним из направлений деятельности бизнес омбудсмена. Бизнес омбудсмен предпринимает активные меры, направленные на защиту конкуренции[1], выступает с законодательными инициативами, направленными на защиту интересов участников публичных закупок[2].

Итак, рассмотрев юрисдикционные правовые средства защиты интересов участника публичных закупок, обеспеченные властными, законодательно закрепленными полномочиями государственных органов, мы должны отметить следующее. Правовая активность указанных выше компетентных органов может быть обусловлена как исполнением их контрольных и/или мониторинговых полномочий, так и инициативой самого участника закупки в виде подачи жалобы или обращения.

Нормативно не закреплен порядок судебной защиты прав и законных интересов участников публичной закупки на этапе планирования закупочной деятельности. Отсутствует практика рассмотрения судом требований участника публичной закупки об устранении нарушений его законных интересов действиями заказчика, связанными с планированием закупочной деятельности. В тоже время представляется логичным, что ст. 198 АПК РФ предоставляет в некоторых случаях такую возможность.

---

[1] См. Н. Решетникова. Бизнес-омбудсмен РФ вступился за предпринимателей Новосибирска// Российская газета – Экономика Сибири № 209(8263). интернет-портал «Российской газеты» [Электронный ресурс].URL:https://rg.ru/2020/09/17/reg-sibfo/biznes-ombudsmen-rf-vstupilsia-za-predprinimatelej-novosibirska.html .

[2] См. информационно-правовой портал ГАРАНТ.РУ [Электронный ресурс]. URL:https://www.garant.ru/news/1287304/ .

Бесспорными являются юрисдикционные средства защиты прав и законных интересов участника публичных закупок, выраженные в судебной защите, на этапе определения поставщиков (подрядчиков, исполнителей), а также на всех этапах исполнения контракта (договора). Судебная практика свидетельствует о рассмотрении судами исковых требований о признании незаконными положений закупочной документации. Несмотря на то, что в основном практика сводится к оспариванию решений ФАС РФ, по своему целевому назначению подобные споры направлены на защиту прав и законных интересов участников публичных закупок.

Отдельно следует отметить право судебной защиты, предоставленное п.1 ст.449 ГК РФ, согласно которому торги, проведенные с нарушением правил, установленных законом, могут быть признаны судом недействительными по иску заинтересованного лица в течение одного года со дня проведения торгов.

На стадии планирования закупки мы можем констатировать полное отсутствие у участника средств неюрисдикционной защиты своих прав. В то время, как на этапе определения поставщиков (подрядчиков, исполнителей) посредствам конкурса и аукциона, участник получает такой инструмент неюрисдикционной самозащиты своих прав, как запрос о даче разъяснений (ст. 50, 65 ФЗ № 44). Указанный инструмент предоставляет участнику возможность указать на вероятные ошибки, допущенныезаказчиком при формировании документации, уточнить технические и иные вопросы, тем самым, защитив своё право на доступ к закупке. Также способы неюрисдикционной защиты прав безусловно закрепляются в контракте (договоре), и действуют на всех этапах его исполнения. К ним, на наш взгляд можно отнести предусмотренные соглашением замечания, которые исполнитель может направить заказчику в случае неисполнения последним своих обязательств.

Дополнительным неюрисдикционным средством защиты прав и законных интересов участника публичной закупки является общественный контроль (ст. 102 ФЗ № 44). Так, в результате деятельности Общероссийского народного фронта созданного на базе проекта ОНФ «За честные закупки» (по данным самого общественного объединения), с 2013 года отменено и устранено нарушений в государственных закупках на сумму 315 млрд руб.

Понятие «средства защиты гражданских прав» использовалось нами в значении, определенном Б.С. Могуш, который указал, что: «средства защиты гражданских прав это система элементов, состоящая из форм, способов и порядка защиты имущественных и личных неимущественных прав субъектов гражданских отношений»[1].

---

[1] Монгуш Б.С. Средства защиты гражданских прав// Вестник Саратовской государственной юридической академии. Дополнительный выпуск (85). 2012. С. 128-132.

Таким образом на различных этапах закупочной деятельности мы выделили юрисдикционные и неюрисдикционные правовые средства защиты прав и законных интересов участника публичной закупки, что согласуется с рядом уже сформированных подходов к изучению содержания понятия защита гражданских прав[1].

При этом, в рамках юрисдикционной защиты, участник вправе инициировать реализацию контрольно-надзорных полномочий, определенных действующим законодательством, в форме подачи жалобы (обращения). Однако, и в отсутствии обращений, такие формы защиты интересов участника публичной закупки как аудит, мониторинг, контроль и надзор уполномоченных органов, осуществляются на постоянной основе и также направлены на защиту прав и законных интересов участников публичных закупок.

Юрисдикционная защита в форме судебной защиты прав и законных интересов участника закупки наиболее активно применяется после определения исполнителя контракта (договора), к ней может прибегнуть как непосредственно исполнитель, так и иные участники, права и законные интересы которых были нарушены при проведении закупки.

Формы неюрисдикционной защиты прав, такие, как например подача запроса на предоставление разъяснений, предоставлена участникам конкурсов и аукционов, а также, безусловно, должна быть определена в положениях контракта (договора), заключаемого по результатам процедур определения поставщика (подрядчика, исполнителя).

Отдельной формой неюрисдикционной защиты прав и законных интересов участника закупки следует назвать деятельность общественных организаций, которая безусловно оказывает влияние на состояние законности в рассматриваемой сфере.

Изучение системы правовых средств защиты интересов участников публичных закупок, а также опубликование подобных исследований позволит указанным субъектам выбирать соответствующие способы защиты сообразно с целями такой защиты. Правовая активность участников закупок, направленная на отстаивание своих прав и законных интересов, ведёт к повышению эффективности публичных закупок, обеспечению свободы экономической деятельности и равенства предприятий всех форм собственности в рыночном обороте и, как следствие, к укреплению экономики государства.

---

[1] Гражданское право. Учебник. В трех томах./ под ред. А.П. Сергеева. М., Проспект. 2021. С. 544.
Абова Т.Е. Охрана хозяйственных прав предприятий. М., Юридлит. 1975. С. 102.

А.А. Ковалева,
студентка бакалавриата,
юридического факультета СПбГЭУ

ПАНДЕМИЯ КАК ГЛОБАЛЬНЫЙ ВЫЗОВ ДЛЯ МАЛОГО И СРЕДНЕГО БИЗНЕСА

Актуальность данной темы проявляется в том, что пандемия COVID-19 – это довлеющий фактор на все сферы экономики, но в большей мере это отразилось на малом и среднем предпринимательстве. Явно прослеживается изменение приоритетов государства, которые были направлены на достижение максимальных показателей экономики, на поддержку экономической стабильности на уже имеющемся уровне.

Большинство российских экспертов-экономистов придерживаются мнения, что пандемия отрицательно повлияла на экономику мира и привела Россию к ряду финансовых проблем.

В условиях изоляции действие ограничительных мер привело к снижению активности, как предпринимателей, так и покупателей вследствие падения их доходов. Из-за боязни коронавируса поменялись спрос и предложение, сократилось производство товаров, работ и предоставления услуг. Некоторые из предпринимателей приспособились к условиям, но большинство заявило о своем банкротстве.

Тема COVID-19 заставила задуматься над базовыми институтами гражданского права и внести определенные коррективы для соблюдения интересов сторон в сфере предпринимательства.

На изменяющуюся санитарно-эпидемиологическую обстановку Правительство отреагировало путем внесения изменений в законодательные акты. Прежде всего, важно указать, что Правительство РФ Постановлением от 3 апреля 2020 г. №434 «Об утверждении перечня российской экономики, в наибольшей степени пострадавших в условиях ухудшения ситуации в результате распространения новой коронавирусной инфекции» утвердило список направлений оказания финансово помощи:

- перевозка;
- туризм;
- гостиничный бизнес;
- общественное питание;
- кинотеатры, выставки и иной досуг;
- спорт;
- бытовые услуги и розничная торговля[1].

[1] Гапов М.Р., Хубиева Д.К. Малове и среднее предпринимательство в период пандемии // Московский экономический журнал. 2020. №9. С.202.

Этот перечень установлен неспроста. Тем предпринимателям, которые ведут такую деятельность, предоставляется поддержка со стороны государства. Причина этому наибольшая подверженность наступлению банкротства в связи с пандемией.

Это повлекло за собой принятие соответствующих поправок в законы для поддержания субъектов малого и среднего бизнеса. Так были внесены изменения в отдельные законодательные акты в части особенностей изменения условий кредитного договора[1]. Помимо этого Правительство приняло ряд постановлений, обеспечивающих предоставление финансовой помощи в виде льготных кредитов на неотложные нужды и субсидий.

Льгота в виде субсидии выдается на безвозвратной основе за счет средств федерального бюджета. Для реализации из резервного фонда Правительства РФ Казначейству было выделено ассигнований на сумму 81.1 млрд.руб[2]. Выплата субсидии рассчитывается из количества сотрудников в расчете, что на каждого выдается сумма равная МРОТ. Но данная льгота должна быть применена только в случае сохранения за работодателем не менее 90% работников.[3]

Льготные кредиты и субсидии напрямую касаются тех, кто работает в отраслях, требующих поддержки и предназначены для погашения задолженности по кредитным договорам, выплату заработной платы и для возобновления деятельности.

На практике также была введена отсрочка арендных платежей, которую можно будет погасить поэтапно. Новые сроки появились и для налогов, отчетности и страховых платежей. Правительство продлило срок сдачи деклараций, расчетов по авансовым платежам и бухгалтерской отчетности. Еще одной мерой поддержки стали налоговые каникулы.

Можно выделить также другие виды поддержки малого и среднего бизнеса, как:

– поручительские гарантии. Если предприниматель не имеет залога для получения кредита, то он обращается в Гарантийный фонд, а тот

---

[1] Федеральный закон от 03 апреля 2020 № 106-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» и отдельные законодательные акты Российской Федерации в части особенностей изменения условий кредитного договора, договора займа» // Собрание законодательства РФ. 2020. № 14 (часть I). Ст. 2036.

[2] Распоряжение Правительства РФ от 08.05.2020 № 1229-р «О выделении в 2020 году бюджетных ассигнований на предоставление субсидий субъектам малого и среднего предпринимательства, ведущим деятельность в отраслях экономики, наиболее пострадавших в результате распространения коронавирусной инфекции» // http://government.ru/docs/39663/ .

[3] Савостьянова С.А. Финансово-правовой аспект государственной поддержки малого бизнеса в чрезвычайных условиях // Образование и право. 2020. №4. С.190.

в свою очередь выступает поручителем. Но Фонд выдвигает ряд требований для получения поручительства:срок работы предприятия с момента регистрации не менее 6 месяцев, финансовый результат должен иметь положительное значение, численность сотрудников не более 100 человек (без учета сезонных рабочих), кредит может быть предоставлен только субъектам малого и среднего предпринимательства, которые могут получать поддержку РГО в соответствии с ФЗ № 209 от 24 июля 2007 «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации»,быть резидентом РФ, за исключением случаев, предусмотренных международными договорами, отсутствие просроченной задолженности по налогам и сборам, хорошая кредитная история (при наличии уже имеющихся кредитных договоров или договоров займа), в течение двух лет до обращения за поручительства в отношении бизнесмена не должны были проводиться процедуры несостоятельности, такие как внешнее управление, наблюдение, конкурсное производство финансовое оздоровление, и др.

– гранты. В рамках получения помощи по программе предоставляется помощь на решение неотложных задач, в том числе на выплату заработной платы. Чаще всего их получают инновационные предприятия, проекты с высокой социальной значимостью, производство и агропромышленный сектор, торговля.

Также для предпринимателей предусмотрена и нефинансовая помощь. Это различные форумы, консультации, тренинги и т.д.

Кажется, что вариантов поддержки много, но по факту практика показывает, что выплаты получили не все предприниматели. Это связано с привязкой к конкретным кодам по ОКВЕД.

Второй минус, это то, что налоги представляют собой лишь малую часть расходов предпринимателя. Финансовая помощь в основном уходит на выплату заработной платы, а что делать с оплатой аренды не ясно, так как несмотря на отсрочку платить все равно придется, а для предпринимателя пока нет перспективы на получения дохода несмотря на то, что ограничительные меры постепенно снимаются.

Суды высших инстанций также своевременно составили обзоры судебной практики и попытались внести ясность в применение законодательства в условиях пандемии.

Непреодолима сила – это первое, о чем подумает каждый, кто хоть раз задумывался о ситуации на рынке. В п.3 ст.401 ГК РФ указывается, что если неисполнение обязательств по договору было вызвано наступлением обстоятельств непреодолимой силы, то сторона освобождается от ответственности за неисполнение. Но Верховный суд РФ дал важные разъяснения по данному вопросу. Признание коронавирусной инфекции не является универсальным для всех категорий предпринима-

телей. Суды устанавливают, является ли пандемия обстоятельством непреодолимой силы непосредственно индивидуально для каждого дела. Фактически суд говорит о том, что ковидная инфекция не является непреодолимой силой, но в каждом деле разберутся суды[1].

Таким образом, пандемия и карантинные меры в одних случаях могут быть признаны обстоятельствами непреодолимой силы, а в других нет.

По общему правилу, отсутствие денежных средств не является основанием для освобождения от ответственности, но если отсутствие обусловлено введением ограничительных мер, то оно может быть признано основанием для освобождения от ответственности за неисполнение или ненадлежащее исполнение обязательств по ст.401 ГК РФ. При этом важно указать, что пандемия не прекращает обязательств, если исполнение остается возможным.

Интересно отметить, что торговые партнёры России из Китая давно пришли к тому, что поставщикам товаров и услуг, приостанавливающих деятельность, ссылаясь на обстоятельства непреодолимой силы, выдаются свидетельства о наступлении обстоятельств непреодолимой силы. Однако российские поставщики несут ответственность за неисполнение своих обязательств.

Тем не менее, малый и средний бизнес оказался в ситуации, когда предусмотренная поддержка была малоэффективной и не позволила сохранить бизнес без каких-либо потерь. Сложность данной ситуации подтверждается тем, что нельзя до сих пор спрогнозировать финансовую стабильность предпринимателя на будущее.

Подводя итог, необходимо указать, что явно прослеживаются попытки государства сохранить и поддержать субъектов малого и среднего бизнеса, но говорить об их эффективности сложно.

О.С. Лабабуева,
студентка института магистратуры СПбГЭУ,
магистерская программа «Экономическое право»

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ БАНК РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ КАК СУБЪЕКТ ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА

В государственном механизме важную роль играет Центральный Банк РФ (Далее – ЦБ РФ), который осуществляет свою деятельность на основе Федерального закона № 86 «О Центральном банке Российской Фе-

[1] Обзор по отдельным вопросам судебной практики, связанным с применением законодательства и мер по противодействию распространению на территории Российской Федерации новой коронавирусной инфекции (COVID-19) № 1 (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 21.04.2020) // Официальные документы. № 18-19. 2020.

дерации (Банке России)» от 10 июля 2002 (Далее ФЗ о ЦБ РФ). При этом ЦБ РФ выступает участником гражданского оборота. Однако в законодательстве и доктрине не определено точное место ЦБ РФ среди субъектов гражданского права. Попытка рассмотрения ЦБ РФ как субъекта гражданского права дает возможность выполнить правовой анализ особенностей, выявить пробелы в законодательном регулировании ЦБ РФ и дать рекомендации по совершенствованию законодательства.

Во-первых, следует отметить, что ЦБ РФ обладает рядом признаков государственного органа, имеющего свою компетенцию и полномочия реализовать от имени РФ как публично-правового образования права последнего. К таким признакам можно отнести:

- реализация властных полномочий;
- работа в рамках государственных функций
- право издавать нормативные акты
- функционирование исключительно на основе нормативных актов.

ЦБ РФ издает нормативно-правовые акты, которые обязательны для всех органов государственной власти, а также для кредитных организаций. Для последних ЦБ РФ устанавливает правила проведения банковских операций, финансовой отчетности, организации внутреннего контроля, а также другой информации, предусмотренной федеральными законами.

ЦБ РФ обладает экономической и организационной обособленностью и самостоятельностью, что вытекает из смысла ст.2 ФЗ о ЦБ РФ. Имущество ЦБ РФ является федеральной собственностью, но ЦБ РФ может владеть, пользоваться и распоряжаться имуществом. ЦБ РФ осуществляет свою деятельность за счет собственной прибыли – эмиссионного дохода от выпуска денег. Данный вид деятельности может осуществлять исключительно ЦБ РФ и только от имени государства. Данный доход может принимать форму прибыли, а может найти свое отражение в приросте капитала ЦБ РФ в связи с переоценкой его финансовых активов. При этом полученный доход остается федеральной собственностью. Таким образом, ЦБ РФ осуществляет функцию по эмиссии денег от имени публично-правового образования, что входит в его компетенцию.

Эмиссия для ЦБ РФ предоставляет пассивный доход, так как за счет выпуска денежных средств ЦБ РФ получает беспроцентные финансовые ресурсы, которые далее перемещаются в доходные активы, например, ценные бумаги. Государство не сможет выполнять свои функции в рамках кредитно-денежной политики без участия ЦБ РФ и хранящихся на счетах ЦБ РФ золотовалютных запасов, а также государство может процветать и без участия ЦБ РФ.

Сближает правовую природу ЦБ РФ с сущностью государственного органа и то, что он выполняет независимо от остальных органов власти возложенные на него федеральным законодательством функции и полно-

мочия. В частности, ЦБ РФ разрабатывает политику в кредитно-денежной сфере, выдает разрешение на ведение банковской деятельности (осуществляет лицензирование кредитной деятельности) и т.п.

Во-вторых, присущие ЦБ РФ признаки сближают его с такой категорией гражданского права как юридическое лицо. Именно так определяют его правовую природу многие ученые.

ЦБ РФ, как и любое юридическое лицо согласно ст. 48 ГК имеет обособленное имущество, может отвечать по собственным обязательствам всем своим имуществом, приобретает и осуществляет гражданские права, несет гражданские обязанности от собственного имени, выступает от собственного имени в суде (в качестве истца и ответчика, а также привлекается как третье (заинтересованное) лицо).

Согласно ст.2 ФЗ о ЦБ РФ уставный капитал и все имущество ЦБ РФ относится к государственной собственности. ЦБ РФ может владеть, пользовать и распоряжаться этим имуществом, приобретая на него, таким образом, ограниченное вещное право. Но изымать и обременять различными обязательствами выделенное ему федеральное имущество без согласия ЦБ РФ запрещено. Статья 2 ФЗ о ЦБ РФ запрещает изъятие и обременение обязательствами имущества ЦБ РФ без его согласия. Ограничение создано для того, чтобы не нарушить запрет для финансирования бюджетного дефицита с помощью кредитов Правительству РФ (ст. 22 ФЗ о ЦБ РФ). Это ограничение выступает правовой гарантией для соблюдения ст. 75 Конституции.

Все имущество ЦБ РФ числится на балансе ЦБ РФ, т.е. учитывается в финансовой отчетности, ЦБ РФ использует имущество как основу для осуществления своей деятельности, а также государство не может без разрешения ЦБ РФ проводить различные операции с его имуществом или взыскивать долги за счет введение экономических и юридический условий. Таким образом, данный признак юридического лица находит свое отражение в ЦБ РФ.

Существует неопределенность в вопросе о том, какое именно ограниченное вещное право на выделенное ему федеральное имущество имеет ЦБ РФ. Распределенное юридическим лицам публичное имущество, согласно гл.19 ГК РФ, может принадлежать им либо на праве оперативного управления, либо праве хозяйственного ведения. Можно предположить, что ЦБ обладает одним из названных прав на свое имущество.

В соответствии со ст.294 ГК РФ право хозяйственного ведения имеют коммерческие организации (ст. 113 ГК РФ). С учетом норм ФЗ о ЦБ РФ о том, что получение прибыли не является целью деятельности ЦБ РФ, государственное имущество, находящееся о владении ЦБ РФ, может принадлежать ему на праве оперативного управления (ст.296 ГК РФ).

Право оперативного управления предоставляет возможность осуществления права владения, распоряжения, пользования имуществом в

пределах, установленными в уставных документах целями и задачами, с разрешения собственника имущества. ЦБ РФ осуществляет свои вещные права без дополнительного согласия государства, следовательно, право ЦБ РФ не свое имущество не может быть квалифицировано как право оперативного управления. Таким образом, закрепленные в гл.19 ГК РФ виды ограниченных вещных прав не подходят для ЦБ РФ, так как не учитывают особенности владения, пользования и распоряжения ЦБ РФ имуществом. ЦБ РФ осуществляет свои права на основании особого вещного права, который законодательно не закреплен.

Представляется необходимым внести дополнение в гл.19 ГК РФ ст.296.1 «Право собственности ЦБ РФ», которая закрепит особое вещное право, которым обладает ЦБ РФ.

ЦБ РФ может сам отвечать по своим обязательствам, при этом государство не отвечает по обязательствам ЦБ РФ.

При осуществлении своих гражданских прав ЦБ РФ вступает в гражданско-правовые отношения с другими юридическими лицами такими как: банки, микрокредитными организациями, ломбардами и иными финансовыми организациями по вопросам в кредитной сфере. Например, заключает договор с участниками рынка (кредитными организациями) о развитии интеллектуальной собственности (развитие крипторубля, разработка IT-технологии для улучшения внутренних компьютерных систем), проводит операции с ценными бумагами и денежными средствам с согласованием кредитных учреждений и профессиональных участников финансового рынка и тд. Также ЦБ РФ является кредитором для всех кредитных организаций (на основе договоров обслуживания), в том числе занимается организацией их системы рефинансирования и заключает соответствующие договоры.

Например, ЦБ РФ, заключая генеральный кредитный договор с кредитными организациями, получает проценты от выдачи кредитов, а также обеспечивает эти кредиты за счет блокировки ценных бумаг. За счет того, что блокируются ценные бумаги, кредитные организации могут взять в течение одного рабочего дня несколько кредитов, за счет выдачи кредитов и процентов от их выдачи, а также обеспечения кредитов ценными бумагами.

ЦБ РФ заключает договоры корреспондентского счета (субсчета) с кредитными организациями. При переводах денежных средств используется поручение инкассо, но при каждом переводе и подачи такого поручения взымается определенная плата, процент взимает ЦБ РФ. За счет этих процентов от переводов ЦБ РФ может получать доход.

ЦБ РФ может обращаться с исками в суд по вопросам, отведенные к его компетенции. Примером может выступать иск о недействительности сделок с ценными бумагами, по которому ЦБ РФ может быть истцом.

В качестве ответчика ЦБ РФ привлекается только в том случае, если затронуты интересы государства и если ЦБ РФ является стороной в обязательствах, вытекающих из заключенных им договоров, а также при возмещением вреда в пользу государства.

Таким образом, можно сделать вывод, что ЦБ РФ обоснованно квалифицировать юридическим лицом, поскольку для него характерны все признаки юридического лица, установленные в ст.48 ГК.

Однако неопределенным является вопрос о том, каким именно юридическим лицом является ЦБ РФ. Представляется, что правильной будет его квалификация в качестве некоммерческой организации.

Спорной остается и его организационно-правовая форма. Существует несколько вариантов организационно-правой формы, подходящих для ЦБ РФ:

– унитарное предприятие;
– государственное учреждение;
– государственная корпорация.

Позиция о квалификации ЦБ РФ в качестве унитарного предприятия основывается на исторической традиции, берущей начало со времен РСФСФР. Принятый после распада СССР Федеральный закон от 30 ноября 1994 года №52 «О введение в действие части первой Гражданского кодекса РФ» закрепил в ст. 6, что на ЦБ РФ распространялись нормы ГК об унитарных предприятиях. В соответствии с Уставом Банка России, утвержденным Президиумом ВС СССР от 24 июля 1991 года, ЦБ РФ принадлежало имущество на праве полного хозяйственного ведения. Следовательно, ЦБ РФ мог передавать, продавать сдавать в аренду либо взаймы, а также списывать со своего баланса принадлежащие ему на праве полного хозяйственного ведения имущество. Однако в ст.75 Конституции 1993 года был закреплен особый статус ЦБ РФ, в связи с чем признание ЦБ РФ унитарным предприятием, т.е. коммерческой организацией, стало противоречить новой Конституции РФ. Последняя закрепила за ЦБ РФ исключительное право на осуществление денежной эмиссии, на защиту и обеспечение устойчивости рубля, а извлечение прибыли не могло быть более целью деятельности ЦБ РФ.

Из перечисленных в ст.50 ГК РФ видов некоммерческих организаций ЦБ РФ сопоставим по признакам с такой формой, как учреждение (ст.120 ГК РФ), другие перечисленные в статье формы некоммерческих организаций не подходят по целям создания для ЦБ РФ. Проанализируем, насколько признаки учреждения соответствуют признакам ЦБ РФ:

1. Учреждение создано собственником для осуществления функций некоммерческого характера, как и ЦБ РФ, который создан Российской Федерацией с целью обеспечения устойчивости рубля.

2. Вещные права учреждений могут осуществляться в соответствии с целями деятельности учреждения, заданиями собственника и назначением имущества (п.2 ст.120 ГК). Государство не финансирует деятельность ЦБ РФ. ЦБ РФ финансирует себя за счет своих собственных средств. Государство не дает указаний ЦБ РФ по вопросам распоряжения имущества, последний сам распоряжается своим имуществом. Следовательно, по данному критерию ЦБ РФ не совпадает с учреждением.

3. Учреждение отвечает по своим обязательствам находящимися в его распоряжении финансовыми активами. ЦБ РФ осуществляет свою деятельность за счет собственных средств, которые ЦБ РФ получает за счет хранения золотовалютных запасов, дивидендов от участия в уставном капитале других банках. Таким образом, в отличие от учреждений ЦБ РФ не финансируется финансовыми активами, а сам их зарабатывает.

Таким образом, ЦБ РФ нельзя признать государственным учреждением.

Позиция о квалификации ЦБ РФ в качестве государственной корпорацией основывается на ст. 7.1 Федерального закона от 12 января 1996 №7 «О некоммерческих организациях» (далее – ФЗ № 7). Ее нормы корреспондируют с положениями о ЦБ РФ в ФЗ о ЦБ РФ, например:

– Согласно п.1 ст.7.1 ФЗ № 7 государственная корпорация – это некоммерческая организация, созданная государством на основе вклада для осуществления функций государства. Аналогично в соответствии со ст.10 ФЗ о ЦБ, ЦБ РФ учрежден за счет взносов в уставный капитал, создан государством для выполнения общественно-значимой функции по защите национальной валюты;

– Согласно п. 3 ст.7.1 ФЗ № 7 особенности правового положения государственной корпорации установлены законом, на основании которого корпорация создана. Аналогично ЦБ РФ функционирует на основе закона ФЗ о ЦБ РФ, в котором закреплены особенности положения ЦБ РФ;

– Согласно п.1 ст.7.1 ФЗ № 7 имущество государственной корпорации является собственностью государства, аналогично в соответствии со ст. 2 ФЗ о ЦБ, имущество ЦБ принадлежит государству;

– Согласно п.1 ст.7.1 ФЗ № 7 государственная корпорация не отвечает по обязательствам государства, а государство не отвечает по обязательствам государственной корпорации. Аналогично в соответствии ст. 2 ФЗ о ЦБ устанавливает, что ЦБ не отвечает по обязательствам Российской Федерации, и наоборот;

– Согласно п.2 ст.7.1 ФЗ № 7 государственная корпорация использует свое имущество для целей, которые определены законом, как и ЦБ РФ, который использует федеральное имущество для целей, установленных ФЗ о ЦБ РФ;

– Согласно п.3 ст.7.1 ФЗ № 7 государственная корпорация функционирует без учредительных документов. Аналогично и ЦБ РФ не имеет уставных документов.

Следовательно, можно сделать вывод, что ЦБ РФ можно признать государственной корпорацией. Для легализации указанного вывода необходимым представляется внесение изменений в банковское законодательство. В частности, требуется закрепить соответствующую норму в ст.1 ФЗ о ЦБ РФ следующего содержания: «ЦБ РФ является некоммерческим юридическим лицом, государственной корпорацией».

На основании вышеизложенного можно сделать вывод, что ЦБ РФ является государственным органом власти с полномочиями, которых нет у других органов власти, который, при этом является юридическим лицом – государственной корпорацией, субъектом гражданского права.

М.В. Митр
студент института магистратуры СПбГЭУ
магистерская программа «Экономическое право»

ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ

Мировая тенденция развития цифровизации становится объективным фактором изменения производственных отношений, когда на смену производства материальных благ реального труда приходит цифровое производство, основанное на обработке информации. В условиях цифровой экономики, по сравнению с классической экономикой, добавленная стоимость основана на результатах обработки информации с помощью всего спектра цифровых знаний и технологий, в то время, как в традиционной – на результатах реального труда. В цифровой экономике полученным конечным продуктом является формирование новых знаний с помощью обработки информации, а не разработка, добыча или оказание услуг, как в классической экономике. Происходит трансформация производительных отношений, открывая новые возможности повышения производительности труда.

В процесс цифровизации активно вовлекаются практически все страны мира, тем не менее, каждая страна в силу особенностей собственного развития определяет национальные приоритеты цифрового развития. Цифровые технологии вызывают кардинальные изменения в экономических отношениях, повышают уровень конкурентных возможностей отрас-

лей национальной экономики и формирование «цифрового общества»[1]. Цифровая экономика, как новый тип хозяйствования на основе обработки информации для управления во всех циклах производства и потребления, будет являться основой развития будущей экономики, в целом. Трансформация ускоренного перехода национальной экономики на новые цифровые технологические решения поднимет ее на качественный уровень развития, для российской действительности в отходе от однобокой сырьевой модели.

Развитие цифровых технологий значительно повлияло на организацию предпринимательской деятельности. Особенности общественных отношений, которые возникают в цифровой среде, нужно учитывать при нормативном и институциональном обеспечении сферы хозяйствования. Попытки гармонизации законодательства влияют и на модель применения в России цифровых технологий для ведения предпринимательской деятельности. Поэтому исследования роли цифровых технологий, их положительного и отрицательного влияния является актуальным в условиях построения социально-ориентированной экономики в России.

Новые технологии сейчас активно внедряются в право, кардинальным образом меняя процесс производства, подход к ведению предпринимательства и предпринимательской деятельности, действие права расширяются и все больше охватывает отношения, складывающиеся в виртуальном пространстве. Удельный вес общественных отношений, связанных с использованием компьютерных сетей в предпринимательской деятельности, распространилась по всему миру и предусматривает необходимость обеспечения эффективной правовой регламентации указанных отношений.

Влияние цифровых технологий на ведение предпринимательской деятельности и цифровизацию экономических отношений в России является предметом дискуссий юристов и научных сообществ. Возникло понятие «цифровой экономики», которое приводит к осовремениванию направлений развития права.

Среди документов, регламентирующих деятельность, касаемо поддержки малого и среднего бизнеса в РФ, можно выделить основной и наиболее важный – Федеральный закон Российской Федерации «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» от 24 июля 2007 г. № 209-ФЗ. Рассматриваемый нормативно-правовой акт обозначает ключевые моменты в данной сфере, описывает процесс и ста-

---

[1] Вечеркова Ю.С., Сопит А.В. Развитие предпринимательства в условиях цифровизации экономики // Развитие бизнеса и финансового рынка в условиях цифровизации экономики. Материалы Всероссийской научно-практической конференции / под общ. ред. А.Н. Бурова. 2020. С. 70-73.

дии развития поддерживающей инфраструктуры, дает определение субъектов малого и среднего бизнеса, дает основание для освоения новых форм и механизмов поддержки и финансирования малого и среднего предпринимательства.

Политика в сфере развития предпринимательства в РФ, в частности, малого и среднего предусматривает следующие цели:

- усовершенствование данных субъектов с целью образования качественной конкурентной среды;
- установление хороших условий для развития малого и среднего предпринимательства;
- поддержка указанных субъектов в их деятельности, а также содействие им;
- обеспечение условий для конкурентоспособности предпринимателей;
- обеспечение распространения производимых ими товаров, результатов интеллектуальной деятельности на рынок РФ и иностранные рынки;
- развитие самозанятости и обеспечение занятости населения;
- увеличение численности предпринимателей;
- способствование увеличению количества товаров в объеме ВВП, производимых субъектами малого и среднего предпринимательства товаров;
- увеличение в налоговых доходах федерального бюджета, бюджетов субъектов Российской Федерации и местных бюджетов, доли уплаченных субъектами МСП налогов.

Реализация данных целей в стратегической перспективе способствует развитию и усовершенствованию деятельности малого и среднего предпринимательства в России, формированию единого организационно-экономического механизма осуществления государственной поддержки предприятий, относимых к данной категории.

Также, следует отметить, что в сложившейся эпидемиологической ситуации и переводе большинства компаний на удаленную работу необходимость в цифровизации предпринимательства особо актуальна. Пандемия дала мощный толчок для развития данной сферы. С переходом на удаленный формат работы компаниям пришлось оперативно развивать инструменты для продолжения развития предпринимательства, но уже в режиме онлайн. В настоящем предприниматели осознают важность цифровизации своего бизнеса, однако за время первой волны не все предприниматели смогли быстро и качественно перенести работу на удаленный формат, столкнувшись с существенными убытками.

Актуальность цифровизации малого и среднего предпринимательства в РФ в условиях пандемии подтверждается государственной политикой поддержки его развития. Комплекс мер, осуществляемых государством в различных сферах деятельности субъектов малого и среднего предпринимательства, предусматривает развитие правовой защиты пред-

приятий и организаций, относимых к данной категории, разработку экономического механизма поддержки и содействия малого и среднего предпринимательства, создание социально-экономических и инфраструктурных условий эффективного функционирования малого и среднего предпринимательства.

Следует отметить, что больше всего от пандемии пострадали:

1. Туризм и авиакомпании;
2. Рестораны и кафе;
3. Розничная торговля, не продающая продукты.

Часть предпринимателей указанных областей, подключаясь к процессу цифровизации, сумели сохранить и даже улучшить свое положение. Так, например, были введены инновации в роботизации и автоматизации ритейла, (оплата товара путем сканирования покупателя, смарт-тележки, кассы самообслуживания, интерактивные помощники и многое другое)[1].

Наибольшее развитие получили онлайн-торговля и каналы доставки товаров: бесконтактная доставка, сервисы онлайн-заказов, сервисы видеоконсультаций, постаматы, беспилотные автомобили.

Кроме этого, были произведены преобразования в рабочих процессах и переход основной части предприятий на удаленную работу.

Однако, для развития цифровой культуры в предпринимательских процессах субъектам малого и среднего предпринимательства необходимо время, об этом говорит то, что более высокий уровень цифровизации имеют всего 11% компаний. Среди компаний среднего бизнеса доля достигает 20%, среди ИП – 10%, среди микро и малых предприятий – 1-12%.

Наряду с самостоятельным знакомством с удаленным форматом работы, государство также старается поддержать малое и среднее предпринимательство. В настоящее время в каждом субъекте РФ действует доступная и удобная система поддержки малого и среднего предпринимательства. В ее состав входят портал по поддержке предпринимательства «Мой бизнес», центры поддержки экспорта, технопарки, бизнес-инкубаторы и т.д.[2].

Указанный портал содержит следующие разделы:

– антикризисные меры для бизнеса;
– онлайн-сервисы по организации удаленной работы;
– горячие линии для консультаций с малым и средним предпринимательством;

---

[1] Франовская Г.Н., Долматович А.Ю. Антикризисная поддержка малого и среднего бизнеса в период пандемии коронавируса и в перспективе // Современная экономика: проблемы и решения. 2020. № 7 (127). С. 178-186.

[2] Полярин А.В., Соболева Ю.П., Тарновский В.В. Цифровизация процессов малого и среднего предпринимательства // Управленческое консультирование. 2020. № 4 (13б). С. 80-96.

– цифровая платформа – предлагает предпринимателям услуги в электронной форме.

С экономической точки зрения, цифровизация в условиях борьбы с пандемией – невозможна без нормального функционирования субъектов хозяйствования. В России, с целью поддержки отечественных субъектов малого и среднего предпринимательства принят ряд неотложных мер, среди которых частичное ослабление фискального давления.

Что касается финансовой поддержки, то Правительство России на поддержку субъектов малого и среднего предпринимательства пострадавшего от коронавируса выделила с резервного фонда более 81,1 млрд рублей в 2020 году.

Однако, учитывая то, что пока масштабность потерь бизнеса и государства вследствие кризиса, вызванного пандемией в полном объеме оценить сложно, эксперты отмечают необходимость государственной поддержки для бизнеса как минимум на ближайшие несколько лет[1].

Отдельного внимания заслуживает национальный проект «Малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы» направлен на улучшение предпринимательского климата в РФ. Данная инфраструктура предлагает всестороннюю поддержку: от зарождения идеи до выхода на экспорт. В том числе оказывает помощь по консультированию кредитования, налогообложению, бухучету и обучению в сфере предпринимательства. В период пандемии портал предоставляет инструменты для помощи предпринимателям: антикризисные меры для предпринимательства, онлайн-сервисы для организации удаленной работы, «Горячие линии» для консультаций малого и среднего предпринимательства и цифровые платформы для предоставления услуг в электронном виде.

Следует отметить, что в рамках утвержденного другого национального проекта «Цифровая экономика Российской Федерации» предполагается увеличение затрат на цифровизацию. Данная система подразумевает создание условий для упрощения регистрации и перерегистрации малого предпринимательства, возможность упрощенного предоставления отчетности с помощью электронных средств связи. Планируется решение проблем с организационной стороны посредством исключения субъективного контакта между контролирующими органами и субъектами малого и среднего предпринимательства[2].

---

[1]Золотарева Ю.П., Насырова Ю.Р. Поддержка малого и среднего предпринимательства властями в период пандемии коронавируса 2019-2020 гг. // Актуальные исследования. 2020. № 21 (24). С. 135-138.

[2] Езангина И.А. Межфирменный стратегический альянс в системе конкурентных отношений бизнеса // Научное обозрение. 2012. № 4. С.119-126.

Вместе с тем при внедрении цифровых технологий малое и среднее предпринимательство сталкивается с рядом препятствий. Основной проблемой при цифровизации предпринимательства является незаинтересованность руководителей предприятий. Руководители малых предприятий зачастую вынуждены искать компромисс между эффективностью и цифровизацией. И наиболее существенная проблема здесь кроется в остром дефиците финансовых ресурсов и отсутствии государственной поддержки, а иногда и в невозможности ею воспользоваться.

Даже самое простое и необходимое техническое достижение в современном мире – банковский эквайринг – обходится предпринимательству в 2–3% от маржинальной прибыли. Если рассматривать установку различного программного оборудования (бухгалтерские, складские, CRM-системы), то в зависимости от функционала, настроек, технической поддержки, возможности добавить необходимые функции «под себя», ценовой диапазон здесь может быть от полумиллиона и выше. Зачастую это серьезные финансовые инвестиции в малое и среднее предпринимательство с достаточно приличным сроком окупаемости. Далеко не каждый предприниматель в нашей стране может позволить себе забрать эти средства из оборота компании на цифровизацию.

В современной экономической обстановке малое и среднее предпринимательство в России при внедрении и использовании цифровых технологий сталкивается с широким спектром проблем, среди которых затруднительно выделить какую-то одну. К этому спектру можно отнести такие проблемы, как: техническая некомпетентность пользователей, отсутствие опыта использования цифровых технологий, неверная оценка критериев актуальности, не налаженные коммуникации между подразделениями предприятия, неквалифицированные управленческие кадры, недостаточная мотивация пользователей, нехватка финансирования и других ресурсов, несвоевременное обеспечение ресурсами и др.

Кроме того, все чаще и острее возникают проблемы, связанные с управлением информационными рисками и обеспечением кибербезопасности. Как правило, они связаны не только с интересами предпринимателей, но и с интересами отдельных граждан. В связи с этим нам кажется, что решение этих вопросов должно исходить от государства. Государство должно предпринимать активные шаги в решении вопросов кибербезопасности и защиты от информационных рисков посредством формирования единой цифровой среды. Для этого необходимо развивать доверенные сервисы идентификации и аутентификации взаимодействующих субъектов. Кроме того, формируя единую концепцию инфраструктуры цифрового доверия, с четким пониманием целей, задач и используемых инструментов, государство сможет сформировать и развить концепцию цифровизации малого и среднего предпринимательства.

У цифровизации малого и среднего предпринимательства есть ряд преимуществ. Но вместе с тем нехватка финансовых ресурсов у микропредприятий, которые составляют около 70% малого бизнеса в нашей стране, значительно затормаживает этот процесс. В современных условиях требуются серьезные меры государственной поддержки малого бизнеса для развития цифровых технологий.

Таким образом, развитие цифровых технологий привело к появлению цифровой экономики, правовое обеспечение которой стало актуальным для России, а также мирового сообщества в целом. Предпринимательская деятельность требует внедрения инноваций и цифровых технологий не только в теории, но и на практике, ведь это определяет возможности развития цифровизации и цифровой среды. Развитие цифровых технологий реализует общегосударственный направление внедрения социально-ориентированной экономики в России, ведь цифровизация всех сфер общественной жизни, в том числе правового и экономического, – фактор современности.

С помощью поддержки государства субъекты малого и среднего предпринимательства смогут быстрее адаптироваться к цифровизации собственного бизнеса можно повысить его конкурентоспособность и рыночную устойчивость. Благодаря национальным проектам станет намного легче вести дела с использованием технологий и упрощением финансовых процедур.

Важным шагом в направлении цифровизации в рассматриваемый период, является принятие в прошедшем году Федерального закона от 24 апреля 2020 г. №122-ФЗ «О проведении эксперимента по использованию электронных документов, связанных с работой». Данный Федеральный закон дает право организациям не дублировать некоторые рабочие документы в бумажном виде, по нашему мнению, отказа от бумажных носителей информации и хранение документов в электронном виде, является неизбежностью в процессе развития информационного общества.

Подводя итог, можно заключить, что, несмотря на нелегкие времена, которые переживает бизнес во время пандемии, государство старается поддерживать предпринимателей в сложившейся экономической ситуации. Тем самым быстро приспособившись к работе на удаленной форме, и с помощью государства средний и малый бизнес, а также потребительский спрос будут являться главными факторами развития экономики в будущем.

Для повышения эффективности цифровизации, как формы поддержки предпринимательства в условиях пандемии, представляется целесообразным, в первую очередь повысить уровень знаний и навыков субъектов предпринимательской деятельности в цифровой среде, усилить финансовую поддержку на цифровизацию бизнеса и повышать уровень информационной безопасности на предприятиях.

Н.А. Носова,
Студентка института магистратуры СПбГЭУ,
магистерская программа «Экономическое право»

ЗАЩИТА ГРАЖДАНСКИХ ПРАВ ВЕКСЕЛЕДЕРЖАТЕЛЯ ПРИ ДЕФЕКТЕ ВЕКСЕЛЯ

При рассмотрении исковых требований, основанных на векселе, суд, в первую очередь, исследует действительность векселя. При этом существует вероятность выяснения дефектности (в связи с несоблюдением формы векселя) или подложности ценной бумаги (фальсификация реквизитов). Вопросом составления векселя и предпосылками к недействительности данной ценной бумаги занимались многие российские цивилисты (Е.Н.Абрамова[1], В.М.Гордон[2], Ф.А.Гудков[3], Е.А.Крашенинников[4], др.), однако вопросы дефекта формы, в том числе его понятие, до сих пор не сформированы. Отсутствует понятие «дефекта формы» и в законодательстве, как российском, так и международном.

Е.Н. Абрамова отмечает, что в ст.142 ГК понятия формы и реквизитов ценной бумаги разграничены, т.е. должна быть, во-первых, соблюдена форма (которая должна быть простая письменная), а во-вторых, указаны все реквизиты (которые следует квалифицировать как дополнительные требования к простой письменной форме сделки[5])[6]. Необходимые для возникновения вексельного обязательства реквизиты векселя перечислены в ст.ст.1 и 75 Положения о векселях. Другим дополнительным требованием к простой письменной форме вексельной сделки является бумажный носитель[7], предусмотренный в ст.4 ФЗ «О переводном и простом векселе».

Соответственно, дефектом формы будет признаваться:

1) отсутствие документа, на котором выражено вексельное обязательство (устное обещание или предложение платежа);

2) отсутствие документа на бумажном носителе (электронный документ);

3) отсутствие хотя бы одного из реквизитов;

4) неправильно обозначение хотя бы одного реквизита.

---

[1] Абрамова Е.Н. Составление векселей. СПб., 2006.
[2] Гордон В.М. Составление и протест векселя. Харьков, 1913.
[3] Гудков Ф.А. Вексель. Дефекты формы. М., 1998.
[4] Крашенинников Е. Составление векселя. Ярославль, 1992.
[5] Абрамова Е.Н. Реквизиты ценной бумаги // Право и экономика. 2013. № 1.
[6] Абрамова Е.Н. О понятии формы ценной бумаги // Хозяйство и право. 2013. № 1.
[7] Абрамова Е.Н. Ценная бумага как документ // Нотариальный вестник. 2013. № 3. Абрамова Е.Н. Документарные ценные бумаги: электронные и бумажные // Хозяйство и Право. 2014. № 12.

Последний дефект может выражаться, например, в ошибочном расположении на документе вексельной метки, в результате чего последняя не будет считаться написанной. Так, согласно п. 5 Постановления Пленума ВАС РФ и ВС РФ от 4 декабря 2000 года, слово «вексель», называемое «вексельной меткой», должно находиться в тексте документа, а им признается обещание/предложение уплатить определенную сумму[1] (заголовок документа «вексель» над всеми остальными реквизитами не дает ему силу векселя). Подпись векселедателя должна находиться строго под всеми реквизитами, подтверждая все выше сказанное. Реквизиты, написанные под подписью, считаются ненаписанными. Сумма векселя должна быть денежной и не должна предполагать наличие каких-либо дополнительных знаний, т.е. нельзя обещать/предлагать уплатить, например, «сумму долга» или «зарплату за январь» и т.д. (указание двух и более определенных денежных сумм дефектом векселя не является, оплате будет подлежать меньшая из этих сумм). Указание несуществующего или невероятного места или срока платежа также приведет к дефекту векселя, так как неправильно обозначенный реквизит не восполняется, а соответственно, будет считаться не указанным.

В векселе должно быть ясно выражено содержание обязательства в форме требуемых по закону реквизитов. Только так могут формулироваться условия, на которых он выдан. Излишние элементы на векселе обычно на форму не влияют. Тем не менее, информация, не относящаяся к условиям, на которых выдан вексель, хотя и не порождает правовых последствий, также может привести к пороку формы векселя в ряде случаев, когда, например, она обуславливает обещание или предложение платежа (например, отметка «сумма в депозите»)[2].

Некоторые реквизиты являются восполнимыми (ст.2 и ст. 76 Положения о векселях), что означает, что отсутствующий реквизит может быть восполнен другим обозначением, которое в силу прямого указания закона может восполнить отсутствие реквизита. К восполнимым вексельное законодательство относит следующие реквизиты:

1) место составления векселя, которое восполняется указанием рядом с наименованием векселедателя другого места, например, места жительства или прописки векселедателя;

2) место платежа, которое восполняется указанием другого места рядом с наименованием плательщика;

3) срок платежа, который восполняется презумпцией уплаты «по предъявлении».

---

[1] п. 5 Постановления Пленума ВАС РФ и ВС РФ от 4 декабря 2000 г.

[2] Абрамова Е.Н. Реквизиты ценной бумаги // Право и экономика. 2013. № 1.

Таким образом, вексель может быть признан дефектным, если выполняется хотя бы одно из следующих условий:

1) отсутствует дата составления векселя;

2) указано несуществующее место составления векселя (например, Екб, Питер, Мск);

3) отсутствует место составления векселя и, одновременно, место, обозначенное рядом с наименованием векселедателя;

4) отсутствует вексельная метка;

5) указан несуществующий или невероятный срок платежа (31 февраля 2023, 1 января 1912, 1 января 3000);

6) указано несуществующее или невероятное место платежа (например, LA, Марс, Северный полюс);

7) отсутствует место платежа и место, обозначающееся рядом с наименованием плательщика;

8) отсутствует наименование векселедержателя;

9) отсутствует подпись векселедателя;

10) сумма векселя не денежная, не определенная (вагон яблок, формула для расчета суммы и т.д)

Если векселедержатель не смог самостоятельно выявить дефект формы векселя, он может быть выявлен следующими способами:

1) при протесте векселя, так как нотариус не станет совершать протест недействительного векселя;

2) при рассмотрении спора по векселю судом (судебная экспертиза при рассмотрении вексельного иска).

Дефект формы векселя влечет его недействительность, но не означает невозможность судебной защиты прав держателя такого дефектного документа.

Ранее в законодательстве была ст.815 ГК РФ, согласно которой вексель являлся разновидностью договора займа, при непризнании документа векселем ввиду дефекта формы суды основывали на этой норме право самостоятельного требования из такого документа. Хотя после внесения изменений в ГК РФ в 2018 году ст.815 не стало и законодатель уже не приравнивает вексель к займу, суды все еще ссылаются на эту норму[1], что

[1] Решение № 2-540/2020 2-540/2020~М-535/2020 М-535/2020 от 7 сентября 2020 г. по делу № 2-540/2020, Решение № 2-74/2020 2-74/2020~М-53/2020 М-53/2020 от 24 июля 2020 г. по делу № 2-74/2020, Решение № 2-518/2020 2-518/2020~М-502/2020 М-502/2020 от 17 июля 2020 г. по делу № 2-518/2020, Решение № 2-1442/2020 2-1442/2020~М-629/2020 М-629/2020 от 13 июля 2020 г. по делу № 2-1442/2020, Решение № 2-1905/2020 2-1905/2020~М-1502/2020 М-1502/2020 от 13 июля 2020 г. по делу № 2-1905/2020, Решение № 2-279/2020 2-279/2020~М-230/2020 М-230/2020 от 6 июля 2020 г. по делу № 2-279/2020, Решение № 2-531/2020 2-531/2020~М-21/2020 М-21/2020 от 2 июля 2020 г. по делу № 2-531/2020, Решение № 2-252/2020 от 13 мая 2020 г. по делу № 2-252/2020, Решение № 2-56/2020 от 6 мая 2020 г. по делу № 2-56/2020

несомненно является проблемой современного правоприменения в России: суды не следят за актуальностью законодательства, если только дело не имеет отличительной особенности, требующей углубленного изучения норм права.

В соответствии с п.8 Информационного письма Президиума ВАС РФ от 25 июля 1997 N 18[1], если суд признал вексель дефектным, векселедержатель может защитить свое право требования исполнения обязательства, заявив самостоятельное требование о взыскании суммы долга по гражданско-правовой сделке. Так, например, дефектный вексель может быть рассмотрен в качестве обыкновенного долгового документа. Санкт-Петербургский городской суд по делу № 33-12556/2015 пришел к выводу, что если в расписке представлены существенные условия договора займа, то она может свидетельствовать о наличии долговых отношений, и принудил ответчика к выплате.

На данный момент времени ст.815 ГК РФ утратила силу в связи с тем, что она необоснованно сужала основания возникновения обязательства по векселю и указывала на каузу абстрактной сделки.

Последствием несоблюдения формы векселя (дефекта формы) является утрата вексельной силы документа, соответственно, при признании векселя недействительным векселедержатель не вправе ссылаться на вексельные нормы при защите своего права требования. Однако это не лишает его права защитить свои интересы, ссылаясь на нормы гражданского законодательств. Письменный документ, который не является векселем, будет подтверждать наличие обязательства (абз.1 п.1 ст.160 ГК РФ), так как документ, лишенный вексельных реквизитов или даже бумажного носителя, остается юридическим документом, т.е. может использоваться как доказательство в суде. При этом спор будет рассматриваться на основании не вексельного, а гражданского законодательства[2]. Соответственно, правовым значением дефектного векселя будет его квалификация в качестве письменного документа, подтверждающего имевшиеся между сторонами спора действия, в том числе сделки.

Для защиты нарушенных прав векселедержатель дефектного векселя должен выбрать способ, соответствующий содержанию нарушенного права и спорного правоотношения. Таким образом, векселедержателю дефектного векселя при выяснении дефекта формы векселя необходимо ходатайствовать об изменении основания иска или изначально предъявлять иск с требованием взыскать сумму по гражданско-правовому договору, связывающему его с векселедателем дефектного векселя, а также по лю-

---

[1] Информационное письмо Президиума ВАС РФ от 25.07.1997 N 18 "Обзор практики разрешения споров, связанных с использованием векселя в хозяйственном обороте".
[2] Абрамова Е.Н. О понятии формы ценной бумаги // Хозяйство и право. 2013. № 1.

бому другому основанию, указанному в п.2 ст.307 ГК РФ, в результате которого вексель был выдан.

Для защиты прав держателя дефектного векселя необходимо признание судом действительности гражданско-правовой сделки, которая является основанием для возникновения обязательства (п.2 ст.307 ГК РФ). помимо наличия условий действительности такой сделки суд выясняет добросовестность истца. Статья 10 ГК РФ подчеркивает недопустимость осуществления гражданских прав при злоупотреблении правом, заключающемся в совершении незаконных действий, так, можно привести пример подделки доказательств наличия обязательств со стороны ответчика или же невыполнения обязанностей по договору со своей стороны.

Кроме этого, дефектный вексель должен содержать все условия, которые являются существенными для соглашения, ставшего основанием его выдачи и на основании которого подается иск. Согласно ст.432 ГК РФ гражданско-правовой договор между сторонами считается заключенным, когда между сторонами в требуемой законом форме совершено соглашение о предмете и других существенных условиях договора.

Если сделка не соответствует указанным выше условиям, она признается недействительной или незаключенной и не влечет никаких юридических последствий, а соответственно держатель дефектного векселя не сможет осуществить свои права о получении определенной денежной суммы.

Подавая иск о взыскании денежной суммы, доказательством права требования на которую выступает дефектный вексель, истец может просить:

1) сумму по договору с процентами (если они были обусловлены заранее, ст.309 ГК РФ) – такая сумма может быть указана на дефектном векселе или доказана с помощью иных письменных доказательств;

2) процент со дня срока платежа, соответствующий учетной ставке ЦБ РФ (ст.317.1 ГК РФ) – за пользование чужими денежными средствами со дня срока платежа, указанного на дефектном векселе или в ином документе;

3) размер убытков, причиненных неисполнением обязательства (ч.2 ст.393 ГК РФ, ч.2 ст.395 ГК РФ);

4) издержки, понесенные истцом в связи с судопроизводством (ч.1 ст.98 ГПК РФ).

Таким образом, несмотря на вероятность дефектности векселя, векселедержатель все равно остается максимально защищен законодательством, так как в большинстве случаев дефектный вексель содержит существенные условия для исполнения гражданско-правовой сделки.

Д.А. Павлова,
аспирант кафедры
гражданского и корпоративного права СПбГЭУ

СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ ЦИФРОВЫХ ФИНАНСОВЫХ АКТИВОВ И УТИЛИТАРНЫХ ЦИФРОВЫХ ПРАВ

Относительно недавно в категорию имущественных прав были введены цифровые права. Ключевыми критериями, послужившими отграничению цифровых прав от родовой категории имущественных, является легальное закрепление за такими правами соответствующего правового режима и фиксация в реестре информационной системы[1].

На данный момент в законодательство официально введены два вида цифровых прав: цифровые финансовые активы и утилитарные цифровые права[2].

Выделение утилитарных цифровых прав в отдельную категорию обусловлено особенностью отношений, возникающих в связи с инвестированием и привлечением инвестиций с использованием инвестиционных платформ (Федеральный закон от 02 августа 2019 года № 259).

А. Е. Камышанова, анализируя ключевые характеристики утилитарных цифровых прав (их особенности), с некоторыми оговорками рассматривает их «не как способ фиксации права, а как самостоятельный объект гражданского оборота»[3]. А. В. Габов писал, что утилитарные цифровые права не являются самостоятельным объектом права, а представляют собой правовую конструкцию[4]. По мнению В. В. Акинфиевой утилитарные цифровые права представляют собой «цифровые обозначения права на объекты права»[5]. Допустимо согласиться с позицией рассмотрения утилитарных цифровых прав как особой юридической конструкции, законода-

---

[1] Павлова Д.А. К вопросу о дефиниции цифровых прав // Научные исследования современных проблем развития России: цифровая трансформация экономики : материалы Международной научно-практической конференции молодых ученых. – Санкт-Петербург : СПбГЭУ, 2021.

[2] Конобеевская И.М. Развитие концепции цифровых прав в российском гражданском законодательстве // Юридическая наука. 2020. № 10. С. 71.

[3] Камышанова А.Е. Цифровые права, цифровые финансы и цифровая валюта – фиксация или имущество? // Вестник Таганрогского института управления и экономики. 2020. № 2 (32). С. 68.

[4] Габов А.В., Хаванова И.А. Краудфандинг: законодательное оформление web-модели финансирования в контексте правовой доктрины и зарубежного опыта // Вестник Пермского университета. 2020. № 1. С. 40.

[5] Акинфиева В.В. Утилитарные цифровые права в современных условиях трансформации экономики // Пермский юридический альманах. 2020. № 3. С. 405.

тельно закрепленной в качестве объекта гражданского права, так как утилитарные цифровые права являются видом цифровых прав, следуя их правовой природе и имея те же родовые характеристики.

Цифровые финансовые активы были отграничены от иных цифровых прав так же, как утилитарные цифровые права по критерию содержания удостоверяемых ими прав. Данное обстоятельство обусловлено необходимостью применения особого правового регулирования конкретной сферы использования цифровых прав.

В. В. Акинфиева указывает, что цифровые финансовые активы «не являются в чистом виде новыми гражданскими правами, а представляют новую форму выражения этих прав»[1]. В данном случае речь идет о том, что цифровые финансовые активы выступают формой объективации имущественных прав (формой их выражения)[2], связанных с особенностью их учета[3].

Таким образом, утилитарные цифровые права и цифровые финансовые активы, как виды цифровых прав, доктринально отнесены к правовым конструкциям, представляя собой обязательственные и иные права, разграниченные в зависимости от сферы их применения.

С учетом изложенного логичным предлагается проанализировать общие черты указанных объектов:

- законодательно отнесены к цифровым правам и возникли в качестве таковых;
- условия осуществления определяются в соответствии с правилами информационной системы, касательно утилитарных цифровых прав – в рамках инвестиционной платформы;
- не привязаны к материальному носителю;
- по умолчанию оборот осуществляется без участия третьего лица (посредника);
- вид и объем прав, удостоверяемых цифровым правом, содержится в решении о выпуске цифрового права;
- учет осуществляется посредством внесения записи в распределенный реестр информационной системы.

Проанализировав указанные признаки, можно сделать вывод, что утилитарные цифровые права и цифровые финансовые активы имеют об-

---

[1] Акинфиева В.В. Цифровые финансовые активы как новый вид цифровых прав // Exjure. 2021. № 1. С. 53.

[2] Павлова Д.А. К вопросу о признаках цифровых прав // Современные вызовы и актуальные проблемы науки, образования и бизнеса в условиях мировой нестабильности : материалы Научной конференции аспирантов СПбГЭУ. Санкт-Петербург : СПбГЭУ, 2021.

[3] Агибалова Е.Н. Цифровые права в системе объектов гражданских прав // Юридический вестник Дагестанского государственного университета. 2020. № 1. С. 95.

щие черты, свойственные цифровым правам как виду объекта гражданских прав.

В связи с вышеуказанными общими характеристиками цифровых финансовых активов и утилитарных цифровых прав, целесообразным предполагается выделить различия данных объектов. Для упрощения восприятия сравнение представлено в виде таблицы:

Таблица 1 – Различия утилитарных цифровых прав и цифровых финансовых активов

Критерий	*Утилитарные цифровые права*	*Цифровые финансовые активы*
в зависимости от цели использования	выполняет функции инвестиционного инструмента[1].	выполняет функции финансового актива (в том числе инвестиционного инструмента)
в зависимости от информационной системы	инвестиционная платформа	информационная платформа (в том числе инвестиционная)
в зависимости от основания возникновения права	с момента внесения информации в инвестиционной платформе	с момента внесения записи в информационную систему о зачислении цифровых финансовых активов
в зависимости от способа удостоверения цифрового права	цифровым свидетельством (при участии депозитария)[2] и записью в реестре инвестиционной платформы	записью в информационной системе на основе распределенного реестра
в зависимости от базы данных	ограничены рамками инвестиционной платформы	ограничены рамками информационной системы (в том числе инвестиционной платформы[3])

[1] Камышанова А.Е., Дементьева И.В., Каменева П.В. Цифровые права в российском гражданском праве // Право и государство: теория и практика. 2020. № 6 (186). С. 74.
[2] Беликов Е.В., Беликова А.В. Цифровые финансовые активы как объект гражданских прав // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2019. № 6 (131). С. 172.
[3] Токолов А.В. Особенности правового регулирования цифровых финансовых активов в Российской Федерации // Вестник экономической безопасности. 2020. № 6. С. 208.

Проанализировав указанные признаки можно сделать вывод, что ключевым критерием отграничения утилитарных цифровых прав и цифровых финансовых активов является более широкое применение последних (не только в рамках инвестиционной платформы).

Обращаясь к изучению правовой природы имущественных прав, содержащихся в цифровых правах, помимо обязательственных и вещных, ряд ученых также выделяет исключительные права, как отдельную категорию, которая содержится в утилитарных цифровых правах и корпоративные права в цифровых финансовых активах. Допустимо предположить, что данное обстоятельство связано с направлением воли авторов на указание характера удостоверяемых прав (особенностей правового института)[1] с целью наглядного представления различий в содержании указанных объектов права.

Таким образом, ключевым отличием цифровых финансовых активов выступает содержание прав, которые они удостоверяют. Важным является то обстоятельство, что утилитарные цифровые права имеют строгую привязку к инвестиционной деятельности, в то время как цифровые финансовые активы подлежат более широкому применению, и также могут приобретаться и отчуждаться в рамках инвестиционной платформы.

А.Е.Ривкинд,
студентка института магистратуры
магистерская программа «Экономическое право»
СПбГЭУ

ПРАВОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ РАЗВИТИЯ НЕФТЕГАЗОВОГО КОМПЛЕКСА

Данная работа посвящена прежде всего рассмотрению уже имеющего законодательства в сфере обеспечения развития нефтегазового комплекса в РФ. Для России как много раз подчеркивал наш президент – Владимир Владимирович Путин в своих выступлениях, что благодаря своему географическому положению и наличию таких ресурсов в РФ, мы играем важную роль для стран Европы – АТР в энергетической сфере. Поэтому эту отрасль считают одной из самых приоритетных в России как для внутреннего развития энергетических рынков, так и для международного сотрудничество, ибо нефть и газ тот ресурс, который пока заменить в равной степени в не представляется возможным.

---

[1] Камышанова А.Е., Дементьева И.В., Каменева П.В. Цифровые права в российском гражданском праве // Право и государство: теория и практика. 2020. № 6(186). С. 74.

Однако, наличие пробелов в правовом регулировании в данной сфере мешает, во-первых, нормальной эффективной работе предприятий, что в следствии приводит к проблемам с взаимосвязанными с ними элементами на внутренним рынке, например с потребителями, а во-вторых, приводит к затруднениям в данном секторе отрасли макроэкономики, из-за чего начинает страдать вся экономика нашей страны.

Предполагается выявления проблем и пробелов в национальном законодательстве т.к. в данном секторе характерно наличие частноправовых и публичных общественных отношений, соответственно осуществление законодательного регулирования разными средствами методами органами власти.

А также по итогу данной работы будут передоложены варианты их разрешения для более сбалансированного и отвечающим запросам времени решения. Весомым вкладом в правовую науку является докторская диссертация Р.Н. Салиевой «Правовое обеспечение развития предпринимательства в нефтегазовом секторе экономики» (2003). В ней рассмотрены различные аспекты предпринимательской деятельности субъектов нефтегазового комплекса.

Исследование проблем правового регулирования охраны окружающей среды и обеспечения экологической безопасности в нефтегазовом комплексе проведено Я.А. Блажеевым в диссертации «Эколого-правовое регулирование отношений в нефтегазовом комплексе России» (2016).

Прежде всего стоит отметить, что как отрасль права энергетическое право уже состоялась, а вот законодательное отделение отрасли, например, кодификация в отдельном акте, так еще не появилась. И в этом видится одна из самых главных проблем. На самом деле развитие права в данной отрасли может пойти по нескольким вариантам. На данный момент ученые выделяют проблемы:

1. Отсутствие единого нормативного правового акта, который существенно упростил правовое регулирование в данной сфере и снизил риски конкуренции разных законов и подзаконных актов между собой. Иерархия законодательства на сегодняшний день представляется такой:

- Конституция РФ (ст.9 данного законодательного акта, в особенности);

- Международные договоры, например Договор о Евразийском экономическом союзе [1]следует также отметить Конвенцию о предотвращении крупных промышленных аварий[2].

---

[1] Договор о Евразийском экономическом союзе // Официальный сайт Евразийской экономической комиссии http://www.eurasiancommission.org.

[2] Конвенция о предотвращении крупных промышленных аварий// СЗ РФ. 2013. № 8. ст.725

- Федеральный уровень, который в доктрине энергетического права разделяют на общий и особенный. Как видно из названия квалификационных групп, разделение является следствием дифференциации норм в зависимости от вида энергетического ресурса, которому свойственно своё уникальное правовое решение из-за существенных отличий между собой объектов отношений энергетического комплекса. В общем и целом, преимущественно данный уровень регулирует отношения энергетического комплекса, по отдельности в особенности. Главной существующей проблемой считается отсутствие Федерального закона(законов) в нефтегазовой отрасли, в отличии от других энергетических ресурсов. Прежде всего такой юридический акт помог бы упорядочить частно- государственное партнерство отношения, сделать их более привлекательными и как следствие повысить приток инвестиции, что мог бы существенно повлиять на развития бизнеса в данной сфере, так и существенный прирост экономики в энергетическом секторе. Данный закон также мог бы закрепить положения о обязательности проведении экспертизы как для документации, например, проектов разработки месторождения, отчетности расходов энергии на добычу полезного ископаемого и экологической безопасности для более эффективного, рационального и без ущерба природе использование недр страны.

А пока следует отметить, что в нефтегазовой отрасли законодательство данного уровня состоит из таких законов:Гражданский кодекс Российской Федерации, Налоговый кодекс Российской,Федерации, Градостроительный кодекс Российской Федерации, Уголовный кодекс Российской Федерации. Таможенный кодекс Российской Федерации, Федеральный закон от 21 июля 2011 № 256 «О безопасности объектов топливно-энергетического комплекса»[1], Федеральный закон от 30 декабря 1995 № 225 «О соглашениях о разделе продукции»[2].

- Подзаконные нормативные акты. Именно они осуществляют непосредственное регулирование деятельности юридических лиц, занимающихся добычей и транспортировкой природных ископаемых. Следует привести несколько важнейших указов Президента РФ Указ «Об особенностях приватизации и преобразования в акционерные общества государственных предприятий, производственных и научно – производственных объединений нефтяной, нефтеперерабатывающей промышленности и нефтепродуктообеспечения» и Указ «О первоочередных мерах по совершенствованию деятельности нефтяных компаний»[3]. Которые по своей су-

---

[1] Федеральный закон от 21.07.2011 N 256-ФЗ «О безопасности объектов топливно-энергетического комплекса» // СЗ РФ. 2011. № 30. Ст. 4604.

[2] Федеральный закон от 30.12.1995 № 225-ФЗ «О соглашениях о разделе продукции»//СЗ РФ. 1996. № 1. Ст.18.

[3]Указ Президента РФ от 01.04.1995 № 327 «О первоочередных мерах по совершенствованию деятельности нефтяных компаний» // СЗ РФ. 1995. № 15. Ст. 1284.

ти являются главными ориентирами для распределения компетенции и взаимодействия деятельности между государством и субъектами частного права, компаниями.

Следующим уровнем иерархии будет являться Постановления Правительства. Наиболее используемым является Постановлением Правительства РФ от 03 марта 2010 № 118 «Положение о подготовке, согласовании и утверждении технических проектов разработки месторождений полезных ископаемых и иной проектной документации на выполнение работ, связанных с пользованием участками недр, по видам полезных ископаемых и видам пользования недрами»[1], а также существуют еще десятки постановлений касающихся от категорий лиц, которые могут заниматься разведывательной деятельностью месторождений, и заканчивая подключения нефтепровода к магистрали.

В этот иерархический уровень также входят акты, выносимые органами исполнительными власти федерального уровня, например Минэнерго РФ, Минприроды РФ, а также Федеральное агентство по недропользованию, Федеральная служба по экологическому, технологическому и атомному надзору.

- Локальные акты. Конечно, в первую очередь они направлены на корпоративные отношения внутри организации. Однако, в последнее время наблюдается тенденция к все большему влиянию таких актов в энергетическом праве, например, регулирование закупок, определение стандартов в компании и создание безопасного энергетического комплекса как для окружающей природы, так и для работников данной организации[2].

2. Официальное на законодательном уровне закрепление определения субъектов, которые осуществляют свою деятельность в данной сфере отрасли экономики. Помимо решения отнесения некоторых компаний к государственным корпорациям или нет, вопрос должен ставится и по отношению к разграничению и отличию компаний, которые занимаются разработкой месторождений в Арктической зоне РФ, специальных норм, поддерживающих развитие добычи на данной территории, т.к. затраты расходуемые компании не сопоставим с другими из-за географического и геологического положения.

3. Определение принципов организации деятельности в данном секторе рынка, на основании которых будет осуществляться правовое регу-

---

[1] Постановление Правительства РФ от 03.03.2010 № 118 «Об утверждении Положения о подготовке, согласовании и утверждении технических проектов разработки месторождений полезных ископаемых и иной проектной документации на выполнение работ, связанных с пользованием участками недр, по видам полезных ископаемых и видам пользования недрами». // СЗ РФ. № 10. Ст. 1100.

[2] См.: http://www.lukoil.ru/Company/CorporateGovernance/InternalDocuments; http://www.gazprom.ru/investors/documents/

лирование добычи нефти и газа. Соответственно результатом будет унифицированный акт, где обязательно появится единообразный понятийный аппарат, для устранение существующих пробелов и коллизий в уже имеющимся сформировавшимся законодательстве. Среди указанных принципов в федеральном законе предлагаются закрепить следующие принципы:

– принцип соблюдения баланса интересов добывающих компаний, государства и потребителей;

– принцип различных правовых режимов в зависимости от географического положения и геологических характеристик месторождения;

– принцип разграничения ответственности между субъектами отношений, связанных с разработкой месторождения участка и последующей поставке этого ресурса до потребителей;

– принцип применения «Зеленого законодательства» в любых отношениях, связанных с энергетикой и нефтегазовыми комплексами;

– принцип осознанности при эксплуатации объектов по добыче нефти и газа;

Видится перспективным направления развития законодательства по пути унификации норм в данной сфере, в том числе из-за существующих договоренностей в рамках ЕАЭС. Предлагается прежде всего привести к единому понимаю законы, которое будут направлены против террористической деятельности, возникающей из-за сложного объекта охраны его экономической ценности для государства. Также выдвигаются идею по унификации пакета «зеленых» экологических мер. В частности, в рамках международного сообщества предполагается, что будут определены принципы распределения ответственности компании, механизм действий, предотвращающие ухудшение ситуации и устранение происшествие, восстановительные работы и государственные органы, которые будут отвечать за экологическую катастрофу, в случае если она произойдёт и затронет другие страны – участниц. В большей степени разработанное законодательство будет распространяться на компании, которые занимаются добычей нефти и газа, может быть, потребуется создать стандарты, распространяющие как на строительство предприятий, так и на их деятельности. Подчеркивается, что главным является минимизирование ущерба от внештатных ситуации, которые могут произойти, и проработка вариантов ответственности компании и государства перед другими участниками отношений.

На сегодняшний день нет на законодательном уровне различий между правовым положением компаний. А именно разницу, когда разработка месторождения происходит по операторскому договору, т.е. сторонний участник привлекается в целях другой организации, и когда сама организация разрабатывает участок с полезным ископаемым, без привлечения кого-либо.

В связи с этим высказывается мысль о создания реестра операторов-компаний, которые разрабатывают участки, где затем будут вести добычу полезных ископаемых другие компании. Во-первых, будет изначально понятно к кому предъявлять требования о нарушениях, в сфере экологической безопасности. А, во-вторых, ведение такого реестра будет способствовать прозрачности данной процедуры и позволит более эффективно противодействовать коррупции между участниками, задействованными в данном секторе экономике.

Также следует обратить свое внимание что существует разногласия в толковании и правоприменении одного из условий досрочного прекращения пользования недрами – это согласно ч. 2 ст. 20 Закона РФ «О недрах» является возникновение непосредственной угрозы жизни или здоровью людей, работающих или проживающих в зоне влияния работ, связанных с пользованием недрами[1]. Сущность проблемы заключается в понимании словосочетания «зона влияния работ», т.е. какая территория подпадает под эту категорию. Поскольку единой практики разрешения данного вопроса нет, то решение его видится или в сдобном толковании, чтобы им могли воспользоваться как сами суды при решении о законности расторжения договора по этой причине, так и компании с иными государственными органами, выдающими лицензию, или же в закреплении на федеральном уровне данного определения и его толкование. Самым легким вариантом считается приравнять выше данное понятие к другому термину – «границы горного отвода», для упрощения.

Хотелось бы обратить внимание, что существует еще одна проблема касаемо данной статьи[2] об основаниях досрочного прекращения, приостановления, ограничения права пользования недрами в ч. 2 ст. 20 ФЗ «О недрах». Требуется более четкое определение существенных условий нарушения лицензии, потому что в большинстве случаев суды рассматривают данный факт иначе: в таком толковании, были ли со стороны компании уже нарушения условий лицензий единожды или несколько раз(повторно). В итоге идет объединение и даже подмена понятий «существенные условия» и «систематичность» нарушений со стороны лицензиата. Соответственно предлагается или внести в Федеральный Закон что конкретно понимается под существенными условиями лицензии на пользование недрами или же убрать эти две спорные категории и дополнить норму так, что для досрочного прекращения будет наличествовать такое основание как отсутствие в течение 1 года (или более до 5 лет) нарушения, выявленного в установленном порядке, в деятельно-

---

[1] Актуальные проблемы энергетического права. Учебник / под ред. д. юрид. наук В.В. Романовой. М.: Издательство «Юрист». 2015. С. 55.

[2] Закон РФ от 21.02.1992 № 2395-1 «О недрах» // СЗ РФ. 1995. № 10. Ст. 823.

сти компании осуществляющую свои действия по лицензии с нарушением закона.

Представляет еще интерес это правовое обеспечение нефтегазового комплекса в условиях труднодоступных как для жизни людей, так и относительно разработки месторождений это – Арктическая зона России. В связи с тем, что данная территория не имеет почти никакой инфраструктуры (транспортной, рынок работников и т.д.), а главным вопросом становится снабжение необходимым. В рамках развития добычи ресурсов законодатель может установить специальный правовой режим для тех компаний, кто будет осуществлять добычу нефти и газа на этой территории, чтобы уменьшить экономическую нагрузку на этих субъектов отношений. Пока эффективность таких зон оценивается исследователями «как незначительная, поскольку законодателю не удается создать механизмы, обеспечивающие четкие правила игры, минимальные бюрократические издержки и т.п. признаки благоприятного инвестиционного климата данных территорий»[1]. Предполагается разработать специальную «дорожную карту» для добывающих компании, чтобы привлечь, во- первых, больше инвестиций, а, во-вторых, увеличить объем поставок полезных ресурсов, или внутренних запасов. Следовательно, как итог – это повышение престижа и статуса нефтегазовых компаний из России на международной арене.

Как отмечает М.И. Клеандров, что совершенствование правового регулирования отношений в нефтегазовом комплексе способно серьезно повысить эффективность самого нефтегазового комплекса[2]. Тем самым урегулировав наиболее спорные вопросы в данной отрасли, приведет к стабильному гражданскому обороту нефтегазовых компаний, что будет способствовать привлечения инвестиций и развитии это отрасли.

Таким образом как отмечалось уже выше требуется серьезная доработка и изменение законодательства на местном и национальном уровне. Самый объективно наилучший вариант видится в унификации законов, чтобы появилось единообразие и системность при регулировании отношений в данной отрасли права, следовательно с учетом уже имеющихся пробелов и проблем в нормах, которые выявлены судебной практикой.

В целях совершенствования правового регулирования общественных отношений с участием добывающих компаний нефтегазового комплекса представляется целесообразным проведение унификации положений о правовом статусе данных компаний на уровне специального федерального закона, закрепляющего принципы, на основании которых будет осуществ-

---

[1] Абрамова Е.Н. Правовые механизмы инвестирования в энергетику // Право и современная экономика: новые вызовы и перспективы. СПб., 2020. С. 177.

[2] Нефтегазовое законодательство в системе российского права. Новосибирск: Наука. Сибирская издательская фирма РАН, 1999. С. 5.

ляться[1] деятельность добывающих компаний нефтегазового комплекса, создание единообразного понятийного аппарата, детализированы права и обязанности добывающих компаний, где будут включены положения о договорном регулировании и государственном регулировании, контроле.

Однако, стоит учесть экономическую значимость нефтегазового комплекса для развития и улучшения экономики России, в том числе путем экспорта энергетического ресурса другим странам при планировании и изменении законодательства в энергетической отрасли. Осложняется процесс урегулирования таких отношений в законодательном аспекте в связи с существованием в данной отрасли как прогосударственных компаний (существует контроль и надзор со стороны власти для некоторых организаций), так и частных юридических лиц. В следствие еще и того факта, что наша экономика относится к сырьевым, то данный нефтегазовый сектор является одним из самых значимым для страны в целом, а в частности со всеми остальными сферами экономики, т.е. одним из китов, на котором держится вся финансовая, налоговая сфера государства. Поэтому данное исследование нацелено на актуальную тему в очень приоритетной сфере – нефтегазовой. Поэтому прежде всего законодателю стоит обратить внимание, что в целях оптимизации эффективного урегулирования и минимизации потерь в данной сфере от не законных или спорных действий участников отношений, следует не нагромождать данную отрасль многими точечными нормативно-правовыми актами, а перспективнее всего было бы вариант: создание отдельного Федерального закона касающегося полностью нефтегазового комплекса как особого вида ресурса энергетики. Где в нем будут отражены и правовое положение субъектов компании, и их уникальные особенности, а также более детально урегулированы все виды договоров, которые возможно могут заключаться в данной сфере при добыче, транспортировке, перевозке, хранении и потреблении ресурсов, уточнена ответственность за нарушение или других негативных последствий, которые могут произойти в связи с таким уникальным предметом отношений, а также должны быть включены положения о антитеррористической и экологической безопасности, при осуществлении деятельности в этой сфере экономики. Или же возможно предусмотрена унификация этих норм в рамках международного права, например, принятие договора или кодекса в рамах действия стран по соглашению о ЕАЭС.

Среди положений, подлежащих унификации могут быть так же включены положения: о стандартах безопасности для добывающих компаний, имущественной ответственности за вред, причиненный жизни или здоровью людей, имуществу добывающих компаний, окружающей среде

---

[1] Постановление Восьмого арбитражного апелляционного суда от 05.05.2017 № 08АП3228/2017 по делу № А75-5637/2016 / kad.arbitr.ru.

актами терроризма, с целью минимизации последствий таких актов, положения о порядке взаимодействия уполномоченных органов государств-участников соответствующего международного соглашения. Однако более приоритетным эффективным и актуальным будет являться изменение национального законодательства, тем более в связи с нынешней тенденцией нашего правотворчества к не ратификации международных договоров, а изменении уже существующих законов, которые бы соответствовали и не противоречили международному праву.

А.А. Рудой,
студент института магистратуры СПбГЭУ,
магистерская программа «Экономическое право»

ТАРИФНОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ И СВОБОДА ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Одним из проявлений государственного регулирования экономики и вмешательства государства в свободу предпринимательской и иной экономической деятельности выступает государственное регулирование цен на товары, работы или услуги (тарифное регулирование). Следовательно, государственная ценовая (тарифная) политика, как и всякое допустимое в конституционно значимых целях ограничение прав и свобод, возможно лишь постольку, поскольку не выходит за пределы допустимости таких ограничений, т.е. когда такое ограничение является соразмерным (пропорциональным), адекватным и необходимым для защиты конституционных ценностей (ч.3 ст. 55 Конституции РФ). Государственное регулирование ценообразования (участие уполномоченных публичных органов в установлении цен на рынке) играет важную роль в современной рыночной экономике, защищая интересы потребителей от необоснованного роста цен, не допуская монополизации отдельных сегментов рынка и поддерживая тем самым условия для развития конкуренции. В связи с этим само по себе тарифное регулирование как форма вмешательства государства в экономику признается на сегодняшний день допустимым ограничением свободы предпринимательской и иной экономической деятельности, поскольку преследует цели защиты конституционных ценностей, в частности, закрепленных в ч.2 ст. 34 Конституции РФ.

В то же время надлежит учитывать, что конкретные правовые механизмы участия государства в ценообразовании не могут быть произвольными и должны соблюдать баланс противоположных интересов участников рыночных отношений – потребителей (чей интерес состоит в доступности экономических благ) и хозяйствующих субъектов, деятельность ко-

торых подпадает под тарифное регулирование (чей интерес состоит в том, чтобы цена реализуемых ими товаров, работ или услуг покрывала экономически разумные и необходимые издержки на их производство, а также обеспечивала рентабельность (прибыль) капиталовложений).

Сущность государственного ценообразования состоит в участии уполномоченных государственных органов в формировании цены, по которой на рынке реализуются определенные товары, работы или услуги. Такое регулирование может быть прямым, директивным (когда государство в лице своих уполномоченных органов устанавливает твердые, фиксированные цены) или косвенным (когда цена на рынке формируется свободно, но в ограниченных государством пределах, скажем, не выше максимально установленной или без увеличения в течение определенного срока). Например, в порядке косвенного регулирования могут фиксироваться периоды времени, по истечении которых цены допустимо увеличивать; могут устанавливаться предельные величины надбавок[1]; могут вводиться эталоны, позволяющие учитывать специфику разных отраслей и сфер экономики (эталонное регулирование); за рубежом распространен механизм РАБ-регулирования[2].

Отметим, что само по себе такое регулирование ограничено и по сфере экономики: поскольку одним из аспектов принципа свободы экономической деятельности является свободное (рыночное, конкурентное) ценообразование, по общему правилу, государство вообще не вправе вмешиваться в установление цен на рынке и должно отстраняться от прямого участия в ценообразовании, ограничиваясь лишь косвенными, в т.ч. антиинфляционными, мерами монетарной политики. Такой сферой на сегодняшний день признается деятельность, в первую очередь субъектов естественных монополий[3].

Исключительный характер участия государства в ценообразовании подтверждается также в конкретизирующих обозначенный выше конституционный принцип нормах закона. Так, в соответствии с п. 1 ст. 424 ГК РФ исполнение договора оплачивается по цене, определенной по соглашению сторон. И только в предусмотренных законом случаях применяются цены (тарифы, расценки, ставки и т.п.), устанавливаемые или регулируемые уполномоченными на то государственными органами и (или) органами местного самоуправления. Заметим также, что приведенными предписаниями ограничивается уровень нормативно-правового регулирования

---

[1] Коммерческое (предпринимательское) право: учебник : в 2 т. / под ред. В. Ф. Попондопуло. 5-е изд., перераб. и доп. Москва : Проспект, 2017. С. 433-435.

[2] Абрамова Е.Н. Правовые механизмы инвестирования в энергетику // Право и современная экономика: новые вызовы и перспективы. СПб, 2020. С. 173 – 174.

[3] Коммерческое (предпринимательское) право: учебник : в 2 т. / под ред. В. Ф. Попондопуло. 5-е изд., перераб. и доп. Москва : Проспект, 2017. С. 439.

цен (тарифов) государственными органами, поскольку случаи, когда таковое допускается, должны быть предусмотрены федеральным законом (п. 2 ст.3 ГК РФ). Это согласуется с конституционными положениями о том, что ограничение прав и свобод возможно только на основании федерального закона (ч.3 ст. 55 Конституции РФ), а также о том, что основы ценовой политики являются предметом ведения Российской Федерации (п. «ж» ст. 71 Конституции РФ).

По мнению С.Н. Шишкина, отсутствует единообразие в толковании положений ст. 71 Конституции РФ, так как некоторые рассматривают установление тарифов как предмет исключительного ведения РФ, тогда как иные полагают, что в исключительном ведении властей федерального уровня находится только определение основных начал и целей нормативно-правового регулирования тарифов, иными словами – случаев и порядка установления цен (тарифов)[1].

Кроме того в литературе отмечается, что приведенное конституционное положение предполагает принятие отдельного федерального закона, которым должны определяться основополагающие положения, такие как понятие и виды цен, перечень продукции, цены на которую подлежат государственному регулированию, методы и способы правового регулирования ценообразования, а также пределы вмешательства государства в ценообразование[2].

Таким образом, рассматриваемый аспект принципа свободы экономической деятельности предполагает, что государство обязано максимально отстраняться и по общему правилу не участвовать в регулировании цен, а последние должны формироваться участниками рынка свободно на основе спроса и предложения на аналогичную продукцию на рынке. Лишь в порядке исключения и только в тех сферах, где это необходимо для защиты интересов потребителей, поддержки конкуренции и недопустимости монополизации рынка (в первую очередь – в сфере реализации товаров, работ, услуг естественных монополий), могут иметь место регулируемые цены.

Так, в ключевом нормативном правовом акте, которым определены базовые направления государственной политики РФ в области государственного регулирования цен – Указе Президента РФ от 28 февраля 1995 № 221 «О мерах по упорядочению государственного регулирования цен (тарифов)» – закрепляются следующие положения: во-первых, признается

---

[1] Шишкин С. Н. Предпринимательское-правовые (хозяйственно-правовые) основы государственного регулирования экономики. М.; Берлин: Инфотропик Медиа, 2011. С. 170; Предпринимательское право: Правовое сопровождение бизнеса : учебник для магистров / отв. ред. И. В. Ершова. М., Проспект. 2017. С. 526-527.

[2] Предпринимательское право России / отв. ред. В. С. Белых. М., Проспект. 2008. С. 409.

необходимой дальнейшая либерализация цен, во-вторых, государственное регулирование цен должно осуществляться в основном исключительно в отношении товаров, работ и услуг естественных монополий. Но несмотря на то, что упомянутая сфера действия тарифного регулирования является основной (доминирующей), на сегодняшний день такое регулирование ею не исчерпывается: так, например, государственному регулированию подвергаются цены на продовольственные товары в случаях, предусмотренных положениями законодательства об основах регулирования торговой деятельности[1].

Основополагающим методом тарифного регулирования, находящем свое отражение в целом ряде посвященных принципам тарифного регулирования законодательных положений, является метод компенсации экономически обоснованных затрат. Данный метод формирования тарифа предполагает, что при его установлении регулирующий орган (регулятор) проверяет представленную хозяйствующим субъектом, осуществляющим регулируемую деятельность, обоснованность своих затрат (издержек) по нормативно установленным критериям и, установив, что такие издержки являются обоснованными, включает их в тариф. Исходя из изложенного механизма, тарифное регулирование должно возмещать (компенсировать) субъекту регулируемой экономической деятельности обоснованные им расходы и приносить обоснованный уровень прибыли. Так, например, среди методов и принципов государственного регулирования цен (тарифов) в электроэнергетике, ст. 23 ФЗ «Об электроэнергетике» называет, в частности, определение экономической обоснованности планируемых (расчетных) себестоимости и прибыли при расчете и утверждении цен (тарифов) и обеспечение экономической обоснованности затрат коммерческих организаций на производство, передачу и сбыт электрической энергии.

Ключевой вопрос, связанный с реализацией на практике метода компенсации экономически обоснованных расходов, связан с предоставлением ряду потребителей преимуществ (льгот), в первую очередь, льготы по оплате товаров, работ и услуг, реализуемых регулируемыми субъектами, в частности, субъектами естественных монополий. Должны ли установленные законодательно льготы (т.е. по существу дополнительные расходы), компенсироваться хозяйствующим субъектам? Общий подход к регулированию государством тарифов, обозначенный выше, позволяет утвердительно ответить на поставленный вопрос: действительно, установление льгот есть возложение дополнительных расходов, издержек, затрат на реализацию продукции, цена на которую определяется нормативно.

---

[1] Федеральный закон от 28 декабря 2009 г. № 381-ФЗ «Об основахгосударственного регулирования торговой деятельности в Российской Федерации».

Следовательно, хозяйствующий субъект, реализующий свою продукцию (товары, работы, услуги) потребителям из числа принадлежащих к льготным категориям, исходя из смысла принципа свободы экономической деятельности, должен иметь право на прямое возмещение соответствующих затрат либо, по крайней мере, возможность перераспределить соответствующие расходы между другими потребителями, повысив соответствующий тариф (заложив в него указанные издержки). Иными словами, сказанное означает, что недопустима ситуация, при которой субъект экономической деятельности, обязанный к реализации своей продукции по льготным ценам для отдельных потребителей, обязан это делать за свой счет.

Этот подход, как представляется, не только ясно и недвусмысленно вытекает из принципа свободы экономической деятельности, но и в ряде случаев имеет под собой веское основание в виде прямого указания закона, конкретизирующего обозначенный принцип. Речь идет, в частности, о положениях п. 5 ст. 790 ГК РФ, согласно которым в случаях, когда установлены льготы или преимущества по провозной плате за перевозку, понесенные в связи с этим расходы возмещаются транспортной организации за счет средств соответствующего бюджета. Во взаимосвязи с п. 2 ст. 790 ГК РФ, устанавливающим, что плата за перевозку транспортом общего пользования определяется на основании тарифов, анализируемое регулирование предполагает обязанность таким образом урегулировать тарификацию услуг перевозчиков, при которой им будут возмещаться устанавливаемые государством льготы, а также всякие другие, не отнесенные прямо к льготам, преимущества, влекущие за собой несение перевозчиками соответствующих затрат.

Однако следует с сожалением отметить, что приведенные нами рассуждения не всегда находят реализацию на практике: субъектами регулируемой деятельности приходится нести возложенные государством расходы по оказанию услуг льготникам за свой счет.

Речь в данном случае идет, прежде всего, о воздушных пассажирских перевозках. Согласно правилам п. 2 ст. 106 Воздушного кодекса РФ, дети в возрасте от двух до двенадцати лет перевозятся в соответствии с льготным тарифом с предоставлением им отдельных мест.

Установление указанной нормой льготного тарифа для детей стало предметом рассмотрения Конституционного Суда РФ, перед которым был поставлен вопрос, конституционно ли возложение на перевозчика соответствующего обременения без возмещения со стороны государства и не означает ли оно по существу возложение на субъектов предпринимательской деятельности социальных обязательств государства[1].

---

[1] Постановление КС РФ №29-П от 20 декабря 2011 г. // СПС «КонсультантПлюс».

Отметим, что в целом, КС РФ в данном деле пришел к выводу, что основополагающим принципом регулирования отношений в области перевозок пассажиров воздушным транспортом является необходимость соблюдения баланса между интересами пассажиров, которые представляют собой слабую с экономической точки зрения сторону таких отношений и которым должна быть обеспечена равная доступность услуг, и интересами авиакомпаний-перевозчиков, эффективное функционирование которых предполагает возмещение им затрат на оказание таких услуг.

Представляется очевидным, что искомый баланс интересов должен согласовываться с конституционными принципами, в том числе, принципом свободы экономической деятельности и не может пониматься в том смысле, что в интересах пассажиров как экономически более слабой стороны в правоотношении на перевозчика допустимо перекладывать публично-правовые (социальные) обязательства.

В этом отношении КС РФ правильно, с нашей точки зрения, отмечает, что выполнение авиакомпаниями – коммерческими организациями – обязательств публичного характера за свой счет не согласуется с основной целью их деятельности и нарушает принцип пропорциональности в ограничении их прав.

В то же время КС РФ отметил, что отсутствие четкого и непротиворечивого правового механизма компенсации издержек, которые несут на перевозку по льготным ценам детей авиакомпании, создает неопределенность в вопросе о наличии и о способе возмещения указанных издержек.

Отметим, что КС РФ счел невозможным устранить выявленную им неопределенность в правовом регулировании путем конституционно-правового истолкования оспариваемой нормы Воздушного кодекса РФ, ограничившись замечанием, что содержание проверяемой нормы не позволяет выявить волю федерального законодателя по вопросу о возмещении расходов, вызванных льготными перевозками.

Однако с таким суждением сложно согласиться, ибо неясно, что препятствовало суду истолковать оспоренную норму в том смысле, который предполагает, что расходы, понесенные перевозчиками в связи с установлением льгот для детей, включаются в себестоимость услуги по перевозке и подлежат возмещению из бюджета в составе иных расходов. На возможность такого истолкования, с которым, исходя из сказанного ранее, вполне можно согласиться, указал в своем Мнении судья КС РФ Г.А. Гаджиев.

Конституционный Суд РФ, отметив свою обязанность учитывать баланс конституционно значимых интересов, недопустимость нарушения прав и свобод других лиц при осуществлении прав и свобод человека и гражданина, с одной стороны, и стабильности правоотношений – с другой, воздержался от признания оспариваемых законоположений не соответствующим Конституции РФ.

Конкретных мотивов, послуживших основанием для того, чтобы воздержаться от признания оспоренных норм закона неконституционными, Суд *expressisverbis* не приводит, однако представляется, что можно уверенно утверждать, что реальной причиной для этого явились возможные негативные (обременительные) последствия для бюджетной системы, так как в этом случае пришлось бы признать, что за весь период действия оспариваемой нормы соответствующие расходы подлежали возмещению. К таким же последствиям привело бы и предложенное выше конституционно-конформное толкование закона в том смысле, который предполагает, что расходы, понесенные перевозчиками в связи с установлением льгот для детей, включаются в себестоимость услуги по перевозке и подлежат возмещению из бюджета в составе иных расходов.

Заметим, что воздержавшись от признания положений Воздушного кодекса РФ неконституционными, КС РФ указал тем самым на ее неконституционность *defacto*, однако отказался признавать ее формально, *deiure*, ограничившись поручением федеральному законодателю внести в действующее правовое регулирование изменения, направленные на соблюдение конституционного баланса публичных и частных интересов в данной сфере.

Такой подход КС РФ, как представляется, не обеспечил искомого баланса интересов и не устранил противоречащее Конституции РФ регулирование, а воздушные перевозчики еще долгое время после принятия рассматриваемого Постановления несли за свой счет издержки, вызванные льготированием перевозок детей. Так, необходимые изменения в действующее регулирование, направленные на устранение выявленного судом (но не устраненного им самим) дисбаланса, были внесены лишь в 2013 году, а компания-перевозчик, потребовавшая возмещения за счет средств казны своих убытков, вызванных прежним регулированием, не смогла добиться защиты своих прав. Так, Решением Верховного Суда РФ от 28 мая 2014, оставленным без изменения Апелляционным определением Апелляционной коллегии Верховного Суда РФ от 30 сентября 2014, было отказано в удовлетворении требований о признании частично недействующим абзаца 2 п. 106 Федеральных авиационных правил, утв. Приказом Минтранса России от 28 июня 2007 № 82. Суд апелляционной инстанции, оставляя в силе обжалуемое решение, указал, что отсутствие механизма возмещения искомых расходов за то время, кода он не был урегулирован, не свидетельствует о незаконности решения суда, так как в порядке абстрактного нормоконтроля суд проверяет оспариваемый акт на соответствие законодательству, действующему на момент рассмотрения дела.

В этой связи представляется необходимым внести в действующее регулирование правовой механизм, позволяющий компенсировать указан-

ные расходы перевозчиков за предшествующий период, поскольку возложение этих затрат на них defacto являлось неконституционным, а следовательно, недопустимым.

Е.М. Селиванова
студент института магистратуры СПбГЭУ,
магистерская программа «Экономическое право»

СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ РЕГУЛИРОВАНИЯ БАНКРОТНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В ПЕРИОД ПАНДЕМИИ КОРОНАВИРУСА

В современных условиях рыночной экономики нельзя обойти стороной такой правовой институт, как несостоятельность (банкротство). Без преувеличения механизм несостоятельности (банкротства) является одним из основных рыночных механизмов. Его основополагающая роль в предпринимательской деятельности признается как экономической наукой, так юристами.

Эффективность функционирования рыночной экономики и предпринимательства во многом зависит от уровня развития законодательства, способного обеспечить экономику правовыми инструментами, защищающими от влияния таких факторов, как убыточные предприятия, участники рынка, которые не в состоянии выполнять свои обязательства.

Исторический анализ развития института банкротства подтверждает тот факт, что экономическая ситуация, кризисные явления всегда находят отклик в законодательстве о банкротстве. В зависимости от состояния экономического развития законодатель использует разные инструменты регулирования. От самых либеральных,радикально продолжниковских, которые используются тогда, когда уровень экономики или конъюнктурная ситуация такова, что для успешного развития эффективнее поддерживать должника, до радикально прокредиторских, где основная задача-удовлетворение требований кредитора, при этом интересы остальных участников процесса не являются приоритетными[1].

Кризис экономики 2020 года, вызванного пандемией Covid-19, не стал исключением. Последний кризис характеризуется своей непредсказуемостью, так как вызван новым, неизученным вирусом Covid-19. В условиях неизвестности, сложной эпидемиологической ситуации экономика восстанавливается медленно, деловая активность также не спешит расти.

[1] Предпринимательское право Российской Федерации: Учебник. 3-е изд., перераб. и доп. / отв. ред. Е.П. Губин, П.Г. Лахно. М., 2017.

Наиболее пострадавшим в этой ситуации можно назвать реальный сектор экономики, а в условиях высокого уровня долговой нагрузки в данном секторе, как нельзя актуально встает вопрос об изменении банкротного законодательства, его либерализации и поддержки должников.

В результате законодатели разных стран снова обратили внимание на регулирование банкротства как на эффективный инструмент сохранения целостности и экономической ценности компаний. Изменения в свои законодательства о банкротстве внесли Великобритания, Франция, Германия, Италия, Испания, Бельгия, Чехия, Польша, Португалия, Австралия, Новая Зеландия, Колумбия, Перу и т. д. Исключением не стала и Россия[1].

Результатом антикризисных мер в Российской Федерации стало внесение Федеральным законом от 01 апреля 2020 № 98 "О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций" изменений в Федеральный закон от 26 октября 2002 № 127 «О несостоятельности (банкротстве)» (далее-Закон о банкротстве)[2].

В вышеуказанном законе появилась совершенно новая статья 9.1 "Мораторий на возбуждение дел о банкротстве"

Постановлением Правительства Российской Федерации от 01 октября 2020 года № 1587 мораторий на банкротство предприятий по требованию их кредиторов продлен до 07 января 2021 года.

Кризисные явления в экономике в условиях пандемии явились следствием ряда мер по внесению либеральных изменений в законы о банкротстве во всем мире, в т.ч. и в России.

Следствием сложившейся ситуации стало введение моратория на процедуры, используемые в соответствии с законодательством о банкротстве. Такими примерами могут быть, например, запрет на подачу кредиторами заявлений о банкротстве. Некоторые страны увеличили уровень минимальной суммы долга. Еще одним примером можно назвать смягчение требований к кредитам, которые акционеры дают своим компаниям.

Очень показателен в этой связи пример Индии, в этой стране запрещена подача заявлений о банкротстве, причем и в отношении тех компаний, неплатежеспособность которых не связана с пандемией.

Не все страны решились ввести столь радикальные меры, некоторые изменили требования к минимальному порогу задолженности для обращения кредиторов в суд. Например, Сингапур изменил такую сумму с 10 тыс. долларов до 100 тыс долларов.

---

[1] Центр макроэкономических исследований НИФИ Минфина России Мировые тренды законодательства о банкротстве и корпоративном управлении во время пандемии коронавирусной инфекции COVID-19.

[2] Федеральный закон от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002.

Эффективность таких методов будет видна по прошествии времени и после отмены моратория. Существует мнение экспертов о том, что такие меры лишь отсрочат многочисленные банкротства.

В ряде европейских стран – Франции, Германии, Италии, Испании, Австрии, Чехиипредприниматель освобожден от обязанности подачи заявления о своем банкротстве. Эффективность этого метода будет также зависеть от продолжительности. Важно оценить экономическую ситуацию и вовремя «очистить» экономику от нежизнеспособных компаний. Такая мера введена в Испании до 31/12/2020г., в Германии до 31/03/2021г.

"Лечебный" эффект другой меры зависит от срока действия – приостановление действия принципа "рекапитализации или ликвидации", который действует во многих Европейских странах. Это правило было заморожено, например, властями Франции, Италии и Испании. Так, Рим приостановил его до конца года, что, по мнению экспертов, может оказаться недостаточным, поскольку убытки, понесенные в течение текущего года, будут отражены в годовой финансовой отчетности, которая будет представлена только в 2021 году [1].

К смягчению требований к кредитам, которые акционеры дают своим компаниям можно отнести введение дополнительного правила по выдаче субординированных кредитов, выдаваемых акционерами своим компаниям. В обычных условиях банкротства такие кредиты могут быть возвращены акционерам только после того, как произойдет погашение требований прочих кредиторов. Вероятность их возврата весьма мала.

Сейчас, например, в Германии требования акционеров, выдавших такие кредиты до 30 сентября 2020 года, рассматриваются в делах о банкротстве наравне с обычными требованиями кредиторов.

Другой пример либерализации законодательства Германии-это введение временного запрета на банкротство, выдвигаемое кредитором. Данной нормой могут воспользоваться все компании, если их финансовое состояние на 31/12/2019 отвечает признакам платежеспособности, но условия, связанные с пандемией, вызвали финансовые потери. Возможность восстановления платежеспособности не утрачена.

В то же время немецкое законодательство допускает совершение любых сделок в период действия моратория, если они направлены на поддержание платежеспособности должника.

Срок моратория может быть продлен до 31 марта 2021 года.

Разница между немецким мораторием на банкротство и российским заключается в том, что в Германии законодатель распространил эту норму

---

[1] Центр макроэкономических исследований НИФИ Минфина России Мировые тренды законодательства о банкротстве и корпоративном управлении во время пандемии коронавирусной инфекции COVID-19.

на все предприятия любых отраслей экономики, независимо от того, являются они системообразующими или нет.

Американское законодательство в условиях, вызванных пандемией, также стремиться оказать содействие бизнесу.

Одной их таких мер можно назвать принятие поправок в Кодекс США о банкротстве и Закон о реорганизации малого бизнеса 2019 года (SBRA).Были изменены требования к минимальной сумме долга для подачи заявления о банкротстве. Внесены поправки в раздел 5 главы 11 Кодекса о банкротстве США. Они позволяют сохранить больший контроль над предприятием, а также упрощают процедуру банкротства. Поправки включают также новые требования к планам реорганизации, увеличение сроков своих платежей на срок до семи лет.

В странах Азиатско-Тихоокеанского регионапоправки в законодательство о банкротстве перекликаются с европейскими. Они также имеют целью предотвратить массовые банкротства в период пандемии. В качестве примера можно привести Индию и Сингапур, где была изменена минимальная сумма задолженности, требующая подачи заявления о банкротстве.

Заслуживает внимания и опыт борьбы с массовыми банкротствами в Австралии. В этой стране минимальный порог подачи заявления о банкротстве был увеличенв десять раз за полгода (до 20 тысяч австралийских долларов). Срок реагирования на конкурсные требования кредиторов и срок временной защиты от взыскания задолженности, в течение которого банкротство должника не может быть инициировано, увеличена с 21 дня до шести месяцев[1].

Как и в других странах эти меры направлены на удержание волны банкротств.

Изменения в законодательство Российской Федерации предполагают особые правила для отдельных категорий должников. Список таких должников формировался на основании их ОКВЭД (Общероссийский классификатор видов экономической деятельности) по состоянию на 1 марта 2020 года. Изменения, внесенные в ОКВЭД после этой даты, не позволят использовать мораторий. Закон позволяет компании, включенной в этот перечень, отказаться от участия в моратории путем публикации соответствующего сообщения в едином федеральном реестре сведений о банкротстве[2].

---

[1] Центр макроэкономических исследований НИФИ Минфина России Мировые тренды законодательства о банкротстве и корпоративном управлении во время пандемии коронавирусной инфекции COVID-19.

[2] Теория и практика применения моратория на банкротство: [электронный ресурс]. URL: https://www.kommersant.ru/doc/4475849.

Для определения категории субъектов, подпадающих под новую статью, на сайте Федеральной налоговой службы был запущен новый сервис https://service.nalog.ru/covid/, который позволяет получать информацию о лицах, отнесенных к отраслям промышленности, наиболее подверженным коронавирусной инфекции ...

К организациям, которые могут воспользоваться мораторием на банкротство, относятся компании, работающие в сфере авиаперевозок, развлечений, туризма, организации выставок и оказания бытовых услуг населению, спорта и санаторно-курортного комплекса, организации, общественного питания и гостиничный бизнес.

Несмотря на то, что в этот список входят почти 1,3 млн компаний и индивидуальных предпринимателей, сфера деятельности крупного, среднего и малого бизнеса во много раз шире тех, которые попали под соответствующий мораторий. Затронуты такие сферы деятельности, как транспорт, аренда, строительство, образование, вневедомственные услуги и многие другие отрасли. Следует также отметить, что мораторий на банкротство не распространяется на физических лиц.

Количество решений о признании компаний банкротами снижалось в 2020 по сравнению с 2019 на 19,9%, и по словам Главы "Федресурса", основной причиной изменившейся статистики, является мораторий на банкротство. Снижение числа банкротств компаний также связано с тем, что суды работали в ограниченном режиме.

Волна банкротств в бизнес-сегменте начнется, когда мораторий прекратит действие. Ограничение предпринимательской деятельности не пройдет бесследно ни для граждан, ни для бизнеса[1].

Таким образом, в целях уравнивания прав уполномоченного органа и других кредиторов должника на возбуждение конкурсного производства, законодатель совершенно справедливо предусмотрел положение о том, что после истечения срока действия моратория право на обращение в арбитражный суд возникает у уполномоченного органа не ранее чем через 15 календарных дней после истечения срока действия моратория;

Практика применения моратория. Отметим, что большая часть формулировок ст. 9.1 Закона о банкротстве является слишком конкретной и не допускает широкого толкования. Но есть много вопросов, которые не отражены в законе: субсидиарная ответственность лиц, контролирующих должника; включение срока моратория в срок исковой давности для оспаривания ничтожных сделок в конкурсном производстве; функционирование должников, формально подпадающих под мораторий, но имеющих признаки банкротства задолго до его введения и многие другие вопросы.

---

[1] Теория и практика применения моратория на банкротство: [электронный ресурс]. URL: https://www.kommersant.ru/doc/4475849.

Уже в апреле 2020 вышел Обзор по отдельным вопросам судебной практики, связанным с применением законодательства и мер по противодействию распространению на территории Российской Федерации новой коронавирусной инфекции (COVID-19) № 1 (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 21 апреля 2020 г.)[1](2), и следом за ним Обзор по отдельным вопросам судебной практики, связанным с применением законодательства и мер по противодействию распространению на территории Российской Федерации новой коронавирусной инфекции (COVID-19) № 2 (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 30 апреля 2020 г.)[2].

В Обзоре определен порядок приема заявление кредитора в зависимости от того, включен ли должник в мораторный список, последствием заявления должника о своей ликвидации будет автоматическое снятие банкротного иммунитета, порядок опубликования уведомления о признании лица банкротом на Федресурсе по окончании действия моратория, о приостановлении начисления неустоек и процентов по 395 ст ГК (по требованиям до введения моратория), невозможность любого принудительного взыскания.

В помощь участникам будущих банкротных процессов Пленум Верховного суда выпустил Постановление с разъяснениями относительно применения введенных мораторием ограничений и их последствий (см. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24 декабря 2020 N 44 «О некоторых вопросах применения положений статьи 9.1 Федерального закона от 26 октября 2002 года N 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)»).

Отвечая на вопрос о лицах, к которым применимы правила моратория (п. 1 и п.2 ПП ВС № 44 от 24.12.2020 г.), ВС РФ разъясняет, что положения моратория могут быть применены по отношению ко всем организациям и индивидуальным предпринимателям, которые работают в пострадавших от пандемии областях экономики, а также стратегические организации, которые включены в системообразующие. Основным критерием данного правила является дата, когда отрасль была включена в перечень пострадавших от пандемии.

Отвечая на вопрос о правом статусе кредиторов, требования которых возникли после введения моратория (п.11 ПП ВС № 44 от 24.12.2020 г.), ВС РФ дает определение следующего содержания: требования кредиторов,

---

[1] Обзор по отдельным вопросам судебной практики, связанным с применением законодательства и мер по противодействию распространению на территории Российской Федерации новой коронавирусной инфекции (COVID-19) № 1, утв. Президиумом Верховного Суда РФ 21 апреля 2020 г.

[2] Обзор по отдельным вопросам судебной практики, связанным с применением законодательства и мер по противодействию распространению на территории Российской Федерации новой коронавирусной инфекции (COVID-19) № 2, утв. Президиумом Верховного Суда РФ 30 апреля 2020 г.

которые возникли после начала действия моратория, должны быть квалифицированы как текущие. Инициировать дело о банкротстве возможно только после 08/04/2021. В случае подачи заявления в более ранний срок, необходимо будет повторно обратиться в суд уже после 08/04/2021.

Правила ст. 5 Закона о банкротстве будут применяться после указанной даты.

Отвечая на вопрос об особенностях оспаривания сделок должника (п.14. ПП ВС № 44 от 24.12.2020 г.),ВС дает определение следующего содержания: «Пока не доказано иное, предполагается, что все сделки должника, в отношении которого действовал мораторий, совершены в рамках обычной хозяйственной деятельности».

Вопрос № 4:

Отвечая на вопрос о составе и порядке начисления финансовых санкций (п.7. ПП ВС № 44 от 24.12.2020 г.),ВС РФ дает определение следующего содержания: на период моратория приостанавливается начисление финансовых санкций, по обязательствам, которые возникли до его введения. Т.е. пени, штрафы, неустойка начисляться не будут.

Но начисление процентов по кредитному договору, договору займа или коммерческого кредита не подпадают по действие моратория. Уплата таких процентов не является санкцией.

Данная позиция дополнительно подтверждена решением ВС уже в апреле 2021. В своем определении Верховный суд постановил, что для освобождения от финансовых санкций – есть только одно основание, а именно: основная деятельность компании, согласно коду ОКВЭД, отнесена законодателем к пострадавшим от пандемии отраслям.

При этом ни причины возникновения просрочки, ни связь между просрочкой и коронавирусом доказывать не нужно.

Позиция ВС согласуется с позицией законодателя в том, что компании из пострадавших от коронавируса областей экономики нуждаются в серьезной поддержке. Любые дополнительные финансовые санкции могут быть губительны[1].

Отвечая на вопрос об отказе от моратория и последствиях такого отказа, ВС дает определение следующего содержания: в случае отказа от моратория компания теряет возможность воспользоваться положениями ст. 9.1 Закона о банкротстве, но в замен у нее остается право распоряжаться своими прибылями, выплачивать дивиденды. В практике известны случаи добровольного отказа компаний от действия моратория[2].

---

[1] ВС указал, кому нельзя начислять проценты в банкротный мораторий: [электронный ресурс]. URL: https://pravo.ru/story/231173/.

[2] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.12.2020 N 44 «О некоторых вопросах применения положений статьи 9.1 Федерального закона от 26 октября 2002 года N 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве).

Подводя итог, хочется отметить, что предпринятые государством мораторные меры имели определённый результат, поскольку помогли удержать от резкого и бесповоротного обрушения целые отрасли.

Однако крайне нестабильное финансовое состояние, в котором все еще пребывает большая часть бизнеса из пласта пострадавших отраслей, и до сих пор сохраняющиеся ограничения, в совокупности дают основания полагать, что плавного перехода из моратория к обычной жизни, к сожалению, не случится, а значит, в ближайшие месяцы можно оживать резкое увеличение числа банкротных споров.

В условиях экономического кризиса такая мера-не лучший выход из сложившейся ситуации. Ни кредиторы, ни сами должники не смогут добиться быстрого и эффективного правосудия, потому что суды будут ждать публикации позиции государства, Верховного Суда РФ или хотя бы районного суда по многим вопросам, не урегулированным законом.

А.А. Сластенина,
студентка бакалавриата
юридического факультета СПбГЭУ

ОСУЩЕСТВЛЕНИЕ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ИСКЛЮЧИТЕЛЬНЫХ ПРАВ НА ПРОИЗВЕДЕНИЯ НАУКИ, ЛИТЕРАТУРЫ И ИСКУССТВА В СЕТИ ИНТЕРНЕТ НА ПРИМЕРЕ СТРАН ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА, СОЕДИНЕННЫХ ШТАТОВ АМЕРИКИ И РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В целях выявления причин возможных нарушений авторских прав в сети Интернет, а также доступных на сегодняшний день механизмов защиты, необходимо проанализировать нормативные правовые акты, действующие на территории Российской Федерации (далее – РФ). При проведении исследования, следует уделить внимание и нормативным правовым актам других стран, законодательство которых наиболее полно удовлетворяет потребностям общества и соответствует тенденциям развития сети «Интернет» (далее – Интернет).

Основополагающим источником, действующим на территории РФ и закрепляющим основы защиты интеллектуальной собственности, свободу творчества, является Конституция РФ. Иные нормативно правовые акты, в том числе, и международные действуют на основе принципов, закрепленных Конституцией РФ.

На современном этапе развития гражданского законодательства РФ отличается наличием прямо закрепленной в положениях действующего

ГК РФ (часть 4) от 18 декабря 2006 года N 230 Главы 70 «Авторское право». Положения Главы 70 ГК РФ содержат общие положения о правах, принадлежащих автору произведения науки, литературы, искусства, которые в дальнейшем при проведении анализа поспособствуют унификации терминологии и формированию выводов.

Принятие части 4 ГК РФ, в частности, Главы 70, обусловлено:

1) необходимостью приведения законодательства государств в соответствии с нормами, установленными международными соглашениями;

2) развитием института интеллектуальной собственности, в целом, а также в связи с развитием научно-технического прогресса;

3) необходимостью устранения противоречий между нормами ГК РФ и нормами других федеральных законов;

4) инновационным и экономическим развитием.

Часть 4 ГК РФ, на сегодняшний день не способна удовлетворить все «потребности» современного развивающегося общества, в связи с чем возникла необходимость уточнения и принятия иных нормативно- правовых актов, дополняющих и уточняющих положения ГК РФ. Так, на данный момент действуют несколько федеральных законов в области охраны авторских прав, например, ФЗ от 17 ноября 1995 г. No 169 «Об архитектурной деятельности в Российской Федерации», Федеральный закон "О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам защиты интеллектуальных прав в информационно-телекоммуникационных сетях" от 02 июля 2013 N 187, также известный, как «антипиратский закон». Антипиратский закон интересен прежде всего тем, что впервые был зафиксирован механизм защиты правообладателей от притязаний в средствах массовой информации (далее – «СМИ»), в том числе в сети «Интернет»[1].

В целях наиболее полного исследования современного состояния правовой основы в области охраны авторский прав в сети «Интернет», необходимо также исследовать зарубежный опыт, чтобы понять, существуют ли доступные механизмы способные наиболее оперативно приспособиться к информационным изменениям, которые возможно перенять в целях эффективного урегулирования правоотношений на территории РФ.

Следует обратиться к опыту Соединенных Штатов Америки. Так, наиболее интересной в рамках данной работы представляется «Доктрина добросовестного использования», иначе именуемая – «fair use». Суть данной доктрины заключается в том, что третьи лица могут свободно использовать любые произведения, которые защищены авторским правом, но

---

[1] Новоселова Л. А. Право интеллектуальной собственности. Учебник. М.: Юрайт, 2019.

при соблюдении конкретных условий[1]. Смысл сводится к возможности использования произведений без получения разрешения правообладателя только в тех пределах, в каких оно способствует прогрессу науки и искусств. Общий смысл закреплен в положениях Конституции Соединённых Штатов Америки от 17 сентября 1787 года, а именно, в п. 8 разд. 8 ст. 1. Цель данной доктрины – установление баланса между правообладателями и добросовестными пользователями, для которых произведение представляет научную, культурную ценность.

Впоследствии концепция стала частью Закона «Об авторском праве» 1976 г. (Copyright Act). Согласно ст. 107 Закона об авторском праве существует ограниченный перечень случаев, когда использование произведений считается добросовестным в дословном понимании этого слова, закон признает таковыми, например, использование в целях критики, обучения, исследования, демонстрация в новостных сводках и другие.

При этом, указанные случае считаются «добросовестным использованием, при соблюдении следующих условий:

1) Некоммерческая цель при использовании произведения, использование произведения в образовательных и иных целях, не связанных с извлечением прибыли;

2) Сущность используемого произведения;

3) Степень нарушения прав автора произведения, существенность использованной части произведения по отношению ко всему произведению;

4) Стоимость произведения и влияние на сферу рынка.

Следует отметить, что указанные случаи и условия также относятся и к неопубликованным официально произведениям.

Судебная практика демонстрирует некоторые противоречия положений доктрины при ее практическом применении, так как судьи в каждом конкретном случае учитывают каждое из «условий использования», закрепленное в Законе об авторском праве США. Следовательно, единообразная практика применения в принципе невозможна, так как невозможно предсказать, каким образом судья с учетом конкретных обстоятельств истолкует то или иное условие использования.

Подобная доктрина характерна для стран англо-американской правовой системы, к которой РФ не относится.

В РФ существует понятие «свободного использования произведений». Свободное использование подразумевает отсутствие вознаграж-

---

[1] Луткова О.В. Доктрина добросовестного использования произведений в современном авторском праве США // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2016. №2. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/doktrina-dobrosovestnogo-ispolzovaniya-proizvedeniy-v-sovremennom-avtorskom-prave-ssha (дата обращения: 30.03.2021).

дения, выплачиваемого правообладателю, также и отсутствие согласия правообладателя. Перечень случаев «свободного использования» обозначен в Гл. 40 ГК РФ, например, воспроизведение в личных целях и иные, которые касаются в основном именно музыкальных произведений, естественно речи об использовании в сети «Интернет» в гл. 40 ГК РФ не идет.

Отличие «свободного использования», обозначенного в РФ, от доктрины «добросовестного использования» состоит в том, что в законодательстве РФ установлен закрытый перечень случаев, возможного использования произведений[1].

Наиболее развитыми в сфере использования произведений, охраняемых авторским правом, в сети «Интернет» являются нормативные документы, принятые Советом Европы и Европейским парламентом. Многие из Директив, принятых ЕС, характеризуются прогрессивностью и оказывают значительное влияние на законодательство многих стран, так как данные нормативные документы апробированы и на практике доказали свою «состоятельность».

Стратегия единого цифрового рынка для Европы, провозглашенная в Послании Европейской Комиссии от 6 мая 2015 года установила, что целью реформирования авторского права является – обеспечения доступа пользователей сети «Интернет» к произведениям.

Для достижения указанной цели была принята, так называемая, «Реформа авторского права в сети Интернет» – Директива (ЕС) 2019/790 Европейского Парламента и Совета Европы от 17 апреля 2019 года об авторском праве и смежных правах в цифровом едином рынке и изменяющие директивы 96/9 / ЕС и 2001/29. На сегодняшний день данная Директива не применяется, начало реализации с 7 июня 2021 года – последний день имплементация для государств Европейского Союза.

Целями данной «реформы» являются:

1)адаптация норм права к новой цифровой реальности

2)улучшение положения правообладателей.

В рамках данной работы необходимо представить на обозрение основные нововведения со ссылками на статьи Директивы и на положения ее обширной преамбулы.

Реформа авторского права подразумевает следующие нововведения:

1. Внесение изменений в ограничения и исключения (limitations and exceptions) путем их значительного расширения. В данном случае ограничения и исключения распространяются на правообладателя. Это нововве-

[1] Калятин В.О. О перспективах применения в России доктрины добросовестного использования // Закон. 2015. N 11. С. 40-47.

дение направлено на учет интересов пользователей сети «Интернет», в частности, определенных ресурсов.

Это предполагает вмешательство в процесс цифрового использования, а также в процесс формирования самостоятельного явления такого, как использование произведений в сети Интернет в целях анализа, использования в исследованиях и в качестве культурного опыта.

2. Внесение изменений в части правомерности использования произведений «вышедших из оборота», которые в определенный момент стали ограниченно доступными для пользователей, но в связи с развитием сети «Интернет» стали активно распространяться и оцифровываться.

При этом, Директива рассчитана не только на смягчение процедуры использования произведений, вышедших из оборота, но и на защиту правообладателя от потенциального нарушения его прав. Так, ст. 8 предусматривает возможность отказа от лицензирования и изъятия произведения из-под действия исключений и ограничений.

3. Изменение процедуры достижения согласия между пользователями и коллективными организациями – объединение пользователей, использующих определенный тип произведений. Процедура предусматривает получения пользователями разрешения от правообладателя конкретного произведения с учетом уменьшения всевозможных издержек для индивидуальных пользователей, которые могут оказаться неоправданно высокими.

4. Публикации в периодических изданиях с целью доведения сведений до общественности ежедневно, иначе, «публикации в прессе» признаются объектом, на который распространяется исключительное право. Новшество характеризуется следующей отличительной особенностью – защита прав периодических изданий, при использовании публикаций издания на различных онлайн сервисах. Речь идет о том, что данное положение введено в целях оценки и возмещен я финансового и организационного вклада издателей в публикацию произведения, при этом, не ограничивая права автора произведения.

5.Внесение изменений в процедуру регулирования деятельности провайдеров онлайн-платформ, которые должны отслеживать размещаемый контент. Вызвано это возникшей неопределенностью между правообладателями, размещающими контент, и пользователями, которым предоставлен доступ к данному контенту. Данные изменения распространяются на онлайн-платформы, позволяющие загружать и распространять контент, например, YouTube. В Директиве определена природа действия онлайн-платформ по размещению контента – доведение до общего сведения произведений, охраняемых авторским правом, следовательно, по смыслу положений Директивы, онлайн-платформа должна получить разрешение от правообладателя.

6. Изменение процесса получения правообладателем вознаграждения, в частности, получения правообладателем справедливого вознаграждения.

Данное изменение направлено на защиту прав авторов, как менее защищенных субъектов возникающих правоотношений. В Директиве сформулированы основополагающие принципы, позволяющие обезопасить авторов от всевозможных притеснений. Вознаграждение автора должно быть надлежащим и пропорциональным, что означает, направленность на компенсацию издержек и возможность извлечения прибыли.

Указанный нормативный документ, направлен на уменьшение пробелов в законодательстве стран ЕС в сфере исключительных прав на произведения. На сегодняшний день данный документ является одним из самых прогрессивных, удовлетворяющих потребностям прогресса и процесса цифровизации. Основная цель Директивы – урегулирование интересов правообладателей, пользователей контента и общества в целом. Директива способствует достижению гармонии между охраняемыми авторскими правами произведениями и активно развивающейся сетью «Интернет».

Однако, для большинства стран, РФ также не является исключением, вопрос относительно защиты исключительных прав на произведения в сети «Интернет» – открыт, так как законодательство не способно изменяться такими же темпами, как и сеть «Интернет». В связи с чем, возникает необходимость прогнозирования законодателем развития сети «Интернет» и уже после принятия соответствующих законов, способных защитить правообладателей и соблюсти баланс интересов пользователей, правообладателей и общества в целом.

На современном этапе развития законодательства РФ и иных стран не зафиксировано унифицированных норм, которые позволили бы в полной мере урегулировать процедуру использования произведений в сети «Интернет», кроме того, возникает проблема заимствования произведений посредством сети «Интернет», которое на сегодняшний день фактически невозможно распознать.

Именно поэтому, проведенный анализ, свидетельствует о возможности заимствования законодательного опыта стран ЕС, проводящих революционную реформу в сфере защиты авторских прав в сети «Интернет».

М.А. Шереметьева,
студентка института магистратуры СПБГЭУ,
магистерская программа «Гражданское право, Семейное право»

ПРОБЛЕМЫ РЕГЛАМЕНТАЦИИ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ВРЕД, ПРИЧИНЕННЫЙ СИСТЕМОЙ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

На сегодняшний день правовое регулирование систем искусственного интеллекта (далее – ИИ) находится в зачаточном состоянии и регламен-

тируется только в рамках национальных стратегий развития, перечнях поручений и экспериментальных режимах.[1]

Однако научно-технический прогресс не стоит на месте, и уже сейчас в теории и практике обсуждается вопрос о том, кто будет нести ответственность за вред, причиненный ИИ. Распоряжением Правительства от 19.08.2020 № 2129-р отмечается, что реальный уровень развития высоких технологий не предполагает внесение в гражданское законодательство в части регламентации юридической ответственности глобальных изменений. Однако здесь же указывается на необходимость разработки механизмов гражданско-правовой ответственности при причинении вреда системами ИИ, имеющими высокую степень автономности, самостоятельности[2].

Нужно отметить, что в теории выделяется «сильный» и «слабый» ИИ.

«Сильный» ИИ – это технология, которая гипотетически достигла и превысила уровень человеческого интеллекта, способная к решению любых задач без заранее заданного алгоритма[3]. Доподлинно известно, что еще ни одно устройство не прошло тест Алана Тьюринга, который негласно является маркером уровня технологий ИИ[4]. Соответственно, «сильный» ИИ еще не создан, а «слабый» представляет собой устройство, способное к выполнению определенного вида задач.

Определение ИИ, приведенное в нормативных актах, имеет скорее собирательный характер, целью которого является охватить как можно

---

[1] Указ Президента РФ от 10.10.2019 N 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» (вместе с «Национальной стратегией развития искусственного интеллекта на период до 2030 года») // СЗ РФ. 2019. N 41. Ст. 5700; Распоряжение Правительства РФ от 19.08.2020 N 2129-р «Об утверждении Концепции развития регулирования отношений в сфере технологий искусственного интеллекта и робототехники до 2024 года» // СЗ РФ. 2020. № 35. Ст. 5593; ФЗ от 24 апреля 2020 N 123 «О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта в субъекте Российской Федерации – городе федерального значения Москве и внесении изменений в статьи 6 и 10 Федерального закона "О персональных данных» // СЗ РФ. 2020. N 17. Ст. 2701; Перечень поручений по итогам совещания по вопросам развития технологий в области искусственного интеллекта, утв. Президентом РФ 12.06.2019 N Пр-1030.

[2] Распоряжение Правительства РФ от 19.08.2020 N 2129-р «Об утверждении Концепции развития регулирования отношений в сфере технологий искусственного интеллекта и робототехники до 2024 года» // СЗ РФ. 2020. N 35. Ст. 5593.

[3] Морхат П.М. Правосубъектность искусственного интеллекта в сфере права интеллектуальной собственности: гражданско-правовые проблемы: автореферат дис. … доктор юрид. наук: 12.00.03. М., 2018.

[4] Тьюринг А. М. Вычислительные машины и разум // URL: https://bio.wikireading.ru/6066 (дата обращения: 29.03.2021).

более обширный круг возможных направлений развития технологий. Из его смысла вытекает, что законодатель говорит о «сильном» ИИ, которого по факту не существует. И в названном уже Распоряжении Правительства от 19 августа 2020 № 2129-р есть посыл к созданию норм именно для ИИ с «высокой степенью автономности».

В законодательном определении ИИ определяется как комплекс технологических решений, а он, в свою очередь, представляет собой программы для ЭВМ и базы данных[1].

Таким образом, сегодня говорится о подходах к определению гражданско-правовой ответственности «слабого» ИИ, представляющего собой компьютерную программу и обширный объем данных, по материалам которых программа аккумулирует, сопоставляет и выдает результат. В рамках настоящей статьи будут разобраны существующие научные подходы к вопросу о регламентации ответственности за вред, причиненный ИИ и связанные с этим проблемы.

Так, Е.В. Холодная возлагает юридическую ответственность на производителей за безопасность, этичность и качество. Также, к ответственности могут привлекаться и пользователи технологии. Ею предложено разработать систему страхования рисков, связанных с эксплуатацией ИИ наподобие страхования автомобилей, когда пострадавшие получают компенсацию из страхового фонда для покрытия ущерба[2].

Е.Ю. Цуканова и О.Р. Скопенко сходятся в распространенном мнении, что ответственность должны нести либо компания, где разработана известная технология, либо программист, создатель, пользователь. Мнение обоснованно тем, что ИИ может действовать только так, как в него заложено программой[3].

Е.А. Войниканис, Е.В. Семенова, Г.С. Тюляев на этапе непосредственной эксплуатации предполагают возложение гражданско-правовой ответственности на разработчика программы или производителя товара, работающего на основе систем ИИ. В том числе и в случаях, когда вред был нанесен вне зависимости от вины компании, разработавшей систему.

---

[1] Указ Президента РФ от 10.10.2019 N 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» (вместе с «Национальной стратегией развития искусственного интеллекта на период до 2030 года») // СЗ РФ. 2019. N 41. Ст. 5700.

[2] Холодная Е.В. О перспективных направлениях правового регулирования в сфере технологии искусственного интеллекта // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. 2019. №12 (64).

[3] Цуканова Е.Ю., Скопенко О.Р. Правовые аспекты ответственности за причинение вреда роботом с искусственным интеллектом // Вопросы российского и международного права. 2018. Том 8. № 4А. С. 42-48.

Здесь возникает вопрос о том, не послужит ли объективное вменение толчком к торможению разработок в области ИИ. При этом ставится вопрос о привлечении к ответственности пользователя ИИ или же наоборот, не требуется ли закрепить «иммунитет» для такого лица, чтобы оно не несло ответственности за вред, причиненный в ходе работы с системой[1].

П.М. Морхат для решения вопроса предлагает исходить из концепции электронного лица, т.е. наделения ИИ правосубъектностью и возложения на него ответственности за возможный причиненный вред [2]. Однако такой подход кажется чересчур прогрессивным и не вяжется с нынешними реалиями. Во-первых, потому что дефиниция «правосубъектность» означает правовую возможность субъекта быть участником гражданских правоотношений. Соответственно, предполагается, что такое электронное лицо будет иметь права и нести обязанности, а также получать гипотетическую прибыль от результатов своей деятельности. ИИ является неодушевленным объектом, ему не нужны денежные средства. Однако они нужны компании-разработчику ИИ. Встает вопрос о том, кто будет получать имущественную выгоду или как потенциальное электронное лицо будет нести ответственность, не обладая имуществом или появись у него долги.

Компании-разработчики, в силу статуса субъекта такого ИИ, не будут нести ответственность за вредоносные результаты его деятельности. Отсюда следует злоупотребление правами: ИИ не нужны денежные средства, значит, прибыль от его деятельности будет получаться разработчиками, но в случае нанесения ущерба, такое юридическое лицо будет апеллировать фактом: ИИ – это наделенное правосубъектностью электронное лицо, именно на него должна быть возложена ответственность.

Во-вторых, существует разрозненность в понимании сущности ИИ. Законодательство также не содержит понятий таких дефиниций, как «робот», «умный робот», «робототехника», «киберфизическая система» и т.п., которые употребляются в цивилистической научной литературе, нормативных правовых актах зарубежных стран, международных актах. Мнения, касательно понимания упомянутых терминов, разнятся, их универсального значения нет. Таким образом, есть необходимость выработать точные и четкие законодательные формулировки.

---

[1] Войниканис Е.А., Семенова Е.В., Тюляев Г.С. Искусственный интеллект и право: вызовы и возможности самообучающихся алгоритмов // Гражданское право. Гражданский процесс. 2018. №4.

[2] Морхат П.М. Юнит искусственного интеллекта как электронное лицо // Вестник МГОУ. Серия: Юриспруденция. 2018. №2.

Е.Н. Ирискина и К.О. Беляков предлагают внести в систему деликтных обязательств изменения, включив в нее правила о регулировании вопроса ответственности за вред, причиненный системой ИИ[1]. З.И. Хисамова и И.Р. Бегишев на вопрос о субъекте ответственности за ошибку ИИ отвечают аналогичным образом [2].

В соответствии со ст. 1079 ГК РФ, на субъектах, деятельность которых связана с повышенной опасностью для окружающих, лежит обязанность возместить вред, причиненный источником повышенной опасности, независимо от наличия вины, если не докажут, что такой вред возник в следствие непреодолимой силы. В данной норме перечислены виды деятельности, являющиеся источником повышенной опасности. Этот перечень имеет открытый характер, поэтому представляется, что ИИ должен входить в него. В будущем возможно осуществить изменения названной нормы, внеся поправки о приравнивании систем ИИ к источникам повышенной опасности.

С таким подходом не все согласны[3]. Так, в оппозицию высказанному мнению приводится довод о том, что нормы о возмещении вреда, причиненного источником повышенной опасности, не могут быть применены к ИИ, ведь способность принимать самостоятельные решения коренным образом меняют ситуацию.

Е.Н. Ирискиной и К.О. Беляковым отмечается, что если ИИ действует автономно, то он не может быть отнесен к источникам повышенной опасности, но в то же время и деликтоспособностью ИИ не обладает, соответственно, обязательство из причинения вреда не возникает[4].

Однако, мы уже выяснили, что, являясь программой для ЭВМ и базой данных, ИИ представляет собой объект гражданских прав. Он подконтролен человеку и при должной внимательности и осмотрительности со стороны профессиональных субъектов (разработчиков, программистов, изобретателей и т.п.) уже активно внедряется и используется в повседневной жизни граждан.

Что касается субъектов, занимающихся непосредственным созданием, внедрением и совершенствованием ИИ, то такая категория лиц является, скорее, сотрудниками юридического лица, специализирующегося на

---

[1] Ирискина Е.Н., Беляков К.О. Правовые аспекты гражданско-правовой ответственности за причинение вреда действиями Робота как квазисубъекта гражданско-правовых отношений // Гуманитарная информатика. 2016. №10.

[2] Хисамова З.И, Бегишев И.Р. Правовое регулирование искусственного интеллекта // Baikal Research Journal. 2019. №2.

[3] Мельничук М.А., Ченцова Д.В. Гражданско-правовая ответственность искусственного интеллекта // Закон и право. 2020. №6.

[4] Ирискина Е.Н., Беляков К.О. Правовые аспекты гражданско-правовой ответственности за причинение вреда действиями Робота как квазисубъекта гражданско-правовых отношений // Гуманитарная информатика. 2016. №10.

создании ИИ, и несут ответственность в рамках своих служебных контрактов, должностных обязанностей[1] .

В.А. Лаптев считает, что ответственным должен признаваться «владелец» ИИ в широком смысле этого слова, т.е. лицо, физически обладающее ИИ с возможностью его использования[2] .

Интересным представляется германский опыт внедрения нормативной базы о регулировании беспилотных автомобилей.

Так, немецкое Министерство Транспорта и Инфраструктуры опубликовало отчет комиссии по этике об автоматизированном вождении. В нем беспилотный автомобиль приравнивается к продукции, и соответственно, к нему будут применяться нормы о качестве продукции и санкции за внедрение некачественного товара. В этом же отчете предлагается оснастить каждое устройство «черным ящиком», с помощью которого можно идентифицировать, на ком лежало бремя управления: на водителе или на системе[3].

Таким образом, можно обозначить выявленные научные подходы к регламентации ответственности за вред, причиненный ИИ:

1) возложение гражданско-правовой ответственности на компанию создателя и страхование его рисков;

2) возложение такой ответственности не только на юридические лица, но и непосредственно на лиц, участвовавших в создании, поддержке работы ИИ;

3) ответственность будут нести лица, непосредственно владеющие системой ИИ;

4) внесение изменений в законодательство о деликатных обязательствах и поручение бремени ответственности лицам, непосредственно владеющим таким источником повышенной опасности по аналогии с транспортными средствами;

5) придание системе ИИ статуса «электронного лица», обладающего деликтоспособностью;

6) Ответственность за ИИ прировнять к ответственности за произведенную продукцию.

---

[1] Лаптев В.А. Понятие искусственного интеллекта и юридическая ответственность за его работу // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2019. №2. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-iskusstvennogo-intellekta-i-yuridicheskaya-otvetstvennost-za-ego-rabotu

[2] Лаптев В.А. Понятие искусственного интеллекта и юридическая ответственность за его работу // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2019. №2. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-iskusstvennogo-intellekta-i-yuridicheskaya-otvetstvennost-za-ego-rabotu

[3] Ethics Commission Automated and Connected Driving Appointed by the Federal Minister of Transport and Digital Infrastructure // URL: https://www.bmvi.de/goto?id=354980 (дата обращения: 13.04.2021)

Л.М. Экзекова,
аспирант кафедры гражданского
и корпоративного права СПбГЭУ

ПРИЗНАКИ СТРАХОВОГО ПОЛИСА КАК ДОГОВОРА ПРИСОЕДИНЕНИЯ

В условиях пандемии наблюдается увеличение спроса на оказание услуг страхования, в частности – страхования имущества. Так, по данным Банка России, страхование имущества ЮЛ явилось единственным основным видом страхования, который показал рост[1]. Еще одна интересная статистика была представлена компанией «Ингосстрах», которой было осуществлено страхование более двухсот тысяч жилых загородных домов, шестидесяти пяти тысяч банных строений и шестидесяти тысяч прочих сооружений на участках[2].

Вместе с тем, ЦБ РФ отмечается и увеличение средней стоимости страхового полиса, что побуждает страхователя с большей осторожностью относится как к выбору страховщика, так и к заключению с ним договора страхования.

Страхователь на сегодняшний день остается недостаточно защищенной стороной по договору страхования. Об это свидетельствует как отсутствие норм в гражданском законодательстве, которые детально описывали бы обязанности страховщика и его ответственность за несоблюдение этих обязанностей (момент исполнения договора), так и разность положения страхователя и страховщика при заключении договора страхования (момент заключения договора). Страховой полис не воплощает детальное соглашение между равными и информированными сторонами, однако обладает признаками, присущими договорам присоединения, в соответствие с чем страхователь нуждается в особой защите своих прав, как и слабая сторона по договору присоединения.

Следует отметить, что в данной статье признаки страхового полиса как договора присоединения рассматриваются не для их дальнейшего отождествления, а для проведения аналогии, вследствие чего стало бы наиболее очевидно, что нельзя отрицать положение страхователя как слабой стороны по договору страхования, и это требует отдельного внимания законодателей для введения института его защиты.

Для начала необходимо подчеркнуть, что легального определения слабой стороны по договору нет. Из содержания п. 9 Постановления Пле-

---

[1] Сайт Центрального Банка РФ. URL: https://www.cbr.ru/analytics/insurance/overview_insurers/ (дата обращения: 04.04.2021).

[2] Официальный сайт Ингосстрах. URL: https://www.ingos.ru/company/news/detail/789479/ (дата обращения: 04.04.2021).

нума ВАС РФ №16 «О свободе договора и ее пределах» ясно, что слабой стороной договора является лицо, поставленное в положение, затрудняющее согласование иного содержания отдельных условий договора.

В соответствие со ст. 940 ГК РФ один из вариантов заключения договора страхования – вручение страхового полиса на основании письменного или устного заявления страхователя. В случае вручения страхового полиса страхователь, согласно данной норме, принимает условия страховщика. Совершенно очевидно, что страхователь в силу отсутствия должного уровня знаний и опыта, может не быть достаточно подготовленным для заключения договора на выгодных для него условиях, так как никакой возможности заранее ознакомиться с условиями полиса не предусмотрено. Более того, полис может лишь довольно размыто описывать обязательства страховщика, и страхователь просто не будет способен обезопасить себя от неблагоприятных последствий в момент предъявления требования о выплате страхового возмещения.

Что касается договора присоединения, данный институт регламентируется ст. 428 ГК РФ, в соответствии с которой договором присоединения признается договор, условия которого определены одной из сторон в формулярах или иных стандартных формах, и могли быть приняты другой стороной не иначе, как путем присоединения к предложенному договору в целом.

Разумеется, гражданское законодательство не содержит норм, которые бы отождествляли страхователя со слабой стороной по договору страхования. Можно выделить следующие признаки страхового полиса, характерные для договора присоединения: 1) воплощение в письменных документах; 2) составление полиса страховщиком; 3) заключение страховщиком неопределенного множества таких полисов; 4) заключение страховщиком множества таких сделок в целом; 5) небольшая вероятность возможности страхователю разобраться в условиях полиса; 6) отсутствие влияния страхователя на важные условия полиса, как, например, момент или период выплаты страхового возмещения страховщиком.

Следует отметить п. 3 ст. 428 ГК РФ, который регламентирует право стороны требовать расторжения или изменения отдельных условий договора, даже если договор не является договором присоединения, однако при его заключении:

1) условия определялись ее контрагентом;

2) сторона в силу явного неравенства переговорных возможностей поставлена в положение, существенно затрудняющее согласование иного содержания отдельных условий договора.

Пункт 15 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27.06.2013 №20 "О применении судами законодательства о добровольном страховании имущества граждан" регламентирует, что при разрешении

споров, вытекающих из договоров добровольного страхования имущества граждан, необходимо учитывать, что к договору страхования в той его части, в которой он заключен на условиях стандартных правил страхования, разработанных страховщиком или объединением страховщиков, подлежат применению правила статьи 428 ГК РФ о договоре присоединения.

Применяется данный пункт судами довольно предсказуемо: если страхователь подписал договор, значит был ознакомлен с условиями, а следовательно требовать их изменения не имеет права (Определение Ленинградского областного суда от 25.12.2014 №33-5895/2014 по делу №2-2743/2014; Постановление Восьмого арбитражного апелляционного суда от 28.03.2016 №08АП-1750/2016 по делу №А70-12200/2015; Постановление Пятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 23.05.2016 №15АП-6238/2016 по делу №А53-30338/2015). То есть никакой отсылки к п. 3 указанной статьи судами не производится, обстоятельства невозможности потенциального страхователя заранее ознакомиться с Правилами страхования, кроме как в момент заключения договора, отсутствие у него профессионализма и необходимых знаний в области страхования не рассматриваются.

Разумеется, в отличие от договора присоединения, страхователь заключает соглашение на индивидуальных условиях, таких как страховые суммы, страховые премии[1]. Также стоит отметить, что отдельные виды страхования (например, страхование грузов) предусматривают договор, условия которого тщательно составляются и изучаются сторонами, и только после этого происходит заключение. Однако это не отменят факта явного неравенства переговорных возможностей при заключении договоров иных видов страхования. Впрочем, законодатель даже не установил, что следует понимать под неравенством переговорных возможностей, хотя наличие какого-либо перечня признаков такого положения однозначно дало бы судам соответствующий ориентир.

Обращаясь к способам защиты слабой стороны по договору присоединения, помимо возможности расторгнуть договор или изменить его условия, отметим также определенную п. 11 ранее указанного Постановления Пленума ВАС РФ №16 обязанность толкования судом условий договора в пользу контрагента стороны, подготовившей проект договора, условия либо условие которого является недостаточно ясным. Предполагается, что такой стороной было лицо, являющееся профессионалом в соответствующей сфере, требующей специальных познаний, а в пример приводится страховщик по договору страхования.

Данный принцип был сформирован еще в римском праве как contrastipulatoren и звучал следующим образом: «Cum quaeritur in

---

[1] Холодок П.В. Договор страхования как договор присоединения в российском гражданском праве // Гуманитарный научный вестник. 2017. № 2. С. 12.

stipulatione, quid acti sit, ambiguitas contra stipulatorem est», то есть в случае неясности условия стипуляции толкуются против стипулятора – кредитора[1]. В средние века юристы сформировали к разного типа договорам похожий принцип – contra proferentem, то есть толкование против предложившего. С того времени данный принцип развился в европейском, английском и американском праве, закрепился в актах международной унификации договорного права и постепенно превратился в некую истину для любого юриста.

Таким образом, можно сделать вывод, что несмотря на выявленные у договора страхования признаки договора присоединения и на имеющиеся в законодательстве способы защиты слабой стороны по договору присоединения, которые должны применяться по аналогии и к страхователям по договору страхования, на сегодняшний день это слабо реализуется. Глава 48 ГК РФ должна прежде всего включать в себя регламентированные обязанности страховщика в момент предъявления страхователем требования о выплате страхового возмещения, сроки исполнения этих обязательств и такие способы защиты страхователя при их неисполнении или ненадлежащем исполнении, как, например, расторжение или изменений условий договора и толкование условий договора в пользу страхователя.

Е.А. Исаченко,
адъюнкт Дальневосточного юридического института МВД России

ПРЕСТУПЛЕНИЯ, ПОСЯГАЮЩИЕ НА ЖИЗНЬ И ЗДОРОВЬЕ ПОТРЕБИТЕЛЕЙ, В ПЕРИОД ПАНДЕМИИ

Одним из стратегических национальных приоритетов Стратегия национальной безопасности РФ[2] устанавливает здравоохранение. Здоровье населения в целом и каждого человека отдельно имеют первостепенное значение для государства вне зависимости от времени и социально-экономической обстановки в стране. От состояния здоровья населения зависит экономическое и политические состояние государства.

В научной литературе при перечислении глобальных опасностей и факторов риска, угрожающих человеческой жизни и здоровью, называют современный способ промышленного производства, разрушающий биосферу, стихийные бедствия, технические катастрофы; ухудшение экологической

---

[1] Карапетов А.Г. Contra proferentem как метод толкования договора // Вестник ВАС РФ. 2013. № 7. С. 7.

[2] О стратегии национальной безопасности Российской Федерации: указ Президента РФ от 31 декабря 2015 г. № 683 // Собрание законодательства РФ. 2016. № 1. Ч. II. Ст. 212.

обстановки, загрязнение пищи, воды, воздуха; необеспечение продовольствием и питьевой водой достаточного качества и в достаточном количестве; необеспечение квалифицированной и доступной медицинской помощи; отрицательное влияние урбанизации и ряд других факторов[1].

Вирусное заболевание, разразившиеся в мире в 2020 году, стало воплощением угрозы национальной безопасности России и повлияло не только на жизнь и здоровье человека, но и на целые сфере общественной жизни. Воздействие выразилось не только в стремительном распространении самого вируса, но и в мерах, которые принимали или должны были принять государства для ограничения и недопущения его распространения, поддержания общественного порядка и общественной безопасности в новых условиях, защиты экономики, а также для поддержания нормального функционирования системы здравоохранения.

Основной задачей фармацевтического рынка является «обеспечение конечного потребителя качественными и доступными по цене лекарственными средствами»[2].

По данным российских источников в период пандемии фармацевтический рынок столкнулся со следующими проблемами: сбои в цепочках поставок сырья и субстанций из Китая; сбои в цепочках закупок оборудования; непредсказуемые скачки спроса на лекарственные средства; рост запросов готовой продукции и задержки в ее реализации, а также неопределенность относительно будущей политики государства[3].

Помимо проблем некриминального характера, возникшим из-за появления коронавирусной инфекции, сектор здравоохранения оказался подвержен преступным посягательствам.

Ключевой областью преступной деятельности в период пандемии стало распределение контрафактных и нестандартных товаров. По данным Европейского полицейского агентства, контрафактным товаром в этот период стала медицинская и санитарно-гигиеническая продукция, а именно: маски, перчатки, чистящие средства, фармацевтические продукты, халаты, диагностические наборы. Специалисты предполагают, что предложение контрафактных и некачественных товаров как в сети Интернет, так и на обычном рынке будет продолжать расти[4].

---

[1] Шеленова Е.В. Конституционное право на охрану здоровья в Российской Федерации: автореф. дис. … канд. юрид. наук: 12.00.02. М., 2004. С. 4.

[2] Воронцова Н.А. Сущность и специфические особенности фармацевтического рынка // Baikal Research Journal. 2016. Т. 7. №3. DOI: 10.17150/2411-6262.2016.7(3).16.

[3] Представители фармкомпаний оценили действия властей в период пандемии // РБК: ежедневная интернет газета. 2021. 04 мар. URL: https://www.rbc.ru/society/04/03/2021/603f42bc9a7947a0203d1961 (дата обращения: 25.03.2021).

[4] Спекуляция пандемией, как преступники используют кризис COVID-19 // Отчет Европейского полицейского агентства. Март. 2020. URL: https://мвд.рф/upload/site1/ folder_page/019/882/802/Evropol_Spekulyatsiya_pandemiey1.pdf (дата обращения: 24.03.2021).

В ходе одной из проверок, проводимой Федеральной антимонопольной службой (далее – ФАС), было установлено, что изделия, реализуемые под видом индивидуальных защитных масок, таковыми не являлись, а лишь по внешнему виду были схожи со средствами индивидуальной защиты[1].

Еще одной серьёзной проблемой стала деятельность организованных преступных групп, направленная на извлечение незаконных доходов от реализации лекарственных средств и средств индивидуальной защиты, совершенной в нарушение антимонопольного законодательства. ФАС были выявлены случаи завышения розничной цены хлоргексидина в 10 раз; навязывание потребителям приобретения антибактериального спрея при покупке медицинской маски, без которого продавцы не допускали продажу масок[2].

После объявления Всемирной организации здравоохранения (далее – ВОЗ) о пандемии коронавируса, Интерпол в ходе выполнения «Пангея» арестовал 121 человека в 90 странах. По результатам операции правоохранительные органы конфисковали опасную для жизни и здоровья человека фармацевтическую продукцию на сумму 14 млн. долларов. Специалисты ВОЗ отмечают, что такая продукция в лучшем случае может не помочь от заболевания, для которого она предназначена, а в худшем – причинить смерть или вред здоровью[3].

Следует принять во внимание то, что поводом к производству поддельных лекарств может послужить стремление потребителей приобрести необходимые лекарства про запас. В связи с тем, что предложение лекарственных средств, соответствующее требованиям законодательства, не может удовлетворить формирующиеся объемы спроса, производители прибегают к реализации некачественной или поддельной продукции.

Согласимся с выводом генерального секретаря Интерпола Юргена Штока: «Незаконная торговля подобными контрафактными товарами медицинского назначения в период кризиса системы общественного здравоохранения указывает на полное пренебрежение к жизни людей»[4].

Как известно основными производителями, поставщиками продавцами лекарственных средств являются корпоративные (коллективные образования) – юридические лица. При этом по российскому законодательству корпоративные субъекты, нарушившие правила производства, поставки и реализации данных предметов, в том числе в период пандемии могут быть подвергнуты лишь административной ответственности.

---

[1] Картельное осложнение // Российская газета. 2020. 11 октября. № 229 (8283).

[2] Там же.

[3] Давыдов В.О. Спекуляция пандемией: как преступники используют кризис covid-19 (по материалам доклада исполнительного директора Европол К. Де боль «Pandemic profiteering: how criminals exploit the covid-19 crisis») // Известия ТулГУ. Экономические и юридические науки. 2020. №2. С. 19-25.

[4] Коронавирус: рынок лекарств наводнили подделки // МИР. 2020. 14 апр. URL: https://iamir.info/ru/news/koronavyrus-rinok-lekarstv-navodnyly-poddelkamy

В доктрине уголовного права уже давно поднимается вопрос о необходимости установления уголовной ответственности юридических лиц[1], но российский законодатель (в отличие от многих зарубежных стран[2]) пока не решается на данный шаг. Вместе с тем, общественная опасность деяний, повлекших за собой смерть или вред здоровью, а равно создавшие угрозу причинения такого вреда, должны влечь за собой именно меры уголовно-правового воздействия. На наш взгляд, оборот контрафактных, фальсифицированных, недоброкачественных лекарственных препаратов относится именно к таким деяниям.

Противоправные деяния от имени и (или) в интересах юридических лиц, в том числе в рассматриваемой сфере напрямую связаны с деятельностью организованных преступных групп. Такая деятельность направленна на извлечение незаконного дохода от производства и продажи фальсифицированных лекарственных средств и фармацевтической продукции, удачным поводом для которой явился страх населения и повышенный спрос на жизненно необходимые товары, является еще одной угрозой как сфере здравоохранения, так и сфере экономики. Управление ООН по наркотикам и преступности обращает внимание на необходимость сотрудничества и наращивание усилий в области криминализации изготовления и оборота фальсифицированных медицинских изделий, чтобы эффективно бороться с преступлениями в области здравоохранения[3].

Представляется, что установление уголовной ответственности юридических лиц будет только способствовать снижению уровня организованной преступности в рассматриваемой сфере.

Пандемия, вызванная вирусом COVID-19, представляет собой угрозу здоровью людей, а также угрозу нормальному функционированию общественных отношений, мировому и региональному экономическим рынкам.

Пандемия только обострила проблему, связанную с преступлениями, совершаемыми в сфере здравоохранения и экономики. Как отмечается в научной литературе, государства вынуждены реагировать на эти угрозы с целью сдерживания и устранения возможных негативных последствий, в том числе путем разработки новых и совершенствования уже существующих мер правового, в том числе уголовно-правового реагирования[4].

Это обусловлено, в том числе тем, что совершение преступлений в одной из рассматриваемых сфер воздействует на нормальное функциони-

---

[1] Антонова Е.Ю. Теоретическая модель корпоративной (коллективной) уголовной ответственности // Lex russica (Русский закон). 2013. Т. 95. № 8. С. 884-897.

[2] Антонова Е.Ю. Современные концепции корпоративной (коллективной) уголовной ответственности // Современное право. 2011. № 6. С. 135-140.

[3] ООН предупреждает о росте оборота поддельных медицинских изделий из-за пандемии // ТАСС. 2020. 08 июл. URL: https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/8910389

[4] Антонова Е.Ю. Коронавирус и меры уголовно-правового реагирования // Вестник Дальневосточного юридического института МВД России. 2020. № 3(52). С. 35-41.

рование другой, поскольку экономические отношения, возникающие между их участниками по поводу купли-продажи и назначения-потребления лекарственных средств, представляют собой фармацевтический рынок. Но, важно понимать, что негативные последствия от преступлений в фармацевтической отрасли представляют собой не абстрактные и неосязаемые явления, а причинение смерти или вреда здоровью потребителя. Распространение некачественных и фальсифицированных лекарственных средств помимо неправильного лечения или причинения вреда здоровью в результате такого лечения может способствовать развитию устойчивости вируса к лекарствам.

В докладе сто двадцать четвертой сессии ВОЗ отмечается высокая опасность оборота некачественных или поддельных продуктов фармацевтического рынка: «Контрафактные медицинские изделия являются серьезной проблемой общественного здравоохранения, подвергают риску жизни людей и подрывают авторитет систем здравоохранения. Они создают также угрозу прогрессу, достигнутому в области общественного здравоохранения и, помимо прямого вреда, наносимого больным, и неудачного лечения, подрывают доверие ко всей системе здравоохранения»[1].

Таким образом, общественные отношения на фармацевтическом рынке, который является частью потребительского рынка, подлежат дальнейшему изучению в целях выявления криминообразующих признаков общественно опасных деяний, посягающих на жизнь и здоровье потребителей. В этой связи представляется верным замечание Т.П. Деревянской о том, что непонимание экономических закономерностей, влияющих на обращение лекарственных средств, а также несовершенство правовой базы, регулирующей отношения в данной области, препятствует выработке эффективной стратегии борьбы с незаконным обращением лекарственных средств и медицинских изделий[2].

Восстановление нормального существования невозможно без оперативного законотворческого вмешательства в разработку и реализацию противоэпидемических мер, принанимаемых государством. Предупреждение преступности, посягающей на жизнь и здоровье потребителей в сфере фармацевтического рынка, невозможно без глубокого и всестороннего анализа изменений, произошедших в рассматриваемой сфере в связи с пандемией коронавируса.

Государству, в свою очередь, следует учесть опыт экстренной переориентации всей системы управления и обеспечения безопасности при

---

[1] Контрафактные изделия медицинского назначения // Доклад Секретариата Всемирной организации здравоохранения. 2008,. 18 декабря. С. 1.

[2] Деревянская Т.П. Уголовная ответственность за незаконное обращение лекарственных средств и медицинских изделий: дис. … канд. юрид. наук: 12.00.08. Омск, 2015. С. 17.

противодействии распространению эпидемии, как серьезной угрозе национальной безопасности. Как верно отмечают ученые, пандемия стала катализатором криминальных и некриминальных процессов общественной жизни, тем самым определив ориентиры дальнейшего развития и совершенствования деятельности государства. Особая роль в таком развитии, несомненно, отводится наукам криминального цикла и деятельности правоохранительных органов.

Е.С. Миронова *студентка института магистратуры Магистерская программа Экономическое право СПбГЭУ*

ЭМБРИОН ЧЕЛОВЕКА КАК ОБЪЕКТ ГРАЖДАНСКИХ ПРАВ

Эмбрион – это ранний этап развития человека до восьми недель. Далее это уже не эмбрион, а плод. Существуют два вида эмбрионов: in vivo и in vitro. Первый вид характерен тем, что развитие эмбрионов проходит внутри тела матери. В отличии от этого вида эмбрионов, эмбрионы типа in vitro возникают в процессе оплодотворения при помощи ВРТ.

В научной среде существует несколько подходов к определению правовой природы эмбриона in vitro. Существует три позиции:

1) эмбрион in vitro – субъект права;

2) эмбрион in vitro – объект права;

3) эмбрион in vitro – особое правовое явление, sui generis.

Эмбрион in vitro как субъект права. Суть данного подхода заключается в том, что эмбрион с момента зачатия принято Эмбрион как полноценный человек имеет признаки идентичности, такие же права и обязанности, которые регулируются законом. В Италии правовая система считает эмбрион субъетом права и трубет такокого же отношения как и к человеку.

Но такое отношение к эмбриону нельзя принять за правило. Ст. 17 ГК РФ указывает, что правоспособность наступает с момента рождения, а не с момента зачатия. Момент рождения это отделение плода от организма матери через роды. Необходимо учитывать, что, если ребенок родится мертвым, момент зачатия не будет иметь правового значения.

Эмбрион in vitro как объект права. Изучая труды Джон Локка мы находим, что каждый человек имеет право собственности на свою личность. Есть и другие работы ученых, где они определяют эмбрион как объект права, и принадлежит тем кто предоставил для его создания свои гаметы.

Изучая специальную литературу, обращаешь внимание, что ученые придают большое значение вопросу о правовом статусе эмбриона и плода

с точки зрения права на жизнь (допустимость абортов, уничтожения эмбрионов, зачатых in vitro) и морально- этических аспектов (проведение исследований на эмбрионах)[1].

Часть ученых считает, что эмбриону следует отнести к движимой, индивидуально-определенной, неделимой и потребляемой вещи, эмбрион, по сути, является спецификацией, которая создана из материала заказчика, у которого впоследствии возникает право общей совместной собственности[2].

Эмбрион имеет внутренние признаки гражданских прав, так как эмбрион индивидуализирован (отделен и обособлен от организма матери), полезен (создается в том случае, если самостоятельно люди не могут зачать ребенка). Касаемо внешних признаков, то эмбрион лишь частично урегулирован правом (правовые нормы касаемо правового статуса эмбриона содержатся в Семейном кодексе РФ, а именно в статье 52 и в ст. 55 «Об основах охраны и здоровья граждан в Российской Федерации», Приказом Минздрава России № 107н).

Существующие на сегодняшний день положения законодательства, регулирующие правовой режим вещных прав не могут в полной мере быть применимы к эмбриону. Также не может быть отнесена к данным правоотношениям и совместная собственность, так как у эмбриона нет стоимостного эквивалента, как у любой вещи, его невозможно поделить, продать по частям, заявлять на него права. Поэтому ст. 253 ГК РФ не может быть применена к эмбриону как к имущетву, которое находится в совместной собственнсти. Если эмбрион in vitro считать вещью, то им можно распоряжатьс с помощью закляченных договоров купли-продажи, дарения, мены.

Эмбрион нельзя признать вещью или лицом, это уникальная категория, следовательно и относится надо соответственно из-за его потенциала к человеческой жизни. К эмбриону следует относится с уважением как к потенциальной личности.

Нельзя заключить никакие сделки, предметом которых мог бы быть эмбрион, а потому возможно более точным определением было бы отнесение эмбриона как sui generis.

Верным представляется подход объяснения правовой природы эмбриона как особого правового явления (sui generis). Сущность особого режима эмбриона лежит в основополагающих принципах. Наиболее важный

---

[1] Федосеева Н.Н., Фролова Е.А. (2008). Проблема определения правового статуса эмбрионов в международном и российском праве // Медицинское право. – 2008. – № 1. – С. 8-14.

[2] Дружинина Ю.Ф. Правовой режим эмбриона in vitro/ Журнал российского права. – 2017. – № 12. – С.135.

принцип это человеческая жизнь на любом этапе ее развития. Ученые всего мира уже много лет изучают зарождение жизни. В юриспуденции устанавливают момент наделения человека правоспособностью опираясь на результаты исследования.

Проводя исследования, предполагают что эмбрион можно показать, как особое правовое явление (sui generis), дав ему определение его места в системе правоотношения. Так же предполагается представить его как самостоятельный объект гражданских прав, создав особый правовой режим, сущность этого режима находится в принципах сохранения и уважения жизни на любом этапе ее развития. Если воспринимать эмбрион как биологический материал, который имеет признаки биологического материала, а именно:

1. Эмбрион имеет природное происхождение, отличное от других биологических материалов. Его создание происходит путем слияния ядер мужских и женских половых клеток.
2. Эмбрион обладает исключительностью и неповторимостью, вбирая в себя от родителей, он становится индивидуальным.
3. Эмбрион является нематериальной ценностью, которая заключается в том, что эмбрион потенциально будущий субъект гражданских прав.
4. Эмбрион находится вне организма женщины, обособлен, содержит в себе генетическую информацию.

Если в отношении беременной женщины совершается преступное деяние, в УК РФ это расценивается как отягощающие обстоятельство и приводит к повышенной ответственности преступника, так как объектом преступления является не только жизнь и здоровье женщины, но и жизнь и здоровье ее неродившегося ребенка[1].

Романовский Г. Б. утверждает, что право быть признанным субъектом права возникает лишь с момента рождения. Закон не может признать эмбрион человека правоспособным, и придать ему статус субъекта права. Российский законодатель должен учитывать интересы неродившихся детей, но признать их правоспособность он не может[2]. Следует охранять эмбрион как зарождение человеческой жизни, но если признать эмбрион субъектом права, то возникнут серьезные правовые последствия.

Все это указывает на то, что эмбрион является объектом гражданских прав, а именно биологическим материалом, поскольку в отличии от

---

[1] Минаева М.М. Уголовно-правовая охрана жизни ребенка до и после рождения по законодательству России: автореф. дисс. канд. юрид. наук. – М., 2012. – 27 с.

[2] Романовский, Г. Б. Анонимность доноров половых клеток и современное семейное право / Г. Б. Романовский. – Текст: непосредственный // Семейное и жилищное право. – 2010. – № 5. – С. 3–8

вещей, происходит от человека, а также обладает нематериальной ценностью.

При этом имеет две особенности:

первая – создание не путем отчуждения от тела человека, а путем слияния женских и мужских половых клеток,

вторая – является будущим субъектом гражданским прав, это имеет юридическое значение с того момента, когда эмбрион имплантирован в организм женщины.

СОДЕРЖАНИЕ

ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ

Вильфрид Бергман Приветственное слово 3

Аверченко Н.Н., Хорин И.С. Роботы: на пути от правообъектности к правосубъектности 4

Белов С.А. Чем право может помочь экономике в новой пост-ковидной реальности? 6

Ермоленко А.С. Конституционные права: Covid, новая реальность 10

Олейник Д. Предварительная праовая защита прав граждан в административном судопроизводстве по законодательству ФРГ 14

Андреас Штайнингер «Пандемия как ускоритель новых технологий? Юридические науки, юридические консультации и искусственный интелект» 20

Eduardo Garcia Финтех: тренды в современной экономике 21

Antinucci Mario Право и экономика в контексте новой чрезвычайной ситуации пандемии: приоритетная роль международного научного сотрудничества для стратегической многосторонности 24

Габриелла Марчеля Паспорта вакцинации в ЕС 25

СТАТЬИ УЧАСТНИКОВ СЕКЦИИ «ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА»

Отв. – зав.кафедрой теории и истории государсвта и права СПбГЭУ, д-р юрид. наук, профессор ***Г.Г. Бернацкий***

Бернацкий Г.Г. Конкрентность и абстрактность права 29

Кремлёва О.К., Боряев С.А. К вопросу о квалификации отношений, возникающих при приобритении крупных пакетов акций 32

Кремлёыв О.К., Калашникова Ю.А. Изменения законодательства в сфере государственных закупок как ответная мера на пандеми коронавируса 37

КремлёывО.К., Шиляев А.В. Правовое регулирование регистрации прав на недвижимое имущетсов в силу закона: проблемы и перспективы 43

Гавриш А.А. О праве помилования главы государства в 21 веке 49

Потёмкина Е.В. Советский правовой опыт борьбы с эпидемическими заболеваниями в 1920-е гг. 58

СТАТЬИ УЧАСТНИКОВ СЕКЦИИ «ФИНАНСОВОЕ ПРАВО»

Отв. – и.о. зав.кафедрой финансового права, д-р юрид. наук, доцент ***Е.А. Андреева***

Аверьянова О.В. Правовой нигилизм в налоговых правоотношениях 64

Андреева Е.М. «Короновирусные» поправки в Бюджетный кодекс Российской Федерации в части грантов и субсидий 69

Белоусова В.Р. Проблематика процедуры медиации с участием налогового органа..... 73

Бочарова Н.Н. Место и роль налога на профессиональный доход в национальной системе налогообложения Российской Федерации..... 77

Бочкарева Е.А. Финансовый контроль в условиях пандемии 84

Бутаева Е.М. Реализация национального проекта «Здравоохранение»: финансово-правовой аспект 89

Васильева Е.Г. Цифровой рубль: дематериализация в финансовом праве 97

Гафарова Г.Р. К вопросу о государственном регулировании цен в период пандемии 100

Долматова Н.Г. Финансово-правовое обеспечение бюджетной безопасности в условиях пандемии..... 104

Запольский С.В. Соотношение частного и публичного в предоставлении и исполнении научных грантов в рамках гранта РФФИ № 18-29-15035 сравнительно-правовое исследование механизма назначения, выдачи и использования грантов в целях финансирования научно-исследовательских, опытно-конструкторских и технологических работ..... 107

Иванюженко А.Б. Регуляция изменений в пенсионном законодательстве РФ в условиях эмоционально-неустойчивого общества: от «года Чемпионата мира по футболу-2018» – к «году ковидофобии-2020» 109

Кауров В.Г. Трудовые отношения в условиях пандемии..... 117

Колесников Ю.А. Цифровизация финансового рынка: тенденции и особенности правового регулирования (о влиянии цифровизации на основные институты налогового права) 122

Левитанус Б.А. Обязательное и добровольное экологическое страхование 125

Литвинова Ю.М. Экспериментаьные правовын режимы в сфере цифровых инноваий: к вопросу о новеллах финтех-законодательства 130

Пастушенко Е.Н., Земцова Л.Н., Мацюпа К.В. Тенденции развития полномочий Центрального Банка Российской Федерации как субъекта финансового права в условияъ цифровой экономики 134

Сморчкова Л.Н. Финансирование научныхработ посредством назначения и выдачи научных грантов как средство интенсификации национльной экономики 137

Шаров О.В. Дублирующий механизм увеличения вознаграждения арбитражного управляющего в деле о банкротстве проблема управляющего как особой формы предпринимательской деятельности 143

Швецова И.В. Эффективное управление государственными финансами как гарант финансовой стабильности и национальной безопасности Российской Федерации 147

СТАТЬИ УЧАСТНИКОВ СЕКЦИИ «УГОЛОВНОЕ ПРАВО И УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС»

Отв. – и.о. зав.кафедрой уголовного права и уголовного процесса, д-р юрид. наук, доцент ***А.Г. Хлебушкин***

Антонова Е.Ю. Отдельные криминологические показатели преступлений в период распространения Covid-19 151

Афонченко Т.П. Меры уголовно-правового воздействия в национальном законодательстве республики Беларусь 155

Журавков И.А. Криминалистическое значение содействия подозреваемого, обвиняемого расследованию преступлений 159

Закомолдин Р.В., Дуюнов В.К. Экономическая безопасность как элемент национальной безопасности и объект уголовно правовой охраны 163

Ионашку В.В., Фрунзэ А.С. Причины насильственной преступности в сельской местности 171

Клименко А.К. Регламентация ответственности за хищения в цифровой среде безналичных и электронных денежных средств по УК РФ 178

Крайнова Н.А. Реформирование уголовно-исполнительной системы РФ сквозь призму ресоциализации осужденных 185

Мартынова О.А. Сравнительный анализ понятия доказательств в уголовном процессе Российской Федерации и ФРГ 190

Мельник А.О. Экономика и преступность в условиях пандемии 194

Петров В.В. Некоторые вопросы участия понятых в уголовном судопроизводстве 198

Радошнова Н.В. Практическое применение меры революционной социальной защиты (административного расстрела) на примере дела «адмирала Щастного» 201

Самарин В.И. Принцип ne bis in idem в рамках национального института оказания международной правовой помощи по уголовным делам 206

Семенова В.В., Янковая Э.В. Использование современных информационно-телекоммуникационных сетей при совершении преступлений 212

Федотова А.В. Особая жестокость как квалифицирующий признак умышленного причинения вреда здоровью..... 215

Хлебушкин А.Г. Некоторые вопросы криминализации экстремизма..... 218

Чабукиани О.А. Проблемы использования результатов оперативно-розыскной деятельности в процессе доказывания по уголовным делам о мошенничестве..... 223

Чакиев М.А. Инвалиды как латентные жертвы преступлений 228

Рагулин А.В. Актуальные проблемы регламентации адвокатской деятельности в области защиты прав детей в Российской Федерации 232

СТАТЬИ УЧАСТНИКОВ СЕКЦИИ «ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ И ЭНЕРГЕТИЧЕСКОЕ ПРАВО»

Отв. – и.о. зав.кафедрой предпринимательского и энергетического права, к-т юрид. наук ***Е.Н. Абрамова***

Брикса К.О. Проблемные вопросы уступки требований из предпринимательских договоров..... 235

Карелина С.А. Мораторий на банкротство: проблемы правового регулирования..... 238

Козлова Е.Б. Влияние пандемии на макросреду предпринимательства в России 244

Корнилова Н.В. Осуществление преимущественного права покупки доли в праве общей долевой собственности..... 248

Родина Н.В. Субординация требований компенсационного финансирования в период пандемии..... 252

Рубцова Н.В. О некоторых тенденциях правового регулирования предпринимательской деятельности в условиях распространения коронавирусной инфекции 256

Старикова Е.В. Искусственный интеллект: правовые и этические аспекты ... 260

Тюнин В.И., Троянов Я.О. Некоторые вопросы применения статьи 11 ФЗ «О защите конкуренции»..... 269

Федоров А.С. Возникновение договорных обязательств на розничных рынках электрической энергии путем обмана электронными документами.... 274

Фролов И.В. Пандемия и построение релевантныхправовых моделей несостоятельности должников в условиях экстраординарных ситуаций чрезвычайного характера..... 280

Цветкова Ю.С. Особенности правового регулирования страхования полярного туризма 283

СТАТЬИ УЧАСТНИКОВ СЕКЦИИ «КОНСТИТУЦИОННОЕ И АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО»

Отв. – зав.кафедрой конституционного и административного права, д-р юрид. наук, доцент ***А.Б. Новиков***

Боброва О.Г. Особенности правового регулирования обеспечения безопасности государственных границ в условиях пандемии 287

Дзьоник В.Р. К вопросу о миграционной политике России и Германии..... 293

Дмитриев В.К. Некторые конституционно-правовые атрибуты правового государства в Европе и Соединенных Штатах Америки: доктрина и практика реализации 297

Конев С.И. Ограничительные режимы, направленные на обеспечение санитарно-эпидесиологического благополучия граждан на примере законодательства Москвы и Санкт-Петербурга..... 302

Маркова А.В. Влияние пандемии на правовой и экономический аспект международного энергетического сотрудничества 306

Назаров А.П. Реформа контрольно-надзорной деятельности в Российской Федерации (правовые идеи проекта «регуляторной гильотины») 310

Новиков А.Б., Рагозина Н.А. Конституционно-правовые основы оздоровления нации: аспекты медицины, физической культуры и спорта 314

Коломейцева Т.А., Свистунова Л.Ю. Трансформация законодательства госудрств-участников СНГ о социально-экономическом развитии в российское правовое поле 318

Фортушнова А.С. «Дипфейк» как угроза государственности: административно-правовые средства защиты и необходимость международного сотрудничества 323

СТАТЬИ УЧАСТНИКОВ СЕКЦИИ «МОЛОДЫЕ УЧЕНЫЕ»

Отв. – и.о. зав.кафедрой предпринимательского и энергетического права, к-т юрид. наук ***Е.Н. Абрамова***

Аксенов Н.В. Проблема установления очередности удовлетворения требований кредиторов при оплате расходов на юридические услуги в деле о несостоятельности (банкротстве)..... 330

Андрианов В.М. Формы соотношения интересов в праве 334

Ашихмина У.С. Авторские и смежные права в период пандемии 338

Голованова О.Ю. Правовые средства защиты прав (законных интересов) участников закупочной деятельности: понятие и классификация 343

Ковалева А.А. Пандемия как глобальный вызов для малого и среднего бизнеса 350

Лабабуева О.С. Центральный Банк Российской Федерации как субъект гражданского права 353

Митр М.В. Проблемы правового регулирования предпринимательства в условиях цифровизации 359

Носова Н.А. Защита гражданских прав векселедержателя при дефекте векселя 366

Павлова Д.А. Сравнительно-правовой анализ цифровых финансовых активов и утилитарных цифровых прав 371

Ривкинд А.Е. Правовое обеспечение развития нефтегазового комплекса 374

Рудой А.А. Тарифное регулирование и свобода экономической деятельности 382

Селиванова Е.М. Сравнительно-правовой анализ регулирования банкротного законодательства в период пандемии коронавируса 389

Сластенина А.А. Осуществление правового регулировани исключительных прав на произведения науки, литературы и искусства в сети интернет на примере стран Европейского Союза, Соединенных Штатов Америки и Российской Федерации 396

Шереметьева М.А. Проблемы регламентации ответственности за вред, причиненный системой искусственного интелекта 401

Экзекова Л.М. Признаки страховаого полиса как договора приосединения 407

Исаченко Е.А. Преступления, посягающие на жизнь и здоровье потребителей, в период пандемии 410

Миронова Е.С. Эмбрион человека как объект гражданских прав 415

Научное издание

**ПРАВО И СОВРЕМЕННАЯ ЭКОНОМИКА:
НОВЫЕ ВЫЗОВЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ**

Сборник материалов
IV Международной научно-практической
конференции юридического факультета СПбГЭУ

Санкт-Петербург

8 апреля 2021 года

*Под научной редакцией кандидата юридических наук,
доцента Н.А. Крайновой*

Подписано в печать 21.10.2021. Формат 60×84 1/16.
Усл. печ. л. 24,75. Тираж 500 экз. Заказ 432.

Издательство СПбГЭУ. 191023, Санкт-Петербург,
наб. канала Грибоедова, д. 30-32, лит. А.

Отпечатано на полиграфической базе СПбГЭУ